Opp. 666 d (1

2474 н/70

К

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

К. А. НЕВОЛИНА.

КРАСНОЯРСКАЯ
КРАЕВАЯ
БИБЛИОТЕКА
№



К. Неволинъ

№ 6582.
Красноярская краевая библиотека
№ 33209.
34
Н-40

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

К. А. НЕВОЛИНА.

А пеп

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ЭНЦИКЛОПЕДІЯ ЗАКОНОВѢДѢНІЯ.

ВВЕДЕНІЕ ВЪ ЭНЦИКЛОПЕДІЮ ЗАКОНОВѢДѢНІЯ, ОБЩАЯ ЧАСТЬ ЕЯ И ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1857.

Фg/72/745

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатанiи было представлено въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 4 мая 1857 года.

Цензоръ *В. Бекетовъ.*

Bayerische
Staatsbibliothek
München

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Издавая Полное Собраніе сочиненій покойнаго Профессора К. А. Неволина, считаю умѣстнымъ представить здѣсь и исторію этихъ сочиненій, т. е. сказать нѣсколько словъ о жизни ихъ автора [1].

Жизнь Неволина началась въ отдаленномъ уголкѣ Россіи. Онъ родился въ 1806 г. въ г. Орловѣ, Вятской губерніи. Его отецъ былъ священникъ, а потому и первоначальное воспитаніе Константина Алексѣевича было ввѣрено духовнымъ учителямъ. По окончаніи курса въ Вятской Семинаріи, онъ былъ переведенъ въ Московскую Духовную Академію. При переходѣ въ Академію, Неволинъ, сколько можно судить по запискамъ, составленнымъ имъ изъ Семинарскихъ лекцій и по нѣкоторымъ его взглядамъ и замѣткамъ, случайно уцѣлѣвшимъ въ найденныхъ мною

[1] Біографическіе очерки Неволина см. въ Справочномъ Энциклопедическомъ Словарѣ Старчевскаго, т. VIII и въ Сѣверной Пчелѣ 1855 г. №№ 234 и 236, ст. г. *Усова*, вышедшая потомъ и отдѣльнымъ оттискомъ, подъ названіемъ: «Очеркъ служебной и ученой дѣятельности профессора К. А. Неволина,» С. Петербургъ. 1855, in-8, 36 стр.

его бумагахъ, былъ уже человѣкъ довольно образованный. Это надобно приписать, независимо отъ трудолюбія, которымъ онъ всегда отличался, благодѣтельному вліянію его старшаго брата, Ивана Алексѣевича, бывшаго священникомъ, а потомъ протоіереемъ въ Вятской церкви Срѣтенія. Умѣвъ отгадать талантливыя способности въ своемъ младшемъ братѣ, онъ постоянно руководилъ его своими совѣтами, не только во время нахожденія того въ Семинаріи, но и во время его Академической жизни высылалъ ему различныя книги, а деньгами помогалъ ему почти до начала его профессорскаго поприща [1]. О немъ покойный Профессоръ всегда говорилъ съ благоговѣніемъ и до самой смерти Ивана Алексѣевича (1842 г.) состоялъ съ нимъ въ постоянной перепискѣ.

Вступленіе Неволина въ Духовную Академію было въ то счастливое время, когда Россія двинулась къ успѣху, когда жилъ и дѣйствовалъ Графъ М. М. Сперанскій. По вліянію Графа Сперанскаго измѣнилась жизнь и студента Академіи, Неволина. Въ 1828 г., предъ Великимъ постомъ, неожиданно пріѣхалъ въ Духовную Академію Московскій Викарій съ отношеніемъ изъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи къ Митрополиту Филарету и съ предписаніемъ въ слѣдствіе того послѣдняго избрать трехъ лучшихъ студентовъ Академіи для представленія ихъ въ Собственную Его Императорскаго Величества Канцелярію, гдѣ ихъ ожидаетъ окончательное образованіе въ правовѣдѣніи. Между избранными былъ и Константинъ Алек-

[1] Въ послѣдній разъ Неволинъ получилъ пособіе отъ брата въ 1829 году, предъ самымъ отправленіемъ своимъ за границу.

сѣевичь [1]. На четвертой недѣлѣ поста эти студенты, помѣщенные уже для житья въ С. Петербургскомъ Университетѣ, вмѣстѣ съ другими тремя студентами [2], избранными для той же цѣли изъ С. Петербургской Духовной Академіи, были представлены во 2-мъ Отдѣленіи Собственной Канцеляріи Графу Сперанскому, который встрѣтилъ ихъ слѣдующими словами: «*Ваше назначеніе самое высокое; отъ васъ Государь ожидаетъ очень многаго; я не скрою отъ васъ, что вы или нѣкоторые изъ васъ, которые лучше успѣютъ, должны сдѣлаться въ Россіи лучшими профессорами правовѣдѣнія; впрочемъ всѣ вы должны успѣть такъ, чтобы сдѣлаться профессорами* [3].» Съ этого времени Неволинъ получилъ въ Графѣ Сперанскомъ самаго образованнаго покровителя и, можно сказать, лучшаго друга, съ которымъ мало по малу онъ вступилъ въ ближайшее знакомство. Когда въ праздникъ Пасхи они явились къ Графу Сперанскому съ поздравленіями, то Графъ, одаривъ ихъ книгами и деньгами [4], говорилъ имъ: «*вы должны положить основаніе наукѣ Россійскаго правовѣдѣнія. Я хочу, чтобы оно было преподаваемо въ Университетахъ под-*

[1] Кромѣ Неволина были избраны: Василій Знаменскій и Алексѣй Благовѣщенскій.

[2] Изъ С Петербургской Академіи были избраны: Сергій Орнатскій, Александръ Пѣшехоновъ и Савва Богородскій. О дальнѣйшихъ успѣхахъ товарищей Неволина см. ст. *А. Благовѣщенскаго* въ Журн. М. Н. Пр. 1835, ч. VI, Исторія методъ науки законовѣдѣнія.

[3] Такъ описываетъ это свиданіе съ Графомъ самъ Неволинъ въ письмѣ къ брату отъ 7 Марта 1828 г

[4] «Онъ съ нами христосуется,» писалъ Неволинъ къ брату, 9 Мая 1828 г, «и даетъ каждому по красненькой бумажкѣ, вмѣсто красненькаго яичка, какъ самъ выразился; потомъ одариваетъ книгами.»

лично по ученому, а не по приказнически. Итакъ, употребите все стараніе. Ну, «заключилъ онъ,» *теперь вы знаете, гдѣ я живу, относитесь ко мнѣ, въ чемъ будете имѣть нужду; я не могу и не долженъ вамъ отказывать, да и не хочу.*» И дѣйствительно, подъ главнымъ его надзоромъ и подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Статсъ-Секретаря Болугьянскаго начались занятія этихъ студентовъ. Въ продолженіи года они слушали при II Отдѣленіи у Куницына Пропедевтику и Гражданское Право, у Клокова Государственное Право, у Плисова Политическую Экономію и Финансы, у Арсеньева Всеобщую Исторію, и кромѣ того въ Университетѣ имъ преподавали — проф. Шнейдеръ Римское Право и проф. Греффе Латинскую и Греческую Словесность; вмѣстѣ съ тѣмъ имъ предоставлена была возможность изучить и новые языки, Французскій, Англійскій, Нѣмецкій, а для практическаго изученія послѣдняго къ нимъ присоединенъ былъ кандидатъ Дерптскаго Университета Петерсенъ, который потомъ вмѣстѣ съ ними былъ отправленъ за границу; независимо отъ этихъ занятій во 2-мъ Отдѣленіи ихъ пріучали къ практическимъ работамъ по составленію Свода. О преподавателяхъ при 2-мъ Отдѣленіи покойный Неволинъ отзывался весьма хорошо. Въ одномъ письмѣ [1] къ брату онъ пишетъ: «всѣ наши наставники вообще знатоки дѣла; нельзя желать лучшихъ, ибо кромѣ одного это или бывшіе профессора въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, или и теперь еще занимаютъ со славою должности профессоровъ. По Греческой и Латин-

[1] Въ письмѣ отъ 9 Мая 1828 г.

ской Словесности у насъ знаменитый филологъ Греффе, наставникъ единственный въ своемъ родѣ, который къ цѣли ведетъ и скоро и далеко, и котораго съ величайшею пользою можетъ слушать и самый свѣдущій въ Латинскомъ и Греческомъ языкахъ.»

Скоро Неволинъ сталъ привыкать къ своему новому назначенію юриста, а благосклонное вниманіе, которымъ пригрѣвалъ своихъ питомцевъ Графъ Сперанскій, разсѣяло безпокойство Неволина относительно его будущности и сожалѣнія о потерѣ Академической степени, которую бы онъ, оставшись въ Академіи, получилъ скоро. Наконецъ поѣздка за границу окончательно сдружила его съ открывавшеюся предъ нимъ дорогою. Въ Берлинскомъ Университетѣ имъ было назначено довершить ихъ юридическое образованіе, и этотъ выборъ Университета былъ весьма удаченъ, потому что Профессора, процвѣтавшіе въ то время въ Берлинѣ, могли вполнѣ привести ихъ къ желаемой цѣли. Кромѣ Берлина они посѣтили и другіе города Германіи и воспользовались тѣмъ, что для нихъ было совершенно необходимо. Ихъ скромные взгляды Академическихъ аудиторій получили нужное для нихъ и полное развитіе въ урокахъ знаменитыхъ Германскихъ учителей, какъ Кленце, Савиньи, Филлипса, Рудорфа, Гегеля и др. Бесѣды съ столь возвышенными умами дали ту устойчивость, ту вѣрность взгляда на вопросы жизни, на вопросы государственные, безъ чего трудно было бы студентамъ Академій сдѣлаться дѣйствительными юристами. Пребываніе Неволина въ Берлинѣ было для него еще особенно замѣчательно по тѣснѣйшему сближенію съ Графомъ Сперанскимъ, ко-

торый пріѣзжалъ въ Берлинъ лѣтомъ 1830 г. для бесѣды съ Савиньи, наблюдавшимъ за его питомцами; изъ нихъ въ то время оставался въ Берлинѣ только Неволинъ, а другіе, такъ какъ были вакаціи, путешествовали по Германіи. «Въ теченіи 8 дней,» писалъ Неволинъ изъ Берлина къ брату, «я видѣлся съ нимъ (Гр. Сперанскимъ) «ежедневно по одному или по два раза, и сіи времена «свиданія принадлежатъ къ однимъ изъ пріятнѣйшихъ въ «моей жизни.»

Въ 1832 г. Неволинъ вмѣстѣ съ другими возвратился изъ за границы; но назначеніе ихъ было опредѣлено не тотчасъ, и они были прикомандированы ко 2-му Отдѣленію для практическихъ работъ. Ихъ назначеніе не могло быть тотчасъ опредѣлено потому, что Министерство Народнаго Просвѣщенія желало опредѣлить ихъ профессорами въ различные Русскіе Университеты, а Графъ Сперанскій, имѣвъ намѣреніе учредить при 2-мъ Отдѣленіи родъ юридической академіи для сочиненія учебныхъ юридическихъ книгъ и составленія полной исторіи Русскаго Права, хотѣлъ ихъ сохранить у себя и вмѣстѣ сдѣлать профессорами въ С. Петербургскомъ Университетѣ. Наконецъ рѣшились удовлетворить первой, какъ нужнѣйшей въ то время цѣли. Положено было подвергнуть ихъ испытанію прямо на степень доктора законовѣдѣнія, для чего были составлены особыя программы, отпечатанныя въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, предложено было каждому изъ нихъ избрать тѣ предметы для преподаванія, къ которымъ онъ чувствуетъ болѣе призванія, и сообразно съ этимъ предполагалось назначить ихъ профессорами въ различные

Университеты. Неволинъ избиралъ для себя либо Государственное Право и Энциклопедію, либо Законы о Финансахъ, и, по желанію Статсъ-Секретаря Болугьянскаго, остановился на первомъ. Предположено было, по выдержаніи имъ испытанія, назначить его профессоромъ въ новый Университетъ Св. Владиміра. Это было несогласно съ желаніями самого Неволина. Онъ хотѣлъ остаться въ Петербургѣ по различнымъ причинамъ, которыя онъ излагалъ въ одномъ письмѣ къ брату [1], и изъ которыхъ важнѣйшая заключалась въ томъ, что онъ не намѣренъ былъ долго оставаться въ ученой службѣ, но при первомъ удобномъ случаѣ хотѣлъ перейти въ общую гражданскую службу, а такой переходъ всего удобнѣе было сдѣлать въ столицѣ, какъ средоточіи государственнаго управленія. Но судьба распорядилась иначе, и Кіеву пришлось сдѣлаться мѣстомъ рожденія ученой славы Неволина. — Онъ выдержалъ въ 1855 г. въ особой коммиссіи экзаменъ на степень доктора законовѣдѣнія и представилъ диссертацію, «*О философіи законодательства у древнихъ*» [2], кото-

[1] Въ письмѣ отъ 22 Марта 1835 г.

[2] Она въ этомъ изданіи не помѣщается отдѣльно потому, что вся, за исключеніемъ ея положеній, вошла въ первый томъ Энциклопедіи Законовѣдѣнія, §§ 183—283. Положенія ея были слѣдующія:

«1) *Разговоры о законахъ, издревле приписываемые Платону, дѣйствительно принадлежатъ ему.* 2) *Платонъ въ своихъ сочиненіяхъ предлагаетъ Греческій образъ воззрѣнія на предметы законодательства.* «3) *Аристотелево ученіе о предметахъ законодательства въ существѣ вещи не весьма много отличается отъ Платонова.* 4) *Невольничество было существенною принадлежностію Греческихъ республикъ.* 5) *Стоическая философія имѣла на Римское законовѣдѣніе, хотя и не прямое, но значительное вліяніе.* 6) *Въ ученіи Неоплатониковъ представ-*

рая въ 1835 г. и была напечатана въ С. Петербургѣ. Въ корректурѣ ее просматривалъ и исправлялъ самъ графъ Сперанскій. 8-го Февраля 1835 г. Неволинъ публично защитилъ эту диссертацію. Оппонентами при этомъ защищеніи были назначены профессора А. А. Фишеръ и Н. Ѳ. Рождественскій. Послѣдній изъ нихъ особенно дѣлалъ нападенія на два первыя положенія разсужденія, а пр. Фишеръ опровергалъ послѣднее положеніе; къ ихъ возраженіямъ присоединился и удостоившій этотъ диспутъ своимъ присутствіемъ г. министръ Народнаго Просвѣщенія. Изъ посторонних возражалъ только проф. Штекгардтъ на Латинскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ. — Послѣ этого диспута Неволинъ скоро и отправился къ своему высокому назначенію, профессоромъ въ Кіевскій Университетъ, и въ концѣ того учебнаго года началъ свои лекціи Энциклопедіи Законовѣдѣнія.

Такъ началось его ученое, профессорское поприще. Мало по малу онъ началъ сдружаться съ Кіевомъ, особенно когда встрѣтился тамъ съ лицами, знакомство съ которыми онъ разсматривалъ какъ счастливое событіе своей жизни. Такъ онъ всегда дорожилъ сдѣланною въ Кіевѣ дружбою съ Лошкаревымъ, бывшимъ губернаторомъ въ Житомірѣ. Митрополитъ Евгеній, познакомившійся съ Неволинымъ по рекомендаціи гр. Сперанскаго, и сильно его полюбившій, такъ какъ всѣ истинно-ученые не могли не полюбить Неволина, довольно долгое время занимался съ нимъ по вечерамъ разсужденіями о вопросахъ Русской

«ляется самый высшій взглядъ на предметы законодательства, до какого только достигала философія у Древнихъ.»

Исторіи и Исторіи Русскаго права. Въ Кіевѣ, Неволинъ, полный энергіи, повелъ жизнь дѣйствительнаго труда, предался настоящей, ученой дѣятельности. Подаривъ своихъ слушателей на актѣ въ 1836 г. рѣчью, «О соединеніи практики съ теоріею», онъ устремилъ всѣ свои силы, отправляя въ тоже время должность Ректора Университета, къ составленію для своихъ слушателей руководства по Энциклопедіи Законовѣдѣнія, и трудъ его скоро увѣнчался замѣчательнымъ успѣхомъ: въ 1839 и 1840 г. онъ отпечаталъ Энциклопедію Законовѣдѣнія въ двухъ томахъ, — сочиненіе, подобнаго которому не было въ то время не только на нашемъ языкѣ, но котораго въ такомъ объемѣ не представляла, да и теперь еще не представляетъ ни одна иностранная литература. Этотъ трудъ былъ понятъ и оцѣненъ соотечественниками. Да и могло ли быть иначе? Академія Наукъ, въ которую было представлено это сочиненіе на Демидовскій конкурсъ, поручила сдѣлать его разборъ извѣстному нашему юристу, профессору Энциклопедіи Законовѣдѣнія *П. Д. Калмыкову;* его прекрасная, отчетливая и вполнѣ справедливая рецензія помѣщена въ Отчетѣ о десятомъ присужденіи Демидовскихъ наградъ [1]. Разборъ этого сочиненія написалъ также проф. Штекгардтъ [2], и въ слѣдствіе его разбора имя Неволина, какъ замѣчательнаго юриста, сдѣлалось извѣ-

[1] Изд въ С. Петербургѣ, 1841; также пом. въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1841, ч. XXXII, мѣс. Декабрь.

[2] Въ Лейпцигскомъ журналѣ, «Kritische Jahrbücher für deutsche Rechtswissenschaft, herausgegeben von Richter und Schneider, Jahrgang 1841.»

стнымъ въ Германіи. Амстердамскій правовѣдъ Денъ-Тексъ [1] обращался къ пр. Штекгардту съ просьбою доставить ему подробныя свѣдѣнія о содержаніи этого сочиненія [2]. Савиньи, учитель Неволина, отозвался объ Энциклопедіи послѣдняго съ большимъ уваженіемъ [3].

Въ настоящемъ изданіи Энциклопедія Законовѣдѣнія помѣщается въ двухъ первыхъ томахъ. Она помѣщается безъ всякихъ измѣненій сравнительно съ первымъ ея изданіемъ, за исключеніемъ только того, что я позволилъ себѣ дополнить библіографическія указанія, помѣщенныя въ различныхъ мѣстахъ этого сочиненія. Что же касается текста, то я считалъ своею обязанностію оставить его безъ малѣйшихъ съ моей стороны перемѣнъ; нѣкоторыя измѣненія, сравнительно съ первымъ изданіемъ, впрочемъ весьма незначительныя и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, сдѣланы рукою покойнаго Неволина; я нашелъ эти измѣненія въ оставшихся послѣ него бумагахъ и счелъ долгомъ помѣстить ихъ въ настоящемъ изданіи.

Другія сочиненія, которыми обогатилъ проф. Неволинъ нашу литературу, помѣщаются въ этомъ изданіи въ такомъ порядкѣ. Томы 3-й, 4-й и 5-й будутъ заключать въ себѣ его Исторію Россійскихъ Гражданскихъ Законовъ, которую онъ началъ обработывать еще въ Кіевѣ и издалъ въ Петербургѣ, въ 1851 г. Это сочиненіе, хотя издано не-

[1] Денъ-Тексъ также писалъ Энциклопедію, «Encyclopædia jurisprudentiæ», Amstel. 1835.

[2] Это видно изъ письма Штекгардта къ Неволину отъ 29 Марта 1843 г.

[3] Ibid.

давно, уже все разошлось, и потому требуетъ другаго изданія. Въ изданіи этого сочиненія равнымъ образомъ не будетъ никакихъ измѣненій, за исключеніемъ того, что дополненія, сдѣланныя самимъ авторомъ и отпечатанныя въ концѣ каждаго тома перваго изданія, будутъ включены теперь въ самый текстъ [1].

Томъ шестой будетъ заключать въ себѣ всѣ его мелкія, отпечатанныя уже статьи. Ихъ соединеніе въ отдѣльномъ томѣ я считаю удобнымъ и необходимымъ, потому что всѣ онѣ, представляя чрезвычайную важность для занимающихся Исторіею Русскаго Права, разсѣяны теперь по различнымъ періодическимъ изданіямъ, и не всегда, по крайней мѣрѣ не всегда тотчасъ, могутъ быть доступны въ нихъ нуждающемуся. Кромѣ того въ этомъ томѣ будутъ помѣщены нѣкоторыя замѣтки его по Исторіи Русскаго Права, которыя я надѣюсь еще найти въ оставшихся послѣ него бумагахъ, въ которыхъ впрочемъ до сихъ поръ ничего новаго еще не оказалось. Мои надежды отъискать еще замѣтки его по Исторіи Русскаго Права основываются на томъ, что въ послѣдніе годы своей жизни Неволинъ рѣшился, какъ мнѣ извѣстно, приступить къ составленію Опыта Исторіи Русскаго Права, и именно самъ хотѣлъ заняться Внутреннею Исторіею права, а къ составленію

[1] Исторія Гражданскихъ Законовъ получила полную Демидовскую премію. Это сочиненіе разбиралъ, по порученію Академіи Наукъ, проф. Московскаго Университета Морошкинъ; см. Отчетъ о двадцать первомъ присужденіи Демидовскихъ наградъ за 1851 г. С. Петербургъ. 1852 г. и пом. въ Журн. Мин. Нар. Просв. LXXVI, 1852, Ноябрь. Ср. также разборъ этого сочиненія, написанный г. Михайловымъ, въ Сынѣ Отечества за 1852 г., Янв. Февр. и Мартъ.

Внѣшней Исторіи Русскаго законодательства убѣждалъ бывшаго Профессоромъ въ С. Петербургскомъ Университетѣ Н. Ѳ. Рождественскаго.

Въ томѣ седьмомъ, на печатаніе котораго впрочемъ я еще не совершенно рѣшился, должно помѣститься послѣднее его сочиненіе, «О пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ въ XVI вѣкѣ» [1].

Большая часть этихъ сочиненій была обработана и издана покойнымъ Неволинымъ въ С. Петербургѣ, куда онъ былъ переведенъ въ 1843 г. изъ Кіева и занялъ, послѣ умершаго Профессора Врангеля, каѳедру Гражданскаго Права. Здѣсь, можно сказать, онъ создалъ Русское Гражданское Право, потому что его Исторія Гражданскихъ Законовъ представляетъ полное основаніе для курса Гражданскаго Права, и это сочиненіе долго еще будетъ служить, какъ богатѣйшій матеріялъ, и долго еще будетъ обезпечивать хорошее, настоящее преподаваніе этого предмета въ Россіи.

Нельзя не подивиться тому, какъ находилъ Неволинъ время для выработки такихъ громадныхъ результатовъ, если припомнить, что при этомъ онъ былъ деканомъ Юридическаго факультета, и, кромѣ Университета, преподавалъ еще съ 1848 г. въ Императорскомъ Училищѣ Правовѣдѣнія Энциклопедію Законовѣдѣнія и Исторію Россійскаго Законодательства. Это правда, что все его провожденіе времени не отрывалось отъ занятій. Неволинъ не зналъ разсѣяній, не зналъ отдыха.

[1] Это сочиненіе составляетъ VIII-ю книжку Записокъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, Спб. 1853.

Какъ профессоръ, какъ преподаватель, Неволинъ имѣлъ нѣкоторые недостатки, но они выкупались опять тѣми достоинствами, которыя принадлежали ему, какъ профессору. Недостатокъ его преподаванія отчасти не зависѣлъ отъ него самого: слабая грудь не дозволяла ему вести бесѣду достаточно громкую; онъ читалъ весьма тихо. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ недостаточно оживлялъ свои лекціи; его лекціи не были краснорѣчивою бесѣдою, скорѣе были похожи на диктовку; его лекціи вредила его неумолимая точность, однообразіе, отсутствіе внѣшней жизни. Но за то содержаніе лекціи всегда выкупало ея форму. Строгая система, богатство мысли, поразительная начитанность — признаки лекціи Неволина. Онъ серьёзно смотрѣлъ на свою аудиторію и потому все, что въ ней ни произносилъ, было обдуманно, приготовлено, было вѣрно, отчетливо и притомъ свѣжо, знакомо съ позднѣйшими изслѣдованіями. Какъ профессоръ онъ обладалъ и еще замѣчательными достоинствами: непоколебимою справедливостію относительно своихъ слушателей и горячею къ нимъ любовью. Никакія просьбы, никакія связи, никакія стороннія отношенія не могли заставить Неволина сдѣлать несправедливость относительно его слушателя; онъ былъ въ этомъ отношеніи примѣрно добросовѣстенъ; онъ всегда оставался вѣрнымъ своему убѣжденію, никогда не терялъ сознанія, что онъ профессоръ Университета. Любовь его къ студентамъ, вполнѣ согласная съ его возвышеннымъ духомъ, не всегда была угадываема: по своей скромности, онъ рѣдко обнаруживалъ и это чувство. Но я былъ свидѣтелемъ его любви къ студентамъ. Мнѣ слышатся и теперь тѣ высокіе

совѣты, которыми подарилъ меня Неволинъ при моемъ вступленіи на каѳедру; въ нихъ было столько теплаго, столько любви къ студентамъ, столько вѣрности и строгости въ сужденіи о профессорѣ, что они всегда будутъ служить мнѣ руководствомъ. Когда по болѣзни онъ поручилъ мнѣ произвести вмѣсто него экзаменъ въ Университетѣ, то въ просьбѣ его объ оказаніи мною на экзаменѣ должной снисходительности и справедливости и въ этомъ трепетномъ пожатіи руки было столько профессорской доброты и величія, что съ той минуты онъ сдѣлался еще выше въ моихъ глазахъ. Въ тоже почти время по его просьбѣ производилъ вмѣсто него въ Училищѣ Правовѣдѣнія экзаменъ Профессоръ Калмыковъ; вечеромъ отмѣтки этого экзамена были присланы къ Неволину; онъ лежалъ больной въ постелѣ, и просилъ меня прочесть списокъ; почти на каждой отмѣткѣ онъ говорилъ: «вѣрно, справедливо,» и когда я окончилъ читать, онъ заплакалъ, взялъ списокъ, перекрестилъ его и поцѣловалъ. Вотъ отношенія Неволина къ студентамъ. Скажетъ ли кто нибудь, что эти отношенія были холодны, какъ они казались въ дѣйствительности? Скажетъ ли кто нибудь, что и какъ Профессоръ Неволинъ не отличался достоинствами замѣчательными?

Неволинъ женился довольно поздно: на 43 году жизни. Онъ былъ женатъ на дочери Генералъ-Маіора, Любови Богдановнѣ Нилусъ. Онъ имѣлъ отъ нея двухъ дочерей, Зинаиду и Евгенію, и сына Алексѣя. И въ это послѣднее время, время его супружеской жизни онъ не отрывался отъ прежнихъ занятій; постоянные, усиленные труды сдѣлались для него не только привычкою, но и жизненною

необходимостію. Въ это послѣднее время, кромѣ того, что онъ обработалъ много сочиненій, онъ умѣлъ еще удѣлить время для другаго рода службы, кромѣ Профессорской: съ 1852 г. былъ прикомандированъ къ редакціи исправленія военно-уголовнаго устава, въ слѣдующемъ году былъ сдѣланъ членомъ консультаціи при Министерствѣ Юстиціи, избранъ въ члены корреспонденты Императорской Академіи Наукъ, и наконецъ въ послѣдніе годы своей жизни онъ опять вступилъ въ тоже мѣсто служенія, въ которомъ получилъ свое юридическое образованіе, и тутъ бы ему дѣйствовать, потому что занятія во 2-мъ Отдѣленіи Собственной Канцеляріи составляли постоянную его мечту; но силы физическія ему измѣнили; его слабое сложеніе не могло выдерживать болѣе такихъ трудовъ, превышающихъ человѣческія силы; весною 1855 г. онъ рѣшился оставить на время занятія и воскресить свое здоровье въ любезной, родной для него по образованію, Германіи; но и ея природа не могла пособить труженику; въ г. Бриксенѣ (въ Тиролѣ) 6 Октября 1855 г. Неволинъ окончилъ свои земные труды. По Высочайшему повелѣнію его тѣло было перевезено весною 1856 г. въ Петербургъ. 25 Мая, послѣ литургіи и литіи, которую удостоили своимъ присутствіемъ Его Императорское Высочество, Принцъ Петръ Георгіевичь Ольденбургскій, Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, и другія особы и многочисленные друзья покойнаго и послѣ краснорѣчиваго прощальнаго слова, произнесеннаго извѣстнымъ нашимъ ученымъ протоіереемъ Ѳ. Ѳ. Сидонскимъ, тѣло Неволина было перенесено его учениками, студентами С. Петербургскаго Универси-

тета и воспитанниками Училища Правовѣдѣнія изъ церкви Смоленскаго кладбища въ церковный склепъ, и предано землѣ рядомъ съ могилою Н. И. Надеждина, съ которымъ Неволинъ былъ соединенъ самою тѣсною дружбою и который пережилъ его только нѣсколькими мѣсяцами.

И. Андреевскій.

С. Петербургъ.
22-го Іюля 1857 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ

КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ ЭНЦИКЛОПЕДІИ ЗАКОНОВѢДѢНІЯ.

Издавая на отечественномъ языкѣ сочиненіе, которому, во всемъ его объемѣ, наша литература и, смѣю сказать, даже иностранная, доселѣ не представляютъ подобнаго, я надѣюсь, что оно будетъ принято моими соотечественниками съ вниманіемъ, приличнымъ предмету, въ немъ излагаемому. Носимое мною званіе давало мнѣ, какъ я думалъ, право и вмѣстѣ возлагало на меня обязанность предпринять такой трудъ; какъ онъ выполненъ, предоставляется судить ученымъ, знающимъ, на какой ступени развитія находится въ настоящее время наука, для которой онъ предпринятъ. Читателями для своего сочиненія я предполагаю людей, имѣющихъ образованіе, какое вообще можно получить въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Для такихъ читателей, надѣюсь, мое сочиненіе будетъ во всѣхъ своихъ частяхъ совершенно понятно.

К. Н.

Октября 12 дня, 1839 г.
Г. Кіевъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

От издателя . V.
Предисловіе къ первому изданію XXI.

Введеніе . 1.

ОБЩАЯ ЧАСТЬ
ЭНЦИКЛОПЕДІИ ЗАКОНОВѢДѢНІЯ.

Раздѣлъ I. О законахъ, какъ предметѣ законовѣдѣнія . . . 19.
Глава I. О существѣ закона. 20.
Отдѣленіе I. О существѣ закона вообще —
I. О существѣ правды —
II О существѣ обязанностей и правъ 32.
III. Понятіе закона 34.
Отдѣленіе II. О существѣ закона внѣшняго 36.
I. О правдѣ во внѣшнемъ обществѣ —
II. О правахъ и обязанностяхъ во внѣшнемъ обществѣ 37.
III. О законахъ во внѣшнемъ обществѣ 38.
Глава II. О происхожденіи и постепенномъ образованіи законовъ 41.
Отдѣленіе I. О происхожденіи и образованіи законодательствъ вообще въ родѣ человѣческомъ. . . . —
Отдѣленіе II. О происхожденіи и постепенномъ образованіи законовъ внутри одного государства . . . 44.
I. О происхожденіи и постепенномъ образованіи законовъ со стороны ихъ формы 46.
II. О происхожденіи и постепенномъ образованіи законовъ со стороны ихъ содержанія 53.
1. Семейство —
2. Родъ. 58.

СТРАН.

3 Гражданское общество 60.
4. Государство 63.
5. Союзъ народовъ. 65.
Глава III. О раздѣленіи законовъ на ихъ главные роды и виды 67.
I. Законы государственные. 68.
II. Законы гражданскіе 70.
III. Законы союза народовъ, или право народное . . 71.
Раздѣлъ II. О законовѣдѣніи въ общемъ его составѣ. . . . 72.
Глава I. О содержаніи законовѣдѣнія 75.
Отдѣленіе I. О содержаніи законовѣдѣнія, разсматриваемаго въ самомъ себѣ —
I. Общій обзоръ содержанія и наукъ законовѣдѣнія . —
II. Содержаніе законовѣдѣнія въ его идеѣ и дѣйствительности 81.
Отдѣленіе II. О содержаніи законовѣдѣнія, разсматриваемаго въ его отношеніи къ другимъ родамъ познаній, или о вспомогательныхъ наукахъ законовѣдѣнія . 83.
Глава II. О формѣ законовѣдѣнія 91.
Отдѣленіе I. О формѣ законовѣдѣнія, разсматриваемаго въ его бытіи —
Отдѣленіе II. О формѣ законовѣдѣнія, разсматриваемаго въ его происхожденіи 93.
I. Общія начала, относящіяся къ изученію законовъ. 94.
II. Способы изученія законовъ вообще 97.
III. Объ изученіи законовъ въ общественныхъ заведеніяхъ 102.
IV. Изученіе законовъ по оставленіи воспитанникомъ общественнаго заведенія и вообще по пріобрѣтеніи имъ первыхъ свѣдѣній въ законахъ . . 114.

ОСОБЕННАЯ ЧАСТЬ

ЭНЦИКЛОПЕДІИ ЗАКОНОВѢДѢНІЯ.

I. Понятіе объ исторіи законовъ и законовѣдѣнія. . 116.
II. Способъ изложенія исторіи законовъ и законовѣдѣнія 120.
III. Раздѣленіе исторіи законовъ и законовѣдѣнія по времени. 122.
IV Порядокъ изложенія исторіи законовъ и законовѣдѣнія 125.
V. Литература исторіи законовъ и законовѣдѣнія . . 126.

ИСТОРІЯ ФИЛОСОФІИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.

СТРАН.

ВВЕДЕНІЕ . 129.
ДРЕВНЯЯ ИСТОРІЯ ФИЛОСОФІИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА . . 132.
Періодъ I. Отъ Ѳалеса до Сократа 135.
Періодъ II. Сократъ и его школа 142.
Отдѣленіе I. Сократъ и обозрѣніе школъ, отъ него происшедшихъ —
Отдѣленіе II. Платонъ и Аристотель 144.
А. Платонъ. —
Б. Аристотель. 177.
Отдѣленіе III. Философія стоическая, эпикурейская, скептическая 204.
А. Философія стоическая —
Б. Философія эпикурейская 206.
В. Скептицизмъ 207.
Періодъ III. Греческая философія между Римлянами и Восточными народами 208.
Отдѣленіе I. Греческая философія между Римлянами . 209.
Отдѣленіе II. Греческая философія между Восточными народами 214.
Общія замѣчанія о древней философіи законодательства. . 215.
НОВАЯ ИСТОРІЯ ФИЛОСОФІИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА . . . 223.
Періодъ I. Со времени возстановленія наукъ на западѣ Европы до Бакона и Декарта 226.
Отдѣленіе I. Макіавель, Томасъ Морусъ, Боденъ, Ольдендорпъ, Геммингъ, Винклеръ 230.
Отдѣленіе II. Гуго Гроцій. 235.
Періодъ II. Отъ Бакона и Декарта до Канта 252.
Отдѣленіе I. Англійская опытная философія, основанная Барономъ. 253.
А. Системы самолюбія 258.
I. Гоббезъ 259.
II. Локкъ. 270.
Б. Системы доброжелательства 278.
I. Кумберландъ —
II. Шефтесбури 283.
III. Гутчесонъ —
IV. Юмъ 288.
V. Адамъ Смитъ 299.
VI. Фергюзонъ 301.
В. Системы сообразности дѣяній съ предметами . . 307.
I. Самуилъ Кларкъ —
II. Уолластонъ 309.

СТРАН.

Г. Система безусловнаго одобренія или неодобренія разумомъ дѣяній (Присъ). 314.
Отдѣленіе II. Французско-Нѣмецкая умозрительная философія, основанная Декартомъ 315.
А. Система, ограничивающая предписанія закона естественнаго цѣлями настоящей жизни. 318.
I. Пуфендорфъ 319.
II. Томазій 336.
1. Первоначальный образъ мыслей Томазія —
2. Измѣненный образъ мыслей Томазія; послѣдователи Томазія . 345.
Б. Система, имѣющая въ виду при опредѣленіи существа закона естественнаго совокупность всѣхъ дѣйствій человѣка и цѣли всей человѣческой жизни . 355.
I. Спиноза 356.
II. Лейбницъ 368.
III. Вольфъ 371.
Отдѣленіе III. Разрушительная Французская философія 18-го вѣка 384.
Общія замѣчанія на вторый періодъ новой Исторіи философіи законодательства 404.
Періодъ III. Философія новѣйшаго времени, начатая Кантомъ. 416.
Отдѣленіе I. Субъективный идеализмъ Канта и Фихте. 417.
I. Кантъ. —
II. Фихте 443.
Отдѣленіе II. Объективный идеализмъ Шеллинга . . 473.
Отдѣленіе III. Абсолютный идеализмъ Гегеля. . . . 484.
Общія замѣчанія на 3-й періодъ новой Исторіи философіи законодательства 498.
Общій взглядъ на Исторію философіи законодательства. . 631.

ЭНЦИКЛОПЕДІЯ ЗАКОНОВѢДѢНІЯ.

ВВЕДЕНІЕ.

§ 1.

Понятіе Энциклопедіи Законовѣдѣнія.

Литература. ***Konopak***, über den Begriff und Zweck einer Encyclopädie im Allgemeinen und der Encyklopädie der Rechtswissenschaften im Besondern. Halle, 1800; 2. Aufl. Halle, 1806. — ***Krug***, über den Zusammenhang der Wissenschaften unter sich und mit den höchsten Zwecken der Vernunft. Jena, 1795, S. 1—30. — ***Stäudlin***, theologische Encyclopädie; § 1. — Ср. также всѣ, какъ бы они ни назывались, общіе Энциклопедическіе лексиконы подъ словомъ: Энциклопедія, а особенно: Deutsche Encyclopädie, oder allgemeines Realwörterbuch aller Künste und Wissenschaften. 8. Band. Ei—Erz. Frankf. a. Main, 1783. in-4.

Энциклопедія Законовѣдѣнія есть обзоръ Наукъ Законовѣдѣнія въ общей ихъ связи какъ со всѣмъ человѣческимъ вѣдѣніемъ, такъ и между собою. Энциклопедія Законовѣдѣнія есть теорія Науки Законовъ, (**Wissenschaftslehre**), какъ одной изъ областей человѣческаго вѣдѣнія, — ученіе о построеніи сей науки (**Architectonik**), о планѣ ея и о томъ, какъ сей планъ представляется выполненнымъ или можетъ быть выполненъ въ дѣйствительности, — наука, изображающая составъ, строй, организмъ Науки Законовъ, единство ея, происхожденіе множества наукъ юридическихъ изъ единства и воспріятіе ихъ въ единство.

Примѣч. Слово: Энциклопедія, заимствовано отъ древнихъ Грековъ, у которыхъ впрочемъ вмѣсто сложнаго, имъ неизвѣстнаго, слова: *ἐγκυκλωπαιδεία*, употреблялись только выраженія: *ἐγκύκλιος παιδεία*, *παιδεία ἐν κύκλῳ* и т. п. — Слово: *ἐγκύκλιος*, происходя отъ

κύκλος, кругъ, значитъ: 1) округлый, округленный; 2) возвращающійся въ извѣстномъ кругѣ, порядкѣ; 3) общій обыкновенный [1]. Слово: *παιδεία*, происходя отъ *παῖς* отрокъ, значитъ: 1) отроческое воспитаніе, наставленіе; 2) вообще воспитаніе, наставленіе; 3) ученость, познаніе [2]. На основаніи 2-го и 3-го изъ сихъ значеній, выраженіе: *ἐγκύκλιος παιδεία* или *παιδεία ἐν κύκλῳ* означало общее, обыкновенное наставленіе, общіе предметы воспитанія, ученія, и было замѣняемо выраженіемъ: *ἐγκύκλια μαθήματα*, или *συνήθης ἀγωγή* [3]. Въ техническомъ смыслѣ всѣ эти выраженія: *ἐγκύκλιος παιδεία*, *παιδεία ἐν κύκλῳ*, *ἐγκύκλια μαθήματα*, у древнихъ употреблялись для означенія опредѣленнаго круга наукъ и искуствъ, которымъ каждый молодой человѣкъ свободнаго состоянія долженъ былъ обучаться, если онъ хотѣлъ принадлежать къ числу людей благовоспитанныхъ [4]. Въ періодъ Александрійской Словесности сюда были относимы: Грамматика, Діалектика, Реторика, Музыка, Ариѳметика, Геометрія и Астрономія [5]. Отъ Грековъ, какъ названіе: *ἐγκύκλιος παιδεία*, такъ и самая вещь перешли къ Римлянамъ, которые на своемъ языкѣ совокупность наукъ и искуствъ сего рода называли Artes liberales [6]. Какъ одно цѣлое, означенные семь предметовъ были изучаемы и въ среднихъ вѣкахъ. Три первые изъ числа ихъ у Схоластиковъ назывались trivium, четыре послѣдніе quadrivium. По возстановленіи наукъ на западѣ Европы, подъ именемъ Энциклопедіи первоначально разумѣли изложеніе свѣдѣній, принадлежащихъ къ опредѣленному кругу предметовъ, и притомъ какъ въ систематическомъ видѣ, такъ и въ видѣ несистематическомъ, напр. въ видѣ лексикона; какъ въ видѣ обширномъ, такъ и въ видѣ сокращенномъ [7]. Въ семъ смыслѣ Энциклопедія раздѣлялась на всеобщую и частную, смотря потому, обнимала ли она весь кругъ, всѣ предметы человѣческаго вѣдѣнія, или только нѣкоторую часть ихъ. Къ этому значенію въ послѣдствіи времени присоединилось

[1] См. сл. *ἐγκύκλιος* въ *Schneider's* griech. Lex., herausg. von *Passow*. Особенно ср. *Isocr.* Nicocl. p. 38. L. *ἐν τοῖς ἐγκυκλίοις καὶ τοῖς καθ' ἡμέραν γιγνομένοις.* — Demosth. p. 792. *ᾧ ὑδὲ τῶν ἴσων υδὲ τῶν ἐγκυκλ'ων δικαίων μετυσίαν διδόασιν οἱ νόμοι.*

[2] См. сл. *παιδεία* въ *Schneider's* griech. Lex., herausg. von *Passow*.

[3] *Strabo*, I p. 34, 8. *τῆς ἐγκυκλίυ καὶ συνήθυς ἀγωγῆς τοῖς ἐλευθέροις μετασχόντα.*

[4] *Athenäi* deipnosophistarum libri. Ed. *Schäfer*. Lips, 1796. p 3.

[5] *Eichhorn's* Literärgeschichte. Hälfte I. Götting, 1796. § 102. — *Joan. a Wower (van Woveren)* de polymathia tractatio 1604 (et 1665) c. 2 et 24.

[6] *Vitruv* de Architectura I. 1. VI, 6. — *Quintilian*. Instit. orat. I, 10.

[7] Въ особенности когда говорится объ Энциклопедическомъ изложеніи Науки, то всегда разумѣется сокращенное ея изложеніе.

другое, впрочемъ съ нимъ сродное и непосредственно изъ него вытекающее. Подъ именемъ Энциклопедій стали разумѣть въ особенности систематическое изложенiе состава Наукъ, — какъ одной извѣстной Науки, такъ и опредѣленнаго круга Наукъ, или даже всей ихъ совокупности. Энциклопедія сего рода имѣетъ назначенiемъ показать отношенiе своей науки къ другимъ областямъ человѣческаго познанія, раскрыть ея понятiе, отсюда опредѣлить ея объемъ, вывесть ея части, означить ея вспомогательныя Науки, указать способы къ лучшему ея изученiю. Это есть какъ бы самое существенное, хотя и самое общее, содержанiе извѣстной Науки или опредѣленнаго круга Наукъ. Ясно, что Энциклопедія, въ такомъ значенiи слова, легко можетъ быть соединена съ Энциклопедiею въ томъ смыслѣ, какъ ее доселѣ понимали, и притомъ въ различныхъ ея видахъ. Это нерѣдко и дѣлается, и произведенiе такого соединенія называется также Энциклопедiею. Понятiе объ Энциклопедiи становится оттого еще болѣе обширнымъ и неопредѣленнымъ. Въ новѣйшiя времена думали точнѣе опредѣлить его, взявши за основанiе производство слова Энциклопедія и употребленiе его у древнихъ, и, ссылаясь на первое изъ приведенныхъ нами выше значеній словъ: *ἐγκύκλιος* и *παιδεία*, и будто бы на словоупотребленiе древнихъ, утверждали, что Энциклопедія по самому ея словопроизводству и тому понятiю, какое имѣли объ ней древнiе, должна быть только систематическимъ, сокращеннымъ изложенiемъ главнѣйшихъ положеній Науки, и притомъ даже именно изложенiемъ, предназначеннымъ для тѣхъ, которые только начинаютъ изучать Науку [8]. Но такое ограниченiе совсѣмъ не оправдывается ни истиннымъ словоупотребленiемъ древнихъ, ни вторымъ и третьимъ изъ вышеприведенныхъ нами значеній словъ: *ἐγκύκλιος* и *παιδεία*. — Мы уже съ самаго начала сказали, что мы разумѣемъ подъ Энциклопедiею Законовѣдѣнія. Въ наукахъ при опредѣленiи словъ, что бы ни значило извѣстное слово по своему происхожденiю, какое бы потомъ ни получило оно значенiе отъ употребленія, — главный вопросъ всегда состоитъ въ томъ, справедливо ли само въ себѣ, т. е. необходимо ли по существу своему то понятiе, которое мы соединяемъ

[8] Такъ думаетъ напр. Конопакъ въ своемъ сочиненiи, упомянутомъ въ началѣ параграфа. Держась со всею строгостiю словопроизводства, онъ говоритъ даже, что Энциклопедія посему должна имѣть своимъ предметомъ одну только матерiальную сторону науки и не должна входить въ разсужденія ни о пользѣ ея, ни объ ея Исторiи, ни о методахъ ея, ни о вспомогательныхъ ея Наукахъ.

*

съ даннымъ словомъ. Итакъ необходима ли Энциклопедія Законовѣдѣнія въ томъ смыслѣ, какъ мы ее опредѣлили, — вотъ вопросъ, который теперь намъ представляется.

§ 2.

Необходимость Энциклопедіи Законовѣдѣнія.

Энциклопедія въ смыслѣ, нами изложенномъ, совершенно необходима какъ вообще, такъ въ особенности для начинающихъ и оканчивающихъ курсъ Наукъ Юридическихъ.

I. Энциклопедія необходима вообще

1) Для указанія и опредѣленія связи, соединяющей Законовѣдѣніе со всѣмъ человѣческимъ вѣдѣніемъ и въ частности Науки Законовѣдѣнія какъ съ цѣлымъ Законовѣдѣніемъ, такъ и между собою. Цѣлый кругъ человѣческаго вѣдѣнія такъ обширенъ, что не только родилась необходимость раздѣлить его на множество частей и каждую часть сдѣлать предметомъ особеннаго изученія, но и стало невозможно одному человѣку изучать всѣ эти части, и каждый любитель совершеннаго знанія долженъ былъ ограничиться только изученіемъ одной изъ нихъ или покрайней мѣрѣ нѣсколькихъ, немногихъ. Но всѣ области человѣческаго познанія составляютъ одно цѣлое и эта принадлежность ихъ къ одному цѣлому, при изученіи каждой изъ нихъ въ отдѣльности, всегда должна быть сохраняема въ виду; иначе произойдетъ между ними разъединеніе, даже несогласіе, покрайней мѣрѣ недостатокъ согласія, во всякомъ же случаѣ познанія учащагося будетъ внѣ связи съ общимъ вѣдѣніемъ и лишено того совершенства, которое бы могло произойти отсюда. Наука, въ которой опредѣляется отношеніе особенной какой либо области, въ настоящемъ случаѣ законовѣдѣнія, — въ цѣломъ вѣдѣніи предупредитъ этотъ вредъ и возстановитъ надлежащую связь съ ея цѣлымъ. Такимъ же образомъ всѣ Науки Законовѣдѣнія, занимаясь однимъ извѣстнымъ предметомъ, составляютъ одно цѣлое и должны быть изучаемы какъ одно цѣлое. Между тѣмъ, какъ по содержанію онѣ весьма многочисленны, такъ и образъ ихъ изложенія можетъ быть весьма различенъ. Отсюда раждается необходимость изучать ихъ болѣе или менѣе отдѣльно одну отъ другой, и притомъ въ теченіи продолжительнаго времени. Но при такомъ отдѣльномъ и продолжительномъ ихъ изученіи, общая связь между ними остается нераскрытою; ихъ совокупность представляется намъ нестройнымъ

цѣлымъ, а собраніемъ разнородныхъ свѣдѣній; онѣ легко могутъ столкнуться между собою враждебнымъ образомъ. Это зло отвращаетъ Энциклопедія, которая обозрѣваетъ ихъ въ общей ихъ связи.

2) Для того, чтобъ дать приличное мѣсто въ цѣлой системѣ предметамъ, общимъ для всѣхъ Наукъ Законовѣдѣнія. Въ Наукахъ Законовѣдѣнія есть множество такихъ предметовъ. Будучи общими по своему содержанію, отъ того самаго сіи предметы и не могутъ войти ни въ какую особенную науку. Между тѣмъ во всѣхъ наукахъ общее столько же важно, или еще важнѣе, сколько и особенное. По отношенію къ Наукамъ Законовѣдѣнія оно получаетъ для себя приличное мѣсто въ Энциклопедіи, которая излагаетъ ихъ составъ во всей его цѣлости.

II. Энциклопедія необходима въ особенности для начинающихъ и оканчивающихъ курсъ Наукъ Юридическихъ.

1) Для начинающихъ.

а) Энциклопедія, обозрѣвая Науки Юридическія въ общей ихъ связи со стороны содержанія, тѣмъ самымъ даетъ начинающему твердыя точки, для того, чтобъ онъ могъ установить свои понятія при изученіи Наукъ Законовѣдѣнія. Безъ ней разнообразіе содержанія совершенно бы подавило его; въ цѣломъ онъ видѣлъ бы предъ собою почти одинъ только хаосъ; онъ блуждалъ бы какъ будто въ странѣ неизвѣстной, среди обширнаго океана, не зная, гдѣ онъ находится, что лежитъ у него сзади, что спереди, — что по одну его сторону, что по другую.

б) Энциклопедія, обозрѣвая Науки Юридическія въ общей ихъ связи со стороны формы, указываетъ начинающему правильную методу изученія Законовъ. Безъ такого указанія онъ легко можетъ уклониться отъ прямаго пути, можетъ сдѣлаться нетвердымъ въ шагахъ своихъ; во всякомъ случаѣ долженъ будетъ итти къ своей цѣли слѣпо, безъ сознанія. — Правда, для тѣхъ, которые обучаются въ заведеніи, гдѣ весь порядокъ ученія опредѣленъ Правительствомъ, потребность Энциклопедіи въ этомъ отношеніи менѣе можетъ быть чувствительна; но и они должны имѣть отчетливое познаніе о томъ, что съ ними и для нихъ дѣлается. Многое сверхъ того при изложеніи всякой науки, а слѣд. и Наукъ Юридическихъ, необходимо должно быть предоставляемо собственному занятію воспитанника; при этомъ знаніе правильнаго способа ученія для него необходимо. Еще болѣе нужно для него такое знаніе по выходѣ его изъ учебнаго заведенія, когда онъ совершенно предоставляется себѣ самому, и когда тѣмъ

не менѣе онъ все долженъ пополнять и распространять свои познанія.

в) Энциклопедія удовлетворяетъ естественному желанію учащагося — имѣть какое нибудь понятіе о предметахъ будущаго своего ученія, обозрѣть предварительно весь путь свой съ самаго начала до конца.

2) Для оканчивающихъ. Особенно важно и полезно можетъ быть такое Энциклопедическое обозрѣніе по окончаніи курса Наукъ Юридическихъ. Слабые очерки, въ какихъ Энциклопедія изображаетъ предметы, теперь получили для учащагося всю нужную полноту; изъ легкаго очерка развилась въ его духѣ живая картина. Энциклопедическое обозрѣніе при концѣ его поприща вдругъ освѣжаетъ въ его памяти все слышанное имъ въ продолженіе нѣсколькихъ годовъ; онъ оканчиваетъ свое ученіе такъ, какъ будто бы оно продолжалось только нѣсколько дней.

§ 3.

Самостоятельность Энциклопедіи Законовѣдѣнія, какъ науки.

Энциклопедія Законовѣдѣнія, по нашему объ ней понятію, имѣя свою опредѣленную задачу, принадлежитъ безъ всякаго сомнѣнія къ числу наукъ. Но есть ли это наука самостоятельная, отличная отъ совокупности Наукъ Законовѣдѣнія, или это есть не болѣе, какъ сокращенное изложеніе тѣхъ же самыхъ наукъ? Съ одной стороны она есть наука самостоятельная, направленная къ тому, чтобъ понять образованіе Наукъ Законовѣдѣнія и соединеніе ихъ въ одно цѣлое,— есть теорія ихъ состава, общее къ нимъ введеніе; съ другой стороны, по тому самому она есть вмѣстѣ и связное, сокращенное ихъ изложеніе, небольшая модель величественнаго зданія.

§ 4.

Предметъ Энциклопедіи Законовѣдѣнія.

Энциклопедія Законовѣдѣнія, сообразно ея назначенію — обозрѣть Науки Законовѣдѣнія въ ихъ взаимной связи, первымъ и главнымъ своимъ предметомъ имѣетъ изложить систематически весь составъ Науки Законовъ. Въ семъ отношеніи она изъ одного общаго начала развиваетъ предъ нами все множество Наукъ Законовѣдѣнія и составныя части каждой изъ нихъ, показывая, изъ какихъ наукъ слагается цѣлая система Законовѣдѣнія и на какія части дѣлится

каждая особенная наука, входящая въ кругъ онаго. Но составъ каждой науки опредѣляется ея содержаніемъ и формою и безъ нихъ не можетъ быть вполнѣ понятъ. Посему Энциклопедія Законовѣдѣнія, излагая составъ Наукъ Законовѣдѣнія, въ тоже время, во вторыхъ, представляетъ намъ ихъ содержаніе и разнообразныя формы, — но сколько это нужно для уразумѣнія единства и цѣлости ихъ состава, т. е. въ видѣ обзора.

Связь между науками извѣстнаго рода, слѣдовательно и между Науками Законовѣдѣнія, основывается на единствѣ ихъ предмета, и въ особенности на единствѣ частей или сторонъ, какія представляетъ сей предметъ для изслѣдованія. Чтобъ посему увидѣть въ совокупности наукъ извѣстнаго рода одно систематическое цѣлое, нужно во первыхъ опредѣлить понятіе или существо этого общаго ихъ предмета; во вторыхъ опредѣленное такимъ образомъ понятіе логически раздѣлить на его части и означить разныя стороны, въ немъ представляющіяся для изслѣдованія. Дѣлаясь предметомъ особаго изслѣдованія, каждая изъ сихъ частей или сторонъ, даетъ чрезъ то бытіе особенной наукѣ; разсматривая одинъ и тотъ же предметъ, съ разныхъ только сторонъ или въ разныхъ его частяхъ, всѣ эти особенныя науки образуютъ потому одно систематическое цѣлое, суть одна наука, являющаяся только во множествѣ частей. Сказанное здѣсь вообще о наукахъ извѣстнаго рода можетъ быть приложено и къ каждой особенной наукѣ въ этомъ родѣ. Та особая часть или сторона общаго предмета, которую она дѣлаетъ ближайшимъ предметомъ своего изслѣдованія, сама дѣлится опять на множество частей и представляетъ множество сторонъ для разсмотрѣнія. Каждая особенная наука получаетъ такимъ образомъ множество подраздѣленій и является какъ совокупность многихъ наукъ. При изложеніи связи между науками извѣстнаго рода, слѣд. и между Науками Законовѣдѣнія можно или ограничиться только опредѣленіемъ основнаго ихъ понятія и самымъ общимъ выведеніемъ ихъ отсюда, не углубляясь во внутренній организмъ той или другой изъ нихъ; или, кромѣ этого самаго общаго ихъ выведенія изъ основнаго ихъ понятія, разсмотрѣть нѣсколько ближе и внутренній составъ каждой изъ нихъ. Послѣднее для полнаго уразумѣнія связи между ними столько же необходимо, сколько и первое. Но это разложеніе состава каждой особенной науки не должно простираться слишкомъ далеко; иначе найденная связь при многосложности изысканій легко можетъ снова потеряться изъ вида.

Изъ того, что выше сказано объ отношеніи состава науки къ ея содержанію и формѣ, легко понять, что при такомъ изложеніи состава Наукъ Законовѣдѣнія будутъ въ то же время необходимо обозрѣны какъ ихъ содержаніе, такъ и разнообразныя ихъ формы.

§ 5.

Части Энциклопедіи Законовѣдѣнія.

На основаніи сказаннаго о предметѣ Энциклопедіи Законовѣдѣнія, она состоитъ изъ двухъ частей: части общей и части особенной. Въ первой опредѣляется основное понятіе Наукъ Законовѣдѣнія и на семъ основаніи излагается общій ихъ составъ, относительно какъ содержанія, такъ и формы; во второй систематически обозрѣвается составъ выведенныхъ такимъ образомъ особенныхъ Наукъ Законовѣдѣнія, также въ отношеніи къ содержанію и формѣ.

§ 6.

Исторія Энциклопедіи Законовѣдѣнія.

Литература. Wening, Lehrbuch der Encyklopädie und Methodologie der Rechtswissenschaft. Landshut, 1821. § 25—35. — Ср. *Stöckhardt's* allg. jurist. Fundamentallehre, § 32 (S. 197—212). — *Friedländer*, juristische Encyklopädie. 1847. S. 9—42.

Энциклопедія Законовѣдѣнія, въ смыслѣ, нами изложенномъ, есть наука довольно еще новая. Основываясь въ своемъ бытіи на потребности при отдѣльномъ, но тѣмъ не менѣе систематическомъ, изученіи множества наукъ извѣстнаго рода имѣть такую науку, которая бы служила общею ихъ связью, она предполагаетъ съ одной стороны существованіе многихъ отдѣльныхъ Наукъ Законовѣдѣнія, съ другой — стремленіе изучать ихъ въ системѣ. Ни у одного изъ древнихъ народовъ изученіе законовъ не имѣло значительнаго объема; начало систематическому ихъ изученію положено было только Римлянами. Въ среднихъ вѣкахъ во времена глоссаторовъ хотя были преподаваемы не только Римскіе, но также Церковные и Лонгобардскіе Ленные Законы (Каноническое и Ленное Право); впрочемъ въ это время не имѣли никакого понятія о системѣ, — преподаваніе было только экзегетическое и состояло въ истолкованіи словъ законныхъ книгъ. Итакъ Энциклопедія не могла существовать ни у древнихъ народовъ, ни въ среднихъ вѣкахъ.

При возстановленіи Наукъ на западѣ Европы, въ 16-мъ столѣтіи начали мало по малу оставлять экзегетическую методу глоссаторовъ и преподавать Законы, особенно Римскіе, въ систематическомъ порядкѣ, т. е. въ порядкѣ, основанномъ на внутренней связи предметовъ, не придерживаясь книгъ Юстиніановыхъ. Систематическая метода, естественно, имѣла своихъ противниковъ, такъ же какъ и защитниковъ, и не прежде могла сдѣлаться господствующею, какъ послѣ упорной борьбы между тѣми и другими. Такимъ образомъ между учеными родился вопросъ: какая метода лучше? прежняя ли экзегетическая, или новая систематическая? По случаю сего вопроса въ 16-мъ и 17-мъ столѣтіяхъ писано было множество мелкихъ сочиненій методологическаго содержанія. Изъ числа ихъ особенно замѣчательно сочиненіе Лейбница: **Methodus nova discendæ docendæque Jurisprudentiæ. Francfurt,, 1668 in-12.** Оно было писано собственно для Германіи и въ послѣдствіи времени имѣло большое вліяніе на преподаваніе въ ней Наукъ Законовѣдѣнія. Въ Законовѣдѣніи, такъ же какъ и въ Богословіи, Лейбницъ различалъ два рода наукъ: главныя и вспомогательныя. Къ главнымъ наукамъ онъ относилъ Догматику и Полемику; къ вспомогательнымъ—Исторію и Экзегетику. Характеръ каждой изъ сихъ Наукъ Законовѣдѣнія былъ обозначенъ имъ съ точностію: опредѣлено внутреннее ихъ существо, выведены ихъ части, показано, что въ каждой наукѣ уже сдѣлано трудами ученыхъ, что остается еще сдѣлать. Вскорѣ послѣ изданія Лейбницемъ своего сочиненія, частію на основаніи его плана, частію вообще въ слѣдствіе философскаго направленія вѣка, изученіе Законовъ въ Германіи было значительно расширено. Изъ числа положительныхъ Законодательствъ въ кругъ преподаванія введены, кромѣ Римскихъ, Лонгобардскихъ Ленныхъ и Церковныхъ Законовъ, собственно такъ называемые Нѣмецкіе Законы; Исторія Римскихъ и Нѣмецкихъ Законовъ сдѣлалась особеннымъ предметомъ ученія; разныя, по различію источниковъ и предметовъ, части Законовѣдѣнія, какъ то: Философія Законодательства (или такъ называемое Право Естественное), Законы Государственные (Право Публичное), Законы Гражданскіе (Право Частное), Законы Уголовные, Право Народное, — были отдѣлены одна отъ другой и получили самостоятельное достоинство, какъ особыя науки. При систематическомъ изученіи такого множества наукъ, для сохраненія связи между ними и для отвращенія неудобствъ, какія возникаютъ, когда науки одного рода изучаются въ теченіи продолжительнаго вре-

мени и притомъ отдѣльно одна отъ другой и у разныхъ лицъ, необходимо требовалась особая наука, которая бы служила общимъ введеніемъ въ Науки Законовѣдѣнія. Мы находимъ дѣйствительно, что уже въ 1685 г. Мартини читалъ въ Кильскомъ Университетѣ Collegium isagogicum in universam Jurisprudentiam, а Поттъ въ концѣ 17-го столѣтія писалъ въ подобномъ родѣ сочиненіе подъ заглавіемъ: Præcognita juris universi. Духъ Вольфовой Философіи, повсюду стремившейся къ опредѣленности, раздѣльности, постепенности и твердости понятій, особенно способствовалъ къ умноженію такихъ сочиненій и уроковъ. Извѣстнѣйшій ученикъ Вольфа Баронъ Иккштаттъ писалъ даже именно сочиненіе, сюда относящееся, подъ заглавіемъ: Meditationes præliminares de Studio juris ordine atque methodo scientifica instituendo, Virceb. 1731, 4. Отъ Философа Томазія мы также имѣемъ сочиненіе въ семъ родѣ, подъ заглавіемъ: Cautelæ circa præcognita Jurisprudentiæ. Halæ. 1710, 4. При основаніи Геттингенскаго Университета въ 1734 предположено было между прочими Науками Законовѣдѣнія читать и общее къ нимъ Введеніе; въ первый разъ читалъ его въ этомъ Университетѣ Шмауссъ въ 1737 году, подъ названіемъ: Collegium juris præparatorium. Пюттеръ [9] въ 1757 г. далъ этой наукѣ имя Энциклопедіи, — имя, которое въ то время начало становиться очень обыкновеннымъ для сочиненій, излагавшихъ общія свѣдѣнія изъ области извѣстной Науки или круга Наукъ. Въ половинѣ 18-го столѣтія преподавали ее уже во всѣхъ почти Нѣмецкихъ Университетахъ подобно тому, какъ въ слѣдствіе одинаковыхъ причинъ было введено преподаваніе Энциклопедіи Наукъ Богословскихъ. Но всѣ эти уроки Энциклопедическіе ограничивались только общимъ опредѣленіемъ предмета Законовѣдѣнія, указаніемъ частей, изъ какихъ состоитъ Наука Законовъ, и начертаніемъ методы, какой должно слѣдовать при ея изученіи и преподаваніи. Неттельбладтъ [10] въ 1761 (?) г. внесъ въ Энциклопедію историческое обозрѣніе источниковъ Законодательства (внѣшнюю Исторію Права); Рейтемейеръ [11] (въ 1785 г.) историческое обозрѣніе и внутренняго содержанія Законовъ (внутреннюю Исторію Права). Въ теченіи времени явилось послѣ того множество Энциклопедій того и другаго рода. Ни въ которую изъ нихъ не входило обозрѣніе содержанія са-

[9] Пюттеръ — Проф. въ Геттингенѣ.

[10] Неттельбладтъ — Проф. въ Галле, род. 1719, ум. 1791.

[11] Рейтемейеръ — Проф. въ Геттингенѣ.

мой важнѣйшей въ Законовѣдѣніи Науки, т. е. Философіи Законодательства; Шмальцъ пополнилъ сей недостатокъ[12]. Всѣ эти Энциклопедіи, далѣе, будучи произведеніемъ Нѣмецкихъ ученыхъ, ограничились только обозрѣніемъ Законовъ, дѣйствующихъ въ Германіи; въ новѣйшія времена стали наконецъ въ самой Германіи обращать вниманіе на Законы другихъ народовъ и даже обозрѣвать Законодательство во всей цѣлости и непрерывности его всемірно-историческаго развитія. Отъ Нѣмецкихъ ученыхъ понятіе Энциклопедіи Юридической, какъ оно образовалось въ теченіи 18 и 19-го вѣка, заимствовали и другіе народы, стараясь приложить его къ своимъ Законамъ. Впрочемъ Исторія таковыхъ покушеній не представляетъ намъ явленій всеобщепримѣчательныхъ.

Въ нашемъ отечествѣ первое начало преподаванія Энциклопедіи Законовѣдѣнія относится къ царствованію Александра I. Въ Уставѣ Высшаго Училища Правовѣдѣнія 1805 г.[13], закрытаго впрочемъ уже въ 1809 г., а въ 1816 г. и совершенно упраздненнаго[14], равно какъ и въ Уставѣ Главнаго Педагодическаго Института 1816[15], преобразованнаго потомъ, въ 1819 г., въ С. Петербургскій Университетъ, она поименована между предметами, которые должны быть преподаваемы въ сихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но, сколько извѣстно, изученіе Энциклопедіи у насъ въ то время не могло пустить глубокихъ корней. Въ царствованіе Императора Николая I-го она введена въ кругъ преподаванія какъ во всѣхъ Россійскихъ Университетахъ[16], такъ и во вновь учрежденномъ

[12] Энциклопедіи, которыя ограничиваются только указаніемъ предметовъ Законовѣдѣнія, главныхъ составныхъ частей его, источниковъ, способовъ, его изученія и вспомогательныхъ его наукъ, и слѣд. очертываютъ область Законовѣдѣнія преимущественно внѣшнимъ образомъ и со стороны его общей формы или общаго состава, называются въ Германіи формальными или внѣшними Энциклопедіями; Энциклопедіи, занимающіяся обозрѣніемъ самаго содержанія Законовъ, называются матеріальными или внутренними; Энциклопедіи, въ коихъ соединяется то и другое, — смѣшенными. Присемъ та часть Энциклопедіи, которая разсуждаетъ о способѣ, какому должно слѣдовать въ изученіи Законовъ, носитъ въ особенности названіе Методологіи. Изъ числа Энциклопедій, приведенныхъ ниже въ § 7-мъ, относятся къ смѣшеннымъ Энциклопедіи: Мюленбруха, Гуго; къ формальнымъ: Тибо, Венка, Фалька; къ матеріальнымъ: Рейтемейера, Гуфеланда и проч.

[13] 1805 Авг. 1. (21860).

[14] 1816 Февр. 29. (26170).

[15] 1816 Дек. 23. (26573). § 39.

[16] 1833 Дек. 25. (6670). Уставъ Университета Св. Владиміра, § 34. — 1835 Іюля 26. (8337). Общій Уставъ Россійскихъ Университетовъ. § 12.

Императорскомъ Училищѣ Правовѣдѣнія [17]. — Что касается изданія въ свѣтъ сочиненій, относящихся къ Энциклопедіи Законовѣдѣнія, ея обработываніе въ Россіи доселѣ не было еще довольно плодотворно. Первымъ у насъ по времени сочиненіемъ сего рода надлежало бы назвать *Юридическую Грамматику* Правикова, 1803 г., еслибъ она соотвѣтствовала своему заглавію; но ея содержаніе слишкомъ ограниченно. За тѣмъ слѣдуютъ два небольшія сочиненія Сандунова (1820) и Смирнова (1821) *о способѣ изученія Россійскихъ законовъ*. Сочиненіе Дегая: *Пособія и правила Россійскихъ Законовъ*, 1831 г., представляетъ намъ уже настоящую, хотя краткую, Энциклопедію и Методологію Россійскаго Законовѣдѣнія. Наконецъ должны быть упомянуты Энциклопедическія сочиненія Штекгардта, Профессора, вызваннаго изъ Германіи, но писанныя въ Россіи и для Русскихъ.

§ 7.

Литература Энциклопедіи Законовѣдѣнія.

Литература. Сочиненія, вышедшія съ начала 16-го до половины 18-го вѣка, почти вполнѣ поименованы въ Struvii Bibliotheca juris selecta. Ed. 8-va, quam curavit Buder, Jenæ, 1756, p. 326—331; историческое ихъ обозрѣніе находится у *Брункеля* (*Brunquell* isagoge in universam jurisprudentiam, diss. prælim. § LXXXI—LXXXIV, in opusculis Tom. II p. 964). Сочиненія, писанныя въ Германіи съ половины 18-го вѣка, большею частію означены у *Эрша* (въ Litteratur der Jurisprudenz und Politik. 2-te Ausg. Leipzig. 1823, S. 6. folgg.). Сверхъ того должно смотрѣть: *Lipenii* Bibliotheca realis juridica, въ первый разъ 1676, post *Struvii* et *Jenichenii* curas emendata et locupletata. Leipzig, 1757, 2 тома въ листъ (подъ словомъ Methodus juris). Supplementa et emendationes, 1-r Band von *Shott*. Leipzig, 1775, fol. (подъ тѣмъ же словомъ). 2-r Band von *Senkenberg*. Leipzig, 1789. fol. (подъ тѣмъ же словомъ). 3-r und 4-r Band von *Madihn*. Breslau, 1817 und 1820 fol. (подъ словами Encyklopädia и methodus).

Сочиненія, относящіяся къ Энциклопедіи Законовѣдѣнія, можно раздѣлить вообще на два разряда.

А. Сочиненія, писанныя съ конца 16-го до 2-ой четверти 18-го вѣка, имѣющія своимъ предметомъ указаніе метода, какому должно слѣдовать при изученіи или преподаваніи Законовъ. Число

[17] 1835 Мая 29 (8185) § 28. — 1838 Іюня 27 § 13.

ихъ весьма велико. Изъ замѣчательнѣйшихъ Юристовъ сего времени нѣтъ, можетъ быть, ниодного, который бы не изложилъ, подъ тѣмъ или другимъ заглавіемъ, своихъ мыслей о способѣ изученія Законовъ.

а) Собранія нѣсколькихъ такихъ сочиненій.

Jurisconsultorum veterum et recentium tractatus varii de studio legali recte instituendo. Coloniæ, 1580, во второй разъ тамъ же 1585. 8.

Сочиненія, помѣщенныя въ этомъ собраніи, нигдѣ не были прежде того печатаны. Слѣдующее напротивъ собраніе содержитъ въ себѣ сочиненія, которыя уже прежде были издаваемы отдѣльно.

Nicolai Reussneri Cynosura juris. Spiræ, 1588. 8.

Польза и особенное достоинство этого собранія побудили Будера предпринять новое, подъ заглавіемъ:

De ratione ac methodo studiorum juris illustrium et praestantissimorum Jurisconsultorum selecta opuscula. Jenæ, 1724. 8.

б) Сочиненія, кромѣ вошедшихъ въ означенныя собранія, изданныя отдѣльно или при другихъ сочиненіяхъ. Замѣчательны:

Самое древнѣйшее есть *Joannis Baptistae de Gazalupis* s. *Caccialupi* de modo studendi in utroque jure; вышло въ Парижѣ, въ 1518 г., 8.

Joannis Calvini, de studio juris recte instituendo. Francofurti, 1600. 8.

Michaëlis Teuberi, Hermanni Vulteii et *Aegidii Mommerii* tractatus tres de modo discendi, docendi et exercendi jura. Lichæ, 1605. in-8.

Ottonis Melandri, de modo discendi et docendi jura. Lichæ, 1605. in-8.

Hieronymi Hastæi, de jurisprudentiæ methodis. Venetiis. 1615. in-4.

Christophori Besoldi, dissertatio de addiscenda et exercenda jurisprudentia. Tubingæ, 1616. in-4.

Diodori Tuldeni, via consultissima ad jurisprudentiam. Coloniæ, 1624. in-4., и *его же* слово de methodo docendi discendique commodissima, находящееся между его orationes auspicales. N. XII. p. 55.

Christophori Waltheri, methodus studendi jura. Coloniæ, 1639. in-8.

Claudii de Chaillon de Cabinol, Methodus brevis discendi juris. Parisiis, 1644. in–8.

Henrici Ernstii, methodus juris civilis discendi. Soræ, 1647. in 4.

Christiani Henelii, Statua Mercurialis, seu via recte ad augusta adyta Sacræ Themidos. Coloniæ Marchicæ, 1661. in-12.

Godofr. Guilielmi Leibnitii, Nova methodus jurisprudentiæ discendæ docendæque. Francofurti, 1668. in-12.

Petri Mülleri, Tractatio de studio juris tractando. Duderstädti, 1670. in-4.

Joachimi Martini Unverfärth, Pädiæ jurisprudentiæ liber unus. Hallis Saxonum. 1675. in-8. Здѣсь въ гл. XXI говорится de methodo docendi et discendi jurisprudentiam.

Chr. Thomasii, Programma de methodo discendi jurisprudentiam, 1686. — *Ejusdem* Cautelæ circa præcognita jurisprudentiæ. Halæ, 1710. in-4.

Cornelii van Eck, Oratio de ratione studii juris recte instituendi. Trajecti ad Rhenum. 1693. in-4.

Pott, Präcognita juris universi. Edit. II. Jenæ, 1699.

Б. Сочиненія энциклопедическія, писанныя со второй четверти 18–го столѣтія до нашихъ временъ, и имѣющія своимъ предметомъ какъ методъ, такъ и самое содержаніе Законовѣдѣнія.

а) Въ Германіи.

Германія по отношенію къ законовѣдѣнію представляетъ безчисленное множество какъ сочиненій исключительно методологическихъ, такъ и вообще Энциклопедій. Первыя теперь совершенно потемняются послѣдними. Рѣдкой изъ знаменитыхъ законовѣдцевъ Германіи не написалъ своей Энциклопедіи Законовѣдѣнія. Мы означимъ важнѣйшія сочиненія.

J. A. L. B. ab Ickstatt, Meditationes præliminares de studio juris ordine atque methodo scientifica instituendo. Wirceb., 1731. in-4. (In opp. Ingolst., 1747. tom I, p. 5.)

J. J. Schmauss, Entwurf eines Collegii juridici præparatorii. Göttingen, 1737. in-8. Ср. *Hugo's* Civil. Magaz. 2. Bd, 3. Hft.

D. Nettelbladt, Præcognita universæ eruditionis generalia et in specie jurisprudentiæ naturalis tanquam positivæ. Hal, 1748. in-8. — Præcognita jurisprudentiæ positivæ generalia. Halæ, 1759. in-8. Находится и въ его Nova introd. in jurisprudentiam positivam Germanorum communem. Hal., 1772. in-8. — *Ejusdem* Introductio in jurisprudentiam positivam Germanorum communem. Halle, 1761.

in-8. Ed. 2-da 1780, ed. 3-tia 1790. — *Desselben* Abh. von dem ganzen Umfange der natürlichen und der in Deutschland üblichen positiven gemeinen Rechtsgelehrtheit. Halle, 1772. — *Ej.* Systema elementare doctrinarum propædenticarum jurisprudentiæ positivæ Germanorum communis. Hal., 1781.

H. Ch. de Senkenberg, Methodus jurisprudentiæ. Francof. a. M., 1756 in-4. — *Desselben* vorläufige Einleitung zu der ganzen, in Deutschland üblichen Rechtsgelehrsamkeit. Nordlingen, 1762, 1764. in-8.

J. St. Pütter, Entwurf einer juristischen Encyclopädie. Gölting. 1757. in-8. — *Desselben* neuer Versuch einer jurist. Encyclopädie und Methodologie. Götting. 1767.

A. F. Schott, Entwurf einer juristischen Encyclopädie und Methodologie. Leipzig, 1772. 5. Aufl. 1793; 6. Aufl. besorgt von Jac. F. Kees. Leipzig, 1794. in-8.

J. Fr. Gildemeister, juristische Encyclopädie und Methodologie. Duisb., 1783. in-8.

J. Fr. Reitemeier, Encyclopädie und Geschichte der Rechte in Deutschland. Götting. 1785. in-8.

W. G. Tafinger, Encyclopädie und Geschichte der Rechte in Deutschland. Erlangen, 1789. 2. Aufl. Tübing., 1800. — *Desselben* Versuch einer juristischen Methodologie. Tübingen, 1794. in-8.

Th. Schmalz, Encyclopädie des gemeinen Rechts. Königsberg, 1790; 2. Aufl. 1804. in-8; 3. Aufl. Berlin, 1827. (lateinisch). — *Desselben* Methodologie des juristischen Studiums. Königsberg, 1801. in-8.

G. Hugo, Lehrbuch der juristischen Encyclopädie. Berlin, 1792. 6. Ausg. Berlin. 1820. in-8.; 8. Ausg. Berlin, 1835. in-8.

E. L. H. Eisenhart, die Rechtswissenschaft nach ihrem Umfange, ihren einzelnen Theilen und Hülfswissenschaften, nebst einer juristischen Encyclopädie. Helmstädt, 1795; 2. Aufl. 1804. in-8.

K. Sal. Zachariæ, Grundlinien einer wissenschaftlichen juristischen Encyclopädie. Leipzig, 1795. in-8.

Cp. Ch. Dabelow, Methodologie und Encyclopädie des gemeinen positiven Rechts der Deutschen. Halle, 1796. in-8.

K. Ch. Kohlschütter, Propädeutik, Encyclopädie und Methodologie der Rechtswissenschaft. Leipzig, 1797. in 8.

G. Hufeland, Lehrbuch der Geschichte und Encyclopädie aller in Deutschland geltenden positiven Rechte. I Thl. Einleitung und

Geschichte des römischen Rechts. Jena, 1795. in-8. — *Desselben* Abriss der Wissenschaftskunde und Methodologie der Rechtsgelehrsamkeit. Jena, 1797. in-8. — *Desselben* Institutionen des gesammten positiven Rechts, oder systematische Encyclopädie der sämmtlichen allgemeinen Begriffe und unstreitigen Grundsätze aller in Deutschland geltenden Rechte. Jena, 1798. 3. Aufl. 1803. in-8.

A. F. J. Thibaut, juristische Encyclopädie und Methodologie. Altona, 1797. in-8.

C. F. Mühlenbruch, Lehrbuch der Encyclopädie und Methodologie des positiven in Deutschland geltenden Rechts. Rostock, 1807. in-8.

K. A. Gründler, Institutionen des Rechts, enthaltend die Einleitung, Encyclopädie und Methodologie des Rechts. Erlangen, 1809. in-8.

K. F. L. Wenk, Lehrbuch der Encyclopädie und Methodologie der Rechtswissenschaft. Leipzig, 1810. in-8.

Ign. Rudhardt, Encyclopädie und Methodologie der Rechtswissenschaft. Würzburg, 1812.

K. A. Dom. Unterholzner, allgemeine Einleitung in das juristische Studium. München und Burghausen, 1812. in-8.

Alb. Hummel, Encyclopädie des heutigen positiven Rechts. 1. Abtheil. Giessen, 1813. in-8.

Ed. S. Löbell, Lehrbuch der juristischen Encyclopädie und Methodologie. Giessen, 1819. in-8.

J. Th. Schnaubert, Lehrbuch der Wissenschaftslehre des Rechts. Jena, 1819. in-8.

J. Np. Wening, Lehrbuch der Encyclopädie und Methodologie der Rechtswissenschaft. Landshut, 1821. in-8.

Welcker, die Universal- und die juristisch-politische Encyclopädie und Methodologie. 1. Bd. 1829.

N. Falk, juristische Encyclopädie. Kiel, 1821. in-8; 3. Ausg., Kiel, 1830. in-8; 4. Ausg. Leipzig, 1839; 5. Ausg. v. Ihering. 1853.

Ch. Gmelin, Anleitung, wie man die Rechte zu erlernen habe, oder Lehrbuch der juristischen Methodologie. Tübing, 1821. in-8.

G. F. Puchta, Grundriss zu Vorlesungen über juristische Encyclopädie und Methodologie. Erl., 1822. in-8. — *Его же* Encyclopädie als Einleitung zu Institutionenvorlesungen. Leipzig u. Berlin, 1825. in-8.

F. H. Abegg, Encyclopädie und Methodologie der Rechtswissenschaft im Grundrisse. Königsberg, 1823.

Vogel, Lehrbuch der Encyclopädie und Methodologie der Rechtswissenschaft. Leipzig, 1829. in-8.

Welker, die Universal- und juristisch-politische Encyclopädie. Stuttgart, 1829.

Löw, Einleitung in das Studium der Rechtswissenschaft. Zürich, 1835. in-8.

Fr. Blume, Encyclopädie der in Deutschland geltenden Rechte. 1847—1854.

Perthaler, Recht und Geschichte, zur encyclopädischen Einleitung in das Studium der juridisch-politischen Wissenschaften. Wien, 1843.

Friedländer, juristische Encyclopädie. 1847.

M. Arndt's, juristische Encyclopädie und Methodologie. 2. Aufl. 1850.

A. Viroszil, Encyclopädie und Methodologie des juridisch-politischen Studiums. Ofen, 1852.

L. A. Warnkönig, Juristische Encyclopädie. Erlangen, 1853.

H. Ahrens, Juristische Encyclopädie. 3. Lieferung. Wien, 1855—1856.

б) Во Франціи.

D'Aguesseau, Instructions sur les études propres à former un magistrat, писанные въ 1716 г., *въ его* Oeuvres, Tom I. Paris, 1759. in-4. p. 257.

Camus, Lettres sur la profession d'avocat. 4-me édition. Paris, 1818, faite par Dupin. — Profession d'avocat, par MM. Camus et Dupin. Paris, 1832. 2 vol. in-8.

Dupin, Manuel des étudiants en droit et des jeunes avocats. Paris, 1835.

Eschbach, Cours d'introduction générale à l'étude du droit, ou manuel d'encyclopédie juridique. 2-me édition. Paris, 1845; 3-me édit. Paris, 1856.

в) въ Бельгіи.

A. Roussel, Encyclopédie du droit. Bruxelles, 1843.

Anne den Tex, Encyclopædia jurisprudentiæ. Amstel, 1835.

г) въ Даніи.

Ancher, Anvisning for en Dansk jurist. Kopenhag, 1777.

Schlegel, juridisk Encyclopædie. Copenhagen, 1825.

Красноярская Краевая Научная БИБЛИОТЕКА № 33209

д) въ Соединенныхъ Сѣвероамериканскихъ Штатахъ.

David Hoffmann, I. D. Gotting, A course of legal study, 2 edit. Baltimore, 1836. in-8. [18].

е) въ Россіи.

Правиковъ, Юридическая Грамматика или начальныя правила Россійскаго Правовѣдѣнія. Москва, 1803. in-4; изд. 2-е, 1805.

Сандуновъ, Слово о необходимости знать Законы Гражданскіе и о способѣ учиться Россійскому Законовѣдѣнію. 1820.

С. Смирновъ, Легчайшій способъ къ познанію Россійскихъ Законовъ. 1821.

Дегай, Пособія и правила изученія Россійскихъ Законовъ, или матеріалы къ Энциклопедіи, Методологіи и Исторіи литтературы Русскаго права. Москва, 1831. in-8.

Stöckhardt, Allgemeine juristische Fundamentallehre, zugleich als erste Lieferung eines Lehrbuchs der juristischen Einleitungswissenschaften, insbesondere für Russland. St. Petersburg, 1837. in-8. — *Desselben* juristische Propädeutik oder Vorschule der Rechtswissenschaft zum Behuf der akademischen Vorlesungen, insbesondere für die kaiserliche Rechtsschule zu St. Petersburg, Ausg. 1, St. Petersburg, 1838. in-8; Ausg. 2, Leipzig, 1843. in-8.

Неволинъ, Энциклопедія Законовѣдѣнія. Двѣ части. Кіевъ, 1839, 1840. in-8.

Сперанскій, гр., Руководство къ познанію законовъ. Санктпетербургъ, 1845. in-8.

С. Оркатскій, проф., О единствѣ всеобщаго, высшаго закона правды, въ сравненіи съ множествомъ и разнообразіемъ положительныхъ законовъ въ разныхъ человѣческихъ обществахъ. Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго Университета 12 Января 1856 года.

[18] См. *Mittermaier* und *Zachariæ,* Kritische Zeitschrift für Rechtswissenschaft und Gesetzgebung des Auslandes. Bd. X, S. 76 und folgg.

Кыргызская Республика ... (library stamp, partly legible)

ОБЩАЯ ЧАСТЬ

ЭНЦИКЛОПЕДІИ ЗАКОНОВѢДѢНІЯ.

§ 8.

Общая часть Энциклопедіи состоитъ изъ двухъ Раздѣловъ : въ 1-мъ опредѣляется общій предметъ Законовѣдѣнія — *Законы* , во 2-мъ излагается на основаніи сего *общій составъ Наукъ Законовѣдѣнія*.

РАЗДѢЛЪ I.

О ЗАКОНАХЪ, КАКЪ ПРЕДМЕТѢ ЗАКОНОВѢДѢНІЯ.

§ 9.

Законъ представляется намъ: 1) въ его внутреннемъ, чистомъ существѣ; 2) это внутреннее существо закона раскрывается постепенно во множествѣ законовъ ; 3) такимъ образомъ является наконецъ полная система законодательства со всѣми родами и видами законовъ. Итакъ въ изслѣдованіи о законахъ , какъ предметѣ законовѣдѣнія , предлежатъ нашему разсмотрѣнію : 1) *существо закона;* 2) *происхожденіе и постепенное образованіе законовъ ;* 3) *раздѣленіе законовъ на ихъ главные роды и виды*.

ГЛАВА I.

О существѣ закона.

§ 10.

Мы разсматриваемъ: 1) существо *закона вообще;* 2) существо *закона внѣшняго.*

ОТДѢЛЕНІЕ I.

О СУЩЕСТВѢ ЗАКОНА ВООБЩЕ.

§ 11.

Законъ по существу своему есть 1) вообще правда. Онъ или выражаетъ ея требованія или установляетъ мѣры для исполненія сихъ требованій на самомъ дѣлѣ. Но 2) опредѣленнѣйшій образъ бытія правды въ существахъ, къ ней способныхъ, суть обязанности и права ; почему обязанности и права составляютъ опредѣленнѣйшее содержаніе закона. Для этого содержанія самый законъ 3) служитъ формою. Итакъ говоря о существѣ закона , мы должны изложить : 1) существо *правды* , 2) существо *обязанностей и правъ,* 3) понятіе *закона.*

I. О СУЩЕСТВѢ ПРАВДЫ.

§ 12.

Точнымъ и твердымъ образомъ существо правды можетъ быть опредѣлено только въ Философіи , гдѣ въ непрерывной связи умозаключеній развиваются начала всякаго бытія , отъ самаго полнаго до самаго ограниченнаго. Въ настоящемъ случаѣ мы представляемъ только одни выводы философскаго изслѣдованія.

§ 13.

Коренным положеніемъ во всякой истинной Философіи есть положеніе , что бытіе полное и независимое принадлежитъ одному Богу ; все другое , что ни существуетъ , истинно существуетъ только потому, что находится въ какой нибудь связи съ Божественнымъ.

Итакъ первый и высшій образъ бытія есть бытіе Божественнаго существа въ самомъ себѣ. Но Божество не остается заключеннымъ въ себѣ самомъ. Оно открываетъ себя въ мірѣ: съ одной стороны въ мірѣ физическомъ, съ другой въ мірѣ нравственномъ; въ мірѣ физическомъ безъ вѣдома и воли существъ, въ которыхъ оно открываетъ себя, въ мірѣ нравственномъ — при посредствѣ ихъ сознанія и воли. Въ мірѣ нравственномъ мы встрѣчаемся и съ понятіемъ правды. Въ мірѣ нравственномъ Богъ открываетъ себя какъ существо безконечно святое и праведное. Существа нравственныя сознаютъ идею правды Божественной и въ своей волѣ осуществляютъ ее.

1) Условія бытія правды.

a) Воля.

α) Существо воли.

§ 14.

Литература. Hegel, Grundlinien der Philosophie des Rechts. 1. Ausg. Berlin, 1821; 2. Ausg. (**какъ 8-ой томъ полнаго изданія Гегелевыхъ сочиненій**). Berlin, 1833. § 4—7. — *Stahl*, Philosophie des Rechts. Bd. II, Abth. I. Heidelberg, 1833. S. 20—35, 68—76.

Къ *существу воли* принадлежитъ:

Во 1-хъ способность въ каждое мгновеніе отторгнуться отъ всякаго опредѣленнаго состоянія, положительнаго или отрицательнаго, въ которомъ она находится, и войти чисто въ себя самую. Я могу всегда отказаться отъ одного, другаго, третьяго, словомъ, отъ всякаго предмета, который я уже имѣлъ; я могу всегда перестать дѣлать одно, другое, третье, словомъ, все, что я уже дѣлалъ. Это есть сторона *всеобщности* въ волѣ, сторона совершенной неопредѣленности, гдѣ воля относится единственно къ себѣ самой, гдѣ всякое ограниченіе, всякое содержаніе, какимъ бы то ни было образомъ данное и опредѣленное, представляется совершенно уничтоженнымъ.

Но во 2-хъ, къ существу воли принадлежитъ необходимо и пребываніе въ опредѣленномъ состояніи. Самое то состояніе, гдѣ воля, по видимому, ни къ чему себя неопредѣляетъ, не есть дѣйствительно состояніе совершенной неопредѣленности. Оно противополагается такъ называемымъ опредѣленнымъ состояніямъ и эта самая противоположность непосредственно даетъ ему опредѣленный характеръ, — оно есть одно изъ состояній, въ какихъ можетъ быть воля. По чему воля изъ своей неопредѣленности, изъ своего безразличія

переходитъ непосредственно къ различію и опредѣленности, и полагаетъ какое нибудь опредѣленное содержаніе. Она въ каждое мгновеніе находится въ какомъ нибудь опредѣленнолъ состояніи, хочетъ того или другаго, дѣлаетъ что нибудь, дѣлаетъ такъ или иначе. Это есть сторона ея *особенности*.

Итакъ въ 3-хъ, въ волѣ соединяются обѣ предъидущія стороны: она опредѣляетъ сама себя. Воля есть наклонность къ добру, проистекающая изъ яснаго представленія разума. Въ одно и тоже время она и пребываетъ въ себѣ самой, въ своей тождественности съ собою и всеобщности, и дѣлаетъ себя противоположною себѣ самой, опредѣленною. Находясь въ какомъ нибудь опредѣленномъ состояніи, воля видитъ здѣсь только ограниченіе, отъ ней самой происшедшее, и посредствомъ ея существующее; она не связывается этимъ ограниченіемъ, она можетъ въ каждую минуту отрѣшиться отъ него, и если находится въ немъ, то единственно потому, что сама хочетъ въ немъ находиться. Она сама производитъ свой міръ и властвуетъ надъ нимъ. Чѣмъ она производительнѣе въ этомъ случаѣ, тѣмъ полнѣе она существуетъ. Это есть — *единичность* воли.

β) Ступени развитія воли по формѣ.

§ 15.

Такова воля въ ея существѣ. Но при этомъ существѣ она по своей формѣ представляется намъ на различныхъ *ступеняхъ* бытія.

§ 16.

Литература. Hegel, Grundlinien der Philosophie des Rechts. § 115—120. — *Michelet*, System der philosophischen Moral. Berlin, 1828. S 17—106.

Воля представляется на различныхъ *ступеняхъ* бытія по своей *формѣ*. Образъ и мѣра ея хотѣнія различны. Всякое обнаруженіе воли, всякая перемѣна въ предметахъ, произведенная волею, называется дѣяніемъ. Во всякомъ дѣяніи соединяются два условія: познаніе предметовъ и опредѣленіе ихъ силою воли. На различномъ отношеніи сихъ двухъ условій при совершеніи волею дѣянія, основывается и различная мѣра ея участія въ дѣяніи. Прежде всего отношеніе между познаніемъ предметовъ и опредѣленіемъ оныхъ силою воли можетъ быть только непосредственное, такъ что то и другое совершается въ одномъ нераздѣльномъ мгновеніи: дѣянія сего рода мы называемъ только *произвольными*. Таковы большею частію

дѣянія, совершаемыя во время сильныхъ сердечныхъ движеній. Двѣ означенныя стороны въ дѣяніи, далѣе отдѣляются одна отъ другой: воля опредѣляетъ предметъ, въ слѣдствіе составленнаго предварительно объ немъ понятія, она обсуживаетъ сначала и потомъ уже рѣшается; но это обсуживаніе простирается еще на одни отдѣльныя обстоятельства, изъ коихъ слагается цѣлое происшествіе: дѣянія сего рода могутъ быть названы уже *обдуманными*. Напр. полуумный поджигаетъ извѣстную часть дома, совсѣмъ не представляя того, что отсюда произойдетъ пожаръ. Отдѣльныя обстоятельства, наконецъ, всѣ сосредоточиваются въ какомъ нибудь общемъ качествѣ, дающемъ общее названіе цѣлому дѣянію. напр. названіе благотворенія, самопожертвованія, убійства, зажигательства. Воля, возвышающаяся надъ всѣмъ особеннымъ и опредѣленнымъ, сознаетъ это общее качество и сама имѣетъ его въ виду: дѣянія, отсюда проистекающія, называются *намѣренными*. Здѣсь воля по формѣ является на высшей ступени своего бытія: здѣсь она, отрѣшаясь отъ предмета, существуетъ уже вся въ самой себѣ, обозрѣваетъ какъ особенныя отдѣльныя стороны предмета, такъ и его общее существо, и только то изъ цѣлаго происшествія признаетъ своимъ произведеніемъ, и вообще своимъ, что было ей извѣстно и чего она сама хотѣла непосредственно.

б) Добро.

§ 17.

Литература. Hegel, Grundlinien der Philosophie des Rechts, § 9—20 und 121—124. — *Michelet*, System der philosophischen Moral. S. 107—183.

Предметъ хотѣнія воли вообще есть добро. Виды добра и самоопредѣленія воли по отношенію къ нему различны.

Прежде всего добро есть то, что удовлетворяетъ естественнымъ влеченіямъ сердца (пожеланіямъ, наклонностямъ). Воля хочетъ этого добра и это хотѣніе въ волѣ существуетъ непосредственно отъ самой природы. Но каждое естественное влеченіе само въ себѣ неопредѣленно, относится ко множеству предметовъ и допускаетъ различные способы удовлетворенія. Воля выходитъ изъ сей неопредѣленности, увлекаясь въ какую нибудь одну сторону. Добро естественное, единичное — воля чувственная единичная. Хотя состояніе, отсюда происходящее, есть мое состояніе, впрочемъ оно ни въ какомъ отношеніи не есть дѣло моей воли. Добро естественное, — воля естественная.

Но, далѣе, воля, бывъ обращена сама къ себѣ, возвышается надъ даннымъ отъ природы своимъ содержаніемъ, надъ естественными влеченіями и различными способами ихъ удовлетворенія. Она не привязана къ тому или другому въ этомъ содержаніи, она можетъ рѣшиться на то или другое, избрать то или другое. Еще болѣе: возвышаясь надъ всѣми сердечными влеченіями, взятыми въ ихъ раздѣльности, и поставляя для себя цѣлію удовлетворить всѣмъ сердечнымъ влеченіямъ въ цѣлой ихъ совокупности, воля стремится къ цѣлому благосостоянію. Здѣсь особенное влеченіе сердца значитъ не болѣе, какъ сколько значитъ часть въ цѣломъ, въ системѣ; въ виду имѣется только цѣлое, а все особенное должно служить только орудіемъ для его осуществленія. Съ сею цѣлію разумъ разбираетъ сердечныя влеченія, сравниваетъ ихъ другъ съ другомъ, съ средствами и послѣдствіями ихъ удовлетворенія, съ ихъ цѣлостію, благосостояніемъ, приноситъ одно влеченіе на жертву другому, ограничиваетъ одно влеченіе для другаго въ количествѣ и качествѣ; такимъ, внѣшнимъ, образомъ очищаетъ данный матеріалъ отъ природной его грубости, налагаетъ на него свою печать, и, сосредоточивая все къ одной общей цѣли, даетъ ему формальную всеобщность. Въ стремленіи къ одной общей цѣли воля получаетъ внутреннюю самостоятельность: влеченія сердца не увлекаютъ ее слѣпо къ тому или другому; напротивъ она сама назначаетъ для нихъ мѣру и предѣлъ, соображаясь во всемъ съ цѣлымъ, сама даетъ себѣ направленіе. Добро — счастіе особенное для разныхъ классовъ лицъ, воля — разсудительная, особенная. Но при этомъ положеніи воли предметы ея хотѣнія въ первомъ своемъ началѣ остаются все еще данными извнѣ, отъ природы, хотя они и являются уже въ очищенномъ видѣ. Слѣдствія этого суть: воля окончательнымъ образомъ не опредѣляетъ здѣсь сама себя, но опредѣляется извнѣ; она имѣетъ для своей дѣятельности только ограниченный кругъ предметовъ и находится въ необходимости избирать между тѣмъ или другимъ изъ нихъ; добро существуетъ для ней, только какъ для воли особенной, противоположной по своимъ видамъ и цѣлямъ всякой другой волѣ. Все это представляетъ совершенное противорѣчіе истинному существу воли. Къ существу ея принадлежитъ — опредѣлять себя изъ себя самой, быть самостоятельною въ своей дѣятельности, возвышаться надъ всѣмъ особеннымъ.

Итакъ воля наконецъ совершенно отрѣшается отъ естественныхъ влеченій, и независимо отъ нихъ опредѣляетъ себя въ своемъ

хотѣніи чисто изъ себя самой: она сознаетъ свое чистое существо, свою силу — дѣйствовать изъ себя самой, и стремится ее обнаруживать, стремится къ той творческой дѣятельности, какая, въ высшей степени, принадлежитъ Божеству: конечное существо, сознавая свою зависимость отъ Существа Безконечнаго, необходимо признаетъ такое отношеніе своей дѣятельности къ дѣятельности Божества. Посему опредѣленнѣйшій и собственнѣйшій предметъ хотѣнія чистой воли составляетъ: подражать своею дѣятельностію Божеству, образуя все въ своемъ кругѣ по идеѣ Божественнаго и такимъ образомъ во всемъ по возможности изображая Божество. И природа есть изображеніе Божества. Но чѣмъ природа есть безъ собственнаго хотѣнія и сознанія, тѣмъ воля хочетъ быть съ сознаніемъ и по своему внутреннему побужденію.

§ 18.

Дѣйствіемъ воли Божественное проявляется и раскрывается 1) *въ существахъ нравственныхъ*, 2) *въ природѣ*.

Въ существахъ нравственныхъ. Каждое нравственное конечное существо имѣетъ различныя способности: кромѣ способностей, относящихся непосредственно къ дѣйствованію, способности познанія и способности чувствованія. Для каждаго ряда сихъ способностей есть свое особенное совершенство, опредѣляемое идеею Божественнаго въ особенномъ ея приложеніи къ каждому ряду. Долгъ нравственнаго существа есть непрерывно развивать въ себѣ и въ другихъ эти способности согласно съ идеею Божественнаго и такимъ образомъ все выше и выше возводить ихъ къ совершенству. Чѣмъ полнѣе и совершеннѣе будетъ такое развитіе, тѣмъ полнѣе, тѣмъ совершеннѣе нравственное существо будетъ проявлять и изображать собою Божественное.

Въ природѣ. Природа сама по себѣ есть уже изображеніе Божества. Но она въ простомъ ея видѣ можетъ не соотвѣтствовать цѣлямъ существа нравственнаго; ея простое выраженіе можетъ быть невразумительно для духа. Итакъ она должна сдѣлаться живымъ органомъ духа, твердымъ и послушнымъ орудіемъ его велѣній для достиженія его цѣлей; она должна сдѣлаться выраженіемъ идей Божественныхъ, для него понятнымъ и ощутимымъ, выраженіемъ, которое бы онъ могъ обнять своими силами, выраженіемъ въ томъ видѣ, какой можетъ быть для него особенною потребностію.

в) Общество нравственныхъ существъ.

§ 19.

Конечное нравственное существо мы не иначе можемъ представить себѣ какъ въ *обществѣ* съ другими существами нравственными. Общество есть единственно возможный для него кругъ дѣйствія. Каждое нравственное конечное существо состоитъ въ необходимомъ общеніи со всѣмъ міромъ нравственныхъ существъ.

Основаніе такого общенія есть *общеніе* нравственныхъ конечныхъ существъ *съ Высочайшимъ Нравственнымъ Существомъ, Богомъ.* Конечное существо само по себѣ не имѣетъ никакого достоинства; его достоинство основывается на его единствѣ съ Безконечнымъ, на томъ, что силы его устремилися къ Божественному, что въ его дѣятельности выражается Божественное, что Божество, говоря въ собственномъ смыслѣ, живетъ въ немъ и дѣйствуетъ, составляя начало, средину и конецъ его дѣяній.

Изъ общенія съ Богомъ для нравственныхъ конечныхъ существъ проистекаетъ *общеніе и между собою.* Находясь въ общеніи съ Богомъ, чрезъ то самое нравственныя конечныя существа находятся и въ искреннѣйшемъ общеніи другъ съ другомъ. Какъ они любятъ Божественное во всѣхъ видахъ его существованія, то созерцая взаимно другъ въ другѣ образъ и жизнь Божества, они любятъ другъ друга такъ же, какъ любятъ все Божественное. Всѣ лица нравственнаго міра дѣлаются такимъ образомъ какъ бы одно лице, повторяющееся и существующее во множествѣ лицъ отдѣльныхъ. При существованіи такого общенія между всѣми нравственными конечными существами, посредствомъ общей соединенной ихъ дѣятельности, Божественное можетъ проявиться и выразиться гораздо полнѣе, чѣмъ посредствомъ частной ихъ дѣятельности; многія изъ нихъ, можетъ быть, развивая себя отдѣльно, безъ содѣйствія и поощренія со стороны другихъ, не могли бы сдѣлать никакихъ значительныхъ успѣховъ на пути къ своему совершенству, или бы сіи успѣхи были очень медленны и всегда ниже тѣхъ, какіе бы могли быть сдѣланы при совокупной дѣятельности; независимо отъ сего, во взаимныхъ другъ къ другу отношеніяхъ для дѣятельности каждаго лица открывается новое поприще; наконецъ организмъ жизни общественной, самъ въ себѣ способенъ быть достойнѣйшимъ, сильнѣйшимъ и величественнѣйшимъ проявленіемъ и выраженіемъ Божественнаго.

§ 20.

Все сказанное простирается и на *людей*, какъ на нравственныя существа. Люди находятся также въ общеніи съ Богомъ и со всѣмъ высшимъ, хотя ограниченнымъ, міромъ духовнымъ. Но особенно они имѣютъ своимъ предназначеніемъ проявлять и изображать Божественное въ общеніи съ подобными себѣ людьми. Сей послѣдній видъ общенія и проявленія здѣсь Божественнаго заслуживаетъ быть особенно разсмотрѣнъ: а) со стороны его *возможности*, б) со стороны его *необходимости*.

§ 21.

Возможность общенія между людьми и полнѣйшаго въ немъ проявленія Божества основывается на единствѣ тѣлесной и духовной природы у всѣхъ людей, представляющемся однакоже въ безконечномъ разнообразіи личныхъ особенностей: безъ единства не можетъ быть общества, безъ разнообразія общество не можетъ быть цѣлымъ живымъ, гармоническимъ. Единство человѣческаго рода и притомъ прежде всего со стороны тѣлеснаго организма не подлежитъ сомнѣнію [19]. Но высшее, истиннѣйшее единство человѣческаго рода заключается въ единствѣ духовной его стороны. Въ семъ отношеніи также несомнѣнно, что духовныя силы какъ въ существѣ своемъ у всѣхъ людей одинаковы, такъ и въ своемъ развитіи необходимо слѣдуютъ однимъ и тѣмъ же законамъ. Итакъ, въ идеѣ человѣчество есть, безспорно, едино, и всѣ люди составляютъ какъ бы одного человѣка. Но столько же очевидно и то, что идея человѣчества, являясь во времени, представляется въ безконечно-разнообразныхъ видахъ — по различію народовъ, половъ, натуральныхъ особенностей каждаго лица, возрастовъ и пр. Особенно высшія силы духа человѣческаго въ своихъ разнообразныхъ дѣйствіяхъ и обнаруженіяхъ могутъ быть до безконечности неистощимы. Высшія ступени ихъ развитія ни мало не исключаютъ разностей между ними въ семъ отношеніи; напротивъ еще, чѣмъ выше стоитъ по своему развитію та или другая сила, тѣмъ она дѣятельнѣе, производительнѣе, разнообразнѣе въ своихъ обнаруженіяхъ, отличнѣе отъ другихъ, особеннѣе. Итакъ родъ человѣческій имѣетъ нужныя условія для совершеннѣйшаго развитія въ немъ общенія, для полнѣйшаго

[19] *Wagner*, Naturgeschichte des Menschen. Kempten, 1831. 2. Theil, S. 209 254.

откровенія въ немъ Божества. Но при началѣ жизни рода человѣческаго исторія не представляетъ намъ ясно ни того, ни другаго; въ послѣдствіи времени — только въ видѣ несовершенномъ.

§ 22.

Тѣмъ не менѣе, имѣя нужныя условія для совершеннѣйшаго развитія общенія, для наиполнѣйшаго откровенія Божественнаго, человѣчеству и необходимо вполнѣ развить въ себѣ первое, изобразить на себѣ послѣднее, и такимъ образомъ представить изъ себя одно цѣлое, во всѣхъ частяхъ своихъ исполненное Божественной жизни. *Необходимость общенія между людьми,* особенно въ отношеніи къ проявленію Божества въ родѣ человѣческомъ, можетъ быть показана съ различныхъ сторонъ: а) оно есть необходимое *условіе* для того, чтобъ Божественное начало жизни могло вполнѣ раскрыться въ человѣчествѣ въ отдѣльныхъ лицахъ; б) оно есть необходимая *форма* для полнѣйшаго проявленія Божества вообще въ цѣломъ родѣ человѣческомъ; в) оно есть наконецъ необходимое *послѣдствіе* совершеннаго раскрытія жизни Божественной между людьми.

а) *Общеніе между людьми есть необходимое условіе для того, чтобъ Божественное начало жизни могло раскрыться въ отдѣльныхъ лицахъ рода человѣческаго, сколько это возможно на землѣ.* Человѣкъ имѣетъ высокое назначеніе. Все, чему положенъ зародышъ въ немъ, все то должно въ немъ развиться, и притомъ развиться посредствомъ его дѣятельности. Во первыхъ, вся внѣшняя сторона его бытія должна сдѣлаться откровеніемъ Божественнаго. Въ семъ отношеніи тѣлесный его организмъ допускаетъ величайшее развитіе и усовершимость, и власть его надъ вещественнымъ міромъ можетъ расширяться безъ конца. Такое внѣшнее развитіе природы человѣческой уже само по себѣ составляетъ задачу обширную; но сія задача становится еще труднѣе отъ того, что совершеннѣйшее развитіе физической стороны человѣка необходимо предполагаетъ такое же развитіе и его духовной стороны. Во вторыхъ, духовная или внутренняя сторона человѣка также должна сдѣлаться вполнѣ образомъ и изображеніемъ существа Божественнаго. Въ семъ отношеніи духъ человѣческій во всѣхъ своихъ направленіяхъ стремится къ безконечному, къ безусловно-совершенному — къ полной истинѣ, къ совершеннѣйшей красотѣ, къ верховному благу. Между тѣмъ взятый отдѣльно отъ своего великаго цѣлаго — человѣчества, человѣкъ представляется ограниченнымъ со всѣхъ сторонъ. Свой міръ

онъ долженъ произвесть самъ собою. Но уже самое его рожденіе на свѣтъ не есть для него дѣйствіе собственной воли. Его земное бытіе потомъ ограничивается только небольшимъ числомъ нѣсколькихъ лѣтъ; едва начинается его физическая жизнь, какъ его постигаетъ уже смерть. Его духовная высшая дѣятельность состоитъ подъ вліяніемъ нисшей, чувственной его природы: невѣжество, заблужденія, огрубѣніе чувства для истинной красоты, пороки, безнравственность дѣлаются уже потому единственно неизбѣжными; но сверхъ сего, по необходимому вліянію разума, сердца и воли другъ на друга, эти силы человѣка, бывъ каждая порознь извращенными, въ совокупной дѣятельности еще болѣе дѣлаются несовершенными; наконецъ мысль человѣка можетъ случайно согласоваться съ истиною, его чувствованіе быть по случаю прекраснымъ, его дѣйствіе случайно быть сообразнымъ съ требованіями нравственности, — но для полнаго совершенства требуется здѣсь не случайное, а необходимое согласіе, согласіе, основанное на волѣ самаго человѣка, — его дѣйствіе всегда должно быть дѣйствіемъ въ полномъ самосознаніи. Изъ всѣхъ этихъ границъ человѣкъ исторгается посредствомъ общенія съ своимъ цѣлымъ неограниченнымъ — съ своими современниками, съ своимъ прошедшимъ, съ своимъ потомствомъ и дѣлается самъ неограниченнымъ. Столкновеніе съ другими людьми пробуждаетъ его отъ глубокаго физическаго усыпленія. Въ происходящемъ отсюда треніи способности его мало по малу раскрываются, острятся. На другихъ онъ видитъ, что такое онъ есть самъ въ собственномъ своемъ существѣ, и такимъ образомъ достигаетъ до самосознанія. То, чего одинъ человѣкъ, одно поколѣніе никогда бы не могли сдѣлать, то, при соединеніи общихъ усилій къ одной цѣли, становится теперь весьма легкимъ. Что испыталъ, открылъ, довелъ до совершенства одинъ человѣкъ, одинъ народъ, одинъ вѣкъ, то становится теперь общимъ достояніемъ; каждый можетъ пользоваться имъ, какъ своимъ собственнымъ, и на семъ основаніи итти далѣе къ своей цѣли. Общее наслѣдіе передается такимъ образомъ изъ рода въ родъ, и притомъ всегда съ новымъ приращеніемъ. Человѣчество все болѣе и болѣе освобождается изъ подъ владычества природы, все болѣе и болѣе возвышается надъ нею и покоряетъ ее своему владычеству, все болѣе и болѣе преуспѣваетъ на пути своего усовершенствованія физическаго, умственнаго, эстетическаго, нравственнаго, политическаго, религіознаго. Когда при общей дѣятельности нижніе ступени однажды будутъ пройдены, то послѣ сего другіе люди могутъ

пробѣгать ихъ въ нѣсколько мгновенiй, между тѣмъ какъ для того, чтобъ въ первый разъ взойти на нихъ, цѣлому роду человѣческому надлежало употребить тысячи лѣтъ. Даже тѣ совершенства, блага другихъ, которыхъ извѣстный человѣкъ, народъ не усвоилъ себѣ въ дѣйствительной жизни, онъ, самъ съ своей стороны исполняя свое особенное назначенiе, можетъ по всей справедливости назвать своими, какъ сотрудникъ въ общемъ дѣлѣ человѣчества. — Такимъ образомъ порядокъ жизни общественной, одинъ разъ возникшiй и потомъ непрерывно совершенствующiйся, раскрываетъ идею добра во всѣхъ ея направленiяхъ и ея существованiе дѣлаетъ необходимостiю. Все здѣсь становится произведенiемъ нравственности, все совершается для цѣлей разумныхъ и съ сознанiемъ. Прежде всего рожденiе человѣка на свѣтъ перестаетъ быть дѣломъ случая и одной природы. Онъ раждается въ нѣдрахъ союза нравственнаго, устроеннаго и освященнаго обществомъ, и раждаясь отъ людей, въ которыхъ первоначальная, грубая природа уже претворена сообразно цѣлямъ нравственнымъ, онъ получаетъ съ самымъ рожденiемъ тѣло и душу, физически уже столько совершенныя, сколько совершенно состоянiе общества. Попеченiемъ родителей и заботливостiю цѣлаго общества, онъ вскармливается въ самыхъ нѣжныхъ лѣтахъ его жизни и охраняется отъ всѣхъ опасностей. Воспитанiе, раскрывая, образуя всѣ его способности, усвояетъ ему, превращаетъ въ его существо тотъ образъ мыслей, чувствованiй, желанiй, дѣйствiй, который господствуетъ въ обществѣ, и поставляетъ его въ самое короткое время на ту ступень, на которой находится уже все общество. Выступая на обширное поприще свѣта, онъ находится тотчасъ въ нравственной атмосферѣ. Онъ можетъ конечно выбирать между добромъ и зломъ. Но если онъ захочетъ быть добрымъ, тогда все питаетъ въ немъ добрыя чувствованiя, все способствуетъ ему въ укорененiи добрыхъ его намѣренiй, все помогаетъ ему въ добрыхъ его предпрiятiяхъ; если же онъ захочетъ быть злымъ, тогда онъ остается одинъ съ немногими ему подобными, все вооружается противъ него, и онъ, если не можетъ быть истинно добрымъ, долженъ по крайней мѣрѣ казаться таковымъ. Общество раздѣляетъ съ нимъ всѣ свои блага, назначаетъ ему кругъ дѣйствiя, гдѣ онъ вполнѣ можетъ раскрыть свои сокровенныя силы, — даетъ ему въ своихъ установленiяхъ средства для того, чтобъ онъ могъ вести жизнь достойную существа нравственнаго, — ограждаетъ его въ мирной его дѣятельности противъ несчастiй физическихъ, противъ

случайнаго стеченія обстоятельствъ жизни общественной, противъ внутренняго злодѣйства, противъ внѣшнихъ непріятелей.

б) *Общеніе между людьми есть необходимая форма для совершеннѣйшаго откровенія Божества вообще въ цѣломъ родѣ человѣческомъ.* Когда существуетъ между людьми общеніе, то въ слѣдствіе разныхъ особенностей, общихъ только нѣкоторымъ изъ нихъ, сами собою образуются между ними различные роды лицъ, соединенныхъ между собою въ одно общество. Каждое такое общество, развивая только свою частную особенность, но общими силами, тѣмъ совершеннѣе развиваетъ ее, тѣмъ величественнѣе, тѣмъ ярче, какъ одно цѣлое, выражаетъ Божественное въ особенномъ къ ней приложеніи. Составляя въ своей совокупности одно стройное цѣлое, они раскрываютъ такимъ образомъ и проявляютъ Божественное среди людей въ размѣрѣ самомъ огромнѣйшемъ: сколько цѣлое превосходнѣе своей части, столько проявленіе Божественнаго въ цѣломъ вообще родѣ человѣческомъ можетъ быть превосходнѣе въ сравненіи съ проявленіемъ онаго въ единичномъ человѣкѣ; тамъ оно изображается большими словами, здѣсь только малыми.

в) *Общеніе между людьми есть необходимое слѣдствіе осуществленія высшихъ цѣлей человѣчества.* Между тѣмъ какъ, находясь на нисшей ступени человѣческаго образованія, люди представляются намъ въ разнообразныхъ несовершенныхъ видахъ, на высочайшей ступени духовнаго совершенства, каждый изъ нихъ служитъ вполнѣ изображеніемъ и проявленіемъ Божественнаго. Каждый посему здѣсь составляетъ одно съ другими, каждый есть тоже, что и другіе. Видя въ другихъ жизнь тогоже Божественнаго начала, которое раскрылось въ немъ самомъ, онъ любитъ ихъ такъ же, какъ любитъ себя самаго, и какъ любитъ все Божественное. Такимъ образомъ всѣ здѣсь, имѣя одно существо, проникнуты другъ другомъ, живутъ другъ въ другѣ; между ними существуетъ глубочайшее общеніе всей жизни. — Ясно, что такое же отношеніе должно господствовать между людьми и на нижнихъ ступеняхъ совершенства. Тоже высочайшее совершенство, которое на высочайшей ступени своего раскрытія соединяетъ людей какъ нѣчто, уже дѣйствительно существующее, какъ нѣчто, вполнѣ ими достигнутое, тоже высочайшее совершенство на нисшей степени своего раскрытія соединяетъ ихъ какъ предметъ ихъ вѣры и надежды, какъ нѣчто, уже не вполнѣ достигнутое.

§ 23.

Итакъ по самой природѣ своей нравственныя существа находятся въ необходимомъ общенiи со всѣми нравственными существами, и люди въ особенности — въ общенiи со всѣми людьми. Вѣрность одного нравственнаго существа цѣлому обществу (союзу) нравственныхъ существъ есть *Правда* (Justitia) въ обширнѣйшемъ смыслѣ. *Праведнымъ* мы называемъ не только все то, что не противорѣчитъ свойству этого общенiя (съ отрицательной стороны), но еще болѣе то, что служитъ къ сохраненiю и укрѣпленiю союза нравственныхъ существъ между собою (съ положительной стороны); *неправеднымъ* напротивъ называемъ все то, что ослабляетъ и разрушаетъ этотъ всеобщiй союзъ нравственныхъ существъ.

Примѣч. 1. Доказательство истины такого понятiя о предметѣ, который мы называемъ правдою, заключается во всемъ предшествовавшемъ изложенiи.

Примѣч. 2. Праведное въ означенномъ нами обширномъ смыслѣ, совпадаетъ вообще съ нравственно-добрымъ. Всѣ нравственныя должности, всѣ добродѣтели можно съ такою же полнотою вывести изъ понятiя о союзѣ нравственныхъ существъ и правдѣ, какъ и изъ понятiя о нравственно-добромъ. Въ самомъ дѣлѣ, чтобъ быть достойнымъ и полезнымъ и даже безвреднымъ членомъ нравственнаго общества, чего бы человѣкъ не долженъ былъ дѣлать по отношенiю къ себѣ самому, другимъ нравственнымъ существамъ, природѣ? какой бы могъ онъ не имѣть добродѣтели? Все различiе между понятiемъ правды и понятiемъ нравственно-добраго, состоитъ въ томъ, что понятiе правды непосредственно заключаетъ въ себѣ отношенiе къ обществу, между тѣмъ какъ понятiе о нравственно-добромъ не имѣетъ прямаго отношенiя къ обществу [20].

II. О СУЩЕСТВѢ ОБЯЗАННОСТЕЙ И ПРАВЪ.

§ 24.

Ближайшiй и непосредственный образъ существованiя правды въ обществѣ составляютъ *права и обязанности*.

При существованiи извѣстнаго союза необходимо образуются

[20] Cp. Aristotel. Eth. Nicom. V. 1. и Michelet, das System der philosophischen Moral. Berlin, 1828. S. 229—231. Cp. также *Schliephake,* Die Grundlagen des sittlichen Lebens. Wiesbaden, 1855.

между членами онаго нѣкоторыя отношенія. Во первыхъ, всѣ они, какъ отдѣльныя лица, находятся въ отношеніи другъ къ другу; во вторыхъ, всѣ они, взятые порознь, находятся въ отношеніи къ цѣлому союзу, какъ цѣлому; въ третьихъ, цѣлый союзъ, изъ нихъ составленный, какъ одно цѣлое можетъ находиться въ отношеніи къ другимъ подобнымъ союзамъ.

Правда требуетъ, чтобъ лица, находящіяся въ такихъ отношеніяхъ, во взаимномъ обращеніи другъ съ другомъ поступали сообразно съ нею, т. е. такъ, какъ требуетъ ея существо въ особенномъ его приложеніи къ симъ отношеніямъ; другими словами, какъ требуетъ особенное существо и благо каждаго изъ этихъ отношеній, какъ союзовъ нравственныхъ. Что по самому свойству этихъ отношеній, для сохраненія и преуспѣянія ихъ, нужно имѣть одной сторонѣ, того другая, доколѣ будетъ руководиться правдою, не можетъ не признать за нею, не можетъ не хотѣть ей, не можетъ не дѣлать для ней, равно какъ и сама она не можетъ не хотѣть себѣ того же, не можетъ не предпринимать для осуществленія своего хотѣнія всего, что согласно съ правдою, и всякой долженъ уважать ея волю. Такимъ образомъ здѣсь воля одного лица, какъ воля согласная съ требованіями правды, есть вмѣстѣ и волею другаго лица, которое, принадлежа къ тому же союзу, признаетъ тѣже самыя начала правды; воля одного лица, какъ основанная на правдѣ, здѣсь имѣетъ силу опредѣлять дѣятельность другихъ лицъ, дабы они дѣлали что нибудь или воздерживались отъ чего нибудь. Такая сила называется властію. Итакъ здѣсь одному лицу, по отношенію къ другому, принадлежитъ власть, основанная на правдѣ. Власть лица надъ лицемъ, основанную на правдѣ, мы называемъ вообще *правомъ* (jus) [21], отношеніе лица подвластнаго къ тому, которое имѣетъ власть надъ нимъ, *обязанностію* (officium).

Примѣч. 1. Мы говоримъ: право есть *власть лица*. Вещь не можетъ имѣть ни надъ чѣмъ власти нравственной. Если приписываютъ иногда права вещамъ, напр. разнаго рода заведеніямъ, то

[21] Право (jus, das Recht, le droit) употребляется въ различныхъ смыслахъ. Оно употребляется 1) въ томъ, который означенъ въ текстѣ. Въ этомъ смыслѣ оно, какъ извѣстное качество лица, подлежащаго (Subjectum), называется правомъ въ смыслѣ подлежательномъ (jus subjectivum, jus sensu subjectivo). 2) Оно употребляется въ смыслѣ закона, законодательства, ученія о законахъ (напр. Римское право) и называется правомъ въ смыслѣ предлежательномъ или предметномъ (jus objectivum, jus sensu objectivo).

приписываютъ не въ собственномъ смыслѣ, означая именемъ вещи только извѣстную совокупность лицъ.

Примѣч. 2. Мы говоримъ: право есть ***власть надъ лицемъ.*** Во всѣхъ законодательствахъ упоминаются права на вещи. Но такое выраженіе собственно означаетъ только право извѣстнаго лица по отношенію къ вещи противъ каждаго вообще лица. Самая вещь, такъ какъ она не есть какое либо нравственное существо, можетъ находиться только въ физической власти лица.

§ 25.

Права и обязанности могутъ возникать: 1) изъ отношеній одного члена общества къ другимъ сочленамъ; 2) изъ отношеній членовъ общества къ своему обществу; 3) изъ отношеній самаго общества къ другимъ, какія могутъ существовать, обществамъ. На этомъ основаніи можно всегда различать три рода правъ и обязанностей въ обществѣ: 1) права и обязанности *частныя;* 2) права и обязанности *общественныя внутреннія;* 3) права и обязанности *общественныя внѣшнія.*

III. ПОНЯТІЕ ЗАКОНА.

§ 26.

Права и обязанности въ обществѣ опредѣляются и охраняются *закономъ.*

§ 27.

Законъ (lex) вообще есть правило, по которому что нибудь необходимо происходитъ. Правило, по которому должна происходить дѣятельность существъ нравственныхъ, если они не хотятъ отказаться отъ своего нравственнаго достоинства, хотя физически и могутъ не поступать по оному, называется въ частности *закономъ нравственнымъ.* Правило, по которому должны поступать нравственныя существа въ обществѣ, если они не хотятъ отказаться отъ самой жизни общественной, можетъ быть названо точнѣе *закономъ общественнымъ.*

§ 28.

Законъ общественный, какъ и вообще законъ нравственный, состоитъ изъ двухъ частей, изъ которыхъ одна можетъ быть названа частію *опредѣлительною,* другая частію *охранительною.*

Законъ общественный прежде всего *опредѣляетъ* права и обязанности какъ членовъ общества другъ къ другу и цѣлому обществу, такъ и цѣлаго общества къ его членамъ и другимъ нравственнымъ обществамъ. Въ семъ отношеніи онъ или повелѣваетъ что либо дѣлать и называется закономъ повелительнымъ, или запрещаетъ и называется запретительнымъ, или позволяетъ и называется позволительнымъ. Впрочемъ какого бы рода законъ ни былъ, онъ по существу своему всегда есть изображеніе вѣчныхъ началъ правды.

Опредѣливъ право или обязанность, законъ далѣе установляетъ *мѣры* для ихъ *охраненія,* или, что тоже, для огражденія себя въ своемъ дѣйствіи со стороны нарушеній. Въ этомъ выражается необходимость закона. Безполезенъ былъ бы самый законъ, еслибъ его исполненіе и осуществленіе не было обезпечено. Съ сею цѣлію законъ 1) заботится о томъ, чтобъ предупредить нарушеніе правъ, доколѣ оно еще не сдѣлано; 2) пресѣкаетъ нарушеніе правъ, когда оно совершается; 3) уничтожаетъ нарушеніе правъ, уже свершившееся, возстановляя нарушенныя права въ ихъ прежней силѣ и дѣйствіи. Нарушеніе правъ, опредѣленныхъ закономъ, возможно съ двухъ сторонъ: со стороны самихъ существъ нравственныхъ и со стороны природы, когда она устремляетъ свои враждебныя силы противъ существъ нравственныхъ и нравственнаго порядка. Въ томъ и другомъ случаѣ прямое и непосредственное обезпеченіе закона заключается въ самой волѣ нравственныхъ существъ. Надъ ними законъ ихъ вообще властвуетъ не съ меньшею силою, чѣмъ законъ физическій надъ существами физическими. Потому они исполняютъ законъ свой, во первыхъ, для него самаго, независимо отъ какихъ нибудь стороннихъ побужденій. Но къ существу самой правды принадлежитъ, за добро нравственное воздавать тѣмъ, которые его дѣлаютъ, и добро физическое, за зло нравственное и зло физическое. Почему для воли ни мало не можетъ быть предосудительнымъ, если она ищетъ добра физическаго какъ слѣдствія добра нравственнаго, бѣжитъ зла физическаго какъ слѣдствія зла нравственнаго, и дѣлаетъ добро, имѣя въ виду награду, уготованную доблести, — уклоняется отъ зла, страшась наказаній, слѣдующихъ за порокомъ. Для тѣхъ изъ существъ нравственныхъ, въ умѣ которыхъ не взошло еще полное сознаніе закона нравственнаго, представленіе наградъ, сопровождающихъ добро, и наказаній, слѣдующихъ за зломъ, можетъ быть даже почти единственнымъ побужде-

ніемъ къ исполненію законовъ. Итакъ законъ обезпечиваетъ исполненіе своихъ требованій со стороны существъ нравственныхъ, во вторыхъ, обѣщая награды исполнителямъ, грозя наказаніями преступникамъ, и приводя дѣйствительно какъ свои обѣщанія, такъ и угрозы въ исполненіе. Въ третьихъ, наконецъ, весь порядокъ жизни общественной можетъ быть учрежденъ такъ, чтобъ въ немъ одно звѣно поддерживалось другимъ, а равно могутъ быть приняты особыя мѣры для предупрежденія преступленій и пресѣченія ихъ въ самомъ началѣ. Такимъ же образомъ на случай столкновенія съ природою, воля имѣетъ въ себѣ довольно силы, чтобъ выдержать борьбу съ нею.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

О СУЩЕСТВѢ ЗАКОНА ВНѢШНЯГО.

I. О ПРАВДѢ ВО ВНѢШНЕМЪ ОБЩЕСТВѢ.

§ 29.

Общеніе между людьми, по самой двойственности ихъ природы, есть двоякаго рода: во первыхъ *внутреннее*, по мыслямъ, чувствованіямъ, желаніямъ; но, во вторыхъ, внутреннее общеніе между людьми, не переставая быть внутреннимъ, въ тоже время дѣлается по необходимости и *внѣшнимъ*, такъ какъ вообще все внутреннее у человѣка выражается во внѣшнемъ. Изъ внутренняго союза между людьми образуется по сему тотчасъ союзъ внѣшній, *общество внѣшнее. Начала правды* вмѣстѣ съ симъ дѣлаются также *внѣшними;* они изрекаются, признаются въ этомъ внѣшнемъ обществѣ. Начала правды здѣсь 1) имѣютъ внутреннюю обязательную силу для совѣсти человѣка, владычествуютъ надъ нею; но 2) это внутреннее выражается въ то же время и во внѣшности, и внѣшнее имѣетъ только важность и смыслъ, какъ выраженіе внутренняго. Такимъ отразомъ 3) обѣ стороны необходимо соединяются между собою и одна не болѣе и не менѣе существуетъ, какъ и другая. Все внутреннее существуетъ внѣшнимъ образомъ, и внѣшнее учрежденіе общества есть только видимое бытіе внутренняго. Посредствомъ такого соединенія внутреннее получаетъ твердость и очевидность, внѣшнее — достоинство и величіе.

§ 30.

Важнѣйшее мѣсто между разными видами внѣшняго общества принадлежитъ въ родѣ человѣческомъ *Государству*. Оно есть общество самостоятельное, гдѣ всѣ высшія цѣли жизни человѣческой получаютъ для себя средоточіе и по возможности полное удовлетвореніе, и притомъ необходимымъ и прочнымъ образомъ. Вѣрность человѣка союзу своего Государства можетъ быть названа *правдою по смыслу Государства*. Праведное въ этомъ смыслѣ есть тоже самое, что и вообще праведное, но въ томъ его видѣ, какъ оно признано и существуетъ въ Государствѣ.

II. О ПРАВАХЪ И ОБЯЗАННОСТЯХЪ ВО ВНѢШНЕМЪ ОБЩЕСТВѢ.

§ 31.

Такимъ образомъ нравственная власть одного лица надъ другимъ, названная нами правомъ, можетъ быть, во первыхъ, только внутреннимъ отношеніемъ — побужденіемъ совѣсти, дѣйствіемъ души на душу, представленія на представленіе. Но, во вторыхъ, какъ между людьми изъ внутренняго общенія само собою образуется внѣшнее общество, и притомъ въ важнѣйшемъ его видѣ — въ видѣ Государства; такъ и внутренняя власть человѣка надъ человѣкомъ въ Государствѣ получаетъ для себя внѣшнее, твердое бытіе. Итакъ право въ Государствѣ, по истинному своему существу, есть власть человѣка надъ человѣкомъ, основывающаяся на правдѣ и потому признанная въ Государствѣ; обязанность — противное этому.

§ 32.

По свойству отношеній, въ какихъ можетъ находиться Государство и лица, къ нему принадлежащія, мы различаемъ въ Государствѣ два главныхъ союза: *внутренній союзъ* и *внѣшній;* первый есть, далѣе, или *государственный* или *гражданскій*. Внутренній союзъ есть тотъ, который существуетъ внутри Государства. Внутри Государства во первыхъ всѣ лица, принадлежащія къ Государству, какъ отдѣльныя, особенныя лица, находятся въ разнообразныхъ отношеніяхъ другъ къ другу; совокупность всѣхъ отношеній между ними называется союзомъ гражданскимъ. Во вторыхъ, каждое изъ лицъ, принадлежащихъ къ Государству, какъ лице отдѣльное, находится въ различныхъ отношеніяхъ къ цѣлому Государству, какъ цѣ-

лому и наоборотъ; совокупность сихъ отношеній есть союзъ государственный внутренній. Кромѣ внутренняго союза, Государство, какъ цѣлое, находится въ отношеніяхъ, въ связяхъ съ другими Государствами, какъ цѣлыми; совокупность этихъ отношеній образуетъ союзъ государственный внѣшній, или союзъ народовъ.

По различію означенныхъ союзовъ права и обязанности въ Государствахъ бываютъ также различны и раздѣляются на права и обязанности *государственныя внутреннія, гражданскія* и *государственныя внѣшнія*. Первыя права и обязанности (т. е. государственныя внутреннія) проистекаютъ изъ союза государственнаго внутренняго, вторыя (т. е. гражданскія) — изъ союза гражданскаго, третьи (т. е. государственныя внѣшнія) — изъ союза государственнаго внѣшняго [22].

III. О ЗАКОНАХЪ ВО ВНѢШНЕМЪ ОБЩЕСТВѢ.

§ 33.

Равнымъ образомъ законъ, которымъ опредѣляются и охраняются права и обязанности лицъ въ обществѣ, есть прежде всего внутренній, т. е. который открывается каждому непосредственно его разумомъ и охраняется въ своемъ дѣйствіи одною совѣстію. Но права и обязанности, признанныя во внѣшнемъ обществѣ, и именно въ Государствѣ, опредѣляются и охраняются *закономъ* также *внѣшнимъ*, т. е. признаннымъ въ этомъ внѣшнемъ обществѣ, выраженнымъ во внѣшнихъ знакахъ, и огражденнымъ въ своемъ дѣйствіи внѣшнею силою.

Для руководства людей въ ихъ общественной жизни одного внутренняго закона недостаточно. Если разумъ ихъ недовольно образованъ; то требованія закона внутренняго и вообще могутъ быть для нихъ недовольно ясными; въ такомъ случаѣ надобно, чтобы законъ внѣшній выразилъ прямо и вразумительно сіи требованія. Но если бы вообще сіи требованія и были ясны, то однакоже по самому существу своему они весьма общи и могутъ быть выполнены различнымъ образомъ; при другихъ временныхъ и мѣстныхъ обстоятельствахъ они должны быть и выполняемы другимъ способомъ. При дѣйствованіи эта общность, эта неопредѣленность ихъ должна уничтожиться; общее должно быть приложено къ особенному. Представимъ, что въ этомъ случаѣ каждый изъ людей слѣдуетъ своему соб-

[22] **См. выше § 25.**

ственному усмотрѣнію. Взгляды ихъ на одинъ и тотъ же предметъ могутъ быть весьма различны; одинъ изъ нихъ поражается тою стороною предмета, другой противною; отсюда и сужденіе ихъ объ одномъ и томъ же предметѣ весьма различно. Но въ такомъ случаѣ необходимо должно случиться, что одинъ будетъ почитать согласнымъ съ правдою одно, другой — другое; одинъ будетъ стремиться къ однѣмъ цѣлямъ, другой—къ другимъ, одинъ будетъ употреблять одни средства, другой—другія. Сколько бы люди добры и миролюбивы ни были, каждый изъ нихъ захочетъ дѣйствовать по своимъ понятіямъ о праведномъ и неправедномъ. Такимъ образомъ не только не произойдетъ ничего общаго между ними, но очень легко можетъ случиться, что каждый изъ нихъ, почитая себя правымъ и обижаясь дѣйствіями другаго, будетъ вооружаться противъ него и наносить ему обиды. Итакъ кромѣ закона внутренняго нуженъ другой законъ, который бы общія его требованія раскрылъ въ ихъ частностяхъ и принаровительно къ особеннымъ обстоятельствамъ и случаямъ, дабы люди для своихъ дѣйствій имѣли опредѣлительнѣйшія, неподлежащія сомнѣнію или перетолкованію, правила. Впрочемъ не по одному незнанію требованій закона нравственнаго или по особенному объ нихъ понятію люди не исполняютъ своихъ обязанностей и нарушаютъ права другихъ; нерѣдко они дѣлаютъ это по злой волѣ, внимая болѣе обольщеніямъ чувственности, чѣмъ внушеніямъ совѣсти. Въ этомъ случаѣ кромѣ внутренняго закона опять необходимъ законъ внѣшній, чтобъ установить внѣшнія мѣры, при которыхъ или совсѣмъ было бы невозможно человѣку обнаруживать во внѣшности свою злую волю и быть вреднымъ для общества, или въ крайнемъ случаѣ послѣдствія злыхъ его дѣяній опять вскорѣ уничтожались бы съ возстановленіемъ нарушенныхъ правъ въ ихъ прежней силѣ и важности.

§ 34.

Подобно нравственному закону вообще, Законъ въ Государствѣ и во всякомъ внѣшнемъ обществѣ состоитъ изъ двухъ *частей: опредѣлительной и охранительной* [23], которыя впрочемъ здѣсь представляются съ характеромъ внѣшности.

Законъ Государства, во первыхъ, опредѣляетъ, выражая свою волю внѣшними знаками, права и обязанности членовъ Государства другъ къ другу и къ своему Государству и права и обязанности самаго Государства къ своимъ членамъ и къ другимъ Государствамъ.

[23] См. выше § 28.

Въ семъ случаѣ онъ изрекаетъ только вѣчныя требованія правды, представляя ихъ въ опредѣленнѣйшемъ видѣ, сообразно временнымъ и мѣстнымъ обстоятельствамъ, указывая ближайшіе способы ихъ исполненія и дѣлая ихъ для всѣхъ ясными и очевидными.

Законъ Государства, во вторыхъ, установляетъ внѣшнія мѣры для охраненія опредѣленныхъ имъ правъ и обязанностей. Внутреннія побужденія сохраняютъ полную свою силу надъ человѣкомъ и въ Государствѣ. Принадлежа съ самымъ рожденіемъ къ этому нравственному союзу, возрастая въ немъ, получая воспитаніе въ его духѣ, будучи окруженъ имъ въ своей жизни со всѣхъ сторонъ, человѣкъ исполняетъ его законы, какъ законы собственнаго своего существа, не давая въ себѣ и мѣста какому нибудь сомнѣнію о томъ, должны ли быть они исполняемы; общій духъ народа живетъ въ каждомъ изъ лицъ этого народа и непосредственно даетъ направленіе всѣмъ ихъ дѣйствіямъ; всѣ они мыслятъ, чувствуютъ, дѣйствуютъ въ духѣ своего народа. Но во внѣшнемъ обществѣ права получаютъ для себя и внѣшнее охраненіе. Внутри Государства по различію союзовъ, въ немъ существующихъ, они охраняются мѣрами или гражданскаго порядка, или общаго государственнаго. Мѣры гражданскаго порядка суть тѣ, которыя для охраненія правъ гражданскихъ предпринимаются хотя Государствомъ, но по требованію, при ближайшемъ участіи и для пользы самого лица обиженнаго. Мѣры общаго государственнаго порядка суть тѣ, которыя для охраненія правъ какъ гражданскихъ, такъ и государственныхъ предпринимаетъ и приводитъ въ дѣйствіе само непосредственно Государство, по собственному побужденію, сколько для пользы лицъ обиженныхъ, если обижены частныя лица, столько и для пользы собственной — для пользы цѣлаго Государства, какъ цѣлаго. Къ симъ мѣрамъ общаго государственнаго порядка относятся: 1) мѣры предохранительныя, — Государство старается, чтобъ нарушенія правъ совсѣмъ не было, въ случаѣ же покушенія на то пресѣкаетъ его тотчасъ; 2) мѣры послѣдующія за нарушеніемъ правъ со стороны существъ нравственныхъ, т. е. наказанія. Въ соотвѣтствіи съ наказаніями Государство для поощренія къ гражданскимъ доблестямъ установляетъ различныя награды. Противъ нарушеній извнѣ, т. е. со стороны другихъ Государствъ, права охраняются мѣрами общаго государственнаго порядка, и притомъ или мирными способами, или путемъ непріязненныхъ дѣйствій.

ГЛАВА II.

О происхожденіи и постепенномъ образованіи законовъ.

§ 35.

Совокупность законовъ, дѣйствующихъ въ извѣстномъ Государствѣ, называется *Законодательствомъ* сего *Государства*. Каждое Государство имѣетъ свои особые законы, или даже, по различію обществъ и лицъ, въ немъ находящихся, нѣсколько особыхъ системъ законодательства [24]. При существованіи большаго множества Государствъ на лицѣ земли, во 1-хъ въ пространствѣ, во 2-хъ во времени, существуетъ посему и большое множество законодательствъ. Эта множественность законодательствъ есть во первыхъ, чисто формальная и проистекаетъ изъ того, что обязательная сила каждаго изъ нихъ основывается на постановленіи особаго Государства; по своему содержанію (по матеріи) законы разныхъ Государствъ могутъ быть при этомъ болѣе или менѣе согласны другъ съ другомъ. Но, во вторыхъ, не смотря на нѣкоторое между ними согласіе, и по содержанію они представляются намъ чрезвычайно различными. — Откуда происходитъ и какъ образуется такое множество: 1) законодательствъ *вообще въ родѣ человѣческомъ;* 2) законовъ *внутри опредѣленнаго Государства?*

ОТДѢЛЕНІЕ I.

О ПРОИСХОЖДЕНІИ И ОБРАЗОВАНІИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЪ ВООБЩЕ ВЪ РОДѢ ЧЕЛОВѢЧЕСКОМЪ.

§ 36.

Причиною множественности законодательствъ вообще въ родѣ человѣческомъ есть самое существо *составныхъ частей*, изъ кото-

[24] Законы, дѣйствующіе на всемъ пространствѣ извѣстнаго Государства, называются *общими* его законами; законы, дѣйствующіе только въ извѣстной его части, называются *мѣстными* законами; законы, дѣйствующіе для извѣстнаго класса лицъ, гдѣ бы они въ Государствѣ ни находились, называются законами *личными*.

рыхъ слагается каждое законодательство по различію *источниковъ* нашего *познанія о законахъ* и по различію *основаній обязательной силы законовъ.*

§ 37.

Въ семъ отношеніи мы различаемъ во всякомъ законодательствѣ двѣ составныя части: часть, которая можетъ быть познана непосредственно умомъ, и сама по себѣ имѣетъ обязательную силу, независимо отъ общественнаго постановленія, — *законы естественные;* часть, которая познается не иначе, какъ изъ самаго законодательства, дѣйствующаго въ Государствѣ, и только потому имѣетъ обязательную силу, что она установлена Государствомъ, — *законы чистоположительные*. Первые представляютъ всеобщую и необходимую сторону законодательства, вторые — случайную и ограниченную; первые, взятые въ ихъ совокупности, образуютъ идею законодательствъ, вторые служатъ ея проявленіемъ. Но какъ Государство на самые законы естественные полагаетъ печать своего утвержденія; то все вообще законодательство, дѣйствующее въ извѣстномъ Государствѣ, называется *положительнымъ законодательствомъ.*

§ 38.

Въ дѣйствительности ни которая изъ поименованныхъ частей не можетъ существовать отдѣльно отъ другой и безъ другой: первая, какъ всеобщее, безъ второй, какъ особеннаго, есть голое понятіе безъ полноты жизни; вторая, какъ особенное, безъ первой, какъ своего всеобщаго, есть только хаотическое смѣшеніе разныхъ случайностей безъ всякой внутренней связи, безъ твердаго основанія, безъ вѣчнаго и неизмѣняемаго достоинства. Опредѣленнѣйшій видъ получаетъ идея законодательствъ въ положительныхъ законахъ: а) отъ особеннаго характера народа, степени его развитія, историческихъ отношеній къ другимъ народамъ, вообще отъ дѣйствія причинъ временныхъ и мѣстныхъ; б) въ Государствѣ общія неизмѣнныя начала правды прилагаются къ тому или другому особенному роду отношеній, встрѣчающихся въ дѣйствительной жизни; в) сверхъ приложенія къ особенному роду предметовъ вѣчныя начала правды въ Государствѣ прилагаются еще къ отдѣльнымъ, единичнымъ случаямъ жизни, чтобъ данный случай получилъ окончательное рѣшеніе. Это есть существенное отношеніе между идеею законодательствъ и положительными законами. Случайное отношеніе между

ними, т. е. не основанное на необходимости вещи, можетъ состоять въ противорѣчіи ихъ другъ съ другомъ.

§ 39.

Но идея никогда не выражается вполнѣ и вдругъ въ одномъ какомъ либо явленіи. Тоже надобно сказать объ идеѣ законодательствъ. Будучи по существу своему одна и та же, она при своемъ переходѣ въ міръ явленій необходимо подлежитъ всѣмъ условіямъ пространства и времени, и представляется въ такомъ же разнообразіи законодательствъ, какъ разнообразно все, существующее въ пространствѣ и времени. Она раскрывается, во первыхъ, постепенно во времени; отсюда въ различныя времена существуютъ и различныя законодательства. Во вторыхъ, раскрываясь на извѣстной ступени, она допускаетъ въ одно и тоже время существованіе различныхъ видовъ въ пространствѣ, такъ какъ взаимное отношеніе различныхъ ея элементовъ на одной и той же ступени можетъ быть опредѣлено различнымъ образомъ; отсюда — въ одно и тоже время на различныхъ пространствахъ существуютъ и различныя законодательства.

§ 40.

Такимъ образомъ дѣйствительно Государства, въ законахъ которыхъ осуществляется общая идея законодательствъ, 1) разсѣяны по всему пространству земли, 2) слѣдуютъ другъ за другомъ непрерывно и 3) внутри собственнаго своего круга каждое изъ нихъ проходитъ различныя ступени бытія. Каждый народъ при этомъ осуществленіи идеи имѣетъ свое особое назначеніе; раскрывши одну ея сторону, онъ передаетъ свой трудъ другому счастливѣйшему. Цѣлая идея законодательствъ осуществляется только въ цѣлой ихъ совокупности.

§ 41.

Но какъ непрерывно въ родѣ человѣческомъ возникаютъ разнообразныя законодательства, такъ въ свое время сіе разнообразіе опять и исчезаетъ. Это происходитъ 1) внѣшнимъ образомъ — посредствомъ слiянія одного Государства съ другимъ и посредствомъ заимствованій, какія дѣлаетъ одно Государство изъ законовъ другаго, особенно когда между народами распространяются взаимныя сношенія; 2) внутреннимъ образомъ — посредствомъ одинаковости въ порядкѣ развитія законодательствъ. Всѣ положительныя законо-

дательства, выражая одну общую идею, въ существѣ своемъ тождественны. Всѣ они развиваются въ одномъ и томъ же порядкѣ, восходя отъ началъ ограниченныхъ къ началамъ болѣе общимъ. Всѣ они представляютъ поразительное сходство между собою, когда находятся на равныхъ ступеняхъ развитія.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

О ПРОИСХОЖДЕНІИ И ПОСТЕПЕННОМЪ ОБРАЗОВАНІИ ЗАКОНОВЪ ВНУТРИ ОДНОГО ГОСУДАРСТВА.

§ 42.

Два вообще *начала* дѣйствуютъ при образованіи законодательствъ: начало *необходимости* и начало *произвола*.

§ 43.

Литература. *Montesquieu*, de l'esprit des lois, **въ 1-й разъ 1748**. — *Charles Comte*, traité de législation ou exposition des lois générales, suivant lesquels les peuples prospèrent, dépérissent ou restent stationnaires. 4 Tom. 1826—1828. — *Ferguson*, essay of civil society. Edinburg, 1766. in-4. — *Filangieri*, scienza della legislazione. 8 voll. Nap. 1780. in-8. — *Hugo*, Naturrecht. 1. Ausg. 1798. — *Zachariæ*, vierzig Bücher vom Staate. Heidelberg, 1820—1832. — *Leo*, Studien und Skizzen zu einer Naturlehre des Staates. 1. Abth. Halle, 1833. in-8.

Всѣ существа въ мірѣ образуютъ непрерывную цѣпь причинъ и дѣйствій и каждое въ немъ явленіе есть *необходимое* послѣдствіе различныхъ причинъ. По отношенію къ законодательству можно различать нѣсколько видовъ необходимости. Есть 1) необходимость *физическая*. Вещество, надъ образованіемъ котораго трудится законодатель, составляетъ природа — природа человѣка и природа внѣшняя; поприще, гдѣ законодатель находитъ дѣйствующимъ человѣка и самъ дѣйствуетъ, есть также природа. Но имѣя дѣло съ природою, дѣйствуя въ области природы, люди необходимо должны сообразоваться съ неизмѣнными ея законами. Въ особенности, большое вліяніе на духъ и постепенное развитіе законодательствъ имѣютъ свойство племени, къ которому принадлежитъ народъ, и свойство земли, гдѣ онъ живетъ, какъ то: ея величина, фигура, положеніе относительно другихъ странъ, климатъ [25] плодоносность и т. д.

[25] См. особенно *Herder*, Ideen zur Philosophie der Geschichte. Buch VII. 3 5; VIII, 1, 2. — *Stöckhardt*, de cœli vi in jure conspicua. Lipsiæ, 1826. in-4.

2) Необходимость *нравственная*. На сердцѣ человѣка напечатлѣны заповѣди Божественныя и при всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ онъ стремится поставить себя въ соотвѣтствіе съ ихъ требованіями. 3) Существуетъ необходимое *отношеніе между всѣми направленіями дѣятельности народной*. Каждое изъ нихъ имѣетъ вліяніе на каждое другое. Такимъ образомъ подъ вліяніемъ особенной религіи, наукъ, искуствъ, занятій и т. д. раскрывается и особенное законодательство. 4) Есть необходимость *историческая*. Жизнь каждаго народа развивается въ необходимомъ порядкѣ; напрасно захотѣлъ бы кто нибудь перешагнуть свое время. Настоящее состояніе народа всегда находится въ тѣснѣйшей связи съ прошедшимъ; напрасно захотѣлъ бы кто нибудь вдругъ отказаться отъ всего своего прошедшаго. Въ частности, дѣйствіе различныхъ историческихъ происшествій, какъ то: общенародныхъ бѣдствій, столкновенія съ другими народами и т. п. на образованіе законовъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. 5) Есть необходимость *всемирноисторическая*. Каждый народъ участвуетъ своимъ особеннымъ образомъ въ осуществленіи идеи человѣчества, имѣетъ при этомъ дѣлѣ свою особенную задачу; — онъ долженъ выполнить ее непремѣнно. 6) Наконецъ необходимость *логическая*. Какъ *между* всѣми *частями одного и тогоже узаконенія* по самому его существу находится необходимое *соотношеніе*, такъ и *между всѣми частями законодательства* находится подобное *соотвѣтствіе*. Извѣстное образованіе одной части узаконенія влечетъ за собою извѣстное образованіе другой; извѣстное образованіе одной части законодательства требуетъ соотвѣтственнаго образованія и въ другой.

§ 44.

Этотъ необходимый порядокъ вещей обнаруживаетъ надъ людьми свое дѣйствіе прежде всего безъ ихъ воли и сознанія. Состоя подъ владычествомъ необходимости, они такъ же безсознательно исполняютъ ея велѣнія и свершаютъ свою судьбу, какъ безсознательно существо физическое повинуется образовательной силѣ природы; сами собою совершенно гармонически устрояются между ними всѣ отношенія; само собою законодательство получаетъ у нихъ надлежащее развитіе и направленіе.

§ 45.

Но противъ необходимости человѣкъ имѣетъ также и собствен-

ную *волю*, и отъ него зависитъ признать требованія необходимости, или не признавать ихъ. Онъ можетъ 1) отрѣшиться отъ всякаго закона, возлагаемаго необходимостію, хотя бы иногда и не долженъ былъ этого дѣлать. 2) Къ одной и той же цѣли могутъ вести разные пути, равно, или почти равно, хорошіе; по этому при существованіи требованія, проистекающаго изъ необходимаго порядка вещей, воля человѣка имѣетъ еще въ полной у себя власти дѣлать выборъ между тѣмъ и другимъ способомъ, какимъ можно удовлетворить сему требованію. 3) Независимо отъ того, многіе случаи жизни, особенно если рѣчь идетъ только о количествахъ, будучи сами по себѣ совершенно безразличными, совсѣмъ не могутъ быть рѣшены изъ началъ того или другаго вида необходимости; въ сихъ случаяхъ воля дѣлаетъ рѣшеніе единственно изъ себя самой. 4) И вообще люди для того имѣютъ и разумъ, чтобы судить о добрѣ и злѣ. Все, что происходитъ съ человѣкомъ, дабы сдѣлаться дѣйствительно, а не по имени только его достояніемъ, должно пройти сквозь его сознаніе и принять въ немъ форму мышленія; что образуется въ немъ безъ его сознанія и воли, то соединено бываетъ съ различными недостатками. 5) Для воли есть даже возможность — въ самой необходимости всегда сохранять свое существо, постигая ее и дѣлая изъ внѣшней, чуждой необходимости, необходимостію внутреннею, своею собственною. Это есть даже непремѣнный долгъ для воли и въ этомъ состоитъ ея высокое достоинство.

§ 46.

На различіи началъ, дѣйствующихъ при образованіи законодательства, и на взаимномъ ихъ отношеніи другъ къ другу, основывается какъ *различіе формъ*, въ которыхъ образуется законодательство, и его *содержаніе,* такъ и *порядокъ постепеннаго развитія законовъ* со стороны ихъ формъ и содержанія.

I. О ПРОИСХОЖДЕНІИ И ПОСТЕПЕННОМЪ ОБРАЗОВАНІИ ЗАКОНОВЪ СО СТОРОНЫ ИХЪ ФОРМЫ.

Литература. Сочиненія, писанныя: 1) для *Германіи. Schlosser*, Briefe über die Gesetzgebung. 1789. — *Thibaut*, über die Nothwendigkeit eines allgemeinen bürgerlichen Rechts für Deutschland. Heidelberg, 1814. — *K. Schmid*, Deutschlands Wiedergeburt. Jena, 1814. — *Rehberg*, über den Code Napoleon. Hannover, 1814. — *Savigny*, vom Beruf unserer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft. Berlin, 1814. — *Savigny*,

System des heutigen römischen Rechts. 1. Bd. Berlin, 1840. in-8. § 6—16. — *Welker*, letzte Gründe von Recht, Staat und Strafe. Giessen, 1813. S. 510—515. — *Klötzer*, Versuch eines Beitrags zur Revision der Theorie vom Gewohnheitsrecht. Jena, 1813. — *Hugo*, civilistisches Magazin. 4. Bd. № 4. — *G. F. Puchta*, das Gewohnheitsrecht. 2 Theile. Erlangen, 1828. 1837. — *Köppen*, Politik nach Platonischen Grundsätzen. Leipzig, 1818. S 210—264. — *Hegel*, Philosophie des Rechts. § 210—212, 215, 216. — *Stahl*, Philosophie des Rechts. 2. Bd. Heidelberg, 1833. S. 136—145; 206—217. — *Warnkönig*, Juristische Encyclopädie. Erlangen, 1853. S. 25—50. — *Ahrens*, juristische Encyclopädie. Wien, 1855. S. 73—98. 2) для *Англіи*. *Bentham*, sur la codification. — *Grofton Uniack*, a letter to the lord Chancellor on thenecessity and practibility of forming a Code of the laws of England. London, 1825. — *Humphrey's* Observations on the state of the English Laws of real Property with the outlines of a Code. London, 1826; 2. ed. London, 1827. — *E. B. Sugden*, a letter to James Humphreys Esq. on his proposal of Real Property and substitute of new Code. 3. ed. 1827. — *J. J. Park*, a Contre Projet to the Humphreysian Code. 1828. — *C. P. Cooper*, Lettres sur la cour de la chancellerie et quelques points de la jurisprudence anglaise. Nouvelle édit. à Londres 1828. in-8. *C. P. Coopera*, brief account of some of the most important proceedings in parliaiment, relative to defects in the administration of justice in the court of chancery, the house of Lords, and the court of commissioners of bankrupt: together with the opinions of different statesmen and lawyers, as to the remedies to be applied. London, 1828. in-8. — *Reddie*, a letter tho the Lord Chancellor on the expediency of the proposal to forme a new civil Code for England. Edinburg, 1829. — *J. D. Meyer*, de la codification en général et de celle d'Angleterre en particulier, en une série des lettres adressées à M. Cooper. Amsterdam, 1830. in-8. — (Обзоръ сочиненій, писанныхъ для Англіи, находится въ kritische Zeitschrift für Rechtswissenschaft und Gesetzgebung des Auslandes, von *Mittermaier* und *Zachariæ*. Heidelberg. Bd. II, 1830. S. 69—77; S. 133—142. Bd. III, 1831. S. 231—258). 3) для *Сѣвероамериканскихъ Соединенныхъ Штатовъ*. Въ соч. *David Hoffmann*. J. D. Götting. A course of legal study. 2. ed. Baltimore, 1836. in-8. Одна глава имѣетъ своимъ предметомъ codification. См. также kritische Zeitschrift für Rechtswissenschaft und Gesetzgebung des Auslandes, von *Mittermaier* und *Zachariæ*. B. III. 1831. S. 444—465).

§ 47.

Формы, въ которыхъ образуется законодательство, суть или *обычаи* [26], или *законы въ тѣсномъ смыслѣ* сего слова. Средину между

[26] На обычаи можно смотрѣть во первыхъ какъ на форму, въ которой образуются начала правды, во вторыхъ какъ на источникъ познанія ихъ. Здѣсь обычаи разсматриваются въ первомъ отношеніи.

тѣми и другими занимаетъ *ученіе законовѣдцевъ*. На пути обычая законодательство образуется безъ особеннаго сознанія и воли человѣка, подъ господствомъ необходимости; на пути закона — при посредствѣ сознанія и воли. Ученіе законовѣдцевъ представляетъ въ себѣ соединеніе того и другаго способа образованія законодательствъ.

§ 48.

Обычаемъ называется образъ дѣйствованія, постоянно наблюдаемый людьми въ извѣстныхъ случаяхъ. Когда такимъ образомъ въ данныхъ случаяхъ постоянно соблюдается одинъ и тотъ же способъ дѣйствованія, то въ людяхъ раждается наконецъ чувство его необходимости. Особенный видъ обычаевъ составляютъ *обычаи присутственныхъ мѣстъ*.

Въ противоположность обычаямъ *законъ* есть прямое и непосредственное объявленіе *властію общественною своей воли* о томъ, какъ должны поступать лица, ей подчиненныя по отношенію къ извѣстному роду дѣяній. Законъ творитъ правило для дѣйствованія вдругъ въ одно нераздѣльное мгновеніе: посредствомъ обычая оно установляется только въ теченіи времени. Въ законѣ выражается правило непосредственно, ясными словами, въ обычаѣ — посредствомъ дѣяній.

§ 49.

Законовѣдцы, возводя въ сознаніе народа постановленія, образовавшіяся путемъ обычая или путемъ закона, собирая и излагая ихъ въ порядкѣ, болѣе или менѣе правильномъ, объясняя, дополняя ихъ, изслѣдывая ихъ причины, указывая средства къ ихъ улучшенію, участвуютъ въ образованіи законодательства теоретически и практически: теоретически, издавая сочиненія о предметахъ законодательства и занимаясь изустнымъ наставленіемъ въ законахъ; практически — полагая приговоры въ судахъ, изъ нихъ же составленныхъ. Мнѣнія законовѣдцевъ, выраженныя тѣмъ или другимъ способомъ, иногда съ самаго уже начала имѣютъ большой вѣсъ; иногда пріобрѣтаютъ его со временемъ. На нихъ начинаютъ ссылаться какъ на законъ. Законодатель можетъ даже прямо и непосредственно принять въ систему своего законодательства изслѣдованія и выводы науки и наложить на нихъ печать закона.

§ 50.

Мѣра участія, какая *въ образованіи законодательства* принадлежитъ *обычаямъ* или *законамъ*, безсознательной или сознательной дѣятельности, а равно и *законовѣдцамъ*, зависитъ отъ степени умственнаго и нравственнаго развитія общества.

§ 51.

Сначала законодательство образуется посредствомъ *обычаевъ*, — путемъ безсознательной дѣятельности. У народовъ въ первомъ возрастѣ ихъ жизни разумъ бываетъ слабъ и весьма бѣденъ понятіями. Что касается въ частности законодательства, онъ бываетъ не въ состояніи находить и изрекать какія нибудь общія начала, — начала, имѣющія обязательную силу на всѣ будущія времена, для всего извѣстнаго круга людей, по отношенію къ цѣлому роду дѣяній. Находясь подъ владычествомъ чувства и воображенія, народы въ семъ возрастѣ живутъ почти исключительно въ единичныхъ дѣяніяхъ [27]. Какъ на всѣ существа физическія, природа дѣйствуетъ съ полнымъ могуществомъ и на человѣка, который еще не отторгся отъ нея, еще не возвысился надъ нею размышленіемъ. Простота всѣхъ отношеній позволяетъ человѣку легко обозрѣвать ихъ и для каждаго случая находить какъ бы по инстинкту приличное рѣшеніе. Всегда и весь живя въ этихъ отношеніяхъ, онъ знаетъ даже непосредственно, какъ онъ долженъ въ нихъ вести себя.

§ 52.

По мѣрѣ успѣховъ образованности разумъ начинаетъ мало по малу воспринимать свои права, и люди болѣе и болѣе привыкаютъ дѣйствовать съ сознаніемъ. Вмѣстѣ съ симъ различные виды дѣятельности народной отдѣляются другъ отъ друга. Особеннымъ родамъ занятій посвящаютъ себя и особыя лица. Тоже происходитъ относительно законодательства. Доселѣ оно было въ чувствѣ каждаго; теперь, когда отношенія сдѣлались сложными, когда отъ того самаго и оно получило обширный и сложный составъ, уже не всякой

[27] О символахъ въ правѣ, особенно у народовъ, стоящихъ на низкихъ ступеняхъ просвѣщенія, см. Origines du droit français cherchées dans les symboles et formules du droit universel, par *Michelet*. Paris, 1837. — О символизмѣ права вообще и Русскаго въ особенности, рѣчь Пр. *Калмыкова*. Санктпетербургъ, 1839.

можетъ обнимать его, не всякой можетъ обсуживать по нему свои отношенія. Итакъ оно дѣлается предметомъ занятій особеннаго сословія — *сословія законовѣдцевъ.*

§ 53.

Въ тоже время вмѣсто обычаевъ являются *законы*, какъ непосредственныя постановленія власти общественной, хотя и обычаи не совсѣмъ теряютъ свою образовательную силу. Власть законодательная дѣйствуетъ на образованіе законодательства: *1) изданіемъ отдѣльныхъ законовъ; 2) составленіемъ Сводовъ и сочиненіемъ Уложеній.*

§ 54.

Изданіе отдѣльныхъ законовъ есть первоначальная форма законодательства. Бывъ произведеніемъ нуждъ и обстоятельствъ, законы не могутъ быть издаваемы въ опредѣленной системѣ, такъ же какъ и обычаи не образуются систематически. Но тѣмъ не менѣе сія необходимая разнородность тѣхъ и другихъ должна быть въ послѣдствіи приводима къ единству для удобности исполненія. Она приводится къ единству посредствомъ Сводовъ и Уложеній.

§ 55.

Существо Сводовъ и Уложеній вообще состоитъ въ томъ, что въ нихъ вмѣсто отдѣльныхъ законовъ и обычаевъ мы получаемъ систему болѣе или менѣе ясную, правильную и единообразную. Но въ Сводѣ законы и обычаи дѣйствующіе излагаются безъ всякихъ поясненій, дополненій и вообще исправленій; въ Уложеніи напротивъ — не иначе, какъ въ видѣ исправленномъ.

§ 56.

Что касается въ частности *Сводовъ,* они являются у каждаго народа тотчасъ за появленіемъ письменности, въ видѣ болѣе или менѣе совершенномъ. Первоначально они содержатъ въ себѣ почти одни только обычаи, такъ какъ законовъ въ собственномъ смыслѣ еще не существуетъ. Потребность въ сборникахъ сего рода основывается: 1) на общей потребности человѣка — выражать и созерцать свое внутреннее во внѣшности; 2) на стремленіи — дать твердое бытіе тому, что доселѣ существовало только въ бѣгломъ, скоропреходящемъ чувствѣ; 3) на желаніи — сдѣлать это общимъ до-

стояніемъ, доступнымъ для всякаго; 4) на желаніи удобности — тотчасъ въ случаѣ нужды обозрѣть состояніе законодательства въ извѣстное время. Но и по составленіи сборника обычаи не перестаютъ умножаться; къ нимъ сверхъ мнѣній законовѣдцевъ присоединяются еще законы, и тѣмъ въ большемъ количествѣ, чѣмъ быстрѣе возрастаетъ образованность народа. При непрерывномъ дѣйствіи той же потребности въ разныхъ ея видахъ, которая дала бытіе первоначальнымъ сборникамъ, особенныя трудности какъ въ порядкѣ суда и управленія, такъ и въ усовершеніи законовъ, проистекающія изъ многосложности и разнородности ихъ, еще болѣе дѣлаютъ необходимымъ приведеніе ихъ въ составъ ясный, правильный и единообразный [28]. По совершеніи этого дѣла, обычаи, законы и мнѣнія законовѣдцевъ снова нарастаютъ и умножаются; новый сводъ опять становится необходимымъ, и такъ далѣе въ безконечность. Потребность въ сводахъ такимъ образомъ сохраняется и питается непрерывно. Удовлетворить ей, кажется съ перваго взгляда, могутъ и частные люди, одаренные способностями именно для того нужными; для дѣятельности власти собственно законодательной въ этомъ случаѣ, по видимому, не представляется никакого предмета. Но Правительство по обилію средствъ, какія находятся у него въ распоряженіи, и вообще можетъ гораздо скорѣе, полнѣе и совершеннѣе, нежели частное лице, собрать и привести въ систему дѣйствующіе законы и обычаи. Въ особенности же дѣйствіе Правительства необходимо въ томъ случаѣ, когда въ отдѣльности отъ него не образовалось еще особаго сословія законовѣдцевъ, а между тѣмъ потребность въ сводахъ и сборникахъ законовъ существуетъ. Весьма естественно, что при этомъ Правительство не ограничивается однимъ только составленіемъ Свода, но, имѣя въ рукахъ своихъ власть законодательную, въ тоже время дѣлаетъ разныя поясненія и дополненія къ сводимымъ законамъ. Сводъ Законовъ дѣйствующихъ, болѣе или менѣе исправленный, есть уже новое Уложеніе.

§ 57.

По составнымъ своимъ частямъ *Уложеніе* состоитъ: 1) изъ старыхъ, прежде уже дѣйствовавшихъ законовъ и 2) измѣненій, поясненій и дополненій къ онымъ. Совершенства Уложенія суть: 1) по матеріи — полнота началъ, нужныхъ для рѣшенія встрѣчающихся

[28] **Ср. обозрѣніе историческихъ свѣдѣній о Сводѣ Законовъ. С. Петербургъ, 1833 стр. 86—104.**

случаевъ жизни; 2) по — формѣ опредѣленность выраженія, правильность и единообразіе состава. По объему Уложеніе можетъ заключать въ себѣ или все вообще законодательство извѣстнаго народа, или только нѣкоторые роды и виды законовъ. Сочиненіе Уложенія вообще не есть дѣло необходимое: изъ двухъ частей, ихъ составляющихъ, одна (старое) не требуетъ новаго изданія, другая (новое) можетъ быть издана во всякое время независимо отъ Уложенія. Но когда при быстромъ развитіи жизни народной во всѣхъ ея направленіяхъ, законы, возрастая одинъ надъ другимъ, умножатся до чрезвычайности; когда они, не взирая на всю осмотрительность власти законодательной, придутъ въ величайшую запутанность; когда въ обществѣ вдругъ пробудятся разнородныя потребности, которымъ должно быть доставлено скорое и рѣшительное удовлетвореніе: тогда необходимо будетъ прибѣгнуть ко всеобщему пересмотру законовъ, по крайней мѣрѣ той ихъ части, въ которой произошло такое смѣшеніе, такое быстрое движеніе, — тогда надобно прибѣгнуть къ рѣшительнымъ, всеобщимъ законодательнымъ мѣрамъ — къ сочиненію новыхъ Уложеній. Не надобно только при этомъ забывать, что всякое произведеніе человѣческое всегда будетъ болѣе или менѣе несовершенно, и что никакое Уложеніе не можетъ быть годнымъ для всѣхъ временъ и поколѣній.

§ 58.

Мы описывали естественный порядокъ образованія законодательствъ. Онъ можетъ частію измѣниться. Не всегда народы образуютъ сами для себя все свое законодательство. Нерѣдко одинъ народъ или произвольно, для того, чтобъ избавить себя отъ труда писать законы, или по принужденію, принимаетъ для себя законы другаго народа и руководствуется ими, не переработывая ихъ въ новую форму, а употребляя непосредственно тѣ самые сборники, своды и уложенія, въ которыхъ они изложены народомъ, ихъ составившимъ. Такимъ образомъ народъ можетъ вдругъ получить совершенное законодательство. Разумѣется само собою, что способъ какъ происхожденія принятаго законодательства въ его коренномъ отечествѣ, такъ и принятія его другимъ народомъ, можетъ быть такъ же различенъ, какъ и вообще способъ образованія законодательствъ. При этомъ или можетъ быть дана полная сила *законодательству принятому* (jus receptum), или оно должно служить только пополненіемъ отечественныхъ законовъ, когда сіи оказываются недоста-

точными. Въ послѣднемъ случаѣ оно называется *законодательствомъ вспомогательнымъ* (jus subsidiarium). Впрочемъ не одни иностранные законы могутъ служить вспомогательными законами; всѣ вообще источники законодательства, въ которыхъ присутственныя мѣста должны, по обычаю или по ясно выраженной волѣ законодателя, искать разрѣшенія встрѣчающихся случаевъ, при недостаточности главнаго источника, могутъ быть отнесены къ этому разряду, напр. правила здраваго смысла, рѣшенія судебныхъ мѣстъ, сочиненія извѣстнѣйшихъ законовѣдцевъ.

II. О ПРОИСХОЖДЕНІИ И ПОСТЕПЕННОМЪ ОБРАЗОВАНІИ ЗАКОНОВЪ СО СТОРОНЫ ИХЪ СОДЕРЖАНІЯ.

Литература. Всѣ вообще сочиненія, подъ разными названіями, въ которыхъ излагается исторія постепеннаго образованія обществъ въ родѣ человѣческомъ. *Hegel*, Grundlinien der Philosophie des Rechts. § 142—360.

§ 59.

Полное содержаніе идеи законодательствъ, такъ же какъ и формы, въ которыхъ образуются законодательства, раскрывается у народовъ мало по малу. Въ настоящемъ случаѣ можно различать пять ступеней жизни общественной: 1) *Семейство*, 2) *Родъ*, 3) *Гражданское Общество*, 4) *Государство*, 5) *Союзъ народовъ*. Съ каждою изъ сихъ ступеней идея законодательства уясняется болѣе и болѣе; съ каждою права и обязанности человѣка получаютъ все болѣе опредѣленности и твердости. Въ первыхъ двухъ видахъ общества законодательство раскрывается преимущественно подъ вліяніемъ необходимости, безъ особеннаго сознанія въ человѣкѣ; въ трехъ послѣднихъ — при свѣтѣ самосознанія и посредствомъ собственной дѣятельности человѣка.

1. Семейство.

§ 60.

а) Происхожденіе и образованіе семейства.

Народъ, по крайней мѣрѣ при настоящемъ порядкѣ вещей, не раждается вдругъ какъ бы изъ земли; онъ нараждается въ теченіи времени. Самый первый его зародышъ есть семейство, и именно союзъ супружескій. Имѣя одну чету людей, мы имѣемъ цѣлый родъ

человѣческій; имѣя семейство, мы имѣемъ всѣ виды жизни общественной, какіе могутъ существовать въ родѣ человѣческомъ.

§ 61.

а) Союзъ супружескій.

Физическое различіе между людьми по тѣлу и душѣ представляется доведеннымъ до высшей степени въ противоположности половъ. Явственнымъ образомъ открывается сія противоположность, конечно, въ особенныхъ тѣлесныхъ органахъ; но вмѣстѣ съ симъ она проникаетъ людей во всемъ ихъ существѣ, не только по тѣлу, но и по духу. Во всемъ тѣлѣ мущины представляется преимущественно отпечатокъ крѣпости: станъ, поддерживаемый большими костями, мускулы твердые, грудь широкая, сильныя легкія, рѣзкія очертанія отдѣльныхъ частей и крутые переходы отъ одной къ другой и т. д.; въ женщинѣ напротивъ все служитъ олицетвореніемъ нѣжнаго, милаго: малый станъ, тонкія и гибкія кости, мягкіе мускулы, слабая и узкая грудь, круглыя очертанія частей, непримѣтные переливы одной въ другую. По духу, въ умственномъ отношеніи область мысли, понятій, напряженныхъ, отвлеченныхъ работъ, дальновидныхъ соображеній можетъ быть названа достояніемъ мущины; жизнь сердца, жизнь чувства, напротивъ, принадлежитъ женскому полу. Согласно съ симъ и дѣятельность мущины обращена къ жизни общественной, шумной, внѣшней, — въ кругъ домашній онъ возвращается для кратковременнаго отдохновенія; женщина между тѣмъ создана для тихой, домашней жизни, для малаго, ограниченнаго круга. Вообще говоря, мужескій полъ является началомъ дѣйствующимъ, женскій — страждущимъ; первый изображаетъ собою духовную сторону человѣчества, вторый вещественную [29].

§ 62.

Между тѣмъ именно тамъ, гдѣ физическое различіе между людьми достигаетъ крайней степени развитія, именно тамъ и начинается для рода человѣческаго возвратъ къ потерянному единству.

[29] Разумѣется само собою, что это описаніе, какъ предметъ Физіологіи и Психологіи, занято изъ сочиненій сего рода. См. напр. *Rudolphi*, Grundriss der Physiologie. Berlin. 1 Band. 1821, и *Fries*, Handbuch der psychischen Anthropologie Bd. II. Jena, 1821, S. 189—192. Conversations-Lexicon, 7. Aufl. bei Brockhaus, подъ словомъ Geschlecht (эта статья составлена на основаніи обоихъ приведенныхъ сочиненій). Ср. также *Aristotel*, œconom. 3.

Какъ одинъ полъ, взятый въ отдѣльности отъ другаго, есть только половина, а не полное цѣлое, то онъ въ отдѣльности отъ другаго представляется несовершеннымъ: во первыхъ, по своимъ качествамъ онъ не обладаетъ всѣми человѣческими совершенствами; во вторыхъ, по времени продолжительность бытія его ограниченна. Чувствуя свою недостаточность, онъ стремится по тому необходимо къ общенію съ другимъ поломъ, дабы свой недостатокъ восполнить избыткомъ другаго, и въ то же время свой избытокъ передать сему послѣднему. Происходящее отсюда взаимное общеніе двухъ лицъ разнаго пола можетъ быть сначала только нижнимъ, чувственнымъ, ограниченнымъ, преходящимъ. Но какъ противоположность между полами обнимаетъ все существо человѣка; то кромѣ тѣлеснаго и чувственнаго союза онъ еще болѣе имѣетъ нужду въ уравненіи душевной разности половъ. Посему ранѣе или позже за первымъ необходимо должно раскрыться и послѣднее. Въ свою очередь духовное единство, отсюда происшедшее, совершенно просвѣтляетъ и преображаетъ свою первую основу, и одна душа въ стремленіи къ другой душѣ дотолѣ не успокоивается, доколѣ не соединится съ нею всецѣло. Это есть союзъ супружескій въ его существенныхъ чертахъ [30].

§ 63.

б) Союзъ дѣтей и родителей.

Не смотря на такое внутреннее единство, во внѣшности оба пола представляются лицами отдѣльными, ихъ союзъ и самое бытіе ихъ — явленіемъ ироходящимъ. Видимымъ и твердымъ образомъ внутреннее ихъ единство осуществляется, ихъ бытіе упрочивается въ дѣтяхъ; въ лицѣ дѣтей единство ихъ, самая ихъ жизнь существуютъ какъ предметъ самостоятельный. Родители любятъ по сему дѣтей своихъ какъ свою собственную любовь, свою жизнь. Съ своей стороны дѣти обращены своею любовію къ родителямъ, чувствуя, что здѣсь скрывается корень ихъ собственнаго бытія, источникъ ихъ собственной жизни [31].

§ 64.

в) Союзъ братьевъ и сестеръ.

Въ то же время дѣти, въ качествѣ братьевъ и сестеръ, обни-

[30] Ср. *Aristot*. Eth. Nic. VIII, 12. § 7.
[31] Ср. *Aristot*. Eth. Nic. VIII, 12. § 2, 3.

маютъ себя самихъ взаимною любовiю, какъ отрасли одного и того же дерева, какъ ручьи одного и того же источника [32].

§ 65.

б) Понятiе семейства.

Совокупность союзовъ супружескаго, союза дѣтей и родителей, братьевъ и сестеръ мы называемъ союзомъ семейственнымъ. Сущность его по этому вообще составляютъ: 1) физическое единство тѣлесной и духовной природы во всѣхъ лицахъ, къ нему принадлежащихъ; 2) проистекающее отсюда чувство любви натуральной, какую всѣ они питаютъ другъ къ другу. Всѣ члены семейства живутъ въ простомъ, нераздѣльномъ единствѣ другъ съ другомъ; каждый чувствуетъ себя въ другомъ и другаго въ себѣ; и это чувство единства не прiобрѣтено извнѣ, не порождено какимъ нибудь предшествующимъ размышленiемъ; напротивъ оно существуетъ, какъ нѣчто данное отъ природы, — оно въ собственномъ смыслѣ слито съ самою природою членовъ семейства, которые дѣйствительно всѣ имѣютъ одно тѣло и одну душу.

§ 66.

в) Права и обязанности въ союзѣ семейственномъ.

а) Личныя отношенiя.

Началомъ семейства есть союзъ супружескiй. Естественное значенiе каждаго пола, взятаго въ отдѣльности, будучи основано на самой природѣ вещей, необходимо сохраняется и въ союзѣ супружескомъ. Изъ естественнаго превосходства мущины надъ женщиною образуется по этому сама собою власть мужа надъ женою.

Давши физическое бытiе своимъ дѣтямъ, родители еще болѣе чувствуютъ въ себѣ призванiе — дать имъ посредствомъ воспитанiя и бытiе нравственное, чтобъ сдѣлать ихъ совершенными, себѣ подобными людьми. Не имѣя сами въ себѣ самостоятельности, дѣти находятся по тому естественно во власти родителей, и мущина въ особенности, въ качествѣ мужа властвуя надъ своею женою, еще болѣе властвуетъ надъ дѣтьми, въ качествѣ отца.

Подобныя причины даютъ преимущество братьямъ предъ сестрами и вообще старшимъ предъ младшими.

[32] Ср. *Aristot.* Eth. Nic. VIII, 12. § 3–7.

§ 67.

б) Отношенія по имуществамъ.

Для поддержанія своего внѣшняго бытія, человѣкъ имѣетъ нужду въ различныхъ вещахъ. По причинѣ единства, въ какомъ всѣ члены семейства находятся другъ съ другомъ, никто изъ нихъ не обладаетъ вещами, къ тому служащими, въ отдѣльности; у нихъ есть только одно общее имѣніе. Каждый здѣсь трудится для цѣлаго, для общаго, и каждый пользуется своимъ трудомъ въ совокупности съ другими.

§ 68.

г) Законы въ союзѣ семейственномъ.

а) Порядокъ, которымъ они образуются.

Въ союзѣ семейственномъ нѣтъ собственно такъ называемыхъ законовъ. Повелѣнія власти семейственной относятся обыкновенно только къ частнымъ обстоятельствамъ жизни; если же иногда предлагаются и общія правила поведенія, то — безъ особеннаго намѣренія, по случаю. Нарочное ихъ установленіе и объявленіе здѣсь не нужно: частію по тому, что всѣ уже исполняютъ ихъ сами собою, по одному влеченію чувства природнаго; частію по тому, что власть семейственная всегда бываетъ близка къ своимъ подчиненнымъ и тотчасъ въ случаѣ нужды можетъ дать особенное приказаніе. Общія правила поведенія, встрѣчающіяся въ союзѣ семейственномъ, проистекаютъ съ одной стороны изъ самаго свойства этого союза, съ другой они раскрываются и образуются путемъ обыкновенія.

§ 69.

б) Мѣры охраненія.

Самъ духъ семейственный есть и первый свой хранитель. Чувство любви, которымъ одушевляются всѣ члены союза семейственнаго, содержитъ ихъ въ глубокомъ единствѣ съ нимъ, въ ненарушимой къ нему вѣрности. Въ лицѣ начальствующихъ это чувство является подъ видомъ заботливости о благѣ своихъ подчиненныхъ, въ лицѣ сихъ послѣднихъ — подъ видомъ послушанія первымъ. Тѣмъ не менѣе права и обязанности союза семейнаго могутъ быть нарушены или по неразумію, или по временной слабости. Для предупрежденія таковыхъ нарушеній власть семейственная дѣйствуетъ

противъ неразумія наставленіемъ и вразумленіемъ, противъ слабостей — усиленіемъ добрыхъ чувствованій. Дѣйствительные проступки напротивъ она подвергаетъ наказанію. Но какъ вина въ союзѣ семейственномъ не проистекаетъ еще изъ злости воли, то наказаніе имѣетъ здѣсь видъ только исправленія.

§ 70.

д) Разрушеніе союза семейственнаго.

Каждый отдѣльный союзъ семейственный носитъ самъ въ себѣ сѣмена разрушенія. Имѣя первоначально своею цѣлію — уравнить физическую разность пола двухъ лицъ, скрѣпить ихъ между собою въ чувствѣ любви, онъ непрерывно дѣлаетъ ихъ болѣе и болѣе самодовольными; первый жаръ любви съ лѣтами охлаждается самъ собою. Равнымъ образомъ дитя, съ физическимъ уже рожденіемъ на свѣтъ отдѣлившись отъ чрева матери, чѣмъ болѣе растетъ, чѣмъ болѣе посредствомъ воспитанія раскрываетъ въ себѣ зародышъ нравственной жизни, положенный родителями, тѣмъ болѣе дѣлается самостоятельнымъ, самодовольнымъ. Сообразно съ сими перемѣнами, во взаимныхъ отношеніяхъ между братьями и сестрами, и безъ того уже довольно духовныхъ, является еще болѣе независимости. Наконецъ родители умираютъ — это видимое средоточіе, вокругъ коего собирались доселѣ изъ него же вышедшіе лучи свѣта; сами дѣти, получивъ воспитаніе, достигши зрѣлаго возраста, дѣлаются способными основать новыя семейства, и дѣйствительно ихъ основываютъ по той же необходимости, по какой основалось первое семейство. Словомъ, это первоначальное семейство такимъ образомъ разрушается. Но и возникшія на его вмѣстѣ семейства изнемогаютъ предъ тою же судьбою; вмѣсто ихъ образуются другія и такъ въ безконечность. Непосредственный результатъ сего безконечнаго процесса есть союзъ родовый.

2. Родъ.

§ 71.

Литература. Ewers, das älteste Recht der Russen. Dorpat und Hamburg, 1826 (во многихъ мѣстахъ, такъ какъ и цѣлое сочиненіе было писано между прочимъ съ тою цѣлію, чтобъ объяснить первое начало установленій общественныхъ, см. Vorrede.)

а) Происхожденіе союза родоваго изъ семейства.

Весь рядъ семействъ, происшедшихъ отъ первоначальнаго се-

мейства, образуетъ собою одно цѣлое. Всѣ лица, къ нимъ принадлежащія, 1) имѣютъ сознаніе своего общаго происхожденія; 2) имѣютъ одни и тѣ же нравы, представленія, чувствованія, желанія. Каждый основатель новаго семейства удерживаетъ у себя тотъ же порядокъ дѣлъ, распространяетъ въ своемъ домѣ тотъ же духъ, въ которомъ онъ жилъ изъ дѣтства. 3) Къ этому присоединяется, какъ внѣшнее основаніе, общее имѣніе, доставшееся отъ первоначальнаго семейства.

§ 72.

б) Понятіе рода.

Совокупность лицъ и семействъ, происшедшихъ отъ одного общаго лица и семейства, и соединенныхъ между собою сознаніемъ общаго своего происхожденія, единствомъ нравовъ, и, болѣе или менѣе, общимъ имѣніемъ, — называется родомъ.

§ 73.

в) Права и обязанности въ союзѣ родовомъ.

а) Власть родовая.

Надъ соединенными семействами необходимо кто нибудь долженъ начальствовать. Это начальствующее лице есть, можетъ быть, лице наиболѣе близкое по рожденію къ родоначальнику, слѣдовательно старшій въ старшемъ поколѣніи; можетъ быть, начальствуетъ общее собраніе отцевъ семействъ; можетъ быть, начальствуетъ лице, именно для того избранное семействами.

§ 74.

б) Начало собственности.

По разрушеніи союза семейственнаго происходитъ раздѣлъ имущества, ему принадлежавшаго. Но какъ въ цѣломъ родѣ непрерывно сохраняется сознаніе общаго происхожденія; то это раздѣленіе на первый разъ и не есть рѣшительное. Оно главнымъ образомъ простирается только на вещи, которыми нельзя пользоваться всѣмъ въ совокупности, слѣдовательно на вещи движимыя; оно предпринимается болѣе въ видѣ временной мѣры, нежели въ видѣ мѣры окончательной. Во всякомъ случаѣ съ происхожденіемъ родовъ начинается образованіе собственности.

§ 75.

г) Законы въ союзѣ родовомъ.

Общія правила поведенія въ союзѣ родовомъ 1) проистекаютъ изъ самаго существа сего союза; 2) раскрываются путемъ обыкновенія и 3) болѣе или менѣе дѣйствіемъ власти родовой. Къ охраненію ихъ служитъ, кромѣ нравовъ и власти родовой, преимущественно родственная месть, по коей само обиженное семейство вмѣстѣ съ своими родными производитъ отмщеніе за обиду, нанесенную кому нибудь изъ его членовъ, и притомъ воздавая (въ собственномъ смыслѣ) равное за равное (око за око, зубъ за зубъ, смерть за смерть), самому ли непосредственно лицу, сдѣлавшему обиду, или кому нибудь изъ его родныхъ.

§ 76.

д) Разрушеніе союза родоваго.

Союзъ родовый такъ же разрушается, какъ разрушилось семейство. Чѣмъ далѣе поколѣнія извѣстнаго рода отстоятъ отъ своего родоначальника, тѣмъ болѣе исчезаетъ между ними сознаніе общаго ихъ происхожденія, единство нравовъ, и даже общее имѣніе, — словомъ, все то, что совокупляло ихъ въ одинъ родъ. Въ замѣнъ этого образуются между лицами, къ нимъ принадлежащими, другія, особенныя связи, слѣдствіемъ которыхъ есть союзъ гражданскаго общества.

3. Гражданское общество.

§ 77.

а) Происхожденіе его.

Выступивъ изъ союза родоваго, лица, принадлежавшія къ нему, съ одной стороны дѣлаются по отношенію другъ къ другу нравственно-самостоятельными, особенными лицами. Каждое имѣетъ свои особенныя потребности, свои способы удовлетворять ихъ. Животныя неразумныя имѣютъ только ограниченный кругъ потребностей. Потребности человѣка напротивъ уже по самымъ родамъ ихъ бываютъ многочисленны. Но сверхъ того каждая общая потребность у людей опять разлагается на множество другихъ, которыя дробятся снова, и такъ въ безконечность. Каждый человѣкъ стремится удовлетворить своимъ потребностямъ, и притомъ своимъ особеннымъ об-

разомъ. Съ другой стороны люди опять находятся въ разнообразныхъ между собою отношеніяхъ, въ разнообразной зависимости другъ отъ друга: каждый изъ нихъ, будучи въ состояніи производить средства для удовлетворенія только нѣкоторой части своихъ потребностей, во всемъ прочемъ зависитъ совершенно отъ другихъ.

§ 78.

б) Понятіе гражданскаго общества.

Совокупность лицъ самостоятельныхъ, соединенныхъ въ одно общество для удовлетворенія ихъ частныхъ потребностей общими силами, или совокупность лицъ, соединенныхъ между собою общими нуждами и общими усиліями для удовлетворенія ихъ, есть гражданское общество. Здѣсь человѣкъ освобождается отъ естественной зависимости, находясь подъ владычествомъ потребностей, которыя болѣе или менѣе составляютъ собственное его произведеніе, и удовлетворяя имъ собственными средствами — произведеніями собственнаго труда. Но при этомъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ онъ прямо и непосредственно имѣетъ въ виду свое частное благо.

§ 79.

в) Права и обязанности въ гражданскомъ обществѣ.

1. Для управленія дѣлами общества, прежде всего здѣсь требуется власть общественная. Она принадлежитъ лицамъ, особенно къ тому способнымъ. Въ случаѣ обширности гражданскаго союза она можетъ имѣть нужду въ различныхъ орудіяхъ, т. е. въ подчиненныхъ ей властяхъ. Для приведенія въ исполненіе своей воли, ей могутъ понадобиться различныя силы какъ вещественныя, такъ и личныя. Подъ именемъ силъ вещественныхъ мы разумѣемъ вещи движимыя и недвижимыя, особенно деньги; подъ именемъ личныхъ силъ — какъ военныя силы, такъ и всѣ тѣ, которыя предназначаются для исправленія разныхъ нуждъ общественныхъ въ видѣ повинностей.

2. По различію потребностей, занятій и образованности членовъ гражданскаго общества, въ немъ образуются сами собою различныя состоянія:

а) Сословія, имѣющія своею цѣлію удовлетвореніе вещественнымъ потребностямъ общества.

α) Сословіе земледѣльцевъ, добывающее естественныя произведенія въ ихъ первоначальномъ видѣ.

β) Сословіе ремесленниковъ и фабрикантовъ, дающее приличный видъ естественнымъ произведеніямъ, сообразно потребностямъ человѣка.

γ) Сословіе торговое, приближающее произведенія къ ихъ потребителямъ.

б) Сословія, имѣющія своею цѣлію удовлетвореніе невещественнымъ потребностямъ общества. Сюда относятся сословія: ученыхъ, священнослужителей, чиновниковъ, воиновъ.

3. Образуется имущество въ разнообразныхъ видахъ. Совокупность средствъ, служащихъ къ удовлетворенію человѣческихъ потребностей и принадлежащихъ извѣстному лицу въ исключительное владѣніе, мы называемъ имуществомъ. Это суть: а) вещи — движимыя и недвижимыя, и б) дѣянія другихъ лицъ (обнаруженіе ими своей силы для нашихъ цѣлей). Будучи отдѣльными, самостоятельными лицами, всѣ люди имѣютъ здѣсь свои средства удовлетворенія своихъ потребностей въ отдѣльномъ у себя владѣніи.

4. Общіе законы объ имуществахъ прилагаются къ разнымъ потребностямъ человѣка (къ потребностямъ тѣлеснымъ и духовнымъ — потребностямъ разума, чувства и воли), такъ что удовлетвореніе потребностей получаетъ твердый порядокъ, благоустроенный видъ. При обладаніи каждымъ лицемъ отдѣльнаго имущества, при отдѣльномъ удовлетвореніи каждымъ изъ нихъ своихъ потребностей, зависитъ совершенно отъ случая, удовлетворяются ли его потребности, или нѣтъ. Но общество, имѣющее своею цѣлію удовлетвореніе потребностямъ человѣческимъ, не можетъ допустить такой случайности. Оно установляетъ по сему опредѣленный порядокъ и способъ ихъ удовлетворенія; соединяя нѣкоторыя части имущества, принадлежащаго различнымъ отдѣльнымъ лицамъ, въ одну массу и располагая ею, оно учреждаетъ разныя общественныя установленія, служащія къ удовлетворенію различныхъ потребностей человѣка, и такимъ образомъ посредствомъ совокупныхъ усилій достигаетъ того, чего отдѣльный человѣкъ никогда бы не могъ достигнуть.

5. Въ гражданскомъ обществѣ являются во всей полнотѣ мѣры для охраненія существа этого союза и правъ, изъ него возникающихъ. Сіи мѣры суть: а) предпринимаемыя гражданскимъ обществомъ не иначе, какъ по требованію самихъ лицъ, почитающихъ себя обиженными, и притомъ 1) въ томъ случаѣ, когда на требованіе одной стороны не представляется съ другой стороны никакого спора; 2) въ томъ случаѣ, когда требованіе одной стороны другою оспори-

вается; б) мѣры, предпринимаемыя властію общественною по собственному побужденію, куда относятся: 1) мѣры, предшествующія нарушенію правъ — мѣры предупрежденія и пресѣченія, и 2) мѣры, послѣдующія за нарушеніемъ правъ, въ особенности со стороны самихъ людей, т. е. за преступленіями — наказанія. Цѣль наказанія въ гражданскомъ обществѣ есть доставленіе безопасности самому обществу и отдѣльнымъ его членамъ.

§ 80.

г) Законы въ гражданскомъ обществѣ.

Хотя законы въ гражданскомъ обществѣ основываются частію и на обычаяхъ, однакоже преимущественно они образуются посредствомъ именныхъ постановленій власти общественной, какъ по тому, что здѣсь самосознаніе достигаетъ уже значительнаго степени развитія, такъ и по той причины, что всѣ вообще отношенія въ гражданскомъ обществѣ развиваются весьма быстро и понятія чрезвычайно скоро измѣняются, такъ что обычаи съ ихъ медленнымъ ходомъ не могутъ итти наравнѣ съ успѣхами гражданскаго общества.

4. Государство.

§ 81.

а) Происхожденіе Государства изъ гражданскаго общества и понятіе Государства.

Гражданское общество переходитъ въ Государство.

Каждый членъ гражданскаго общества непосредственно имѣетъ у себя въ виду только свои особенныя цѣли. Но особенныя цѣли, какъ цѣли ограниченныя, конечныя, сами въ себѣ не имѣютъ самостоятельности; истинное основаніе бытія ихъ составляетъ цѣль нравственно-всеобщая, неограниченная, безконечная.

Союзъ лицъ, которыя при своихъ особенныхъ цѣляхъ признаютъ цѣлію своей дѣятельности еще цѣль нравственно-всеобщую — совокупность всѣхъ высшихъ цѣлей человѣческаго духа, есть Государство. Съ одной стороны въ Государствѣ всѣ особенныя цѣли получаютъ обширнѣйшее развитіе. Съ другой стороны члены этого союза поставляютъ средоточіемъ своей дѣятельности не свое особенное благо, но всеобщее благо, благо цѣлаго; они не предощущаютъ сію цѣль только темнымъ образомъ, а ясно видятъ ее предъ со-

бою, знаютъ ее; ихъ познаніе не есть только мертвое познаніе, а тогда же переходитъ въ самое дѣло.

§ 82.

б) Права и обязанности въ Государствѣ.

Единство Государства получаетъ для себя видимое выраженіе и осуществленіе въ Верховной Государственной Власти.

1. Согласно съ самымъ существомъ союза государственнаго устроенъ здѣсь твердый порядокъ, которымъ Верховная Власть образуется и дѣйствуетъ въ законодательствѣ и управленіи.

2. Какъ Власть Верховная, по причинѣ обширнаго круга ея дѣйствія, имѣетъ нужду въ различныхъ органахъ для исполненія своихъ намѣреній — въ различныхъ установленіяхъ, въ различныхъ властяхъ подчиненныхъ; то въ Государствѣ существуютъ различныя власти подчиненныя.

3. Какъ Власть Верховная имѣетъ нужду въ различныхъ средствахъ для удовлетворенія своихъ потребностей — въ силахъ вещественныхъ и личныхъ; то въ Государствѣ существуютъ силы того и другаго рода.

4. Какъ въ составѣ Государственныхъ Установленій и силъ имѣютъ извѣстный степень участія подданные (посредствомъ выборовъ въ различныя должности, посредствомъ исправленія разныхъ повинностей, посредствомъ платы налоговъ), чѣмъ опредѣляется состояніе сихъ послѣднихъ; то въ Государствѣ существуютъ различныя состоянія [33].

§ 83.

в) Законы.

а) Порядокъ, которымъ образуются законы въ Государствѣ.

Образъ правленія въ Государствахъ никогда не бываетъ произведеніемъ человѣческаго произвола; онъ развивается по необходимости изъ самаго характера и духа народа. Что касается другихъ частей государственнаго устройства, то хотя онѣ въ существѣ своемъ имѣютъ то же основаніе, впрочемъ всѣ дальнѣйшія ихъ подробности опредѣляются собственно такъ называемыми законами.

§ 84.

б) Порядокъ, которымъ охраняются законы въ Государствѣ.

Государство сохраняется въ своемъ бытіи 1) внутреннею силою

[33] Ср. выше § 79 подъ № 1 и 2.

цѣлесообразности его установленій. Какъ скоро всѣ вообще установленія въ Государствѣ учреждены цѣлесообразно, то каждое изъ нихъ, сохраняя само себя, въ то же время сохраняетъ и другія. 2) Государство сохраняется внѣшними мѣрами общаго государственнаго порядка, куда относятся: а) мѣры, предупреждающія и пресѣкающія безпорядки, и б) наказанія. Наказывая злодѣяніе, Государство тѣмъ самымъ показываетъ его ничтожество, и, обращая нарушенный законъ противъ самого преступника, возстановляетъ законъ въ прежнюю его силу.

5. Союзъ народовъ.

§ 85.

Государство дѣлается членомъ союза народовъ.

Государство есть индивидуумъ. Какъ индувидуумъ, оно сосредоточивается въ себѣ самомъ, есть единое, которое впрочемъ въ то же время состоитъ въ связи съ другими Государствами, какъ съ подобными ему индивидуальными цѣлыми. Во взаимныхъ между собою отношеніяхъ каждое Государство признаетъ каждое другое самостоятельнымъ и независимымъ, что и служитъ основаніемъ ихъ поведенія по отношенію другъ къ другу. Къ этому присоединяются еще обычаи и договоры. Какъ Государства не признаютъ надъ собою никакого высшаго судіи на землѣ, то для рѣшенія взаимныхъ жалобъ между ними, при безуспѣшности мирныхъ сношеній, остается единственнымъ средствомъ война.

§ 86.

Находясь въ непріязненныхъ между собою отношеніяхъ, Государства разрушаютъ другъ друга. Но изъ понятія ихъ не слѣдуетъ, чтобъ они должны были разрушиться. Итакъ если они разрушаются, то разрушаются единственно по тому, что не вполнѣ соотвѣтствуютъ своему понятію. Постепенное приближеніе ихъ къ такому состоянію, въ которомъ бы ихъ бытіе вполнѣ соотвѣтствовало ихъ понятію, совершается въ Исторіи.

ОБЩІЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

§ 87.

Изъ союзовъ, здѣсь разсмотрѣнныхъ, каждый высшій или последующій заключаетъ въ себѣ и всѣ нисшіе или предшествующіе. Такимъ образомъ въ союзѣ родовомъ заключается и союзъ семейственный; въ гражданскомъ обществѣ заключаются какъ роды, такъ и семейства, въ государствѣ — гражданское общество вмѣстѣ съ родами и семействами, наконецъ въ союзѣ народовъ — государство со всѣми, содержащимися внутри его, союзами. Но можно сказать и на оборотъ: каждое нисшее общество содержитъ въ себѣ и всѣ высшія, по крайней мѣрѣ въ зародышѣ, почему и замѣняетъ ихъ собою, доколѣ они не явятся, раскрывая въ себѣ такія права и обязанности, которыя могутъ принадлежать только высшимъ видамъ жизни общественной. Послѣ сего естественно, что нисшій, ограниченнѣйшій союзъ, дѣлаясь звѣномъ высшаго, обширнѣйшаго, претерпѣваетъ отъ того большія или меньшія видоизмѣненія въ первоначальномъ своемъ устройствѣ и тогда дѣлается соотвѣтствующимъ своему понятію.

Хотя нисшіе, ограниченнѣйшіе виды общества по времени являются прежде высшихъ, обширнѣйшихъ; но внутренняя причина ихъ бытія, заставляющая ихъ непрерывно развиваться, заключается въ послѣднихъ, отъ которыхъ только они и могутъ получить свое истинное, совершеннѣйшее образованіе.

Не вездѣ общежитіе между людьми достигаетъ до самой высшей степени. Напротивъ, иногда оно ограничивается только союзомъ семейственнымъ, иногда союзомъ родовымъ, иногда гражданскимъ обществомъ.

Но если гдѣ народы достигаютъ до высшей ступени общежитія, то достигаютъ не иначе, какъ прошедъ всѣ нисшія или непосредственно въ собственной жизни, или въ лицѣ другихъ народовъ, которые прошли за нихъ эти ступени и могутъ теперь поставить ихъ прямо на одну изъ высшихъ. Въ цѣломъ родѣ человѣческомъ представляется такая же постепенность развитія союзности, какая и въ отдѣльныхъ народахъ и Государствахъ.

ГЛАВА III.

О раздѣленіи законовъ на ихъ главные роды и виды.

Литература. Всѣ Энциклопедіи Законовѣдѣнія въ статьѣ: о раздѣленіи законовъ и законовѣдѣнія. Особенно же: Обзрѣніе историческихъ свѣдѣній о Сводѣ Законовъ. С. Петербургъ, 1833. стр. 118—125.

§ 88.

Государство представляетъ въ себѣ полную систему законодательства. Изложивши, какъ она образуется въ теченіи времени, мы должны теперь означить ея части.

§ 89.

Не упоминая о раздѣленіи законовъ, основывающемся на различіи источниковъ нашего познанія объ нихъ и на различіи историческихъ ступеней, примѣчаемыхъ въ развитіи идеи законодательствъ,[34] такъ какъ это раздѣленіе не относится къ настоящему предмету, — можно сдѣлать въ двоякомъ отношеніи *раздѣленіе законодательства*, дѣйствующаго въ извѣстномъ Государствѣ въ извѣстное время: 1) по различію правъ и обязанностей, опредѣляемыхъ или охраняемыхъ законами; 2) по различію составныхъ частей закона.

§ 90.

Права и обязанности, опредѣляемыя или охраняемыя законами, суть или государственныя внутреннія, или гражданскія, или государственныя внѣшнія (права и обязанности между народами)[35]. Посему и законы раздѣляются на законы: 1) *государственные* (внутренніе)[36], 2) *гражданскіе*[37], 3) *законы союза народовъ* или *право народное*[38] (законы государственные внѣшніе).

[34] См. выше § 36—40.
[35] См. выше § 25 и 32.
[36] Jus publicum (Jus commune); das öffentliche Recht; droit public.
[37] Jus privatum (Jus civile), das Privatrecht (Civil- oder bürgerliches Recht,) droit civil, civil law.
[38] Jus gentium, das Völkerrecht; droit des gens; international law.

§ 91.

Изъ составныхъ частей закона одна опредѣляетъ права и обязанности, другая постановляетъ мѣры для ихъ охраненія [39]. По сему и законы раздѣляются на *законы*, *опредѣляющіе* права и обязанности, и на законы, ихъ *охраняющіе*.

§ 92.

Соединяя оба раздѣленія вмѣстѣ и подчиняя послѣднее первому, мы будемъ имѣть слѣдующеее подробнѣйшее раздѣленіе законовъ.

I. ЗАКОНЫ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ.

§ 93.

По различію составныхъ частей закона, Государственные Законы дѣлятся на два разряда.

§ 94.

1. Законы опредѣлительные.

Законы перваго разряда опредѣляютъ существо союза государственнаго и правъ, отъ него происходящихъ.

§ 95.

Мы уже видѣли [40], что во всякомъ обществѣ должна необходимо существовать извѣстная власть. Въ Государствѣ, какъ обществѣ независимомъ, существуетъ и власть независимая, или верховная. Она 1) образуется въ извѣстномъ порядкѣ и имѣетъ различныя права и преимущества, особенно дѣйствуя въ законодательствѣ и управленіи. 2) Органами ея дѣйствія въ семъ случаѣ суть подчиненныя власти, ею установляемыя. 3) Средствами ея дѣйствія суть силы государственныя, именно для сего предназначенныя. 4) Предметъ ея дѣйствія суть ея подданные, которые, получая отъ ней извѣстный степень участія въ составленіи какъ властей подчиненныхъ, такъ и силъ государственныхъ, съ тѣмъ вмѣстѣ получаютъ особенныя права и обязанности и образуются въ извѣстныя состоянія.

[39] См. выше § 28 и 34.
[40] См. выше § 79 подъ № 1 и 2, и § 82.

§ 96.

Отсюда проистекаютъ четыре вида Законовъ Государственныхъ:

1. *Законы основные* [41]. Они опредѣляютъ порядокъ, которымъ власть верховная образуется, и ея права, особенно по отношенію къ законодательству и управленію.

2. *Учрежденія*. Они опредѣляютъ составъ установленій, или властей подчиненныхъ, образъ и предѣлы ихъ дѣйствія.

3. *Законы о силахъ государственныхъ*. Они опредѣляютъ: а) порядокъ составленія и употребленія силъ личныхъ. Личныя силы суть: или воинскія, — онѣ управляются *Законами военными* [42]; или силы, предназначаемыя для исправленія разныхъ нуждъ государственныхъ въ видѣ повинностей, — онѣ управляются *Законами о повинностяхъ*. б) Порядокъ составленія и употребленія силъ вещественныхъ, заключающихся въ имуществахъ различнаго рода. Онъ учреждается *Уставами казеннаго управленія* [43].

4. *Законы о состояніяхъ*. Въ нихъ опредѣляются права и обязанности подданныхъ по степени ихъ участія въ составѣ установленій и силъ государственныхъ, равно какъ и порядокъ пріобрѣтенія или потери сихъ правъ подданнымъ.

§ 97.

2. Законы охранительные.

Вторый разрядъ Законовъ Государственныхъ составляютъ всѣ законы, по которымъ союзъ государственный и гражданскій и права, отъ нихъ возникающія, охраняются въ ихъ дѣйствіи мѣрами общаго государственнаго порядка [44]. Государство, опредѣливъ свои права и права своихъ подданныхъ, не оставляетъ сіи права на произволъ случая, но установляетъ общія мѣры для ихъ охраненія. Это суть или мѣры, принимаемыя прежде, чѣмъ будетъ право нарушено, равно какъ и въ минуту нарушенія права, или мѣры, послѣдующія за нарушеніемъ права со стороны существъ нравственныхъ, т. е. наказанія.

Отсюда два вида Законовъ Государственныхъ охранительныхъ:

[41] Законы основные и учрежденія называются въ совокупности съ законами о состояніи людей въ Государствѣ: De Imperio, de magistratibus, Staatsrecht, droit politique, droit constitutionnel.

[42] De re militari (Jus militare); Kriegsrecht.

[43] De publicis reditibus, de jure fisci; Cameral- oder Finanzrecht.

[44] См. выше § 79 и № 5 § 84.

1. *Законы благочинія*, называемые иначе *Законами полицейскими* [45]. Они опредѣляютъ существо и образъ дѣйствія мѣръ, предпринимаемыхъ непосредственно самимъ Государствомъ для предупрежденія и пресѣченія нарушенія правъ какъ Государства, такъ и его подданныхъ.

2. *Законы Уголовные* [46]. Они по различію правъ, нарушенныхъ существами нравственными, и по различію образа сего нарушенія опредѣляютъ за это различныя наказанія, равно какъ и образъ дѣйствія сей мѣры.

II. ЗАКОНЫ ГРАЖДАНСКІЕ.

§ 98.

Законы Гражданскіе дѣлятся такъ же, какъ и Государственные, на два разряда.

§ 99.

1. Законы опредѣлительные.

Первый разрядъ составляютъ законы, которыми опредѣляется существо союза гражданскаго и правъ, отъ него происходящихъ. Лица, изъ которыхъ слагается Государство, будучи разсматриваемы, какъ отдѣльныя лица, въ ихъ взаимномъ отношеніи другъ къ другу, составляютъ союзъ гражданскій. Онъ есть или союзъ семейственный, въ связи съ которымъ находится и союзъ родовый, или союзъ по имуществамъ. Такимъ образомъ права гражданскія суть или права семейственныя, куда относятся также права родственныя [47], или права въ имуществахъ. Права послѣдняго рода могутъ быть разсматриваемы или вообще, или въ особенномъ приложеніи ихъ къ различнымъ предметамъ гражданской жизни, какъ то: къ различнымъ вѣтьвямъ промышленности, наукамъ, искуствамъ и т. д. [48].

§ 100.

Отсюда проистекаютъ три вида Гражданскихъ Законовъ:

1. *Законы союзовъ семейственныхъ*.

[45] Polizeirecht; Jus politiæ.

[46] De judiciis publicis, de criminibus (Jus criminale); Peinliches oder Criminalrecht.

[47] См. выше § 61—76.

[48] См. выше § 77—80.

2. *Общіе законы объ имуществахъ.* Сіи два вида означаются обыкновенно общимъ именемъ *Законовъ Гражданскихъ* [49]. Въ нихъ по отношенію къ каждому праву гражданскому опредѣляются: существо и содержаніе права, порядокъ его установленія и порядокъ его уничтоженія.

3. *Особенные законы объ имуществахъ*, называемые по главной цѣли ихъ *Законами Государственнаго Благоустройства* или *Экономіи* [50].

§ 101.

2. Законы охранительные.

Ко второму разряду гражданскихъ законовъ принадлежатъ законы, по которымъ дѣйствіе правъ гражданскихъ охраняется мѣрами порядка гражданскаго [51]; таковы суть:

1. *Законы о производствѣ дѣлъ безспорныхъ.*

2. *Законы о производствѣ дѣлъ спорныхъ или судопроизводствѣ.*

III. ЗАКОНЫ СОЮЗА НАРОДОВЪ, ИЛИ ПРАВО НАРОДНОЕ.

§ 102.

Право народное [52] содержитъ въ себѣ такъ же, какъ и Законы Государственные и Гражданскіе, два разряда постановленій [53].

§ 103.

1. Законы опредѣлительные.

Первый разрядъ опредѣляетъ существо союза народовъ и права, отъ него происходящія. Сей родъ постановленій называется, хотя несправедливо, *Правомъ народнымъ во время мира.*

§ 104.

2. Законы охранительные.

Ко второму разряду принадлежатъ постановленія, по которымъ

[49] Jus privatum, jus civile; Civil- oder bürgerliches Recht; droit civil; civil law.

[50] De urbium cura et de operibus publicis; Polizeirecht (Jus politiæ).

[51] De jurisdictione, de judiciis privatis (Jus judiciarium, Jus camerale, Processus); der bürgerliche oder Civil-Process.

[52] Jus Feciale (Jus gentium); Völkerrecht; droit des gens.

[53] См. выше § 85.

союзъ народовъ и права, изъ него возникающія, сохраняются въ ихъ дѣйствіи мѣрами принудительными, и въ особенности войною. Сей родъ постановленій называется *Правомъ народнымъ во время войны.*

§ 105.

Вообще относительно этого раздѣленія законовъ на ихъ главные роды и виды надобно замѣтить, что пространство и важность сихъ частей въ различныхъ законодательствахъ бываютъ различны. Въ одномъ законодательствѣ извѣстная часть имѣетъ большой объемъ, въ другомъ — самый незначительный; въ одномъ преобладаетъ одна часть, въ другомъ другая. Почему каждое законодательство представляетъ намъ особенныя подробности въ раздѣленіи частей, нами поименованныхъ. Но совершенно обойтись безъ которой нибудь изъ сихъ частей народъ образованный не можетъ.

РАЗДѢЛЪ II.

О ЗАКОНОВѢДѢНІИ ВЪ ОБЩЕМЪ ЕГО СОСТАВѢ.

§ 106.

Совокупность свѣдѣній о законахъ называется вообще *Законовѣдѣніемъ* (Jurisprudentia). Прежде всего по отношенію къ нему представляется вопросъ: *на чемъ основывается его необходимость?*

§ 107.

Для цѣлей двоякаго рода можно желать узнать законы: 1) для цѣлей теоретическихъ, 2) для цѣлей практическихъ.

Теоретическія цѣли. Познаніе истины во всѣхъ ея видахъ составляетъ одну изъ существенныхъ потребностей духа человѣческаго. Свѣдѣнія всякаго рода служатъ къ удовлетворенію этой потребности; почему всѣ они могутъ заключать въ себѣ большую или меньшую прелесть для духа человѣческаго. То же надобно сказать и о познаніяхъ, относящихся къ области законовѣдѣнія. Если явленія физическаго міра могутъ достойнымъ образомъ занимать умы любознательные, то еще болѣе — явленія міра нравственнаго. Здѣсь представляется намъ, какія ступени проходитъ въ своемъ раскры-

тіи идея вѣчной правды Божіей, неизвѣстной въ природѣ; какъ она мало по малу уясняется въ сознаніи человѣческомъ; какъ она созидаетъ для себя различныя общества, дабы найти въ нихъ мѣсто для своего существованія; какъ она во мглѣ страстей является все болѣе и болѣе торжествующею, проникаетъ всѣ отношенія въ родѣ человѣческомъ, искореняетъ вражду между людьми, разрушаетъ преграды, ихъ раздѣляющія, уничтожаетъ между ними владычество силы и вводитъ владычество закона; какъ всѣ Государства, всѣ общества человѣческія спѣшатъ къ этой общей, возвышенной цѣли, ревностно подаютъ другъ другу руку помощи и все болѣе и болѣе сближаются, сдружаются, соединяются между собою въ одно цѣлое. Созерцаніе такого зрѣлища не можетъ ли доставить самое благороднѣйшее упражненіе для духа?

Практическія цѣли. Познаніе законовъ имѣетъ величайшее приложеніе въ жизни. Они суть правила, съ которыми членъ Государства долженъ соображаться въ различныхъ направленіяхъ своей дѣятельности. Чѣмъ лучше ему извѣстны сіи правила, тѣмъ правильнѣе можетъ быть самая его дѣятельность. Итакъ законы могутъ быть изучаемы непосредственно съ тою цѣлію, чтобъ имѣя познаніе объ нихъ, тѣмъ лучше можно было дѣйствовать въ обществѣ какъ для себя, такъ и для другихъ, какъ въ жизни частной, такъ и при отправленіи различныхъ должностей общественныхъ. На каждомъ человѣкѣ лежитъ обязанность осуществлять въ своемъ кругѣ идею правды. Чѣмъ яснѣе онъ понимаетъ эту идею, тѣмъ лучше онъ можетъ выполнить и свою обязанность по отношенію къ ней.

§ 108.

Ни которыя изъ показанныхъ *цѣлей* не имѣютъ *преимущества* предъ другими; достоинство тѣхъ и другихъ одинаково. Устремлена ли дѣятельность человѣка къ тому, чтобы обнять своимъ умомъ область истины, или онъ дѣйствуетъ въ этой самой области, — въ обоихъ случаяхъ онъ имѣетъ дѣло съ Божественнымъ. Различіе между однимъ и другимъ видомъ дѣятельности заключается только въ формѣ: въ одномъ случаѣ человѣкъ собирается въ себя, въ другомъ онъ исходитъ изъ себя и раскрываетъ свою дѣятельность во внѣшности.

§ 109.

Можно даже утверждать, что болѣе или менѣе законы должны

быть изучаемы *всѣми*, и притомъ *не только для теоретическихъ цѣлей, но и для практическихъ*.

Законы должны быть изучаемы *всѣми для теоретическихъ цѣлей*. Въ важности, въ занимательности они не уступятъ ни одному изъ тѣхъ предметовъ, познаніе которыхъ столь справедливо требуется отъ всякаго человѣка образованнаго. Предосудительно незнаніе законовъ природы; еще предосудительнѣе незнаніе законовъ нравственнаго міра, а особенно законовъ той его части, къ которой человѣкъ принадлежитъ непосредственно. Важно познаніе царства природы; еще важнѣе познаніе царства духа, сколько духъ выше природы.

Законы должны быть изучаемы *всѣми для практическихъ цѣлей*. Человѣкъ необходимо живетъ въ обществѣ. Живя въ обществѣ, онъ долженъ и сообразоваться съ законами общества, если хочетъ наслаждаться ихъ благодѣяніями и не желаетъ быть несправедливымъ. Но не зная ихъ, онъ не можетъ дѣйствовать сообразно съ ними. Если его поступки и будутъ согласны съ ними; то — по одному случаю. Въ дѣлахъ частныхъ, и притомъ лично до него касающихся, онъ, конечно, можетъ требовать совѣта у людей знающихъ. Но онъ имѣетъ отношенія къ цѣлому Государству. Принадлежа къ извѣстному состоянію, онъ можетъ избирать и быть избираемъ въ различныя общественныя должности; онъ можетъ имѣть участіе въ составленіи различныхъ общественныхъ опредѣленій. Въ томъ и другомъ случаѣ собственное познаніе законовъ для него необходимо, если онъ хочетъ дѣйствовать самостоятельно, а не руководствоваться внушеніями другихъ, нерѣдко ложными и своекорыстными. Въ особенности же если онъ вступитъ въ государственную службу, то безъ познанія законовъ его дѣятельность, напр. въ качествѣ судьи и т. д., лишена будетъ всякаго твердаго основанія и онъ, можетъ быть, при всемъ желаніи добра, будетъ дѣйствовать слѣпо и на удачу; еще скорѣе онъ сдѣлается игрушкою въ рукахъ людей хитрыхъ и неблагонамѣренныхъ [54].

§ 110.

Послѣ сего необходимость законовѣдѣнія не можетъ подлежать сомнѣнію, и мы должны заняться теперь опредѣленіемъ, въ чемъ состоитъ его сущность.

[54] Ср. *William Blackstone*, commentaries on the laws of England. Introd. Section I. (первая половина).

§ 111.

Чтобъ опредѣлить сущность законовѣдѣнія, мы должны разсмотрѣть: 1) его *содержаніе,* 2) его *форму.*

ГЛАВА I.

О содержаніи законовѣдѣнія.

§ 112.

Что касается содержанія, *Законовѣдѣніе* съ сей стороны можетъ быть разсматриваемо; 1) *въ немъ самомъ;* 2) *въ отношеніи къ другимъ родамъ познаній,* или къ другимъ наукамъ, которыя получаютъ для него значеніе наукъ вспомогательныхъ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

О СОДЕРЖАНІИ ЗАКОНОВѢДѢНІЯ, РАЗСМАТРИВАЕМАГО ВЪ САМОМЪ СЕБѢ.

Литература. См. всѣ Энциклопедіи Законовѣдѣнія подъ этою статьею, особенно же у Венинга § 82—91 и § 185—279.

§ 113.

Наука не творитъ своего предмета, а сознаетъ то, что дѣйствительно есть, и въ томъ именно видѣ, какъ оно есть. Посему существо ея относительно содержанія открывается изъ существа самаго ея предмета. Такимъ образомъ существо законовѣдѣнія открывается непосредственно изъ существа законовъ. Всѣ стороны, съ которыхъ можетъ быть разсматриваемъ законъ, всѣ части, какія въ немъ представляются для изслѣдованія, составляютъ непосредственно содержаніе законовѣдѣнія и должны быть обняты наукою.

I. ОБЩІЙ ОБЗОРЪ СОДЕРЖАНІЯ И НАУКЪ ЗАКОНОВѢДѢНІЯ.

§ 114.

Въ законѣ прежде всего представляются разсмотрѣнію его содержаніе (матерія) и образъ его изложенія (форма). Законовѣдѣніе

обнимаетъ то и другое. На этомъ основанiи въ составѣ его различаются два рода наукъ: однѣ имѣютъ своимъ предметомъ *содержанiе законовъ*, другiя — *образъ ихъ изложенiя.*

Законъ познанный и понятый, во вторыхъ, осуществляется и прилагается къ различнымъ дѣламъ жизни. Посему законовѣдѣнiе показываетъ способы къ наилучшему осуществленiю и приложенiю законовъ и содержитъ въ себѣ различныя науки, сюда относящiяся.

Законовѣдѣнiе, въ третьихъ, сознаетъ само себя какъ науку, непрерывно образующуюся; посему къ двумъ означеннымъ разрядамъ присоединяются науки, имѣющiя своимъ предметомъ изложить, какъ *были обработываемы законы ученымъ образомъ.*

Наконецъ обзоръ всѣхъ наукъ законовѣдѣнiя въ общей ихъ связи представляетъ намъ *Энциклопедiя Законовѣдѣнiя.*

Разсмотримъ ближе каждый изъ сихъ разрядовъ наукъ законовѣдѣнiя.

§ 115.

1. *Науки, имѣющiя своимъ предметомъ законы, разсматриваемые въ нихъ самихъ, и при томъ какъ ихъ содержанiе, такъ и образъ ихъ изложенiя.*

а) Науки, имѣющiя своимъ предметомъ содержанiе законовъ.

Относительно содержанiя, какъ мы видѣли, въ законодательствѣ представляются различныя части: 1) по различiю источниковъ нашего познанiя о законахъ; 2) по различiю степеней развитiя законодательства; 3) по различiю правъ и обязанностей, опредѣляемыхъ или охраняемыхъ закономъ [55]. Сообразно этому мы получаемъ столько же и особенныхъ частей законовѣдѣнiя.

§ 116.

По различiю *источниковъ нашего познанiя о законахъ*, всѣ законы дѣлятся на естественные и положительные. Законовѣдѣнiе обнимаетъ тѣ и другiе и въ семъ отношенiи состоитъ изъ двухъ частей: 1) изъ *Философiи законодательства* и 2) *изъ Законовѣдѣнiя положительнаго.* Философiя законодательства имѣетъ своимъ предметомъ изложенiе законовъ естественныхъ, которые она разсматриваетъ какъ въ нихъ самихъ, такъ и въ ихъ приложенiи къ мѣстнымъ и временнымъ обстоятельствамъ, показывая, какъ отъ тѣхъ

[55] См. выше § 36—40, § 25 и 32, § 28 и 34.

и другихъ они получаютъ опредѣленнѣйшій видъ, и какое вообще вліяніе имѣютъ различныя причины на образъ ихъ развитія. Законовѣдѣніе положительное имѣетъ своимъ предметомъ изложеніе законодательствъ положительныхъ, постановленія которыхъ оно стремится не только понять по истинному ихъ смыслу, но и вывести изъ причинъ, давшихъ имъ бытіе.

§ 117.

Законы представляются намъ на различныхъ *ступеняхъ развитія.*

Конечно, законы естественные сами въ себѣ остаются всегда одни и тѣ же; но сознаніе ихъ со стороны людей можетъ имѣть различныя ступени, понятіе объ нихъ можетъ быть темнѣе или яснѣе.

Существованіе различныхъ ступеней въ положительныхъ законодательствахъ несомнѣнно: каждое изъ нихъ, взятое въ отдѣльности, возникаетъ въ извѣстное время и потомъ въ продолженіе своего существованія подвергается различнымъ измѣненіямъ; такимъ же образомъ и всѣ они, взятыя въ ихъ совокупности, имѣютъ опредѣленное начало во времени и проходятъ различные періоды бытія, дѣйствуя совокупно въ одно и то же время, но для разныхъ лицъ и на различныхъ пространствахъ земли, или слѣдуя другъ за другомъ въ извѣстномъ порядкѣ. Въ развитіи каждаго положительнаго законодательства можно всегда различать по времени особенно два отдѣла: законы прошедшаго времени и законы настоящаго времени. Это различіе законовъ не есть безусловное, а только относительное. Оно основывается на томъ, что для разсматриванія ихъ можно всегда взять какую нибудь опредѣленную точку во времени. Законодательство, бывшее и образовавшееся до этого времени, будетъ, по отношенію къ нему, законодательствомъ прошедшаго времени; законодательство, которое дѣйствуетъ въ это самое время, и которое слѣдовательно для лицъ, тогда живущихъ, имѣетъ непосредственно — обязательную силу, будетъ законодательствомъ настоящаго времени. При разсмотрѣніи законодательства прошедшаго времени должно быть обращено особенное вниманіе, съ одной стороны, на происхожденіе и постепенное образованіе формъ, въ какихъ оно раскрывалось, съ другой стороны — на самое содержаніе, раскрывшееся въ сихъ формахъ.

Такимъ образомъ получаются слѣдующія науки законовѣдѣнія: 1) *Исторія философіи законодательства.* Прямымъ своимъ по-

слѣдствіемъ и концемъ она имѣетъ *современный философскій взглядъ на предметы законодательства*. 2) *Исторія законодательства положительнаго*, и при томъ а) *внѣшняя*, имѣющая своимъ предметомъ изложить формы, въ которыхъ раскрывалось положительное законодательство; б) *внутренняя*, которая излагаетъ самое содержаніе, раскрывшееся въ сихъ формахъ. Исторія законодательства положительнаго непосредственно переходитъ въ *Науки законодательства дѣйствующаго*.

§ 118.

По различію *правъ и обязанностей, опредѣляемыхъ* или *охраняемыхъ закономъ*, мы различаемъ съ одной стороны законы государственные, законы гражданскіе и законы союза народовъ, съ другой — законы, опредѣляющіе права и обязанности, и законы, ихъ охраняющіе. Такимъ образомъ мы имѣемъ: съ одной стороны *Науку законовъ государственныхъ*, *Науку законовъ гражданскихъ* и *Науку законовъ союза народовъ;* съ другой стороны — *Науку законовъ опредѣлительныхъ* и *Науку законовъ охранительныхъ*.

Не трудно усмотрѣть, что это раздѣленіе наукъ законовѣдѣнія легко можетъ быть соединено съ обоими предыдущими. Мы получимъ такимъ образомъ новое раздѣленіе наукъ законовѣдѣнія.

§ 119.

б) Науки, имѣющія своимъ предметомъ образъ изложенія законовъ.

Относительно *образа изложенія* законы могутъ быть разсматриваемы съ тѣхъ же сторонъ, съ какихъ и всякое словесное произведеніе ума человѣческаго. Итакъ въ нихъ представляются для разсмотрѣнія: 1) языкъ, которымъ они изложены, и при томъ а) значеніе отдѣльныхъ словъ, составляющее предметъ лексиконовъ; б) образъ правильнаго употребленія словъ въ рѣчи и письмѣ, чѣмъ занимаются Грамматики. 2) Составъ и порядокъ мыслей, чѣмъ занимается Логика. 3) Смыслъ, заключающійся въ словахъ закона и опредѣляемый по правиламъ Герменевтики. 4) Подлинность извѣстныхъ словъ, выраженій и цѣлыхъ мѣстъ въ законѣ, даже подлинность того, что выдается подъ именемъ закона, равно какъ и достоинство разсматриваемаго закона; въ этомъ состоитъ дѣло Критики. Согласно съ симъ можно представить себѣ столько же особенныхъ наукъ законовѣдѣнія, въ которыхъ бы общія правила Лекси-

кографіи, Грамматики, Логики, Герменевтики и Критики были приложены къ предметамъ законодательства. Въ особенности правила о томъ, какъ находить и излагать смыслъ, заключающійся въ словахъ закона, представляютъ замѣчательное отличіе отъ общихъ правилъ Герменевтики, почему они и заслуживаютъ быть излагаемы въ отдѣльной наукѣ, подъ названіемъ *Юридической Герменевтики* [56].

§ 120.

2. *Науки, имѣющія своимъ предметомъ способъ осуществленія и приложенія законовъ.*

Содержаніе законовъ, познанное и понятое, должно быть осуществляемо и прилагаемо къ различнымъ случаямъ, могущимъ встрѣтиться въ жизни. Есть различные способы для того, чтобъ при данныхъ обстоятельствахъ законы могли быть осуществлены наилучшимъ образомъ. Въ семъ отношеніи законовѣдѣніе должно представить намъ общія, хотя извлеченныя изъ опыта, и потому имѣющія силу только для извѣстныхъ государствъ, или даже для одного даннаго государства, правила о томъ, какъ на основаніи законовъ управлять Государствомъ въ его различныхъ отношеніяхъ, и вести различныя дѣла частной жизни, подлежащія дѣйствію закона, — какъ для этого дѣйствовать, говорить и писать въ извѣстныхъ случаяхъ. Такимъ образомъ мы имѣемъ различныя науки, предметъ которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы указать наилучшіе способы къ осуществленію законовъ. Изъ числа сихъ наукъ *Политика* излагаетъ правила дѣйствованія въ отправленіи дѣлъ общественныхъ и частныхъ, чтобы цѣль, предположенная закономъ, была достигнута, сколько возможно, наилучшимъ образомъ; *Наука о дѣловомъ слогѣ* излагаетъ правила, какъ надобно для этой же цѣли говорить и писать при отправленіи различныхъ дѣлъ общественныхъ и частныхъ. [57]

[56] Коренныя начала Юридической Герменевтики представляетъ *Savigny,* System des heutigen römischen Rechts. 1. Bd. Berlin, 1840. in-8. § 32—51.

[57] *Bergmann's,* Anleitung zum Referiren in Gerichtssachen. Göttingen, 1840. — *Fried. Bergmann's,* Beiträge zur Einleitung in die Praxis der Civilprocesse vor deutschen Gerichten. 2. Ausg. Götting, 1839. in-8. — *Meerkatz's* Systematisches Handbuch der Freiwilligen Gerichtsbarkeit nebst Formularen. 2. Ausg. Berlin, 1847. in-8.

§ 121.

3. *Науки, имѣющія своимъ предметомъ исторію ученаго обработыванія законовъ.*

Науки законовѣдѣнія, имѣющія своимъ предметомъ исторію ученаго обработыванія законовъ, образуютъ, взятыя въ ихъ совокупности, *Ученую исторію законовѣдѣнія*. Она излагаетъ ходъ и различныя судьбы законовѣдѣнія въ теченіи времени. Для этой цѣли она: 1) вписываетъ жизнь людей, замѣчательныхъ по вліянію ихъ на успѣхи законовѣдѣнія (Біографія), показывая степень и образъ сего вліянія; 2) занимается указаніемъ и характеристикою сочиненій, писанныхъ по разнымъ частямъ законовѣдѣнія (Библіографія), имѣя при томъ въ виду или полное ихъ исчисленіе, хотя по большому ихъ множеству, это въ настоящее время почти невозможно, или означеніе только важнѣйшихъ; 3) разсматриваетъ существовавшіе способы изученія законовъ; 4) опредѣляетъ посредствомъ историческаго развитія происшествій состояніе законовѣдѣнія въ извѣстныя времена, показывая, какъ распространено было тогда знаніе законовъ, какія были обработываемы науки законовѣдѣнія, какія господствовали въ семъ случаѣ ученыя направленія, какое вліяніе имѣла наука законовъ на видъ законодательства и практики и наоборотъ законодательство и практика на видъ законовѣдѣнія; 5) излагаетъ въ исторической связи и послѣдовательности мнѣнія и ученіе законовѣдцевъ въ разсужденіи различныхъ частей и предметовъ законодательства (такъ называемая *Исторія догмъ*).

Легко можно видѣть, что Ученая исторія законовѣдѣнія столько содержитъ въ себѣ частей, сколько есть наукъ законовѣдѣнія; такъ какъ каждая изъ сихъ наукъ имѣетъ свою исторію.

§ 122.

4. *Наука, имѣющая своимъ предметомъ обзоръ наукъ законовѣдѣнія въ общей ихъ связи.*

Изъ предложеннаго раздѣленія наукъ законовѣдѣнія видно, что число ихъ весьма значительно и что каждая изъ нихъ имѣетъ особенный объемъ и характеръ. *Энциклопедія законовѣдѣнія* обозрѣваетъ ихъ въ общей ихъ связи и соединяетъ ихъ въ одно нераздѣльное цѣлое [58].

[58] См. выше § 1—7.

II. СОДЕРЖАНІЕ ЗАКОНОВѢДѢНІЯ ВЪ ЕГО ИДЕѢ И ВЪ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТИ.

Литература. **Исторія методъ Науки законовѣдѣнія въ XVIII вѣкѣ, *Благовѣщенскаго*, (въ Журн. Мин. Народн. Просв. 1835. Іюн. стр. 375—427).** — Dissertatio de philosophica juris civilis tractandi ratione per comparationem jurium diversarum gentium instituenda, scripsit *Znamensky*. Petropoli, 1835.

§ 123.

Законовѣдѣніе, разсматриваемое въ его идеѣ, обнимаетъ собою всѣ означенныя Науки, со всѣмъ ихъ содержаніемъ, какъ оно выше описано [59]. Всѣ онѣ суть только части одного цѣлаго, и нельзя опустить ни которой изъ нихъ, не сдѣлавши цѣлой науки неполною и каждой ея части болѣе или менѣе неясною.

§ 124.

Точнѣе опредѣляется въ дѣйствительности объемъ законовѣдѣнія цѣлію изученія законовъ.

Мы видѣли уже [60], что законы могутъ быть изучаемы: 1) для теоретическихъ цѣлей, 2) для практическихъ цѣлей.

Кто изучаетъ законы по чистому влеченію любовѣдѣнія, не имѣя при томъ въ виду особенной практической цѣли, тотъ и долженъ будетъ изучать ихъ именно въ той обширности, въ какой обнимаетъ ихъ законовѣдѣніе на основаніи самой своей идеи [61]. Конечно въ дѣйствительности это правило имѣетъ исключенія: бываютъ люди, которые такъ плѣняются однимъ какимъ нибудь предметомъ законодательства, что въ изученіи этого одного предмета поставляютъ все свое удовольствіе. Однакоже такое ограниченіе ни мало не оправдывается самымъ существомъ вещи.

Но законовѣдѣніе есть преимущественно наука практическая и изучается наиболѣе для цѣлей практическихъ. Въ практическомъ отношеніи человѣкъ имѣетъ опредѣленный кругъ правъ и обязанностей, который, при невозможности знать все, онъ и долженъ стараться узнать предпочтительно. Сей кругъ ограничивается для каждаго преимущественно его отечествомъ и его временемъ. Почему и

[59] См. выше § 115—122.
[60] См. выше § 107—109.
[61] См. выше § 122.

его законовѣдѣніе должно ограничиться законами отечественными, въ его время дѣйствующими. Можно даже предположить себѣ при изученіи законовъ цѣли практическія совершенно частныя, имѣть въ виду именно какой нибудь опредѣленный родъ службы, и сообразно этому ограничиться какою нибудь одною частію законовъ дѣйствующихъ: но кто знаетъ, въ какомъ родѣ службы можетъ поставить его судьба въ теченіи времени? и не составляютъ ли всѣ части дѣйствующаго законодательства одну систему, гдѣ каждое звѣно предполагаетъ всѣ другія и познаніе одного предполагаетъ познаніе всѣхъ прочихъ?

§ 125.

Между тѣмъ, не изучая законодательство для цѣлей теоретическихъ во всей обширности его развитія, мы не можемъ обойтись безъ особеннаго познанія дѣйствующихъ отечественныхъ законовъ; не изучая дѣйствующіе отечественные законы для цѣлей практическихъ, мы не можемъ обойтись безъ законовѣдѣнія въ обширнѣйшемъ его видѣ.

Изучая законодательство во всей полнотѣ его развитія, мы всегда начнемъ съ законовъ отечественныхъ, дѣйствующихъ, — ихъ будемъ изучать предпочтительно предъ другими и въ наибольшей подробности. Мы поражаемся прежде всего ближайшими предметами, ихъ стараемся узнать прежде всего; ихъ можемъ мы узнать и скорѣе, и лучше; узнавши ихъ, тѣмъ съ большею удобностію можемъ мы распространить наше познаніе на предметы болѣе отдаленные. Мы даже не иначе можемъ познать какіе нибудь предметы, какъ начавши съ познанія самихъ себя и предметовъ, непосредственно насъ окружающихъ; все, что мы ни познаемъ, мы познаемъ только чрезъ отношеніе къ себѣ, чрезъ сравненіе съ собою. Такимъ образомъ и при изученіи законовъ мы должны и всегда будемъ изучать прежде всего и болѣе всего то, что всегда находится у насъ предъ глазами, что представляется намъ съ наибольшею ясностію, къ чему наиболѣе мы чувствуемъ привязанность. Это есть порядокъ жизни, существующей въ нашемъ отечествѣ, устроенный нашими отечественными законами.

Наоборотъ, изучая дѣйствующіе отечественные законы для практическихъ цѣлей, мы не можемъ обойтись безъ законовѣдѣнія въ обширнѣйшемъ его видѣ. Намъ должны быть извѣстны: 1) Исторія отечественнаго законодательства, по тѣсной связи, какая находится

между прошедшимъ и настоящимъ состоянiемъ законодательства, такъ что законы настоящаго времени не могутъ быть понимаемы и усовершаемы въ отдѣльности отъ законовъ прошедшаго времени. 2) Законодательства народовъ современныхъ, съ которыми находится наше отечество въ сношенiяхъ и съ законами которыхъ слѣдовательно надобно бываетъ сообразоваться въ сихъ сношенiяхъ. 3) Тѣ законодательства, которыя состоятъ въ ближайшей исторической связи съ отечественными законами и изъ которыхъ слѣдовательно сiи послѣднiе могутъ быть поясняемы. 4) Философiя законодательства, которая излагаетъ высшiя начала всякаго законодательства, познаваемыя изъ ума. 5) Законодательства всѣхъ вообще народовъ и всѣхъ временъ, частiю потому, что иначе не можетъ быть постигнута всеобщая идея всякаго законодательства, частiю потому, что особенныя свойства отечественнаго законодательства могутъ открыться только изъ сравненiя его со всѣми другими законодательствами и сiи послѣднiя могутъ послужить для него обильнѣйшимъ источникомъ усовершенiя. 6) Науки, имѣющiя своимъ предметомъ образъ изложенiя законовъ и способы къ ихъ осуществленiю, такъ какъ безъ первыхъ мы не въ состоянiи понимать содержанiя законовъ, а безъ вторыхъ — прилагать его къ различнымъ случаямъ жизни. 7) Ученая исторiя законовѣдѣнiя, которая показываетъ намъ, что сдѣлано уже для познанiя и уясненiя разныхъ частей законодательства, чѣмъ слѣдовательно и намъ можно воспользоваться, не употребляя для того собственныхъ напрасныхъ усилiй, — какимъ путямъ надобно слѣдовать при изученiи законовъ, отъ какихъ надобно уклоняться. 8) Энциклопедiя законовѣдѣнiя, которая всѣ свѣдѣнiя о законахъ соединяетъ въ одно цѣлое.

ОТДѢЛЕНIЕ II.

О СОДЕРЖАНIИ ЗАКОНОВѢДѢНIЯ, РАЗСМАТРИВАЕМАГО ВЪ ЕГО ОТНОШЕНIИ КЪ ДРУГИМЪ РОДАМЪ ПОЗНАНIЙ, ИЛИ О ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХЪ НАУКАХЪ ЗАКОНОВѢДѢНIЯ.

Литература. См. всѣ вообще Энциклопедiи Законовѣдѣнiя подъ этою статьею, особенно же въ Энциклопедiи Венинга § 280—299.

§ 126.

Всѣ предметы нашего познанiя находятся въ связи между собою и имѣютъ извѣстныя точки, гдѣ они касаются другъ друга. По-

сему, чтобъ точнѣе опредѣлить предметъ какой нибудь науки, нужно означить эти точки, дабы ограничить его отъ смежныхъ предметовъ и видѣть, что онъ имѣетъ общаго съ ними. Какъ одинъ изъ смежныхъ между собою предметовъ не можетъ быть познанъ безъ другаго и знаніе одного изъ нихъ облегчаетъ и дѣлаетъ для насъ доступнымъ познаніе другаго; то науки, занимающіяся предметами, находящимися въ ближайшей связи съ главнымъ, изучаемымъ нами предметомъ, и потому способствующія намъ въ изученіи нашей науки, называются по отношенію къ ней, какъ къ главной наукѣ, *Науками вспомогательными*. Такимъ образомъ понятіе наукъ вспомогательныхъ есть понятіе относительное: для другой науки существуютъ и другія вспомогательныя науки, смотря потому, съ какими предметами имѣетъ предметъ ея соприкосновеніе.

Все здѣсь изложенное надобно сказать также о законовѣдѣніи. Предметъ его также имѣетъ извѣстныя точки соприкосновенія съ предметами другихъ наукъ, которыя для него дѣлаются науками вспомогательными. Число сихъ послѣднихъ въ извѣстномъ смыслѣ неопредѣленно. Чѣмъ болѣе мы расширяемъ кругъ законовѣдѣнія, тѣмъ болѣе должны допустить и вспомогательныхъ его наукъ; чѣмъ менѣе дѣлаемъ первый, тѣмъ менѣе должны принять и послѣднихъ. Не нужно упоминать, что для каждой особенной науки законовѣдѣнія ближайшими вспомогательными науками служатъ самыя же науки законовѣдѣнія, принадлежащія къ одному съ нею отдѣлу [62], и что для каждаго ихъ отдѣла всякой другой ихъ отдѣлъ представляетъ и непосредственно науки вспомогательныя [63]. Нѣтъ почти нужды также замѣчать, что для каждой науки законовѣдѣнія и для каждаго отдѣла сихъ наукъ существуютъ и внѣ законовѣдѣнія вспомогательныя науки. Но онѣ легко могутъ быть опредѣлены на основаніи общихъ началъ о вспомогательныхъ наукахъ законовѣдѣнія, такъ что безполезно было бы опредѣлять ихъ еще въ частности.

§ 127.

Какъ законы могутъ обнимать собою всѣ направленія человѣческой дѣятельности и всѣ предметы, на которые она можетъ быть устремлена; какъ сверхъ того законы могутъ быть разсматриваемы со всѣхъ сторонъ, съ какихъ только можетъ быть разсматриваемъ

[62] См. выше § 116, 117, 118, 119, 120, — каждый отдѣльно.
[63] См. тѣ-же §§ въ ихъ отношеніи другъ къ другу.

извѣстный предметъ познанія: то законовѣдѣніе состоитъ въ связи со всѣми науками.

Законовѣдѣніе состоитъ прежде всего въ общей связи со всѣми науками: при изученіи всякаго предмета всѣ роды познаній имѣютъ по крайней мѣрѣ ту цѣну, что посредствомъ ихъ образуется разумъ человѣка, т. е. вообще научается правильно и съ быстротою понимать вещи, судить объ нихъ и составлять заключенія.

Но кромѣ этой общей связи законовѣдѣніе находится въ особенной связи съ каждымъ отдѣломъ наукъ. Въ различныхъ отношеніяхъ науки могутъ быть дѣлимы различно. По источникамъ нашего познанія о предметѣ ихъ онѣ дѣлятся на умственныя и опытныя; послѣднія иначе называются положительными. По отношенію предметовъ ко времени мы имѣемъ разные отдѣлы Исторіи. По отношенію къ существу излагаемыхъ предметовъ мы различаемъ науки теоретическія и науки практическія. Къ числу первыхъ относятся: Онтологія, Науки Математическія, Физическія, Антропологическія, Богословіе (теоретическое). Къ числу послѣднихъ относятся всѣ вообще науки, которыя имѣютъ своимъ непосредственнымъ предметомъ указать человѣку, какъ онъ долженъ дѣйствовать въ различныхъ отношеніяхъ. Что касается каждаго изъ сихъ отдѣловъ наукъ, — законовѣдѣніе посредствомъ той его части, которая познается изъ ума, состоитъ въ связи со всѣми умственными науками, а посредствомъ части положительной — со всѣми науками положительными: разсматривая умомъ всѣ вообще предметы, мы научаемся обнимать и въ законодательствѣ ту сторону, которая постигается умомъ непосредственно; напротивъ, обращая постоянно вниманіе на порядокъ вещей, представляемый намъ опытомъ, мы предохраняемся отъ пагубной мечтательности, и въ томъ ходѣ, какимъ шествуютъ положительныя науки къ познанію своихъ предметовъ, имѣемъ указаніе для законовѣдѣнія, какъ можетъ и оно итти къ цѣли, ему предназначенной. Посредствомъ своей исторической части законовѣдѣніе состоитъ въ связи со всѣми науками историческими: разсматривая повсюду измѣняющееся и разные виды измѣненій, мы научаемся такимъ же образомъ слѣдить измѣненія и въ законодательствѣ. Наконецъ, принадлежа вообще къ наукамъ практическимъ, законовѣдѣніе посредствомъ наукъ, имѣющихъ своимъ предметомъ содержаніе и образъ изложенія законовъ, состоитъ въ связи со всѣми науками теоретическими, а посредствомъ наукъ, имѣющихъ своимъ предметомъ

способы осуществленія законовъ, со всѣми практическими: различныя науки теоретическія занимаются подробнѣйшимъ изложеніемъ свойства тѣхъ самыхъ предметовъ, которые извѣстною частію входятъ въ законодательство, получая на него вліяніе, или подвергаясь его вліянію; напротивъ науки практическія, опредѣляя способъ, какимъ долженъ человѣкъ дѣйствовать въ различныхъ отношеніяхъ, вмѣстѣ съ симъ показываютъ и способы, какъ онъ долженъ дѣйствовать въ познаніи законовъ и въ ихъ осуществленіи.

Послѣ сего мы, не придерживаясь впрочемъ вполнѣ изложеннаго раздѣленія наукъ, дабы избѣжать неумѣстныхъ повтореній, постараемся точнѣе и ближе опредѣлить отношеніе законовѣдѣнія къ нѣкоторымъ изъ важнѣйшихъ отдѣловъ наукъ, куда принадлежатъ: 1) *Науки Философскія,* 2) *Математическія* и *Физическія,* 3) *Антропологическія,* 4) *Историческія,* 5) *Словесныя,* 6) *Богословскія.*

§ 128.

Науки Философскія. 1) Одна изъ Наукъ законовѣдѣнія, именно Философія законодательства, есть наука собственно философская. Какъ всѣ науки философскія раскрываются подъ владычествомъ одного общаго начала, то одной изъ нихъ совершенно нельзя понять безъ другихъ. Посему и Философіи законодательства нельзя узнать, незная всей вообще Философіи. 2) Имѣя своимъ предметомъ истинное существо вещей, Философія сообщаетъ намъ вообще о всѣхъ предметахъ познанія и о всѣхъ областяхъ жизни правильнѣйшія, яснѣйшія и твердѣйшія понятія. 3) Обращая взоры человѣка отъ чувственнаго къ сверхчувственному, Философія служитъ въ особенной степени къ возвышенію и облагороженію духа.

§ 129.

Науки Математическія и Физическія.

Математика, излагая формы физическаго міра въ ихъ чистомъ, отвлеченномъ видѣ и въ строгомъ порядкѣ, 1) тѣмъ самымъ дѣлаетъ человѣка способнымъ къ чистому умственному созерцанію, къ философскому размышленію [64]; 2) пріучаетъ вообще къ послѣдовательности, точности, основательности мышленія. Сверхъ сего 3) разныя свѣдѣнія въ Математикѣ могутъ быть необходимы непосред-

[64] Ср. *Schelling,* Vorlesungen über die Methode des akad. Studiums. 3. Aufl. Stuttgart und Tübingen, 1830. S. 93–98.

ственно при дѣлопроизводствѣ для рѣшенія встрѣчающихся случаевъ жизни. Совокупность такихъ свѣдѣній образуетъ особенную науку, подъ названіемъ: Mathesis forensis.

Физическія Науки описываютъ явленія міра физическаго и излагаютъ причины (дѣятелей) сихъ явленій. Какъ жизнь общественная представляетъ множество точекъ соприкосновенія съ силами природы, то для правильнаго сужденія во многихъ случаяхъ требуется познаніе свойства и образа дѣйствія этихъ силъ. Такое приложеніе свѣдѣній изъ Наукъ Естественныхъ къ дѣламъ общественной жизни содержатъ въ себѣ между прочимъ слѣдующія науки: 1) *Науки Камеральныя,* имѣющія предметомъ своимъ изложеніе законовъ, по которымъ образуется и употребляется народное и государственное имущество, какъ то: Наука Сельскаго Хозяйства, Лѣсоводства, Горныхъ Промысловъ, Технологія, Наука Торговли, Политическая Экономія, Наука финансовъ. 2) *Медицинская Полиція,* имѣющая своимъ предметомъ опредѣленіе мѣръ для охраненія общественнаго здоровья. 3) *Судебная Медицина,* какъ совокупность такихъ медицинскихъ свѣдѣній, которыя могутъ быть нужны при сужденіи о дѣлахъ какъ гражданскихъ, такъ особенно уголовныхъ [65].

§ 130.

Науки Антропологическія. Антропологія разсматриваетъ человѣка со стороны тѣлесной и духовной его природы. Духовная природа человѣка составляетъ предметъ Психической Антропологіи, или Психологіи. 1) Глубокое познаніе души человѣческой и вообще знаніе людей доставляетъ для насъ вѣрнѣйшее средство — объяснять себѣ ихъ поступки и дѣйствовать на нихъ. 2) Особенное приложеніе имѣетъ Психологія при сужденіи о дѣлахъ уголовныхъ. Важнѣйшія главы Уголовнаго Законодательства, напр. о причинахъ, уменьшающихъ или уничтожающихъ свободу воли, и слѣд. самую виновность, суть только приложеніе началъ Психологіи къ предметамъ Уголовнаго Законодательства.

§ 131.

Науки Историческія. Къ сему разряду наукъ относятся: 1) *Всеобщая Исторія,* 2) такъ называемыя *Древности,* 3) *Статистика.*

[65] См. въ Archiv des Criminalrechts. 1845. 2. St. № XI, XV; 4. St. № XXI; статью *Миттермаіера:* über den neuesten Zustand der gerichtlichen Medicin.

Всеобщая Исторія, по самому своему понятію, обнимаетъ собою всѣ обнаруженія человѣческой дѣятельности, и притомъ во всѣхъ ея отношеніяхъ. Всеобщая Исторія въ семъ обширномъ смыслѣ заключаетъ въ себѣ какъ Древности, такъ даже и Статистику. Впрочемъ обыкновенно она ограничивается изложеніемъ политическихъ происшествій, бросая только бѣглый взглядъ на другія стороны жизни народной. Но и въ этомъ ограниченномъ видѣ она, 1) будучи занимательна для всякаго, будучи для всѣхъ легко понятна, заключаетъ въ себѣ чрезвычайно богатое содержаніе, и безпрерывно представляетъ намъ новые предметы для размышленія и изслѣдованія; показывая связь настоящаго съ прошедшимъ, она такимъ образомъ научаетъ насъ разсматривать жизнь отдѣльнаго человѣка всегда въ связи съ его цѣлымъ, и раскрывая предъ нами множество разнообразныхъ, непрерывно измѣняющихся состояній, сообщаетъ намъ многосторонность во взглядахъ, и чрезъ то свободу и безпристрастіе въ сужденіяхъ. 2) Изображая нравы народа, она показываетъ намъ вліяніе ихъ на законодательство, и наоборотъ вліяніе законодательства на нравы народные. 3) Она всегда обращаетъ болѣе или менѣе вниманіе на развитіе законовъ въ народахъ, особенно законовъ государственныхъ. 4) Описывая происхожденіе, постепенное образованіе и разрушеніе обществъ въ родѣ человѣческомъ, вмѣстѣ съ важнѣйшими ихъ установленіями, она съ симъ самымъ почти переходитъ въ исторію законодательствъ и для сей послѣдней представляетъ по крайней мѣрѣ твердыя точки опоры, къ которымъ потомъ могутъ прикрѣпиться всѣ другія изслѣдованія, получая для себя опредѣленное мѣсто въ пространствѣ и времени.

Наука Древностей изображаетъ бытъ народовъ въ древнія ихъ времена. Она описываетъ не столько происшествія въ ихъ непрерывной послѣдовательности, сколько самое состояніе общества, бывшее послѣдствіемъ ихъ развитія. Наука Древностей по своему содержанію 1) обнимаетъ собою множество предметовъ, принадлежащихъ собственно къ области законодательства; 2) по крайней мѣрѣ излагаетъ фактическую сторону тѣхъ же самыхъ отношеній, которыя въ исторіи законодательствъ излагаются съ ихъ юридической стороны.

Статистика изображаетъ состояніе силъ народа въ данное время. О важности ея надобно сказать тоже самое, что сказано о важности Науки Древностей. Сверхъ сего Статистика можетъ быть

особенно важна въ практическомъ отношенiи при сужденiи объ усовершенiи законовъ и о разныхъ случаяхъ дѣлопроизводства.

§ 132.

Науки Словесныя. Сюда относятся: *Логика, Теорiя искуства слова, Языкознанiе, Герменевтика* и *филологическая Критика.*

Логика излагаетъ всеобщiе законы мышленiя. На какiе бы предметы ни была обращена мысль человѣка, эти законы вездѣ имѣютъ приложенiе. Почему и мышленiе о предметахъ законодательства совершается по симъ же законамъ. Итакъ хотимъ ли мы сами размышлять о предметахъ законодательства, или мы хотимъ разбирать мысли другихъ о сихъ предметахъ, въ томъ и другомъ случаѣ для насъ важно познанiе законовъ мышленiя: въ первомъ случаѣ для того, чтобъ наше мышленiе было сколько возможно правильнѣе; во второмъ случаѣ для того, чтобъ видѣть, въ какой степени мышленiе другихъ правильно или неправильно и какъ оно составлено.

Теорiя искуства слова. Посредствомъ сего искуства человѣкъ облекаетъ свои мысли въ рѣчь правильную и соотвѣтствующую предположенной имъ цѣли. Правила сего искуства имѣютъ непосредственное приложенiе и къ рѣчи дѣловой, и въ этомъ приложенiи образуютъ особенную теорiю подъ названiемъ *Теорiи слога дѣловаго.*

Языкознанiе, Герменевтика и *филологическая Критика* извѣстны подъ общимъ именемъ *Филологiи. Языкознанiе* имѣетъ своимъ предметомъ: 1) грамматическiй составъ извѣстнаго языка, 2) значенiе отдѣльныхъ словъ сего языка, излагаемое въ лексиконахъ. — *Герменевтика* преподаетъ правила для истолкованiя предлежащихъ намъ словесныхъ памятниковъ. При уразумѣнiи смысла памятника можно руководствоваться или правилами грамматическими, или сверхъ того и правилами Логики. Въ первомъ случаѣ истолкованiе называется грамматическимъ, во второмъ — логическимъ. — *Критика* изслѣдываетъ 1) подлинность извѣстнаго слова или реченiя въ какомъ нибудь историческомъ памятникѣ и по возможности возстановляетъ подлинное чтенiе; 2) изслѣдываетъ подлинность цѣлаго памятника, или по крайней мѣрѣ значительнѣйшихъ его частей; 3) изслѣдываетъ истину и достовѣрность извѣстiй, сообщаемыхъ въ памятникѣ. Въ первомъ случаѣ Критика называется нисшею Критикою; во второмъ, и особенно въ третьемъ, — высшею. — Филологическiя упражненiя, особенно въ древнихъ языкахъ, прiучаютъ

разумъ къ точности въ ученыхъ изысканіяхъ и дѣлаютъ его свѣтлымъ и гибкимъ. Для законовѣдѣнія въ особенности важны науки филологическія потому, что познаніе о законахъ почерпается большею частію изъ словесныхъ памятниковъ, а для объясненія такихъ памятниковъ, требуются свѣдѣнія филологическія.

§ 133.

Науки Богословія. 1) Вѣра есть одна изъ существеннѣйшихъ потребностей человѣка и его высочайшее состояніе. Свѣтомъ своимъ она озаряетъ всѣ пути его жизни. Истинно-благочестивый взглядъ на всѣ дѣла человѣческія, на всѣ происшествія міра есть взглядъ самый чистѣйшій; истинно-благочестивый образъ дѣйствія самый возвышеннѣйшій. Эту свою важность благочестивый образъ воззрѣнія на вещи сохраняетъ и по отношенію къ предметамъ законодательства; это свое достоинство благочестивый образъ дѣйствія удерживаетъ для человѣка и при его дѣйствіяхъ въ государствѣ. Но благочестивый взглядъ на вещи и благочестивый образъ дѣйствія сообщается человѣку и укрѣпляется въ немъ ученіемъ вѣры. 2) По своей важности для человѣка вѣра всегда имѣла и имѣетъ величайшее вліяніе на всѣ отношенія жизни общественной, опредѣляемыя законами. Вполнѣ оцѣнить этого вліянія не возможно, не имѣя глубокаго познанія объ ученіи вѣры и различныхъ ея судьбахъ. 3) Наоборотъ вѣра, дѣлаясь союзомъ лицъ, даетъ бытіе внѣшнему обществу вѣрующихъ. Оно находится подъ общимъ покровомъ власти государственной и имѣетъ свои законы, признанные властію государственною или даже непосредственно отъ ней полученные, но во всякомъ случаѣ основывающіеся на различныхъ нуждахъ и судьбахъ этого общества и принаровленные къ его потребностямъ и состоянію. Посему не возможно понять вполнѣ сіи законы, не зная тѣхъ отношеній и потребностей, изъ которыхъ они возникли и къ которымъ они принаровлены. Наконецъ 4) способъ обработыванія Наукъ Богословскихъ, по сходству ихъ относительно своего основанія съ законовѣдѣніемъ, которое наравнѣ съ ними признаетъ положительные источники, откуда оно почерпаетъ свои истины, представляетъ непосредственный примѣръ для подражанія въ обработываніи законовѣдѣнія.

ГЛАВА II.

О формѣ законовѣдѣнія.

§ 134.

Можно говорить о формѣ законовѣдѣнія въ двоякомъ смыслѣ: 1) спрашивается, въ какой внутренней взаимной связи существуютъ истины, относящіяся къ области законовѣдѣнія, и слѣдовательно въ какомъ внутреннемъ порядкѣ могутъ или должны быть онѣ представлены какъ одно цѣлое; 2) какимъ образомъ законовѣдѣніе можетъ быть развито въ духѣ человѣка, который посвящаетъ себя изученію законовъ. Оба вопроса совпадаютъ между собою въ томъ отношеніи, что въ первомъ случаѣ законовѣдѣніе разсматривается какъ нѣчто уже происшедшее, образованное во всѣхъ его частяхъ, во второмъ же случаѣ оно разсматривается какъ нѣчто, только еще происходящее, образующееся.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

О ФОРМѢ ЗАКОНОВѢДѢНІЯ, РАЗСМАТРИВАЕМАГО ВЪ ЕГО БЫТІИ.

§ 135.

Всѣ свѣдѣнія, относящіяся къ извѣстному предмету, образуютъ, взятыя въ ихъ совокупности, систему. Это основывается на томъ, что міръ есть произведеніе разумнаго существа и потому во всѣхъ частяхъ своихъ представляетъ порядокъ, который человѣческому разуму дано усматривать и сознавать. Такимъ образомъ и свѣдѣнія, относящіяся къ законамъ, образуютъ *систему*. Системою въ области познанія называется совокупность истинъ, относящихся къ одному предмету, выведенныхъ, расположенныхъ и представленныхъ сообразно его идеѣ. По сему существо системы составляетъ не одна только логическая правильность и единообразность состава, но еще болѣе расположеніе всѣхъ предметовъ сообразно внутренней ихъ связи, послѣдовательное выведеніе ихъ изъ самаго существа вещи и точное ихъ выраженіе соразмѣрно внутреннему ихъ свойству. Наука, какъ система, только воспроизводитъ дѣйствительно уже

существующее. Она представляетъ намъ во всей полнотѣ и съ совершенною вѣрностію происхожденіе, постепенное образованіе и дѣйствительный видъ своего предмета, употребляя для сего точныя и опредѣленныя выраженія и дѣйствуя посредствомъ логически-правильныхъ опредѣленій, раздѣленій и доказательствъ. Въ такомъ систематическомъ видѣ должно быть представлено и все содержаніе законовѣдѣнія.

§ 136.

Но хотя законовѣдѣніе образуетъ систему истинъ какъ въ цѣломъ, такъ и во всѣхъ своихъ частяхъ; однакоже, исходя изъ различныхъ точекъ зрѣнія и изъ разныхъ основаній, можно безъ нарушенія правилъ системы представить содержаніе законовѣдѣнія въ *различномъ порядкѣ*.

Что касается раздѣленія всѣхъ наукъ законовѣдѣнія по различію источниковъ нашего познанія о законахъ, т. е. раздѣленія на Философію законодательства и Законовѣдѣніе положительное, — можно: 1) каждую науку и часть излагать по внѣшнему виду отдѣльно; но при этомъ внутреннее между ними единство должно сохраняться ненарушимо. 2) Можно каждую науку и часть и по внѣшнему виду излагать совокупно. Главную часть, какъ бы средоточіе изложенія, можетъ составлять при этомъ или Философія законодательства, или Законовѣдѣніе положительное. Въ первомъ случаѣ идея философская будетъ низводима къ законамъ положительнымъ и раскрываема въ ихъ разнообразіи; во второмъ случаѣ положительные законы будутъ возводимы къ идеѣ и обозрѣваемы въ ея единствѣ.

Что касается раздѣленія наукъ законовѣдѣнія въ историческомъ отношеніи, — 1) Философію законодательства можно излагать или въ порядкѣ времени, или сравнительнымъ образомъ, т. е. сличая непрерывно между собою мысли философовъ о томъ или другомъ предметѣ законодательства. 2) Равнымъ образомъ положительныя законодательства можно излагать или въ порядкѣ времени, такъ чтобы законодательство одного народа и одного времени было проходимо отдѣльно отъ законодательства другаго народа и другаго времени, или сравнительнымъ образомъ, такъ чтобы по отношенію къ предметамъ законодательства законы одного народа и времени непрерывно были сличаемы съ законами другихъ народовъ и временъ.

Что касается раздѣленія законовѣдѣнія на Науку законовъ государственныхъ, гражданскихъ и права народнаго, — можно при из-

ложеніи законовъ или начать съ законовъ государственныхъ, отсюда съ одной стороны дойти до законовъ гражданскихъ, съ другой — до права народнаго, или начать съ законовъ гражданскихъ и возвыситься посредствомъ законовъ государственныхъ до права народнаго, или начать съ права народнаго и спуститься посредствомъ законовъ государственныхъ до законовъ гражданскихъ.

Подобныя замѣчанія можно сдѣлать объ отношеніи наукъ законовѣдѣнія, имѣющихъ своимъ предметомъ образъ изложенія законовъ, способъ ихъ примѣненія и судьбу ученаго ихъ обработыванія, какъ другъ къ другу, такъ и къ наукамъ законовѣдѣнія, имѣющимъ своимъ предметомъ содержаніе законовъ.

Каждый способъ соединенія разнообразнаго содержанія въ одно цѣлое представляетъ свои выгоды и невыгоды: если при извѣстномъ способѣ сего соединенія представляется въ особенномъ свѣтѣ одна сторона предмета, за то потемняется другая, — если потемняется одна, за то другая является въ особенномъ свѣтѣ. Посему законовѣдѣніе и не можетъ ограничиться однимъ какимъ нибудь изъ показанныхъ способовъ; напротивъ оно должно быть изображено по всѣмъ способамъ, дабы его возможныя формы также были всѣ изчерпаны, какъ должно быть изчерпано все его содержаніе.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

О ФОРМѢ ЗАКОНОВѢДѢНІЯ, РАЗСМАТРИВАЕМАГО ВЪ ЕГО ПРОИСХОЖДЕНІИ.

Литература См. всѣ сочиненія, имѣющія своимъ предметомъ способъ изученія законовъ, всѣ Энциклопедіи законовѣдѣнія подъ статьею: *Методологія*, особенно же у *Тибо* § 219—286, у *Мюленбруха*, § 256—318, у *Венинга* § 300—344. Сверхъ того *Сочинителя этой Энциклопедіи* рѣчь о соединеніи теоріи съ практикою къ изученію законовъ и въ дѣлопроизводствѣ, отпечат. въ Журн. Мин. Нар. Просв. на 1835 г. Дек., стр. 443 и слѣд.

§ 137.

Для рѣшенія вопроса, какимъ образомъ законовѣдѣніе можетъ быть развито въ духѣ человѣка, или, что тоже, какимъ образомъ можетъ быть пріобрѣтено познаніе о законахъ, мы изложимъ: 1) *общія начала*, относящіяся къ изученію законовъ, 2) *способы* ихъ *изученія вообще*, 3) *способъ* ихъ *изученія въ общественныхъ заведеніяхъ*,

4) *изученіе ихъ по оставленіи воспитанникомъ общественнаго заведенія* и вообще по пріобрѣтеніи имъ первыхъ въ нихъ свѣдѣній.

I. ОБЩІЯ НАЧАЛА, ОТНОСЯЩІЯСЯ КЪ ИЗУЧЕНІЮ ЗАКОНОВЪ.

§ 138.

Изученіе законовъ, по истинному его смыслу, имѣетъ своимъ назначеніемъ сдѣлать науку законовъ, какъ она выше описана со стороны ея содержанія и формы [66], присущею нашему духу, такъ чтобы наше познаніе законовъ было полнымъ по его содержанію, стройнымъ по его систематическому виду.

§ 139.

Изъ того, что мы сказали о содержаніи и систематической формѣ законовѣдѣнія, можно видѣть, какъ оно обширно, и какихъ трудовъ, какихъ усилій требуетъ изученіе этого предмета. Мы не думаемъ скрывать *трудностей,* какія необходимо должны представиться на этомъ поприщѣ. Правда, сначала, доколѣ не раскрылись передъ нами глубины науки, дѣло изученія законовъ можетъ казаться легкимъ. Но чѣмъ болѣе мы будемъ углубляться въ свою науку, тѣмъ болѣе будемъ встрѣчать трудностей на пути къ своей цѣли, тѣмъ болѣе будемъ открывать сторонъ темныхъ въ предметахъ нашего познанія, тѣмъ болѣе будетъ представляться намъ сомнѣній въ томъ, что мы, по видимому, знали. Когда пройдетъ кратковременный періодъ спокойной вѣры, въ продолженіи котораго принимаютъ только почти страдательно предлагаемыя общія понятія, тогда трудности познанія чувствуются въ полной силѣ. Въ человѣкѣ можетъ родиться даже отчаяніе при мысли, что предметъ, имъ изучаемый, совершенно превышаетъ его силы, и тѣмъ скорѣе можетъ родиться въ немъ такое отчаяніе, чѣмъ онъ совѣстнѣе, чѣмъ онъ менѣе скрываетъ отъ себя свои слабости, чѣмъ болѣе онъ старается всегда испытывать мнѣнія другихъ, давать себѣ отчетъ въ каждомъ понятіи, въ каждой мысли, и пролагать себѣ путь по мѣстамъ непроходимымъ.

Но это состояніе неизвѣстности, когда внезапно открывается безчисленное множество задачь, по видимому неразрѣшимыхъ, когда начинаютъ почти отчаяваться узнать предметъ, не есть участь одного законовѣдца, а участь всякаго, кто искренно желаетъ усвоить себѣ какую бы то ни было науку во всемъ ея объемѣ. Человѣкъ

[66] См. выше § 112—136.

съ отличнымъ умомъ долженъ необходимо пройти черезъ это состоянiе. Счастливъ, кто можетъ испытать такое состоянiе Здѣсь пробуждаются въ человѣкѣ всѣ умственныя способности отъ усыпленiя и онъ получаетъ ту самостоятельность сужденiя и дѣйствованiя, безъ которой не возможно узнать основательнымъ образомъ ни одной науки. Кто будетъ имѣть на нѣсколько времени терпѣнiя, тотъ вскорѣ увидитъ какъ мало, по малу, за этимъ временемъ будетъ возникать болѣе свѣтлый перiодъ; понятiя постепенно уясняются и приводятся въ порядокъ; съ богатствомъ познанiй увеличивается и основательность въ свѣдѣнiяхъ; непримѣтно исчезаетъ одна трудность за другою. Прiятность новаго состоянiя, когда мы ежедневно дѣлаемъ новые успѣхи, заставляетъ насъ преодолѣвать всѣ препятствiя и такъ сильно привязываетъ насъ къ наукѣ, что мы хотя бы имѣли полную свободу, никогда бы не пожелали отстать отъ нея.

Допустимъ даже, что законовѣдѣнiе всегда останется наукою трудною. Но развѣ другiя науки, напр. Богословiе, Философiя, Математика, такъ легки, какъ представляетъ себѣ умъ обыкновенный? По крайней мѣрѣ никто изъ людей, основательно занимающихся сими науками, этого не скажетъ. Но если бы это было и такъ, то однако же это обстоятельство никогда не должно отвлекать отъ законовѣдѣнiя человѣка съ умомъ и характеромъ. Если какой родъ дѣлъ требуетъ людей честныхъ и даровитыхъ, то особенно служба государственная въ разнообразныхъ ея видахъ. Посему способный человѣкъ не долженъ бѣжать отъ трудовъ необходимыхъ для того, чтобъ быть въ состоянiи отправлять ее съ успѣхомъ. По крайней мѣрѣ тотъ, кто чувствуетъ въ себѣ наклонность и силу къ добру, не откажется поднять для разумной цѣли какiе бы то ни было труды.

§ 140.

Итакъ прежде всего *любовь къ наукѣ* и *живое чувство важности изучаемаго предмета* должны одушевлять того, кто приступаетъ къ изученiю законовъ.

Глубокое изученiе столь обширной науки, какъ законовѣдѣнiе, требуетъ особенныхъ трудовъ и усиленнаго прилежанiя. Но такiе труды и такое прилежанiе возможны только при особенной любви къ этой наукѣ. Любовь къ ней заставитъ переносить самые тяжелые труды, употреблять самое неослабное прилежанiе, для того, чтобъ изучить ее основательнымъ образомъ; кто носитъ въ сердцѣ своемъ любовь къ ней, тотъ не опуститъ безъ вниманiя ни одного предмета,

къ ней относящагося, тотъ постарается проникнуть во всѣ ея глубины.

Основанiе любви къ познанiю законовъ, равно какъ и другихъ сердечныхъ наклонностей, можетъ быть положено въ человѣкѣ уже отъ самой природы. Но эта любовь можетъ быть также произведенiемъ разсудка и даже необходимо должна сдѣлаться любовiю отчетливою; тогда только она будетъ тверда и постоянна. Для сего мы должны понять всю важность науки законовъ, должны узнать всю ея обширность и все ея влiянiе на жизнь и счастiе народовъ.

§ 141.

По тому самому изученiе законовъ должно получить все *всевозможное распространенiе* какъ по его цѣли, такъ и по предметамъ: по цѣли, — наука законовъ должна быть изучаема или для ней самой, или для того, чтобъ мы въ нашемъ кругѣ могли лучше осуществлять идею чистой правды, а не для какихъ нибудь мелочныхъ расчетовъ корыстолюбiя; по предметамъ, — наука законовъ должна обнимать законодательство всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ и притомъ со всѣхъ сторонъ, а не ограничивать себя однимъ временемъ, или однимъ народомъ, или одною стороною въ законодательствѣ. Только эта обширность видовъ и взглядовъ можетъ соотвѣтствовать истинному существу науки, а мыслямъ нашимъ сообщить полетъ возвышенный и одушевленный.

§ 142.

Но изученiе законовъ должно быть особенно направлено къ тому, чтобъ разъяснить для человѣка идею правды какъ вообще, такъ и въ частности по духу извѣстнаго законодательства, дабы онъ могъ о каждомъ представляющемся случаѣ и предметѣ сказать, какъ сей случай долженъ быть рѣшенъ и по общимъ началамъ правды и по особеннымъ началамъ извѣстнаго законодательства. Конечно, и богатство свѣдѣнiй въ законахъ важно; но еще важнѣе это чувство законности, которое даетъ намъ возможность самимъ судить о праведномъ и неправедномъ и при всѣхъ случаяхъ указываетъ намъ непогрѣшительно то и другое. Одни свѣдѣнiя безъ такого чувства составляютъ мертвое богатство. Для развитiя и образованiя чувства законности требуется *изученiе законодательствъ* не въ общихъ только ихъ чертахъ, но *въ самыхъ подробностяхъ*, особенно изученiе такихъ законодательствъ, которыя при богатствѣ своего содер-

жанія отличаются рѣзкимъ между собою разграниченіемъ всѣхъ предметовъ и строгимъ выводомъ всѣхъ частностей изъ общихъ началъ и понятій. Разумѣется само собою, что въ практическомъ отношеніи отечественное законодательство, начала котораго непосредственно должны быть прилагаемы и въ духѣ котораго непосредственно и должно дѣйствовать, заслуживаетъ предпочтительно предъ всѣми законодательствами быть подробно изучаемымъ. Требуя такимъ образомъ подробнаго изученія законодательствъ, мы должны къ сказанному еще присовокупить, что только посредствомъ изученія подробностей самое познаніе наше дѣлается основательнымъ.

§ 143.

Но въ какой бы обширности и подробности мы ни изучали законы, мы всегда должны удерживать въ виду *связь между всѣми частями и предметами законовѣдѣнія*, и каждое вновь пріобрѣтаемое познаніе помѣщать тамъ въ нашей памяти, гдѣ оно по самому его существу должно занимать мѣсто. Такое непрерывное сохраненіе порядка при множествѣ самыхъ разнородныхъ предметовъ, подлежащихъ познанію, совершенно необходимо; только оно можетъ предотвратить запутанность въ понятіяхъ. Такимъ же образомъ, непрерывно дѣлая успѣхи въ различныхъ частяхъ законовѣдѣнія, мы, по необходимой связи между ними, не должны оставлять совершенно безъ вниманія ни одной изъ нихъ, а мало по малу должны пополнять могущіе случиться недостатки въ нашихъ свѣдѣніяхъ, сколько возможно, по всѣмъ направленіямъ.

II. СПОСОБЫ ИЗУЧЕНІЯ ЗАКОНОВЪ ВООБЩЕ.

§ 144.

Есть три способа пріобрѣсть познаніе о законахъ: *практика, чтеніе законовъ и сочиненій объ нихъ, слушаніе изустныхъ наставленій о законахъ*.

§ 145.

Практическій способъ изученія законовъ состоитъ въ томъ, когда узнаютъ ихъ посредствомъ собственнаго, личнаго участія въ производствѣ встрѣчающихся дѣлъ, и въ особенности посредствомъ отправленія разныхъ должностей государственныхъ. Достоинство сего способа изученія законовъ основывается на томъ, что общія

Bayerische
Staatsbibliothek
München

понятія и правила, осуществляясь на дѣлѣ, являются намъ какъ бы въ живомъ видѣ и получаютъ для насъ очевидность, — что для всѣхъ нашихъ сужденій непосредственно представляется повѣрка въ опытѣ, — что все испытываемое нами глубоко напечатлѣвается въ нашемъ воображеніи и памяти. Но познанія, пріобрѣтаемыя изъ практики, не имѣютъ нужной полноты. Они собираются случайно, по мѣрѣ дѣлъ, представляющихся для рѣшенія. Если по этому не представится намъ случая прилагать какой нибудь законъ къ дѣламъ, то законъ можетъ остаться для насъ навсегда неизвѣстнымъ. Впрочемъ и тѣ познанія, какія могутъ быть собраны въ практикѣ посредствомъ наблюденія и разрѣшенія частныхъ случаевъ, ограничиваются по большей части только законами дѣйствующими, и преимущественно буквальнымъ ихъ значеніемъ. Познанія, пріобрѣтаемыя изъ практики, не имѣютъ, далѣе, надлежащей связности, округленности: будучи разсѣянъ по безконечному разнообразію представляющихся дѣлъ, практикъ бываетъ не въ состояніи обозрѣвать ихъ еще въ общей ихъ связи, въ ихъ глубочайшихъ основаніяхъ; совокупность его познаній есть смѣсь разнородныхъ свѣдѣній, опытовъ, наблюденій, правилъ жизни, смѣсь безъ особеннаго порядка. Наконецъ на пути практическомъ всѣ вообще познанія пріобрѣтаются весьма медленно. «Опытъ и жизнь,» какъ говоритъ Шеллингъ [67], «воспитываютъ человѣка медленнымъ образомъ, не безъ большой потери времени и силы. Тому, кто посвящаетъ себя наукѣ, даровано счастіе — предвосхищать опытъ, и то, что напослѣдокъ есть, можетъ быть, единственный результатъ самой дѣятельной, самой богатой опытами жизни, узнавать тотчасъ непосредственно и въ самомъ существѣ.»

§ 146.

Независимо отъ практики, познаніе о законахъ можно пріобрѣсть посредствомъ *чтенія какъ самыхъ законовъ, такъ и сочиненій объ нихъ*, учреждая порядокъ своего ученія по собственному усмотрѣнію.

Изученіе законовъ непосредственно изъ ихъ источниковъ доставляетъ ту чрезвычайно важную выгоду, что здѣсь мы сами все изслѣдываемъ и не будучи предубѣждены другими, можемъ прямымъ смысломъ нашимъ тотчасъ узнавать истину. Возбужденная

[67] Vorlesungen über die Methode des akademischen Studium. 3. Ausg. Stuttgart und Tübingen, 1830. S. 57, 58.

самодѣятельность, сопровождающаяся явными успѣхами, влечетъ насъ неудержимо къ источникамъ, откуда можетъ быть узнано законодательство, и раждаетъ ревностное прилежаніе къ ихъ изученію. Впрочемъ столь же легко можемъ мы при этомъ впасть въ односторонность и составить для себя ложныя понятія, которыя тѣмъ труднѣе бываетъ искоренить, что они произошли отъ насъ самихъ. Здѣсь нѣтъ того облегченія, какое заключается въ наставленіяхъ людей свѣдущихъ; на пути къ цѣли повсюду встрѣчаются здѣсь препятствія, которыя уже устранены другими, но знанія и опыта которыхъ мы не имѣемъ. Сверхъ того положительные законы не составляютъ единственнаго источника законовѣдѣнія. Не говоря о законахъ естественныхъ, наши свѣдѣнія о предметахъ положительнаго законодательства почерпаются вообще изъ самыхъ разнородныхъ историческихъ памятниковъ. Кто бы въ состояніи былъ прочесть всѣ эти памятники одинъ, безъ посторонняго руководства и помощи, хотя бы онъ имѣлъ самыя блистательныя дарованія?

Изученіе законовъ изъ сочиненій объ нихъ имѣетъ то преимущество, что предметъ, когда онъ непрерывно обработывается учеными, какъ бы сначала онъ ни былъ обширенъ и теменъ, все болѣе и болѣе со временемъ уясняется и становится доступнымъ для разумѣнія. Законамъ часто недостаетъ систематическаго порядка, отъ чего ихъ изученіе можетъ затрудниться до чрезвычайности. Хотя книги также не всегда пишутся систематически; но по крайней мѣрѣ изъ числа ихъ всегда можно выбрать отличающіяся своею системою. Между тѣмъ изученіе законовъ изъ книгъ очень легко можетъ отвлечь насъ отъ изученія источниковъ; мы скоро начинаемъ мнѣніе писателя смѣшивать съ постановленіемъ самого закона, и перестаемъ обращаться къ сему послѣднему, а отъ того лишаемся всей пользы, какую могло бы намъ доставить собственное разсматриваніе источниковъ законодательства. Нерѣдко надобно бываетъ употреблять особенные труды, чтобы понять только книгу саму въ себѣ, прежде чѣмъ можетъ быть рѣчь о томъ, чтобы понять предметъ, въ ней излагаемый.

§ 147.

Послѣ всего сказаннаго *изученіе законовъ посредствомъ слушанія объ нихъ уроковъ у другихъ* представляется самымъ простѣйшимъ и легчайшимъ способомъ пріобрѣсть познаніе объ нихъ. Наставникъ, трудясь въ изслѣдованіи излагаемаго имъ предмета одинъ

за всѣхъ и для всѣхъ своихъ слушателей, сообщаетъ имъ плоды своихъ, можетъ быть, долговременныхъ и тяжелыхъ трудовъ, и такимъ образомъ избавляетъ ихъ отъ необходимости проходить собственнымъ лицемъ весь путь изысканія истины со всѣми его трудностями. Объясненіе темнаго въ случаѣ нужды можетъ быть тотчасъ дано. Весь способъ ученія можетъ быть принаровленъ къ особеннымъ свойствамъ учащагося — къ его способностямъ, приготовительнымъ познаніямъ и т. п. Наставникъ, знакомый съ своимъ предметомъ, знаетъ всѣ препятствія, какія могутъ встрѣтиться при его изученіи, равно какъ и лучшія средства побѣдить ихъ. Наконецъ изустное изложеніе, живая рѣчь глубоко врѣзываются въ памяти. Все это необыкновенно облегчаетъ и сокращаетъ трудъ ученія. Впрочемъ и этотъ путь не совсѣмъ безопасенъ: чѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ на учащихся изложеніе наставника, тѣмъ скорѣе они начинаютъ во всемъ ссылаться на слова учителя и пренебрегать собственнымъ изслѣдованіемъ предметовъ.

§ 148.

Такимъ образомъ каждый изъ трехъ способовъ изученія законовъ имѣетъ свои выгоды и невыгоды, и мы утверждаемся въ той мысли, что совершеннѣйшій способъ изученія законовъ основывается на приличномъ *соединеніи всѣхъ трехъ означенныхъ способовъ*.

Въ самомъ дѣлѣ опытъ никогда почти не представляетъ такъ рѣзко отдѣленными другъ отъ друга описанные нами способы изученія законовъ, какъ мы ихъ отдѣлили. Обыкновенно мы видимъ ихъ болѣе или менѣе въ соединеніи. Совершенное ихъ раздѣленіе даже и невозможно. Тотъ, кто изучаетъ законы посредствомъ практики, необходимо долженъ совѣтоваться съ самыми ихъ источниками, въ которыхъ они предложены; онъ не пренебрегаетъ сочиненіями, въ которыхъ надѣется найти разрѣшеніе своихъ сомнѣній, объясненіе темныхъ мѣстъ закона; нерѣдко, по крайней мѣрѣ въ началѣ своей практики, онъ пользуется болѣе или менѣе непрерывнымъ наставленіемъ, указаніемъ и совѣтомъ людей болѣе, чѣмъ онъ, свѣдущихъ. Равнымъ образомъ тотъ, кто хочетъ изучать законы изъ ихъ источниковъ и книгъ, не можетъ до такой степени прекратить всѣ свои связи съ дѣйствительнымъ міромъ, чтобъ жизнь и опытъ не доставляли ему совершенно никакого назиданія; въ бесѣдѣ съ людьми знающими онъ уясняетъ свои понятія о различныхъ

предметахъ законодательства и узнаетъ о сочиненіяхъ, которыя должны служить для него руководствомъ въ изученіи законовъ. Наконецъ невозможно такъ ограничиться и слушаніемъ уроковъ у другихъ, чтобъ дѣйствительный міръ не дѣлалъ на насъ никакого впечатлѣнія и мы не хотѣли смотрѣть ни въ какія книги.

Итакъ въ строгомъ смыслѣ можно говорить только о преимущественномъ употребленіи того или другаго способа изученія законовъ. У народовъ простыхъ, необразованныхъ, доколѣ законодательство не получило большаго объема, практическій способъ, въ связи съ чтеніемъ законовъ и существующихъ объ нихъ сочиненій, совершенно достаточенъ къ изученію ихъ, особенно если къ тому присоединяется также практическое руководство людей опытныхъ. Но когда законодательство достигнетъ значительной величины, когда всѣ дѣла какъ общественной, такъ и частной жизни, умножатся и примутъ видъ запутанный: тогда необходимо, для скорѣйшаго и легчайшаго изученія законовъ, подобно тому, какъ это дѣлается и въ иныхъ предметахъ, слушать уроки у другихъ, хотя такое наставленіе и руководство можетъ быть нужно только въ началѣ, для перваго и общаго ознакомленія съ законами и вообще только дотолѣ, пока человѣкъ не развился и не созрѣлъ въ своихъ умственныхъ способностяхъ такъ, чтобы онъ могъ изучать каждый предметъ, разумѣется, при существованіи нужныхъ для того пособій, самъ собою независимо отъ посторонняго словеснаго наставленія и руководства. Дѣйствительно и тотъ, кто захотѣлъ бы узнавать законы посредствомъ слушанія уроковъ у другихъ, не можетъ навсегда ограничиться однимъ этимъ способомъ изученія. Слушаніе уроковъ продолжается извѣстное только время и вообще только извѣстное число лѣтъ; послѣ того, когда слушатель сдѣлался способнымъ продолжать свое ученіе безъ этой помощи, онъ оставляетъ своего учителя и самъ собою непрерывно распространяетъ и пополняетъ пріобрѣтенныя свѣдѣнія, занимаясь практикой, читая законы и сочиненія объ нихъ, иногда по временамъ спрашивая наставленія у людей знающихъ. Между тѣмъ, хотя бы законовѣдѣніе у какого нибудь народа имѣло самый обширный объемъ, нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, если человѣкъ съ твердымъ уже образованіемъ принимается за изученіе законовъ, и не пользуясь словесными наставленіями другихъ, а упражняясь непрерывно въ практикѣ и въ чтеніи, достигаетъ до совершеннѣйшаго познанія. Опытъ дѣйствительно представляетъ намъ такихъ людей. Пріобрѣтенное уже ими твердое

образованіе какъ въ общихъ предметахъ обученія, такъ, можетъ быть, и въ нѣкоторыхъ особенныхъ наукахъ, дѣлаетъ ихъ способными изучать законы, не имѣя нужды въ слушаніи уроковъ у другихъ.

Но тѣмъ не менѣе у народовъ, имѣющихъ обширное и многосложное законодательство, для пріобрѣтенія первоначальнаго и общаго познанія о законахъ, всегда останется самымъ удобнѣйшимъ тотъ способъ ихъ изученія, когда слушаютъ объ нихъ уроки у другихъ свѣдущихъ людей, знакомясь при томъ постепенно съ практикою, и пріучаясь въ тоже время посредствомъ чтенія памятниковъ законодательства и отличныхъ сочиненій изучать свой предметъ независимымъ образомъ въ теченіи всей своей жизни.

III. ОБЪ ИЗУЧЕНІИ ЗАКОНОВЪ ВЪ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ.

§ 149.

Уроки о законахъ, для сообщенія первоначальнаго и общаго познанія объ этомъ предметѣ, могутъ быть читаны или для одного лица и вообще для ограниченнаго числа слушателей и въ тѣсномъ, домашнемъ кругѣ, или для многочисленнаго собранія и въ заведеніяхъ, нарочно для этой цѣли устроенныхъ и къ ней приспособленныхъ. Гдѣ существуютъ такія заведенія, тамъ большая часть лицъ получаетъ свое образованіе въ нихъ, такъ какъ, вообще говоря, обученіе въ нихъ можетъ быть устроено совершеннѣе и требовать гораздо менѣе издержекъ, а слѣд. быть доступнѣе для большаго числа лицъ, чѣмъ домашнее обученіе. По сей причинѣ мы и почитаемъ нужнымъ говорить съ нѣкоторою подробностію объ изученіи законовъ въ общественныхъ заведеніяхъ, тѣмъ болѣе, что правила и замѣчанія, которыя мы представимъ по отношенію къ этому предмету, легко могутъ быть приложены и къ домашнему обученію.

§ 150.

Приступая къ изученію законовъ, надобно уже имѣть извѣстныя *предварительныя познанія*. Въ этомъ отношеніи вообще можно сказать: чѣмъ болѣе кто нибудь имѣетъ свѣдѣній въ разныхъ наукахъ, сродныхъ съ законовѣдѣніемъ, тѣмъ съ большимъ успѣхомъ онъ можетъ изучать законы, зная уже тѣ точки, въ которыхъ они тою или другою стороною своего существа касаются предметовъ

постороннихъ. Предметы, входящіе въ кругъ общаго образованія, должны быть уже извѣстны тому, кто приступаетъ къ изученію законовъ, такъ какъ при изученіи послѣднихъ непрерывно предполагается познаніе первыхъ и законовѣдѣніе составляетъ науку многосложную, принадлежащую лѣтамъ зрѣлаго возраста. Итакъ приступающій къ изученію законовъ долженъ имѣть уже общія свѣдѣнія въ отечественной Словесности и Словесности знатнѣйшихъ древнихъ и новыхъ народовъ, въ Логикѣ, въ Математикѣ и Физикѣ, въ Географіи, Исторіи и Статистикѣ. При изученіи сихъ предметовъ можно или совсѣмъ не имѣть въ виду законовѣдѣнія, или же имѣть его въ виду съ самаго начала. Въ первомъ случаѣ хотя изученіе поименованныхъ предметовъ представляетъ для законовѣдѣнія только общую пользу, за то предупреждается односторонность въ сужденіяхъ и взглядахъ; во второмъ случаѣ хотя легко можно впасть въ односторонность, за то все ученіе съ самаго начала получаетъ опредѣленное направленіе и устремляется прямо къ предположенной цѣли.

Впрочемъ пріобрѣтенныя нами приготовительныя свѣдѣнія въ различныхъ предметахъ не освобождаютъ насъ отъ обязанности распространять наше знаніе и усовершать его болѣе и болѣе, сообразно особенной цѣли ученія, т. е. законовѣдѣнію, и сообразно большей зрѣлости нашихъ лѣтъ. Кромѣ того мы должны ввести въ кругъ нашего ученія тѣ предметы, которыхъ познаніе до того времени не было пріобрѣтено. Сюда относится особенно Философія.

§ 151.

Что касается изученія самыхъ законовъ, прежде всего представляется здѣсь вопросъ, *въ какомъ порядкѣ должны быть излагаемы и слушаемы различныя науки законовѣдѣнія.* Самое лучшее было бы излагать ихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ по внутреннему ихъ содержанію слѣдуютъ другъ за другомъ. Но соблюденіе этого естественнаго порядка не всегда бываетъ возможно и полезно: не всегда возможно, потому что при ограниченномъ числѣ преподавателей и при ограниченности времени пребыванія воспитанника въ общественномъ заведеніи надобно бываетъ здѣсь проходить и слушать въ одно и тоже время нѣсколько наукъ, не говоря о томъ, что установленный для прохожденія ихъ естественный порядокъ, если дѣйствительно установленъ какой порядокъ, не можетъ быть иногда выполненъ по обстоятельствамъ, совершенно случайнымъ,

напр. въ случаѣ смерти преподавателя, въ случаѣ оставленія имъ заведенія; не всегда полезно, такъ какъ иногда наука, занимающая первое мѣсто въ системѣ, можетъ быть съ большею пользою проходима и скорѣе понята послѣ другихъ наукъ, хотя въ системѣ онѣ занимаютъ послѣднее мѣсто. Сверхъ того мы видѣли [68], что самый систематическій порядокъ можетъ быть различенъ.

Вообще при систематическомъ изложеніи наукъ законовѣдѣнія легчайшія изъ нихъ должны предшествовать труднѣйшимъ, служащія къ поясненію другихъ — тѣмъ, которыя онѣ поясняютъ, содержащія въ себѣ общія свѣдѣнія — тѣмъ, которыя занимаются разсмотрѣніемъ подробностей. Но какъ всѣ части законовѣдѣнія предполагаютъ другъ друга, то чѣмъ позже какая нибудь наука законовѣдѣнія преподается, тѣмъ болѣе она выигриваетъ, какъ потому, что слушателямъ въ теченіи времени становятся извѣстными уже многія истины, безъ предварительнаго познанія которыхъ наука бываетъ болѣе или менѣе непонятна, такъ и потому особенно, что вслѣдствіе ученія разумъ слушателя все болѣе образуется и дѣлается способнымъ понимать истины законовѣдѣнія.

Что касается въ частности раздѣленія законовъ на государственные, гражданскіе и законы союза народовъ, удобнѣйшимъ представляется начать съ предметовъ наиболѣе близкихъ къ человѣку по его ежедневному опыту, каковы всѣ предметы союза семейственнаго, союза по имуществамъ и вообще союза гражданскаго; послѣ того можно было бы перейти къ законамъ государственнымъ и наконецъ къ законамъ союза народовъ. Но даже и общіе гражданскіе законы остались бы непонятны безъ познанія нѣкоторыхъ частей законовъ государственныхъ, а именно: безъ познанія основныхъ законовъ, учрежденій и законовъ о состояніяхъ. Такимъ образомъ можно сказать, что преподаваніе сихъ частей законодательства должно предшествовать всѣмъ другимъ; за тѣмъ должно послѣдовать преподаваніе общихъ гражданскихъ законовъ. Когда такимъ образомъ въ существенныхъ чертахъ будетъ обозначенъ организмъ какъ союза гражданскаго, такъ и государственнаго, то легко можно будетъ изложить во первыхъ остальные законы опредѣлительные, съ одной стороны — союза государственнаго, съ другой — гражданскаго, во вторыхъ законы охранительные, съ одной стороны опять — союза государственнаго, съ другой — союза гражданскаго.

Впрочемъ всѣ неудобства, проистекающія отъ невозможности

[68] См. выше § 136.

слѣдовать въ изложеніи наукъ законовѣдѣнія правильному порядку, уничтожаются введеніемъ въ кругъ преподаванія такой науки, которая бы содержала въ себѣ обзоръ всѣхъ частей законовѣдѣнія въ общей ихъ связи, т. е. Энциклопедіи Законовѣдѣнія. Если такая наука существуетъ, если она изучена надлежащимъ образомъ; то послѣ сего можно преподавать другія науки законовѣдѣнія почти въ какомъ угодно порядкѣ, потому что понятія, которыя при изложеніи той или другой особенной науки должны быть извѣстны, будутъ уже сообщены въ Энциклопедіи Законовѣдѣнія.

§ 152.

Порядокъ подробнаго изложенія тѣхъ частей или наукъ законовѣдѣнія, по которымъ не можетъ быть, или по крайней мѣрѣ нѣтъ особенныхъ законныхъ книгъ, какъ то: Сборниковъ, Сводовъ и Уложеній, опредѣляется, какъ само собою разумѣется, внутреннимъ отношеніемъ предметовъ другъ къ другу. Но если по какой части и наукѣ законовѣдѣнія существуютъ подобныя книги, то предметы, относящіеся къ ней, могутъ быть преподаваемы или по порядку сводовъ, уложеній и вообще законныхъ книгъ, до нихъ касающихся, или по порядку, опредѣленному внутреннимъ, необходимымъ ихъ отношеніемъ другъ къ другу. Первый порядокъ называется *законнымъ* (ordo legalis), вторый *систематическимъ*. Если законный порядокъ удовлетворяетъ требованіямъ системы, такъ какъ изложеніе въ законной книгѣ можетъ быть совершенно систематическимъ; то въ этомъ случаѣ, какъ разумѣется само собою, не можетъ быть рѣчи о преимуществѣ того или другаго порядка. Но если законная книга не изложена въ систематическомъ видѣ, тогда раждается вопросъ, лучше ли слѣдовать въ изложеніи законовъ порядку этой книги, или внутреннему порядку системы. Въ первомъ случаѣ мы конечно получаемъ возможность ознакомиться во всѣхъ частяхъ съ тѣмъ источникомъ, откуда мы почерпаемъ наши свѣдѣнія о законахъ, и откуда, можетъ быть, мы должны будемъ почерпать рѣшеніе для дѣлъ, имѣющихъ намъ встрѣтиться; за то познаніе наше о законахъ тѣмъ будетъ несвязнѣе и нестройнѣе, чѣмъ менѣе системы въ законной книгѣ; тѣмъ труднѣе намъ будетъ составить полное и цѣлостное понятіе объ извѣстномъ законодательствѣ или объ извѣстной его части, чѣмъ болѣе разбросаны его постановленія по разнымъ мѣстамъ законной книги, и чѣмъ болѣе неполно въ ней изложеніе. Во второмъ случаѣ наше

познаніе будетъ имѣть всю нужную стройность; за то мы не познакомимся въ надлежащей степени съ источникомъ нашихъ свѣдѣній о законахъ и стремленіе къ системѣ легко можетъ потемнить для насъ существенныя особенности изучаемаго нами законодательства.

§ 153.

Такимъ же образомъ при существованіи законныхъ книгъ по какой нибудь части или наукѣ законовѣдѣнія, *существо* ея *изложенія* можетъ состоять или въ истолковательномъ чтеніи законной книги, изъ котораго бы можно было видѣть, что поставляетъ законъ объ извѣстномъ предметѣ, или въ вольномъ, непривязанномъ къ законной книгѣ, а проистекающемъ изъ самаго свойства излагаемыхъ предметовъ, сообщеніи разныхъ истинъ и положеній, относящихся къ преподаваемой наукѣ и части, такъ что если приводятся и истолковываются мѣста изъ законовъ и законныхъ книгъ, то въ видѣ доказательства сообщаемыхъ преподавателемъ какъ бы отъ себя положеній и истинъ. Первый способъ изложенія называется *экзегетическимъ* или *истолковательнымъ*, вторый — *систематическимъ*, такъ какъ онъ необходимо требуетъ изложенія предметовъ въ порядкѣ болѣе или менѣе систематическомъ. Истолковательный способъ изложенія представляетъ вообще тѣ же выгоды и невыгоды, какія мы замѣтили по отношенію къ законному порядку изложенія предметовъ законовѣдѣнія. Сверхъ того къ невыгодамъ истолковательнаго чтенія законныхъ книгъ надобно отнести то, что оно требуетъ весьма много времени, и потому никакъ не можетъ быть совмѣщено съ короткимъ временемъ, какое назначается на изученіе законовъ въ общественныхъ заведеніяхъ. Такимъ же образомъ систематическій образъ изложенія имѣетъ всѣ выгоды, но и всѣ невыгоды, какія, по нашему мнѣнію, неизбѣжно соединены съ систематическимъ порядкомъ изложенія законовъ.

§ 154.

Впрочемъ и вообще при изложеніи предметовъ и наукъ законовѣдѣнія преподаватель или имѣетъ для того какое нибудь *руководство*, какую нибудь *учебную книгу*, или онъ не держится никакого руководства. Если руководство сочинено не самимъ преподавателемъ, то часто находится здѣсь совершенно противное тому, что онъ учитъ; по крайней мѣрѣ часто книга представляетъ другой порядокъ, чѣмъ какому слѣдуетъ преподаватель. То и другое, ко-

нечно, составляетъ неудобство, но имѣетъ и свою выгоду, такъ какъ при этомъ слушателю представляется возможность ознакомиться съ различными взглядами и посредствомъ противоположности яснѣе выразумѣть собственныя мысли преподавателя. Изложенное неудобство можетъ встрѣтиться и тогда, когда преподаватель руководствуется собственнымъ сочиненіемъ, какъ скоро онъ не останавливается на чемъ нибудь одномъ въ своихъ понятіяхъ и изслѣдованіяхъ. Если преподаватель руководствуется собственнымъ сочиненіемъ, то часто здѣсь находится то же самое, что онъ излагаетъ словесно, развѣ, можетъ быть, только на другомъ языкѣ и въ другихъ выраженіяхъ; или руководство содержитъ въ себѣ разные намеки, которые для начинающаго учиться только посредствомъ изустнаго изложенія должны получить объясненіе, иногда также однѣ таблицы, и напротивъ того иногда многое, назначенное только для чтенія. Когда при изложеніи не употребляется руководство, то напрасно тратится весьма много времени на записываніе преподаваемаго, между тѣмъ какъ, еслибъ было печатное руководство, можно было бы имѣть то же самое за дешевѣйшую цѣну и въ исправнѣйшемъ видѣ, хотя необходимость записывать сообщаемое и составлять свои записки по предметамъ, которыя слушаются, возбуждаетъ учащагося къ особенной самодѣятельности.

§ 155.

Независимо отъ того, руководствуется ли преподаватель какою нибудь книгою или нѣтъ, *образъ его изложенія* можетъ быть двоякій: или преподаватель излагаетъ слушателямъ свой предметъ въ рѣчи, которая большею частію ни съ которой стороны не прерывается вопросами; или въ выведеніи истинъ и положеній, при помощи преподавателя, принимаютъ особенное участіе его слушатели, такъ что онъ, непрерывно предлагая имъ вопросы и заставляя ихъ давать отвѣты, побуждаетъ ихъ самихъ доходить до истины. Послѣдній образъ изложенія, какъ извѣстно, называется сократическимъ. Вначалѣ, доколѣ разумъ не получилъ надлежащаго развитія, этотъ образъ изложенія оказываетъ превосходныя услуги. Но послѣ того онъ становится ненужнымъ, и если его удерживаютъ еще тогда, когда учащійся въ состояніи самъ слѣдовать за непрерывнымъ и связнымъ изложеніемъ преподавателя, возбуждаетъ къ себѣ только отвращеніе. Не совсѣмъ удобно употреблять его въ такихъ заведеніяхъ, гдѣ находится большое число слушателей, болѣе

или менѣе различныхъ между собою по способностямъ ихъ и познаніямъ, такъ какъ вслѣдствіе сего различія для каждаго особаго ихъ разряда надлежало бы установлять и особый порядокъ вопросовъ и отвѣтовъ. Этотъ способъ несовмѣстенъ и съ краткостію времени, назначаемаго для преподаванія различныхъ предметовъ въ общественныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Наконецъ въ большей части предметовъ законовѣдѣнія онъ не можетъ имѣть приложенія, такъ какъ при всемъ напряженіи ума истины положительныя, къ разряду которыхъ относится самая значительная часть истинъ законовѣдѣнія, не могутъ быть усмотрѣны, если онѣ не будутъ кѣмъ нибудь прямо и непосредственно намъ сообщены. Но разумѣется само собою, что въ нужныхъ случаяхъ, если есть возможность къ употребленію этого способа, никогда не должно имъ пренебрегать.

§ 156.

Чтобъ слушаніе уроковъ могло приносить всю желаемую пользу, учащійся долженъ стараться передъ каждымъ урокомъ предварительно ознакомиться, по крайней мѣрѣ вообще, съ тѣмъ, что онъ будетъ слушать. Это облегчаетъ для него уразумѣніе урока и даетъ ему возможность — слѣдовать повсюду за изложеніемъ преподавателя и никогда не опускать нити изложенія, хотя бы преподаватель и позволилъ себѣ нѣкоторыя отступленія; его вниманіе будетъ тѣмъ усиленнѣе, чѣмъ лучше онъ знаетъ темныя, неясныя стороны предмета.

§ 157.

Едва ли нужно говорить, что обученіе въ общественномъ заведеніи тогда только можетъ доставить пользу, когда учащійся *постоянно посѣщаетъ всѣ уроки*, не опуская ни одного изъ нихъ, и старается *въ продолженіи цѣлаго урока слѣдовать за всѣмъ изложеніемъ*, хотя бы для этого къ концу урока надобно было особенно напрячь вниманіе. Пропуски въ свѣдѣніяхъ, образующіеся тогда, когда или совсѣмъ не посѣщаютъ уроковъ, или слушаютъ ихъ безъ вниманія, рѣдко могутъ быть наполнены надлежащимъ образомъ; недостатокъ связнаго познанія долженъ обратить для учащагося всю науку въ совокупность отрывочныхъ мыслей и непонятныхъ афоризмовъ и родить въ немъ отвращеніе къ самому предмету, имъ изучаемому, и онъ никогда не пріобрѣтетъ даже самыхъ посред-

ственныхъ свѣдѣній въ наукѣ, которую изучаетъ совершенно нерадиво.

Чтобъ имѣть всегда возможность припомнить то, что сообщалъ въ продолженіи урока преподаватель, необходимо записывать существенное изъ его рѣчи, развѣ, можетъ быть, все то, что онъ говоритъ, находится уже въ избранномъ имъ руководствѣ, или онъ самъ выдаетъ записки. Для облегченія записыванія уроковъ иногда преподаватели сами диктуютъ ихъ своимъ слушателямъ. Свободное изложеніе имѣетъ несомнѣнное преимущество передъ этимъ способомъ. Оно болѣе заключаетъ въ себѣ силы убѣжденія и потому болѣе наставительно, — оно гораздо скорѣе можетъ сообщить жизнь ученію и расположить духъ къ собственнымъ изысканіямъ, чѣмъ мертвая диктовка. Но учащіеся, особенно вначалѣ, не всегда умѣютъ въ изложеніи отличать важное отъ неважнаго, чтобъ записывать только первое, опуская послѣднее, а безъ записыванія, если нѣтъ руководства и преподаватель не выдаетъ своихъ записокъ, имъ нельзя обойтись, такъ какъ по множеству предметовъ, которые они слушаютъ, они не имѣютъ возможности — посвятить тотчасъ послѣ урока еще нѣсколько часовъ на то, чтобъ размыслить о слышанномъ и изложить на письмѣ то, что было самаго важнаго въ урокѣ; почему урокъ и впечатлѣніе, имъ произведенное, вскорѣ послѣ того, какъ онъ выслушанъ, часто опять изглаждаются другими уроками и другими впечатлѣніями. Отсюда мы приходимъ къ тому заключенію, что лучшій способъ преподаванія, если преподаватель не держится никакого руководства и не выдаетъ своихъ записокъ, есть соединеніе вольнаго изложенія съ диктовкою. Такимъ образомъ избѣгаются всѣ означенныя невыгоды, а между тѣмъ достигается та польза, какую имѣетъ устное наставленіе предпочтительно передъ тѣмъ, которое почерпается изъ книгъ, — вниманіе слушателя всегда удерживается въ должномъ напряженіи и обращается на главные предметы, и преподаватель, сдѣлавши нѣсколько вопросовъ своимъ слушателямъ, можетъ тотчасъ удостовѣриться, не понятъ ли онъ ложно и все ли существенное понято надлежащимъ образомъ.

§ 158.

Какъ учащійся всегда долженъ готовиться къ урокамъ, которые онъ будетъ слушать, такъ, и еще въ большей степени, онъ долженъ непремѣнно *повторять* все слушаемое.

Существо повторенія можетъ состоять только въ томъ, чтобъ

выслушанное, для выразумѣнія и удержанія этого въ своей памяти, снова передумать и пересмотрѣть со всѣхъ сторонъ, и прочитать мѣста изъ законовъ и сочиненій, на которыя сдѣлана ссылка въ урокѣ. При началѣ ученія всего лучше бываетъ ограничиваться принятымъ руководствомъ и изложеніемъ преподавателя, — надобно стараться только выразумѣть совершенно его мысли, дабы имѣть опредѣленныя, твердыя понятія о предметѣ, съ которыми бы потомъ можно было итти безопасно по лабиринту различныхъ мнѣній и изложеній. Для выразумѣнія и напечатлѣнія въ своей памяти урока весьма полезно дѣлать аналитическій его разборъ и излагать для себя все его содержаніе въ видѣ подробнаго плана или конспекта. Вслѣдъ за симъ надобно мало по малу привыкать вычитывать главнѣйшія мѣста изъ законовъ, приводимыя преподавателемъ въ доказательство своего изложенія, и по нимъ повѣрять самое изложеніе. Желательно, чтобъ такія мѣста были особенно указываемы преподавателемъ, дабы учащійся не имѣлъ нужды прочитывать множество мѣстъ, связь которыхъ съ положеніемъ, ими подтверждаемымъ, для него не очень видна, и изъ которыхъ онъ едва пойметъ половину; ничто болѣе не отвлекаетъ отъ основательнаго изученія источниковъ, какъ необходимость, въ какую можетъ быть поставленъ учащійся, просматривать множество такихъ мѣстъ, темныхъ и запутанныхъ. Что касается прочитыванія мѣстъ изъ различныхъ писателей, какія могутъ быть приводимы въ урокахъ, вначалѣ ученія не должно совсѣмъ прочитывать такихъ мѣстъ, впослѣдствіи времени самыя важнѣйшія, и притомъ такія, которыя могутъ быть поняты отдѣльно отъ цѣлаго сочиненія, въ которомъ они могутъ находиться. Не говоря о томъ, что для человѣка, который не знаетъ еще самымъ точнымъ образомъ своей науки, какъ въ полномъ ея составѣ, такъ и во всѣхъ ея частяхъ, мѣсто книги, вырванное изъ его связи, рѣдко можетъ быть понятнымъ, мы замѣтимъ, что для чтенія и разумѣнія самыхъ обыкновенныхъ юридическихъ сочиненій требуются особенныя познанія, которыхъ начинающій учиться законамъ большею частію не имѣетъ и которыя онъ не скоро пріобрѣтаетъ.

Повтореніе должно слѣдовать непрерывно за каждымъ урокомъ, и, если возможно, происходить непосредственно, или по крайней мѣрѣ вскорѣ послѣ урока, доколѣ впечатлѣніе отъ него еще не изгладилось и весь онъ остается въ свѣжей памяти. Сверхъ сего должны быть дѣлаемы общія повторенія по выслушаніи нѣсколькихъ

уроковъ, какого нибудь отдѣла изъ науки, или цѣлой науки, дабы узнать свой предметъ не только въ отдѣльныхъ его подробностяхъ, но и въ общей его цѣлости.

Заниматься повтореніемъ можетъ каждый учащійся одинъ, отдѣльно отъ другихъ и безъ посторонняго руководства. Но съ большею пользою могутъ собираться для этого нѣсколько молодыхъ людей вмѣстѣ, взаимно помогая другъ другу въ объясненіи темныхъ мѣстъ урока и общими усиліями припоминая сказанное. Чтобъ сдѣлать это занятіе, сколько возможно, болѣе основательнымъ, дать ему всю нужную правильность, облегчить для учащихся уразумѣніе того, что они могли бы понять только съ большимъ трудомъ, или чего, при всѣхъ со стороны ихъ усиліяхъ, они бы одни не могли понять, особенно полезно при повтореніи руководство лица знающаго.

§ 159.

Для усвоенія учащимся истинъ, которыя имъ сообщаются, не менѣе повтореній важны такъ называемыя *состязанія*, состоящія въ изустномъ опроверженіи и защищеніи данныхъ положеній самими учащимися, подъ наблюденіемъ и руководствомъ наставника. Истина, которая такимъ образомъ сдѣлается предметомъ состязанія, будетъ осмотрѣна при этомъ случаѣ со всѣхъ сторонъ. Но кромѣ сего такое установленіе способствуетъ къ развитію умственныхъ способностей вообще. Кто не осмѣливался никогда разсуждать, тотъ здѣсь изъ одного страха стыда или изъ любочестія соберетъ всѣ свои силы, чтобъ защитить свое положеніе и побѣдить своего противника. Одна побѣда родитъ желаніе другой; неудача заставитъ вдвое сильнѣе желать побѣды. Такимъ образомъ одинъ шагъ влечетъ за собою непримѣтно другой. Напряженія при мысли о цѣли, для которой они совершены, забываются; что сначала дѣлали только по принужденію и съ насиліемъ себѣ, то мало по малу обращается въ привычку; чѣмъ болѣе увеличивается сознаніе собственной силы и успѣховъ въ наукѣ, тѣмъ менѣе нужными становятся другія, внѣшнія побужденія. Вся важность состоитъ здѣсь въ томъ, чтобы учащійся почувствовалъ, узналъ изъ собственнаго опыта, что значитъ самостоятельность въ умственномъ отношеніи. Только съ этой минуты онъ становится по уму возрастнымъ.

§ 160.

Чтобъ ознакомить учащихся съ порядкомъ дѣлопроизводства, въ общественныхъ заведеніяхъ учреждаются иногда особенные *практическіе уроки*. Съ сею цѣлію берется какое нибудь дѣло, вымышленное или дѣйствительное, и проводится по различнымъ степенямъ управленія и суда, съ наблюденіемъ всѣхъ обрядовъ, установленныхъ закономъ. Учащіеся, подъ руководствомъ преподавателя, составляютъ при этомъ случаѣ различныя бумаги, какъ то: прошенія, доклады, опредѣленія, и ведутъ дѣло посреди различныхъ возможныхъ случайностей, съ самаго его начала до конца. Какъ сіи упражненія не составляютъ въ собственномъ смыслѣ занятія дѣлами государственной службы, а представляютъ только намѣренное подражаніе жизни въ теченіи дѣлъ для лучшаго ихъ уразумѣнія; то, естественно, они не имѣютъ той назидательности, той образовательной силы, того дѣйствія на душу, какія свойственны занятіямъ дѣйствительнымъ. Между тѣмъ есть возможность доставить учащимся и дѣйствительныя практическія занятія при самомъ учебномъ заведеніи, въ присутственныхъ его мѣстахъ; имъ можно при извѣстныхъ условіяхъ открыть входъ въ другія присутственныя мѣста, существующія тамъ, гдѣ находится учебное заведеніе.

§ 161.

Чтеніе источниковъ законодательства, хотя бы даже преподаваніе было экзегетическое, а тѣмъ болѣе, если оно есть только систематическое, должно составлять одинъ изъ существенныхъ предметовъ домашняго занятія для учащагося. Учащійся не только долженъ слѣдить изложеніе преподавателя въ источникахъ, но читать ихъ и независимо отъ того. Для сего надобно читать ихъ одинъ за другимъ, не отрывками и по мѣстамъ, но сряду и непрерывно; руководствуясь лучшимъ какимъ нибудь комментаріемъ, надобно стараться при этомъ понять вполнѣ каждое мѣсто, замѣчать особенно темное, чтобъ при первомъ случаѣ обратить на то свое вниманіе, дѣлать для себя извлеченія изъ всего, что вычитывается. Въ выборѣ источниковъ, т. е. какіе читать изъ нихъ и въ какомъ порядкѣ, какимъ руководствоваться при чтеніи того или другаго источника комментаріемъ, учащійся, особенно въ началѣ его ученія, долженъ слѣдовать совѣту преподавателей, доколѣ не будетъ въ состояніи имѣть въ этомъ отношеніи собственное сужденіе.

§ 162.

Въ началѣ ученія, и вообще доколѣ мы не ознакомились въ значительной степени съ нашимъ предметомъ, мы должны удерживаться отъ *чтенія книгъ*, чтобъ не смѣшаться въ своихъ понятіяхъ, имѣя передъ собою множество различныхъ мнѣній, которыхъ мы еще не въ состояніи обсуживать. Даже впослѣдствіи времени при выборѣ книгъ надобно поступать съ большимъ благоразуміемъ. Литература законовѣдѣнія представляетъ множество невыгодныхъ сочиненій; сверхъ того не во всякомъ возрастѣ, не на всякой ступени умственнаго образованія можно читать съ пользою всякія сочиненія. Какъ вообще, такъ и въ законовѣдѣніи важно основательное чтеніе хорошихъ книгъ, а не чтеніе множества всякихъ книгъ. Изученіе одного умнаго творенія приноситъ болѣе пользы, чѣмъ сколько прочтеніе сотни обыкновенныхъ разсужденій. Указать сочиненія, которыя съ пользою можетъ читать учащійся, есть долгъ преподавателя, хотя учащійся и въ этомъ случаѣ долженъ стараться мало по малу составить собственное мнѣніе; особенно полезно бываетъ, по выслушаніи уроковъ объ извѣстномъ предметѣ, читать важнѣйшія, къ нему относящіяся, отдѣльныя разсужденія, дабы, получивъ изъ уроковъ общее, опредѣленное понятіе о предметѣ, видѣть и всѣ подробности этого предмета. Замѣчательнѣйшія мѣста изъ читаемыхъ книгъ должны быть сохраняемы для будущаго употребленія посредствомъ извлеченій.

§ 163.

При чтеніи памятниковъ законодательства и книгъ никогда не должно пренебрегать *упражненіемъ въ сочиненіяхъ*, относящихся къ законовѣдѣнію. Понятія наши объ изучаемыхъ предметахъ дѣлаются отъ того ясными и отчетистыми и мы привыкаемъ мало по малу правильно и легко излагать наши мысли о предметахъ законодательства и законовѣдѣнія.

§ 164.

Лѣта юности, когда человѣкъ бываетъ бодръ и крѣпокъ силами и несвязанъ никакими занятіями дѣловой жизни, составляютъ самое лучшее время для ученія, а пребываніе въ общественномъ заведеніи — наилучшій къ тому способъ. Надобно пользоваться, и пользоваться, какъ можно лучше, тѣмъ и другимъ. Трудно бываетъ уже

впослѣдствіи времени вознаграждать потери въ этомъ случаѣ. Ненадобно спѣшить дѣйствовать въ мірѣ, хотя у юности кипятъ всѣ силы, и каждый лишній годъ ученія представляется потеряннымъ для жизни. Но чѣмъ основательнѣе, полнѣе образованіе человѣка, тѣмъ плодотворнѣе будетъ его дѣятельность, тѣмъ могущественнѣе будетъ его вліяніе ко благу ближнихъ и цѣлаго человѣчества.

IV. ИЗУЧЕНІЕ ЗАКОНОВЪ ПО ОСТАВЛЕНІИ ВОСПИТАННИКОМЪ ОБЩЕСТВЕННАГО ЗАВЕДЕНІЯ И ВООБЩЕ ПО ПРІОБРѢТЕНІИ ИМЪ ПЕРВЫХЪ СВѢДѢНІЙ ВЪ ЗАКОНАХЪ.

§ 165.

Получивъ образованіе въ общественномъ заведеніи, мы не должны навсегда ограничиваться познаніями, здѣсь пріобрѣтенными, равно какъ и вообще пріобрѣвши какимъ бы то ни было образомъ первыя свѣдѣнія, не должны останавливаться на этихъ свѣдѣніяхъ. Въ такое короткое время, при такомъ множествѣ изучаемыхъ предметовъ, въ такомъ положеніи, когда учащійся едва только успѣваетъ принимать и воспроизводить въ себѣ то, что сказываетъ ему преподаватель, естественно, наука не можетъ быть изучена во всей ея глубинѣ и подробности. Сверхъ того родъ человѣческій идетъ непрестанно впередъ; въ наукахъ непрестанно дѣлаются новыя открытія, усовершенія: посему тотъ, кто бы захотѣлъ удовольствоваться познаніями, пріобрѣтенными въ молодости, чрезъ нѣсколько лѣтъ увидѣлъ бы, что онъ уже остался далеко позади своего вѣка; не созидая самъ въ своемъ духѣ науки, онъ не могъ бы ни понять сдѣланныхъ въ ней другими открытій, ни удержаться въ своемъ прежнемъ владѣніи. Ученіе въ общественномъ заведеніи, равно какъ и вообще всякое первоначальное ученіе, для юноши должно служить только руководствомъ, какъ самому упражняться въ наукѣ, и узнавши ее отъ другихъ только вообще, теперь поддерживать, расширять, усиливать свои познанія самостоятельнымъ изслѣдованіемъ, и особенно изслѣдованіемъ подробностей.

§ 166.

Вступая въ свѣтъ, юноша, изучавшій доселѣ все вообще законовѣдѣніе, можетъ дать опредѣленное направленіе своимъ занятіямъ, сообразно особенному роду службы, который онъ уже избралъ, или по крайней мѣрѣ можетъ избрать, и сообразно особен-

ной своей наклонности, которой онъ можетъ теперь безпрепятственно слѣдовать. Въ познаніи особеннаго предмета своихъ занятій онъ постарается достигнуть возможной степени совершенства. Но это не освобождаетъ его отъ обязанности слѣдить, по крайней мѣрѣ легкимъ образомъ, другія науки, относящіяся къ законовѣдѣнію, чтобъ не забыть того, что онъ уже знаетъ, и узнать то, что можетъ ему сдѣлаться нужнымъ въ неожиданныхъ случаяхъ.

§ 167.

Чтеніе законовъ и книгъ дѣлается теперь самымъ важнѣйшимъ средствомъ для насъ къ распространенію и усовершенію нашихъ познаній. Еще болѣе мы должны пополнять, пояснять и повѣрять свои познанія, наблюдая надъ тѣмъ, что дѣлается въ жизни, бесѣдуя съ мужами, богатыми опытностію жизни, и принимая непосредственное участіе въ дѣлахъ свѣта. Но практическая дѣятельность не только не должна отвлекать насъ отъ науки, а еще способствовать къ пріобрѣтенію различныхъ въ ней познаній и побуждать насъ итти непрерывно впередъ. Къ сожалѣнію, по вступленіи въ свѣтъ, ежедневныя занятія обыкновенно отнимаютъ у людей время нужное для занятія наукою. Не пріобрѣтая вновь, они все болѣе и болѣе забываютъ старое; запутавшись въ мелочныя, дробныя дѣла жизни, они теряютъ и любовь къ наукѣ, и свѣтлый взглядъ на жизнь, который дало имъ образованіе. Счастливъ, кто всегда можетъ итти наравнѣ съ современнымъ просвѣщеніемъ и однако же не уносясь вихремъ времени, сохраняя всегда свое первоначальное, чистое существо, развиваться изъ себя по закону внутренняго возрастанія, и все принимаемое извнѣ претворять въ себя по своей мысли!

ОСОБЕННАЯ ЧАСТЬ

ЭНЦИКЛОПЕДІИ ЗАКОНОВѢДѢНІЯ.

§ 168.

Особенная часть Энциклопедіи Законовѣдѣнія должна систематически обозрѣть составъ различныхъ его наукъ, выведенныхъ въ общей части, какъ относительно ихъ содержанія, такъ и относительно формы [69]. Но содержаніе и форма наукъ законовѣдѣнія не есть что нибудь неизмѣнное, всегда и вездѣ въ одномъ видѣ существующее, напротивъ въ теченіи временъ и по различію народовъ то и другое непрерывно измѣняется. Посему особенная часть Энциклопедіи Законовѣдѣнія обозрѣваетъ содержаніе и формы различныхъ его наукъ въ порядкѣ историческаго развитія происшествій. Такимъ образомъ эта часть есть преимущественно часть историческая. Она представляетъ намъ въ видѣ обзора какъ исторію законовъ, составляющихъ существенное содержаніе законовѣдѣнія, такъ и исторію самаго законовѣдѣнія.

I. ПОНЯТІЕ ОБЪ ИСТОРІИ ЗАКОНОВЪ И ЗАКОНОВѢДѢНІЯ.

§ 169.

Исторія съ перваго взгляда представляетъ намъ *множество* разнообразныхъ *происшествій, слѣдующихъ случайно и безъ всякаго порядка одно за другимъ*. Изысканіе подлинности и дѣйствитель-

[69] См. выше § 5.

наго вида случившихся происшествій, взятыхъ въ ихъ отдѣльности и случайности, называется *изслѣдованіемъ историческимъ* (Geschichtsforschung) [70].

Но внимательно разсматривая историческія происшествія, мы тотчасъ находимъ нѣкоторое *единство*, *порядокъ* между ними. Это единство можетъ быть сначала только *единство субъективное (подлежательное)* — единство въ духѣ автора, сочиняющаго исторію, который, предположивъ при составленіи ея опредѣленную какую нибудь цѣль, все свое изложеніе направляетъ къ этой цѣли, и, раскрывая повсюду причины и слѣдствія происшествій, дѣлаетъ чрезъ то исторію доказательствомъ опредѣленной мысли и средствомъ назиданія. Такая исторія называется *прагматическою*. Полибій напр. сочиняя исторію, имѣлъ въ виду непосредственно военное искуство и хотѣлъ сдѣлать свое сочиненіе полезнымъ для военныхъ людей; къ этой цѣли онъ направляетъ весь разсказъ происшествій. Тацитъ въ своей Римской Исторіи показываетъ намъ шагъ за шагомъ, какое вліяніе имѣютъ испорченность нравовъ и деспотизмъ на упадокъ государства. Но субъективное единство имѣетъ необходимымъ своимъ основаніемъ и предположеніемъ *единство объективное* (предметное) — единство самыхъ происшествій, самыхъ вещей. Если Тацитъ при начертаніи своей Исторіи предположилъ показать вліяніе испорченности нравовъ и деспотизма на судьбу государства, то здѣсь есть дѣйствительная связь между происшествіями, — связь причинъ и дѣйствій: означенная причина дѣйствительно производитъ означенное дѣйствіе.

Что касается объективнаго единства, прежде всего открывается намъ *единство нисшаго разряда*, причины эмпирическія, законы, принадлежащіе къ нисшему порядку вещей, — когда мы разсматриваемъ происшествія безъ отношенія къ высшей идеѣ исторіи, къ высшей цѣли бытія человѣческаго, не обращая вниманія на планъ Божественнаго Провидѣнія, когда мы двигаемся непосредственно внутри круга историческаго, не возводя нашихъ взоровъ за его предѣлы. Такого-то рода законы излагаются у Монтескю въ его сочиненіи *о духѣ законовъ* [71]. Но кромѣ этого нисшаго, ограниченнаго объективнаго единства въ историческихъ происшествіяхъ господствуетъ и *высшее единство:* всѣ они имѣютъ нѣкоторую цѣль въ

[70] *Schelling*, Vorlesungen über die Methode des akademischen Studium. 3. Ausg. Stuttgart und Tübingen, 1830. S. 216.

[71] *Montesquieu*, de l'esprit des lois. 1748.

умѣ Божественномъ и происходятъ по неизмѣннымъ законамъ, имѣющимъ свое основаніе въ высшемъ порядкѣ вещей [72].

§ 170.

Отношеніе между необходимымъ и случайнымъ въ историческихъ происшествіяхъ можетъ быть опредѣлено различно.

Во первыхъ, относительно *образа существованія необходимыхъ законовъ среди случайности происшествій* одна часть мыслителей утверждала, что въ родѣ человѣческомъ происходитъ непрерывно одно и тоже, и всѣ времена исторіи по внутреннему ихъ достоинству тождественны. Такъ думали особенно нѣкоторые послѣдователи Шеллинга. Въ каждое мгновеніе, по ихъ мнѣнію, Богъ открываетъ себя во всей полнотѣ, такъ что онъ не болѣе и не менѣе существуетъ въ одно мгновеніе, какъ и въ другое. Другая часть мыслителей принимала круговращеніе въ происшествіяхъ, предполагая, что въ теченіи происшествій непрерывно только повторяется одинъ постоянный порядокъ, такъ что когда достигнута будетъ послѣдняя ступень въ семъ ряду, то опять тотчасъ начинается прежнее теченіе вещей. Такъ думали Платонъ и Вико. По мнѣнію Платона государства проходятъ нѣсколько періодовъ въ своей жизни, начиная съ состоянія самаго совершеннѣйшаго и нисходя до самаго несовершеннаго, послѣ чего опять повторяется прежній порядокъ и такъ въ безконечность [73]. По мнѣнію Вико народы также проходятъ различные періоды въ своей жизни, начиная съ состоянія самаго несовершеннаго, постепенно восходя къ состоянію совершеннѣйшему и наконецъ низпадая опять въ состояніе несовершенства, послѣ чего снова повторяется прежній порядокъ вещей и такъ въ безконечность [74]. Третья часть мыслителей допускаетъ развитіе съ опредѣленнымъ началомъ, срединою и концемъ. По ихъ словамъ, каждый народъ имѣетъ опредѣленную цѣль, и какъ скоро цѣль сія будетъ достигнута, то его существованіе должно прекратиться; здѣсь нѣтъ никакого круговращенія. Тоже самое можно приложить и къ судьбамъ рода человѣческаго. Наконецъ, четвертая часть мыслителей предполагаетъ непрерывную усовершимость въ состояніяхъ народовъ и человѣческаго рода, неимѣющую никакого для себя предѣла.

[72] *Schelling,* a. a. O. S. 216 und folgg.

[73] *Plato,* de rep. VIII, p. 546 548; 549—553; 555—558; 562—569. — De leg. IV, p 709—712. Cp *Aristot.,* Polit. V. 10. § 3.

[74] *Vico,* Scienza nuova. 1725.

Во вторыхъ, пространство, на какомъ можетъ обнаруживаться дѣйствіе общихъ историческихъ законовъ, можетъ быть или ограничено только жизнію отдѣльныхъ народовъ и государствъ, или расширено на судьбы цѣлаго рода человѣческаго. Одни мыслители допускали только первое и занимались отысканіемъ всеобщихъ законовъ, по которымъ совершается жизнь каждаго народа, взятаго въ отдѣльности, принадлежатъ ли сіи законы къ нисшему порядку вещей (Фергюсонъ[75], Шарлъ Комтъ[76]), или къ высшему (Платонъ, Вико). Другіе допускали и второе, предполагая, что исторія рода человѣческаго въ цѣломъ раскрывается въ извѣстномъ порядкѣ и по извѣстному плану. Такъ разсматривали исторію: Боссюэтъ[77], поставлявшій ея цѣлію приготовленіе и распространеніе Царства Христова на землѣ; Гердеръ[78], видѣвшій въ образованіи связь, соединяющую всѣхъ людей въ одно цѣлое; Кантъ, Фихте, Шеллингъ, Гегель.

§ 171.

Какой взглядъ изъ этого множества взглядовъ мы почитаемъ справедливымъ, какого образа мыслей мы держимся? Для насъ весь родъ человѣческій имѣетъ одну общую цѣль. Въ стремленіи къ этой цѣли онъ непрерывно двигается впередъ, а не стоитъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, не повторяетъ въ своей жизни вѣчное одно и тоже. Правда, при этомъ шествіи впередъ мы видимъ нѣкоторыя уклоненія отъ прямаго пути; достигнувши до извѣстной степени совершенства, человѣческій родъ представляется потомъ опять упадающимъ. Но это представляется только при поверхностномъ взглядѣ. Напротивъ, если мы будемъ смотрѣть на существо вещи, на внутренній духъ, развивающійся посредствомъ сцѣпленія причинъ и дѣйствій; то мы дѣйствительно увидимъ, что человѣчество идетъ впередъ все далѣе и далѣе; замѣчаемыя уклоненія отъ пути, ведущаго къ цѣли, суть только мнимыя, допускаемыя Божественнымъ Провидѣніемъ, съ тою цѣлію, чтобъ тѣмъ вѣрнѣе достигнуть ея косвеннымъ путемъ. При осуществленіи общей цѣли бытія рода человѣческаго, каждый народъ, каждый вѣкъ имѣетъ свою особенную

[75] *Ferguson*, essay of civil society. Edinb, 1766.

[76] *Charles Comte*, traité de législation, ou exposition des lois générales, suivant lesquelles les peuples prospèrent, dépérissent ou restent stationnaires. 4 Tom. 1821—1828.

[77] *Bossuet*, discours sur l'histoire universelle. 1681.

[78] *Herder*, Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit. 1772.

задачу, какъ бы особенное начало, которое онъ долженъ развить. Нравственная идея должна вполнѣ раскрыться. Одному народу или вѣку предоставляется раскрыть одну ея сторону, другому — другую, третьему — третью. Начало, развитое однимъ народомъ, передается отъ него другому, который на основаніи сего начала развиваетъ свое особенное начало, и, кончивши свою работу, передаетъ ее третьему, и такъ далѣе. Такимъ образомъ каждое нисшее начало сохраняется въ каждомъ высшемъ, но, естественно, столько, сколько это позволяетъ свойство высшаго начала. При такомъ развитіи общее достояніе человѣчества непрерывно умножается и передается отъ одного поколѣнія другому. Само собою разумѣется, что въ одно и тоже время могутъ стоять различные народы на различныхъ ступеняхъ развитія, и въ одно время съ народомъ, стоящимъ на высшей ступени бытія, могутъ существовать народы, стоящіе на нисшихъ ступеняхъ.

§ 172.

Всѣ изложенныя здѣсь мысли объ исторіи, естественно, прилагаются къ исторіи законовъ и законовѣдѣнія. Эта исторія есть посему исторія всеобщая: никакое законодательство, законовѣдѣніе ни одного народа не можетъ быть исключено изъ этой исторіи. Народы развиваютъ одну и ту же идею правды: одинъ народъ — одну ея часть, другой — другую. Такимъ образомъ родъ человѣческій все болѣе и болѣе познаетъ обширность и силу цѣлой идеи, все болѣе и болѣе осуществляетъ ее въ своей жизни.

II. СПОСОБЪ ИЗЛОЖЕНІЯ ИСТОРІИ ЗАКОНОВЪ И ЗАКОНОВѢДѢНІЯ.

§ 173.

Если историческія происшествія развиваются въ порядкѣ, опредѣленномъ высшею необходимостію; то сей ***порядокъ*** болѣе или менѣе ***долженъ быть сознанъ въ самой исторіи***. Въ этомъ отношеніи исторія законовъ и законовѣдѣнія можетъ быть изложена двоякимъ образомъ: 1) она можетъ быть ***чисто-повѣствовательною***; здѣсь разсказываются происшествія изъ области законодательства и законовѣдѣнія, какъ они слѣдовали одни за другими, безъ яснаго указанія на высшіе ихъ законы, на законы, скрывающіеся въ высшемъ порядкѣ вещей, безъ отношенія какъ всѣхъ частностей извѣстнаго

законодательства къ его особенному началу, такъ и всѣхъ законодательствъ къ ихъ всеобщему началу, безъ прямаго и опредѣленнаго означенія какъ внутренней необходимости развитія происшествій, такъ и степени, занимаемой тѣмъ или другимъ законодательствомъ въ общей совокупности законодательствъ. Такое изложеніе будетъ намъ давать только угадывать, что среди повѣствуемыхъ случайностей господствуетъ высшій, необходимый порядокъ. 2) Исторія законовъ можетъ быть исторіею *философскою*. При изложеніи философскомъ на необходимые, высшіе законы, по которымъ совершается образованіе какого нибудь народа и цѣлаго человѣчества, вниманіе обращено прямо и непосредственно; они ясно сознаются и ясно представляются для созерцанія [79].

§ 174.

Такимъ же образомъ въ исторіи долженъ быть сознанъ и порядокъ происшествій, опредѣляемый необходимостію какого бы то ни было рода. Въ этомъ отношеніи мы при нашемъ изложеніи всегда должны помнить, что ни одна сторона жизни народной не существуетъ отдѣльно отъ другой. Всѣ стороны сей жизни: религія, науки, искуства, законы, — находятся въ тѣснѣйшей связи между собою: какъ всѣ онѣ представляютъ собою одно цѣлое — одно общее произведеніе, выраженіе духа народа, такъ каждая изъ нихъ, существуя одна подлѣ другихъ, находится въ разнообразномъ съ ними соприкосновеніи, и подлежа ихъ вліянію, въ свою очередь и сама обнаруживаетъ надъ ними свое могущество. Но если всѣ стороны жизни народной находятся въ связи между собою, то особенно связаны другъ съ другомъ Философія законодательствъ и законодательства положительныя. Философія обнимаетъ мыслію дѣйствительность, истинно существующее, необходимое въ вещахъ, и соединяетъ разнообразное въ одно цѣлое. Тоже самое дѣлаетъ и Философія законодательства по отношенію къ положительному законодательству. Философы, болѣе или менѣе безъ сознанія, болѣе или менѣе съ сознаніемъ, отвлекаютъ всеобщее по ихъ понятіямъ, неизмѣнное отъ законовъ и общественныхъ установленій своего вѣка, своего народа, и разнообразіе, здѣсь представляющееся во множествѣ случайностей, возводятъ къ единству. Въ Философіи законодательства дается

[79] *Schelling*, Vorlesungen über die Methode des akademischen Studium. Stuttgart und Tübingen, 1830. S. 215, 216, 220 - 224. — *Gans*, das Erbrecht in weltgeschichtlicher Entwickelung. Bd. I. Berlin, 1824. S. XXXI, XXXII.

намъ, какъ единое, тоже самое, что въ положительномъ законодательствѣ мы находимъ разсѣяннымъ по множеству случайностей,— эти случайности въ ней отсѣкаются и представляется только чистое существо, въ нихъ выражающееся [80].

III. РАЗДѢЛЕНІЕ ИСТОРІИ ЗАКОНОВЪ И ЗАКОНОВѢДѢНІЯ ПО ВРЕМЕНИ.

§ 175.

Обыкновенно *всеобщая исторія* раздѣляется *на двѣ части:* на *древнюю* и *новую исторію.* Къ этимъ двумъ частямъ можно бы присовокупить исторію *будущаго времени.* Такое раздѣленіе основывается на различіи началъ всякой человѣческой дѣятельности и на различномъ отношеніи сихъ началъ между собою.

Дѣятельность человѣка двигается между двумя началами: между началомъ всеобщаго и началомъ особеннаго. Во 1-хъ, человѣкъ во всѣхъ направленіяхъ своей дѣятельности имѣетъ для себя твердую, всеобщую, необходимую цѣль (само въ себѣ истинное, прекрасное, благое). Но, во 2-хъ, при осуществленіи сей цѣли, человѣкъ долженъ обладать своимъ особеннымъ самосознаніемъ, дѣйствовать изъ самого себя. Это принадлежитъ къ существу духа человѣческаго. Во всемъ, что ни происходитъ съ нимъ, онъ хочетъ и долженъ сохранять сознаніе о себѣ: онъ хочетъ знать о предметахъ не по слуху отъ другихъ, даже не по собственному простому, безотчетному чувству, но по ясному прозрѣнію въ истину на основаніи своихъ высочайшихъ, столь же достовѣрныхъ для него началъ, сколь достовѣрно для него собственное его бытіе; онъ хочетъ собственнымъ разумѣніемъ, произволомъ участвовать въ дѣяніи, и тогда только присвояетъ себѣ свои поступки, когда самъ произвелъ ихъ съ сознаніемъ, самъ желалъ ихъ; онъ хочетъ во всемъ, что онъ ни производитъ, находить для себя удовлетвореніе, видѣть осуществленіе своихъ собственныхъ цѣлей и наслаждаться удовольствіемъ при мысли о своихъ дѣлахъ, — собственнымъ умомъ различать добро и зло, и въ своей совѣсти имѣть для того высшее судилище. Высшій степень совершенства человѣка былъ бы тотъ, когда бы оба начала, какъ всеобщее, такъ и особенное, были въ немъ вполнѣ раскрыты, дѣйствуя совокупно, когда бы его мышленіе истиннаго было самомыш-

[80] Cp. *Hegel*, Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie. I. Bd. Berlin, 1833. S. 68–70.

леніемъ, его чувствованіе прекраснаго самочувствованіемъ, его дѣйствованіе, устремленное къ добру, самодѣйствованіемъ, и наоборотъ, когда бы его самомышленіе было мышленіемъ истиннаго, самочувствованіе чувствованіемъ истинно-прекраснаго, самодѣйствованіе дѣйствованіемъ, обращеннымъ къ истинному добру.

Взаимное отношеніе означенныхъ двухъ началъ въ человѣческой дѣятельности можетъ быть троякое: 1) въ человѣческой дѣятельности можетъ преобладать начало всеобщаго, такъ что произволъ человѣка, его самодѣятельность представляются болѣе или менѣе несуществующими. 2) Въ дѣятельности человѣка можетъ преобладать начало особеннаго, когда всеобщее представляется болѣе или менѣе несуществующимъ для него. 3) Оба начала, т. е. какъ всеобщее, такъ и особенное, могутъ господствовать въ одно и тоже время въ человѣческой дѣятельности, находясь въ равновѣсіи между собою.

Характеръ древней исторіи есть преобладаніе всеобщаго надъ особеннымъ; характеръ новой исторіи есть преобладаніе особеннаго надъ всеобщимъ; наконецъ должно быть еще такое время, гдѣ бы оба эти начала были развиты вмѣстѣ въ совершеннѣйшей степени, при существованіи совершеннѣйшаго между ними равновѣсія.

Всѣ изложенныя здѣсь мысли о раздѣленіи исторіи относятся также къ исторіи законовъ и законовѣдѣнія. Древняя исторія законовъ и законовѣдѣнія представляетъ намъ преобладаніе всеобщаго надъ особеннымъ, новая исторія — преобладаніе особеннаго надъ всеобщимъ.

Примѣчаніе. Обыкновенно характеръ древней и новой исторіи иначе опредѣляется слѣдующимъ образомъ: характеръ древней исторіи есть преобладаніе природы надъ духомъ, или что тоже, необходимости надъ свободою, или наконецъ, что значитъ опять тоже самое, объективнаго надъ субъективнымъ; напротивъ характеръ новой исторіи есть преобладаніе духа надъ природою, свободы надъ необходимостію, субъективнаго надъ объективнымъ. Это опредѣленіе совершенно справедливо. Доколѣ начало всеобщаго не сознано человѣкомъ, дотолѣ оно дѣйствуетъ въ немъ почти также, какъ и законъ природы въ существѣ физическомъ представляется человѣку какъ нѣчто внѣшнее, даже именно какъ законъ и сила природы.

§ 176.

Исторія съ тѣмъ характеромъ, который мы приписываемъ древней исторіи, т. е. исторія, въ которой преобладаетъ всеобщее надъ

особеннымъ, необходимо должна была развиться прежде, чѣмъ исторія съ характеромъ, принадлежащимъ новой исторіи, т. е. исторія, гдѣ преобладаетъ особенное надъ всеобщимъ. Эта необходимость основывается на свойствѣ духа человѣческаго. Въ началѣ своего бытія духъ человѣческій не дѣйствуетъ изъ себя, не обладаетъ собою. Для этого онъ долженъ еще только возобладать самъ собою: онъ только признаетъ то своимъ, что онъ произвелъ самъ изъ себя. Такимъ образомъ самое первое состояніе рода человѣческаго въ исторіи есть то, въ которомъ всеобщее преобладаетъ надъ особеннымъ, и самая первая исторія есть исторія съ тѣмъ характеромъ, который мы усвоили древней исторіи.

Обыкновенно *древняя исторія* раздѣляется на *три періода:* 1) періодъ *Восточныхъ народовъ,* 2) періодъ *Греческій,* 3) періодъ *Римскій*. Въ древней исторіи представляются намъ три особенные міра: міръ Восточный, міръ Греческій, міръ Римскій.

Это раздѣленіе основывается на различной степени преобладанія всеобщаго надъ особеннымъ у древнихъ народовъ.

Въ семъ отношеніи представляются намъ три ступени.

Первая ступень: духъ человѣческій подавленъ природою; предъ всеобщимъ особенное лице не имѣетъ правъ и значенія, — существуетъ какъ бы одно всеобщее. Это есть характеръ Восточнаго міра.

Вторая ступень: духъ начинаетъ уже дѣлать различіе между собою и своимъ всеобщимъ основаніемъ, въ которое онъ весь былъ погруженъ въ странахъ восточныхъ, начинаетъ сознавать себя предъ нимъ и въ немъ, тѣмъ не менѣе отъ самой природы находясь въ глубокомъ мирѣ, въ чистѣйшей гармоніи съ нимъ. Это есть характеръ міра Греческаго.

Наконецъ третья ступень: оба начала, находившіяся доселѣ въ естественномъ согласіи, оставляютъ это мирное состояніе, вступаютъ въ борьбу между собою, и начало особеннаго является самостоятельнымъ, торжествующимъ надъ всеобщимъ. Это есть характеръ Римскаго міра.

§ 177.

Духу человѣческому надлежало употребить тысячелѣтія, чтобъ изъ внѣшняго міра собраться въ себя и достигнуть до первыхъ начатковъ сознанія своего существа. Полное раскрытіе этого сознанія могло быть также дѣломъ только продолжительнаго времени. Народы

новой исторіи доселѣ трудились неутомимо надъ исполненіемъ своей задачи. Но, кажется, ихъ труды еще не кончились; по крайней мѣрѣ мы не можемъ сказать съ совершенною опредѣленностію, какое направленіе приметъ исторія, можетъ быть, черезъ нѣсколько лѣтъ, или десятковъ лѣтъ.

Два семейства народовъ представляются особенно дѣйствующими въ новой исторіи: *народы Германскіе* и *народы Славянскіе*.

Субъективный характеръ *Германскихъ* народовъ ясно обозначился въ ихъ исторіи, въ которой весьма рѣзко отличаются слѣдующіе *отдѣлы времени:*

1. Человѣкъ является съ вольностію естественною, совершенно для себя неуяснившеюся, совершенно необузданною, съ вольностію, какая свойственна дикимъ животнымъ: время такъ называемыхъ *среднихъ вѣковъ*.

2. При внѣшнихъ ограниченіяхъ дѣятельности человѣка съ различныхъ сторонъ, развивается внутренняя свобода мышленія, сначала въ дѣлахъ вѣры, а потомъ во всѣхъ вообще, и субъективное направленіе сознаетъ себя въ различныхъ философскихъ системахъ: время *съ половины 15-го до конца 18-го вѣка*.

3. Начала субъективности, такимъ образомъ раскрывшіяся, люди стараются приложить къ самой жизни и по нимъ образовать дѣйствительный міръ: *время, начатое въ концѣ 18-го столѣтія Французскою революціею*.

Нельзя съ такою же ясностію опредѣлить характеръ и эпохи исторіи *Славянскихъ* народовъ. Они выступили позже на поприще исторіи, и начали позже образоваться, чѣмъ Германскіе народы. Можетъ быть, ихъ назначеніе простирается за предѣлы новой исторіи [81].

IV. ПОРЯДОКЪ ИЗЛОЖЕНІЯ ИСТОРІИ ЗАКОНОВЪ И ЗАКОНОВѢДѢНІЯ.

§ 178.

Какъ законы и науки законовѣдѣнія въ различномъ отношеніи дѣлятся различно, то при изложеніи ихъ исторіи можно взять за основаніе то или другое изъ сихъ раздѣленій, и этому раздѣленію, какъ главному, подчинить всѣ другія. Мы для нашего изложенія за главное раздѣленіе принимаемъ раздѣленіе законовъ на законы есте-

[81] См. выше § 175.

ственные и законы положительные и раздѣленіе всего законовѣдѣнія на философію законодательства и законовѣдѣніе положительное. По нашему мнѣнію это необходимо сдѣлать для того, чтобъ оба источника нашихъ познаній о законахъ съ точностію отдѣлить другъ отъ друга, дабы потомъ каждый изъ нихъ можно было слѣдить во всей его чистотѣ.

Мы излагаемъ сначала исторію философіи законодательства, потомъ исторію законодательства и законовѣдѣнія положительнаго. Мы думаемъ, что когда философіею будутъ уяснены различныя задачи законодательства и различные способы ихъ рѣшенія, то самое положительное законодательство, бывъ сознано такимъ образомъ, представится намъ въ яснѣйшемъ видѣ.

При изложеніи исторіи того и другаго предмета мы слѣдуемъ сколько естественному порядку времени, столько же и внутреннему послѣдовательному порядку, въ какомъ различныя начала, какъ въ философіи законодательства, такъ и въ законодательствахъ положительныхъ, раскрывались одно за другимъ.

V. ЛИТЕРАТУРА ИСТОРІИ ЗАКОНОВЪ И ЗАКОНОВѢДѢНІЯ.

§ 179.

Къ числу сочиненій, обнимающихъ всю исторію законовъ, можетъ быть отнесено только сочиненіе: *Welcker* die letzten Gründe von Recht, Staat und Strafe, philosophisch und rechthistorisch entwickelt. Giessen. 1813. Сочиненія, относящіяся къ различнымъ частямъ исторіи законовъ и законовѣдѣнія, будутъ указаны въ своемъ мѣстѣ.

ИСТОРІЯ

ФИЛОСОФІИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.

ВВЕДЕНІЕ.

§ 180.

Философія достигаетъ до сознанія вѣчныхъ началъ законодательства только мало по малу. Исторія философіи изображаетъ намъ порядокъ развитія сего сознанія. Философскія системы, какъ вообще, такъ и въ особенности по отношенію къ предметамъ законодательства, 1) слѣдуютъ одна за другою въ необходимомъ порядкѣ; 2) каждая изъ нихъ имѣетъ истинную сторону; 3) это истинное сохраняется неизмѣнно въ теченіи вѣковъ, и при томъ каждая послѣдующая философская система заключаетъ въ себѣ истину — основныя начала всѣхъ предшествовавшихъ.

§ 181.

Сообразно раздѣленію всей вообще исторіи на древнюю и новую, исторія философіи, и въ особенности исторія философіи законодательства раздѣляется также на древнюю и новую. Характеромъ первой, такъ же какъ и всей древней исторіи, есть объективность; характеромъ второй, такъ же какъ и всей новой исторіи, есть субъективность.

§ 182.

Кромѣ сочиненій, относящихся къ исторіи философіи вообще [1],

[1] Сочиненія, относящіяся къ исторіи философіи вообще поименованы у *Теннеманна* не только въ его большомъ твореніи: Geschichte der Philosophie. Leipzig, 1789—1819 11 Bde. in 8; но и въ его Grundriss der Geschichte der Philosophie für den akademischen Unterricht. 1. Ausg. 1812; 5. vermehrte und verbesserte Auflage oder 3. Bearbeitung von *Amadeus Wendt*. Leipzig, 1829. §§ 37 и 38

для исторіи философіи законодательства замѣчательны въ особенности слѣдующія.

Jac. Fr. Ludovici, delineatio historiæ juris divini naturalis et positivi universalis. Halle, 1701; Ed. II, 1714. in-8.

Jo. Franc. Buddei, historia juris naturalis въ его selectis jur. nat. et g. Hal., 1717. in-8.

(Chr. Thomasii), Paulo plenior historia juris naturalis. Halle, 1719. in-4.

Предисловіе Барбейрака къ сдѣланному имъ на Французскій языкъ переводу Пуффендорфова Jus naturæ (Bas., 1732. in-4.) содержитъ въ себѣ также Исторію Нравоученія и Права естественнаго.

Ad. Fr. Glafey's vollständige Geschichte des Rechts der Vernunft. Verbesserte Auflage. Leipzig, 1739. in-4.

Joh. Jak. Schmauss, Historie des Rechts der Natur; im ersten Buche seines neuen Systems des Rechts der Natur. Götting., 1753. in-8.

Essai sur l'histoire du droit naturel. Londres, 1757. in-8. (par Hubner de Copenhague).

G. Christ. Gebauer, nova juris naturalis historia quam auxit et edidit Ericus Christ. Clevesahl. Wetzlar, 1774. in-8.

Ge. Henrici, Ideen zu einer wissenschaftlichen Begründung der Rechtslehre. Hannover, 1809—10. 2 Th. in-8. (im 1. Theile die Geschichte.)

Welcker, die letzten Gründe von Recht, Staat und Strafe, philosophisch und rechthistorisch entwickelt. Giessen, 1813. in-8. 430 folgg.

Caroli Dan. Henrici Rau, primæ lineæ historiæ politices s. civilis doctrinæ. Erlangæ, 1816. in-8.

Raumer, über die geschichtliche Entwickelung der Begriffe von Recht, Staat und Politik. 1. Aufl. Leipzig, 1826; 2. Aufl. daselbst, 1832. in-8.

Stahl, die Philosophie des Rechts. 1r Bd. Heidelberg, 1830.

Lerminier, introduction générale à l'histoire du droit. Bruxelles, 1830, и philosophie du droit. Bruxelles, 1832, во многихъ мѣстахъ. 3. édit. Paris, 1853.

Weitzel, Geschichte der Staats-Wissenschaft. Stuttgart und Tübingen, 1832.

Rosbach, die Perioden der Rechtsphilosophie. 1842.

Heinrichs, Geschichte der Rechts- und Staatsprincipien seit der Reformation. 3 Bde. 1848—52.

J. H. Fichte, die philosophischen Lehren von Recht, Staat und Sitte. Bd. I. 1850.

Pouhaer, Essai sur l'histoire générale du droit. 3 vol. Gand, 1850.

H. Ahrens, Cours de droit naturel ou de philosophie du droit. 4. édit. Bruxelles, 1853. in-8

ДРЕВНЯЯ ИСТОРІЯ

ФИЛОСОФІИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.

§ 183.

Древній міръ, какъ мы сказали прежде [2], составляютъ: *міръ Восточный*, *міръ Греческій*, *міръ Римскій*.

У Восточныхъ народовъ вообще мы не находимъ философіи въ собственномъ смыслѣ. Она въ истинномъ ея смыслѣ обнаруживается стремленіемъ человѣка познать совокупность бытія въ связи и цѣлости изъ началъ ума. Философское размышленіе начинается сомнѣніемъ въ томъ, что доселѣ признавалъ человѣкъ своимъ сердцемъ и предполагаетъ въ человѣкѣ способность, отдѣляясь отъ предмета, собираться въ себя самого, способность въ непрерывной цѣпи умозаключеній слѣдить одну и ту же мысль, образовать и удерживать ясныя, точныя, твердыя понятія о вещахъ, словомъ, мыслить отвлеченно. Но сихъ-то качествъ недостаетъ большею частію жителямъ востока. Надъ человѣкомъ властвуютъ здѣсь боготворимыя имъ силы природы и уничтожаютъ въ немъ самомышленіе. Пораженный величественными предметами міра, въ страхѣ предъ ними, въ изумленномъ созерцаніи неизмѣримой вселенной, духъ теряетъ сознаніе своего достоинства, своего могущества. Какъ онъ существуетъ внѣ себя, подъ властію природы, то въ немъ и раскрываются преимущественно силы, обращенныя къ природѣ, чувственность, фантазія. Чувства непрестанно разсѣеваютъ жителя странъ восточныхъ по

[2] См. выше § 176

встрѣчающимся предметамъ; фантазія, вмѣсто опредѣленныхъ понятій, предноситъ ему образы, перепутываетъ его мысли, вымышляетъ басни. Понятно, что тамъ, гдѣ вообще не представляется нужныхъ условій для философіи, мы не найдемъ и умозрѣній о законахъ. Сознаніе высшей необходимости нравственнаго порядка вещей существуетъ на востокѣ въ видѣ чувства религіознаго. Если не смотря на все, нами сказанное, кто нибудь захотѣлъ бы искать у восточныхъ народовъ философіи, и особенно философіи законодательства, то относительно этого покушенія мы замѣтимъ только, что 1) во всякомъ случаѣ философія восточныхъ народовъ не можетъ быть отдѣлена отъ ихъ религіи; 2) судя по всѣмъ извѣстіямъ о восточной философіи, она своихъ умозрѣній не распространила въ частности на предметы законодательства.

Римляне хотя представляютъ намъ нѣкоторую философію, но не оригинальную. При особенномъ преобладаніи у нихъ разсудка, имъ чужда была сила умственнаго созерцанія, по крайней мѣрѣ въ той степени, въ какой требуетъ ее философское размышленіе. Борьба противоположныхъ началъ, которая раздирала всю ихъ жизнь, ихъ заботы, устремленныя преимущественно къ дѣламъ гражданскимъ, къ государству, ко всемірному владычеству, поглощали большею частію ихъ дѣятельность. Для занятій, относящихся къ идеальному міру, они послѣ сего уже не имѣли ни особенной склонности, ни способности или досуга.

Напротивъ характеръ ***Грековъ*** дѣлалъ ихъ особенно способными къ философіи. Фантазія влекла ихъ непрерывно въ міръ идеальный; свѣтлый разсудокъ управлялъ симъ полетомъ.

Такимъ образомъ для исторіи философіи законодательства изъ народовъ древняго міра остаются особенно важными одни только Греки. Получивъ свое первое образованіе отъ странъ восточныхъ, они дали ему новый видъ какъ во всѣхъ наукахъ и искуствахъ, такъ особенно въ философіи. Любовь къ умозрѣніямъ, однажды въ нихъ пробудившаяся, не только была ими постоянно сохраняема, но и сообщена отъ нихъ впослѣдствіи другимъ народамъ того времени: народамъ Восточнымъ и Римлянамъ. Итакъ на Греческую философію по всей справедливости можно смотрѣть какъ на средоточіе философскихъ изслѣдованій въ древности.

§ 184.

Характеръ древней философіи, по нашему объ ней понятію, есть объективность. Философы древности, слѣдя истину совершенно свободно, хотѣли и надѣялись познать ее непосредственно; они не сознавали ясно тѣхъ началъ, которыми они руководствовались въ познаніи истины; противоположность между мышленіемъ и бытіемъ не была обнимаема ихъ духомъ во всей ея глубинѣ. Міръ предметный былъ такимъ образомъ для нихъ главное. Посему и въ области законодательства государство, вообще говоря, стояло для нихъ выше отдѣльныхъ лицъ.

§ 185.

Древняя философія, разсматриваемая въ предѣлахъ, нами для ней назначенныхъ [3], представляетъ *три періода*.

I. Природа въ ея разнообразныхъ частяхъ и въ ея величественномъ цѣломъ есть первое, что поражаетъ умъ, начинающій размышлять; потому и самая первая философія есть философія природы: періодъ отъ Θалеса до Сократа.

II. Сократъ указываетъ людямъ на ихъ собственный, нравственный міръ, какъ на важнѣйшій источникъ и предметъ познанія, и полагаетъ основаніе философіи нравовъ: періодъ философіи Сократической.

III. Когда среди сихъ изслѣдованій умъ углубился въ себя самаго, то въ соединеніи съ восточными преданіями онъ образуетъ въ своей внутренности новый, умственный міръ: періодъ философіи Греческой между восточными народами. При переходѣ въ него оказывается также участіе Римлянъ въ этой философіи.

§ 186.

Для философіи законодательства не всѣ періоды имѣютъ одинакую *важность и значеніе*. Цвѣтущія времена ея относятся къ самой срединѣ, ко временамъ Платона и Аристотеля. Переходъ къ послѣднему періоду дѣлаетъ замѣчательнымъ особенно Цицеронъ.

§ 187.

Древняя исторія философіи законодательства, кромѣ сочиненій,

[3] См. выше § 183.

имѣющихъ своимъ предметомъ всю исторію философіи законодательства и означенныхъ выше [4], изложена особенно въ слѣдующихъ:

A. Veder, Historia philosophiæ juris apud veteres. Lugduni Batavorum, 1832. 8.

Сочинителя этой Энциклопедіи разсужденіе о философіи законодательства у древнихъ. СПБ. 1835. 4.

ПЕРІОДЪ I.

ОТЪ ѲАЛЕСА ДО СОКРАТА.

§ 188.

Изслѣдованія о законахъ составляли у Грековъ предметъ *Политики*. Какъ названіе особенной науки, это имя означало науку о государствѣ, науку о томъ, какъ его устроять и какъ имъ управлять.

Государство у Грековъ составляло не болѣе, какъ городъ съ его округомъ, и однимъ и тѣмъ же словомъ: *πόλις* означались у нихъ и государство и городъ. Такія-то небольшія государства обыкновенно имѣютъ у себя въ мысляхъ Греческіе писатели, когда разсуждаютъ о предметахъ политики.

По тѣсной связи, въ какой у Грековъ находились жизнь общественная и частная, Политика содержала въ себѣ также правила для сей послѣдней. Относительно формы различались въ политикѣ двѣ части: одна, подъ именемъ *πολιτεία*, опредѣляла въ государствѣ образъ правленія и вообще устройство всѣхъ властей, куда естественно относились такъ же изысканія о цѣли, сущности, происхожденіи и сохраненіи государства; другая, подъ именемъ *νόμοι*, излагала законы, или лучше, правила и начала, которыми должны руководствоваться государственныя власти при отправленіи своихъ должностей, каждая въ своемъ кругѣ, и здѣсь-то̀ встрѣчались сами собою и законы для частной жизни. Нельзя опредѣлить съ точностію, когда и какъ составилось такое понятіе о Политикѣ. Во времена Софистовъ [5], у Платона [6], Аристотеля [7] мы находимъ его какъ общеизвѣстное.

[4] См. выше § 182.
[5] *Plato,* Protag. p. 318 и 319.
[6] *Plato,* de leg. V, p. 735; VI, p. 751.
[7] *Aristot.,* Polit. II, 5. § 2; 9. § 1; IV, 1. §§ 5 и 6.

§ 189.

Соображенія о предметахъ политики, безъ сомнѣнія, начали занимать весьма рано умы Греческіе; особенно же изысканія этого рода должны были распространиться тогда, когда борьба партій въ Греческихъ государствахъ усилилась и перевороты въ образѣ правленія сдѣлались часты. Уже у древнихъ поэтовъ, а особенно гномическихъ, мы находимъ нѣкоторыя мысли и разсужденія о предметахъ политики. Извѣстны также политическія изреченія семи мудрецовъ Греціи. Но это были только мнѣнія отрывочныя. Отдѣльныя, извѣстныя, намъ, политическія сочиненія едва восходятъ далѣе 6-го вѣка до Р. Х. Естественно, что они въ началѣ не были произведеніемъ философскаго размышленія. Даже на тѣ изъ нихъ, которыя приписываются нѣкоторымъ философамъ періода времени отъ Θалеса до Сократа, надобно преимущественно смотрѣть какъ на плодъ практической мудрости, которою это время было особенно богато. Уже въ самыхъ первыхъ изъ нихъ различные предметы политики могли быть осмотрѣны съ различныхъ сторонъ; очень рано также Греки начали думать о наилучшемъ устроеніи своего общественнаго быта и для того составлять своимъ умомъ предначертанія совершеннѣйшихъ, образцовыхъ государствъ [8]: впрочемъ о содержаніи и достоинствѣ политическихъ сочиненій Грековъ до Сократа вообще нельзя сдѣлать надлежащаго сужденія потому, что мы знаемъ объ нихъ или только изъ отрывковъ, или изъ указаній на нихъ другими писателями [9].

§ 190.

Тогда, какъ Греки начали заниматься философіею, изслѣдованія философскія о предметахъ законодательства не были для нихъ особенною *потребностію*. Сознанія вѣчныхъ законовъ правды дѣйствовало въ нихъ съ полною живостію природнаго чувства.

§ 191.

По самому *свойству изысканій*, какимъ предалась философія въ

[8] Аристотель (Polit. II, 4, 5.) упоминаетъ о предначертаніяхъ, сдѣланныхъ въ этомъ родѣ Ипподамомъ Милетскимъ, современникомъ Θемистокла, и Фалеемъ Халкидонскимъ.

[9] Политическіе писатели Греціи поименованы по алфавитному порядку въ *Wachsmuth*, Hellenische Alterthumskunde, 2. Th., 1. Abth. Halle, 1829. S. 438 und folgg. (Beil. 4.)

первомъ своемъ періодѣ, предметы законодательства лежали внѣ ея округа. Задачею для нея было понять происхожденіе міра. Прежде всего Іонійскіе философы [10] хотѣли найти вещество, изъ котораго образовалась вселенная. Пиѳагоръ [11] обратилъ особенное вниманіе на форму вещей, и, сдѣлавши числа началами ихъ, производилъ все разнообразіе изъ того, по какой системѣ числъ тамъ или здѣсь вещество расположено. Элеатики [12], Гераклитъ [13] и Атомисты [14] искали, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ, причину, которая заставляетъ матерію принимать опредѣленную форму. Анаксагоръ [15] ввелъ въ физическія изслѣдованія понятіе цѣли, и когда такимъ образомъ открылось, что матерія сама по себѣ неустроена и безсильна, то онъ выразилъ ту высокую мысль, что въ мірѣ, какъ благоустроенномъ цѣломъ, владычествуетъ высшій умъ, который устрояетъ матерію по своимъ цѣлямъ. Такъ была наконецъ указана истинная причина бытія міра. Но вмѣстѣ съ симъ философія, переставши быть только философіею природы, переступила, при посредствѣ Софистовъ [16], на другую ступень въ лицѣ Сократа.

Ясно, что при подобномъ направленіи духа нравственный порядокъ вещей не могъ занять значительнаго мѣста въ умозрѣніяхъ. Онъ основывается на свободной волѣ; а эта сила въ вещественной природѣ не извѣстна. Такимъ образомъ въ періодѣ времени отъ Ѳалеса до Сократа мы встрѣчаемъ у философовъ только нѣкоторыя, несвязныя мысли о предметахъ законодательства.

Какъ мыслители разсматриваемаго нами періода, за исключеніемъ Пиѳагорейцевъ, вообще сначала не имѣли особенныхъ школъ, то и своего ученія о предметахъ законодательства они не преподавали учебнымъ образомъ, а излагали его или изустно по разнымъ случаямъ въ частной бесѣдѣ, или въ сочиненіяхъ. Софисты преподавали политику своимъ слушателямъ вмѣстѣ съ искуствомъ краснорѣчія, и притомъ за опредѣленную плату.

§ 192.

Въ изслѣдованіяхъ о законодательствѣ важное мѣсто принадле-

[10] Ѳалесъ, первый Іонійскій философъ, ум. около 550 г. до Р. Х.
[11] Пиѳагоръ ум. около 500 г. до Р. Х.
[12] Ксенофанъ, первый изъ Элеатиковъ, славился около 525 г. до Р Х.
[13] Гераклитъ славился около 500 г. до Р. Х.
[14] Левкиппъ, первый изъ Атомистовъ, славился около 500 г. до Р. Х.
[15] Анаксагоръ род. около 500 г. до Р. Х. другъ Перикла.
[16] Софисты появляются передъ началомъ Пелопонесской войны.

житъ вопросу *о цѣли бытія человѣка на землѣ.* Въ семъ отношеніи у Философовъ разсматриваемаго нами періода находимъ понятія еще довольно темныя. Такъ, изъ Іонійцевъ, Анаксимандръ, восходя къ началу, отъ котораго произошли вещи въ ихъ отдѣльности и разнообразіи, полагалъ, что нѣкогда всѣ онѣ совокупно существовали въ безконечномъ, но потомъ какимъ-то своеволіемъ и неправдою отторглись отъ него, за что въ раздробленномъ ихъ бытіи онѣ терпятъ соразмѣрное наказаніе и не иначе возвращаются къ жизни всецѣлой и первобытной, какъ изгладивъ вину свою [17]. По ученію Пиѳагорейцевъ душа находится въ тѣлѣ, какъ во гробѣ, въ наказаніе за ея преступленія [18]. Изъ Элеатиковъ Парменидъ, называя самое рожденіе человѣка происшествіемъ печальнымъ, говорилъ: «Богъ посылаетъ души то изъ свѣта во мракъ» провождать земную жизнь, «то опять обращаетъ ихъ изъ мрака ко свѣту» [19]. Такимъ же образомъ по словамъ Гераклита, рожденіе есть уже для человѣка несчастіе, потому что оно есть только рожденіе для смерти [20]. Наконецъ Анаксагоръ, въ удаленіи отъ жизни публичной, хотѣлъ исключительно заниматься науками и созерцаніемъ чуднаго порядка природы, почитая такое занятіе истинною и единственною цѣлію жизни [21].

Пиѳагорейцы начали изслѣдывать, что есть *правда*. Правда, по ихъ опредѣленію, есть число равнократно равное (ἀριθμὸς ἰσάκις ἴσος) или воздаяніе равнаго за равное (ἀντιπεπονθός). Обыкновенно, по примѣру Аристотеля [22], берутъ слова сіи въ томъ смыслѣ, по которому причинившій зло другимъ, самъ подвергается отъ людей тому же злу: напр. убившій человѣка, и самъ безъ всякихъ уваженій убивается; выткнувшій глазъ у другаго, и самъ лишается глаза. Но они въ связи съ представленіями Пиѳагора о безсмертіи души и Правосудіи Божественномъ могутъ имѣть еще то глубокое значеніе, что Правда Божія, поставляя каждаго человѣка въ отношенія, гдѣ ему въ свою очередь по необходимости воздается и добро и зло, имъ содѣянное, каждаго такимъ образомъ награждаетъ и наказываетъ по дѣламъ его, если не въ сей жизни, то въ будущей [23].

[17] Simpl. Phys. fol. 6 a.
[18] Philol. ap. Clem. Alex. Strom. III. pag. 433.
[19] Simpl. Phys. fol. 9. a.
[20] Clem. Alex. Strom. III, p. 432, 434.
[21] Diog. Laërt. II, 10; Clem. Alex. Strom. II, p. 416.
[22] Arist. Eth. Nic. V, 5; Eudem. IV, 3; Magn. I, 2; 33.
[23] Cf. Plato de rep. X, p. 615, 616; Tim. p. 90, 91.

О существѣ законовъ есть мысли у Гераклита. Онъ въ духѣ древней Греческой религіи утверждалъ, что всѣ человѣческіе законы истекаютъ отъ Божества, которое одно державствуетъ, всѣхъ довольствуетъ и все препобѣждаетъ [24]. По этому, такъ какъ все, что ни происходитъ, происходитъ по наилучшему Божественному закону, и не можетъ происходить иначе, для Гераклита ничто не было столько ненавистно, какъ высокомѣрная непокорность законамъ, между тѣмъ какъ, по его ученію, быть довольну существующимъ порядкомъ дѣлъ, для человѣка есть высочайшее благо, высочайшая мудрость и добродѣтель [25].

§ 193.

Въ предложенныхъ мысляхъ заключается почти все богатство изслѣдованій философіи природы о предметахъ законодательства. Со временемъ она приняла даже направленіе вполнѣ разрушительное для общества.

Уже Ксенофанъ, основатель школы Элеатской, отзывался съ неуваженіемъ о богахъ отечественной религіи, — религіи, съ которою у Грековъ весьма тѣсно была связана вся жизнь общественная.

Въ ученіи *Атомистовъ*, именно *Демокрита*, мы видимъ съ одной стороны безбожіе, а съ другой — явный эгоизмъ. Почитая верховнымъ добромъ человѣка спокойствіе духа (εὐθυμία, εὐεστώ) невозмущаемое никакимъ сердечнымъ движеніемъ [26], Демокритъ не оставилъ безъ порицанія ни одного изъ тѣхъ установленій, которыми занимается мудрость законодательная: ни брака, потому что удовольствія брачной любви сопровождаются сильнымъ потрясеніемъ души и тѣла; ни союза дѣтей и родителей, потому что воспитаніе дѣтей влечетъ за собою множество непріятностей; ни союза государственнаго, потому что для мудраго весь міръ есть отечество и занятіе дѣлами государственными нарушаетъ душевное спокойствіе. Вообще законы, по мнѣнію Демокрита, никому не запретили бы жить по своей волѣ, еслибъ люди не были склонны обижать другъ друга. Повиноваться законамъ, не дѣлать несправедливости, человѣкъ, по мнѣнію Демокрита, долженъ только для того, чтобъ не быть

[24] Stob. Serm. III, 84.

[25] Diog. L. IX, 2; Clem. Alex. Strom. II, p. 417; Stob. Serm. 83 et 84.

[26] Diog. Laërt. IX, § 45; Stob. Ecl. II, p. 74—76; Clem. Alex. Strom. p. 417. a.

въ страхѣ, опасаясь наказанія за неисполненіе ихъ, и въ случаѣ наказанія не имѣть прискорбныхъ воспоминаній [27].

Послѣ Демокрита оставался одинъ только шагъ до дерзкихъ мыслей и правилъ Софистовъ.

§ 194.

Ученіе Софистовъ находится въ связи съ ученіемъ Анаксагора. Для объясненія бытія міра, онъ предположилъ бытіе ума, дѣйствующаго по намѣренію; но онъ не означилъ съ точностію сущности и образа дѣйствія этого ума. По мнѣнію Софистовъ, этотъ умъ есть самъ человѣкъ, или, самъ человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей; предметы не сами въ себѣ хороши или худы, красивы или безобразны, истинны или ложны, а отъ того, что человѣкъ находитъ ихъ такими.

Главнымъ занятіемъ Софистовъ было обученіе искуству краснорѣчія. Но у Грековъ краснорѣчіе было почти только средствомъ дѣйствовать съ успѣхомъ въ собраніяхъ при разсужденіи о дѣлахъ какъ общественныхъ, такъ и частныхъ: по этому Софисты вмѣстѣ съ краснорѣчіемъ учили также Политикѣ — искуству управлять дѣлами домашними и государственными [28]. При разсмотрѣніи основаній человѣческаго общества Софисты не находили ничего важнѣе личныхъ цѣлей человѣка: каждый человѣкъ есть самъ для себя мѣра всего. Такимъ образомъ, наука, которую преподавали Софисты, была собственно искуство во всемъ достигать своихъ частныхъ видовъ. Но чтобъ умѣть все направлять къ своей частной выгодѣ, какъ въ домашнихъ, такъ и общественныхъ дѣлахъ, для сего надобно знать вещи съ разныхъ сторонъ, дабы говорить и дѣйствовать какъ въ пользу, такъ и противъ извѣстнаго предмета, какъ пользоваться имъ для себя, такъ и употреблять его ко вреду другихъ. Итакъ Софисты учили разсматривать вещи съ разныхъ сторонъ. При сличеніи разныхъ отношеній другъ съ другомъ, естественно, открывались между ними противорѣчія. Почему Софисты учили все доказывать и все опровергать, запутывать другихъ въ ихъ собственныхъ понятіяхъ и торжествовать въ хитросплетеніяхъ.

Въ ближайшемъ приложеніи сихъ понятій къ законамъ, къ государству, Софисты держались тѣхъ же правилъ. Они допускали бытіе естественной справедливости (δίκαιον φύσει); но естественная

[27] Stob. Serm. IV, 77, 78, 82: X, 37; XVII, 29; XX, 56; XXXVIII, 47; XL, 7; LXXVI, 13, 15, 16; CCCXXXIX. Clem. Alex. Strom. II, p. 421.

[28] Plato Protagor. p. 316—318.

справедливость, по ихъ словамъ, состоитъ не въ томъ, что обыкновенно люди разумѣютъ подъ именемъ справедливаго, а въ томъ, чтобъ лучшій, т. е. сильнѣйшій, имѣлъ во всемъ преимущество предъ слабѣйшимъ, однимъ словомъ, въ правѣ сильнаго. «По этому закону поступаютъ между собою всѣ животныя, всѣ государства и народы; такъ и всегда бываетъ на самомъ дѣлѣ [29]». Этому своему естественному праву Софисты противополагали справедливое въ обыкновенномъ смыслѣ, по общимъ понятіямъ людей, и основаніемъ послѣдняго почитали только человѣческія постановленія — законъ положительный (δίκαιον νόμῳ). Но почему же люди обыкновенно называютъ справедливымъ нѣчто совсѣмъ отличное отъ права естественнаго? для чего вводятъ они у себя законы съ нимъ несогласные? Отвѣта на сей вопросъ Софисты искали въ слабости человѣческой. «Дѣлать несправедливость,» говорили они, «это — прекрасное дѣло, подвергаться несправедливости — дурное. Но послѣднее болѣе заключаетъ въ себѣ зла, нежели сколько первое — добра. Итакъ, когда люди довольно причинили другъ другу несправедливостей и сами взаимно потерпѣли ихъ, то по испытаніи того и другаго, тѣ изъ нихъ, которые не могли всегда избѣгать одного и только имѣть другое, согласились лучше между собою не дѣлать другъ другу несправедливости, дабы и съ своей стороны не подвергаться ей, и стали для того начертывать законы, заключать договоры, и предписываемое закономъ называть законнымъ и справедливымъ [30].» Впрочемъ и сіи договоры, условія, по мнѣнію Софистовъ, не связываютъ сильнаго; если онъ имѣетъ довольно силы попрать законы, то — его воля. И вообще въ государствѣ, по ученію Софистовъ, владычество силы вполнѣ остается; обыкновенно такъ называемое справедливое или законное есть только полезное для сильнѣйшихъ, потому что въ государствѣ всегда господствуютъ и издаютъ законы принаровительно къ собственнымъ выгодамъ люди сильнѣйшіе [31].

Ясно, что по ученію Софистовъ нѣтъ государства. Государство въ томъ видѣ, какъ они представляютъ его себѣ, есть только приведенное въ систему насиліе, самое неправедное господство сильнѣйшихъ надъ слабѣйшими; между гражданами нѣтъ ничего общаго; существуютъ только притѣснители и притѣсненные; каждая сторона и въ ней каждое лице заботится только о своихъ выгодахъ, только

[29] Plato Gorg. p. 483, 484.
[30] Plato de rep. II, p. 358, 359.
[31] Ibid. I, p. 338—344.

дотолѣ властвуя или раболѣпствуя, доколѣ одни обладаютъ нужною для того физическою силою, а другіе пребываютъ безсильны.

ПЕРІОДЪ II.

СОКРАТЪ И ЕГО ШКОЛА.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

СОКРАТЪ И ОБОЗРѢНІЕ ШКОЛЪ, ОТЪ НЕГО ПРОИСШЕДШИХЪ.

§ 195.

Противъ Софистовъ возсталъ *Сократъ* [32].

Разумное начало Анаксагора у Софистовъ есть не болѣе какъ частный разумъ каждаго человѣка, взятаго въ отдѣльности; для Сократа оно имѣетъ значеніе Ума дѣйствительно всеобщаго. Сей-то всеобщій Умъ причиною того, что истинное, или прекрасное, или доброе, есть истинно, прекрасно, добро само въ себѣ, и не зависитъ отъ особенныхъ представленій того или другаго лица. Сознавая вполнѣ, что одно только разумное имѣетъ цѣну, а неразумное само по себѣ никакой [33], Сократъ предчувствовалъ повсюду во внѣшней природѣ и въ человѣкѣ нѐвидимое присутствіе Ума, дѣйствующаго по мудрымъ намѣреніямъ [34]. Чтобъ опредѣлить по возможности свойства сего Ума, онъ указывалъ на явленія міра и въ особенности на установленія человѣческаго общества. Какъ вредныя правила Софистовъ были особенно обращены противъ законовъ и нравовъ, то сюда же наиболѣе обращено было и вниманіе Сократа. Жизнь, управляемая мудростію, есть истинная цѣль человѣка [35]; все, что дѣлаетъ мудрый, хорошо и не можетъ быть худо, между тѣмъ какъ все, что дѣлаютъ люди безъ мудрости, худо и не можетъ быть хорошо; такимъ образомъ мудрость и добродѣтель есть одно и то же: вотъ истины, которымъ Сократъ вѣрилъ отъ всего сердца [36]! Онъ вѣрилъ притомъ непреоборимой силѣ ума и добра надъ человѣкомъ:

[32] Сократъ родился въ 470 или 469 г. до Р. Х., умеръ въ 400 г.
[33] Xenoph. Memor. I, 2. § 53—55.
[34] Ibid. IV, 3. § 13—14. cf. Plato Phæd. p. 97. ss.
[35] Xenoph. Memor. I, 2 § 53—55.
[36] Xenoph. Mem. III, 9. § 4 5. cf. Plato Phæd. p. 68; Arist. Magn. mor. I, 35;

люди только по неразумію и противъ воли дѣлаютъ злое [37]. Въ законахъ онъ видѣлъ источникъ, откуда всѣ могутъ почерпать познаніе о добрѣ и злѣ, и утверждая, что законное есть справедливое [38], подъ именемъ законовъ онъ разумѣлъ не одни писанные, или человѣческіе, но и неписанные, или Божескіе, которые извѣстны людямъ безъ всякаго дальнѣйшаго обнародованія со стороны правительства и въ себѣ самихъ заключаютъ награду и неизбѣжное наказаніе [39]. Но отъ него не осталось намъ полнаго философскаго ученія, ни теоретическаго, ни практическаго. Онъ, предполагая бытіе Вернаго Ума, сдѣлалъ только философамъ задачу: объяснить сущность сего Ума, и показать въ частности присутствіе разумнаго начала во всѣхъ видахъ существъ, чтобъ такимъ образомъ міръ представилъ изъ себя систему Божественныхъ намѣреній.

§ 196.

Сократъ не преподавалъ своего ученія въ какой нибудь школѣ, но сообщалъ его въ частномъ разговорѣ, по мѣрѣ случаевъ, представлявшихся для разсужденія. Ученики Сократа излагали свою философію большею частію въ особенныхъ училищахъ, въ которыхъ слѣдовательно могла быть проходима и Политика, какъ одна изъ частей философіи.

Подобно своему учителю, всѣ или почти всѣ ученики Сократа, имѣли у себя въ виду цѣль нравственную и главнымъ образомъ стремились опредѣлить, въ чемъ состоитъ верховное благо человѣческаго духа.

Одни слѣдовали притомъ вполнѣ образу мыслей своего учителя, напр. Ксенофонъ, Эсхинъ.

Другіе увлеклись только извѣстною частію ученія Сократова, именно: Евклидъ — діалектическою, Антисѳенъ и Аристиппъ — практическою. Школа *Евклидова* — *Мегарская* совсѣмъ не занималась предметами законодательства. Школы: *Антисѳенова*, или *Циническая*, и *Аристиппова*, или *Киренская*, замѣчательны для насъ только по превратности ихъ мнѣній. Самодовольство, независимость отъ обыкновенныхъ человѣческихъ потребностей, по словамъ *Антисѳена*, есть верховное благо. Хотя по сему Циники учили, что добро

[37] Xenoph. Mem. III, 9. § 4; Plato Gorg. p. 460; Protag. p. 345; Apolog. p. 35.
[38] Xenoph. Mem. IV, 4. § 12, 16, 25. cf Plato Critonis p. 50 sequ.
[39] Xenoph. II, § 19. cf. Plato de rep. VIII, p. 563.

само въ себѣ прекрасно, а зло также само въ себѣ гнусно; однако въ ихъ умствованіяхъ разнообразныя связи человѣческаго общества, какъ то: бракъ, союзъ родственный, любовь къ отечеству, законы, приличія общественныя, нимало не были уважаемы [40]. *Аристиппъ* напротивъ хотѣлъ посвятить жизнь свою единственно изысканію и удовлетворенію потребностей. Удовольствіе, отъ чего бы оно ни происходило, чѣмъ бы ни сопровождалось въ послѣдствіи, удовольствіе въ одномъ настоящемъ мгновеніи, — вотъ что въ глазахъ Аристиппа есть истинное благо! Разумѣется само собою, что такое ученіе, отвергая все различіе между добрымъ и худымъ, между честнымъ и безчестнымъ, въ порядкѣ общественномъ не могло допускать ничего священнаго [41]. — Впослѣдствіи времени изъ Антисѳеновой школы образовалась *Стоическая*, изъ Аристипповой — *Епикурейская*, изъ Евклидовой — собственно такъ называемый *Скептицизмъ*.

Вполнѣ обняли мысль Сократову *Платонъ* и его ученикъ *Аристотель*, приложили ее къ многоразличнымъ предметамъ познанія и показали все богатство, въ ней заключающееся. Умозрѣнія о законахъ явились въ ихъ твореніяхъ также на высокой степени совершенства. Разные вопросы Политики ими оцѣнены по достоинству: показано существо правды, означены цѣль, происхожденіе и существо государства, изслѣдовано достоинство разныхъ образовъ правленія, разсмотрѣны средства для сохраненія государства, изложены философскія начала для разныхъ вѣтвей законодательства.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

ПЛАТОНЪ И АРИСТОТЕЛЬ.

А. ПЛАТОНЪ.

Литература. *Chrys. Javelli*, dispositio philosophiæ civilis ad mentem Platonis. Venet., 1536. in-4. — *Joh. Sleidani*, summa doctrinæ Platonis de republica et de legibus. Argentorati, 1548. in-8. — *Joh. Zentgravii*, specimen doctrinæ juris naturæ secundum disciplinam Platonicam. Argentorati, 1679. in-4. — *Joh. Jac. Leibnitii*, (præs. Heusde) Diss. Respublica Platonis. Lipsiæ, 1776. in-4. — *Car. Morgenstern*, de Platonis republica commentationes tres. Hal., 1794. in-8. — *Joh. Lud. Guil. de Geer*, diatribe in politices Platonicæ principia. Ultraj., 1810. in-8.

[40] Diog. Laërt. VI, § 11, 12, 63, 93, 105.
[41] Ibid. II, § 93—99.

§ 197.

Коренное начало Философіи Платона [42] есть идея. Такъ опредѣляетъ онъ понятіе разумнаго, остававшееся у Сократа еще не опредѣленнымъ. Идея на языкѣ Платоновомъ есть всеобщее въ вещи, то, чѣмъ вещь бываетъ по родовому своему понятію. Это есть существо вещи, то, на чемъ держится ея бытіе, что связываетъ многоразличныя ея стороны въ одно цѣлое, что среди всѣхъ ея измѣненій само остается неизмѣннымъ и безъ чего она тотчасъ перестаетъ существовать. Но хотя всеобщее уже по самому своему понятію предполагаетъ особенное, единичное, различія, надъ которыми оно обнаруживаетъ свою всеобщую силу; однако идея у Платона еще мертва, еще не имѣетъ жизни, потребной для образованія, для произведенія вещей; она существуетъ въ нихъ неподвижно, будучи какъ бы вся погружена въ созерцаніе самой себя. Предпринимая раскрыть яснѣе свою идею, Платонъ тотчасъ начинаетъ говорить въ миѳахъ и символахъ; покушаясь обнять ею разнообразіе вещей, данное въ умѣ или опытѣ, онъ повторяетъ намъ одно и тоже, только въ разныхъ выраженіяхъ.

§ 198.

Изъ предметовъ, существующихъ въ мірѣ, относящіеся къ нравственности всего болѣе привлекали на себя вниманіе Платона. Три значительнѣйшія его *сочиненія: Политикъ*, разговоры *О государствѣ* и разговоры *О законахъ* [43] посвящены собственно пред-

[42] Платонъ род. въ 430 или 429 г. до Р. Х., ум. въ 348 г.

[43] Подлинность *Законовъ* Астъ (Platons Leben und Schriften. Leipzig, 1816) подвергнулъ въ новѣйшія времена сомнѣнію, основываясь на томъ, что изъ рукъ Платона не могло выйти произведеніе столь несовершенное по художественной отдѣлкѣ, столь противорѣчащее другому сочиненію несомнительно Платонову, т. е. сочиненію О *государствѣ*. Но уже Аристотель (Arist. Polit. II, 3; 9, § 8) приводилъ *Законы* съ именемъ Платона, разбирая ихъ въ подробности: надобно имѣть доказательства самыя рѣшительныя, чтобъ отвергнуть это свидѣтельство отличнѣйшаго ученика Платонова Не таковы доказательства Аста. 1. Недостатки, находимые въ сочиненіи *О Законахъ*, 1) объясняются сами собою изъ того, что Платонъ писалъ его уже въ глубокой старости и былъ застигнутъ смертію прежде, нежели успѣлъ совершенно отдѣлать свой трудъ и мыслямъ, слегка для того набросаннымъ, дать стройную, изящную форму, см. Diog. Laërt. III, § 37. 2 Несправедливо было бы сказать вообще, будто въ Законахъ совсѣмъ не видно искуства, души Платона. a) Цѣлый иланъ ихъ, означенный De leg. I, p. 631, 632 совершенно достоинъ этого философа. При точкѣ зрѣнія, постоянно въ нихъ

метамъ законодательства. *Политикъ*, излагая понятіе Политики, служитъ для двухъ послѣднихъ общимъ введеніемъ [44].

§ 199.

Платонъ первый назначилъ умозрѣніямъ о предметахъ законодательства опредѣленное мѣсто въ цѣлой Философіи. Разложивъ, по

удерживаемой, они представляютъ намъ полную систему Этики или Политики въ обширномъ смыслѣ. Послѣ общихъ изслѣдованій нравственно-политическаго содержанія (I—IV, p. 722) здѣсь подробно излагается ученіе о добродѣтеляхъ или собственно такъ называемая Этика (IV, p. 722— V, p. 735), какъ προοίμιον; потомъ слѣдуетъ πολιτεία (V, p. 735—VI, 772); далѣе πολιτεία и νόμοι въ совокупности (VI, p 772—VIII); наконецъ исключительно νόμοι, оканчивающіеся требованіемъ — устроить особенное собраніе для охраненія законовъ (IX—XII). б) Не говоря о превосходныхъ мысляхъ, повсюду разсѣянныхъ въ *Законахъ*, — какъ часто послѣ тихой старческой бесѣды вспыхаетъ здѣсь еще огнь, свидѣтельствующій о пламенной душѣ сочинителя! Какъ часто поражаетъ здѣсь насъ изящество изложенія предмета, свойственное Платону! См. особенно всѣ προοίμια. II. Внимательно разсматривая такъ называемыя противорѣчія между *Законами* и сочиненіемъ *О государствѣ*, мы должны еще сильнѣе увѣриться въ томъ, что *Законы* дѣйствительно принадлежатъ Платону. Сей вопросъ о взаимномъ между собою отношеніи обоихъ сочиненій въ своемъ мѣстѣ (см. ниже § 213.) будетъ изслѣдованъ подробно. Впрочемъ и независимо отъ того, мы находимъ все прочее содержаніе *Законовъ* такъ согласнымъ съ мыслями достовѣрно Платоновыми, что уже это одно обстоятельство должно уничтожить всѣ дальнѣйшія сомнѣнія относительно подлинности разбираемаго нами сочиненія. См. напр. De leg. I, p. 626. cf. de rep. IV, p. 431 (объ умѣренности); De leg. I, p. 631 (о цѣли государства); — De leg. I, p. 634 seqq. (о соединеніи мужества съ умѣренностію); II, p. 659 seqq.; IV, p. 719 (о томъ, что должны говорить поэты); — IV, p. 712, 713; cf. de rep. V, p. 463 (о названіи подданныхъ); - De leg. IV, p. 713, 714; p. 715; IX, p. 875. (о существѣ закона) IV, p. 714. cf. de rep. V, p. 473 (когда государства могутъ освободиться отъ бѣдъ); — De leg. V, p. 735. seqq. (объ очищеніи государства отъ негодныхъ людей); — p. 741. seqq (противъ излишняго богатства и бѣдности); — p. 746 (о важности науки числъ); — VI, p. 773 (похвала срединѣ); — ibid. (о соединеніи разнородныхъ характеровъ въ супружествѣ); - IX, p. 864 (понятіе правды); — X, p. 887—907 (о бытіи Божіемъ, Провидѣніи, Правосудіи); — XII, p. 962 (о мудрости Правительства); — p. 963 (о разныхъ видахъ государствъ по отношенію къ добродѣтели); — p. 964 (названіе стражей для лицъ правительствующихъ); — вообще всѣ тѣ мѣста, гдѣ говорится о воспитаніи дѣтей, образѣ жизни гражданъ, участіи женскаго пола въ занятіяхъ и упражненіяхъ мущинъ.

[44] Особенно въ близкомъ отношеніи *Политикъ* находится къ разговорамъ *О законахъ*. Ср. въ томъ и другомъ отношеніи мѣста, гдѣ говорится о происхожденіи государствъ (Polit. p. 272 cf. De leg. IV, p. 713), о сущности закона (Polit. p. 300 cf. De leg. IV, p. 713, 714; p. 715), о соединеніи мужества съ умѣренностію какъ вообще во всѣхъ гражданахъ (Polit. p. 306, seqq. cf. De leg. I, p. 634, seqq.), такъ и особенно въ супругахъ (Polit. p 310 cf. De leg. VI, p 773), о рабахъ (Polit. p. 309. cf. de leg. VI, p. 776 seqq.) и пр.

единогласному свидѣтельству древнихъ, всю совокупность философскихъ понятій на три части: Діалектику, Физику и Этику, онъ предоставилъ послѣдней изысканія нравственнаго содержанія. Предметы законодательства могли относиться у него къ одной только Этикѣ. Впрочемъ слово: *Этика,* т. е. наука о нравахъ, неизвѣстно въ его сочиненіяхъ; этому слову у него вполнѣ соотвѣтствуетъ слово: *Политика*, т. е. наука о государствѣ. Совершенство нравовъ и совершенство государства онъ видѣлъ въ тѣсной связи между собою, почему и въ своихъ изслѣдованіяхъ не отдѣлялъ ихъ другъ отъ друга [45].

Въ смыслѣ, болѣе опредѣленномъ, *Политика* для Платона есть наука, имѣющая предметомъ устроеніе и управленіе человѣческаго общества сообразно идеѣ добродѣтели, или идеѣ правды [46]. Въ сей наукѣ, какъ уже разумѣется само собою, надлежало подвергнуть философскому изслѣдованію всѣ основныя понятія законодательства, всѣ роды и виды законовъ, какъ относительно общественныхъ, такъ и относительно частныхъ дѣлъ въ государствѣ [47]; тѣмъ болѣе долженъ былъ сдѣлать это Платонъ, что онъ между наукою управлять государствомъ и наукою управлять домомъ, въ существѣ вещи, не находилъ никакого различія, полагая, что большой домъ и небольшое государство относительно управленія ни мало не разнятся другъ отъ друга [48].

§ 200.

Естественно, прежде всего представляется въ Этикѣ или Политикѣ вопросъ: *какое* занимаетъ *мѣсто* какъ сія наука въ цѣлой Философіи, такъ и область законодательства въ цѣлой области существующаго? Для рѣшенія сего вопроса необходимо бросить взглядъ на все содержаніе Платоновой философіи.

Каждый предметъ, по мнѣнію Платона, соединяетъ въ себѣ два противоположныя начала: во 1-хъ, въ немъ есть нѣчто единое, всегда себѣ равное; во 2-хъ, онъ въ тоже время есть и многое, непрерывно измѣняющееся. Всякой предметъ есть такимъ образомъ сопряженіе единства и множества. Но о многомъ, непрерывно измѣ-

[45] De rep. II, p. 368; VIII, 544; cf. IV, p. 435. Ср. сказанное о планѣ сочиненія О законахъ въ примѣч. на стр. 184 и слѣд.

[46] Plato Politic. p. 305—311; cf. Protag. p. 318—322

[47] Politic. p. 309—311; Protag. p. 319.

[48] Politic. p. 259.

няющемся, нельзя сказать, чтобъ оно дѣйствительно существовало въ предметѣ; въ то самое мгновеніе, какъ мы хотимъ сказать о немъ: это есть, его уже нѣтъ, мѣсто его занято другимъ. Истинно существуетъ посему только единое, всегда себѣ равное. Это есть всеобщее въ каждой вещи, ея родъ, ея идея (εἶδος ἰδέα), и постигается единственно мыслію, потому что чувства представляютъ только безконечно разнообразное, непрерывно измѣняющееся. Каждое нисшее понятіе, нисшій видъ обнимается, держится, предполагается другимъ высшимъ, это понятіе опять другимъ высшимъ и т. д., пока мы не дойдемъ до самаго высочайшаго родоваго понятія.

Общая *цѣль* всей *Философіи*, по ученію Платона, есть, чтобъ начавъ съ предположенія, съ нисшаго понятія, и дѣйствуя одними понятіями, безъ помощи фигуръ чувственныхъ, напослѣдокъ взойти къ началу, не требующему никакихъ болѣе предположеній, и отсюда потомъ низойти въ непрерывной послѣдовательности, также дѣйствуя одними понятіями, до самыхъ крайнихъ послѣдствій [49]. Безусловное начало всего сущаго имѣетъ у Платона разныя названія, какъ то: единое, всегда себѣ равное (ταὐτόν), истинно сущее (ὄντως ὄν), идея, умъ, добро, Богъ. Все условное истинно существуетъ только въ той мѣрѣ, въ какой оно участвуетъ въ этомъ безусловномъ.

Изъ трехъ частей Философіи Платоновой, *Діалектика* разсматриваетъ безусловное, единое, вообще, не обращая вниманія на то, какъ оно въ частности относится къ тому или другому роду существъ.

Физика разсматриваетъ проявленіе Божественнаго въ мірѣ. Она излагаетъ какъ исторію происхожденія міра, такъ и истинную сущность міра и всего, что есть въ немъ. Начавъ свое изложеніе самымъ первымъ дѣломъ Міроздателя, она оканчивается физическимъ происхожденіемъ человѣка на свѣтъ. Единому, по ученію Платона, повсюду противополагается многое; иначе сіе послѣднее называется у него зломъ, веществомъ. Но Божественное начало, по словамъ Платона, сильнѣе вещества. Будучи всеблаженнымъ, Богъ восхотѣлъ, чтобъ и все другое было, сколько возможно, Ему подобно; Онъ восхотѣлъ образовать вещество по Своимъ идеямъ, и непрестанно измѣняющееся, неустроенное заключить въ твердую форму. Но въ веществѣ Онъ не могъ изобразить Себя вполнѣ и вдругъ. По этому Онъ расширяетъ власть Свою надъ вещественнымъ только мало по-малу. Впрочемъ дѣла Его по истеченіи опре-

[49] Plato de rep. VI, p. 509—511.

дѣленныхъ періодовъ опять болѣе или менѣе разрушаются и образованіе вещества должно бываетъ начаться снова. Итакъ повсюду въ мірѣ являются два противоположныя начала, соединяемыя въ третьемъ. Прежде всего, въ цѣломъ мірѣ, какъ одномъ живомъ существѣ, Божественный Умъ и вещество связываются между собою посредствомъ души. Изъ души и вещества міра Богъ вѣчный и невидимый созидаетъ сначала видимыхъ боговъ, хотя по своей природѣ не безсмертныхъ, однако неразрушимыхъ: это есть сонмъ небесныхъ свѣтилъ. Посредствомъ сихъ боговъ Онъ производитъ далѣе смертныя живыя существа, и притомъ первоначально всѣхъ въ одномъ совершеннѣйшемъ видѣ: въ видѣ человѣка-мужа. Вложивъ въ душу людей Самъ отъ Себя только безсмертное — умъ, Верховный Богъ предоставляетъ дальнѣйшее ихъ образованіе подчиненнымъ богамъ, отъ которыхъ они и получаютъ смертное въ своей душѣ: сердце (θυμός) и силу пожеланій (ἐπιθυμητικόν). Посему душу человѣка составляютъ также три части; изъ нихъ сердце, какъ невольное стремленіе души осуществить идеи ума, какъ сила возвышенныхъ порывовъ, хотя иногда бурная, занимаетъ средину между безсмертнымъ — умомъ, силою идей, и между совершенно смертнымъ — силою пожеланій, которая, какъ стремленіе удовлетворить потребностямъ чувственной, физической жизни, въ своихъ дѣйствіяхъ вся обращена къ смертному.

Такъ образованы люди. Описаніе нравственнаго существа людей есть предметъ *Этики*, или, что то же, *Политики* [50]. Какъ Божество дѣйствуетъ въ цѣломъ мірѣ, такъ Божественный умъ, существующій въ душахъ человѣческихъ, дѣйствуетъ въ нихъ и образуетъ ихъ по идеямъ. Зная добро, онъ не можетъ оставаться празднымъ; напротивъ онъ необходимо стремится свое познаніе осуществить на самомъ дѣлѣ, господствуетъ надъ смертными силами въ человѣкѣ, и каждой указываетъ ея собственное дѣло [51]. Въ семъ случаѣ люди, такъ можно бы выразить мысль Платона, взирая на вѣчный Божественный порядокъ, только подражаютъ Божеству и въ своемъ кругѣ продолжаютъ дѣло мірозданія. Божественное или доброе, проявляющееся такимъ образомъ въ человѣкѣ, Платонъ называетъ правдою (ἡ δικαιοσύνη, τὸ δίκαιον) [52].

[50] Tim. p. 27; Protag. p. 321. sq.
[51] Protag. p. 352; Gorg. p. 508; De rep. VI, p. 500.
[52] De rep. IV, 442—445.

§ 201.

Правда разсматривается у Платона въ трехъ видахъ: I. въ *каждой душѣ* порознь; II. въ *государствѣ;* III. въ *цѣломъ родѣ человѣческомъ*.

I. О ПРАВДѢ ВЪ ОТДѢЛЬНЫХЪ ДУШАХЪ.

§ 202.

Платонъ достигаетъ до понятія *правды*, какъ она является въ отдѣльныхъ душахъ, посредствомъ разсмотрѣнія сущности силъ душевныхъ. Каждое существо, говоритъ онъ, имѣетъ свое особенное дѣло (ἔργον), которое или имъ только однимъ можетъ быть исполнено, или по крайней мѣрѣ имъ всѣхъ лучше; вмѣстѣ съ симъ каждое существо имѣетъ и свое особенное совершенство (ἀρετή), съ которымъ только и можетъ оно въ точности исполнять свое дѣло. То же разумѣется о душѣ и ея силахъ. Особенное назначеніе души есть — господствовать, управлять [53]. На сей конецъ для каждой силы ея существуетъ особенное совершенство.

Совершенство ума есть *мудрость* (σοφία). Чтобъ господствовать, управлять, надобно знать ту единую цѣль, для которой все должно дѣлаться [54]. Но сіе познаніе должно быть твердо, основательно, восходить до самыхъ высшихъ началъ вѣдѣнія: добродѣтель, если она основывается не на твердомъ познаніи, а только на правильномъ мнѣніи, если она не можетъ дать сама о себѣ отчета, а находится въ человѣкѣ по нѣкоторому какъ бы влеченію, такая добродѣтель ненадежна, случайна; правильное мнѣніе, не будучи укрѣплено разумными причинами, можетъ быть во всякую минуту вытѣснено заблужденіемъ или невѣдѣніемъ [55]. Мудрость содержитъ въ себѣ это твердое познаніе; она указываетъ человѣку единственную цѣль его дѣяній, указываетъ и добро, котораго душѣ надлежитъ искать, и зло, котораго ей должно бѣжать [56]. По отношенію къ другимъ силамъ души, умъ служитъ точною для нихъ мѣрою. Совершенство ихъ, какъ силъ могущихъ дѣйствовать сильнѣе и слабѣе,

[53] **De rep. I, p. 352, 353: IV, p. 435.**
[54] **De rep. VII, p. 519.**
[55] **Menon. p. 97.**
[56] **De rep. IV, p. 442.**

состоитъ въ срединѣ. Мудрость производитъ въ душѣ надлежащее соединеніе обѣихъ крайностей, умѣряя одну другою [57].

Совершенство сердца есть *мужество* (ἀνδρία). Дѣло сердца — приводить въ исполненіе опредѣленія ума. Для сего требуется, чтобъ доброе воспитаніе глубоко укоренило въ душѣ правильныя представленія о добрѣ и злѣ и сдѣлало ихъ второю въ человѣкѣ природою. Человѣкъ, который пріобрѣтенное такимъ образомъ правильное мнѣніе всегда сохраняетъ и удерживаетъ въ своей душѣ противъ всѣхъ обольщеній и ужасовъ, называется мужественнымъ [58]. Истинно мужественный не побѣждается ни страхомъ, ни удовольствіями [59]; истинному мужеству равно противны и буйство, которое не уважаетъ ничѣмъ священнымъ, и презрѣнная робость, которая трепещетъ предъ всякою опасностью [60].

Совершенство для *силы пожеланій* есть *умѣренность* (σωφροσύνη). Умѣренность есть общее согласіе всѣхъ душевныхъ силъ между собою въ томъ, что лучшія изъ нихъ (умъ и сердце) должны господствовать, а худшая (сила пожеланій) только повиноваться первымъ [61].

Если послѣ сего въ душѣ каждая сила *дѣйствительно исполняетъ* свое дѣло, и *только свое* дѣло, не вмѣшиваясь въ дѣла другихъ, то именно это совершенство и есть *правда* [62], совершенство, добродѣтель цѣлой души.

Правда соединяетъ въ себѣ мудрость, мужество, умѣренность: сіи три добродѣтели составляютъ ея содержаніе. Съ своей стороны она даетъ имъ нужную форму, такъ что безъ нее не могло бы существовать между ними согласнаго дѣйствованія. Въ ряду добродѣтелей, свойственныхъ каждой силѣ души въ особенности, мудрость занимаетъ высшее мѣсто: всѣ другія существуютъ для нея [63]. Какъ вообще добродѣтель и блаженство въ глазахъ Платона неразлучны другъ съ другомъ [64]; то по его ученію созерцательная жизнь мудраго, будучи совершеннѣйшимъ состояніемъ духа, есть состояніе самое вожделѣнное [65].

[57] Phileb. p. 23—30; Politic. p 306—311.
[58] De rep. IV, p. 442. cf. p. 429 sequ.
[59] De leg. I, p. 633. sq.
[60] Politic. p. 306—309.
[61] De rep. IV, p. 442 cf. p. 430. sequ. Phædon. p. 68. sequ
[62] De rep. IV, p. 442, 443. cf. p. 433. sequ.
[63] De leg. III, p. 687—689; I, p. 163.
[64] De rep. IX, p. 577. sq.
[65] De rep. VII, p. 519; sq. cf. p. 517—519.

§ 203.

Легко можно видѣть, что понятіе о правдѣ истекаетъ у Платона изъ самыхъ высшихъ началъ Діалектики. Если онъ утверждаетъ, что для каждаго существа есть свое особое дѣло, свое особенное совершенство — то это значитъ только, что для всего существующаго есть своя идея, въ единствѣ съ которою оно и есть тѣмъ, чѣмъ есть, и отъ которой оно получаетъ все, что имѣетъ добраго. Дѣлать одно, свое дѣло, не мѣшаясь въ дѣла другихъ, — это понятіе правды значитъ то же, что и быть вѣрнымъ своей идеѣ. Умъ, съ его идеею добра, единаго, владычествующій во всемъ сущемъ, есть вмѣстѣ и сила, владычествующая въ душѣ человѣка [66].

Равнымъ образомъ мысли Платона о правдѣ находятся въ существенной связи съ его Физикою. Не только тройственное число первыхъ трехъ добродѣтелей выводится у него изъ тройственности силъ души, но и вообще добродѣтель относительно внутренней ея сущности, представляется какъ свойство физическое. Она есть такое же качество души, какъ острота зрѣнія составляетъ совершенство глаза, быстрота въ бѣгу — совершенство лошади. Укореняясь воспитаніемъ, она дѣлается привычкою, другою природою. Основываясь на общемъ согласномъ дѣйствіи всѣхъ силъ душевныхъ, она предполагаетъ въ нихъ бытіе природной наклонности къ добру. Такимъ образомъ Платонъ, относительно способности людей быть добродѣтельными, поставляетъ существенное, физическое между ними различіе, и даже нѣкоторыхъ изъ нихъ почитаетъ физически неспособными къ той или другой добродѣтели [67].

Весьма важно замѣтить эту связь мыслей Платоновыхъ о правдѣ въ отдѣльныхъ душахъ съ физическими и діалектическими понятіями философа. Тѣ же самыя начала глубоко проникаютъ все его ученіе о правдѣ въ томъ ея видѣ, какъ она существуетъ въ государствѣ.

II. О ПРАВДѢ ВЪ ГОСУДАРСТВѢ.

§ 204.

Чтобъ съ удобностію обозрѣть чрезвычайно богатое содержаніе Платоновыхъ разговоровъ относительно *правды въ государствѣ*, мы

[66] Phileb. p. 28—30.
[67] De rep. IV, p 435; Politic. p. 309.

отдѣлимъ изслѣдованія, касающіяся *общихъ основаній союза государственнаго*, т. е. изслѣдованія *о необходимости* государства, его *цѣли, происхожденіи, понятіи*, наконецъ *о существѣ разныхъ образовъ правленія*, отъ изысканій *особенныхъ*, относящихся какъ въ частности къ тому или другому образу правленія, такъ равно и къ той или другой вѣтви законодательства.

1. Общія изслѣдованія о Государствѣ.

§ 205.

a) О необходимости Государства для осуществленія идеи правды.

Правда для Платона выше всего на свѣтѣ: безъ нея всѣ блага жизни ничего не стоятъ [68]; она есть благо сама въ себѣ, благо единственное, высочайшее [69]. Но чтобъ идея правды могла осуществиться въ душахъ, для сего, по ученію Платона, при теперешнемъ состояніи рода человѣческаго, необходимо государство. Эта необходимость открывается: 1) въ томъ, что никто или почти никто изъ людей не раждается съ такою совершенною природою, въ слѣдствіе которой бы человѣкъ самъ собою, безъ указанія закона, сначала позналъ добро, и потомъ, не увлекаясь силою страстей, безъ внѣшнихъ побужденій всегда былъ готовъ исполнять требованія добродѣтели. Люди, если не станутъ жить подъ владычествомъ законовъ, нимало не будутъ отличаться отъ самыхъ лютыхъ звѣрей [70]. Особенно важно значеніе государства 2) по отношенію къ первымъ начаткамъ всякой добродѣтели. Она зависитъ отъ двухъ условій; отъ добрыхъ свойствъ природныхъ и отъ добраго воспитанія. Прежде всего надобно имѣть природныя качества, нужныя для добродѣтели; потомъ требуется, чтобъ они были надлежащимъ образомъ возращены, воздѣланы посредствомъ воспитанія. Какъ доброе воспитаніе, такъ и установленія, по дѣйствію которыхъ путемъ естественнаго рожденія добрыя природныя качества сохраняются и умножаются въ человѣческихъ поколѣніяхъ, могутъ существовать только въ благоустроенномъ государствѣ [71]. Въ немъ даже и тотъ, у кого высшія

[68] De rep. IX, p. 591.
[69] Ib. II, p. 366, 367; IX, p. 576—592.
[70] De leg. IX, p. 875.
[71] De rep. VIII, p. 546; IV, p. 423; VI, p. 491—497. (Ср. Шлейерм. Введеніе въ Platons Staat. S. 67, 68). Politic. p. 308—311.

силы души не достигли до надлежащаго совершенства, покоряясь власти превосходнѣйшей, самъ поступаетъ подъ владычество того же начала, подъ какимъ и сія власть находится [72]. 3) Какъ въ государствѣ каждый при общемъ содѣйствіи другихъ можетъ раскрыть въ себѣ свои особенныя добродѣтели самымъ лучшимъ образомъ, такъ цѣлое государство въ состояніи изобразить на землѣ идею правды въ видѣ гораздо болѣе полномъ, болѣе ясномъ и совершенномъ, въ размѣрѣ гораздо болѣе обширномъ, чѣмъ въ какомъ это возможно сдѣлать каждой душѣ порознь [73].

§ 206.

б) О цѣли Государства.

Государство не есть только необходимое условіе для существованія правды между людьми; самою *цѣлію* его, по ученію Платона, есть не другое что, какъ правда [74]. Въ правдѣ сосредоточиваются всѣ другія добродѣтели: мудрость, мужество, умѣренность, и мудрость занимаетъ между ними высшее мѣсто. Посему Платонъ думаетъ, что государство должно стремиться не къ одной какой либо добродѣтели, а ко всѣмъ вообще, и преимущественно къ мудрости; «за добродѣтелями — благами Божественными, сами собою послѣдуютъ и блага человѣческія: здоровье, красота, сила, богатство, сопровождаемое благоразуміемъ». Государство вполнѣ добродѣтельное, праведное, будетъ такимъ образомъ, по ученію Платона, и вполнѣ блаженнымъ, счастливымъ [75].

§ 207.

в) О происхожденіи Государства.

Относительно *происхожденія* государства возможны два вопроса: во-первыхъ, какая *внутренняя причина* всегда побуждаетъ людей или соединяться въ государства, или пребывать въ нихъ? Во-вторыхъ: въ *какомъ историческомъ порядкѣ*, т. е. когда и какъ начались и постепенно образовались государства?

§ 208.

Изъ нѣкоторыхъ мѣстъ въ сочиненіяхъ Платона можно было бы

[72] De rep. IX, p. 590.
[73] De rep. II, p. 368; IV, p. 434; Polit. p. 311.
[74] Gorg. p. 464; 515; De leg IV, p. 707; VI, p. 770, 771; XII, p. 962. sequ.
[75] Politic. p. 309—311; de leg. I, p. 631; de rep. IX, p. 576.

заключить, что *внутренняя причина, производящая государства,* по мнѣнію его, состоитъ въ физическихъ потребностяхъ людей. Такъ напр. онъ говоритъ: «государство образуется по той причинѣ, что никто изъ насъ не находитъ всего для себя нужнаго въ себѣ одномъ; каждый, имѣя разныя потребности, нуждается въ помощи другихъ; итакъ люди собираются жить въ одно мѣсто, чтобъ получать взаимно другъ отъ друга пособіе». Изъ числа сихъ потребностей Платонъ приводитъ потомъ однѣ физическія нисшія, какъ то: пищу, одежду, жилище [76]; далѣе онъ упоминаетъ еще о потребности обороны отъ враговъ [77]. Но такое объ ученіи Платона заключеніе было бы совершенно несправедливо. Приведенныя слова значатъ только то, что стремленіе удовлетворить физическимъ потребностямъ было для людей первымъ по времени побужденіемъ къ общежитію. Если цѣль государства простирается, по ученію Платона, гораздо далѣе удовлетворенія физическихъ потребностей [78]; то и причины, производящей государства, онъ долженъ былъ искать глубже. Дѣйствительно, онъ самъ въ одномъ мѣстѣ утверждаетъ, что разные образы правленія, разные виды государствъ (πολιτεῖαι) возникаютъ не изъ камней или деревьевъ, но изъ нравовъ людей, живущихъ въ государствахъ [79]. Такимъ образомъ, по мысли Платона, если существуетъ общество, основанное на правдѣ, то единственно потому, что есть души, которыя хотятъ правды; люди хотятъ быть и пребывать въ государствѣ для того, чтобъ найти здѣсь не только нисшее удовлетвореніе, но и высшее самодовольство по отношенію къ вѣчнымъ потребностямъ своего духа; правда, будучи цѣлію государства, есть въ то же время и причина, его производящая [80].

§ 209.

Чтобъ опредѣлить *время, когда дѣйствительно начались государства*, Платонъ обращается къ баснѣ о золотомъ вѣкѣ Сатурна. «Въ сіи времена еще не было государствъ; Самъ верховный Богъ вмѣстѣ съ нисшими богами былъ пастыремъ людей; люди не имѣли еще ни женъ, ни дѣтей, раждаясь изъ земли; сама собою земля произращала для нихъ плоды, доставляла имъ покойное ложе; между

[76] De rep. II, p, 369.
[77] Ib p. 373, 374; De leg. III, p. 680, 681.
[78] См. выше § 206; особенно ср. De rep. IX, p. 591.
[79] De rep. VIII, p 544; cf. IV, § 435.
[80] Cf. De rep. IV, p. 424.

ними не было ни войны, ни возмущеній; они вели жизнь самую блаженную, посвящали всѣ дни свои мудрости, были добры» [81]. Повѣствованіе о временахъ Сатурна Платонъ и самъ называетъ баснею; въ устахъ философа она, вѣрно, значитъ тоже, что и ученіе о небесной жизни душъ, какая предшествуетъ настоящей, земной.

Платонъ указываетъ далѣе на другое состояніе рода человѣческаго, гдѣ люди уже раждаются другъ отъ друга, питаются не одними естественными произведеніями земли, живутъ въ обществахъ, впрочемъ находятся еще подъ непосредственнымъ управленіемъ боговъ, наслаждаясь совершеннѣйшимъ политическимъ устройствомъ [82]. Не хотѣлъ ли философъ указать здѣсь на правленіе мужей, подобныхъ богамъ по своей мудрости?

Какъ бы то ни было, вѣкъ Сатурновъ для насъ прошелъ среди переворотовъ, какія постигали весь міръ неоднократно. «Въ нашемъ вѣкѣ» говоритъ Платонъ «при настоящемъ порядкѣ природы, всѣ вещи въ слѣдствіе непреложнаго Божественнаго вещества должны раждаться, возрастать сами чрезъ себя; почему и людямъ нужно уже самимъ о себѣ имѣть попеченіе» [83]. Здѣсь-то скрывается, по мнѣнію Платона, первое основаніе государствъ. Въ постепенномъ ихъ образованіи онъ различаетъ три *періода*.

Представимъ себѣ, — такъ излагаетъ философъ сіи періоды, — представимъ себѣ одно изъ тѣхъ произшествій, отъ которыхъ родъ человѣческій не одинъ разъ былъ истребляемъ, такъ что послѣ того оставалось самое небольшое число людей. Представимъ, напримѣръ, что всѣ были истреблены потопомъ, кромѣ немногихъ пастуховъ, которые спаслись на вершинахъ горъ. Вмѣстѣ съ симъ исчезли и всѣ полезныя открытія въ искуствахъ; о государствахъ, устройствѣ ихъ, законодательствѣ не осталось и памяти. Пастухи, сохранившіеся отъ общей погибели, вѣрно, не были далеки ни въ добрѣ, ни во злѣ. Все надлежало выдумывать, изобрѣтать вновь. О войнѣ было не слышно между людьми: по своей малочисленности, они питали въ душахъ своихъ любовь и расположеніе другъ къ другу; сверхъ того имъ ненадобно было и сражаться за пищу, такъ какъ пастбища находились въ избыткѣ. Не имѣя недостатка въ необходимыхъ вещахъ, они были не слишкомъ бѣдны, но, безъ серебра и золота, и не богаты: а гдѣ нѣтъ ни богатства, ни бѣдности, тамъ процвѣтаетъ доб-

[81] Politic. p. 269—274; cf. De leg. IV, p. 713; Critiæ p. 109.
[82] Critiæ p. 109,
[83] Politic p. 274.

рая нравственность. Будучи простосердечны, они искренно вѣрили тому, что имъ было говорено о добрѣ и злѣ, о богахъ и людяхъ. Словомъ, они были добродушнѣе, мужественнѣе, умѣреннѣе и вообще праведнѣе людей, жившихъ до потопа и нынѣ живущихъ. Итакъ нужды въ законодателяхъ еще не было. Держась своихъ обычаевъ и такъ называемыхъ отеческихъ законовъ, люди состояли подъ управленіемъ родовымъ (δυναστεία): они жили отдѣльными селеніями и родами, въ которыхъ начальствовалъ старѣйшій, и власть переходили отъ отца и матери къ дѣтямъ.

Послѣ сего, составляя многолюднѣйшія общины, но еще не покидая ската горъ изъ опасенія потопа, люди начали сходиться въ одно мѣсто въ большемъ количествѣ, заниматься земледѣліемъ, воздѣлывая сначала только мѣста у подошвы горъ, строить ограды для безопасности отъ дикихъ звѣрей и такимъ образомъ созидать для себя общія огромныя обители. Какъ сіи большія селенія выростали изъ меньшихъ и первыхъ, то каждое меньшее общество вступало сюда подъ начальствомъ своего старшины со своими особыми обычаями и законами. Но каждому болѣе нравятся свои законы, нежели чужіе. Итакъ теперь-то началось законодательство: люди, сошедшіеся такимъ образомъ въ одно мѣсто, по необходимости должны были избрать изъ среды своей мужей-законодателей; которые бы разсмотрѣвъ у всѣхъ пришельцевъ законы, наилучшее изъ нихъ предложили на выборъ вождямъ народовъ. Вмѣсто правленія родоваго явилось теперь Царское, или Аристократическое.

Наконецъ люди спустились съ горъ на равнины и основали здѣсь города: и вотъ третій образъ жизни, среди коего возникаютъ всѣ прочіе виды правленій и государствъ [84]!

Въ такомъ порядкѣ, по мнѣнію Платона, происходятъ и образуются государства! Сначала — жизнь пастушеская, потомъ — земледѣліе, наконецъ — искуства, ремесла, потомъ — болѣе сложныя общины подъ правленіемъ Царскимъ, или Аристократическимъ, наконецъ — всѣ другіе образы правленій.

§ 210.

г) Понятіе Государства.

Послѣ всего сказаннаго, *государство,* по понятію Платона, есть общество людей добродѣтельныхъ, соединенныхъ между собою дружбою и единодушіемъ въ одинъ тѣсный союзъ для жизни добродѣ-

[84] De leg. III, p. 676—682.

тельной, — общество, которое само въ себѣ имѣетъ все нужное для этой цѣли [85].

Какъ единое для Платона есть характеръ всего совершеннаго, добраго, такъ и въ понятіи государства самое главное для Платона есть понятіе единаго: государство по самому существу своему есть единое, а не многое; то государство, въ которомъ находятся разныя партіи, гдѣ нѣтъ единодушія, любви между гражданами, есть уже, собственно говоря, не одно государство, а нося одно имя, состоитъ изъ нѣсколькихъ государствъ [86]. Посему Платонъ требуетъ, чтобъ законы имѣли въ виду благо не одного человѣка или нѣсколькихъ лицъ, но всего государства; тѣ законы, которые даны не для блага всего государства, онъ почитаетъ не истинными законами; тѣ государства, въ коихъ смотрятъ на выгоду только нѣкоторыхъ лицъ, онъ называетъ только скопищами людей (στασιωτεῖαι) [87]. Равнымъ образомъ въ понятіи единаго онъ видитъ и мѣру для величины государства: «начальники должны увеличивать государство только дотолѣ, пока оно, возрастая, остается еще единымъ, — не далѣе; они должны всемѣрно стараться о томъ, чтобъ государство было достаточнымъ (ἱκανή) и единымъ» [88].

§ 211.

д) О существѣ разныхъ образовъ правленія.

Какъ Божественный умъ господствуетъ въ цѣломъ мірѣ и въ каждой отдѣльной душѣ, такъ ему же, по ученію Платона, принадлежитъ верховное владычество и въ государствахъ. Но владычество ума въ государствахъ можетъ быть или непосредственное, или посредственное. Первое было бы тогда, когда бы въ государствѣ начальствовали по собственному усмотрѣнію и не стѣсняясь законами лица совершеннѣйшія по мудрости, знающія вполнѣ науку правленія Второе происходитъ посредствомъ законовъ, которые суть не что иное, какъ изреченія ума, имѣющія служить общими правилами поведенія для членовъ государства, выраженныя устами мудрыхъ и дознанныя въ ихъ добротѣ по долговременному опыту. Итакъ люди въ государствѣ могутъ *управляться* или *умомъ* непосредственно, или посредствомъ *законовъ*. Тотъ и другой способъ управленія осно-

[85] Polit. p. 311

[86] De rep. IV, p. 423; cf. Politic. p. 283, 284.

[87] De leg. IV, p. 715.

[88] De rep. IV, p. 423.

вывается на одномъ неизмѣнномъ началѣ: на правдѣ. Но умъ можетъ обнимать всѣ подробности частныхъ и общественныхъ нуждъ, можетъ всегда приспособляться къ особеннымъ обстоятельствамъ времени и мѣста; напротивъ законъ, самъ по себѣ будучи общимъ, не имѣетъ подобной гибкости. Отсюда, по мнѣнію Платона, совершеннѣйшее государство было бы то, въ которомъ владычествуетъ умъ непосредственно. Но какъ при настоящемъ порядкѣ дѣлъ человѣческихъ это совершеннѣйшее состояніе невозможно: то Платонъ хотя и отдаетъ ему мысленное преимущество, однако для дѣйствительнаго состоянія рода человѣческаго находитъ приличнымъ только правленіе подъ законами [89]. Сему правленію онъ противополагаетъ правленіе безъ законовъ и потому раздѣляетъ всѣ дѣйствительные образы правленій на два главные рода: правленіе подъ законами и правленіе безъ законовъ. Въ первомъ родѣ, смотря по тому, принадлежитъ ли власть одному лицу, или не многимъ, или многимъ, онъ различаетъ три вида: правленіе Царское (βασιλεία), Аристократію и Демократію; во второмъ также три вида: Тираннію, Олигархію и Охлократію. Изъ сихъ шести видовъ правленія Платонъ считаетъ только три первые вида правильными и съ правдою совмѣстными, а между ними отдаетъ преимущество правленію Царскому [90]. Есть еще, по словамъ Платона, правленіе, въ которомъ власть Царская, Аристократія и Демократія соединены въ одно согласное цѣлое. Такое правленіе онъ находитъ въ Спартѣ и государствахъ Крита и относитъ его также къ числу правильныхъ [91].

§ 212.

Кромѣ предложеннаго встрѣчается у Платона еще другое раздѣленіе государствъ и правленій, равно важное, равно существенное. По отношенію къ нравственному совершенству каждой души, взятой порознь, Платонъ находитъ возможными только слѣдующія пять состояній: 1) то состояніе, когда въ душѣ господствуетъ правда всецѣло, со всѣми особенными ея добродѣтелями, между которыми мудрость занимаетъ высшее мѣсто; 2) когда въ душѣ владычествуетъ мужество и умѣренность, но безъ мудрости; 3) когда господствуетъ одна умѣренность, безъ мудрости и мужества; 4) когда

[89] Politic. p. 291—297; cf. de leg. I, p. 644, 645; IV, p. 713, 714. Min. p. 313—318.

[90] Politic, p. 302, 303; de leg, IV, p. 714; cf. p. 709—712.

[91] De leg. IV, p. 712, 713; cf. p. 692. sqq.

ни одна изъ сихъ трехъ добродѣтелей не имѣетъ мѣста, когда союзъ между силами душевными совершенно разторгнутъ и каждая изъ нихъ стремится къ своей отдѣльной цѣли ; 5) наконецъ , когда вся душа порабощена владычеству одной какой нибудь страсти [92]. То же самое различіе Платонъ видитъ въ образахъ правленія и посему принимаетъ пять видовъ государственнаго устройства. Первый видъ есть тотъ , когда мудрость начальствуетъ въ государствѣ и правда со всѣми ея добродѣтелями является вполнѣ осуществленною ; вторый , Тимократія , — тотъ , когда въ государствѣ преобладаетъ мужество съ воинскимъ духомъ и честолюбіемъ и умѣренность , но безъ мудрости ; третій , Олигархія , — когда остается одна только умѣренность съ любовію къ богатству , безъ мудрости и мужества; четвертый, Демократія , — когда всѣ добродѣтели изглаждены и неправда господствуетъ повсюду , но будучи еще раздроблена по разнымъ лицамъ ; наконецъ пятый , Тираннія , — когда неправда вся вполнѣ представляется сосредоточенною въ одномъ лицѣ — въ Тираннѣ. Первый видъ государства есть самый лучшій , совершеннѣйшій ; вторый и третій имѣютъ только нѣкоторую часть достоинства; четвертый и пятый не имѣютъ совсѣмъ никакого достоинства [93].

Порядокъ ступеней, какія по внутреннему ихъ достоинству занимаютъ означенные образы правленія, выражаетъ, по ученію Платона , вмѣстѣ и порядокъ , въ какомъ измѣняются государства. По указанію исторіи Греческихъ Государствъ Платонъ дѣйствительно старался описать , какъ государство , самымъ лучшимъ образомъ устроенное , мало по-малу все становится хуже и хуже , доколѣ наконецъ мѣсто правды въ немъ не будетъ занято вполнѣ неправдою. Такимъ образомъ онъ начерталъ для насъ какъ бы философію исторіи — исторію, вѣчнаго по его мнѣнію, порядка, въ какомъ разные виды государствъ слѣдуютъ другъ за другомъ , вытекая одинъ изъ другаго. Здѣсь, какъ и вездѣ, для Платона оставалось только непонятнымъ , какимъ образомъ изъ совершеннаго можетъ произойти что либо несовершенное. Но допустивъ безусловную необходимость этого, онъ уже легко могъ объяснить себѣ , какъ начавшееся портиться потомъ портится все болѣе и болѣе, доколѣ не испортится совершенно. Различные виды государственнаго устройства слѣдуютъ, по его мнѣнію, въ непрерывномъ круговращеніи другъ за другомъ, начиная съ совершеннѣйшихъ. Изъ самаго лучшаго государствен-

[92] De rep. VIII, p. 548, 549; 553—555; 558—561. IX, p. 571—576.
[93] De rep. VIII, p. 5;6—548; 549—553; 555—558; 562—569.

наго устройства образуется Тимократія, отсюда Олигархія, изъ ней — Демократія, наконецъ — Тираннія [94]. Послѣдняя при благопріятныхъ обстоятельствахъ превращается въ наилучшій образъ правленія, и вѣчное круговращеніе начинается снова [95].

§ 213.

Приступая къ подробному изложенію ученія Платона о разныхъ образахъ правленія и вѣтвяхъ законодательства, мы должны предварительно разсмотрѣть одинъ вопросъ. Ученіе Платона о сихъ предметахъ содержится въ двухъ сочиненіяхъ: *О государствѣ* и *О законахъ*. Но между тѣмъ и другимъ сочиненіемъ находится рѣзкая противоположность: въ первомъ государство изображается подъ властію мудрыхъ мужей, управляющихъ независимо отъ законовъ; напротивъ во второмъ существенною его принадлежностію суть именно законы. Въ первомъ общеніе имуществъ, общеніе женъ и дѣтей, совершенная для обоихъ половъ одинаковость воспитанія и участія въ дѣлахъ государственныхъ, суть главныя установленія; во второмъ они не признаются существенными [96]. Какъ согласить такія противорѣчія?

Для рѣшенія сего вопроса были составлены разныя предположенія. Одни [97] думали, что Платонъ въ теченіи времени перемѣнилъ

[94] См тѣ-же мѣста. Ср. *Aristot.* Polit. V, 10; *Polyb.* hist. VI, 5—9.

[95] *Arist.* Polit. V, 10. § 3. — Ср. *Plat* de leg. IV, p. 709—712; de rep. V, p. 473; *Schleiermacher* in Platons Staat. Anmerk. zur S 407. Z. 20.

[96] Астъ (Platon's Leben und Schriften. Leipzig, 1816. S. 386) указываетъ еще на слѣдующія противорѣчія: 1) время брачной жизни ограничивается въ сочиненіи о государствѣ (V, p. 460) для мужескаго пола возрастомъ отъ 30 (собственно отъ 25) до 55 лѣтъ, для женскаго отъ 20 до 40; въ законахъ напротивъ (IV, p. 721; VI, p. 785) для мужескаго пола возрастомъ отъ 30 до 35, для женскаго отъ 16 до 20. Но въ законахъ говорится только о лѣтахъ, когда лица того и другаго пола могутъ и должны вступить въ союзъ супружескій. Если въ семъ отношеніи начальные предѣлы въ обоихъ сочиненіяхъ опредѣляются нѣсколько различно, то подобное разногласіе ни мало не удивительно по отношенію къ такому предмету, который, переходя въ кругъ количественнаго, по самой природѣ своей не позволялъ сдѣлать болѣе точнаго опредѣленія. 1) Въ законахъ не говорится о воинахъ, какъ объ особенномъ состояніи, между тѣмъ какъ сочиненіе о государствѣ разсуждаетъ объ нихъ съ такою подробностію. Но всѣ граждане государства, описываемаго въ законахъ, суть не что иное, какъ воины. 3) То и другое сочиненіе говорятъ неодинаковымъ образомъ о Тиранніи. Но въ какомъ отношеніи? Ср, De rep. VI, p. 502; cf. De leg. IV, p. 709—712.

[97] Между прочими и Лерминье въ Philosophie du droit. Bruxelles, 1832. p. 206 Мы не упоминаемъ о томъ предложеніи, будто законы несправед-

свои мысли. Другіе [98] утверждали, что между тѣмъ какъ въ первомъ сочиненіи изображается только существо наилучшаго образа правленія (πολιτεία), во второмъ со всею подробностію начертываются самые законы (νόμοι) для государства, состоящаго подъ наилучшимъ образомъ правленія. Иные [99] предполагали, что въ первомъ сочиненіи Платонъ представляетъ намъ идеалъ государства, или изслѣдываетъ вопросъ, какой образъ правленія есть безусловно лучшій, напротивъ во второмъ онъ старается примѣнить сей идеалъ къ исторически-даннымъ обстоятельствамъ, и слѣдовательно изображаетъ только то, что можетъ быть осуществлено изъ сего идеала.

Противъ перваго предположенія можно указать множество мѣстъ изъ разговоровъ о законахъ, гдѣ вполнѣ одобряются мысли, изложенныя въ сочиненіи о государствѣ [100]. Нельзя также принять и втораго предположенія, потому что для совершеннѣйшаго государства Платонъ, при личной мудрости его правителей, подробные законы совсѣмъ почитаетъ ненужными [101]. Итакъ остается принять только третье предположеніе. Основательность его доказывается собственными словами Платона. Платонъ самъ признается, что въ разговорахъ о государствѣ онъ начертывалъ только образецъ (παράδειγμα), идеалъ государства, не заботясь о томъ, можетъ ли оно точно въ семъ видѣ существовать на самомъ дѣлѣ, или нѣтъ [102]. Платонъ самъ также называетъ другое свое государство, описываемое въ разговорахъ о законахъ, твореніемъ наиболѣе близкимъ къ безсмертному образцу [103]; для построенія новаго своего зданія онъ собираетъ въ одно мѣсто все, что ни представлялось наилучшаго въ законахъ Греческихъ, и особенно Спарты и Крита [104], и принаровляясь къ

ливо приписываются Платону, ибо ихъ подлинность — судя только по тому что выше (§ 198, на стр. 145 и 146) было сказано, не подлежитъ сомнѣнію.

[98] Частію Аристотель, Aristot. Polit. II, 3. § 2, и Цицеронъ, Cic. de leg. I. 5.

[99] Частію уже Аристотель I. c.

[100] См. особенно De leg. V, 739, 740; p. 746; VII, p, 804. sqq. p. 814. sqq. IX, p. 875.

[101] De rep. IV, p. 425; p. 427. Но отсюда несправедливо было бы заключать съ Астомъ (a. a. O. S. 384—386), что мысль о подробнѣйшемъ законодательствѣ вообще несогласна съ духомъ философіи Платоновой; напротивъ законы имѣютъ здѣсь свое необходимое мѣсто, будучи однимъ изъ способовъ управленія людей въ обществѣ (см. выше § 211).

[102] De rep. V. p. 472, 473, cf. IV, p. 423.

[103] De leg. V, p. 740.

[104] De leg. III, p. 702; cf. I, p. 626.

дѣйствительности, повсюду стремится дать ей отъ себя направленіе идеальное.

2. Изображеніе разныхъ видовъ государственнаго устройства въ частности.

§ 214.

а) Идеалъ Государства — по смыслу разговоровъ о Государствѣ.

По отношенію къ идеальному государству предлежатъ нашему разсмотрѣнію: 1) *качество* и *количество людей* въ государствѣ; 2) *состоянія* въ немъ вообще; 3) *образъ правленія;* 4) общія *установленія* въ высшихъ состояніяхъ государства; 5) *средства* для того, чтобъ сдѣлать и сохранить государство *сообразнымъ идеѣ правды;* 6) *отношеніе* идеальнаго государства *къ другимъ* государствамъ и народамъ.

§ 215.

α) Качество и количество людей въ государствѣ.

Прежде всего надобно замѣтить, что Платонъ начертываетъ свой идеалъ государства для однихъ только *Грековъ*. Государство, которое онъ созидаетъ, есть государство Греческое [105].

Число, самое небольшое по нашимъ понятіямъ, именно тысяча собственно такъ называемыхъ гражданъ, въ глазахъ Платона уже достаточно для того, чтобъ составить государство [106]. Вообще онъ требуетъ, чтобъ государство относительно своего состава и пространства не было ни великимъ, ни малымъ, а всегда имѣло надлежащую величину и сохранялось единымъ [107]. Дать государству надлежащую величину и сдѣлать его, сколько возможно болѣе единымъ— это особенно Платонъ имѣетъ въ виду при всѣхъ своихъ постановленіяхъ.

§ 216.

β) Состоянія въ государствѣ.

Чтобъ государство само въ себѣ было достаточнымъ и единымъ,

[105] De rep. V, p. 470; cf. IV, p. 435, 436.

[106] Arist. Polit. II, 3. § 2; cf. Plato Politic. p. 292, 293. Въ томъ и другомъ мѣстѣ разумѣются только лица, принадлежащія къ высшимъ сословіямъ, извѣстнымъ въ сочиненіи о государствѣ подъ общимъ именемъ стражей.

[107] De rep. IV, p. 423.

въ немъ, по требованію Платона: во 1-хъ должны быть лица, которыя бы, обладая познаніемъ идеи добра, сообразно съ нею устрояли все государство [108]. Во 2-хъ должны быть лица, которыя бы постановляемое первыми приводили въ исполненіе и какъ людей, находящихся внутри государства, содержали въ покорности, такъ и отражали враговъ, нападающихъ извнѣ [109]. Въ 3-хъ должны быть лица, которыя бы производили вещи, служащія къ удовлетворенію физическихъ потребностей гражданъ [110].

Платонъ требуетъ при семъ, далѣе, чтобъ каждый въ государствѣ занимался какимъ нибудь однимъ родомъ дѣлъ. Причина подобнаго требованія заключается не только въ томъ, что каждый, занимаясь однимъ дѣломъ, можетъ лучше его дѣлать, нежели занимаясь многими [111], но еще болѣе въ томъ, что каждый человѣкъ по самой своей природѣ бываетъ способенъ къ одному извѣстному роду дѣлъ, смотря по тому, преобладаетъ ли въ душѣ его сила ума, или сила сердца, или сила пожеланій [112].

Такимъ образомъ, согласно тремъ родамъ дѣлъ въ жизни государственной, для Платона сами собою образуются три состоянія людей въ государствѣ, и уже по самой своей природѣ каждое лице принадлежитъ къ тому или другому состоянію. Это суть: *правительственное* состояніе, *воинское* и *промышленное* [113].

Каждое состояніе, занимаясь однимъ родомъ дѣлъ, соотвѣтствующимъ одной изъ силъ душевныхъ, въ тоже время осуществляетъ собою въ глазахъ Платона и одну добродѣтель. Итакъ въ государствѣ находятся всѣ добродѣтели: мудрость — состояніе правительственное [114], мужество — состояніе воинское [115], умѣренность — состояніе промышленное [116]. Но какъ изъ соединенія сихъ добродѣ-

[108] Ib. p. 517.
[109] Ib III, p. 415.
[110] Ib. II, p. 369–371.
[111] De rep. II, p. 370.
[112] De rep. III, p. 415; IV, p. 423. cf. De leg I, p. 626.
[113] Состояніе — *μέρος* (De rep. IV, p. 427); *ἔθνος* (ib. p. 420); *γένος* (De rep. VIII, p. 546). Состояніе правительственное — *ἄρχοντες* (De rep. III, p. 414). — Состояніе воинское — *στρατιῶται* (De rep. III, p. 414). — Состояніе промышленное — *δημιουργοί, γεωργοί* (De rep. III, p. 415 .
[114] De rep. IV, p 428.
[115] Ib. p 429, 430.
[116] Ib. p. 430—432. Умѣренность въ государствѣ, по опредѣленію Платона, есть такое совершенство, по которому желаніе и умъ немногихъ благороднѣйшихъ владычествуютъ надъ желаніями многочисленнаго нижняго класса, такъ что управляющіе и управляемые согласны между собою въ

телей составляется правда, то государство, гдѣ каждый исполняетъ свое дѣло и не вмѣшивается въ дѣло другихъ, изображаетъ въ себѣ полное понятіе правды [117].

Вообще всѣ состоянія Платонъ признаетъ наслѣдственными, сообразно тому физическому порядку, что отъ золота происходитъ золото, отъ серебра серебро и т. д. Въ случаѣ изъятій отъ общаго правила, онъ почитаетъ долгомъ правительства — каждому человѣку указать то состояніе, къ которому кто либо принадлежитъ по своей внутренней природѣ [118].

§ 217.

Опредѣляя *взаимное отношеніе состояній*, Платонъ хочетъ, чтобъ всѣ въ государствѣ были едино, чтобъ всѣ смотрѣли другъ на друга, какъ на братьевъ [119]. Онъ твердо держится той мысли, что начальствующіе управляютъ не для собственной выгоды, а для общаго блага, для блага подчиненныхъ [120]. Лица изъ первыхъ сословій по отношенію къ послѣднему называются у него не иначе, какъ стражами, оберегателями (φύλακες), и сравниваются съ пастухами, охраняющими стадо [121].

Сей тѣсный союзъ, сіе дружественное отношеніе трехъ состояній не установляетъ однакоже между ими равенства. Въ занятіи дѣлами, служащими къ удовлетворенію физическихъ потребностей жизни, Платонъ видитъ нѣчто подлое, презрѣнное, рабское. Потому и состояніе, занимающееся сими дѣлами, собственно говоря есть только совокупность рабовъ, принадлежащихъ цѣлому государству, или лучше, обоимъ высшимъ состояніямъ въ цѣлости, какъ истиннымъ гражданамъ. Оберегаемое своими стражами, оно ведетъ жизнь

томъ, кто изъ нихъ долженъ повелѣвать, кто повиноваться. Хотя по сему умѣренность есть добродѣтель, общая всѣмъ тремъ состояніямъ, однако она получаетъ свое особенное бытіе только по отношенію къ нижнему состоянію.

[117] Ib. p. 432—435.

[118] De rep III, p. 415. cf. Menex. p. 237; Cratyl. p. 394.

[119] De rep. IV, p. 423; III, p. 415.

[120] De rep. I, p. 346. sq. VI, p. 489.

[121] De rep. II, p. 375, 376; III, p. 415 — Имя стражей (φύλακες) Платонъ желалъ бы дать преимущественно лицамъ правительствующимъ, а воиновъ — называть только помощниками первыхъ. IV p. 414. — Впрочемъ обыкновенно то и другое состояніе онъ называетъ общимъ именемъ стражей. Сей-то послѣдній обширный смыслъ разумѣется вездѣ въ настоящемъ сочиненіи, если гдѣ говорится о стражахъ.

мирную, умѣренную, прилежно работаетъ для себя и для стражей и въ веселіи сердца восхваляетъ своихъ боговъ [122]. Предоставляя самимъ правителямъ государства опредѣлять всю область промышленности [123], Платонъ съ своей стороны повелѣваетъ только стражамъ особенно смотрѣть за тѣмъ, чтобъ не вкрались въ государство ни богатство, ни бѣдность [124], и обращаетъ все свое вниманіе на оба высшія состоянія.

§ 218.

γ) Образъ правленія.

Единство государства наиболѣе выражается *въ сословіи правительственномъ*. Это сословіе образуютъ философы, т. е. люди, знающіе единую цѣль жизни — идею добра [125]. Властительство философовъ, принимаемое Платономъ для своего государства, всегда казалось установленіемъ удивительнымъ, нерѣдко страннымъ и нелѣпымъ. Но кто разумѣется здѣсь подъ именемъ философовъ? Это — люди, въ которыхъ соединяются въ высшей степени всѣ человѣческія совершенства: люди, сердечно любящіе и съ неутомимостію собирающіе всѣ познанія, предметъ которыхъ есть истинно существующее; люди умѣренные, которые пренебрегаютъ чувственными удовольствіями и стяжаніями; люди мужественные, благородные, которые повсюду ищутъ цѣлаго и полнаго, которые, обнимая мыслію все пространство временъ и все сущее, не могутъ взирать на жизнь, какъ на нѣчто великое, и слѣдовательно на смерть, какъ на нѣчто страшное; словомъ, люди, вполнѣ преданные правдѣ [126]. Лица съ такими совершенствами, надлежащимъ образомъ воспитанные и пріобрѣвшіе всю нужную опытность для управленія государствомъ, — такія лица называются у Платона философами, и они-то по достиженіи 50 лѣтъ возраста вступаютъ въ управленіе его государствомъ [127].

Какъ подобныхъ людей бываетъ всегда немного, то правленіе въ государствѣ Платоновомъ есть Царское, или по крайней мѣрѣ Аристократическое [128].

[122] De rep. II, 572.
[123] De rep. IV, p. 425.
[124] De rep. IV, p. 421, 422.
[125] De rep. V, p. 472, 473
[126] De rep. VI, p. 485—487; VII, p. 535, 536.
[127] De rep. VII, p. 536—541.
[128] De rep IV, p. 445.

Въ слѣдствіе общаго постановленія о наслѣдственности состояній, это правленіе есть *вообще* наслѣдственное [129].

Какъ наконецъ управляющіе обладаютъ здѣсь истиннымъ вѣдѣніемъ, то они въ управленіи своемъ и не ограничиваются никакими законами [130].

Вотъ постановленія, касающіяся исключительно состоянія правительственнаго! Другой рядъ постановленій, не менѣе существенныхъ для Платонова государства, простирается на все вообще сословіе стражей.

§ 219.

д) Общія установленія въ высшихъ государственныхъ состояніяхъ.

Видя въ стражахъ гражданъ въ собственномъ смыслѣ, Платонъ употребляетъ всѣ возможныя усилія, чтобъ сдѣлать и сохранить сіе сословіе само въ себѣ единымъ.

Уже внутренняя, нравственная красота, выраженная въ тѣлѣ, какою особенно отличаются стражи, должна заставить ихъ любить другъ друга: прекрасное само по себѣ достойно любви [131].

Далѣе, въ сословіи стражей, вмѣсто установленій, обыкновенно отдѣляющихъ людей другъ отъ друга, существуютъ *установленія* совершенно другаго рода.

1. Здѣсь не существуетъ *различія между мужескимъ и женскимъ поломъ относительно исправленія дѣлъ и должностей общественныхъ:* женщины, имѣя въ семъ отношеніи такую же природу, какъ и мущины, участвуютъ въ защитѣ и управленіи государства наравнѣ съ ними [132].

2. Здѣсь не существуетъ *частной собственности*. Всѣ стражи, какъ мущины, такъ и женщины, живутъ въ однихъ общихъ воинскихъ жилищахъ и получаютъ все для себя нужное въ опредѣленномъ порядкѣ отъ состоянія промышленнаго подъ видомъ наемной

[129] De rep. III, p. 415.

[130] De rep. VII, 540; IV, 425. — Само собою разумѣется, что постановленія, которыми опредѣляется существо этого образа правленія (т. е. *πολιτεία* въ противоположность *νόμοι*), должны навсегда оставаться ненарушимы (см. напр. De rep. II, p 283; IV, p. 425; VII, p 541); такъ какъ только въ слѣдствіе сего правленія (*πολιτεία*) и ненужны въ немъ *νόμοι*.

[131] De rep. III, p. 403.

[132] De rep. V. p. 456, 457; VI, p. 540; cf. de leg. V, p. 739.

платы, безъ излишества и безъ недостатка; всѣ посѣщаютъ общіе столы и живутъ такъ, какъ будто бы стояли въ полѣ [133].

3. У стражей *жены и дѣти общія.* Само правительство устрояетъ между стражами временные брачные союзы подъ своимъ надзоромъ. Законный возрастъ для брака назначается мужескому полу отъ 25 до 55 лѣтъ, женскому отъ 20 до 40 лѣтъ. Правительство, сочетавая людей сего возраста, старается при томъ, съ помощію даже невинныхъ хитростей, соединять лучшихъ съ лучшими и худшихъ съ худшими, и особенно покровительствуетъ въ этомъ случаѣ отличныхъ, храбрыхъ юношей, дабы отъ нихъ родилось, сколько возможно, болѣе хорошихъ гражданъ. Въ опредѣленіи числа браковъ правительство сообразуется съ обстоятельствами, имѣя въ виду то, чтобъ въ государствѣ всегда сохранялось одно и то же количество гражданъ, безъ приращенія и умаленія. Какъ стражъ не имѣетъ у себя жены, соединенной съ нимъ прочными узами; такъ онъ не имѣетъ и дѣтей, которыя бы принадлежали ему исключительно. Родители даже и не знаютъ, кто ихъ дѣти. Каждый называетъ своими дѣтьми всѣхъ родившихся между седьмымъ и десятымъ мѣсяцемъ, считая съ того дня, какъ онъ сдѣлался супругомъ, родившихся отъ сихъ дѣтей — внуками; сіи дѣти напротивъ называютъ его отцемъ, родившіеся отъ нихъ — дѣдомъ; тѣ и другіе называютъ всѣхъ родившихся въ то время, какъ ихъ отцы и матери были еще плодородны, своими братьями и сестрами [134].

Такъ сословіе стражей изображаетъ собою одно общее семейство! Каждый называетъ другихъ священными именами родства; каждый долженъ видѣть въ другихъ дѣйствительно своихъ родителей, сыновей, дочерей, братьевъ, сестеръ. Такъ въ сословіи стражей особенное лицо съ его правами ничего не значитъ! У стражей все общее: одни и тѣ же занятія для мущинъ и женщинъ, одно у всѣхъ имущество, однѣ жены и дѣти. Но все это держится добродѣтелію сословія, существуетъ для нее, выражаетъ только ее собою.

§ 220.

ε) Средства для того, чтобъ сдѣлать и сохранить государство добродѣтельнымъ.

Для непрерывнаго сохраненія добродѣтели въ сословіи стражей, или, что все равно, въ государствѣ, два *средства* находитъ Пла-

[133] De rep. III, p. 415—417.
[134] De rep. V, p 458—461.

тонъ безусловно необходимыми: 1) правильный распорядокъ относительно *рожденія* дѣтей, 2) *воспитаніе*. Оба средства, предполагая добродѣтель чѣмъ-то физическимъ, основываются на созерцаніи дѣйствія силъ физическихъ

Рожденіе. Какъ, по мнѣнію Платона, добрыя природныя качества составляютъ первое условіе добродѣтели, а по общему правилу доброе раждается отъ добраго и худое отъ худаго; то прежде всего онъ требуетъ, чтобъ правительство обращало особенное вниманіе на рожденіе дѣтей [135]. Изъ всѣхъ дѣтей, раждающихся въ сословіи стражей, только дѣти отъ браковъ, устроенныхъ правительствомъ между лучшими гражданами, почитаются законнорожденными предъ лицемъ государства, впрочемъ за исключеніемъ родившихся уродами [136].

Воспитаніе. Чтобъ быть добродѣтельнымъ, надобно еще, родившись съ добрыми качествами, получить доброе воспитаніе; въ противномъ случаѣ чѣмъ лучше природныя дарованія, тѣмъ будутъ они пагубнѣе, получивъ превратное направленіе [137]. Платонъ говоритъ: «въ сравненіи съ правилами о воспитаніи все прочее, предписываемое отъ насъ стражамъ, маловажно» [138]. Воспитаніе въ Платоновомъ государствѣ для всего сословія стражей есть общее. Младенцы, какъ мужескаго, такъ и женскаго пола, признанные государствомъ, по рожденіи тотчасъ поступаютъ въ общій воспитательный домъ къ кормилицамъ [139]. Вскормленные такимъ образомъ дѣти сначала получаютъ всѣ одинакое образованіе. Посредствомъ воспитанія правильное мнѣніе о добрѣ и злѣ должно сростись какъ бы съ самою ихъ природою. Они должны сдѣлаться столько же добродушными, сколько и храбрыми [140], быть образованными какъ по душѣ, такъ и по тѣлу. На сей конецъ всѣ они обучаются Музыкѣ и Гимнастикѣ. Оба искуства помогаютъ другъ другу. Назначеніе Музыки есть образовать душу, назначеніе Гимнастики — между прочимъ образовать тѣло. Но при тѣлесныхъ упражненіяхъ надобно особенно имѣть въ виду не то, чтобъ сдѣлать тѣло крѣпкимъ, а чтобъ возбудить естественное мужество, — и вотъ, по мнѣнію Платона,

[135] De rep. VIII, p. 546.
[136] De rep. V, p. 459; 461.
[137] De rep. VI, p. 491.
[138] De rep. IV, 423. cf. p. 424.
[139] De rep. V, p. 460.
[140] Cf. de rep. II, p. 375, 376.

истинная цѣль Гимнастики! Музыка напротивъ должна воспитать любознательное въ душѣ, и такимъ образомъ сдѣлать ее кроткою, умѣренною, произвесть въ ней внутреннюю благонастроенность, возбудить чувство изящнаго. Предающіеся односторонно Гимнастикѣ бываютъ слишкомъ грубы, предающіеся исключительно Музыкѣ — слишкомъ изнѣжены [141]. Кромѣ гимнастическихъ и музыкальныхъ упражненій всѣ дѣти обучаются въ то же время Математикѣ, преимущественно какъ наукѣ, могущей служить самымъ лучшимъ пріуготовленіемъ къ Философіи [142]. Отличнѣйшіе изъ нихъ по дарованіямъ, поведенію и успѣхамъ, начиная съ 20 лѣтъ возраста, постепенно вводятся въ кругъ Наукъ Философскихъ, и наконецъ самые избраннѣйшіе, послѣ 15-ти лѣтнихъ практическихъ занятій, нужныхъ для пріобрѣтенія опытности въ дѣлахъ государственныхъ, посвящаются въ 50 лѣтъ своего возраста въ высшія тайны Философіи, и, когда придетъ очередь, вступаютъ въ управленіе государствомъ [143]. Всѣ предложенныя постановленія о воспитаніи простираются какъ на мущинъ, такъ и на женщинъ, которыя воспитываются совершенно наравнѣ и вмѣстѣ съ первыми [144].

§ 221.

ζ) Отношеніе къ другимъ государствамъ и народамъ.

Мы обозрѣли постановленія, опредѣляющія существо внутреннихъ отношеній идеальнаго государства. Для *внѣшнихъ* отношеній Платонъ также начертываетъ нѣкоторыя общія правила. Всѣ Греки, говоритъ онъ, друзья и родные между собою, всѣ они любятъ Греческое, всѣ почитаютъ Грецію своею родною матерью, всѣ имѣютъ общія святилища; по сему брань между ними не должна быть называема войною, а только внутреннимъ возмущеніемъ; воюя между собою, они всегда должны помнить, что имъ надлежитъ опять при-

[141] De rep. II, p. 376; III, p 410—412. Особенно см. III, p. 401, 402. О музыкѣ подробно говорится II, p. 376—III, p. 402, X, p. 595—608. Подъ именемъ музыки разумѣется здѣсь не только искуство пѣнія и игры на музыкальныхъ инструментахъ, но и вся вообще Поэзія. Приписывая музыкѣ чрезвычайное вліяніе на образованіе юныхъ сердецъ, Платонъ естественно требуетъ, чтобъ она вполнѣ соотвѣтствовала цѣли воспитанія, и потому извергаетъ изъ своего государства всѣхъ стихотворцевъ, которые бы или содержаніемъ своихъ твореній, или образомъ изложенія могли повредить доброй нравственности. — О Гимнастикѣ говорится III, p. 403—409.

[142] De rep. VII, p. 521—534.

[143] De rep. VII, p. 536—541.

[144] De rep. V, p. 452; 458; VII, p. 541.

мириться, а не вѣчно оставаться во враждѣ. Итакъ имъ неприлично дѣлать другъ друга рабами, опустошать земли другъ у друга, разорять селенія [145]. Словомъ: бытіе правды во взаимныхъ отношеніяхъ Греческихъ государствъ между собою Платономъ признается вполнѣ. Напротивъ Греки и варвары суть, по его словамъ, между собою враги отъ природы и ведутъ дѣйствительную войну [146]. Опредѣляя точнѣе отношенія однихъ къ другимъ, онъ, кажется, забываетъ то общее правило, по коему одинъ человѣкъ вообще не долженъ вредить другому [147]: въ войнѣ съ варварами онъ позволяетъ Грекамъ обращать ихъ въ рабство, истреблять у нихъ жилища, опустошать поля [148].

§ 222

Таково идеальное государство Платона! Оно, образуя изъ всѣхъ лицъ, входящихъ въ его составъ, какъ бы одно лице, дѣлая всѣхъ гражданъ какъ бы членами одного человѣка, проникнутыми одною жизнію, содержитъ въ себѣ всѣ необходимыя условія для существованія правды между людьми и есть величественное ея изображеніе. Это одно государство, по мнѣнію Платона, вполнѣ достойно своего имени. Другія государства должны по возможности уподобляться сему единственному образцу, и только въ той мѣрѣ заслуживаютъ быть называемы государствами, въ какой они приближаются къ нему [149]. Напротивъ чѣмъ болѣе общество удаляется отъ него, тѣмъ менѣе бываетъ въ гражданахъ добродѣтели, тѣмъ болѣе преобладаетъ въ нихъ неправда, и общество, совершенно противоположное истинному государству, есть неправда въ высшей степени [150].

§ 223.

б) Приложеніе идеала къ дѣйствительности — по смыслу Разговоровъ о Законахъ.

Приложеніе идеала къ дѣйствительности, именно къ Греческимъ государствамъ, содержится, какъ мы замѣтили [151], въ Разговорахъ о Законахъ. Платонъ предполагаетъ, будто Критяне намѣрены осно-

[145] De rep. V, p. 470, 471.
[146] De rep. V, p. 471.
[147] De rep. I, p. 331—336
[148] De rep. V, p 470, 471.
[149] De rep. V, p. 472, 473; cf IV, p. 423.
[150] De rep. VII, p. 546—548, 549—553; 555—558; 562—569.
[151] См. выше § 213.

вать колонію [152]. Для этой колоніи въ Разговорахъ о Законахъ подробно начертываются правленіе и законы по примѣру Спартанскихъ и Критскихъ, съ присовокупленіемъ всего, что было лучшаго у другихъ Грековъ, со взоромъ, постоянно устремленнымъ къ идеалу. Какъ по сему содержаніе Разговоровъ о Законахъ составляется изъ идеальнаго и дѣйствительнаго, и первое уже изложено въ достаточной полнотѣ, а второе въ настоящемъ мѣстѣ до насъ не касается, то мы ограничимся только однимъ легкимъ очеркомъ государства, здѣсь описываемаго.

§ 224.

Законъ въ существѣ своемъ, по мнѣнію Платона, есть выраженіе началъ ума, которыя должны служить общими правилами для государства [153]. По сей причинѣ, такъ какъ всѣ начала ума образуютъ одну систему, Платонъ хочетъ, чтобъ законодатели предлагали законы не отрывками, а въ системѣ, восходили до высшихъ началъ законодательства и подвигались въ непрерывной послѣдовательности отъ одного разряда законовъ къ другому [154]. По сей также причинѣ онъ почитаетъ во всякомъ законѣ необходимыми двѣ части: убѣжденіе и угрозу. Разумнымъ существамъ законъ не просто что либо предписываетъ или запрещаетъ, дѣйствуя какъ бы насильственнымъ образомъ, а присоединяетъ къ тому убѣжденія, показывая причины, для чего постановляется то или другое. Тѣмъ, которые бы не послушались убѣжденія, законъ угрожаетъ наказаніемъ [155].

Содержаніе законовъ, по ученію Платона, должно простираться, какъ на дѣла общественныя, такъ и на частную жизнь гражданъ: безъ устроенія частной жизни не можетъ имѣть твердости и общественный порядокъ [156]. Хотя законодатель не можетъ входить во всѣ подробности, во всѣ мелочные случаи жизни: однако, по мнѣнію Платона, онъ долженъ и для сихъ отношеній дать нужные совѣты; гражданинъ, сообразующійся съ намѣреніемъ законодателя не только въ томъ, что онъ повелѣваетъ, но и въ томъ, что совѣтуетъ, стоитъ гораздо выше того, который исполняетъ одни его повелѣнія [157].

[152] De leg. III, p. 702.

[153] Politic. p. 300; De leg I, p 644, 645; IV, p. 713—715; IX, p. 875.

[154] De leg. I, p. 631. sq.

[155] De leg. IV, p. 719—723; IX, p. 854. — Ту часть Закона, въ которой показываются его причины, Платонъ называетъ *предисловіемъ* (*προοίμιον*).

[156] De leg. VI, p. 790.

[157] De leg. VII, p. 808; 822, 823.

Неизмѣнность законовъ есть всегдашняя цѣль, къ которой стремится Платонъ. Особенно онъ желаетъ обратить ихъ въ самые нравы народа. Впрочемъ онъ не только не отвергаетъ необходимости усовершать изданныя узаконенія отъ времени до времени, но и требуетъ, чтобъ для наблюденія всего добраго въ другихъ государствахъ постоянно были посылаемы опытные мужи, такъ какъ, по его словамъ, вездѣ есть люди, достойные того, чтобъ искать у нихъ совѣта [158].

Платонъ признаетъ силу вліянія разныхъ обстоятельствъ и случаевъ на ходъ законодательства; но «во время бури», говоритъ онъ, «искуство кормчаго доставляетъ великую услугу» [159].

§ 225.

Для заведенія колоніи лучшею по *мѣстоположенію* почитается страна, удаленная отъ моря, которая обладаетъ всѣми произведеніями, нужными для продовольствія жителей, но безъ излишества. Городъ, имѣющій большое изобиліе въ произведеніяхъ, равно какъ и приморскій, необходимо вдается въ торговлю, которая вскорѣ влечетъ за собою роскошь и порчу нравовъ [160].

Между *людьми*, желающими поселиться въ городѣ, дѣлается строгой разборъ, чтобъ отдѣлить добрыхъ отъ худыхъ. Только первые принимаются въ колонію: иначе отъ больныхъ легко могутъ заразиться и здоровые [161].

Земли для города требуется *столько*, чтобъ она могла прокормить извѣстное число гражданъ при умѣренномъ образѣ ихъ жизни; а *гражданъ — столько*, чтобъ они въ состояніи были отражать нападенія враговъ и подавать помощь сосѣдямъ. Примѣрное число гражданъ полагается въ 5040; на столько же участковъ дѣлится и вся земля [162].

§ 226.

Граждане раздѣляются на 12 колѣнъ (φυλαί), сколько возможно, равныхъ по своему богатству и носящихъ имена 12 боговъ

[158] De leg. VI, p. 769—772; XII, p. 951, 952. — О писанныхъ и неписанныхъ Законахъ, см. De leg. VII, p. 763; De rep. VIII, p. 563.
[159] De leg. IV, p. 709.
[160] De leg. IV, p. 704, 705.
[161] De leg. V, p. 735, 736.
[162] De lep. V, p. 737. seqq.

Олимпа [163]. Каждое колѣно какъ въ городѣ занимаетъ особую часть, такъ и внѣ города имѣетъ свои жеребьи въ особенныхъ частяхъ земли.

Какъ у гражданъ есть уже важное занятіе, требующее большаго ученія и большаго труда, т. е. сохраненіе общаго порядка государственнаго и пріобрѣтеніе доблести душевной и тѣлесной; то никто изъ нихъ не можетъ заниматься ни земледѣліемъ, ни ремеслами, ни работами у другихъ гражданъ [164].

Населеніе государства состоитъ потому еще изъ множества *рабовъ* и *иностранцевъ*. Рабы во-первыхъ отправляютъ всѣ домашнія работы и службы [165]; во вторыхъ воздѣлываютъ землю для своихъ господъ — гражданъ [166]. Иностранцы во-первыхъ занимаются ремеслами; во-вторыхъ ведутъ въ государствѣ всю торговлю вмѣстѣ съ мелочною промышленностію [167].

§ 227.

Правленіе государствомъ, образованное вообще въ духѣ аристократическомъ [168], сосредоточивается въ лицѣ разныхъ сановниковъ (ἀρχαί) [169], совѣта (βουλή) [170] и народнаго собранія (ἐκλλησία) [171]. Степень участія гражданина въ правленіи зависитъ отъ класса, къ которому онъ принадлежитъ по своему богатству; на сей конецъ опредѣлено 4 класса [172].

§ 228.

Средствами для укорененія *добродѣтели* между гражданами полагаются надзоръ за правильнымъ рожденіемъ дѣтей и воспитаніе. Посему взаимныя отношенія между супругами подлежатъ строгому наблюденію со стороны правительства [173]; на мущину возлагается обязанность вступить въ бракъ отъ 30 до 35 лѣтъ [174], женщина

[163] De leg. V, p. 745.
[164] De leg. VIII, p. 846. seqq. cf. VII, p. 807.
[165] De leg. VI, p. 776. seqq.
[166] De leg. VII, p. 806. Cf. VIII, p. 847, 848.
[167] De leg. XI, p. 918. seqq.
[168] De leg. VI, p. 757, 758. cf. Arist. Polit. II, 3. § 11—12.
[169] De leg. VI, p. 753—756, 759—768.
[170] De leg. VI, p. 756—758.
[171] De leg. VI, p. 764
[172] De leg. VI, p. 754.
[173] De leg. IV, p. 783, 784.
[174] De leg. VI, p. 772. — Cf. VI, p. 785

должна выйти замужъ отъ 16 до 20 лѣтъ [175]. Для воспитанія дѣтей даются также подробныя правила. Дѣти мужескаго пола воспитываются особо отъ дѣвицъ. Первые наставляются въ Гимнастикѣ и Музыкѣ, и болѣе или менѣе въ Математикѣ [176]; вторыя, сверхъ Музыки, упражняются и въ Гимнастикѣ, дабы въ крайности могли также защищать свое отечество [177].

§ 229.

Въ исправленіи разнообразныхъ государственныхъ должностей [178], въ священныхъ празднествахъ [179], въ гимнастическихъ и музыкальныхъ состязаніяхъ [180], въ примѣрныхъ воинскихъ походахъ и сраженіяхъ [181], — въ этомъ и подобномъ тому протекаетъ вся *жизнь гражданъ*. Они имѣютъ общіе столы [182]. Женщины — также, но отдѣльно отъ мущинъ [183].

§ 230.

Впрочемъ и *частныя права* теперь болѣе или менѣе уважаются. Супружескій союзъ, какъ установленіе, посредствомъ коего люди, передавая другъ другу жизнь, какъ свѣтильникъ, совершаютъ такимъ образомъ вѣчное священнослуженіе Божеству [184], признается во всей его чистотѣ [185] и святости [186]. Власть отеческая сохраняется въ полной ея силѣ [187]. Права собственности и права по обязательствамъ опредѣляюся закономъ и защищаются судомъ [188]. Наконецъ установляется порядокъ наслѣдованія какъ по закону, такъ и по завѣщанію [189].

[175] De leg. VI, p. 785. — Cf. VIII, p. 833.
[176] De leg. VII.
[177] De leg. VII, p. 804. Seqq. p. 814. Seqq.
[178] De leg. VI.
[179] De leg. VIII, p. 828.
[180] De leg. VIII, p. 833—835.
[181] De leg. VIII, p. 829—832.
[182] De leg VIII, p. 842.
[183] De leg. VI, p. 780; VII, p. 806.
[184] De leg. IV, p. 721; VI, p. 774; 776.
[185] De leg. VIII, p. 841.
[186] Ib. VI, p. 784.
[187] De leg. XI, p. 922. sq.
[188] Ib. XI, p. 913—922.
[189] Ib. XI, p. 922. sq.

§ 231.

Пространное *Уголовное Законодательство* [190] даетъ нужную прочность всему зданію [191]. Въ опредѣленіи цѣли наказаній Платонъ не слѣдуетъ какому либо одному началу. Онъ упоминаетъ о слѣдующихъ цѣляхъ: 1) угрозою наказанія отвратить человѣка отъ преднамѣреваемаго преступленія [192]; 2) наказаніемъ исправить преступника [193]; 3) примѣромъ наказываемаго преступника устрашить другихъ и отвратить отъ подобныхъ преступленій [194]; 4) наказывая злодѣевъ смертію, изгнаніемъ и т. д., избавить отъ нихъ государство [195].

§ 232.

Впрочемъ совершенно утвердить свое государство Платонъ надѣется не иначе, какъ устроивъ законоблюстительное собраніе [196] изъ людей мудрѣйшихъ и опытнѣйшихъ, которые бы знали существо добродѣтели, знали истинную цѣль государства, знали, какимъ образомъ достигать ее, что споспѣшествуетъ, что вредитъ ей; такіе мужи, имѣя своими помощниками младшихъ гражданъ, непрерывно стоящихъ на стражѣ, получали бы отъ нихъ, какъ умъ отъ чувствъ, извѣстія о всемъ происходящемъ въ государствѣ и принимали бы мѣры для его охраненія. Но въ то же время Платонъ сознаетъ всю трудность, почти невозможность образовать подобное собраніе, и оно нимало не согласуется съ прочимъ составомъ правленія, описаннаго въ Разговорахъ о Законахъ. Это послѣднее вмѣстѣ и съ его законами при существованіи собранія мудрыхъ уничтожилось бы само собою, и дѣйствительное государство тотчасъ возвысилось бы на степень идеальнаго. Итакъ требованіе, которымъ заключаются Разговоры о Законахъ, есть только указаніе на то идеальное государство, къ которому всѣ другія должны по возможности приближаться, и которое изображено намъ въ Разговорахъ о Государствѣ.

[190] Ueber die Principien der Platonischen Criminalgesetzgebung. Въ Zeitschrift für Alterthumswissenschaft. 1844. № 85, 86.
[191] De leg. IX—XII.
[192] De leg IX, p 853.
[193] Protag. p 323, 324; Gorg. p. 476—479; 472; 525.
[194] De rep. X, p. 615, 616; Gorg. p. 525.
[195] De rep. III, p. 409, 410; Polit. p. 293, 309.
[196] De leg. XII, p. 960—969.

III. О ПРАВДѢ ВЪ ЦѢЛОМЪ РОДѢ ЧЕЛОВѢЧЕСКОМЪ.

§ 233.

Если разсматривая оба государства Платоновы въ совокупности, т. е. государство идеальное и образованное по возможности примѣнительно къ этой идеѣ, мы не можемъ не удивляться величественности предпріятія — изобразить, какъ правда осуществляется въ огромныхъ размѣрахъ государства; то еще возвышеннѣе по своимъ взглядамъ представляется намъ философъ, когда онъ сказываетъ, какъ совершенства, изъ коихъ составляется сія идея, раздѣлены между народами въ цѣломъ родѣ человѣческомъ, какъ Греція находится подъ владычествомъ силы ума, Сѣверные народы подъ господствомъ силы сердца, наконецъ народы Азіи и Египта подъ господствомъ силы пожеланій [197]. Хотя мысль сія о проявленіи правды въ цѣломъ родѣ человѣческомъ у Платона не раскрывается глубже и содержится въ одномъ только намекѣ; однако она сама по себѣ такъ важна, что заслуживаетъ быть особенно замѣченною. Здѣсь видимъ мы понятіе о правдѣ во всемъ его свѣтѣ, во всей обширности его приложенія.

Б. АРИСТОТЕЛЬ.

§ 234.

Высшее начало Философіи у Аристотеля [198] есть энергія — совершенная дѣятельность. Всеобщее, которое, по ученію Платона, составляетъ сущность вещей, не есть что нибудь безжизненное; оно дѣйствуетъ, оно возпроизводитъ себя, оно раскрываетъ, пораждаетъ изъ себя особенности, различія, не уничтожаясь, но сохраняя себя въ нихъ. Дѣйствительно, руководимый своею мыслію Аристотель умѣлъ опредѣлить особенныя свойства и силы каждаго рода существъ. Различные предметы у него не совпадаютъ одинъ съ другимъ, но каждый удерживаетъ свой кругъ дѣйствія и свою самостоятельность. Его понятія о вещахъ точны, опредѣленны.

§ 235.

Для нашего предмета, кромѣ *Этики* въ трехъ ея видахъ [199], мы имѣемъ отъ Аристотеля два *сочиненія:* одно, именно ***Политику,***

[197] De rep. IV, p. 435.
[198] Аристотель род. въ 384 г. до Р. Х., ум. въ 322 г.
[199] Ethica Nicomachea, Ethica Eudemia, Ethica magna.

болѣе или менѣе въ первоначальной цѣлости; другое, именно *Экономику*, весьма вѣроятно, только въ извлеченіи Теофрастовомъ [200].

§ 236.

Раздѣляя вмѣстѣ съ Платономъ всю Философію на 3 части: Діалектику, Физику и Этику, Аристотель послѣднюю также называетъ общимъ именемъ Политики [201]. Какъ цѣль государства, по его мнѣнію, обнимаетъ всѣ цѣли человѣческой жизни; такъ и въ *Политикѣ* — наукѣ о государствѣ, содержатся всѣ практическія науки. Государство, какъ цѣлое, образуется изъ отдѣльныхъ лицъ и домовъ, какъ составныхъ частей: на этомъ основаніи къ Политикѣ въ общемъ смыслѣ относятся у Аристотеля три особенныхъ науки: Этика въ тѣсномъ смыслѣ, Экономика и наконецъ Политика также въ тѣсномъ значеніи сего слова. Предметомъ первой есть добродѣтель человѣка вообще, или человѣка, взятаго порознь; второй—добродѣтель въ ея приложеніи къ дому; третьей — добродѣтель въ ея приложеніи къ государству, какъ одному цѣлому [202]. Врочемъ двѣ послѣднія науки опять соединяются у Аристотеля въ одномъ имени — Политики [203].

§ 237.

Чтобъ означить *мѣсто*, назначаемое Аристотелемъ *предметамъ законодательства въ цѣлой Философіи*, нужно обозрѣть все ея содержаніе.

Аристотель различаетъ въ вещахъ двѣ степени бытія: способность быть чѣмъ нибудь (δύναμις) и полную дѣятельность (ἐνέργεια) и для объясненія бытія существъ разсматриваетъ четыре особенные вида причинъ: 1) Чтобъ могло произойти извѣстное существо, должно уже находиться нѣчто другое, изъ чего бы оно могло произойти; это есть матерія (ὕλη). 2) Въ противоположность матеріи то состояніе, въ какомъ находится произшедшее существо, есть его форма (μορφή). Матерія и форма относятся другъ къ другу, какъ возмож-

[200] Здѣсь разумѣется только Экономика, извѣстная въ изданіяхъ подъ именемъ первой; вторая рѣшительно не принадлежитъ Аристотелю. Вопросъ о томъ видѣ, въ какомъ дошли до насъ творенія сего Философа, не подлежатъ нашему разсмотрѣнію въ особенности. См. впрочемъ Ritter's Geschichte der Philosophie. III, S. 20. ff.

[201] Rhet. I, 2; Magn. mor. I, 1; Eth. Nic. I, 3.

[202] Eth. Nic. VI, 8.

[203] Polit. I; VII—VIII.

ное и дѣйствительное. Но существо тогда только и есть существо извѣстнаго рода, если оно есть чѣмъ нибудь въ самой дѣйствительности, а не въ одной возможности. Форма потому лучше и совер-вершеннѣе матеріи. 3) Форму соединяетъ съ матеріею причина дѣйствующая или движущая (τὸ κινοῦν). Дѣйствующая причина, дѣйствуя, стремится къ чему нибудь — къ извѣстной цѣли (τὸ τέλος). Дѣятельность иногда заключаетъ эту цѣль въ себѣ самой, напр. какъ скоро человѣкъ видитъ вещь, то онъ и увидѣлъ ее, иногда въ чемъ нибудь другомъ внѣ себя, напр. учащійся еще не выучился, а только учится для того, чтобъ выучиться. Въ первомъ случаѣ дѣятельность называется энергіею, энтелехіею — совершенною дѣятельностію, во второмъ — движеніемъ (κίνησις); энергіи, какъ одному предѣлу бытія вещи, соотвѣтствуетъ простая возможность, или способность (δύναμις), какъ другой предѣлъ; въ срединѣ между обѣими находится движеніе, какъ переходъ вещи изъ возможности въ дѣйствительность. — Энергія, какъ цѣль сама для себя, есть самая форма вещи. Цѣль, къ которой стремится дѣйствующая причина, есть именно форма, дѣйствительность бывшаго доселѣ только возможнымъ. Форма, въ какой является вещь по окончательномъ своемъ происхожденіи на свѣтъ, есть ея совершенная энергія, полная дѣятельность ея способностей, какая только для нея возможна: быть въ полной дѣятельности всѣхъ своихъ способностей — вотъ послѣдняя цѣль всякой вещи! Итакъ подъ именемъ формы у Аристотеля не надобно разумѣть какой нибудь внѣшній видъ; напротивъ это есть самое внутреннее существо вещи, какъ оно является въ полномъ своемъ раскрытіи, въ полной своей дѣятельности. Равнымъ образомъ энергія есть и движущая причина въ вещахъ. Все вообще происхожденіе основывается на томъ, что дѣйствительная форма одного существа производитъ такую же форму въ матеріи, способной принять ее. Возбужденная такимъ образомъ внутренняя сила потомъ непрерывно сохраняетъ сама себя среди всѣхъ измѣненій, образуетъ свою матерію, раскрываетъ свое внутреннее существо и достигаетъ до совершеннѣйшаго вида, какой для нее возможенъ. — Итакъ три причины: форма, цѣль и причина дѣйствующая сдѣлались теперь одною. Сей одной противополагается, какъ другая крайность, матерія, которую Аристотель напрасно силится уравнить съ другими причинами. Такимъ образомъ и его Философія, такъ же, какъ Платонова, основывается на двойственномъ началѣ. Но онъ видитъ уже вполнѣ зависимость матеріи отъ формы (цѣли,

движущей причины) : матеріальное само по себѣ есть ничто ; оно существуетъ только по отношенію къ формѣ, потому что для другой формы требуется и другая матерія; матерія нужна только подъ условіемъ цѣли, какъ средство для нее; способность существуетъ только для того, чтобъ быть полною дѣятельностію. Впрочемъ все различіе между способностію и энергіею находится только въ конечныхъ существахъ. Но восходя отъ одного существа до другаго , мы должны наконецъ дойти до такого существа , въ которомъ способность и энергія есть одно и тоже, или которое есть чистая энергія,—до первой формы , до первой цѣли , до первой движущей причины. Это есть , по ученію Аристотеля , Богъ , котораго онъ представляетъ намъ въ самомъ возвышенномъ видѣ , какъ Существо , которое держится само собою , Существо самостоятельное , неизмѣняемое , которое не имѣя въ себѣ ничего матеріальнаго , слѣдовательно чувственнаго , необходимо должно быть существомъ умственнымъ. Но «умственное и умъ есть одно и тоже,» говоритъ Аристотель и потому не иначе взираетъ на Бога, какъ на совершеннѣйшій умъ. Будучи полнотою бытія, цѣлію всѣхъ вещей, Богъ обладаетъ высочайшимъ блаженствомъ — блаженствомъ непрерывнаго, совершеннѣйшаго вѣдѣнія. Составляя Самъ средоточіе всѣхъ цѣлей, Богъ не можетъ дѣйствовать подобно людямъ для достиженія какихъ нибудь цѣлей. Его дѣятельность состоитъ только въ умственномъ созерцаніи. Но Онъ созерцаетъ не что либо внѣ себя, а только себя самого. Какимъ же образомъ Богъ производитъ движеніе , будучи самъ неподвижнымъ? Какъ онъ есть Существо вожделѣннѣйшее, послѣдняя цѣль; то, по ученію Аристотелеву, всѣ прочія вещи сами стремятся, сами движутся къ Нему, тогда какъ Онъ остается неподвижнымъ.— Таково содержаніе *Діалектики* у Аристотеля !

Въ *Физикѣ* опредѣляется отношеніе Божественнаго ума къ природѣ. Именемъ природы Аристотель означаетъ дѣйствіе Божественнаго начала въ вещахъ , форму вещи , связывающую собою разнообразныя части ея , какъ матерію , или , что все равно, самодѣятельную причину движенія и покоя въ вещи. Онъ видитъ повсюду жизнь въ мірѣ — повсюду стремленіе формы, не рѣдко безуспѣшное, покорить себѣ матерію. Весь міръ, имѣя шаровидную фигуру, дѣлится у него на двѣ главныя части : на часть близъ всемірной окружности, и часть близъ всемірнаго средоточія, или небо и землю. Небо состоитъ опять изъ двухъ частей : верхней сферы или сферы звѣздъ неподвижныхъ, и сферы нижней или сферы планетъ. Первый

движитель міра, по мнѣнію Аристотеля, находится въ окружности міра, и отсюда-то, какъ изъ средоточія, распространяется движеніе по всему міру: чѣмъ ближе стоятъ вещи къ сему мѣсту, тѣмъ онѣ совершеннѣе; по мѣрѣ удаленія отъ своего источника, сила Божественная какъ бы все болѣе и болѣе слабѣетъ, и по мѣрѣ того существа становятся менѣе и менѣе причастными Божественнаго. Такимъ образомъ все добро и совершенство принадлежитъ небесной части міра. И здѣсь впрочемъ верхній кругъ совершеннѣе нижняго. Земля напротивъ предана въ жертву многоразличнымъ несовершенствамъ. Но въ ряду существъ земныхъ Аристотель опять указываетъ на постепенное ихъ восхожденіе отъ несовершеннаго къ совершеннѣйшему, и наконецъ на самое высшее дѣйствіе ума. Нисшую степень занимаютъ на землѣ элементы: жизнь проявляется въ нихъ очень слабо. Выше стоятъ растенія: имъ принадлежитъ только жизнь питательная. Далѣе слѣдуютъ животныя: сверхъ жизни питательной, они имѣютъ чувствованіе, желаніе и мѣстное движеніе. Надъ всѣми другими животными человѣкъ возвышается разумною силою своей души. Но и между людьми мущина стоитъ въ глазахъ Аристотеля гораздо выше женщины. Наконецъ въ душѣ человѣка умъ возвышается надъ всѣмъ прочимъ.

Изъяснивъ такимъ образомъ существо человѣка, Аристотель вводитъ насъ въ область *Этики* и въ кругъ законодательства. Какъ въ цѣломъ мірѣ Божественный умъ стремится покорить всѣ вещи своей власти, на все наложить свою форму: такъ и между людьми онъ стремится устроить всѣ отношенія, сколько возможно, наилучшимъ образомъ.

§ 238.

Аристотель не называетъ, по примѣру Платона, именемъ правды совершеннѣйшаго состоянія человѣческой души, или добродѣтели, взятой во всей ея цѣлости; но понятіе о добродѣтели или совершенствѣ человѣческомъ у обоихъ философовъ почти одинаково и въ изслѣдованіяхъ о законодательствѣ у того и другаго имѣетъ одинакую важность. Названіе *правды* (δικαιοσύνη) получаетъ добродѣтель у Аристотеля въ приложеніи ея ко взаимнымъ отношеніямъ людей между собою; въ связи съ правдою онъ видитъ дружбу (φιλία) между лицами, коихъ взаимныя отношенія устроены сообразно истинному существу правды. Отношенія, въ коихъ особенно осуществляются понятія добродѣтели, правды и дружбы, суть Госу-

дарство и Домъ. И такъ мы сначала изложимъ ученіе Аристотеля о существѣ добродѣтели, правды и дружества; потомъ приступимъ къ разсмотрѣнію изслѣдованій Аристотеля о Государствѣ и Домѣ.

I. О СУЩЕСТВѢ И РАЗЛИЧНЫХЪ ВИДАХЪ ДОБРОДѢТЕЛИ, ПРАВДЫ И ДРУЖЕСТВА.

1. О Добродѣтели.

§ 239.

Добродѣтель разсматривается у Аристотеля въ двухъ видахъ: во-первыхъ въ видѣ совершенства, могущаго производить добрыя дѣянія; во-вторыхъ — въ ея дѣйствованіи (ἐνέργεια). Совершенствомъ во всякой вещи Аристотель называетъ то свойство ея, по которому она всегда можетъ исполнять наилучшимъ образомъ свое дѣло, и это понятіе прилагаетъ къ совершенству человѣческому, къ добродѣтели. Собственнымъ дѣломъ человѣка есть разумная жизнь души. Но кромѣ разумной части, въ душѣ находится еще часть неразумная и притомъ какъ растительная, такъ и желательная. Часть растительная совсѣмъ не можетъ быть причастна разумнаго; напротивъ пожеланія хотя сами въ себѣ неразумны, однако же они могутъ быть причастными разума, повинуясь его внушеніямъ. Такимъ образомъ разумное въ душѣ есть двоякаго рода: одна сторона имѣетъ разумъ какъ нѣчто собственное, другая дѣлается разумною, повинуясь первой. Согласно съ симъ Аристотель принимаетъ совершенства двоякаго рода: совершенства разума, напр. мудрость, благоразуміе и проч. и совершенства, относящіяся къ пожеланіямъ [204]. Совершенство въ отношеніи къ пожеланіямъ называется у него совершенствомъ нравственнымъ и по точнѣйшему опредѣленію есть такой навыкъ или свойство души, по которому она, при удовлетвореніи естественныхъ пожеланій, всегда намѣренно избираетъ средину, указываемую разумомъ [205]. Впрочемъ добродѣтели нравственныя, по мнѣнію Аристотеля, составляютъ только нисшій видъ человѣческаго совершенства. Сколько разумъ лучше желательной силы, столько совершенства перваго, по словамъ Аристотеля, выше совершенствъ послѣдней; мудрость же, совершенство ума, обращенное къ созерцанію Божественнаго, вѣчнаго, есть высочайшее совершенство ду-

[204] Eth. Nic. I, 13; II, 6. § 1—3.
[205] Ib. II, 6. § 15. Cf. etiam c. 1—6.

ши, такъ что всѣ другія совершенства существуютъ только для этого совершенства [206].

Но недовольно имѣть добродѣтели или различныя совершенства; добродѣтель, совершенство, можетъ еще и не производить ничего добраго, когда напр. человѣкъ спитъ, или вообще когда онъ празденъ. Надобно, чтобъ добрыя свойства дѣйствовали: дѣятельность лучше простой способности. И такъ тогда только, когда извѣстное доброе свойство души оказываетъ свое дѣйствіе, приводится въ движеніе, когда напр. мужественный дѣйствительно совершаетъ мужественныя дѣянія, мудрый дѣйствительно мыслитъ, человѣкъ находится, по мнѣнію Аристотеля, въ состояніи истиннаго, ему свойственнаго, счастія [207]. Въ неразлучной связи съ дѣятельностію, совершающеюся на основаніи добрыхъ свойствъ, Аристотель видитъ удовольствіе, которое, по словамъ его, оканчиваетъ всякую дѣятельность, сообразную съ природою. Дѣятельность на основаніи лучшаго свойства должна сопровождаться и высочайшимъ удовольствіемъ. Такое свойство есть мудрость, совершенство ума. Посему Аристотель не находитъ довольно словъ, чтобъ превознесть похвалами блаженство мудраго, непрерывно созерцающаго истину, блаженство, какимъ вполнѣ наслаждается одинъ Богъ, но котораго всѣ люди должны искать, какъ своей высочайшей цѣли [208].

Тѣлесныя и внѣшнія блага нужны человѣку для этого истиннаго счастія только какъ средства для цѣли [209].

§ 240.

И такъ, по ученію Аристотеля, уму такимъ же образомъ принадлежитъ верховное владычество въ душѣ человѣческой, какъ онъ господствуетъ въ цѣломъ мірѣ. Заключая пожеланія въ должные предѣлы, разумная сила души дѣлаетъ ихъ причастными разумнаго. Впрочемъ она не пораждаетъ добродѣтелей изъ себя одной: для нея нужны еще расположенія сердца, данныя отъ природы; она стремится сдѣлать добродѣтель навыкомъ, свойствомъ непроизвольнымъ; наконецъ и сама она и сила желаній въ той степени, какая вообще требуется для добродѣтели, составляютъ только особый даръ природы, который получаютъ весьма немногіе.

[206] Eth. Nic. X, 7, 8.
[207] Eth. Nic. I, 8. § .
[208] Metaph. XII. 6, 7,
[209] Eth. Nic. I, 5; 8.

2. О Правдѣ.

§ 241.

Важнѣйшій видъ добродѣтели нравственной, разсматриваемой въ ея приложеніи ко взаимнымъ отношеніямъ людей между собою, есть ***правда***.

Къ существу правды, по ученію Аристотеля, принадлежитъ сверхъ намѣренности дѣяній [210]:

1. Чтобъ не было причиняемо *вреда*. Вредить можно человѣку не только по отношенію къ тѣлеснымъ и внѣшнимъ его благамъ, но и по отношенію къ благамъ душевнымъ, — не только положительнымъ образомъ, но и отрицательнымъ. Правда запрещаетъ вредить, въ какомъ бы то видѣ ни было [211].

2. Чтобы вредъ не былъ причиняемъ *другому* лицу. Противъ себя нельзя быть неправеднымъ, потому что никто намѣренно не вредитъ самъ себѣ [212].

3. Чтобъ человѣкъ не причинялъ вреда другому *въ противность закону*, или, что тоже, *нарушая должную соразмѣрность*, *присвояя себѣ болѣе надлежащаго* [213]. Само собою ясно, что послѣднія два выраженія тождественны: кто присвояетъ себѣ болѣе надлежащаго, тотъ нарушаетъ тѣмъ самымъ уже соразмѣрность, какая должна существовать между имъ и другимъ лицемъ [214]. Но какая разумѣется здѣсь соразмѣрность? Прежде всего требованіе соразмѣрности имѣетъ слѣдующій неопредѣленный смыслъ: если на основаніи извѣстнаго своего качества одинъ человѣкъ получаетъ тѣ или другія блага, подвергается тому или другому злу, то и другой человѣкъ съ равными качествами долженъ получить тоже, что получаетъ первый и при томъ чѣмъ болѣе по симъ качествамъ одинъ человѣкъ превосходитъ другаго, тѣмъ болѣе онъ долженъ получать изъ благъ или золъ, распредѣляемыхъ по симъ качествамъ. Въ этомъ общемъ началѣ, по словамъ Аристотоля, никто не сомнѣвается; вопросъ состоитъ только въ томъ, какія свойства надобно взять за основаніе

[210] Ib. V, 8, 9.
[211] Ib. V, 1, § 13; 2; 3.
[212] Ib. V, 11. § 1–6; § 9.
[213] Ib. V, 1. § 8.
[214] Ib, V, 2. § 9.

при распредѣленіи благъ или золъ [215]? Какъ Аристотель приписываетъ безусловное достоинство одной добродѣтели, т. е. умственнымъ и нравственнымъ совершенствамъ; то и безусловное требованіе правды, по его понятію, состоитъ въ томъ, чтобъ каждому было отдаваемо то, чего заслуживаетъ человѣкъ по своимъ добродѣтелямъ, чтобъ равные по добродѣтели и получали равное, чтобъ превосходящій въ ней другихъ и получалъ больше ихъ [216]. — Начала соразмѣрности, составляющей сущность правды, выражаются въ законѣ. Соразмѣрное и законное совпадаютъ другъ съ другомъ какъ въ томъ смыслѣ, что законъ дѣйствительно стремится произвесть нѣкоторую соразмѣрность между людьми [217], такъ и въ томъ, что онъ для опредѣленнаго круга людей служитъ общимъ правиломъ, съ коимъ всѣ, принадлежащіе къ сему кругу, въ равной мѣрѣ должны сообразоваться, — служитъ общею ихъ срединою [218]. Два вообще вида закона принимаются у Аристотеля: во-первыхъ законъ общій всѣмъ людямъ, иначе — законъ естественный или неписанный; во-вторыхъ законъ исключительно свойственный какому нибудь Государству, иначе — законъ писанный [219]. Изъ постановленій того или другаго рода слагаются всѣ законы въ государствахъ. Различая такимъ образомъ между законами, дѣйствующими въ извѣстномъ государствѣ, постановленія, основывающіяся чисто на законѣ положительномъ, подъ именемъ первыхъ Аристотель разумѣетъ всѣ тѣ, которыя повсюду имѣютъ одинаковую силу и притомъ сами по себѣ, а не по тому, что они установлены людьми, подъ именемъ вторыхъ напротивъ — тѣ, которыя по различію государствъ бываютъ различны, и, если гдѣ имѣютъ силу, то единственно по тому, что они установлены людьми [220]. Законы положительные, по мнѣнію Аристотеля, собственно должны простираться только на предметы, остающіеся неопредѣленными въ законѣ естественномъ, и никогда не должны противорѣчить сему послѣднему [221]. Но какъ и вообще всѣ законы государства, по словамъ Аристотеля, при своихъ постановленіяхъ имѣютъ въ виду извѣстную цѣль [222], и какъ цѣль сія ука-

[215] Eth. Nic. V, 3. § 7.
[216] Polit. III, 5. § 14; 7. § 1—3; § 6.
[217] См. ниже.
[218] Arist. Polit. III, 11, § 6; cf. Eth. Nic. II, 6—9.
[219] Arist. Rhet. I, 10; 13.
[220] Eth. Nic. V, 7.
[221] Polit. VII, 2. § 7—9.
[222] Eth. Nic. V, 1. § 13.

зана самимъ закономъ естественнымъ; то законы чисто положительные, имѣя опредѣленное отношенiе къ цѣли государства, чрезъ то самое получаютъ также не только важность и значенiе въ цѣломъ, но и опредѣленное отношенiе къ закону естественному. — Постоянно имѣя въ виду благо общественное [223], и опредѣляя, что должно принадлежать каждому лицу на основанiи его достоинства, законы государства изрекаютъ, что въ томъ или другомъ отношенiи полезно или вредно государству и его членамъ; правильные законы смотрятъ при семъ на безусловное достоинство лица, заключающееся въ добродѣтели. И такъ нарушитель законовъ, нарушая ихъ, тѣмъ самымъ вредитъ обществу или его членамъ, присвояетъ себѣ лишнее, и слѣдовательно поступаетъ неправедно. Правда, возбраняя вредить другому, какимъ бы то образомъ ни было, требуетъ отъ человѣка исполненiя всѣхъ законовъ. — Законы государства, опредѣляя, въ чемъ состоитъ его благо и благо его гражданъ, обнимаютъ всѣ добродѣтели и пороки: нѣтъ добродѣтели, которой бы они не требовали, нѣтъ порока, котораго бы они не возбраняли, напр. они требуютъ отъ человѣка мужества, возбраняя оставлять строй, обращаться въ бѣгство, бросать оружiе, — требуютъ умѣренности, повелѣвая воздерживаться отъ прелюбодѣянiя, отъ обидъ [224] и такъ далѣе. Правда, какъ исполненiе всѣхъ законовъ, сосредоточиваетъ такимъ образомъ въ себѣ всѣ добродѣтели, — это есть добродѣтель во всей ея цѣлости, добродѣтель въ полномъ ея дѣйствiи, — но ко благу другихъ людей, такъ какъ прямо и непосредственно правда ограничивается только взаимными отношенiями людей другъ къ другу. Впрочемъ достоинство правды отъ того нимало не унижается, а напротивъ еще болѣе возвышается. Въ ней всѣ добродѣтели человѣка обращаются на служенiе постороннимъ лицамъ, дѣлаются чужимъ благомъ, такъ что человѣкъ перестаетъ быть самъ своимъ. По сей причинѣ она въ ряду нравственныхъ совершенствъ есть самая труднѣйшая добродѣтель, — но отъ того и самая высочайшая. Въ своихъ собственныхъ дѣлахъ многiе могутъ поступать согласно съ требованiями добродѣтели, весьма не многiе — по отношенiю къ другимъ людямъ. Правда предполагаетъ въ человѣкѣ бытiе совершеннѣйшей нравственной добродѣтели [225].

[223] Ibid.
[224] Eth. Nic. V, 1 § 14.
[225] Eth. Nic. V, 1.

Разсматривая въ такой обширности понятіе о правдѣ, Аристотель называетъ ее *правдою всеобщею, всецѣлою*, и противополагаетъ *правдѣ особенной*, какъ разнымъ частямъ, изъ коихъ она состоитъ, какъ разнымъ видамъ, въ коихъ она обнаруживается.

§ 242.

Что касается различныхъ *видовъ* или *частей правды всеобщей*, — мы уже замѣтили, что въ собственномъ смыслѣ, по мнѣнію Аристотеля, человѣкъ не можетъ поступать праведно или неправедно *по отношенію къ себѣ самому* [226].

Разсматривая *отношенія* человѣка *къ другимъ людямъ*, Аристотель говоритъ *о правдѣ въ семействѣ* и *правдѣ въ государствѣ*. Виды *первой* составляютъ: правда въ союзѣ между мужемъ и женою, правда въ союзѣ между родителями и дѣтьми, правда въ союзѣ между господиномъ и рабомъ [227]. Впрочемъ отношенія семейственныя, по ученію Аристотеля, учреждаются не столько на основаніи понятія о правдѣ, сколько на основаніи понятія о дружествѣ. *Правда внутри государства* относится или къ цѣлому государству или къ частнымъ лицамъ, его составляющимъ [228]. Благо общественное опредѣляется и охраняется всею вообще совокупностію законовъ; посему правда *по отношенію къ цѣлому государству* есть то самое, что прежде было названо правдою всецѣлою или всеобщею, обнаруживающеюся въ исполненіи всѣхъ законовъ. *По отношенію къ частнымъ лицамъ* правда повелѣваетъ начальствующимъ при раздѣленіи внѣшнихъ благъ общества (чести, имуществъ,) между гражданами смотрѣть на достоинство сихъ послѣднихъ. «Распри и жалобы между людьми,» — говоритъ Аристотель, — «раждаются тогда, когда равные получаютъ неравное, или неравнымъ дается равное.» Этотъ видъ правды Аристотель называетъ *правдою распредѣляющею* [229]. Послѣ того, какъ блага общественныя раздѣлены надлежащимъ образомъ между лицами, правда хочетъ во взаимныхъ отношеніяхъ частныхъ лицъ другъ къ другу (ἐν τοῖς συναλλάγμασι) сохранить каждому свое; почему если гдѣ это правило будетъ нарушено, она возстановляетъ его, возвращая каждому то, что ему

[226] См. выше § 241, стр. 184—187.
[227] Eth. Nic. VIII, 6. § 8, 9; 11. § 9.
[228] Rhet. I, 13.
[229] Eth Nic. V, 3.

принадлежитъ. Этотъ видъ правды Аристотель называетъ *правдою исправительною* [230].

§ 243.

Совершенную полноту своему ученію о правдѣ Аристотель даетъ опредѣленіемъ существа *справедливости* (ἐπιεικεία), какъ добродѣтели, которая примиряетъ законно-праведное съ тѣмъ, что праведно само въ себѣ. Въ справедливости онъ видитъ не что либо отличное отъ правды, а туже самую правду въ другомъ видѣ. Между законами естественными и положительными можетъ происходить въ нѣкоторыхъ случаяхъ разногласіе, иногда по винѣ людей, иногда по необходимости; такъ какъ законъ положительный, поставляя правила общія, не можетъ предвидѣть и обнять всѣхъ подробностей, для которыхъ бы надлежало сдѣлать изъятіе изъ общаго правила. Соглашеніе такихъ случаевъ съ закономъ естественнымъ есть дѣло справедливости [231].

3. О дружбѣ.

§ 244.

Правда служитъ первою связію человѣческихъ обществъ; другую нравственную связь, соединяющую людей между собою, Аристотель видитъ *въ дружбѣ* (φιλία). Именемъ *дружбы* онъ означаетъ вообще всѣ болѣе или менѣе крѣпкіе союзы, какіе люди образуютъ между собою для взаимной выгоды, удовольствія или добродѣтельной жизни [232]; но совершеннѣйшую дружбу, въ которой соединяются всѣ виды дружбы, онъ находитъ только въ союзѣ людей добродѣтельныхъ [233]. Дружба, по его словамъ, связываетъ государства еще крѣпче, нежели правда: когда всѣ граждане питаютъ взаимную любовь другъ къ другу, то имъ ненужна правда; но имѣя только правду, они все еще нуждаются въ дружбѣ [234]. Безъ дружбы, такъ же, какъ и безъ правды, нѣтъ общества. Обѣ онѣ относятся къ одному и тому же предмету, существуютъ посреди однихъ и тѣхъ же лицъ, и каждый особенный видъ правды сопровождается и особен-

[230] Ibid. V, 4.
[231] Ib. V, 10; Rhet. I, 13.
[232] Eth. Nic. VIII, 2, 3.
[233] Ib. 3. § 1—8.
[234] Ib. VIII, 1. § 4.

нымъ видомъ дружбы [235]. Но особенно на основанiи понятiя о дружбѣ учреждаются, по словамъ Аристотеля, отношенiя въ домашнемъ обществѣ.

II. О ГОСУДАРСТВѢ И ДОМѢ.

§ 245.

Государство и домъ по ученiю Аристотеля, составляютъ союзы жизни общественной, въ которыхъ особенно осуществляется добродѣтель, правда и дружество.

1. Ученiе о Государствѣ.

§ 246.

Аристотель, подобно Платону, предлагаетъ намъ, кромѣ *общихъ* изслѣдованiй о *необходимости* государства, *цѣли, происхожденiи, понятiи, состоянiяхъ, о существѣ разныхъ образовъ правленiя, въ особенности образецъ совершеннѣйтаго государства.*

§ 247.

а) Общiя, основныя понятiя о Государствѣ.

α) О необходимости Государства.

Поставляя въ добродѣтельной жизни истинное благо людей, Аристотель, подобно Платону, видитъ возможность для человѣка сдѣлаться и быть добродѣтельнымъ въ одномъ только государствѣ, находя его *необходимымъ* для воспитанiя и укрѣпленiя человѣка въ добродѣтели. Образованiе добрыхъ нравовъ, говоритъ онъ, должно начаться въ юности. Но трудно получить правильное руководство къ добродѣтели отъ самой юности, если человѣкъ не воспитывается подъ владычествомъ законовъ [236]. Впрочемъ недовольно и получить надлежащее воспитанiе въ юности; надобно еще, чтобъ воспитанные въ добрѣ, возмужавъ, не могли потомъ ни добровольно, ни противъ воли дѣлать что-либо дурное. Это возможно тогда только, когда существуетъ твердый нравственный порядокъ; такой порядокъ свойственъ только государству [237].

[235] Ib. VIII, 11.
[236] Eth. Nic. X, 9. § 5—8. cf. Polit. VII, 12. § 6—7; Eth. Nic. II, 2. § 4—8.
[237] Eth. Nic. X, 9. § 9—11.

§ 248.

β) О цѣли Государства.

Но государство, по мнѣнію Аристотеля, не случайнымъ только образомъ содѣйствуетъ добродѣтельной жизни; напротивъ — единственная *цѣль* государства, такъ же, какъ отдѣльнаго человѣка, есть жизнь добродѣтельная. Эту мысль Аристотель доказываетъ тѣмъ, что, какъ всѣ соглашаются, верховное благо есть одно и тоже для одного человѣка и для цѣлаго государства, а слѣдовательно, если мы истинное благо отдѣльнаго человѣка поставляемъ въ жизни добродѣтельной, то и государство для насъ чѣмъ болѣе будетъ содержать въ себѣ добродѣтели, тѣмъ будетъ лучше и счастливѣе [238]. Таже истина ясно открывается для Аристотеля изъ того, что какъ всякое общество имѣетъ у себя въ виду извѣстное благо, такъ самое главное общество, которое обнимаетъ собою всѣ другія, т. е. государство, стремится и къ цѣли главнѣйшей, какова есть добродѣтельная жизнь [239]. При этомъ надобно замѣтить, что Аристотель здѣсь разумѣетъ упражненіе не одной какой либо, а всѣхъ вообще добродѣтелей [240].

§ 249.

γ) О происхожденіи Государства.

Имѣя своею цѣлію высочайшую цѣль — осуществленіе добродѣтели, государство, по мнѣнію Аристотеля, носитъ въ самомъ себѣ причину своего бытія, *происходитъ* не по дѣйствію какихъ нибудь внѣшнихъ силъ, но образуется и держится само собою, такъ что тѣ виды жизни общественной, которые по времени предшествуютъ дѣйствительному происхожденію государства, или изъ которыхъ, какъ изъ своихъ частей, слагается государство, отъ него заимствуютъ всю свою твердость. Посему первое начало и постепенное образованіе общежитія представляется для Аристотеля дѣломъ совершенно естественнымъ.

Во 1-хъ, сама природа постановила различіе между мужескимъ поломъ и женскимъ, между господиномъ и рабомъ. Тѣмъ, которые не могутъ обойтись другъ безъ друга, по необходимости нужно сообщество. И такъ лица разныхъ половъ соединяются между со-

[238] Polit. VII, 1—3; III, 5. § 8. Seqq. VII, 12. § 1–4.
[239] Polit. I, 1. § 1; Eth. Nic. VIII, 9. § 4–6.
[240] Cf. etiam Polit. II, 6. § 22.

бою для рожденія дѣтей, господинъ и рабъ для взаимнаго сохраненія другъ друга. Такъ образуется домъ (οἰκία), — самое первое общество [241]!

Во 2-хъ, домъ расширяется въ селеніе (κώμη), которое состоитъ изъ нѣсколькихъ домовъ, соединенныхъ между собою не ежедневными нуждами, а возникающими отъ времени до времени. Какъ всякой домъ находится подъ царскою властію старѣйшаго, то и первыя общества, образующіяся изъ домовъ, находятся подъ властію Царей [242].

Въ 3-хъ, изъ множества селеній составляется государство (πόλις), общество, которое въ себѣ самомъ имѣетъ все нужное для своего существованія. Будучи концемъ, къ которому стремятся оба первыя общества, т. е. домъ и селеніе, Государство, подобно имъ, и само существуетъ по природѣ [243].

Такъ происходитъ Государство! Одинъ человѣкъ, домъ, селеніе, будучи взяты въ отдѣльности, не обладаютъ всѣми условіями нужными для добродѣтели; усиливаясь осуществить ее въ разныхъ видахъ общества, они достигаютъ наконецъ до государства и здѣсь-то единственно находится все, что нужно для ея существованія.

§ 250.

δ) Понятіе Государства.

Государство по понятію Аристотеля есть общество, обладающее само въ себѣ всѣмъ нужнымъ для добродѣтельной жизни. Взаимное отношеніе между собою членовъ сего общества онъ представляетъ себѣ не въ видѣ простаго единства, но въ видѣ единства гармоническаго. Подобно тому, какъ уничтожилась бы симфонія, если бъ всѣ голоса были обращены въ одинъ голосъ, государство, когда бы въ немъ не было различія состояній, сжалось бы въ одинъ домъ, изъ дома въ одного человѣка, и такимъ образомъ совершенно бы уничтожилось. Но этого, говоритъ Аристотель, не должно быть. Домъ самодовольнѣе одного лица, государство самодовольнѣе дома; оно по самой природѣ своей состоитъ изъ множества лицъ, и притомъ различныхъ по качеству (εἴδει); нравы и законы должны произ-

[241] Polit. I, 1. § 4—6.
[242] Polit. I, 1. § 7.
[243] Polit. I, 1. § 8. Cf. § 9—12.

весть между ними правильный порядокъ и сдѣлать государство истинно единымъ [244].

§ 251.

ε) О состояніяхъ въ Государствѣ.

Въ Государствѣ, въ которомъ бы заключалось все нужное для добродѣтельной жизни, должны находиться, по ученію Аристотеля, слѣдующія лица: 1) земледѣльцы; 2) ремесленники; 3) мелочные торговцы; 4) люди, нанимающіеся въ работу и услуженіе; 5) богатые, исправляющіе своимъ имѣніемъ повинности общественныя; 6) воины; 7) судьи; 8) начальники, управляющіе дѣлами государства; 9) люди, разсуждающіе о предметахъ государственныхъ [245].

§ 252.

ζ) О существѣ разныхъ образовъ правленія.

Всѣ означенныя лица опять раздѣляются у Аристотеля на двѣ главныя части: *начальствующихъ и подчиненныхъ.* Подъ именемъ начальствующихъ онъ разумѣетъ послѣдніе три разряда, подъ названіемъ подчиненныхъ — первые шесть. Такимъ образомъ онъ различаетъ три вида государственной власти: 1) разсуждать о дѣлахъ, касающихся цѣлаго государства, какъ то: о законахъ, войнѣ, мирѣ и проч. (τὸ βουλεύεσθαι); 2) управлять — распоряжаться, давать приказанія по разнымъ встрѣчающимся случаямъ на основаніи законовъ (τὸ ἐπιτάττειν); 3) судить (τὸ δικάζειν) [246]. Первый видъ власти образуетъ власть верховную [247]. Участіе въ одной изъ вѣтвей государственной власти служитъ существеннымъ признакомъ гражданства. Посему изъ числа гражданъ въ собственномъ смыслѣ исключаются какъ несовершеннолѣтніе, такъ и всѣ тѣ, которые по ихъ глубокой старости освобождены отъ занятія дѣлами общественными. Самостоятельное общество гражданъ въ собственномъ смыслѣ есть государство [248]. Порядокъ, въ какомъ устроены власти государственныя, и особенно власть верховная, называется образомъ правленія (πολιτεία). Этотъ порядокъ такъ необходимъ для государства, что оно

[244] Polit. II, 1. § 3—7; 2. § 9—10. cf. IV, 3. § 10. sq.
[245] Polit. IV, 3. § 9. sq. Нѣсколько иначе въ Polit. VII, 7. § 4, впрочемъ безъ существеннаго различія.
[246] Polit. IV, 11. § 1. seq.; 12; 3.
[247] Polit. IV, 11. § 1.
[248] Polit. III, 1. § 4; § 8; cf. ibid. II, 6. § 17.

дотолѣ и остается тѣмъ же государствомъ, доколѣ образъ правленія остается въ немъ тотъ же; съ перемѣною правленія оно дѣлается другимъ, хотя бы люди оставались въ немъ тѣже [249].

§ 253.

Раздѣляя всѣ ***образы правленія*** на разные ихъ ***роды и виды,*** Аристотель смотритъ при семъ на то обстоятельство, принадлежитъ ли верховная власть въ государствѣ людямъ добродѣтельнымъ, которые, начальствуя, имѣютъ общее благо государства, а не свое частное, или она принадлежитъ людямъ противныхъ тому качествъ,— принадлежитъ ли она въ томъ и другомъ случаѣ одному человѣку, или нѣсколькимъ немногимъ, или же многимъ. И такъ мы имѣемъ шесть образовъ правленія: 1) три основанные на добродѣтели и любви общаго блага: а) правленіе одного — правленіе Царское, б) немногихъ — Аристократія, в) многихъ — Политія; 2) три противоположные первымъ: а) правленіе одного — Тираннія; б) немногихъ, именно богатыхъ, — Олигархія; в) многихъ, именно бѣдныхъ, которые отличаются только своею вольностію, — Демократія [250]. Аристотель безусловно одобряетъ только образы правленія, основанные на добродѣтели и любви общаго блага [251]. Государство есть общество людей, соединенныхъ между собою для общей добродѣтельной жизни, а не совокупность невольниковъ, существующихъ только для блага своего господина; посему тѣ, которые наиболѣе приносятъ добродѣтели въ сіе общество, имѣютъ здѣсь и права болѣе тѣхъ, которые, равняясь съ ними или даже превосходя ихъ по вольности и богатству, стоятъ ниже ихъ по добродѣтели. Въ обществѣ, имѣющемъ цѣлію своею добродѣтель, одни только добродѣтельные имѣютъ безусловное право начальствовать [252]. Сравнивая, далѣе, сіи три образа правленія между собою, Политію во всей ея чистотѣ Ари-

[249] Polit. III, 1. § 15 16.

[250] Polit. III, 5. § 1—7. — Съ предложеннымъ раздѣленіемъ, какъ очевидно, совершенно совпадаетъ другое, основывающееся на томъ, не принадлежитъ-ли верховная власть въ государствѣ людямъ, отличнымъ по *добродѣтели* (всѣ три вида перваго разряда), или отличнымъ по *богатству* (изъ втораго разряда второй видъ), или отличнымъ по своей *вольности* (изъ втораго разряда третій видъ). Въ семъ послѣднемъ раздѣленіи именно означено самое основаніе, по коему тотъ или другой классъ лицъ присвояетъ себѣ преимущественное право начальствовать въ государствѣ.

[251] Polit. III, 5. § 8—15.

[252] Polit. III, 5. § 14; 7. § 1—3; § 6.

стотель находитъ невозможною [253]. И такъ остается только дѣлать выборъ между правленіемъ Царскимъ и Аристократіею. Преимущество перваго предъ второю въ глазахъ Аристотеля несомнѣнно. Правленіе Царское, по его словамъ, есть превосходнѣйшій, божественнѣйшій образъ правленія, который своимъ основаніемъ имѣетъ высочайшее превосходство лица царствующаго [254].

§ 254.

Существенною принадлежностію правленія, основаннаго на добродѣтели и любви общаго блага, Аристотель почитаетъ законы. Единство закона и начальствующаго въ государствѣ представляетъ Аристотель въ самомъ живомъ видѣ: начальствующій, по его словамъ, есть стражъ, служитель закона [255], — судья есть одушевленный законъ [256]. Посему съ одной стороны Аристотель требуетъ, чтобъ начальствующіе управляли по закону, а не по собственному произволу. «Законъ есть умъ безъ страсти,» говоритъ Философъ; «слѣдовательно тотъ, кто желаетъ, чтобъ начальствовалъ и повелѣвалъ законъ, хочетъ, чтобъ повелѣвалъ Богъ и умъ [257].» Съ другой стороны, какъ законъ не можетъ всего опредѣлить съ совершенною точностію, то на сей случай дается начальствующему не только власть судить самому и поступать по собственному справедливѣйшему усмотрѣнію, впрочемъ руководствуясь указаніемъ закона, но и власть осторожно исправлять законы, еслибъ что на основаніи опыта представилось лучше установленнаго [258].

§ 255.

Согласно съ различіемъ образовъ правленія, по мнѣнію Аристотеля, существуетъ и въ различной степени дружба между начальствующими и подчиненными. Какъ Царь имѣетъ самъ въ себѣ свою самостоятельность, превосходитъ всѣхъ другихъ благами, ни въ

[253] Polit. III. 5. § 3; cf. IV, 9; II, 3. § 9–11; 6. § 15.

[254] Polit. IV, 2. § 2; cf. Polit. III. 8; 11. § 12—13. — Краткое сужденіе о достоинствѣ разныхъ образовъ правленія находится въ Eth. Nic. VIII, 10. § 1—3. – О Царскомъ Правленіи и Аристократіи подробно говорится въ Polit. III, 8—11; о Демократіи въ IV. 4. (cf. VI, 1—3); объ Олигархіи IV, 5. (cf. VI, 4); о Политіи IV, 6—7. (cf. VI, 1—3); о Тиранніи IV, 8.

[255] Polit. III, 11. § 3.

[256] Eth. Nic. V, 3. § 7.

[257] Polit. III, 11. § 4.

[258] Ib. et § 8. cf. II, 5. § 10–14.

чемъ не нуждается, благотворитъ только своимъ подвластнымъ, а самъ ничего отъ нихъ не заимствуетъ; то они и любятъ его въ высочайшей степени сообразно его достоинству [259]. Въ Аристократіи лучшій по добродѣтели заслуживаетъ и болѣе любви отъ гражданъ. Въ Политіи всѣ граждане любятъ другъ друга въ равной мѣрѣ. Между тѣмъ въ неправильныхъ образахъ правленія, какъ правда, такъ и дружба существуютъ въ меньшей степени, и всего менѣе — въ самомъ худшемъ, т. е. въ Тиранніи [260].

§ 256.

При всемъ этомъ изслѣдованіи о достоинствѣ разныхъ образовъ правленія, Аристотель предполагаетъ, что не во власти самихъ людей состоитъ избрать для себя такое или другое правленіе, а все зависитъ здѣсь отъ ихъ природнаго характера [261], ихъ занятій [262], богатства [263], качествъ ихъ страны [264], пространства ихъ государства [265]. Какъ по сему тотъ или другой образъ правленія для каждаго народа есть нѣчто болѣе или менѣе необходимое, то Аристотель и смотритъ снисходительно на несовершенства правленій. «Не всѣ государства,» говоритъ онъ, «въ состояніи достигнуть наилучшаго образа правленія [266].» Тѣмъ не менѣе онъ, подобно Платону, начертываетъ намъ образецъ совершеннѣйшаго государства, устроеннаго во всѣхъ своихъ частяхъ сообразно высшимъ требованіямъ ума, — образецъ, къ которому по возможности должны приближаться всѣ государства и который одинъ только представляетъ собою вполнѣ истинное государство.

§ 257.

б) Образецъ совершеннѣйшаго Государства.

Цѣль совершеннѣйшаго государства, по мнѣнію Аристотеля, есть жизнь добродѣтельная въ высочайшемъ значеніи сихъ словъ [267].

[259] Eth. Nic. V, 10. § 2. 11. § 1—3.
[260] Ib. 11, § 4—8.
[261] Polit. III, 11. § 10—11.
[262] Polit. VI, 2. § 1—8; IV, 10. § 2—4.
[263] Polit. IV, 3. § 1—2.
[264] Polit. VI, 4. § 3. cf. VII, 10. § 4.
[265] Polit. III, 10. § 9.
[266] Polit. IV, 1. § 3 cf. c. 3.
[267] Polit. VII, 1 3.

§ 258.

Количество собственно такъ называемыхъ гражданъ въ совершеннѣйшемъ государствѣ опредѣляется на основаніи слѣдующихъ соображеній. Государство слишкомъ малолюдное не можетъ быть самодовольнымъ. Напротивъ государство слишкомъ многолюдное не можетъ быть благоустроеннымъ; дать порядокъ большому числу людей въ состояніи одна сила Божественная, которою держится цѣлый міръ. Итакъ для государства уже достаточно того числа гражданъ, при которомъ оно начинаетъ дѣлаться самодовольнымъ. Переступивъ сей предѣлъ, оно можетъ еще оставаться государствомъ; но это не простирается въ безконечность. Для лучшаго отправленія суда, для распредѣленія правительственныхъ должностей по достоинству и пр. граждане должны знать другъ друга; посему наибольшее число гражданъ для государства есть то, которое бы легко могло быть обозрѣно [268]. Впрочемъ число 5040, какое въ Законахъ назначаетъ Платонъ для своего государства, Аристотель находитъ уже слишкомъ великимъ [269].

§ 259.

Способными по своей природѣ *къ жизни государственной* Аристотель почитаетъ однихъ Грековъ. Народы, населяющіе холодныя страны и Европу, хотя полны мужественнаго духа (θυμός), но бѣдны разсудкомъ (διάνοια) и искуствомъ; почему хотя они всегда остаются свободными, но неспособны образовать государство и не могутъ начальствовать надъ сосѣдями. Народы Азіи хотя разсудительны, изобрѣтательны, но не имѣютъ мужественнаго духа, почему всегда находятся подъ властію другихъ и въ рабствѣ. Только Греки, занимая средину по мѣсту жительства, имѣютъ то и другое: и духъ мужественной и разсудительность; почему, будучи соединены въ одно государство, они могутъ владычествовать надъ всѣми народами [270].

§ 260.

Наилучшею по качеству землею для государства Аристотелю представляется та, которая изобилуетъ всѣмъ нужнымъ. По пространству она должна быть такъ велика, чтобъ граждане отъ ея про-

[268] Polit. VII, 4.
[269] Polit. II, 3. § 3.
[270] Polit. VII, 6. § 1—2.

изведеній могли и сами жить умѣренно и оказывать другимъ гостепріимство [271].

§ 261.

Къ числу гражданъ, собственно такъ называемыхъ, въ совершеннѣйшемъ государствѣ не относятся люди, занимающіеся только произведеніемъ предметовъ, служащихъ къ удовлетворенію физическихъ потребностей человѣка, хотя люди сего рода и необходимы въ государствѣ [272]. Граждане посвящаютъ жизнь свою только войнѣ, управленію государствомъ и Богослуженію, и при томъ такъ, что младшіе изъ гражданъ, находящіеся во всей крѣпости тѣлесныхъ силъ, занимаются дѣлами войны, — старшіе, которымъ по ихъ возрасту наиболѣе свойственны опытность и благоразуміе, правятъ государствомъ, наконецъ люди преклонныхъ лѣтъ находятъ для себя успокоеніе въ служеніи Божеству [273].

§ 262.

Средствами для того, чтобъ сдѣлать и сохранить государство добродѣтельнымъ, Аристотель вмѣстѣ съ Платономъ полагаетъ правильный порядокъ въ *рожденіи* и *воспитаніи* дѣтей. Духъ, господствующій въ правилахъ, относящихся къ рожденію дѣтей, у Платона и Аристотеля одинъ и тотъ же, хотя Аристотель признаетъ совершенно святость брака [274]. Что касается воспитанія, по ученію Аристотеля, до семи лѣтъ дѣти должны быть содержимы дома [275]; потомъ всѣ они получаютъ одинаковое общественное воспитаніе; кромѣ Грамматики и Живописи, они учатся особенно Гимнастикѣ и Музыкѣ, искуствамъ, достоинство которыхъ Аристотель вообще цѣнитъ одинаково съ Платономъ [276].

2. Ученіе о домѣ.

§ 263.

Государство, по ученію Аристотеля, не уничтожаетъ домашняго общества; послѣднее такъ же необходимо, какъ и первое. Общеніе

[271] Polit. VII, 5. § 1. cf. § 2. seqq., 10. § 1—3.
[272] Polit. VII, 7, 8. § 2; cf. II, 6. § 2—4; III, 3. § 2—3.
[273] Ibid. VII, 8. § 3—6.
[274] Polit. VII, 14.
[275] Ibid. 15.
[276] Ibid. VIII.

женъ и дѣтей, принимаемое въ противность домашнему обществу Платономъ, можетъ, по мнѣнію Аристотеля, возбудить только раздоръ между гражданами, когда каждый изъ нихъ будетъ присвоять себѣ однихъ и тѣхъ же лицъ; оно изгоняетъ изъ государства ту сильнѣйшую любовь, которою соединяются между собою мужья и жены, родители и дѣти, братья и сестры; вмѣстѣ съ симъ у гражданъ отнимается сильнѣйшее побужденіе печься другъ о другѣ, такъ какъ мы особенно печемся о лицахъ, которыя намъ свои и которыхъ мы любимъ. Равнымъ образомъ общеніе имуществъ необходимо пораждаетъ между гражданами съ одной стороны нерадѣніе о вещахъ, составляющихъ общую собственность, съ другой — безконечныя распри и ссоры; оно дѣлаетъ невозможными для человѣка добродѣтели, для которыхъ требуется обладаніе частною собственностію. Видѣть у себя что либо въ собственности, говоритъ Аристотель, доставляетъ людямъ величайшее удовольствіе [277].

Частями дома у Аристотеля почитаются люди и вещи. Люди, находящіеся въ домѣ, раздѣляются на *свободныхъ* и *рабовъ*. Между свободными людьми различаются: *1) союзъ супружескій*, *2) союзъ родителей и дѣтей*, *3) союзъ родственный* [278]. Для каждаго изъ сихъ союзовъ, равно какъ и для всѣхъ отношеній домашнихъ, Аристотель старается найти основаніе въ самой природѣ.

§ 264.

а) О людяхъ внутри дома.

Основаніе дома есть *союзъ супружескій*. Первое начало союза супружескаго скрывается, по мнѣнію Аристотеля, во взаимномъ влеченіи половъ другъ къ другу, свойственномъ всѣмъ животнымъ [279]. Но у животныхъ союзъ половъ ограничивается произведеніемъ на свѣтъ существъ, имъ подобныхъ. Напротивъ между людьми, въ слѣдствіе самой ихъ природы, изъ отношенія одного пола къ другому тотчасъ образуется союзъ крѣпкій и благородный. 1) Люди существуютъ не для того, чтобъ жить какъ нибудь, а чтобъ жить счастливо и добродѣтельно. Каждый изъ половъ одаренъ для сего особенными качествами. И такъ чтобъ взаимно восполнить свои недостатки, мужъ и жена составляютъ между собою общество,

[277] Polit. II, 1—3 (во многихъ мѣстахъ).
[278] Oecon. 2.
[279] Oecon. 3; Eth. Nic. VIII, 12. § 7.

сложивъ вмѣстѣ свои особенныя качества. Одно изъ сихъ лицъ создано крѣпче, другое слабѣе, чтобъ первое по своему мужеству было способнѣе къ нападенію, второе по своей боязливости способнѣе къ охраненію, — чтобъ первое пріобрѣтало внѣ дома, второе сохраняло внутри его. Относительно трудовъ одно можетъ вести жизнь сидячую, но слабо для дѣлъ, производимыхъ на открытомъ воздухѣ; другое не такъ способно къ спокойной жизни, но бодро при движеніи. По отношенію къ дѣтямъ, одному принадлежитъ — вскормить ихъ, другому — воспитать [280]. 2) Другая связь супружескаго союза между людьми заключается въ добродѣтели: для каждаго изъ супруговъ существуетъ добродѣтель особаго рода; а всякая добродѣтель соединяетъ людей другъ съ другомъ. 3) Наконецъ, супруговъ связываютъ между собою дѣти, составляющія ихъ общее добро [281], дѣти, которыя, пришедши въ лѣта, воздадутъ своимъ состарѣвшимся родителямъ то, что прежде получили отъ нихъ [282]. Сіи-то связи производятъ между супругами взаимную дружбу (φιλία), которая существуетъ между ними по самой природѣ [283].

§ 265.

Изъ любви супружеской проистекаетъ любовь *между родителями и дѣтьми*. «Родители», говоритъ Аристотель, «любятъ рожденное отъ нихъ, какъ нѣкоторую часть себя самихъ, можно сказать даже, какъ себя самихъ, ибо произшедшее изъ нихъ есть какъ бы другіе они, отдѣлившіеся отъ себя самихъ. Дѣти, напротивъ, любятъ своихъ родителей, какъ часть, изъ нихъ произшедшая, какъ люди, имъ одолженные своимъ бытіемъ, ими вскормленные, воспитанные» [284].

§ 266.

Отъ любви между родителями и дѣтьми раждается сама собою, по словамъ Аристотеля, *любовь между братьями, сестрами и вообще родными*. Братья любятъ другъ друга, потому что произошли отъ тѣхъ же лицъ; тождество ихъ съ сими послѣдними дѣлаетъ ихъ тождественными другъ для друга, хотя они и существуютъ раз-

[280] Oecon. 3.
[281] Eth. Nic. VIII, 12. § 7.
[282] Oecon. 3.
[283] Eth. Nic. VIII, 12. § 7.
[284] Eth. Nic. VIII, 12. § 2—3.

дѣльно. Одинаковость воспитанія и равенство лѣтъ еще болѣе укрѣпляютъ любовь между ними. Наконецъ чѣмъ они добродѣтельнѣе, сходнѣе по нравамъ, чѣмъ болѣе могли испытать, узнать другъ друга, въ теченіи продолжительнаго времени обращаясь между собою, тѣмъ тверже бываетъ любовь между ними [285]. То же, хотя въ меньшей степени, надобно сказать о любви между дальнѣйшими родственниками [286].

§ 267.

Существо отношеній между свободными членами дома Аристотель сравниваетъ съ разными образами правленія въ государствѣ, и такъ же, какъ въ послѣднемъ, отдѣляетъ правильное состояніе въ домашнихъ отношеніяхъ отъ неправильнаго. Въ правильномъ состояніи всѣ члены дома относятся другъ къ другу, какъ лица свободныя; но по самой природѣ старшій способнѣе управлять, нежели младшій, — мужчина способнѣе, нежели женщина. Посему отецъ начальствуетъ надъ дѣтьми царски. Отношеніе мужа къ женѣ есть аристократическое: мужъ, начальствуя надъ своею женою по достоинству, какъ равный надъ равною, но только въ тѣхъ дѣлахъ, которыя до него касаются, предоставляетъ впрочемъ самой женѣ то, что принадлежитъ ей. Наконецъ союзъ между братьями, какъ скоро они по лѣтамъ не очень разнятся, походитъ на государство, управляемое политически. Вотъ естественный видъ домашнихъ отношеній! Въ противоположность симъ правильнымъ состояніямъ можетъ существовать въ домѣ, такъ какъ и въ государствѣ, своего рода Тираннія, Олигархія и Демократія [287].

Какъ въ домашнемъ обществѣ требуется начальствующее лице, а другіе народы, кромѣ Грековъ, т. е. всѣ вообще варвары, не имѣютъ въ своей душѣ силы начальствующей, т. е ума, то Аристотель и не находитъ между ними домашняго общества въ истинномъ его видѣ: у варваровъ, по его словамъ, мужья и отцы властвуютъ надъ своими женами и дѣтьми, какъ господа надъ рабами [288].

Главнымъ предметомъ попеченій домашняго общества, такъ же, какъ и государства, есть, по ученію Аристотеля, добродѣтель, безъ которой, какъ онъ говоритъ, нельзя ни повиноваться, ни начальст-

[285] Ibid. § 3—6.
[286] Ibid. § 4, § 7.
[287] Eth. Nic. VIII, 9. § 4—6; Polit. I, 5. § 1—2.
[288] Eth. Nic. VIII, 10. § 4; Polit. I, 1. § 5.

вовать. Начальствующему въ домѣ надобно имѣть совершенную добродѣтель; изъ другихъ членовъ общества каждый столько долженъ имѣть ея, сколько нужно для исполненія его особеннаго дѣла. Добродѣтель перваго есть добродѣтель начальственная, добродѣтель послѣдняго — служебная [289].

Но какъ семейство или домъ есть только часть государства, а совершенство части должно быть направлено къ совершенству цѣлаго, то по отношенію къ добродѣтели членовъ дома Аристотель и требуетъ, чтобъ мужескій и женскій полы были воспитываемы применительно къ существующему образу правленія. Для государства, говоритъ онъ, весьма важно, чтобъ полъ, составляющій половину народонаселенія, чтобъ люди, которые должны въ послѣдствіи времени сдѣлаться полными гражданами, были добродѣтельны [290].

Такимъ образомъ домашняя жизнь возводится здѣсь въ жизнь государственную.

§ 268.

Кромѣ свободныхъ лицъ къ дому принадлежатъ *рабы*.

Существо рабства Аристотель полагаетъ въ томъ, что человѣкъ дѣлается собственностію другаго [291]. Но 1) есть ли такіе люди отъ природы или нѣтъ? Есть, утверждаетъ Аристотель и старается доказать это изъ началъ ума при посредствѣ опыта. Во всемъ, говоритъ онъ, что составляется изъ многаго, направленнаго къ одной цѣли, и образуетъ одно цѣлое, во всемъ сложномъ одно существо, какъ лучшее, является начальствующимъ, другое состоящимъ у него подъ начальствомъ, и такое отношеніе не только необходимо, но и полезно для обѣихъ сторонъ. Даже въ предметахъ неодушевленныхъ, безжизненныхъ есть какое-то начальство, какъ бы начальство гармоніи. Въ животномъ душа начальствуетъ надъ тѣломъ, въ душѣ разумъ надъ пожеланіями. Между самыми животными люди начальствуютъ надъ всѣми другими, между людьми мужескій полъ надъ женскимъ. Вездѣ въ сихъ случаяхъ для одного — лучшаго столь же полезно и естественно начальствовать, сколько для другаго — худшаго быть у него подъ начальствомъ. Въ подобномъ отношеніи надобно по необходимости быть и всѣмъ людямъ между собою. И такъ, если которые изъ людей столько же стоятъ ниже другихъ, сколько

[289] Polit. I, 5. § 3—9.
[290] Polit. I, 5. § 12.
[291] Polit. I, 2. § 3—7.

тѣло ниже души, или звѣрь ниже человѣка; то они рабы по природѣ, для нихъ всего лучше быть подъ властію другаго. Въ самомъ дѣлѣ такіе люди тѣмъ только отличаются отъ неразумныхъ животныхъ, что могутъ понимать разумныя приказанія, хотя сами вполнѣ не имѣютъ разума, тогда какъ прочія животныя слѣдуютъ только своему неразумному побужденію: польза отъ тѣхъ и другихъ одинакова; все ихъ дѣло ограничивается тѣлесною работою [292]. Но послѣ сего Аристотель 2) встрѣчаетъ немаловажный вопросъ: почему же распознать, у кого именно рабская природа, у кого нѣтъ? Души видѣть нельзя; что же касается тѣла, то люди при душѣ свободнаго имѣютъ не рѣдко тѣло раба, и наоборотъ при тѣлѣ раба душу свободнаго. Тѣмъ не менѣе, говоритъ Аристотель, надобно признаться, что нѣкоторые люди вездѣ рабы, другіе — вездѣ свободны, и что въ нѣкоторыхъ лицахъ это опредѣлено съ точностію. Именно, на всѣхъ варваровъ онъ смотритъ, какъ на людей, рожденныхъ для рабства [293].

Впрочемъ существо взаимныхъ отношеній между господиномъ и рабомъ опредѣляетъ Аристотель снисходительнымъ образомъ. По его словамъ, между лицами, изъ коихъ одно дѣйствительно имѣетъ свойства господина, другое — раба, само собою раждается дружественное отношеніе. Справедливость и взаимная польза обѣихъ сторонъ требуютъ, чтобъ одно лице начальствовало, а другое повиновалось, сообразуясь съ самымъ существомъ начальства; худо господствовать или худо служить — не приноситъ пользы ни господину, ни рабу [294].

Посему для раба такъ же существуетъ добродѣтель своего рода, какъ и для другихъ лицъ въ семействѣ. Но добродѣтель раба непосредственно обращена къ пользѣ его господина, отъ котораго она и проистекаетъ, и состоитъ только въ томъ, чтобъ рабъ по лѣности или невоздержности не оставлялъ своей работы [295].

§ 269.

б) О вещахъ въ домѣ.

Для дома необходимы различныя вещи. Существо отношенія между владѣльцемъ и его вещами или имуществомъ Аристотель

[292] Polit. I, 2. § 8—14.
[293] Polit. I, 2. § 14—20.
[294] Polit. I, 2. § 20; cf. Eth. Nic. VIII, 11. § 6—7; Polit. III, 4. § 4; Oecon. 5.
[295] Polit. I, 5. § 9—11.

представляетъ себѣ въ видѣ отношенія, находящагося между цѣлымъ и частію. Имущество есть какъ бы часть тѣла владѣльца, существующаго отдѣльно. Въ слѣдствіе такого отношенія имущество принадлежитъ владѣльцу въ собственность [296].

Основанія власти человѣка надъ вещами Аристотель ищетъ въ установленіи самой природы. Производя животныхъ на свѣтъ, говоритъ онъ, природа заботится въ тоже время и о средствахъ ихъ пропитанія. Что касается самаго перваго возраста ихъ жизни, то нѣкоторыя животныя, раждая, съ тѣмъ вмѣстѣ производятъ и столько пищи, сколько ея потребуется до тѣхъ поръ, пока дѣти ихъ не въ состояніи будутъ сами доставать себѣ пищу. Таковы напр. всѣ животныя, которыя кладутъ яица. Другія животныя, раждая живыхъ дѣтей, содержатъ въ себѣ самихъ достаточную пищу для прокормленія ихъ въ теченіи извѣстнаго времени, т. е. молоко. Такимъ же образомъ должно предполагать, что природа не оставляетъ животныхъ безъ средствъ пропитанія и сохраненія и по достиженіи ими совершеннаго возраста, а слѣдовательно мы должны принять, что по намѣренію природы растенія существуютъ для животныхъ неразумныхъ, животныя же неразумныя для людей [297].

Между разными видами промышленности, какъ способами пріобрѣтенія собственности, Аристотель почитаетъ 1) земледѣліе и наиболѣе сообразнымъ съ природою, потому что по природѣ всѣ существа получаютъ пищу отъ матери, а земля служитъ для людей общею матерью, и самымъ благороднымъ, потому что такое занятіе особенно способствуетъ къ возбужденію и укрѣпленію мужественнаго духа въ человѣкѣ. Сюда же относится и скотоводство. Но 2) каждая вещь, по ученію Аристотеля, можетъ быть употребляема или непосредственно или для мѣны. И такъ люди, имѣя у себя однѣхъ вещей болѣе, другихъ менѣе, нежели сколько имъ было нужно, начали производить мѣну другъ съ другомъ. Для произведенія же ея удобнѣе и скорѣе были изобрѣтены деньги. Съ тѣмъ вмѣстѣ родились разные промыслы, которыхъ цѣлію есть пріобрѣтеніе денегъ; таковы суть: торговля, отдача денегъ въ ростъ и работы изъ платы, куда принадлежатъ всѣ ремесла. Въ désрединѣ между первымъ — самымъ естественнымъ, и вторымъ — совершенно искуственнымъ способомъ пріобрѣтенія вещей находятся горные промыслы, лѣсоводство и т. п. Ни одинъ изъ промысловъ, имѣющихъ въ виду только

[296] Polit. I, 2 § 3—7. cf. § 20.
[297] Polit. I, 3. § 6—7.

пріобрѣтеніе денегъ, въ глазахъ Аристотеля не заслуживаетъ одобренія [298].

ОТДѢЛЕНІЕ III.

ФИЛОСОФІЯ СТОИЧЕСКАЯ, ЕПИКУРЕЙСКАЯ, СКЕПТИЧЕСКАЯ.

§ 270.

Платонъ и Аристотель не имѣютъ строгой, догматической системы. Построить ее предпринимаютъ *Стоики* и *Епикурейцы*; но тѣ и другіе рѣшаютъ свою задачу одностороннимъ образомъ, основываясь или, какъ первые, на однихъ высшихъ началахъ разума, или, какъ вторые, на показаніяхъ чувства; почему, низпровергая себя взаимно, разрушаются Скептицизмомъ — *Скептицизмомъ, собственно такъ называемымъ*, и Скептицизмомъ *Средней* и *Новой Академіи*.

А. Философія Стоическая.

§ 271.

Стоицизмъ [299] въ теоретической его части былъ продолженіемъ Гераклитовой Философіи, въ практической — Философіи Антисѳеновой. Но той и другой Философіи онъ далъ видъ системы и общія ихъ положенія возвысилъ въ достоинство всеобщихъ началъ.

Богъ для Стоиковъ есть одно и тоже съ міромъ. Въ бытіи міра они различаютъ два состоянія: состояніе безразличія всѣхъ вещей и состояніе различія. Первое есть состояніе совершеннѣйшее. Міръ въ непрерывномъ круговращеніи переходитъ отъ одного изъ сихъ состояній къ другому. Богъ, какъ душа міра, въ физическомъ отношеніи есть для Стоиковъ движущая сила матеріи, всеобщая природа, необходимость, судьба вещей; въ нравственномъ отношеніи Онъ есть всеобщій разумъ, управляющій міромъ, виновникъ закона естественнаго, повелѣвающаго доброе и возбраняющаго злое, каратель преступниковъ и праведный мздовоздаятель для тѣхъ, которые соблюдаютъ его законъ.

[298] Polit. I, 3. § 10—23; 4. § 2—3; 5. § 10; Oecon. 2.

[299] Зенонъ, основатель Стоической философіи, родился около 340 г. до Р. Х., ум. между 264 и 260 г.

По сему и *правоученіе* Стоиковъ имѣетъ въ виду одно только всеобщее, разрушая, попирая все особенное, индивидуальное въ человѣкѣ. Жить согласно со всеобщею природою — вотъ самое первое выраженіе ихъ нравственнаго начала! Но чего же требуетъ общій законъ природы отъ извѣстнаго рода существъ? Это опредѣляется особенною природою каждаго существа, въ коей всеобщая природа какъ бы открываетъ свою волю. Отсюда новое выраженіе Стоическаго нравственнаго начала: жить согласно съ человѣческою природою. Но особенную природу человѣка составляетъ не другое что, какъ здравый разумъ. И такъ жить согласно съ здравымъ разумомъ — вотъ послѣднее Стоическое выраженіе нравственнаго начала! Но одно согласіе дѣянія со всеобщею природою, или съ природою человѣка, или съ требованіями здраваго разума, не составляетъ еще существа добродѣтели, какъ понимаютъ ее Стоики. Они различаютъ два рода дѣяній: пристойныя дѣянія и дѣянія совершенныя (κατόρθωμα). Пристойнымъ называютъ они все то, что происходитъ согласно съ природою, и дѣйствія сего рода приписываютъ не только дѣтямъ, но и неразумнымъ животнымъ, и даже растеніямъ. Такія дѣйствія сами по себѣ еще не могутъ быть названы ни добрыми, ни худыми. Добрыми дѣлаются они отъ того, что предпринимаются въ слѣдствіе одобренія разума, и тогда-то получаютъ достоинство дѣяній совершенныхъ. Твердое, неизмѣнное расположеніе души, дѣйствовать всегда только по внушеніямъ здраваго разума, есть характеръ Стоической добродѣтели. Человѣкъ совершенно свободный отъ страстей, т. е. отъ неразумныхъ, страдательныхъ движеній сердца, ничѣмъ не возмущаемый въ спокойствіи своей разумной дѣятельности, поставляющій все свое благо въ добродѣтели, есть въ понятіи Стоиковъ мужъ истинно добродѣтельный, истинный мудрецъ.

Такимъ образомъ Стоическое нравоученіе оставалось отвлеченнымъ и не могло достигнуть до *системы законовъ государственной жизни*. Стоическій мудрецъ ни въ комъ и ни въ чемъ не нуждается. Онъ носитъ въ себѣ самомъ правило для рѣшенія всѣхъ вопросовъ о добрѣ и злѣ; онъ стоитъ выше всѣхъ законовъ и обычаевъ. Первые Стоики дѣйствительно представлялись еще совершенными Циниками. Политика, написанная Зенономъ, уничтожала, собственно говоря, самое государство. Идеалъ ея состоялъ въ томъ, чтобъ люди совсѣмъ не различались между собою по государствамъ, народамъ и законамъ, всѣ жили въ общемъ согласіи, какое соединяетъ весь

міръ, жили, какъ стадо овецъ, пасущееся въ одномъ мѣстѣ, питаясь отъ одного закона, какъ отъ общаго пастбища [300]. Такія же мысли имѣли и другіе Стоики. По мнѣнію Стоиковъ, далѣе, нѣтъ безусловной обязанности жить въ бракѣ, въ государствѣ и проч. Мудрецъ вступитъ въ подобныя отношенія, женится, приметъ участіе въ управленіи дѣлъ государственныхъ и проч., если только это не будетъ препятствовать его добродѣтели, и государство устроено надлежащимъ образомъ; иначе онъ удалится отъ общества и будетъ вести жизнь уединенную [301]. Многіе Стоики наконецъ отдавали полное предпочтеніе жизни созерцательной предъ дѣятельною [302]; такъ какъ и вообще внѣшняя дѣятельность для Стоической добродѣтели не важна, а важна только твердая добрая воля.

Б. Философія Епикурейская.

§ 272.

Епикуръ [303], въ теоретической части Философіи будучи послѣдователемъ Левкиппа и Демокрита, въ практической былъ только усовершителемъ ученія Аристиппова. Стремясь къ счастію, непрерывно продолжающемуся во всю жизнь, онъ полагалъ верховное благо не въ чувственномъ удовольствіи, какому предаются люди развратные, а въ свободѣ какъ отъ тѣлесныхъ скорбей, такъ особенно въ свободѣ отъ душевныхъ смущеній, или въ невозмутимости духа. Согласно съ симъ нравственнымъ началомъ Епикуръ отвергалъ бытіе справедливаго въ себѣ самомъ; по его мнѣнію, такъ называемое справедливое основывается только на договорѣ людей, взаимно согласившихся не обижать другъ друга, на тотъ конецъ, чтобъ, не дѣлая съ своей стороны вреда, и самимъ не терпѣть его [304]. Естественно или всеобще справедливымъ онъ называлъ то, что для всѣхъ и каждаго полезно въ общежитіи. Но по различію временныхъ и мѣстныхъ обстоятельствъ, думалъ онъ, и справедливое бываетъ различно, а слѣдовательно можетъ измѣняться [305].

[300] Plut de Alex. fort. I, 6.
[301] Diog. Laërt. VII, § 120—123. Stob. ecl. II, p. 184; 224; 228.
[302] Наприм. о Гериллѣ см. Cic. de fin. IV, 14; V, 25.
[303] Епикуръ род. въ 337 г., ум. въ 270 г. до Р. Х.
[304] Diog. L. X. § 150.
[305] Ib. § 151—153.

В. Скептицизмъ.

§ 273.

Академія Средняя [306] и *Новая* [307] утверждала, что представленія человѣческія могутъ быть вѣроятнѣе одни другихъ, но что здѣсь нельзя достигнуть до твердой истины. Отсюда и въ нравственномъ отношеніи Академики допускали только большую или меньшую вѣроятность познанія, и говорили, что въ выборѣ между добромъ и зломъ надобно слѣдовать вѣроятнѣйшему [308]. Карнеадъ, утверждая, что нѣтъ ничего справедливаго въ самомъ себѣ, приводилъ въ пользу своего мнѣнія слѣдующія доказательства: 1) Еслибъ существовало нѣчто справедливое въ самомъ себѣ, то оно было бы всегда и вездѣ одно и тоже; напротивъ мы видимъ, что у разныхъ народовъ, и даже у одного и того же народа въ разныя времена и для разныхъ классовъ людей не одно и тоже почитается справедливымъ [309]. 2) Благоразуміе не рѣдко требуетъ противнаго справедливости, такъ что въ сихъ случахъ для государствъ и частныхъ лицъ было бы величайшею глупостію слѣдовать требованіямъ справедливости [310]. И такъ, думалъ Карнеадъ, мать справедливости есть слабость. Людямъ надлежитъ выбирать что нибудь одно изъ трехъ: или дѣлать несправедливость, но не терпѣть ея; или дѣлать несправедливость и терпѣть; или и не дѣлать несправедливости, и не терпѣть ея. Но какъ для перваго силъ одного человѣка недостаточно, а второе есть самое бѣдственное состояніе; то люди и выбираютъ для себя третье, ограничивая, но и защищая себя законами [311].

§ 274.

Скептицизмъ, собственно такъ называемый [312], отвергалъ самое различіе между большею и меньшею достовѣрностію. Стоять

[306] Аркезилай, основатель Средней Академіи, род. въ 318 или 316 г. до Р. Х., ум. въ 241 или 239 г.

[307] Карнеадъ, основатель новой Академіи, род около 215 г. до Р. Х., ум. въ 130 г.

[308] Sext. Emp. adv. Mathem. VIII, 158.

[309] Cic. de rep. III, 8—11.

[310] Ib. 12—13; 15—20.

[311] Ib. 13.

[312] Основателемъ собственно такъ называемой Скептической Философіи признается Пирронъ, славившійся около 340 г. до Р. Х., ум. около 288 г. — Энезидемъ, возобновившій эту Философію съ особеннымъ успѣхомъ, сла-

выше всякаго сомнѣнія, не колебаться между тѣмъ или другимъ мнѣніемъ, быть всегда равнымъ себѣ самому, чистымъ въ своемъ самосознаніи, — составляло цѣль Скептика. Для сего надлежало пріобрѣсть равнодушіе ко всѣмъ мнѣніямъ людскимъ объ истинѣ и заблужденіи, о добрѣ и злѣ, о справедливости и несправедливости. Такимъ образомъ, ссылаясь на различіе законовъ положительныхъ и мнѣній Философовъ о предметахъ нравственности и законодательства, Скептики доказывали, что нѣтъ ничего ни добраго, ни худаго въ самомъ себѣ и только законъ и обычай установляютъ различіе между добрымъ и худымъ, между справедливымъ и несправедливымъ [313].

§ 275.

Скептицизмъ оканчивается отрицаніемъ всего предметнаго міра. Весь предметный міръ самосознанія приведенъ Скептицизмомъ въ сотрясеніе, опровергнутъ, сокрушенъ, уничтоженъ. Посреди сего ничтожества остается одно только самосознаніе съ самимъ собою. Но углубившись такимъ образомъ самъ въ себя, духъ дѣлаетъ собственное свое существо предметомъ своего самосознанія и пораждаетъ внутри себя новый умственный міръ, отличный отъ всего, что доселѣ существовало, и не находя для себя удовлетворенія во внѣшности, ищетъ и находитъ его въ своей внутренности. Это есть уже Философія слѣдующаго періода.

ПЕРІОДЪ III.

ГРЕЧЕСКАЯ ФИЛОСОФІЯ МЕЖДУ РИМЛЯНАМИ И ВОСТОЧНЫМИ НАРОДАМИ.

§ 276.

Тогда какъ Греческая Философія боролась особенно съ Скептицизмомъ, въ ней приняли участіе и другіе древніе народы, т. е. какъ жители Востока, такъ и Римляне. Греческія Царства, основанныя по смерти Александра Македонскаго на Востокѣ, сблизили между собою Грековъ и жителей Востока самымъ тѣснымъ образомъ.

вился около 50 г. до Р. X. Секстъ Эмпирикъ къ концу 2-го вѣка послѣ Р. X. довершилъ развитіе Скептицизма.

[313] Sext Empir. Hyp. Pyrrh. I, 14 § 145; § 148—149; 15. § 164. seqq.

Для Философіи слѣдствія такого сближенія обнаружились только спустя три вѣка послѣ Александра, именно въ ученіи Филона Іудеянина; но и послѣ того прошли еще два столѣтія, пока явился Плотинъ, который, съ послѣдователями его, соединивъ Греческую Философію съ преданіями Востока, далъ ей видъ окончательный.

Дѣятельному участію Востока въ Греческой Философіи предшествовали занятія въ ней Римлянъ. Покоривъ Грецію, Римляне тотчасъ приняли отъ побѣжденнаго народа вмѣстѣ съ разными искуствами и науками и Философію. Однако же начавъ упражняться въ ней еще задолго до того времени, какъ въ Филонѣ открылись первые слѣды столкновенія Греческихъ понятій съ восточными, они едва продолжили свои упражненія за эпоху, ознаменованную Плотиномъ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

ГРЕЧЕСКАЯ ФИЛОСОФІЯ МЕЖДУ РИМЛЯНАМИ.

§ 277.

Мы изложили [314] причины, по которымъ *Римляне* не могли имѣть собственной *Философіи*. И такъ когда они почувствовали потребность въ Философіи; то, обратившись къ Философіи Греческой, большею частію старались только изучать ее, переводя на свой языкъ творенія Греческихъ Философовъ, сокращая, переработывая. Само собою разумѣется, что нѣкоторыя понятія были при томъ пояснены, опредѣлены точнѣе; но вообще содержаніе Философіи пріобрѣло здѣсь очень немного.

§ 278.

Между Римлянами, занимавшимися Философіею, заслуживаетъ особенное вниманіе *Цицеронъ* [315]. Для *Философіи Законодательства* онъ примѣчателенъ по двумъ причинамъ. 1) Въ рѣшеніи Метафизическихъ вопросовъ будучи свободнымъ и безпристрастнымъ послѣдователемъ новой Академіи, онъ въ общей части Философіи практической держался наиболѣе Стоиковъ [316]. Посему обработывая практическую Философію въ духѣ Стоическомъ, онъ частію раскрылъ нѣсколько далѣе Стоическія начала въ ихъ послѣдствіяхъ,

[314] См. выше § 183.
[315] Цицеронъ род. въ 108 г. до Р. Х., ум. въ 44 г.
[316] De off. I, 2.

частію сохранилъ для насъ въ своихъ сочиненіяхъ нѣкоторыя мысли Стоиковъ о предметахъ законодательства, мысли, которыя въ противномъ случаѣ были бы для насъ потеряны. 2) Когда новые народы стали заниматься науками; тогда какъ Римскіе законы составили основаніе ихъ гражданскаго законодательства, такъ Цицероновы мнѣнія дали первое направленіе ихъ теоріямъ о законодательствѣ.

§ 279.

Что касается *общихъ понятій о правдѣ и справедливости*, — начало правды Цицеронъ возводитъ къ закону, потому что законъ служитъ мѣрою справедливаго и несправедливаго [317]. Подъ именемъ закона разумѣется здѣсь законъ вѣчный и неизмѣнный, существовавшій прежде всѣхъ писанныхъ законовъ. Это есть самый разумъ, повелѣвающій, что должно дѣлать, и запрещающій тому противное, разумъ въ томъ лучшемъ, совершеннѣйшемъ видѣ, въ какомъ онъ является по достиженіи полнаго своего развитія и удостоивается названія мудрости [318].

Единство правды между существами есть, по мнѣнію Цицерона, прямое слѣдствіе единства въ нихъ разума. Разумъ, говоритъ Цицеронъ, находится какъ въ человѣкѣ, такъ и въ Богѣ. И такъ по разуму своему человѣкъ находится въ обществѣ съ Богомъ. Но у кого разумъ общій, у тѣхъ и здравый разумъ есть общій. А разумъ есть законъ. Слѣдовательно люди и боги соединены между собою общимъ закономъ. Но у кого законъ общій, у тѣхъ общая и правда; такія существа принадлежатъ къ одному и тому же обществу. Весь міръ по сему есть одно общество, составленное изъ боговъ и людей [319]. Но ни какія существа такъ не сходны другъ съ другомъ, такъ не равны между собою, какъ люди. У всѣхъ людей одинъ и тотъ же разумъ, тѣже способности, тѣже страсти и проч. Но кому данъ разумъ отъ природы, тѣмъ данъ и здравый разумъ, слѣдовательно и законъ; если же законъ, то и правда. И такъ, заключаетъ Цицеронъ, правда для всѣхъ людей есть одна [320]. Кромѣ общества, составляющагося изъ всего рода человѣческаго, Цицеронъ изчисляетъ другіе виды общества: 1) общество, составляющееся изъ людей одного племени, языка; 2) общество гражданъ одного госу-

[317] De leg. I, 6.
[318] De leg. I, 6; De rep. III, 22 (изъ Lact. Instit. VI, 8).
[319] De leg. I, 7 (Cf. 8—9).
[320] De leg. I, 10—12.

дарства; 3) общество супруговъ, дѣтей и родителей; 4) союзъ родственный [321].

Усматривая повсюду разные виды общества, естественно образующагося между людьми, Цицеронъ въ неправдѣ видитъ дѣйствіе самое несогласное съ природою. Еслибъ, говоритъ онъ, каждый для собственной выгоды сталъ обижать другаго, то по необходимости разрушилось бы человѣческое общество: тѣ, которые, ничего не отнимая у своихъ родныхъ, не воздерживаются отъ подобныхъ поступковъ по отношенію къ другимъ согражданамъ, вѣрно предполагаютъ, что между ими и согражданами не существуетъ никакой правды и никакого общества для общей пользы, — но такое мнѣніе разрываетъ весь союзъ гражданскаго общества; тѣ, которые сохраняя уваженіе къ лицу согражданина, не хотятъ соблюдать того же самаго относительно иноземцевъ, расторгаютъ общій союзъ рода человѣческаго [322].

Самая правда заключаетъ въ себѣ, по мнѣнію Цицерона, существенно двѣ части: съ одной стороны человѣкъ самъ не долженъ никого обижать, если онъ не будетъ вынужденъ къ тому нанесенною ему обидою; съ другой, онъ долженъ еще, если можетъ, защищать другихъ отъ обидъ. Кто неправедно нападаетъ на другаго, тотъ поднимаетъ руки на союзника; а кто не защищаетъ другаго отъ обидъ, тотъ какъ бы въ случаѣ нападенія покидаетъ родителей, отечество, союзниковъ [323].

Кромѣ правды (justitia) общество человѣческое держится, по словамъ Цицерона, благотворительностію (beneficentia), которая находится въ самой тѣсной связи съ первою, и дѣйствіемъ коей человѣкъ, такъ какъ онъ рожденъ не для себя одного, но и для своего отечества, для друзей, раздѣляетъ свои собственныя выгоды со всѣми своими сообщниками [324].

§ 280.

Подробныя изслѣдованія о разныхъ образахъ правленія и вѣтвяхъ законодательства Цицеронъ предложилъ, по примѣру Платона, въ сочиненіяхъ *о Государствѣ* и *о Законахъ*. Въ первомъ сочиненіи онъ хотѣлъ представить наилучшій образъ правленія, во вто–

[321] De off. I, 16—17.
[322] De off. III, 6.
[323] De off. I, 7.
[324] De off. I, 7; 16.

ромъ начертать законы для государства, состоящаго подъ такимъ правленіемъ [325]. Но вмѣстѣ съ Полибіемъ [326] почитая самымъ лучшимъ правленіе, существовавшее у Римлянъ во времена Царей и потомъ болѣе или менѣе сохранявшееся до временъ первой пунической войны, т. е. смѣшенное изъ монархіи, аристократіи и демократіи [527], равнымъ образомъ взирая и на законы сего періода своего отечества какъ на самые совершенные [328], Цицеронъ въ обоихъ своихъ сочиненіяхъ представляетъ только апологію и картину древнихъ Римскихъ установленій. Въ размышленіяхъ, какія надлежало дѣлать при семъ случаѣ, онъ держится обыкновенно Греческихъ Философовъ [329].

Какъ Римлянинъ, Цицеронъ вообще предпочитаетъ жизнь дѣятельную, и особенно политическую, жизни созерцательной. Все достоинство добродѣтели, говоритъ онъ, заключается въ ея приложеніи къ жизни, и особенно къ управленію государствомъ [330]; человѣкъ ничѣмъ столько не уподобляется Божеству, какъ или созидая новыя государства, или сохраняя уже созданныя [331]; философы, которые изъ любви къ наукамъ удаляются отъ дѣлъ государственныхъ и оставляютъ безъ защиты людей, которыхъ бы они должны были защищать, хотя не дѣлаютъ одной несправедливости, за то впадаютъ въ другую [332].

Государство по понятію Цицерона есть народъ. Впрочемъ народомъ онъ называетъ не всякое множество людей, какъ бы то ни было собранныхъ въ одно мѣсто, но совокупность людей, соединенныхъ между собою единствомъ правды и общими выгодами. Первою причиною, побудившею людей составить такое общество, Цицеронъ почитаетъ не столько слабость, сколько естественное какое-то влеченіе людей другъ къ другу [333]; но самое происхожденіе отсюда гражданскаго общества онъ представляетъ себѣ какъ бы дѣломъ человѣческой разсудительности [334].

[325] De leg. I, 5; De rep. I, 20.
[326] Polib. Hist VI, 11.
[327] De rep. I, 21. cf. I, 46; II, 1; 39.
[328] De leg. II, 10.
[329] De rep. I, 22.
[330] De rep. I, 2
[331] Ib. 7 cf. De off. I, 43—44.
[332] De off. I, 9.
[333] De rep. I, 25. cf. De off. I, 4; 44.
[334] De rep. I, 26. Иначе: De off. I, 17 (по Аристотелю).

§ 281.

Объ отношеніяхъ *частной жизни* мы уже замѣтили, въ какой полнотѣ у Цицерона признаются разные виды союза семейственнаго. Что касается перваго ихъ начала, онъ производитъ ихъ изъ общей животной природы [335]. Законность рабства онъ защищаетъ такъ же, какъ Аристотель [336].

Всѣ вещи Цицеронъ почитаетъ по природѣ общими для всего рода человѣческаго. Частною собственностію дѣлаются онѣ, по его словамъ, въ силу овладѣнія, побѣды надъ непріятелемъ, закона, договора, условія, жеребья [337].

Изъ разныхъ видовъ промышленности Цицерономъ порицаются всѣ тѣ, кои навлекаютъ на себя ненависть людей (напр. отдача денегъ въ ростъ); всѣ тѣ, гдѣ покупается одна работа, а не искуство; далѣе, мелочная торговля; ремесла; наконецъ искуства, которыя служатъ однимъ чувственнымъ удовольствіямъ. Одобряются напротивъ искуства, требующія особенной разсудительности, или доставляющія людямъ значительную пользу (напр. Медицина, Архитектура); далѣе, торговля, производимая въ большомъ видѣ; наконецъ преимущественно земледѣліе [338].

§ 282.

У Цицерона въ первый разъ мы находимъ истинныя понятія о *правдѣ между народами*. Мы видѣли уже, какъ, основываясь на единствѣ разума во всѣхъ людяхъ, онъ утверждаетъ и единство правды между ними, какъ онъ въ неуваженіи правъ иностранцевъ усматриваетъ расторженіе общаго союза рода человѣческаго. Въ особенности онъ первый опредѣляетъ надлежащимъ образомъ взаимныя между собою отношенія воюющихъ народовъ. Требуя, чтобъ люди соблюдали нѣкоторыя должности и противъ тѣхъ, отъ коихъ они получили обиду, онъ различаетъ два рода брани: брань на словахъ и брань съ употребленіемъ силы. Людямъ, по его мнѣнію, прилична собственно только первая; напротивъ послѣдняя прилична неразумнымъ животнымъ, и слѣдовательно къ ней должно прибѣгать уже тог-

[335] De off I. 4.
[336] De rep. III, 24—25 (Изъ Aug. de Civ. D XIX, 21; contra Julian. pelag. IV, 61).
[337] De off. I, 7.
[338] De off. I, 42.

да, когда нельзя ограничиться первою. Вообще, по ученію Цицерона, войну должно предпринимать только для того, чтобъ жить въ мирѣ безъ обиды; по одержаніи побѣды должно сохранять тѣхъ, которые не были жестоки на войнѣ, соблюдать слово, данное и врагамъ, и употреблять только законныя средства для ихъ погибели [339].

ОТДѢЛЕНІЕ II.

ГРЕЧЕСКАЯ ФИЛОСОФІЯ МЕЖДУ ВОСТОЧНЫМИ НАРОДАМИ.

§ 283.

Изъ соединенія Греческихъ умозрѣній съ преданіями востока произошло нѣсколько особенныхъ системъ: *ученіе Филона* [340], *Гностицизмъ*, *Каббала* и *Философія Неоплатоническая* [341]. *Общее направленіе* духа было здѣсь у всѣхъ одинаково. Видя истинное добро въ одномъ Богѣ, какъ Онъ существуетъ Самъ въ Себѣ, всѣ умы признавали здѣсь послѣднею для себя цѣлію непосредственное соединеніе съ Богомъ. Состояніе такого единенія было почитаемо высочайшимъ совершенствомъ, превосходнѣйшею добродѣтелью. Чтобъ достигнуть до него, требовалось попраніе чувственности, искорененіе страстей, совершенная чистота души. Бѣжать для сего отъ свѣта, отъ обыкновеннаго человѣческаго общества — вотъ что было наконецъ послѣднимъ правиломъ древней Философіи. Область законодательства по сему вообще была исключена изъ числа предметовъ, подлежащихъ изслѣдованію.

§ 284.

Но было бы несправедливо утверждать, что и *Неоплатоники* мало занимались Философіею законодательства. Напротивъ, они обращали на нее все вниманіе, какое она заслуживала. Плотинъ предполагалъ основать государство въ духѣ разговоровъ Платоновыхъ о государствѣ; Порфирій, Ямвлихъ, Проклъ писали разныя сочиненія, имѣющія своимъ предметомъ государство [342]. Платонъ и здѣсь, какъ

[339] De off. I, 11—13.

[340] Филонъ Іудеянинъ родился за нѣсколько лѣтъ до Р. Х., славился около 34 г. по Р. Х.

[341] Изъ Неоплатониковъ замѣчательны: Плотинъ род. въ 205 г., ум. въ 270 г. по Р. Х.; Порфирій род. въ 233 г., ум. въ 304 г.; Ямвлихъ ум. въ 333 г.; Проклъ род. въ 412 г., ум. въ 485 г.

[342] Порфирій писалъ de vita Pythagoræ, Ямвлихъ de vita Pythagorica, —

вообще, служилъ для Неоплатониковъ главнымъ руководителемъ, даже болѣе, чѣмъ въ другихъ частяхъ Философіи. Тѣмъ не менѣе возвышенныя начала нравственности, до какихъ достигнулъ Стоицизмъ, та сила, какую онъ открылъ въ самомъ разумѣ, опредѣлять человѣка къ добру независимо отъ физическихъ влеченій, то сознаніе нравственнаго ничтожества физическихъ наклонностей, расположеній, дѣйствій, не проистекающихъ изъ свободной рѣшимости воли, какое въ немъ пробудилось, — все это не было потеряно и между Неоплатониками. Но тогда, какъ Стоическій идеалъ государства уничтожалъ самое государство, они воспринимали въ свою Философію идеалъ Платоновъ, сдѣлали для себя государство въ нѣкоторой степени возможнымъ. Впрочемъ удаляя отъ себя заботы объ удовлетвореніи физическихъ потребностей жизни, какъ предметовъ, принадлежащихъ къ области вещественнаго, пренебрегая союзомъ семейственнымъ и не приписывая большой силы физическимъ различіямъ между людьми, Неоплатоники становились съ своимъ государствомъ совершенно внѣ дѣйствительнаго міра, внѣ тѣхъ союзовъ общежитія, которые здѣсь имѣютъ вѣсъ и значеніе. Они сосредоточивались единственно въ самихъ себѣ. Государство въ томъ видѣ, какъ они его себѣ воображали, было только рядомъ ступеней, по коимъ человѣкъ долженъ восходить при очищеніи своей души, доколѣ она, собравшись сама въ себя, не сдѣлается способною вести жизнь чисто внутреннюю и погрузиться въ созерцаніе Божества.

ОБЩІЯ ЗАМѢЧАНІЯ

О ДРЕВНЕЙ ФИЛОСОФІИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.

§ 285.

Таковъ былъ конецъ древней Философіи законодательства!

Все вообще развитіе древней Философіи было направлено къ тому, чтобы постигнуть безусловное превосходство духа предъ природою, разумнаго предъ неразумнымъ, внутренняго предъ внѣшнимъ. Это направленіе мы примѣчаемъ и въ древней Философіи законодательства. При самомъ *первомъ ея началѣ* оно выразилось уже въ понятіяхъ о цѣли земной жизни человѣка, какія мы находимъ у

сочиненія частію политическаго содержанія; Проклъ писалъ комментарій на сочиненіе Платона о государствѣ.

Анаксимандра, Пиѳагора, Парменида, Гераклита, Анаксагора. Но это влеченіе къ высшему міру было еще только влеченіе безотчетное, безсознательное, и не основывалось на глубокомъ познаніи существа вещей. *Анаксагоръ* указалъ на превыспреннее начало, владычествующее въ мірѣ, — на умъ. *Софисты,* взирая на каждаго человѣка съ его отдѣльнымъ разумомъ, какъ на существо, составляющее цѣль для самаго себя, обняли своею Философіею одну только сторону сего начала. Отъ такого отдѣльнаго и односторонняго взгляда на человѣческую природу всѣ основанія правды поколебались; все было разрушено въ порядкѣ жизни общественной; все надлежало возсозидать снова.

Въ противоположность Софистамъ, *Сократъ* признавши бытіе верховнаго Ума, который, самъ въ себѣ пребывая одинъ и тотъ же, дѣйствуетъ одинаково во всѣхъ людяхъ и въ цѣломъ мірѣ, выразилъ ту основную истину во всѣхъ изысканіяхъ о законодательствѣ, что есть нѣчто само въ себѣ справедливое, есть вѣчные законы правды, какъ изреченія Ума Божественнаго, держащіяся своею внутреннею силою. *Платону* и *Аристотелю* предоставлено было изложить сіи законы во всей ихъ обширности и показать владычество Ума Божественнаго въ жизни человѣческой, въ союзѣ государственномъ и семейственномъ. Но въ ученіи Платона и Аристотеля разумное начало признается во многихъ отношеніяхъ слабымъ для произведенія добра, ограничиваемымъ въ своихъ дѣйствіяхъ природою и веществомъ.

У *Стоиковъ* могущество разумнаго начала признается во всей его полнотѣ; по ихъ ученію разумъ производитъ добродѣтель самъ изъ себя, а не образуетъ только ее изъ готовой уже матеріи; внутреннее самообладаніе, безстрастіе духа составляетъ высочайшее достоинство человѣка. Единство разума во всѣхъ людяхъ совокупляетъ весь родъ человѣческій въ одинъ обширнѣйшій союзъ. Но въ этомъ союзѣ исчезаютъ уже всѣ различія общественной жизни; общество Стоиковъ не есть какое либо государство въ особенности, но весь нравственный міръ.

Епикурейцы и *Скептики,* отвергая даже бытіе справедливаго въ самомъ себѣ, не присовокупили ничего особеннаго къ Философіи законодательства. Но послѣднею цѣлію ихъ стремленій была, такъ же, какъ у Стоиковъ, внутренняя самостоятельность, невозмутимость духа.

Цицеронъ раскрылъ намъ мысли Стоиковъ о единствѣ правды между людьми, и въ особенности сдѣлалъ приложеніе сихъ мыслей

къ правдѣ между народами. Но что онъ говоритъ о разныхъ союзахъ общежитія, о государствѣ, о разныхъ вѣтвяхъ законодательства, то, составляя разнородную смѣсь мнѣній, заимствованныхъ изъ Греческой Философіи, или изъ положительнаго Римскаго законодательства, не вознаграждаетъ недостатка изслѣдованій о сихъ предметахъ у самихъ Стоиковъ.

Наконецъ въ *Неоплатонической* Философіи выражено ничтожество физическаго, превосходство разумнаго съ такою силою, ясностію, съ какою сіи истины никогда доселѣ не выражались. Государство при этомъ удерживаетъ также свое мѣсто и значеніе. Впрочемъ все оно устремлено къ сверхчувственному. Духъ, собравшись въ себя самого, достигши своего внутренняго міра, хочетъ только созерцать духовное, быть только чистымъ духомъ.

§ 286.

Сравнивая весь этотъ ходъ Философіи законодательства у древнихъ народовъ съ общимъ ходомъ ихъ исторіи, мы примѣчаемъ между тѣмъ и другимъ разительное соотвѣтствіе. Общій характеръ древнихъ народовъ составляетъ преобладаніе въ нихъ міра физическаго надъ міромъ духовнымъ; ихъ исторія въ цѣломъ есть исторія постепеннаго и медленнаго освобожденія духа изъ-подъ владычества природы. Въ порядкѣ сего освобожденія прежде всего надлежало раскрыться низшимъ элементамъ жизни; они дѣйствительно раскрылись и произвели свойственныя имъ явленія — смѣшенія добра и зла. Но въ тоже время пробуждались въ людяхъ и высшія потребности духа; по мѣрѣ того, какъ зло, возрастая, представлялось въ живѣйшихъ чертахъ, усиливалось въ душахъ и желаніе освободиться отъ него.

Послѣ простаго образа жизни подъ правленіемъ Царскимъ, *у Грековъ* вездѣ почти образовались Аристократіи, вскорѣ перерождавшіяся въ Олигархіи; но Аристократіи и Олигархіи съ своей стороны тотчасъ должны были вступить въ борьбу съ другимъ дѣятельнѣйшимъ началомъ жизни, съ Демократіею. Въ колоніяхъ открылась сія борьба гораздо прежде, нежели въ собственной Греціи; въ послѣдней она свирѣпствовала съ жесточайшею силою въ промежуткѣ времени между началомъ Персидской и концемъ Пелопоннесской войны.

Философы не были при семъ только спокойными зрителями.

Сначала они жили еще совершенно въ кругѣ общей жизни. Политическая дѣятельность *Θалеса*, *Анаксимандра*, *Пиθагора*, *Элеатиковъ* очень извѣстна. Съ *Пиθагоромъ* открылись первыя усилія Философіи — противопоставить вторгавшемуся разврату устройство вещей, обязанное своимъ происхожденіемъ лучшимъ временамъ. Хотя Пиθагорейскій союзъ, какъ аристократическая партія, былъ направленъ къ тому, чтобъ въ городахъ Дорическаго племени возстановить древнія Дорическія установленія, древній Дорическій образъ жизни, въ томъ особенно видѣ, какъ все это существовало напр. у Спартанцевъ, или на островѣ Критѣ [343]; однако, имѣя у себя главою Философа, будучи имъ основанъ и приведенъ въ движеніе, этотъ союзъ заслуживаетъ быть замѣченнымъ и въ исторіи Философіи законодательства.

Гераклитъ былъ первый Философъ, въ лицѣ котораго Философія, во враждѣ съ существующими законами, съ дѣйствительнымъ устройствомъ общественной жизни, начала удаляться отъ общества. Равнымъ образомъ Демокритъ, ища собственнаго спокойствія, отторгъ себя отъ всѣхъ связей общежитія; Анаксагоръ, изъ любви къ созерцательной жизни, отказался отъ занятія дѣлами государственными. Во всемъ этомъ мы уже видимъ дѣйствіе новаго начала и надъ Философами, — дѣйствіе духа, который хочетъ жить въ самомъ себѣ и для себя одного. Но какъ вторженіе сего начала въ собственную Грецію принадлежитъ особенно ко временамъ Пелопоннесской войны и непосредственно ей предшествующимъ, то именно около сего же времени являются и Софисты съ ихъ ученіемъ, потрясающимъ въ самомъ основаніи Греческія Государства.

Обыкновенно *Софистовъ* называютъ развратителями Греческаго юношества и добрыхъ Греческихъ нравовъ. Уже Платонъ находилъ невозможнымъ, чтобъ такіе ничтожные люди, каковы были Софисты, могли развратить кого нибудь [344]. Они соединились только съ духомъ своего времени, и когда Греческій народъ самъ уже почувствовалъ нужду въ подобныхъ имъ людяхъ, предложили ему свои услуги. Тогда, какъ сами Греки захотѣли быть людьми, внѣшно образованными, когда всѣ устремились къ своимъ частнымъ цѣлямъ и пожелали обладать искуствомъ — обращаться съ людьми по собственнымъ видамъ, особенно искуствомъ — дѣйствовать на страсти на-

[343] Heeren's Ideen, Band VI. Götting., 1826 S. 354 - 360; K Ottfr. Müller's Dorier, Breslau, 1824. II. S. 176—181.

[344] Plato de rep. V, p. 492.

рода и управлять имъ по своему произволу, тогда явились и Софисты съ ихъ самолюбивою политикою, съ ихъ искуствомъ ослѣпительнаго краснорѣчія, и сдѣлались учителями Грековъ [345], преподавая ученикамъ только то, чего требовали ихъ страсти. Но разумѣется само собою, что вступивъ въ рядъ причинъ, дѣйствующихъ въ нравственномъ мірѣ, Софисты присовокупили нѣчто и отъ себя къ его испорченности.

Сердечно увѣренный въ томъ, какъ пагубны для Греческой жизни начала, принятыя Софистами, *Сократъ* хотѣлъ всѣми зависѣвшими отъ него средствами остановить потокъ развращенія — и своимъ ученіемъ и своею жизнію. Извѣстно, чѣмъ кончились его усилія.

Со всѣмъ жаромъ чистой, просвѣщенной любви къ своему отечеству *Платонъ* продолжилъ борьбу Сократову съ новымъ духомъ времени. Происходя отъ знаменитѣйшихъ родителей, будучи въ родствѣ съ важнѣйшими лицами, онъ въ молодости своей хотѣлъ посвятить себя дѣламъ государственнымъ. Но углубившись въ Философію, онъ не могъ согласить началъ ея съ настоящимъ положеніемъ государства и составилъ собственный свой идеалъ государства. Всякой лучь надежды — привесть свой идеалъ въ исполненіе, былъ для него обольстителенъ. Онъ вступалъ для того въ связи съ Діономъ, съ Діонисіемъ, съ Италъянскими Пиѳагорейцами. Ожидая многаго особенно отъ Діонисія, онъ три раза путешествовалъ въ Сицилію, не смотря на всѣ, проистекавшія для него оттуда непріятности. Впрочемъ надежда совершенно его обманула. Въ послѣдствіи времени, если вѣрить сказаніямъ не весьма достовѣрнымъ, другія государства — жители Кирены, Аркадяне, просили его быть у нихъ законодателемъ; но самое первое требованіе Философа — отказаться отъ частной собственности было ими отвергнуто, чѣмъ и прекратились всѣ сіи сношенія. Чтобъ сдѣлать свой идеалъ по возможности удобоисполнимымъ, онъ писалъ даже особенное сочиненіе — о Законахъ, гдѣ уже не требовалъ многаго изъ того, что должно было существовать въ идеальномъ государствѣ. Все было безуспѣшно.

Въ лицѣ Платона Философія, кажется, собрала всѣ свои силы, чтобъ защитить духъ Греческій противъ враждебной ему силы. Ученику Платонову, *Аристотелю*, принадлежитъ честь образовать того героя, съ которымъ Греція, преисполненная внутренняго дви-

345 Cp. Plato ibid. p. 493.

женія, вылилась, такъ сказать, изъ своихъ береговъ, и переступивъ мѣру, отъ самой природы ей назначенную, потеряла сама себя въ обширныхъ, неизмѣримыхъ странахъ Востока. Вмѣстѣ съ симъ Философія начала снова пріобрѣтать равнодушіе, которымъ она доселѣ не могла насладиться, взирая на ходъ дѣлъ общественныхъ, на развратъ, со всѣхъ сторонъ вторгающійся въ государство, Аристотель чувствуетъ вполнѣ силу временныхъ и мѣстныхъ обстоятельствъ надъ дѣлами человѣческими; онъ не имѣетъ никакой надежды управить ходомъ произшествій по своимъ желаніямъ; онъ довольствуется только тѣмъ, чтобъ понять существо общественныхъ отношеній, и находя невозможнымъ, чтобъ для всѣхъ людей годилось все, предоставляетъ искать имъ единственно такого состоянія, къ какому они способны.

Смерть Александра Македонскаго сопровождалась рѣшительнымъ разрушеніемъ общественной жизни въ Греціи; съ тѣмъ вмѣстѣ изчезла для Грековъ и вся нравственность, вся добродѣтель, которая у нихъ была совершенно привязана къ государственному быту. Непрестанныя брани, веденныя не столько силою оружія, сколько злодѣйственнымъ смертоубійствомъ, хитростію, обманомъ и посредствомъ войскъ наемныхъ, смѣшеніе частію съ грубыми сѣверными полуварварами, частію съ жителями Востока, незнавшими никакой мѣры въ удовлетвореніи своихъ страстей, сдѣлали сердца необыкновенно дикими, жестокими. Высшія цѣли жизни, общее благо, благо отечества были совершенно потеряны изъ вида; всякой заботился только о себѣ одномъ; священный страхъ, внушаемый Религіею, уже давно не существовалъ. Частые перевороты въ судьбѣ войны сдѣлали нетвердымъ всякое владѣніе; по сему люди, гоняясь съ алчностію за богатствами, спѣшили, сколько возможно, скорѣе насладиться жизнію. Грубая восточная роскошь и изнѣженность распространились повсюду между Греками. Въ семъ состояніи нравовъ люди съ возвышенными чувствами не могли найти свойственнаго имъ поприща. Одни изъ нихъ видѣли здѣсь всеобщій развратъ, другіе — совершенную пустоту жизни и чувства. Въ одномъ только равнодушіи ко всему, въ безстрастіи, въ невозмутимости, внутренней свободѣ, независимости духа они искали для себя спасенія. И вотъ именно всемірное нравственное значеніе Философіи *Стоической, Епикурейской, Скептической!* Для каждой изъ нихъ крайнею цѣлію есть внутренняя независимость духа отъ произшествій внѣшняго міра; но каждая ищетъ сей цѣли по своимъ особеннымъ побуж-

деніямъ, каждая достигаетъ до нее своимъ особеннымъ путемъ и своими средствами.

Греки вмѣстѣ съ завоеваннымъ отъ нихъ Восточнымъ міромъ были покорены *Римлянами*. Первоначально господствовала въ Римѣ простота нравовъ, любовь къ общему благу. Но когда онъ устремился къ завоеваніямъ, обогатился отъ награбленной добычи и познакомился со всѣми утонченными искуствами Греціи и Востока; тогда своекорыстныя побужденія такъ же возобладали въ немъ, развратъ сдѣлался такъ же всеобщимъ, какъ въ Греціи и на Востокѣ. Философскія системы, около сего же времени образовавшіяся въ Греціи въ слѣдствіе подобнаго разврата, т. е. Философія Стоическая и Епикурейская, были теперь съ радостію приняты и Римлянами. Особенно понятія Стоиковъ, находящіяся въ глубокомъ соотвѣтствіи съ важнымъ характеромъ Римлянъ, такъ распространились между ними, что перешли частію въ собственную ихъ жизнь; и въ семъ-то видѣ Стоическая Философія получила значительное вліяніе и на образованіе понятій Римскаго Законовѣдѣнія [346]. Наконецъ Римъ призналъ надъ собою единовластіе Августа. Нужна была вся крѣпость, все грозное могущество Римскихъ Императоровъ, чтобъ возводить ко всеобщему единству тѣ разнородные элементы, изъ коихъ составилась Римская Держава и изъ коихъ каждый стремился образовать изъ себя особенное средоточіе, чтобъ подавлять бунты въ войскѣ, ограничивать любостяжательность чиновниковъ, укрощать движеніе низкихъ страстей во всѣхъ частныхъ лицахъ.

Въ сіи-то преимущественно времена *Философія* должна была *соединиться съ Религіею*, чтобъ доставить людямъ успокоеніе отъ заботъ, отъ волненій міра. Печальное состояніе распространялось теперь по всему міру, и при всеобщей скорби люди искали для себя прибѣжища въ Богѣ. Теперь время было явиться и той Философіи, которая хотѣла очистить сердце человѣческое отъ естественныхъ влеченій и страстей, которая стремилась для того исторгнуть людей изъ всѣхъ обыкновенныхъ отношеній жизни семейственной, гражданской, государственной, которая въ замѣнъ того соединяя ихъ въ совершеннѣйшее общество, устремляла весь ихъ умъ къ созерцанію вѣчнаго.

Такимъ образомъ міръ древній прешелъ. Но онъ прешелъ только какъ внѣшнее, видимое явленіе. Внутреннее, духовное начало со-

[346] Cp. Zimmern's Geschichte des römischen Privatrechts bis Justinian. Band I, Abth. I. Heidelb., 1826. § 26.

средоточило наконецъ въ себѣ всю жизнь древнихъ народовъ. Среди новыхъ народовъ оно породило изъ себя новый порядокъ вещей, и пересоздавъ союзъ семейственный, гражданскій, государственный, проникнуло живымъ духомъ своимъ всѣ отношенія общежитія. Постигнуть сіе новое образованіе человѣческаго общества и связать древнее съ новымъ — есть предметъ Философіи новаго времени.

НОВАЯ ИСТОРІЯ

ФИЛОСОФІИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.

§ 287.

Съ распространеніемъ Христіанства въ мірѣ Греческая Философія перешла къ Христіанамъ. Находясь въ необходимости защищать свою вѣру отъ нападенія языческихъ Философовъ, считая въ своемъ обществѣ мужей, которые до обращенія ихъ въ Христіанство ревностно занимались Философіею, Христіане вскорѣ должны были ознакомиться съ Греческою Философіею, особенно въ томъ ея видѣ, какой она приняла при окончательномъ своемъ развитіи. Дѣйствительно, многіе изъ Отцевъ Церкви 2, 3 и 4-го вѣка по Рождествѣ Христовомъ, какъ то: Іустинъ Мученикъ, Климентъ Александрійскій, Оригенъ, Василій Великій, Григорій Назіанзинъ, Августинъ [347], представляютъ намъ въ своихъ сочиненіяхъ самую глубокую Философію.

§ 288.

Съ нашествіемъ варваровъ на Римскую Имперію всѣ науки и искуства пришли въ ней въ упадокъ; съ тѣмъ вмѣстѣ упала и Философія. Но, вообще говоря, сей упадокъ былъ менѣе чувствителенъ на Востокѣ, чѣмъ на Западѣ.

[347] Іустинъ Мученикъ ум. въ 165 г.; Климентъ Александрійскій около 218; Оригенъ въ 253, Василій Великій въ 379; Григорій Назіанзинъ въ 391; Августинъ въ 430.

§ 289.

Въ Восточной Римской Имперіи во все продолженіе среднихъ вѣковъ слѣды классическаго образованія болѣе или менѣе сохранялись непрерывно. Изъ Философовъ здѣсь, между Греками, пользовался особеннымъ уваженіемъ Аристотель. Отъ Грековъ уваженіе къ нему перешло къ Арабамъ, которые впрочемъ знали его только изъ переводовъ, сдѣланныхъ съ Сирскаго перевода, и въ своихъ философскихъ занятіяхъ ограничивались почти одною Физикою.

§ 290.

У варварскихъ народовъ, утвердившихся на развалинахъ Западной Римской Имперіи, начиная съ 5 до конца 8-го вѣка по Р. Х., мы не находимъ почти никакой Философіи. Императоръ Карлъ Великій учредилъ при монастыряхъ и домахъ Архіерейскихъ Училища — Scholae, для образованія духовенства. Между прочими предметами ученія въ сихъ школахъ была преподаваема Философія. Отсюда вся вообще Философія, образовавшаяся въ теченіи 9-го по 15-й вѣкъ у народовъ западной Европы, называется Схоластическою. По существу своему она ограничивалась: 1) развитіемъ логическихъ и онтологическихъ понятій въ разнообразнѣйшихъ, утонченнѣйшихъ видахъ, вообще — Діалектикою; 2) приложеніемъ сихъ понятій къ истинамъ Христіанской религіи. Руководителемъ Схоластиковъ былъ Аристотель. Сначала онъ былъ извѣстенъ имъ изъ сочиненій Боэція [348], Кассіодора [349] и Беды [350]. Съ 13-мъ вѣкомъ они узнали собственныя сочиненія Аристотеля изъ Арабскихъ переводовъ. Наконецъ въ 15-мъ вѣкѣ ученые Греки, особенно бѣжавшіе изъ своего отечества по завоеваніи его Турками, принесли съ собою на Западъ и распространили здѣсь подлинныя сочиненія Аристотеля Но вскорѣ послѣ сего кончилось исключительное его владычество, равно какъ и владычество Философіи Схоластической.

§ 291.

Съ возстановленіемъ наукъ на Западѣ Европы въ области Философіи началась новая жизнь. Послѣ того, какъ въ 16-мъ вѣкѣ, въ слѣдствіе покушенія различныхъ ученыхъ возобновить различ-

[348] Боэцій род. въ 470 г.
[349] Кассіодоръ род. около 480 г., ум. около 575 г.
[350] Беда род. въ 673 г., ум въ 735.

ныя древнія философскія системы, философствующій умъ сталъ опять на ту степень, до которой онъ достигъ въ древнемъ мірѣ; въ 17-мъ вѣкѣ родилась Философія, по своему характеру совершенно противоположная древней и только въ новѣйшія времена начавшая сближаться съ нею.

§ 292.

Общій характеръ новой Философіи, какъ и всего новаго міра, есть субъективность. Этотъ характеръ открывается: 1) въ томъ, что духъ ищетъ здѣсь основаній для истины всѣхъ своихъ познаній въ себѣ самомъ, не полагаясь на какое нибудь внѣшнее свидѣтельство; 2) въ томъ, что самый духъ составляетъ здѣсь важнѣйшій предметъ философскихъ изслѣдованій; 3) въ томъ, что новая Философія повсюду стремится показать владычество въ вещахъ духовнаго начала.

Новая Философія законодательства является съ тѣми же чертами. Въ особенности субъективный характеръ ея обнаруживается въ томъ высокомъ уваженіи, какое здѣсь оказывается единичной волѣ и единичной личности.

§ 293.

Новая Философія представляетъ намъ въ своемъ общемъ раскрытіи три періода.

I. Духъ подвергаетъ своему разсмотрѣнію мысленный міръ, созданный древнею Философіею; слѣдствіемъ сего есть съ одной стороны возстановленіе различныхъ системъ древней Философіи, особенно образовавшихся въ послѣднемъ ея періодѣ и проникнутыхъ духовнымъ началомъ, съ другой — полное сознаніе противоположности между духомъ и природою: отъ Марсилія Фицина до Бакона и Декарта.

II. Дѣлаются одностороннія покушенія согласить противоположность между духомъ и природою, съ начала посредствомъ расширенія области природы, потомъ посредствомъ расширенія области духа и ограниченія области природы: отъ Бакона и Декарта до Канта.

III. Принимается безусловное тождество духа и природы, средоточіемъ и основаніемъ котораго впрочемъ дѣлается духовное начало: Философія новѣйшаго времени, начатая Кантомъ.

Примѣняясь къ симъ періодамъ, въ развитіи новой Философіи Законодательства можно различать также три періода. Періодъ

1-й представляетъ намъ несвязныя покушенія основать сію науку, преимущественно подъ вліяніемъ понятій древняго міра. Періодъ 2-й представляетъ намъ Философію законодательства, построеваемую въ новомъ духѣ или по указанію чувства, или по указанію разсудка. Періодъ 3-й обнимаетъ собою Философію, начатую Кантомъ, въ которой мы видимъ частію полное развитіе субъективнаго взгляда, частію возвращеніе къ древней Философіи.

§ 294.

Новая Исторія Философіи законодательства вообще не была обработываема въ особыхъ сочиненіяхъ. По части литературы сочиненій, къ новой Философіи законодательства относящихся, заслуживаютъ быть замѣчены:

Réal, la science du gouvernement. T. VIII, contenant l'examen des principaux ouvrages composés sur des matières de gouvernement. Amsterdam, 1764. in-4.

Caroli Henrici Ludovici Pœlitz, de mutationibus, quas systema juris naturæ ac gentium a Grotii temporibus hucusque expertum fuerit, commentatio literaria. Vitebergæ, 1805. in-4.

T. V. Raumer, Ueber die geschichtliche Entwickelung von Recht, Staat und Politik. 1826; 2. Aufl. 1832.

Rosbach, die Perioden der Rechtsphilosophie. 1842.

G. Weigelt, populäre Vorträge zur Geschichte der neueren Philosophie. Hamburg, 1855.

Ernest Bersot, Études sur le XVIII siècle. Paris, 1855. 2 vol. in-12.

ПЕРІОДЪ I.

СО ВРЕМЕНИ ВОЗСТАНОВЛЕНІЯ НАУКЪ НА ЗАПАДѢ ЕВРОПЫ ДО БАКОНА И ДЕКАРТА.

§ 295.

Предметы Философіи законодательства, по возстановленіи наукъ на Западѣ Европы, были относимы къ двумъ наукамъ: частію къ *Праву* или *Закону Естественному,* частію къ *Политикѣ.*

Именемъ *Права или Закона Естественнаго* (Jus naturæ) была означаема совокупность правилъ нравственности, усматриваемыхъ

непосредственно изъ разума. Такъ называемъ былъ составъ сихъ правилъ потому, что 1) они познаются естественнымъ образомъ, посредствомъ свѣта естественнаго (lumen naturæ), т. е. разума, чѣмъ и отличаются отъ другихъ правилъ, которыя познаются посредствомъ свѣта Благодати (lumen gratiæ), т. е. изъ Откровенія; 2) они уже отъ природы насаждены (naturaliter insitæ) въ сердцахъ людей; 3) они вытекаютъ изъ самой природы и состоянія человѣка. Писатели разсматриваемаго нами періода времени обыкновенно представляли себѣ содержаніе закона естественнаго тождественнымъ съ десятью заповѣдями Моисея.

Названіе *Политики* употреблялось въ томъ же обширномъ значеніи, въ какомъ оно было употребляемо древними. Разнородные предметы политики еще не были отдѣлены другъ отъ друга [351].

§ 296.

По возстановленіи наукъ практическая Философія вообще долго оставалась въ небреженіи. Вниманіе мыслителей было обращено главнымъ образомъ на предметы Философіи теоретической. Въ области нравоученія для Католиковъ служилъ достаточнымъ руководствомъ Ѳома Аквинатъ [352], знаменитый схоластическій Богословъ 13-го вѣка, съ своими многочисленными истолкователями — Казуистами, для Протестантовъ напротивъ — особенно Аристотель. Богословы почитали предметы нравственные исключительнымъ своимъ достояніемъ и признавали волю Божію, выраженную со всею ясностію въ Св. Писаніи, верховнымъ началомъ нравственности.

§ 297.

Въ особенности на предметы законодательства изслѣдованія ученыхъ распространились только мало по малу. Главнымъ поводомъ къ симъ изслѣдованіямъ было неустроенное состояніе Западно-Европейскаго Общества какъ въ церковномъ, такъ и гражданскомъ отношеніи.

Во времена всеобщаго броженія умовъ, во времена всеобщей ученой дѣятельности, стремленіе исправить неустроенное состояніе общества приводило непосредственно къ изслѣдованіямъ объ истин-

[351] См. *Rau*, primæ lineæ historiæ politices s. civilis doctrinæ. Erlangæ, 1816. § 13—15.

[352] Ѳома Аквинатъ род. въ 1224 г., ум. въ 1274.

номъ видѣ, какой должно имѣть общество, и о правилахъ, которыми должно руководствоваться при его устроеніи и управленіи.

Различныя, находившіяся въ борьбѣ между собою, партіи побуждались самою необходимостію — внимательно разсматривать справедливость или несправедливость взаимныхъ притязаній, доказывать свои права, оспаривать требованія противниковъ.

Прежде всего въ настоящемъ случаѣ заслуживаютъ быть замѣчены споры Папъ съ Императорами Нѣмецкими и Королями о предѣлахъ духовной и свѣтской власти. Сіи споры получили вліяніе на ученыя изслѣдованія объ этомъ предметѣ со временъ Императора Людовика Баварскаго [353], который при своихъ распряхъ съ Папою первый искалъ для себя ограды между прочимъ и въ ученомъ опредѣленіи границъ духовной власти по отношенію къ свѣтской, именно по отношенію къ Нѣмецкой Имперіи. Но оружіе ученыхъ защитниковъ Императора состояло почти единственно изъ положеній Аристотелевой Философіи, началъ Римскаго и Каноническаго Законодательства, текстовъ Евангелія и сказаній Исторіи [354]. Къ подобному оружію противъ Папы стали прибѣгать въ 14-мъ вѣкѣ народы Итальянскіе [355]; нѣсколько ранѣе или позже — и другіе Западно-Европейскіе народы [356].

Къ изслѣдованіямъ о предѣлахъ свѣтской и духовной власти во взаимномъ ихъ отношеніи другъ къ другу присоединились со временемъ, по случаю распрей между Государями и подданными, изысканія вообще о правахъ государственной власти. Для 16-го вѣка особенно былъ важенъ вопросъ: какія права имѣетъ власть общественная по отношенію къ ея подданнымъ въ дѣлахъ вѣры? Можетъ ли она въ дѣлахъ сего рода употреблять противъ нихъ принужденіе? Непрерывныя войны и распри между Европейскими народами, возникавшія изъ неопредѣленности отношеній между ними, были побужденіемъ опредѣлить сіи отношенія точнѣе посредствомъ ученыхъ изысканій. Такъ происшествія вели пытливый умъ Западно-Европейскихъ народовъ отъ разсмотрѣнія одного предмета законодательства къ другому.

353 Людовикъ Баварскій былъ Императоромъ съ 1313-го по 1347-й г.

354 См. *Eichhorn's* deutsche Staats- und Rechtsgeschichte. 3 Th. Göttingen, 1822. § 393.

355 Histoire des rép. ital. par Sismondi. T. V. p. 200 et ss.

356 См. сочиненія о власти Папы, поименованныя въ разныхъ мѣстахъ у Реаля въ science du gouvernement, томъ VIII.

§ 298.

Философскія сочиненія по части Законодательства изъ разсматриваемаго нами періода времени съ одной стороны занимаются рѣшеніемъ вопроса: что во взаимныхъ отношеніяхъ людей и обществъ между собою надобно признавать законнымъ и справедливымъ, и что напротивъ незаконнымъ и несправедливымъ: съ другой стороны — указаніемъ правилъ для достиженія цѣлей, какія могутъ или должны предполагать себѣ люди и общества во взаимныхъ другъ къ другу отношеніяхъ. Едва ли какой предметъ, относящійся къ тому или другому разряду, былъ оставленъ безъ вниманія въ сихъ сочиненіяхъ. По объему своему они простираются или на одинъ родъ означенныхъ нами предметовъ, или на оба, и притомъ въ каждомъ родѣ или на одну извѣстную часть его, или на нѣсколько, если не на всѣ его части.

§ 299.

Духъ и *образъ воззрѣнія*, господствующій въ сочиненіяхъ разсматриваемаго нами періода времени, которыя болѣе или менѣе могутъ быть отнесены къ Философіи Законодательства, основывается частію на понятіяхъ Христіанскихъ, и находящихся въ связи съ ними Іудейскихъ, частію на понятіяхъ, составившихся въ среднихъ вѣкахъ, частію наконецъ на понятіяхъ, заимствованныхъ отъ древнихъ Грековъ и Римлянъ, и особенно Философовъ. Не рѣдко мы видимъ здѣсь смѣсь всѣхъ понятій. Въ простой дѣйствительности люди не находили для себя удовлетворенія и хотѣли построить для себя особенный міръ по своимъ мыслямъ, отыскивая для того повсюду нужные матеріалы.

Способъ изслѣдованія, здѣсь наблюдаемый, не можетъ быть названъ по справедливости философскимъ. Предлагаемыя мысли или не подтверждаются никакими особенными доказательствами, или безъ всякаго разбора подтверждаются доказательствами самыми разнородными: Священнымъ Писаніемъ, мнѣніями и изреченіями знаменитыхъ мужей, и особенно древнихъ писателей, свидѣтельствомъ Исторіи, ежедневнымъ опытомъ, сказаніями ума. Вообще то, что здѣсь сообщается, не возводится къ одному общему началу, хотя бы ложному; если что сообщается здѣсь истиннаго, то какъ бы случайно.

Изложеніе въ сихъ сочиненіяхъ большею частію не имѣетъ си-

стематической правильности. Оно запутанно, наполнено утонченностями, обременено многословіемъ, неясно.

Со временемъ и мало по малу недостатки, нами указанные, исчезали: разумъ привыкалъ мыслить самостоятельно, независимо отъ общепринятыхъ мнѣній, отъ мнѣнія знаменитыхъ мыслителей; понятія пріобрѣтали опредѣленность; система и образъ изложенія усовершались. О каждомъ предметѣ законодательства было высказано множество разныхъ, и частію дерзкихъ мыслей; на каждый предложены различные образы воззрѣнія; каждый былъ обработанъ различнымъ образомъ.

§ 300.

Сочиненія о предметахъ законодательства, писанныя болѣе или менѣе въ духѣ философскомъ по возстановленіи наукъ, мы находимъ у всѣхъ Западно-Европейскихъ народовъ. Изъ сдѣланнаго нами описанія общаго характера сихъ сочиненій можно видѣть, какъ вообще они несовершенны и какъ мало они должны занять мѣста въ Исторіи Философіи Законодательства. Почему, не входя въ подробности, мы остановимся только на писателяхъ, пріобрѣвшихъ особенную знаменитость. Сюда относятся: изъ Итальянцевъ Макіавель, изъ Англичанъ Томасъ Морусъ, изъ Французовъ Боденъ, изъ Нѣмцевъ Ольдендорпъ, Геммингъ и Винклеръ. Но преимущественно мы обратимъ наше вниманіе на Гуго Гроція, который справедливо можетъ быть названъ основателемъ Новой Философіи Законодательства.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

МАКІАВЕЛЬ, ТОМАСЪ МОРУСЪ, БОДЕНЪ, ОЛЬДЕНДОРПЪ, ГЕММИНГЪ, ВИНКЛЕРЪ.

§ 301.

Макіавель[357] важенъ для насъ по двумъ сочиненіямъ: 1) *Разсужденія на первую декаду Тита Ливія*[358]; 2) *Князь*[359]. Въ первомъ сочиненіи онъ повсюду является жаркимъ приверженцемъ республиканскаго образа правленія, какой существовалъ въ Римѣ, и не-

[357] Род. въ 1469 г. во Флоренціи, ум. въ 1527

[358] Discorsi sopra la prima deca di Tito Livio.

[359] Il Principe. Venezia, 1515. in-4. — Это сочиненіе Макіавеля переведено на всѣ знатнѣйшіе Европейскіе языки.

довольный настоящимъ, ищетъ для себя успокоенія въ древнемъ мірѣ; во второмъ сочиненіи онъ имѣя въ виду Итальянскихъ Князей своего времени, описываетъ, какими началами должны руководствоваться владѣтельныя особы, чтобъ утвердить за собою и сохранить свое владычество. Въ первомъ сочиненіи онъ изображаетъ духъ республиканскаго образа правленія, во второмъ — духъ монархическаго — по мнѣнію Итальянцевъ [360]. Впрочемъ въ томъ и другомъ сочиненіи господствуетъ одинъ общій характеръ: неуваженіе къ существующему порядку дѣлъ и пренебреженіе къ правиламъ честности и справедливости [361].

§ 302.

Литература. G. Thom. Rudhart, Thomas Morus, aus den Quellen bearbeitet. Nürnberg, 1829.

Томасъ Морусъ [362] писалъ сочиненіе: *О наилучшемъ устройствѣ государственномъ и о новомъ островѣ Утопіи* [363] Не обра- 1480 – 15

[360] Такъ объясняется происхожденіе сочиненія Il principe и то противорѣчіе, какое, по видимому, находится между имъ и Discorsi, — предметъ, подавшій поводъ къ различнымъ изслѣдованіямъ. Недоумѣвали, какъ сочинилель Discorsi могъ писать Il principe; предполагали, что Макіавель, описывая, какія средствя должны употреблять князья для сохраненія своего господства, хотѣлъ этимъ возбудить отвращеніе къ ихъ власти въ Итальянцахъ. Такое предположеніе можетъ быть и справедливо; но нѣтъ нужды прибѣгать къ нему, если мы будемъ смотрѣть на Макіавеля только какъ на физіолога республиканскаго и монархическаго образа правленія. Не переставая быть въ своемъ сердцѣ приверженцемъ республиканскаго образа правленія, онъ могъ, на основаніи сдѣланныхъ имъ въ своей жизни наблюденій, изобразить духъ и всѣ пріемы Итальянскихъ Князей своего времени и свое изображеніе посвятить одному изъ Медицисовъ, къ которымъ онъ хотѣлъ войти въ милость, тѣмъ болѣе, что по этимъ же вообще правиламъ дѣйствовали и всѣ правительства Итальянскія, не только князья, но и республики.

[361] Особенно этотъ духъ выражается въ соч. Il principe. Макіавелизмъ и искуство господствовать тираннически съ нарушеніемъ всѣхъ правилъ честности и справедливости, суть выраженія равнозначительныя. Въ опроверженіе Макіавеля, особенно его Il principe, были писаны разныя сочиненія. Они означены у Реаля въ science du gouvernement, t. 8, въ статьѣ о Макіавелѣ и у Пёлица въ соч. Die Staatswissenschaften im Lichte unserer Zeit. 1. Th. Leipzig, 1827. S. 162 (§ 8. Litteratur des Staatsrechts). Но такимъ же образомъ были писаны разныя сочиненія въ защиту Макіавеля. См. Словарь Беля въ статьѣ Machiavel.

[362] Род въ 1480 г. въ Лондонѣ, ум. въ 1538

[363] De optimo reip. statu deque nova insula Utopia. Въ первый разъ вышло въ 1517 г., потомъ Colon, 1657 in 8. — Слово *Utopia* сложено изъ грече-

щая вниманія на дѣйствительность, онъ хотѣлъ начертать идеалъ государства; но идеаломъ государства служило для него Государство Греческое, собенно въ томъ видѣ, какъ оно является у Платона [364].

§ 303.

Жанъ Боденъ [365] писалъ сочиненіе: *О государствѣ* [366], состоящее изъ 6 книгъ. Въ 1-й книгѣ говорится о цѣли государства, о семействѣ и разныхъ союзахъ семейственныхъ, о верховной власти и подданныхъ; во 2-й о разныхъ образахъ правленія; въ 3-й объ учрежденіи подчиненныхъ властей въ государствѣ и государственныхъ состояніяхъ; въ 4-й о происхожденіи, возвышеніи и паденіи государствъ; въ 5-й о вліяніи климата и богатства или бѣдности на образъ правленія и законы, о наградахъ и наказаніяхъ, о правѣ народномъ; въ 6-й о государственныхъ доходахъ, и, въ заключеніе всего, о наилучшемъ образѣ правленія. Такимъ образомъ всѣ почти предметы жизни государственной, какъ внутренней, такъ и внѣшней, обняты въ этомъ сочиненіи. Но оно не есть сочиненіе собственно философическое. Правда, Боденъ въ своихъ изслѣдованіяхъ хотѣлъ руководствоваться исключительно указаніями разума [367]; не смотря на то, для подтвержденія своихъ мыслей онъ безпрерывно ссылается на Исторію и мнѣнія другихъ, и весьма многое заимствуетъ изъ Политики Аристотелевой. Сверхъ того изложеніе у него не имѣетъ систематической правильности. Почему, не смотря на все богатство содержанія, представляющагося намъ у Бодена, мы съ нашей стороны почитаемъ нужнымъ обратить наше вниманіе только на его мысли о происхожденіи Государства. Разсадникъ государства, говоритъ онъ, есть семейство. Прежде чѣмъ образова-

скихъ словъ: οὐ (не) τόπος (мѣсто), и означаетъ землю или страну, которой нигдѣ, ни въ какомъ мѣстѣ нельзя найти.

[364] Содержаніе Утопіи изложено у Реаля въ science du gouvernement, t. 8. подъ словомъ: *Thomas Morus*.

[365] Род. въ 1530 г., ум. въ 1596.

[366] De la république. Paris, 1576. fol. и 1578 Самимъ Боденомъ это сочиненіе было переведено на Латинскій языкъ и переводъ въ первый разъ изданъ въ Парижѣ 1584. in-4. Ср. Jean Bodin et son temps. Tableau des théories politiques et des idées économiques au XVI siècle. Par M. *Henri Baudrillart*. 1853. — Еще изъ Французовъ замѣчателенъ *Étienne La Boëtie*. Соч. объ немъ: La vie et les ouvrages d'Étienne la Boëtie, par M. Léon Feugère. Paris, 1845. — Oeuvres complètes d'Étienne de la Boëtie, réunies et publiées par *Léon Feugère*. Paris, 1846. in-8. См. Journal des savants Octobre, 1846. p. 639.

[367] См. Præfatio.

лись государства, каждый отецъ семейства былъ независимымъ и верховнымъ владыкою своихъ домашнихъ. Но когда властолюбіе, корыстолюбіе и жажда мести устремили людей другъ противъ друга, тогда разныя семейства для взаимной защиты и для преодолѣнія своихъ непріятелей начали вступать въ союзы между собою. Въ случаѣ побѣды побѣжденные становились рабами побѣдителей; лице, предводительствовавшее побѣдителями, будучи неограниченнымъ начальникомъ своего семейства, дѣлалось повелителемъ не только враговъ побѣжденныхъ, какъ рабовъ, но и самыхъ союзниковъ — побѣдителей, какъ друзей. Такимъ образомъ не только побѣжденные совершенно лишились своей естественной свободы, но въ большей или меньшей степени потеряли ее и сами побѣдители, которые должны были признать надъ собою верховную власть другаго [368]. Такъ, по мнѣнію Бодена, произошли Государства! Въ послѣдствіи мы покажемъ, какъ невѣрны подобныя умствованія и предположенія; но они заслуживаютъ быть замѣченными по ихъ новости и по духу, въ нихъ выражающемуся.

§ 304.

Изъ сочиненій Германскихъ Ученыхъ для новой Философіи Законодательства замѣчательны: *Ольдендорпа* [369] isagoge, s. elementaria introductio juris naturae, gentium et civilis, Coloniæ, 1539; *Геммина* [370] de lege naturae methodus apodictica, Vittebergæ. 1562; *Винклера* principia juris, 1615. Здѣсь представляются намъ первые опыты систематическаго изложенія началъ закона естественнаго. Сверхъ того въ первомъ и третьемъ [371] изъ сихъ сочиненій встрѣчается и раскрывается важное раздѣленіе всей области законодательства на законъ Божескій или Откровенный и законъ человѣческій; сей послѣдній дѣлится, по различному происхожденію обязательной силы законовъ и по различію круга ихъ дѣйствія, на *законъ естественный* (jus naturae), *законъ народовъ* (jus gentium) и *законъ гражданскій*

[368] Lib. I, cap 6. (въ началѣ); cp. Lib. III, cap 7 (въ началѣ); Lib IV, cap. 1, (въ началѣ).

[369] Ольдендорпъ род въ 1506 г. въ Гамбургѣ, ум. 1567.

[370] Ник. Геммингъ род. 1513, ум. 1600.

[371] Подробности содержанія сочиненія Ольдендорпова видны изъ самого его заглавія. Сочиненіе Винклера состоитъ изъ 5 книгъ. Въ нихъ говорится: Lib. I. De lege omnia primo movente ac gubernante; Lib. II. De jure primo ac proprie dicto; Lib. III. De jure naturali; Lib. IV. De jure gentium; Lib. V. De jure positivo ac civili.

(jus civile). Выраженіе: законъ естественный, означаетъ здѣсь тоже самое, что вообще въ этомъ періодѣ времени было означаемо симъ выраженіемъ, т. е. совокупность правилъ нравственности, познаваемыхъ непосредственно изъ разума [372]. Подъ именемъ закона народовъ разумѣются законы, признаваемые всѣми народами, или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторою ихъ частію [373]. Перваго начала постановленій сего рода въ разсматриваемомъ нами періодѣ времени искали обыкновенно въ общемъ согласіи между собою народовъ, ясно выраженномъ или подразумѣваемомъ. Содержаніе такихъ постановленій можетъ быть различно. Но какъ преимущественно ими опредѣляются взаимныя отношенія народовъ между собою; то отсюда само собою происходило смѣшеніе понятій, такъ что именемъ закона народовъ были означаемы въ тоже время исключительно постановленія, которыми опредѣляются взаимныя отношенія народовъ между собою [374]. Наконецъ *законъ гражданскій* заключаетъ въ себѣ

[372] См. выше § 295.

[373] Фердинандъ Васкезъ (Vasquius, ученый Испанецъ, род. 1509 г., ум. 1566, въ своихъ Controversiis illustribus lib. II, cap. 54, § 2—6 раздѣляетъ jus gentium на jus gentium primævum et secundarium. Подъ jus gentium primævum онъ разумѣетъ самое jus naturæ, подъ jus gentium secundarium гражданскіе законы и учрежденія, произвольно принятыя многими народами вмѣстѣ, или jus civile, какъ скоро оно единообразно наблюдается многими народами, хотя бы они въ этомъ случаѣ не дѣлали никакого между собою соглашенія. Онъ говоритъ: jus gentium secundarium naturale non tam est quam positivum; nam ea omnia, quæ sunt juris gentium, prius fuerunt juris tantum civilis; sed paulatim serpserunt aut velociter transvolarunt ad reliquas gentes et regiones, sicque cum primum ab uno vel altero homine vel regione inventum fuisset et receptum, tunc juris tantum civilis, non etiam juris gentium id fuit. Postquam vero eo jure omnes omnino aut pleræque aliarum gentium uti quoque cœpissent, jam juris gentium effectum videtur, inque jus gentium conversum et transformatum est. Quemadmodum et ex diverso, si quod hodie juris gentium est, in desuetudinem abire forte cœpisset, ita ut penes unam tantum provinciam maneret, sine dubio juris gentium esse desineret, et jam juris tantum civilis esse diceretur; hoc est, illius civitatis vel regionis, penes quam adhuc id jus perduravit.

[374] Такъ, Испанскій ученый, Францъ Суарецъ, род. 1548, ум. 1617 г., въ сочиненіи de legibus et Deo legislatore (I, 2 c. 18. n. 9) отзывается объ jus gentium слѣдующимъ образомъ: ratio hujus juris est, quia humanum genus, quamvis in varios populos et regna divisum, semper habeat aliquam unitatem, non solum specificam, sed etiam quasi politicam et moralem, quam indicat naturale præceptum mutui amoris et misericordiæ, quod ad omnes extenditur, etiam extraneos et cujuscunque nationis. Quapropter licet unaquæque civitas perfecta, respublica aut regnum sit in se communitas perfecta et suis membris constans, nihilo minus quælibet illarum est etiam membrum aliquo modo hujus universi, prout genus humanum spectat. Nunquam enim illæ communitates

постановленія, принятыя исключительно для себя извѣстнымъ народомъ, по доброй его волѣ. Сообразно этимъ понятіямъ законъ естественный имѣетъ силу для всего рода человѣческаго, законъ народовъ — по крайней мѣрѣ для нѣкоторой части народовъ, законъ гражданскій — только для извѣстнаго народа.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

ГУГО ГРОЦІЙ.

§ 305.

Гуго Гроцій [375] обнялъ своими изслѣдованіями всѣ вопросы права, которые занимали до него различныхъ ученыхъ. Онъ отдѣлилъ ученіе о правахъ отъ Политики, съ которою оно доселѣ большею частію было смѣшиваемо, и стараясь держаться одного кореннаго начала, покусился представить намъ съ субъективной точки зрѣнія ученіе разума о правахъ въ надлежащей полнотѣ и въ системѣ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ существеннымъ чертамъ сего ученія.

§ 306.

Гуго Гроцій предложилъ свои мысли, относящіяся къ Философіи Законодательства, въ сочиненіи: *О правѣ войны и мира* [376].

Судя по заглавію, можно было бы подумать, что сочиненіе Гроція ограничивается только предметами, касающимися непосредственно войны и мира между народами. Но дѣйствительно оно обнимаетъ всѣ вообще предметы права. Такое, по видимому, несоотвѣтствіе между названіемъ и содержаніемъ сочиненія объясняется тѣмъ, что подъ словомъ: *война* (bellum) у Гроція разумѣются всѣ вообще непріязненныя, враждебныя отношенія, когда люди для защиты правъ своихъ прибѣгаютъ къ силѣ, возникаютъ ли такія отношенія между частными лицами, или внутри одного и того же государства

adeo sunt sibi sufficientes sigillatim, quin indigeant aliquo mutuo juvamine et societate ac communicatione, interdum vero et ob moralem necessitatem. Hac ergo ratione indigent aliquo jure, quo dirigantur et recte ordinentur in hoc genere communicationis et societatis. Et quamvis magna ex parte hoc fiat per rationem naturalem, non tamen sufficienter et immediate quoad omnia: ideoque specialia jura potuerunt usu earundem gentium introduci.

[375] Род. въ 1583 г. въ Голландіи, ум. въ 1645.

[376] De jure belli ac pacis libri tres. Parisiis, 1625. in-fol.

между подданными и правительствомъ, или между разными государствами [377]. Почему, хотя главнымъ побужденіемъ для Гроція къ составленію его сочиненія было желаніе положить границы тому легкомыслію, съ какимъ христіанскіе народы въ его время, по причинамъ пустымъ или маловажнымъ, принимались за оружіе, и, начавши войну, вели ее уже съ попраніемъ всѣхъ законовъ Божескихъ и человѣческихъ, какъ будто бы вмѣстѣ съ симъ они рѣшились на всѣ злодѣйства; однакоже въ кругъ изслѣдованій Гроція, въ слѣдствіе обширнаго значенія, даннаго имъ слову: *война*, входятъ какъ всѣ лица, между которыми можетъ возникать война, такъ и всѣ права, для защиты которыхъ могутъ быть предпринимаемы непріязненныя дѣйствія.

Рѣшеніе для своихъ сужденій Гроцій хотѣлъ почерпать главнымъ образомъ изъ закона естественнаго и закона народовъ, въ томъ смыслѣ сихъ словъ, какой былъ соединяемъ съ ними въ настоящемъ періодѣ; оба сіи источника Гроцій хотѣлъ въ своемъ изложеніи строго отличать другъ отъ друга [378]. Конечно онъ не всегда остается вѣрнымъ своему намѣренію; для подтвержденія и по крайней мѣрѣ для поясненія своихъ мыслей онъ безпрерывно ссылается на исторію, на мнѣнія Философовъ, Ораторовъ, Поэтовъ: но въ существѣ вещи это не чуждо его намѣренію, такъ какъ, по его словамъ, «если о какомъ предметѣ люди, различные по времени и мѣсту, говорятъ одно и тоже, то причина сему заключается или въ справедливомъ выведеніи извѣстной истины изъ началъ природы, или въ общемъ согласіи людей: первое указываетъ на законъ естественный, второе на законъ народовъ» [379]. Конечно Гроцій не всегда показываетъ, по крайней мѣрѣ не всегда съ совершенною удостовѣрительностію, какимъ образомъ истины, относимыя имъ къ закону естественному, дѣйствительно вытекаютъ изъ кореннаго начала этого закона: тѣмъ не менѣе онъ всегда предполагаетъ, что онѣ могутъ быть легко отсюда выведены.

[377] Cicero dixit bellum certationem per vim. Sed usus obtinuit, ut non actio, sed status eo nomine indicetur, ita ut sit bellum status per vim certantium qua tales sunt: quæ generalitas omnia illa bellorum genera comprehendit, de quibus agendum deinceps erit: neque enim privatum hic excludo, ut quod re ipsa prius sit publico, et haud dubie cum publico communem habeat naturam, quæ propterea eoque proprio nomine signanda est. De J. B. ac P. Lib I, cap. 1, § 2.

[378] De J. B ac P. proleg. 39—41.

[379] De J. B. ac P. proleg. 40.

Но Гроцій не ограничивается въ своемъ изложеніи указаніемъ на законъ естественный и, гдѣ нужно, на общій законъ народовъ. Слѣдуя богословскому направленію своего времени, онъ всегда обращаетъ вниманіе на ученіе Св. Писанія и въ особенности на ученіе Евангелія, и постоянно стремится всѣ истины, представляемыя закономъ естественнымъ и закономъ народовъ, если не доказать изъ сего ученія, то, по крайней мѣрѣ, согласить съ нимъ. Слѣдуя также духу вѣка, при изложеніи каждаго общаго правила, онъ разсматриваетъ множество особенныхъ случаевъ и обстоятельствъ, которые видоизмѣняютъ и ограничиваютъ это правило. Онъ дѣлаетъ повсюду утонченныя опредѣленія и раздѣленія, которыя не разграничиваютъ вещей, а нерѣдко еще болѣе ихъ сливаютъ. По этому сочиненіе Гроція вообще представляетъ намъ разнороднѣйшую смѣсь самаго богатаго содержанія.

Въ настоящемъ случаѣ для насъ важно знать, что по мнѣнію Гроція поставляется закономъ естественнымъ о различныхъ предметахъ права. Для сего мы разсмотримъ ученія Гроція: 1) о *коренномъ началѣ правды*; 2) объ *отношеніи между силою и правомъ*; 3) о различныхъ *видахъ права*. Послѣ сего мы 4) сдѣлаемъ *общій обзоръ Гроціева сочиненія*, при чемъ замѣтимъ важнѣйшія въ немъ мысли.

I. КОРЕННОЕ НАЧАЛО ПРАВДЫ.

§ 307.

Гроцій выводитъ коренное начало правды изъ самой человѣческой природы. Онъ замѣчаетъ, что живыя существа стремятся не къ одной только своей пользѣ, что уже въ неразумныхъ животныхъ стремленіе къ частной пользѣ умѣряется то любовію ихъ къ своимъ дѣтямъ, то заботливымъ попеченіемъ о другихъ существахъ своего рода. Тѣмъ болѣе, по мнѣнію Гроція, человѣку, который безконечно возвышается надъ всѣми другими животными, надобно приписать способность управляться въ своихъ дѣйствіяхъ не одною только личною пользою. Ему свойственно стремленіе къ сообществу (appetitus societatis), стремленіе жить въ обществѣ съ существами своего рода, въ обществѣ спокойномъ и устроенномъ согласно съ разумомъ, такъ какъ изъ всѣхъ животныхъ одинъ человѣкъ имѣетъ даръ слова — это важнѣйшее средство сообщенія и онъ одинъ имѣетъ способность дѣйствовать по общимъ началамъ. Соблюденіе об-

щества, согласное съ разумомъ, и есть, по словамъ Гроція, основаніе права въ собственномъ и строгомъ смыслѣ. Все, что согласно съ существованіемъ общества между людьми, какъ разумными тварями, все то согласно и съ правдою; напротивъ все, несовмѣстное съ бытіемъ этого общества, несовмѣстно и съ правдою. Хотя бы, какъ замѣчаетъ Гроцій, исполненіе обязанностей, отсюда проистекающихъ, не доставляло имъ никакой пользы, однако же онѣ должны быть исполняемы, потому что сама природа вложила въ человѣка стремленіе жить въ обществѣ съ существами своего рода, и онъ будетъ жить въ сообществѣ съ людьми, хотя бы ни въ чемъ не нуждался.

Но Гроцій находитъ также тѣсную связь между правомъ и пользою. Богъ, по его словамъ, сотворилъ людей слабыми, съ многоразличными нуждами, въ томъ намѣреніи, чтобъ заставить ихъ тѣмъ болѣе любить общество. Поводомъ къ установленію законовъ гражданскихъ была польза: люди начали соединяться въ общества и подчинять себя власти общественной для достиженія извѣстныхъ выгодъ. Наконецъ тѣ, которые предписываютъ законы, обыкновенно имѣютъ или должны имѣть при этомъ въ виду какую нибудь пользу.

Но какъ законы каждаго государства, взятаго въ отдѣльности, имѣютъ въ виду только пользу этого одного государства: такъ по словамъ Гроція, самыя государства, всѣ или многія, могутъ, по взаимному между собою согласію, установить правила, имѣющія своимъ предметомъ пользу не одного государства въ частности, но общаго ихъ союза [380].

Послѣ сего изложенія мы видимъ съ совершенною ясностію, въ чемъ Гроцій поставляетъ сущность правды. Если извѣстное дѣйствіе не разрушаетъ общества, какое должно существовать между людьми, какъ разумными существами, то это дѣйствіе праведно; въ противномъ случаѣ оно не праведно. Таково общее начало правды! Приложеніе его къ различнымъ видамъ обществъ даетъ намъ столько же особенныхъ началъ правды для сихъ обществъ. Въ каждомъ особенномъ обществѣ праведнымъ должно быть названо такое дѣйствіе, которое не разрушаетъ этого общества, которое совмѣстно съ особеннымъ существомъ его; противное сему должно быть названо неправеднымъ.

[380] De J. B. ac P. proleg. 6—17.

II. ОТНОШЕНІЕ МЕЖДУ ПРАВОМЪ И СИЛОЮ.

§ 308.

Необходимымъ послѣдствіемъ и принадлежностію права въ собственномъ смыслѣ Гуго Гроцій поставляетъ нравственную возможность защищать его силою отъ нарушеній. Для охраненія его справедливо можетъ быть предпринята война; безъ силы, которая охраняетъ его, оно не имѣло бы дѣйствія во внѣшности. Впрочемъ, говоритъ Гроцій, и безъ силы право не лишено совершенно всякаго дѣйстія: правда доставляетъ душевное спокойствіе, а неправда раждаетъ муки и угрызенія совѣсти; правду одобряетъ общее согласіе добрыхъ людей, неправду же оно осуждаетъ; наконецъ, что всего важнѣе, неправду Богъ ненавидитъ, а правдѣ Онъ благоволитъ, почему за первую наказываетъ, а за вторую награждаетъ людей не только въ будущей, но и въ настоящей жизни [381].

Но правда, по мнѣнію Гроція не требуетъ безусловно отъ человѣка, чтобы онъ защищалъ свои права или отыскивалъ ихъ въ случаѣ ихъ нарушенія; она только позволяетъ ему дѣлать это. Высшій законъ христіанской нравственности даже одобряетъ смиреніе и повелѣваетъ человѣку переносить обиды съ терпѣніемъ [382].

III. ВИДЫ ПРАВА.

§ 309.

Ученіе Гуго Гроція о различныхъ видахъ права содержится въ его изложеніи различныхъ значеній слова: *право* Онъ различаетъ нѣсколько значеній этого слова, такъ какъ оно употребляется или для означенія извѣстнаго *качества дѣянія,* или для означенія извѣстнаго *качества лица,* или наконецъ для означенія *правила* человѣческихъ *дѣяній*.

§ 310.

Когда слово: *право,* употребляется для означенія *качества дѣянія*, то оно значитъ, говоритъ Гроцій, тоже, что и праведное (justum), и притомъ болѣе въ смыслѣ отрицательномъ, чѣмъ въ смыслѣ утвердительномъ, такъ что правомъ называется все то, что не есть

[381] De J. B. ac P. proleg. §§ 19. 20.
[382] Ibid Lib. I, cap. 2, § 9, num. 4; cap. 3, § 3, num. 9.

неправедно (injustum). Неправедное, по ученію Гроція, какъ мы уже раскрыли его мысли, есть то, что противорѣчитъ природѣ общества существъ разумныхъ. Какъ общество можетъ составляться или изъ лицъ равныхъ (таково общество между братьями, гражданами, друзьями, союзниками), или изъ лицъ неравныхъ (таково общество между отцемъ и дѣтьми, господиномъ и рабомъ, Государемъ и подданными); то, по словамъ Гроція, и праведное для различныхъ видовъ общества и для различныхъ лицъ различно: въ отношеніяхъ между лицами равными должно быть названо праведнымъ одно, въ отношеніяхъ между лицами неравными другое [383].

§ 311.

Отъ предложеннаго значенія права Гуго Гроцій отличаетъ другое, впрочемъ непосредственно изъ него вытекающее. По этому второму значенію право есть нравственное *качество лица*, въ слѣдствіе коего лице можетъ согласно съ справедливостію что нибудь имѣть или дѣлать. Такое качество можетъ быть совершенное и несовершенное [384]. При первомъ человѣкъ можетъ справедливо употребить даже силу противъ того, кто сталъ бы препятствовать ему что нибудь имѣть или дѣлать, и такимъ образомъ принудить нарушителя права отстать отъ нарушенія; при второмъ онъ не можетъ употреблять силы для осуществленія своего права, — онъ способенъ только, онъ достоинъ имѣть что либо или дѣлать. Въ вещахъ физическихъ первому соотвѣтствуетъ дѣйствительность, второму возможность; въ области нравственной первому соотвѣтствуетъ правда исполнительная (justitia expletrix), которой только въ строгомъ смыслѣ и принадлежитъ названіе правды, — второму соотвѣтствуетъ правда распредѣлительная (justitia attributrix), которая сопровождаетъ добродѣтели, доставляющія другимъ людямъ добро, каковы: щедрость, сострадательность, попечительность о благѣ подчиненныхъ. Право въ собственномъ и строгомъ смыслѣ есть для Гроція только первое. Сюда, по его словамъ, относятся: *власть*, какъ надъ собою, называемая свободою, такъ и надъ другими, напр. отеческая, господская; *собственность*, какъ полная, такъ и неполная; наконецъ *право требовать* чего нибудь отъ другаго *по обязательству*. Сверхъ сего право, собственно такъ называемое, можетъ

[383] De J. B. sc P. Lib. I, cap. 1, § 3.

[384] Нравственное качество совершенное, Гроцій называетъ facultas, несовершенное aptitudo.

быть, по ученію Гроція или нисшаго рода, какое принадлежитъ частнымъ лицамъ, для частнаго ихъ блага, или право высшаго рода, которое принадлежитъ обществу противъ лицъ, составляющихъ общество, и предметовъ, имъ принадлежащихъ, для общаго блага. Такъ царская власть заключаетъ подъ собою и власть господскую; такъ на вещи, принадлежащія частнымъ лицамъ, больше имѣетъ права Государь, если онѣ нужны для общаго блага, чѣмъ самые ихъ владѣльцы [385].

§ 312.

Наконецъ слово: *право*, по замѣчанію Гроція, употребляется въ значеніи закона вообще, какъ правила нравственныхъ дѣяній.

Право въ значеніи закона Гроцій раздѣляетъ на право *естественное* (jus naturale) и право *произвольное* (jus voluntarium) [386].

Право естественное, по словамъ Гроція, есть изреченіе здраваго разума, сказывающее намъ, что въ извѣстномъ дѣйствіи, по причинѣ согласія или несогласія его съ самою разумною природою, заключается нравственная необходимость или нравственная мерзость. Такое дѣйствіе есть дѣйствіе должное, или не позволительное само въ себѣ. Симъ признакомъ Гроцій отличаетъ право естественное не только отъ человѣческаго, но и отъ Божескаго произвольнаго, которое не то повелѣваетъ или запрещаетъ, что само по себѣ и по своей природѣ должно или не должно быть совершаемо, но которое, запрещая что нибудь, дѣлаетъ это непозволительнымъ, а повелѣвая должнымъ. Право естественное Гроцій признаетъ такъ неизмѣннымъ, что оно не можетъ быть измѣнено самимъ Богомъ, такъ какъ оно проистекаетъ изъ самой природы существъ, которая неизмѣнна [387].

Право произвольное, по ученію Гроція, проистекаетъ изъ свободной воли и есть или *Божеское* (jus divinum) или *человѣческое* (jus humanum) [388].

Право Божеское произвольное проистекаетъ изъ свободной воли Божественной. Это право есть или всеобщее, которое дано всему роду человѣческому, или особенное, частное, которое было дано только одному народу. Всему роду человѣческому даваемъ былъ за-

[385] Ibid. § 4—8.
[386] Ibid. § 9.
[387] Ibid. § 10—12.
[388] Ibid. § 13.

конъ отъ Бога три раза: по сотвореніи человѣка, послѣ потопа и наконецъ по пришествіи Іисуса Христа на землю. Изъ всѣхъ народовъ Богъ благоволилъ дать особенное право одному только Еврейскому народу [389].

Право человѣческое произвольное основывается въ своемъ существованіи на свободной волѣ человѣка. Гроцій различаетъ три вида этого права: право гражданское, — право, котораго объемъ обширнѣе гражданскаго, — наконецъ право, котораго объемъ тѣснѣе гражданскаго. Право гражданское проистекаетъ отъ власти гражданской. Право человѣческое, имѣющее меньшій объемъ въ сравненіи съ гражданскимъ правомъ и не происходящее отъ власти гражданской, хотя ей подчиненное, заключаетъ въ себѣ приказанія отеческія, господскія и тому подобныя. Право человѣческое, котораго объемъ обширнѣе, чѣмъ объемъ права гражданскаго, есть право народовъ [390]. Понятія Гроція о правѣ народовъ не совсѣмъ опредѣленны. По его словамъ, это право собственно относится ко взаимному общенію народовъ между собою, имѣетъ въ виду пользу не одного какого нибудь изъ отдѣльныхъ гражданскихъ обществъ, но цѣлой ихъ совокупности, и основывается на общемъ между собою согласіи всѣхъ или многихъ народовъ, прямо или непрямо изъявленномъ [391]. Между тѣмъ очень часто подъ именемъ права народовъ у Гроція разумѣются вообще начала права, принимаемыя всѣми или многими народами, какое бы ни было содержаніе сихъ началъ.

Всѣ эти виды права Гроцій связываетъ между собою неразрывнымъ союзомъ. Съ одной стороны право естественное, по его замѣчанію, можетъ быть разсматриваемо какъ право Божеское, потому что отъ свободной воли Божіей зависѣло создать насъ и напечатлѣть въ умѣ нашемъ эти начала. Сверхъ того Богъ, давши людямъ законы, сдѣлалъ такимъ образомъ начала права естественнаго ясными даже для тѣхъ, которые имѣютъ слабый разсудокъ, и обуздалъ самолюбивыя наклонности людей. Наконецъ Священная Исторія не мало возбуждаетъ въ насъ общительное расположеніе тѣмъ, что показываетъ намъ происхожденіе всѣхъ людей отъ однихъ прародителей. Съ другой стороны обязательную силу гражданскаго права Гроцій основываетъ на правѣ естественномъ; именно онъ выводитъ ее изъ естественной обязанности свято хранить договоры, такъ

[389] Ibid. § 15—17.
[390] Ibid. § 14.
[391] Cf. De J. B. ac P. Lib II, c. VIII, § 1.

какъ онъ предполагаетъ, что люди по ихъ произволу составили общества и покорились власти общественной, явно или молча обязавшись исполнять все то, что будетъ постановлено большею частію членовъ общества, или верховною властію [392].

IV. ОБЩІЙ ОБЗОРЪ СОЧИНЕНІЯ ГРОЦІЯ.

§ 313.

Сочиненіе Гроція состоитъ изъ трехъ книгъ. Въ нихъ разсматриваются: въ первой — лица, которыя по праву могутъ вести войну между собою; во второй — причины, по которымъ по праву можетъ быть предпринята война; въ третьей — образъ веденія войны и прекращеніе ея посредствомъ мира.

1. Лица, которыя могутъ вести войну.

§ 314.

Всѣ вообще лица, по ученію Гроція, *могутъ* въ извѣстныхъ случаяхъ по праву *вести войну,* такъ какъ законъ общительности запрещаетъ не всякую силу, но только ту, которая разрушаетъ самое общество, то есть, которая уничтожаетъ право другаго.

Вести войну могутъ: *частныя лица между собою, частныя лица съ государствомъ* и наоборотъ, и наконецъ *государстви другъ съ другомъ.* До образованія государствъ, по словамъ Гроція, частныя лица имѣли несомнѣнное право защищать свои права собственною силою. По учрежденіи государствъ и судовъ это право во многомъ ограничено. Однако оно и теперь въ извѣстныхъ случаяхъ можетъ имѣть свое мѣсто; именно тогда, когда безъ явной опасности нельзя ждать помощи отъ судьи, — равнымъ образомъ на морѣ, въ пустынѣ и тому подобныхъ мѣстахъ. Для опредѣленія существа войны, которая можетъ быть ведена государствомъ, Гроцій объясняетъ существо верховной власти, и при этомъ случаѣ описываетъ происхожденіе власти гражданской. Люди, по мнѣнію Гроція, добровольно соединились въ гражданскія общества, испытавши на самомъ дѣлѣ, какъ мало одно семейство, отдѣльно отъ другихъ, можетъ защищать себя противъ насилія. Войну со стороны подданныхъ противъ своихъ государей Гроцій признаетъ безусловно непозволительною.

[392] Ibid. proleg. § 12—15.

Вести войну человѣкъ можетъ какъ *по своему собственному дѣлу*, такъ и *по дѣлу чужому*.

2. Законныя причины войны.

§ 315.

Законною и единственною *причиною*, по которой можетъ быть предпринята *война*, Гроцій почитаетъ *обиду*. Цѣль войны, по его словамъ, есть или *оградить* наши права противъ угрожаемаго на нихъ нападенія, или *возстановить* ихъ, когда они уже нарушены, или наконецъ *подвергнуть* нарушителя права *заслуженному наказанію*.

I. Прежде всего, по мнѣнію Гроція, человѣкъ имѣетъ право въ случаѣ несправедливаго нападенія оборонять свою жизнь, свои члены, свою невинность и свою собственность.

II. Что касается уничтоженія сдѣланной уже обиды и возстановленія нарушенныхъ правъ, здѣсь, по словамъ Гроція, рѣчь можетъ быть какъ о томъ, что *принадлежитъ* или *принадлежало* намъ, такъ и о томъ, чѣмъ можетъ быть намъ *долженъ* другой.

1. Изъ правъ, какія могутъ *принадлежать* людямъ, одни принадлежатъ *всѣмъ* вообще *людямъ, какъ людямъ*, другія принадлежатъ *тому или другому* изъ нихъ *въ особенности*.

а) Всѣмъ людямъ вообще, въ силу ихъ человѣческой природы, принадлежатъ: *право на вещи* и *право на* извѣстныя *дѣйствія*. — Первоначально, по мнѣнію Гроція, всѣ вещи, на основаніи благословенія, даннаго Богомъ людямъ по сотвореніи міра и послѣ потопа, были общими. Но какъ люди не могли навсегда оставаться въ такомъ общеніи; то они согласились, чтобъ каждый изъ нихъ владѣлъ извѣстными вещами, какъ исключительною собственностію. Вещи сдѣлались собственностію исключительною того или другаго человѣка не по одному внутреннему его хотѣнію имѣть извѣстную вещь, такъ какъ другіе не могли знать, чего хочетъ тотъ или другой, и многіе могли бы пожелать имѣть одну и туже вещь, но по взаимному согласію между людьми. Это согласіе могло быть изъявлено ими или въ ясныхъ словахъ, когда были раздѣлены ими между собою нѣкоторыя вещи, бывшія дотолѣ общими, или молча, когда тотъ или другой овладѣвалъ извѣстными вещами, невошедшими въ раздѣлъ, такъ какъ, по словамъ Гроція, мы должны предположить, что какъ скоро люди не хотѣли оставить вещей въ общемъ у себя владѣніи, то они

всѣ согласились на то, чтобъ изъ вещей, не поступившихъ въ раздѣлъ, каждому принадлежали въ собственность тѣ, какія будутъ имъ заняты прежде другихъ людей. Но не всѣ вещи, говоритъ Гроцій, могутъ принадлежать людямъ въ собственность. Такъ море, разсматриваемое въ его цѣлости и въ большихъ его частяхъ, не можетъ быть предметомъ собственности, потому что причины, по которой люди оставили общеніе, здѣсь не существуетъ; море такъ велико, что его достаточно всѣмъ народамъ для всякаго употребленія. Сверхъ того занята можетъ быть только вещь, имѣющая опредѣленныя границы. Жидкое само по себѣ не имѣетъ опредѣленныхъ границъ, развѣ оно будетъ содержаться въ чемъ нибудь другомъ, какъ озера, пруды и рѣки содержатся въ берегахъ; но море не содержится землею, будучи равно землѣ, или еще больше ея. Вещи этого рода должны навсегда оставаться общею собственностію рода человѣческаго. Сверхъ того, по ученію Гроція, людямъ, какъ людямъ, принадлежитъ нѣкоторое право и на тѣ вещи, которыя сдѣлались уже чьею нибудь собственностію. Собственность не поглотила всего права, принадлежавшаго людямъ на всѣ вещи въ слѣдствіе первоначальнаго общенія. Мы, говоритъ Гроцій, должны думать, что люди, вводя собственность, хотѣли при этомъ какъ можно менѣе отступать отъ первоначальнаго порядка. Почему, во первыхъ, въ случаѣ крайней нужды это первоначальное право на всѣ вещи возникаетъ въ прежней его силѣ и человѣкъ можетъ тогда пользоваться чужими вещами, такъ какъ бы онѣ оставались общими; во вторыхъ человѣкъ всегда имѣетъ право пользоваться чужими вещами, если это не дѣлаетъ совершенно никакого вреда ихъ владѣльцамъ. — Такимъ же образомъ, по ученію Гроція, всѣ люди имѣютъ общее право на извѣстныя дѣянія, и при томъ на нѣкоторыя дѣянія безусловно, на другія подъ условіемъ. Безусловно люди имѣютъ право на дѣянія, необходимыя для пріобрѣтенія предметовъ, безъ которыхъ имъ нельзя жить надлежáщимъ образомъ. Подъ условіемъ принадлежитъ всѣмъ людямъ право на дѣйствія, которыя извѣстный народъ безъ разбора позволяетъ всѣмъ иностранцамъ. Но здѣсь разумѣются только такія дѣйствія, которыя позволяются въ силу естественной свободы, не уничтоженной никакимъ закономъ, а не дѣйствія, которыя позволяются въ видѣ милости.

б) Исключительно нашимъ дѣлается что нибудь, по словамъ Гроція, въ слѣдствіе пріобрѣтенія *первоначальнаго* и *производнаго*.

α) Прежде, когда весь родъ человѣческій могъ собираться вмѣ-

стѣ, первоначальное пріобрѣтеніе могло происходить, по ученію Гроція, какъ мы объяснили, посредствомъ раздѣленія вещей съ общаго согласія; теперь оно совершается только посредствомъ занятія. Два рода предметовъ, никому непринадлежащихъ, могутъ быть пріобрѣтаемы посредствомъ занятія: вещи (собственность) и лица (власть).

Изъ числа вещей, никому непринадлежащихъ, говоритъ Гроцій, могутъ быть пріобрѣтаемы посредствомъ занятія не только вещи, которыя никогда не составляли ничьей собственности, но и вещи, которыя имѣли уже хозяевъ, но сдѣлались опять безхозяйными, или по тому, что онѣ оставлены ихъ хозяевами, или по тому, что хозяева ихъ перестали существовать. Сюда Гроцій относитъ и пріобрѣтеніе вещей посредствомъ давности, которое, по его мнѣнію, есть не что иное, какъ занятіе, основывающееся на томъ предположеніи, что извѣстная вещь оставлена ея хозяиномъ.

Власть надъ лицами независимыми можетъ быть нами пріобрѣтена, по ученію Гроція, въ слѣдствіе ихъ рожденія отъ насъ, ихъ согласія, преступленія. — Посредствомъ рожденія пріобрѣтаютъ право родители надъ своими дѣтьми, какъ отецъ, такъ и мать; при чемъ однакоже преимущество принадлежитъ власти отцовской. — По взаимному согласію двухъ и болѣе лицъ власть возникаетъ или изъ соединенія ихъ въ одно общество, или изъ подчиненія одного изъ нихъ другому. Самое естественнѣйшее общество Гроцій видитъ въ союзѣ супружескомъ. Здѣсь, въ слѣдствіе естественнаго превосходства пола, мужъ есть главою жены въ дѣлахъ супружескихъ и семейственныхъ. Кромѣ этого самаго естественнаго общества Гроцій находитъ и другіе, какъ частные, такъ и публичные союзы; сіи послѣдніе возникаютъ или изъ соединенія многихъ частныхъ лицъ въ одинъ народъ, или изъ соединенія между собою нѣсколькихъ народовъ. Всѣ эти союзы имѣютъ, по словамъ Гроція, то между собою общаго, что въ дѣлахъ, для которыхъ составлено общество, общество и большая часть общества имѣютъ власть надъ отдѣльными лицами, принадлежащими къ обществу. Договоръ, по которому нѣсколько отцевъ семействъ соединяются въ одинъ народъ и одно общество, даетъ величайшее право цѣлому обществу по отношенію къ его частямъ; потому что это есть совершеннѣйшее общество, и нѣтъ ни одного внѣшняго дѣйствія, которое бы или само по себѣ не относилось къ этому обществу, или при особенныхъ обстоятельствахъ не могло къ нему относиться, почему замѣчаетъ Гроцій,

законы и говорятъ о предметахъ всякаго рода. Подчиненіе добровольное можетъ быть, по словамъ Гроція, или частное или публичное. Самымъ благороднѣйшимъ видомъ частнаго подчиненія, Гроцій признаетъ поступленіе на мѣсто сына, когда кто нибудь подчиняетъ себя такимъ же образомъ власти другаго, какъ сынъ совершеннолѣтній подчиненъ отцу; напротивъ самымъ неблагороднымъ — отдачу себя въ совершенное рабство, когда человѣкъ обѣщаетъ во всю жизнь свою работать на кого нибудь за получаемое отъ него содержаніе. Публичное подчиненіе происходитъ, когда цѣлый народъ подчиняетъ себя или кому нибудь одному, или нѣсколькимъ лицамъ, или другому народу. — Въ слѣдствіе преступленія раждается подчиненіе, какъ скоро тотъ, кто заслужилъ быть лишеннымъ свободы, силою приводится подъ власть лицемъ, имѣющимъ право наказывать.

β) Производное пріобрѣтеніе правъ Гроцій основываетъ или на дѣйствіи человѣка, или на законѣ. — Люди, говоритъ Гроцій, могутъ свою собственность и власть вполнѣ или отчасти передавать другому. Сюда онъ относитъ и пріобрѣтеніе въ силу завѣщанія, такъ какъ, по его словамъ, человѣкъ можетъ отчуждать свои вещи не только безусловно, но и подъ условіемъ, не только безвозвратно, но и съ правомъ возврата, и притомъ съ сохраненіемъ на время владѣнія и права пользованія, — но отчужденіе на случай смерти, которое до того времени можетъ быть уничтожено, съ удержаніемъ между тѣмъ права пользованія, и составляетъ существо завѣщанія. — Пріобрѣтеніе производное, основывающееся на законѣ, имѣетъ своимъ основаніемъ или законъ естественный, или произвольный законъ народовъ, или законъ гражданскій. Къ способамъ производнаго пріобрѣтенія, проистекающаго изъ закона естественнаго, Гроцій относитъ наслѣдованіе безъ завѣщанія, основывая его на предположительномъ гаданіи о послѣдней волѣ лица, умирающаго безъ завѣщанія.

2. Причинами, по которымъ люди могутъ быть чѣмъ нибудь должны другъ другу, Гроцій почитаетъ обѣщаніе, преступленіе, законъ. — Обязательную силу обѣщаній Гроцій доказываетъ слѣдующимъ образомъ: право собственности человѣкъ можетъ передать другому по своей волѣ; почему же бы онъ не могъ дать другимъ такого права на свое лице, по которому бы онъ обязанъ былъ или перенесть на нихъ свою собственность, когда это право меньше самого права собственности, или сдѣлать что нибудь въ ихъ пользу,

когда мы имѣемъ на дѣйствія наши такое же право, какое и на вещи, намъ принадлежащія? Договоры, какъ важнѣйшій видъ обѣщаній, Гроцій подвергаетъ особенному и подробному разсмотрѣнію. — Подъ именемъ преступленія въ настоящемъ случаѣ Гроцій разумѣетъ всякую вину, когда человѣкъ, дѣлая что нибудь, или чего нибудь не дѣлая вопреки своей обязанности, тѣмъ причиняетъ вредъ другому. Изъ такой вины естественнымъ образомъ раждается обязательство къ вознагражденію сдѣланнаго вреда.

III. Нарушитель правъ нашихъ, кромѣ лежащаго на немъ обязательства къ вознагражденію сдѣланнаго имъ вреда, можетъ быть, по словамъ Гроція, подвергнутъ еще за свое преступленіе наказанію. Ученіе о преступленіяхъ и наказаніяхъ изложено у Гроція съ большею подробностію и представляетъ множество основательныхъ замѣчаній объ этомъ предметѣ.

Наказаніе, по обыкновенному его опредѣленію, говоритъ Гроцій, вообще есть страданіе, которое причиняется за злое дѣйствіе (malum passionis ob malum actionis). Къ числу вещей, которыя сама природа объявляетъ позволительными и непротивными правдѣ, относится и то, когда сдѣлавшій зло самъ подвергается за это злу; лицамъ, которыя причиняютъ вредъ другимъ, не дѣлается обиды, если ихъ подвергаютъ наказанію. Но отсюда, говоритъ Гроцій, еще не слѣдуетъ, что люди непремѣнно должны ихъ наказывать. Человѣкъ такъ связанъ узами родства съ другими людьми, что онъ никогда не долженъ имъ дѣлать зла, развѣ для полученія какого нибудь добра.

Такимъ образомъ основательныхъ причинъ для наказанія преступниковъ Гроцій ищетъ собственно въ цѣли, достигаемой посредствомъ наказанія. При наказаніи можно имѣть въ виду, по словамъ Гроція, или пользу преступника, или пользу лица, противъ котораго сдѣлано преступленіе, или вообще чью бы то ни было пользу. Въ первомъ случаѣ цѣлію наказанія есть исправить преступника, отнимая у преступленія всю его пріятность. Къ наказаніямъ этого рода, говоритъ Гроцій, не относится смертная казнь, развѣ въ томъ смыслѣ, что для людей неисправимыхъ будетъ лучше, т. е. будетъ меньшимъ зломъ умереть, чѣмъ жить, когда достовѣрно извѣстно, что, продолжая жить, они становились бы все хуже и хуже. Польза отъ наказанія преступника для лица, противъ котораго сдѣлано преступленіе, заключается въ томъ, что посредствомъ наказанія предупреждаются подобныя обиды со стороны преступ-

ника или другихъ лицъ. Новыя обиды со стороны преступника могутъ быть предупреждены трояким образомъ: во 1-хъ если преступникъ совсѣмъ перестанетъ существовать; во 2-хъ если у него будутъ отняты силы вредить; въ 3-хъ если онъ отучится, испытавши чувствительное зло, дѣлать преступленія, что совпадаетъ съ исправленіемъ, о которомъ уже сказано. Обиды, подобныя нанесенной, со стороны другихъ лицъ предупреждаются наказаніемъ публичнымъ и явнымъ, которое бы могло служить примѣромъ для другихъ и уничтожить въ нихъ всякую охоту къ преступленіямъ. Такимъ же образомъ посредствомъ наказанія преступника могутъ быть отвращены отъ всякаго лица обиды со стороны какъ преступника, такъ и другихъ лицъ, которыя бы могли увлечься его примѣромъ. Смертная казнь, по мнѣнію Гроція, совершенно оправдывается какъ второю, такъ и третьею изъ предложенныхъ цѣлей наказанія. Возраженіе, обыкновенно приводимое противъ нее, будто съ жизнію отнимается такимъ образомъ у преступника и время для покаянія, по словамъ Гроція, показываетъ только, что на это обстоятельство должно быть обращаемо величайшее вниманіе, и никто не долженъ быть казнимъ смертію, прежде чѣмъ ему дано будетъ время для покаянія.

Разсматривая порочныя дѣянія, Гроцій находитъ, что не всѣ они могутъ быть наказываемы отъ людей. Таковы, по мнѣнію Гроція, во 1-хъ дѣйствія чисто внутреннія. Хотя бы они по какому нибудь случаю, сдѣлались извѣстными другимъ, однакоже они не могутъ быть наказываемы людьми, такъ какъ съ человѣческою природою несовмѣстно, чтобы между людьми раждались права или обязанности изъ дѣйствій чисто внутреннихъ. Однакоже это, говоритъ Гроцій, не препятствуетъ обращать вниманіе на внутреннія дѣйствія, какъ скоро они имѣютъ вліяніе на внѣшнія, не для нихъ самихъ, но для внѣшнихъ дѣйствій, которыя получаютъ отъ нихъ опредѣленное качество. Во 2-хъ не могутъ быть наказываемы людьми неизбѣжныя дѣйствія человѣческой природы. Хотя грѣхомъ можетъ быть признано только то, что свободно; однакоже, по мнѣнію Гроція, совершенно и всегда воздерживаться отъ всякаго грѣха превышаетъ силы человѣческой природы. Даже, говоритъ Гроцій, можно усомниться, должно ли такія дѣйствія называть грѣхомъ, потому что они, будучи разсматриваемы въ ихъ всеобщности, не имѣютъ той свободы, какую они, по видимому, имѣютъ, будучи взяты въ ихъ отдѣльности. Есть нѣкоторыя дѣйствія, не вообще

неизбѣжныя для человѣка, но только неизбѣжныя для того или другаго лица въ частности и въ извѣстномъ возрастѣ, по причинѣ особеннаго сложенія тѣла человѣка, перешедшаго въ самую душу, или по причинѣ закоренѣлой привычки; впрочемъ за дѣйствія сего рода, по словамъ Гроція, человѣкъ обыкновенно наказывается, не столько собственно за эти дѣйствія, сколько за вину, которая имъ предшествовала. Въ 3-хъ не должны быть наказываемы грѣхи, которые не касаются ни прямо, ни косвенно человѣческаго общества или другихъ людей. Нѣтъ причины, по мнѣнію Гроція, не предоставить наказанія такихъ грѣховъ самому Богу, который обладаетъ и величайшею премудростію, чтобы узнать ихъ, и величайшею справедливостію, чтобы ихъ взвѣсить, и величайшимъ могуществомъ, чтобы ихъ наказать. Не должны также быть наказываемы дѣйствія, противоположныя тѣмъ добродѣтелямъ, которыя по своему существу отвергаютъ всякое принужденіе, каковы: состраданіе, щедрость, благодарность.

При назначеніи наказаній и опредѣленіи ихъ мѣры Гроцій находитъ нужнымъ обращать вниманіе на два обстоятельства: за что человѣкъ наказывается и для чего. Никто, по ученію Гроція, не долженъ быть наказываемъ сверхъ вины. Но при этомъ ограниченіи, какъ скоро вина существуетъ, преступленія наказываются болѣе или менѣе, смотря по той пользѣ, какой мы надѣемся достигнуть посредствомъ наказанія; преступленіе можетъ быть даже совсѣмъ не наказываемо, когда или цѣли, для которыхъ установлены наказанія, не могутъ имѣть мѣста, или сіи цѣли могутъ быть достигнуты другимъ образомъ, или наконецъ посредствомъ освобожденія преступника отъ наказанія будутъ достигнуты другія цѣли не менѣе важныя. При опредѣленіи вины должно быть обращено вниманіе на причину, побудившую человѣка къ преступленію, на причину, которая должна была отвлекать его отъ преступленія, и наконецъ на способность лица обсуживать причины того и другаго рода.

3. Образъ веденія и прекращенія войны.

§ 316.

Для опредѣленія способа веденія войны и для разрѣшенія вопроса, что позволительно дѣлать во время войны, Гроцій представляетъ слѣдующія правила: 1) все то позволительно въ войнѣ, что необходимо для достиженія ея цѣли; 2) въ продолженіи войны къ ея

коренной причинѣ могутъ присоединиться новыя причины, по которымъ можетъ сдѣлаться позволительнымъ то, что сначала было непозволительно: напр. кто беретъ сторону моего противника и оказываетъ ему вспоможеніе, съ тѣмъ и я могу поступать какъ съ своимъ противникомъ; 3) право вести войну сопровождается, независимо отъ намѣренія дѣйствующаго лица, многими дѣйствіями, на которыя тотъ, кто ведетъ войну, непосредственно не имѣлъ бы права. Такъ для овладѣнія домомъ или кораблемъ, который наполненъ разбойниками, могутъ быть употреблены жестокія мѣры, хотя бы въ этомъ домѣ или кораблѣ находилось нѣсколько невинныхъ дѣтей, женщинъ или другихъ лицъ.

Относительно договоровъ, заключаемыхъ во время войны, Гроцій представляетъ то общимъ правиломъ, что слово, данное и непріятелю, должно быть свято соблюдаемо.

§ 317.

Сравнивая ученіе о правѣ Гроція съ ученіемъ Стоиковъ [393] и особенно Цицерона [394] объ этомъ предметѣ, мы находимъ существенное сходство между однимъ и другимъ ученіемъ. Коренное начало правды въ томъ и другомъ одинаково; въ томъ и другомъ допускается существованіе общей собственности рода человѣческаго; въ томъ и другомъ государство представляется обдуманнымъ произведеніемъ разума Гроцій самъ сознаетъ это сходство своего ученія съ ученіемъ, образовавшимся при переходѣ древняго міра въ новый, и нерѣдко поясняетъ свои мысли словами Цицерона и Стоиковъ [395].

Независимо отъ того, новый духъ повсюду открывается въ ученіи Гроція. Изъ множества направленій человѣческой воли здѣсь берется произвольно только одно, и изъ него, не обращая вниманія на другія направленія и стороны существа человѣческаго, выводятся всѣ законы внѣшней дѣятельности. Хотя человѣкъ признается необходимо членомъ общества; однакоже средоточіемъ всѣхъ изслѣдованій о законахъ служитъ личность человѣка, его *я*, его права. Внѣшняя и внутренняя область дѣятельности отдѣляются одна отъ другой и человѣку не только предоставляется право безусловнаго господства въ послѣдней, но и въ самой внѣшней области бытіе многихъ важныхъ отношеній основывается только на частной волѣ,

[393] См. выше § 271.
[394] См. выше § 279—282.
[395] De J. B. ac P. proleg. § 6; not. ad § 7 et 8; Lib. I, cap. 1, § 3, num. 1

на договорѣ между людьми. Все положительное законодательство выводится изъ одного произвола и лишается твердаго основанія.

Предметы права, входящіе въ кругъ Философіи Законодательства, означены у Гроція въ совершенной полнотѣ. Многіе изъ нихъ разсмотрѣны съ достаточною подробностію и съ различныхъ сторонъ. Почти по каждому изъ нихъ высказано Гроціемъ множество различныхъ мыслей, его собственныхъ и чужихъ. Такимъ образомъ ученымъ предложено было богатое содержаніе для размышленія и разработки. Сочиненіе Гроція пріобрѣло величайшую знаменитость. Оно было всѣми изучаемо: непрерывно издаваемо на первоначальномъ его языкѣ [396], переводимо на другіе Европейскіе языки [397], объясняемо различными толкованіями [398], сокращаемо для удобнѣйшаго употребленія [399], опровергаемо, защищаемо. Такимъ образомъ оно имѣло величайшее вліяніе на развитіе и установленіе понятій о различныхъ предметахъ законодательства.

ПЕРІОДЪ II.

ОТЪ БАКОНА И ДЕКАРТА ДО КАНТА.

§ 318.

Когда умъ философствующій обнялъ древнія философскія системы и особенно воспроизвелъ тѣ изъ нихъ, которыя оживлены духовнымъ началомъ; когда противоположность между симъ началомъ и началомъ древняго міра, между мыслію и даннымъ во внѣшности бытіемъ, между духомъ и природою были уяснены: то задачею Философіи сдѣлалось — согласить эту противоположность. Два

[396] Сіи изданія означены въ Literatur des gesammten Völkerrechts, von *Ompteda*. Regensburg, 1785. § 122.

[397] Тамъ же, § 125—129. Французскій переводъ Гроціева сочиненія, сдѣланный Барбейракомъ, особенно заслуживаетъ вниманія, какъ по своей правильности и ясности, такъ и по замѣчаніямъ, къ нему присоединеннымъ. Онъ вышелъ подъ заглавіемъ: Le droit de la guerre et de la paix, par Hugues Grotius. Nouvelle traduction par *Jean Barbeyrac*. Amsterdam, 1724. in-4.; второе, сдѣланное самимъ Барбейракомъ изданіе, есть Amsterdam, 1736. in-4.; третье, Basle, 1746. in-4.; четвертое, Amsterdam, 1754. in-4.; пятое, Leyden, 1759. in-4. шестое, Bâle, 1768.

[398] Тамъ же § 123.

[399] Тамъ же § 124. Ср. *Ludovici*, delineatio historiæ juris divini naturalis et positivi universalis. § XXX.

путя на первый разъ представлялись для ея соглашенія: можно было или начать съ природы, съ даннаго бытія, и постепенно отрѣшаясь, очищаясь отъ міра вещественнаго, возвышаться въ область духовную, или начать съ области духа и постепенно оставляя эту чистую область, низпускаться въ область вещественнаго. Первый есть путь чувства и опыта, вторый — путь умозрѣнія. Взятые отдѣльно друдъ отъ друга они не только не могутъ привести къ полной истинѣ, но еще напротивъ взаимно уничтожаютъ другъ друга и необходимымъ послѣдствіемъ своимъ должны имѣть Философію, которая отвергаетъ всѣ неизмѣнныя истины человѣческаго духа. Покушеніе согласить противоположность между мыслію и бытіемъ путемъ чувства и опыта представляетъ *Англійская опытная Философія*, основанная *Бакономъ*. Покушеніе согласить эту противоположность путемъ умозрѣнія представляетъ ***Французско-Нѣмецкая умозрительная Философія***, основанная *Декартомъ*. Наконецъ направленіе враждебное всѣмъ священнымъ истинамъ духа человѣческаго представляетъ Французская Философія 18-го вѣка.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

АНГЛІЙСКАЯ ОПЫТНАЯ ФИЛОСОФІЯ, ОСНОВАННАЯ БАКОНОМЪ.

§ 319.

Знаменитый Канцлеръ Англіи Баконъ Веруламскій [400] есть основатель опытной Философіи, которая доселѣ остается господствующею между Англичанами. Опытъ, внѣшній или внутренній, есть для этой Философіи источникъ всѣхъ познаній; что никакимъ образомъ не подлежитъ нашимъ чувствамъ, ни чувствамъ тѣлеснымъ, ни внутреннему чувству, которымъ мы познаемъ происходящее внутри души нашей, того эта Философія не признаетъ истиннымъ. Предметы не существуютъ для ней, если они не имѣютъ на себѣ какой нибудь стороны чувственной, ощутимой. Такимъ образомъ для ней область чувственнаго простирается въ самыя высшія страны духа и наконецъ должна совершенно совпадать съ ними. Духовное есть для ней только доведенное до крайней степени утонченія чувственное.

Подъ господствомъ опытныхъ началъ развилась въ Англіи и Философія Законодательства, которая въ выведеніи всѣхъ своихъ

[400] **Баконъ Веруламскій род. въ 1561 г., ум. 1626.**

истинъ основывается на различныхъ естественныхъ стремленіяхъ, представляющихся въ опытѣ.

Баконъ можетъ быть названъ не только основателемъ Англійской Философіи вообще, но и Англійской Философіи Законодательства въ частности. Хотя онъ особенно не занимался предметами, къ ней относящимися; однакоже онъ указалъ мѣсто для ней въ ряду наукъ философскихъ, и, означивши направленія, какія она можетъ имѣть въ своемъ развитіи, тѣмъ опредѣлилъ весь ходъ ея развитія въ Англіи. Почему, приступая къ изложенію Англійской философіи Законодательства, прежде всего мы представимъ мысли Бакона, сюда относящіяся, какъ онѣ изложены имъ въ сочиненіи: *О достоинствѣ и усовершенствованіи наукъ* [401].

§ 320.

Баконъ дѣлитъ всѣ науки на три разряда: Исторію, Поэзію и Философію. Это раздѣленіе онъ основываетъ на тройномъ числѣ душеныхъ способностей, принимая, что каждая душевная способность даетъ бытіе особенному ряду наукъ. Главныя способности души суть: память, воображеніе и разумъ. Исторія есть произведеніе памяти, Поэзія — произведеніе воображенія, Философія — произведеніе разума [402]. Предметомъ Философіи поставляются у Бакона Богъ, природа и человѣкъ. Каждому изъ сихъ предметовъ соотвѣтствуетъ особенная часть Философіи [403]. Философская наука о человѣкѣ разсматриваетъ его или въ себѣ самомъ и отдѣльно отъ другихъ людей, или въ обществѣ съ ними. Ту часть Философской науки о человѣкѣ, гдѣ человѣкъ разсматривается въ самомъ себѣ и отдѣльно отъ другихъ людей, Баконъ называетъ Философіею человѣческой природы (Philosophia humanitatis); часть, гдѣ человѣкъ разсматривается въ обществѣ съ другими людьми, — Философіею общественною (Philosophia civilis) или Политикою (Politica) [404].

По симъ двумъ частямъ Баконъ распредѣляетъ на слѣдующемъ основаніи все содержаніе Философіи Законовъ:

Философія человѣческой природы состоитъ, по ученію Бакона, изъ наукъ двоякаго рода: однѣ имѣютъ своимъ предметомъ тѣло,

[401] De dignitate et augmentis scientiarum. На Англ. языкѣ въ Лонд. 1605; на Лат. яз. 1623; Lugd. Bat. 1652. in-12. и Argent. 1654. in-8.

[402] De dignitate et augmentis scientiarum. Lib. II, cap. 1.

[403] Ibid. Lib. III, cap. 1.

[404] Ibid. Lib. IV, cap. 1.

другія душу человѣка [405]. Наука о душѣ дѣлится на ученіе о существѣ и способностяхъ души и науку о дѣйствіяхъ душевныхъ способностей. Послѣдняя имѣетъ своимъ предметомъ или разумъ, или волю, и потому дѣлится на Логику и Этику [406]. Этика разсматриваетъ образъ дѣйствія человѣческой воли. Она показываетъ: 1) идеалъ добра, 2) способъ, какъ человѣкъ можетъ сдѣлаться сообразнымъ съ этимъ идеаломъ. Что касается идеала добра, въ каждомъ существѣ Баконъ усматриваетъ естественное стремленіе къ добру двоякаго рода: во первыхъ, существо стремится быть особеннымъ, самостоятельнымъ цѣлымъ; во вторыхъ, оно стремится быть частію какого нибудь большаго цѣлаго. Добро перваго рода Баконъ ставитъ ниже, чѣмъ добро втораго рода, такъ какъ это послѣднее имѣетъ своимъ предметомъ сохраненіе высшей и полнѣйшей формы. Первое онъ называетъ добромъ частнымъ или личнымъ, второе — добромъ общественнымъ. Добро частное Баконъ дѣлитъ на добро страдательное и добро дѣятельное, такъ какъ по отношенію къ себѣ самимъ всѣ твари имѣютъ двоякое стремленіе: стремленіе сохранять и усовершать себя, и стремленіе размножаться и распространяться. Добро дѣятельное Баконъ предпочитаетъ добру страдательному и добро усовершенствованія добру сохраненія. Добро общественное имѣетъ своимъ предметомъ общество. Подъ именемъ должности общественное добро требуетъ отъ души благорасположенія къ другимъ; подъ именемъ добродѣтели оно составляетъ качество души, которая внутри себя самой благоустроена. Съ перваго взгляда, говоритъ Баконъ, можно было бы подумать, что разсмотрѣніе добра общественнаго относится собственно къ Политикѣ. Но такое мнѣніе, по словамъ Бакона, несправедливо, потому что въ настоящемъ случаѣ рѣчь идетъ только о власти человѣка надъ самимъ собою, а не надъ другими людьми: наука о соединеніи людей въ обществѣ отлична отъ науки, которая дѣлаетъ ихъ способными и годными для общества. Ученіе о должностяхъ человѣка составляется у Бакона изъ двухъ частей: въ первой излагаются должности человѣка вообще, во второй — особенныя должности людей по различію ихъ званія, состоянія, достоинства. Такъ разсматривается у Бакона идеалъ добра! Науку о средствахъ для образованія души согласно съ этимъ идеаломъ онъ дѣлитъ на ученіе о характерѣ людей, ученіе о стра-

[405] Ibid.
[406] Ibid. Lib. IV, cap. 3; Lib. V, cap. 1.

стяхъ ихъ, и ученіе о средствахъ противъ страстей. Область Этики теперь измѣрена [407].

Наука о жизни общественной, или Политика, по мнѣнію Бакона, имѣетъ въ виду только внѣшнюю доброту дѣяній, потому что этого уже достаточно для общественной жизни, между тѣмъ какъ Этика хочетъ сдѣлать человѣка внутренно добрымъ. Наука о жизни общественной дѣлится у Бакона на три части: о собесѣдованіи, о дѣлахъ и о государствѣ [408]. Въ ученіи о государствѣ, по его словамъ, заключается и Экономика, какъ семейство заключается въ государствѣ. Одною изъ важнѣйшихъ частей науки о Государствѣ Баконъ почитаетъ ученіе о всеобщей правдѣ или источникахъ права. Впрочемъ этого ученія, по его словамъ, еще не существуетъ. Всѣ, писавшіе о законахъ, говоритъ онъ, обработывали этотъ предметъ или какъ Философы, или какъ Законовѣдцы. Философы предлагаютъ много прекраснаго на словахъ, но что не исполнимо на дѣлѣ. Напротивъ законовѣдцы, бывъ привержены или къ законамъ своего отечества, или къ Римскимъ, или къ Папскимъ, въ настоящемъ дѣлѣ не могутъ быть судьями безпристрастными, а говорятъ такъ, какъ будто бы они содержались въ оковахъ. Во всякомъ случаѣ познаніе, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, принадлежитъ собственно Политикамъ, которые весьма хорошо знаютъ, чего требуютъ человѣческое общество, благоденствіе народа, естественная справедливость, нравы, различные образы правленія, а потому могутъ постановлять законы, основываясь на началахъ какъ естественной справедливости, такъ и Политики. Послѣ сего Баконъ представляетъ намъ въ нѣсколькихъ афоризмахъ главнѣйшія черты ученія о всеобщей правдѣ.

Афоризмъ 1. Въ обществѣ гражданскомъ господствуетъ законъ или сила. Но кромѣ того иногда сила скрывается подъ личиною закона, иногда законъ болѣе походитъ на насиліе, чѣмъ на справедливость. И такъ есть три источника несправедливости: явное насиліе, злостное уловленіе въ сѣти подъ предлогомъ закона и жестокость самаго закона.

Афоризмъ 2. Основаніе частнаго права есть слѣдующее: кто причиняетъ обиду, тотъ получаетъ отъ своего дѣянія пользу или удовольствіе, но подавая примѣръ другимъ, навлекаетъ на себя опасность. Другіе не участвуютъ въ его пользѣ или удовольствіи, но примѣръ относятъ къ себѣ. Почему они обезпечиваютъ себя зако-

[407] Ibid Lib. VII.
[408] Ibid. Lib. VIII, cap. 1.

нами, чтобъ обида не достигла до каждаго изъ нихъ по очереди. Если по временнымъ обстоятельствамъ и по участію многихъ въ винѣ случится, что какой нибудь законъ подвергаетъ опасности большую и сильнѣйшую часть общества, чѣмъ какой доставляется обезпеченіе, то скопище уничтожаетъ законъ, какъ это и бываетъ нерѣдко.

Афоризмъ 3. Но право частное находится подъ покровомъ права публичнаго, потому что хотя законъ доставляетъ обезпеченіе гражданамъ, учрежденныя власти доставляютъ обезпеченіе законамъ, но сила всѣхъ властей зависитъ отъ верховной власти, отъ устройства управленія и отъ основныхъ законовъ. Почему, если въ этомъ отношеніи государство будетъ здорово и надлежащимъ образомъ устроено, то законы принесутъ большую пользу; въ противномъ случаѣ мало будетъ защиты и отъ законовъ.

Афоризмъ 4. Впрочемъ право публичное не имѣетъ своимъ назначеніемъ служить только какъ бы стражемъ для права частнаго, чтобъ оно не было нарушаемо и чтобъ прекратились обиды; напротивъ постановленія права публичнаго имѣютъ своимъ предметомъ также религію, военныя дѣла, благочиніе, украшеніе, богатство, наконецъ все благосостояніе государства.

Афоризмъ 5. Единственная цѣль, которую должны имѣть въ виду законы и къ которой они должны направлять всѣ свои повелѣнія и предписанія, есть счастіе гражданъ. Граждане будутъ счастливы тогда, когда они будутъ надлежащимъ образомъ наставлены въ религіи и благочестіи, украшены добрыми нравами, обезпечены оружіемъ противъ внѣшнихъ враговъ, помощію законовъ ограждены отъ возмущеній и частныхъ обидъ, послушны властямъ и начальникамъ, богаты предметами всякаго рода. Орудіе и сила, которыми держатся всѣ эти блага, заключается въ законахъ [409].

§ 321.

Въ предложенныхъ мысляхъ Бакона содержится зародышъ какъ Англійской Философіи Законодательства вообще, такъ и разныхъ ея направленій въ частности. Область законодательства въ ней вообще опредѣляется такимъ же образомъ, какъ у Бакона. Различныя ея направленія имѣютъ главнымъ своимъ основаніемъ Баконово ученіе о двухъ природныхъ стремленіяхъ человѣка: стремленіе къ благу частному и стремленіе къ благу общественному.

[409] Ibid. Lib. VIII, cap. 3.

По своему духу Англійская Философія Законодательства представляетъ на себѣ отпечатокъ политическихъ произшествій, при которыхъ и подъ вліяніемъ которыхъ она образовалась. Страсти, волновавшія Англію въ 17-мъ вѣкѣ, выразились и въ Англійской Философіи этого вѣка; времена внутренняго мира, послѣдовавшія за временами безпокойствія, принесли съ собою также понятія свѣтлыя и спокойныя о всѣхъ общественныхъ отношеніяхъ. Системы нравоученія, образовавшіяся въ Англіи, представляютъ намъ, какъ относительно внутренняго достоинства ихъ началъ, такъ и относительно времени ихъ развитія, въ слѣдующей постепенности:

I. Системы самолюбія.

II. Системы доброжелательства.

III. Системы сообразности дѣяній съ предметами.

IV. Системы безусловнаго одобренія или неодобренія разумомъ дѣяній.

Подъ вліяніемъ каждаго изъ сихъ нравственныхъ началъ, кромѣ послѣдняго, были развиты въ Англіи и особыя системы Философіи Законодательства [410].

A. Системы самолюбія.

§ 322.

Для простаго, единственнаго чувства каждый человѣкъ представляется самъ къ себѣ ближе всѣхъ другихъ. По этому *начало самолюбія* выразилось въ Англійской Философіи прежде другихъ нравственныхъ началъ. Оно служитъ основаніемъ двухъ противопо-

[410] Мы не упоминаемъ о системѣ Сельдена, изложенной имъ въ сочиненіи: De jure naturali et gentium juxta disciplinam Ebræorum libri VII, Londini, 1640. Этотъ знаменитый Англійскій Законовѣдецъ хотѣлъ, по примѣру Гроція, представить намъ систему закона естественнаго и закона народовъ. Но, предполагая, что Евреи сохранили во всей чистотѣ истинное ученіе объ этомъ предметѣ, преданное будто-бы Богомъ Ною въ числѣ семи заповѣдей, онъ въ своемъ сочиненіи представляетъ намъ дѣйствительно только мнѣнія, какія въ семъ отношеніи господствовали у Евреевъ Начала права естественнаго онъ извлекаетъ не изъ разума, но изъ мнимыхъ заповѣдей, данныхъ Ною, въ объясненіи которыхъ и состоитъ, большею частію, его сочиненіе, такъ что каждой изъ семи заповѣдей посвящается у него особая книга; весьма часто при обсужденіи нравственныхъ правилъ онъ довольствуется только указаніемъ на рѣшенія Раввиновъ, не входя въ разсмотрѣніе достоинства сихъ рѣшеній.

ложныхъ по своему духу философскихъ системъ: системы *Гоббеза* и системы *Локка*.

I. ГОББЕЗЪ.

§ 323.

По случаю распрей, происходившихъ въ 17-мъ вѣкѣ въ Англіи между ея Королями и народомъ, были писаны различныя сочиненія въ пользу и противъ той и другой стороны. Какъ мгновенныя произведенія страсти, эти сочиненія не могутъ занять мѣста въ ряду произведеній ума философствующаго. Но произшествія, подавшія поводъ къ такимъ сочиненіямъ, были также, по самому существу своему, сильнѣйшимъ побужденіемъ для Философіи — вникнуть спокойно въ основанія общественныхъ отношеній, колеблемыхъ съ различныхъ сторонъ. Первый предпринялъ это сдѣлать Гоббезъ [411].

§ 324.

Ученіе Гоббеза о предметахъ законодательства содержится въ двухъ его сочиненіяхъ: 1) Elementa philosophica de cive [412]; Leviathan, sive de materia, forma et potestate civitatis ecclesiasticae et civilis [413]. Содержаніе и расположеніе обоихъ сочиненій одинаково. Но первое было предназначено преимущественно для ученыхъ, второе — для читателей всякаго рода. По этой причинѣ первое отличается особенною логическою строгостію формы и сжатостію слога, второе — своимъ безъискуственнымъ изложеніемъ [414].

§ 325.

Гоббезъ по своимъ умствованіямъ принадлежитъ къ числу матеріалистовъ. Философія, по его опредѣленію, вообще есть познаніе явленій изъ ихъ причинъ и причинъ изъ ихъ явленій, пріобрѣтаемое посредствомъ правильнаго умозаключенія. Первое начало всякаго познанія онъ полагаетъ въ чувствахъ и предметомъ Фило-

[411] Гоббезъ род. въ 1588 г., ум. въ 1679.

[412] Первое изд. Paris, 1642. in-4.

[413] Изд. въ первый разъ на Англійскомъ языкѣ. Lond., 1651. in-fol. Слово: *Левіаѳанъ* означаетъ на Еврейскомъ языкѣ одно большое морское животное. Гоббезъ сравниваетъ государство, по его силѣ и дѣйствіямъ, съ большимъ животнымъ; отсюда и самое заглавіе сочиненія.

[414] По этой причинѣ и мы, при нашемъ изложеніи ученія Гоббеза, ссылаемся преимущественно на первое сочиненіе.

софіи поставляетъ только то, что можетъ возникать и уничтожаться, т. е. одно только тѣлесное. Принимая два рода тѣлъ: тѣла природныя и тѣла, составленныя волею человѣческою, или тѣла гражданскія, Гоббезъ раздѣляетъ также всю Философію на двѣ главныя части: на ученіе о тѣлахъ природныхъ, въ составъ коего входятъ Логика, Онтологія, Метафизика и Физика, и на ученіе о тѣлахъ гражданскихъ или Политику. Къ Политикѣ Гоббезъ относитъ Этику или ученіе о наклонностяхъ, страстяхъ и нравахъ людей, такъ какъ познаніе сихъ предметовъ онъ почитаетъ необходимымъ для познанія свойствъ гражданскихъ обществъ [415].

§ 326.

Для разрѣшенія всѣхъ вопросовъ законодательства Гоббезъ разсматриваетъ человѣка въ двоякомъ состояніи: 1) внѣ общества, или въ состояніи, которое онъ называетъ естественнымъ; 2) въ обществѣ, и притомъ а) въ обществѣ гражданскомъ, б) въ обществѣ природномъ, которое составляется изъ господъ и рабовъ, родителей и дѣтей.

1. О естественномъ состояніи человѣка, или о состояніи его внѣ общества, по ученію Гоббеза.

§ 327.

Въ самыхъ первыхъ началахъ своей Философіи Гоббезъ является противникомъ Гроція, отвергая существованіе естественнаго влеченія людей другъ къ другу. По ученію Гоббеза, люди отъ природы не только не стремятся другъ къ другу, но еще напротивъ живутъ во взаимномъ страхѣ и опасеніи. Никто изъ нихъ не можетъ ни отъ другихъ ожидать, ни самъ себѣ доставить безопасности. Каждый изъ нихъ можетъ отнять у другаго величайшее его благо, т. е. жизнь; каждый изъ нихъ стремится вредить другому.

Среди непрерывныхъ, такимъ образомъ возникающихъ, опасностей человѣкъ, по словамъ Гоббеза, весьма естественно принимаетъ всѣ мѣры для своей безопасности, и это ни мало не должно быть порицаемо, потому что по самой природѣ своей каждый необходимо желаетъ добра и отвращается зла, а особенно величайшаго изъ всѣхъ золъ естественныхъ, смерти. И такъ, говоритъ Гоббезъ, тотъ поступаетъ не противно здравому разуму, кто употребляетъ всѣ

[415] Element. philos. cap. 1.

усилія, чтобы защитить и сохранить отъ смерти и боли свое тѣло. А что не противно здравому разуму, то всѣ называютъ согласнымъ съ правомъ, такъ какъ и самымъ именемъ права означается свобода пользоваться естественными способностями согласно здравому разуму. Почему, заключаетъ Гоббезъ, первое и коренное естественное право человѣка есть право сохранять, какъ только можетъ, свою жизнь и члены своего тѣла.

Но безполезно было бы, продолжаетъ Гоббезъ, имѣть право на цѣль, если бы мы не имѣли права на средства, необходимыя для достиженія цѣли. Слѣдовательно какъ всякой имѣетъ право сохранять себя, такъ всякой же имѣетъ право пользоваться всѣми средствами, для того нужными, и предпринимать всѣ дѣйствія, безъ которыхъ онъ не можетъ сохранить себя.

Въ выборѣ средствъ и дѣйствій самосохраненія человѣкъ, по мнѣнію Гоббеза, совершенно неограниченъ: каждый изъ нихъ имѣетъ право судить самъ непосредственно, необходимы или нѣтъ для сохраненія его жизни и членовъ тѣ средства, которыми онъ хочетъ пользоваться, и тѣ дѣйствія, которыя онъ хочетъ предпринять. Отсюда само собою слѣдуетъ, что отъ природы каждый имѣетъ право на все, и можетъ дѣлать все, что ему угодно, а также владѣть, пользоваться и наслаждаться всѣмъ, чѣмъ онъ хочетъ и можетъ. Право человѣка ограничивается только его хотѣніемъ и силою. Могущество непреоборимое даетъ неограниченное право господствовать надъ всѣмъ, что не можетъ ему сопротивляться. Но такое право всѣхъ на все, по словамъ самого Гоббеза, людямъ не могло приносить никакой пользы. Слѣдствіемъ его было почти тоже, какъ будто совсѣмъ не существовало никакого права. Хотя каждый могъ сказать о всякой вещи: *это моя вещь,* однакоже онъ не могъ ею пользоваться, потому что всякой другой съ равнымъ правомъ и съ равною силою присвоялъ ее себѣ.

Если теперь, говоритъ Гоббезъ, къ естественной наклонности людей, вредить другъ другу, мы присоединимъ еще право всѣхъ на все, въ слѣдствіе котораго одинъ по праву можетъ нападать на другаго, а другой по праву можетъ ему сопротивляться, откуда должны раждаться безпрерывныя другъ на друга подозрѣнія и покушенія; то нельзя не согласиться, что естественное состояніе людей, прежде чѣмъ они соединились въ общества, было — война всѣхъ противъ всѣхъ [416].

[416] De cive cap. 1, § 1—12 et § 14.

§ 328.

Но всегдашняя война, по ученію Гоббеза, не есть такое состояніе, которое могло бы сохранить человѣческій родъ и отдѣльныхъ его лицъ отъ погибели. Здѣсь самимъ побѣдителямъ въ такой степени грозитъ всегда опасность, что должно почитать чудомъ, если кто нибудь, хотя бы онъ всѣхъ превосходилъ мужествомъ, умеръ естественною смертію. Кто посему думаетъ, что должно всегда оставаться въ такомъ состояніи, въ которомъ все позволяется всѣмъ, тотъ, говоритъ Гоббезъ, противорѣчитъ самъ себѣ, потому что каждый по естественной необходимости хочетъ себѣ добра, а никто не почтетъ добромъ для себя этой войны всѣхъ противъ всѣхъ, которая естественно связана съ такимъ состояніемъ. И такъ надобно вытти изъ этого состоянія и искать мира, какъ скоро блеснетъ малѣйшій лучь надежды имѣть его; если же нельзя имѣть мира, то должно искать союзниковъ для войны, чтобы, когда уже непремѣнно надобно ее вести, вести не противъ всѣхъ и не безъ помощи другихъ. Это правило Гоббезъ признаетъ изреченіемъ здраваго разума и кореннымъ закономъ природы, такъ какъ закономъ природы, по его словамъ, называется изреченіе здраваго разума, опредѣляющее, что долженъ человѣкъ дѣлать или не дѣлать, дабы сохранить, сколько возможно, долѣе себя и свои члены [417].

Изъ кореннаго естественнаго закона Гоббезъ выводитъ множество второстепенныхъ естественныхъ законовъ. Для пріобрѣтенія и сохраненія мира между собою людямъ, по его ученію, необходимо надобно поступать по слѣдующимъ правиламъ: 1) должно отказаться отъ своего права на все и нѣкоторыя права передать другимъ, а нѣкоторыя совершенно оставить. 2) Должно свято соблюдать договоры. 3) Должно быть благодарнымъ за полученныя благодѣянія. 4) Должно стараться не быть въ тягость другимъ. 5) Должно прощать другому обиду, когда онъ проситъ о томъ и показываетъ раскаяніе, впрочемъ обезпечивши себя противъ него на будущее время. 6) При отмщеніи, т. е. при наказаніи, надобно имѣть въ виду не зло прошедшее, а добро будущее, и подвергать виновнаго наказанію не для другой цѣли, какъ для той, чтобы сдѣлавшій обиду исправился, или чтобъ другіе, устрашенные его примѣромъ, сдѣлались лучше. 7) Не должно показывать другому дѣяніями, словами, или знаками, что мы его ненавидимъ, или презираемъ. 8) Никто изъ

[417] De cive cap. 1, § 13-15

людей не долженъ возноситься надъ другими. 9) Должно приписывать другимъ тѣже самыя права, какія кто нибудь присвояетъ себѣ. 10) При распредѣленіи правъ между лицами должно показывать себя безпристрастнымъ для обѣихъ сторонъ. 11) Чего нельзя раздѣлить, тѣмъ, если можно, должно пользоваться всѣмъ вмѣстѣ и притомъ, если свойство вещи позволяетъ это, сколько кому угодно, въ противномъ случаѣ — по взаимному согласію и соразмѣрно съ числомъ лицъ пользующихся. 12) Если вещь не можетъ быть раздѣлена, и нельзя ею пользоваться всѣмъ вмѣстѣ, то или надобно ею пользоваться попеременно, или она должна быть присуждена жребіемъ кому нибудь одному для пользованія; если назначено пользоваться ею поперемѣнно, то жребій долженъ рѣшить, кто первый долженъ ею пользоваться. 13) Особенный видъ жребія есть первенство рожденія и первенство занятія вещи; посему что осталось нераздѣленнымъ и чѣмъ не могутъ пользоваться всѣ вмѣстѣ, то принадлежитъ первому, кто займетъ это, а также первородному принадлежитъ то, что принадлежало отцу, развѣ отецъ самъ еще прежде отдастъ вещь кому нибудь другому. 14) Должно доставлять безопасность посредникамъ мира. 15) Въ случаѣ спора между собою, лица спорящія должны, не прибѣгая къ силѣ, избрать для разрѣшенія ихъ спора третье лице — судью, и подчиниться его приговору. Но 16) никто не долженъ быть судьею въ собственномъ дѣлѣ. 17) Не долженъ быть также судьею тотъ, кто изъ побѣды одной стороны болѣе можетъ получить для себя выгоды или славы, чѣмъ изъ побѣды другой. 18) Когда раждается споръ о самомъ происшествіи, т. е. случилось ли оно или нѣтъ, то судья долженъ въ одинаковой степени вѣрить обѣимъ сторонамъ, т. е. не вѣрить ни которой, и слѣдовательно, если нѣтъ достовѣрныхъ знаковъ происшествія, произносить приговоръ на основаніи показаній безпристрастныхъ свидѣтелей. 19) Между судьею и лицами, которыхъ онъ разбираетъ, не должно быть никакого договора, по которому бы онъ обязанъ былъ произнесть приговоръ въ пользу той или другой стороны. 20) Не должно съ сознаніемъ и намѣренно разрушать или ослаблять въ себѣ способность мышленія, посредствомъ которой познаются всѣ законы естественные.

Каждый человѣкъ, замѣчаетъ Гоббезъ, легко можетъ усмотрѣть своимъ умомъ всѣ изложенныя правила поведенія. Для этого, когда онъ сомнѣвается, согласно ли съ закономъ естественнымъ то, что онъ хочетъ сдѣлать другому, пусть только онъ поставитъ себя на

мѣсто сего послѣдняго. Это есть извѣстное правило: чего не хочешь себѣ, того не дѣлай другому [418].

§ 329.

Впрочемъ, говоритъ Гоббезъ, не надобно думать, будто разумъ обязываетъ людей наблюдать изложенные естественные законы и тогда, когда другіе не соблюдаютъ ихъ. Если бы нѣкоторые изъ людей, будучи миролюбивѣе другихъ, захотѣли наблюдать справедливость, предписываемую разумомъ, тогда какъ другіе не соблюдаютъ ея съ своей стороны, то они въ этомъ случаѣ не поступили бы согласно съ разумомъ: они снискали бы себѣ такимъ образомъ не миръ, а вѣрную и скорую погибель, и, наблюдая законы, сдѣлались бы добычею тѣхъ, которые не наблюдаютъ ихъ. Тѣмъ не менѣе мы обязаны имѣть твердое намѣреніе наблюдать ихъ всякой разъ, какъ скоро это будетъ способствовать къ достиженію той цѣли, для которой они предназначены.

Въ заключеніе Гоббезъ замѣчаетъ, что изложенные имъ законы естественные не обнимаютъ собою всего закона нравственнаго, хотя и составляютъ существенную часть его. Въ изложенныхъ законахъ означены только тѣ правила поведенія, которыя должны служить къ сохраненію нашему противъ опасностей, проистекающихъ отъ несогласія. Но кромѣ опасностей и золъ, проистекающихъ отъ несогласія, есть и другія, отъ которыхъ мы также должны стараться охранить себя и по отношенію къ которымъ слѣдовательно также существуютъ извѣстные законы. Тѣмъ не менѣе изложенные законы составляютъ существенную часть закона нравственнаго. Законъ нравственный вообще имѣетъ своимъ предметомъ добрые нравы; отсюда и самое его названіе. Но въ изложенныхъ законахъ естественныхъ предписываются также добрые нравы. Разумъ внушаетъ намъ, что миръ есть добро; отсюда слѣдуетъ, что и всѣ средства, необходимыя для достиженія мира, суть также добро. Посему справедливость, вѣрность, человѣколюбіе, милосердіе и тому подобныя свойства, необходимыя для достиженія мира, суть добрые нравы, т. е. добродѣтели, и слѣдовательно законы, которыми предписываются сіи добродѣтели, относятся къ числу законовъ нравственныхъ [419].

[418] De cive cap. 2 et cap. 3, § 1—27.
[419] De cive cap. 3, § 27 et 31.

2. О состоянiи человѣка въ обществѣ.

§ 330.

α) О состоянiи человѣка въ гражданскомъ обществѣ.

Мы видѣли [420], что по ученiю Гоббеза никто не обязанъ наблюдать законовъ естественныхъ, доколѣ онъ не обезпеченъ въ томъ, что и всякой другой съ своей стороны будетъ также ихъ наблюдать. Этого обезпеченiя, по мнѣнiю Гоббеза, можно достигнуть не иначе, какъ посредствомъ соединенiя между собою нѣсколькихъ лицъ для взаимной обороны. Но соединенiе двухъ или трехъ человѣкъ вмѣстѣ не можетъ имъ доставить требуемой безопасности, потому что въ такомъ случаѣ противной сторонѣ надобно только присоединить къ себѣ одного или нѣсколько человѣкъ, чтобъ несомнѣнно одержать побѣду. Слѣдовательно, по словамъ Гоббеза, число людей, соединяющихся между собою для взаимной обороны, должно быть довольно значительно, такъ чтобы присоединенiе ко врагамъ небольшей помощи не имѣло особеннаго влiянiя на успѣхъ войны. Но какъ бы ни было велико число людей, соединившихся для взаимной защиты другъ друга, если они не согласятся между собою въ самомъ способѣ защиты, а каждый изъ нихъ будетъ употреблять свои силы по собственному усмотрѣнiю, то легко можетъ случиться, что они или не будутъ надлежащимъ образомъ содѣйствовать другъ другу, или даже будутъ взаимно себѣ препятствовать, или наконецъ черезъ нѣсколько времени совершенно разойдутся другъ съ другомъ. И такъ всѣ они, говоритъ Гоббезъ, по отношенiю къ предметамъ, касающимся мира и безопасности, должны имѣть одну волю. Для этого каждый изъ нихъ такъ долженъ подчинить волю свою волѣ одного извѣстнаго лица, физическаго или собирательнаго, т. е. или одного человѣка, или одного собранiя, что все, постановляемое этимъ лицемъ, по отношенiю къ предметамъ, касающимся общаго мира и безопасности, должно быть почитаемо волею всѣхъ и каждаго. Располагая силами всѣхъ лицъ, ему подчиненныхъ, это одно лице имѣетъ столько силъ, что страхомъ своего могущества заставляетъ каждаго сообразоваться съ своими требованiями. Общество такимъ образомъ составленное, говоритъ Гоббезъ, называется государствомъ или обществомъ гражданскимъ. Лицу, волѣ котораго подчинены всѣ другiя лица съ ихъ особенною волею, принадлежитъ здѣсь власть верховная [421].

[420] См. предъидущiй §.

[421] De cive cap. 5.

Гоббезъ допускаетъ три способа учрежденія верховной власти, или три образа правленія, смотря по тому, принадлежитъ ли верховная власть одному человѣку, или собранію, составленному изъ нѣкоторой части гражданъ, или собранію всѣхъ гражданъ. Въ первомъ случаѣ образъ правленія называется Монархіею, во второмъ — Аристократіею, въ третьемъ — Демократіею. Всѣ другія различія въ образахъ правленія Гоббезъ отвергаетъ; въ особенности, онъ не допускаетъ, чтобъ могли существовать смѣшенные образы правленій. Монархію онъ предпочитаетъ всякому другому правленію [422].

Верховная власть, по ученію Гоббеза, совершенно неограниченна. Лице, ею облеченное, по самому существу такой власти, ни отъ кого не зависитъ въ своихъ дѣйствіяхъ, не подлежитъ никакой отвѣтственности, не связывается никакими законами общественными и не можетъ быть лишено своей власти по произволу людей, изъ которыхъ составлено общество. Согласно съ самою цѣлію существованія гражданскаго общества, этому лицу принадлежатъ слѣдующія права: 1) право наказывать нарушителей внутренней безопасности; 2) право войны и мира съ внѣшними врагами; 3) право суда; 4) право издавать, пояснять, истолковывать и отмѣнять законы; 5) право учреждать власти подчиненныя; 6) право разсматривать, не противны ли извѣстныя мнѣнія и ученія общественному міру, и въ такомъ случаѣ запрещать ихъ распространеніе [423].

На основаніи сихъ правъ верховной власти опредѣляются у Гоббеза въ подробности всѣ предметы ея попеченія по управленію гражданскимъ обществомъ [424].

Верховной власти должно, по ученію Гоббеза, безусловно повиноваться во всемъ, что непротивно заповѣдямъ Божіимъ. Но и въ вещахъ, несогласныхъ съ заповѣдями Божіими, подданные не должны ей сопротивляться; они должны скорѣе подвергнуться всѣмъ мукамъ, чѣмъ возставать противъ власти гражданской [425].

§ 331.

Въ заключеніе своего ученія о гражданскомъ обществѣ Гоббезъ говоритъ о законахъ вообще и преступленіяхъ противъ нихъ.

Законъ, по словамъ Гоббеза, есть повелѣніе лица, котораго са-

[422] De cive cap. 7 et 10.
[423] De cive cap. 6.
[424] De cive cap. 13.
[425] De cive cap. 15, § 1, et cap. 18, § 13.

мое приказаніе содержитъ въ себѣ причину, почему должно повиноваться этому велѣнію. По различію его виновниковъ онъ вообще раздѣляется на *Божескій* и *человѣческій*. — *Божескій Законъ* въ слѣдствіе двоякаго способа, которымъ Богъ объявляетъ людямъ свою волю, есть двоякій: естественный (или нравственный) и положительный (или откровенный). Законъ естественный можетъ быть раздѣленъ на законъ естественный отдѣльныхъ лицъ, который въ обыкновенной рѣчи и называется исключительно закономъ естественнымъ, и законъ естественный государствъ, обыкновенно называемый правомъ народнымъ. Предписанія того и другаго одинаковы; но какъ гражданскимъ обществамъ, по учрежденіи ихъ, принадлежатъ тѣже самыя качества, какія отдѣльнымъ лицамъ, то законъ, который мы называемъ закономъ естественнымъ, говоря о должностяхъ отдѣльныхъ лицъ, бывъ приложенъ къ цѣлымъ государствамъ или народамъ, получаетъ названіе закона или права народовъ. — Всякой *законъ человѣческій* есть законъ гражданскій. Законы гражданскіе по различію предметовъ могутъ быть раздѣлены на церковные и свѣтскіе. Законъ гражданскій, въ слѣдствіе двоякой обязанности законодателя, имѣетъ двѣ части: распредѣлительную и охранительную. Въ первой части каждому человѣку назначается его право, т. е. по отношенію ко всѣмъ предметамъ установляются правила, показывающія, что принадлежитъ намъ и что другимъ, дабы другіе не препятствовали намъ пользоваться нашимъ, а мы не препятствовали имъ пользоваться своимъ, равно показывающія, что каждому позволяется дѣлать или не дѣлать, и что не позволяется. Въ части охранительной назначаются наказанія нарушителямъ закона. Наказаніе или назначается прямо и въ ясныхъ словахъ, или оно по крайней мѣрѣ подразумѣвается. Тотъ, кто возстаетъ противъ верховной власти и не хочетъ ей повиноваться, нарушаетъ самой договоръ, которымъ установлено гражданское общество и наказывается не какъ преступникъ гражданскихъ законовъ, но какъ врагъ общества [426].

§ 332.

β) О природномъ обществѣ.

Кромѣ общества гражданскаго, Гоббезъ разсматриваетъ еще *два общества*, которыя онъ называетъ *природными:* власть пріобрѣтается въ нихъ естественною силою; люди покоряются въ нихъ

[426] De cive cap. 14.

тому самому лицу, котораго они страшатся, а не другому, какъ это бываетъ въ гражданскихъ обществахъ. Первое изъ такихъ обществъ есть общество *господъ и рабовъ;* второе общество *родителей и дѣтей.*

Рабство, по ученію Гоббеза, возникаетъ, когда кто нибудь, будучи взятъ въ плѣнъ на войнѣ или побѣжденъ, или не надѣясь на свои силы, чтобъ избѣжать смерти, даетъ обѣщаніе своему побѣдителю или сильнѣйшему лицу быть его рабомъ, т. е. исполнять все, что онъ повелитъ. Не каждый взятый въ плѣнъ на войнѣ, которому сохранена жизнь, почитается вступившимъ въ договоръ съ господиномъ, но только тотъ, кто не содержится въ оковахъ или въ темницѣ. Господинъ имѣетъ право собственности на все, принадлежащее рабу. Господинъ не можетъ дѣлать никакихъ обидъ противъ своего раба. Господинъ можетъ продавать и отчуждать раба другимъ всѣми способами.

Власть надъ дѣтьми, по мнѣнію Гоббеза, принадлежитъ не отцу, котораго естественнымъ образомъ нельзя знать, но матери, которая имѣетъ дитя свое уже съ самымъ его рожденіемъ въ своей физической власти. Отъ матери эта власть можетъ перейти къ другимъ различнымъ образомъ, какъ и всякое другое право. Въ государствѣ, если между мужчиною и женщиною былъ заключенъ союзъ для взаимнаго сожитія, дѣти принадлежатъ отцу, потому что во всѣхъ государствахъ, учрежденныхъ мужчинами, власть домашняя принадлежитъ мужчинѣ. Такой союзъ, если будетъ совершенъ на основаніи законовъ государства, называется супружествомъ.

Власть господина надъ рабами и родителей надъ дѣтьми Гоббезъ не отличаетъ существенно отъ власти государя надъ подданными. Всю разность между обществомъ, составляющимся изъ господина и рабовъ или родителей и дѣтей, и между государствомъ онъ полагаетъ въ томъ, что послѣднее болѣе содержитъ въ себѣ людей, чѣмъ первые два вида общества [427].

§ 333.

Гоббезъ съ своимъ нравственнымъ началомъ и съ своимъ политическимъ ученіемъ нашелъ множество противниковъ. Въ противоположность его нравственному началу самолюбія было развито въ Англіи начало доброжелательства къ ближнимъ Противъ различныхъ частей его политическаго ученія, прямо или непрямо, были

[427] De cive cap. 8 et 9.

направлены сочиненія: съ одной стороны Темпля, Фильмера и Макензія, съ другой — Мильтона, Гаррингтона и Сиднея. Первые три писали въ духѣ умѣренномъ; послѣдніе три напротивъ отличаются особенно вольнымъ образомъ мыслей.

Вилліамъ Темпль [428], приписывая большое вліяніе климату на образованіе въ народахъ различныхъ обычаевъ, понятій и законовъ, говоритъ [429] о происхожденіи Правительствъ слѣдующимъ образомъ: всякая власть проистекаетъ изъ мнѣнія, какое имѣютъ люди о мудрости, добротѣ и мужествѣ лицъ; время и привычка укрѣпляютъ эту вѣру въ сильной степени. Еслибъ люди были подобны овцамъ или волкамъ, какъ утверждаютъ нѣкоторые писатели, то они или бы не имѣли нужды въ Правительствахъ, или бы не потерпѣли надъ собою никакой власти. Первое начало большей части государствъ покрыто глубокимъ мракомъ; однакоже скорѣе надобно допустить, что они возникаютъ изъ семейственныхъ отношеній и власти отцовской, т. е. изъ данной и естественной власти, чѣмъ производить ихъ изъ собственныхъ договоровъ. Если первоначальное, исполненное любви и естественное отношеніе измѣняется по винѣ той или другой стороны, то обыкновенно происходитъ тираннія; рѣже представляются намъ переходы къ аристократіи или демократіи; послѣдняя форма стоитъ ближе всѣхъ другихъ формъ къ анархіи. Республики первоначально были частію вольные города; устройство ихъ сложнѣе, чѣмъ устройство монархическихъ государствъ; по этому въ нихъ нужны различныя искуственныя мѣры для поддержанія власти правительства. Каждый образъ правленія имѣетъ свою добрую и свою невыгодную сторону; каждый можетъ улучшаться и портиться. Но для каждаго народа тотъ образъ правленія всегда будетъ самымъ лучшимъ, который укрѣпился въ немъ обычаемъ и всего болѣе соотвѣтствуетъ нравамъ и понятіямъ народа. То правительство самое крѣпкое, которое, какъ пирамида, стоитъ на самомъ широкомъ основаніи всеобщаго уваженія и удовольствія.

Фильмеръ [430] доказывалъ, что власть гражданская возникла изъ власти семейственной, что первые отцы семействъ были и первыми царями, и что одна только неограниченная монархія есть законный образъ правленія.

[428] **Род. въ 1628 г., ум. въ 1698.**

[429] **Въ соч. Essay upon the original and nature of government. Это сочиненіе писано въ 1672 г.**

[430] **Сочинилъ; Observationes de origine dominii contra Hobbium, Miltonum, Grotium, 1653; сверхъ того Patriarcha, 1680.**

Макензи [431] также защищалъ неограниченную монархію; но въ его защищеніи всѣ образы правленій представлялись безразличными и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ невыгодными.

Мильтонъ [432] принадлежитъ къ числу самыхъ необузданныхъ республиканцевъ. Всѣ политическія сочиненія его были неправлены къ тому, чтобъ развить и оправдать начала и произшествія Англійской революціи, которая низвела Карла I съ престола.

Джемсъ Гаррингтонъ [433] хотѣлъ въ своей *Океаніи* [434] начертать образецъ совершеннѣйшаго государства, имѣя въ виду особенно правленіе, бывшее въ Венеціи и въ древнихъ республикахъ.

Сидней [435], смѣшивая монархію съ тиранніею, искалъ и видѣлъ свободу только въ древнихъ республикахъ.

II. ЛОККЪ.

§ 334.

Начало самолюбія получаетъ у *Локка* [436] обширнѣйшее значеніе и является въ облагороженномъ видѣ. Изъ множества самолюбивыхъ стремленій, для Гоббеза имѣло особенную важность только одно, и притомъ самое нисшее: стремленіе къ самосохраненію; напротивъ Локкъ почитаетъ нравственнымъ началомъ человѣческой дѣятельности стремленіе къ счастію вообще. Въ естественномъ состояніи Гоббезъ давалъ чевовѣку власть дѣйствовать совершенно по своему произволу, въ состояніи же общественномъ напротивъ отнималъ у него всякую свободу; Локкъ въ обоихъ состояніяхъ усматриваетъ и свободу и ея ограниченіе посредствомъ закона.

§ 335.

Локкъ развилъ свои мысли о предметахъ, относящихся къ Фи-

[431] Соч. Jus regium, 1684.

[432] Род. въ 1608 г., ум. въ 1674.

[433] Гаррингтонъ род. въ 1611 г., ум. въ 1677.

[434] The Oceana. Lond., 1656. — Полное изданіе сочиненій Гаррингтона есть: The Oceana and other works of *James Harrington,* collected, methodiz'd and review'd, with an exact account of his life prefix'd by John Toland. To which is added an Appendix, containing all the political tracts wrote by this Author, omitted in Mr. *Toland's* edition. London, 1737. in-fol.

[435] Сидней род. 1651 г., ум. въ 1683. Онъ написалъ: Discourses concerning government, — сочиненіе, которое было издано уже послѣ его смерти. въ 1698 г.

[436] Локкъ род. въ 1632 г., ум. въ 1704.

лософіи Законодательства, въ сочиненіи: *О правительствѣ* [437]. Локкъ производитъ всѣ познанія человѣческія прямо или непрямо отъ чувствъ и по различію познаваемыхъ предметовъ принимаетъ три главныя науки: 1) Физику, гдѣ разсматривается природа существъ (тѣлесныхъ и безтѣлесныхъ), ихъ отношенія и дѣйствія; 2) Практика, которая опредѣляетъ, что долженъ дѣлать человѣкъ, какъ разумное, свободнодѣйствующее существо, для достиженія извѣстной цѣли и особенно счастія; 3) Семіотика или Логика, показывающая средства и способы пріобрѣтать и сообщать другимъ познаніе о предметахъ перваго и втораго рода [438]. Изслѣдованія о предметахъ законодательства относятся у Локка ко второй изъ наукъ, нами поименованныхъ.

§ 336.

За основаніе всѣхъ общественныхъ установленій Локкъ принимаетъ состояніе *естественной свободы* человѣка. Это, по описанію Локка, не есть состояніе совершенной необузданности. Конечно, по словамъ Локка, въ состояніи природы каждый человѣкъ свободно можетъ располагать своимъ лицемъ и имуществомъ; но никто не имѣетъ власти разрушать себя самого, или какое нибудь другое твореніе въ своихъ владѣніяхъ, какъ скоро возможно благороднѣйшее употребленіе, которое требуетъ его сохраненія. И въ состояніи природы существуетъ законъ природы, которому всякой повиненъ. Этотъ законъ есть разумъ, который всякаго, кто хочетъ слушать его, научаетъ, что именно по причинѣ единства природы у всѣхъ людей и независимости ихъ другъ отъ друга никто не можетъ причинять вреда другому, касаясь его жизни, его здоровья, его свободы, его имущества. Всѣ люди суть созданія Всемогущаго и Безконечно — мудраго Творца, всѣ — рабы Господа, посланные по его велѣнію въ міръ, чтобъ достигать своего назначенія. Всѣ они снабжены равными способностями и имѣютъ равную часть въ дарахъ природы, такъ что, по словамъ Локка, рѣшительно нельзя допустить такого подчиненія людей другъ другу, которое бы высшимъ изъ нихъ давало право угнѣтать, мучить, убивать низшихъ, такъ какъ бы сіи послѣдніе имѣли другую природу, чѣмъ первые. Какъ всякой человѣкъ обязанъ сохранять себя самого и не оставлять произвольно

[437] Two treatises of government. London, 1690.

[438] An essay concerning human understanding, in four Books. London, 1690. B. IV, Ch. 21

мѣста, ему указаннаго, такъ онъ долженъ и содѣйствовать по возможности къ сохраненію другихъ, если это не противорѣчитъ его собственному сохраненію; тѣмъ менѣе онъ долженъ нарушать ихъ личность, ихъ свободу.

Для сохраненія закона природы и обезпеченія его въ исполненіи, каждый въ естественномъ состояніи, по ученію Локка, имѣетъ власть наказывать преступника закона, сколько это нужно, чтобъ сохранить силу закона. Каждый слѣдовательно имѣетъ также надъ другими первоначальную власть, но которая ни въ какомъ случаѣ не можетъ дѣйствовать совершенно по произволу, съ жаромъ страсти и съ неограниченною любомстительностію, а должна служить только къ тому, чтобъ согласно съ правиломъ разума воздать преступнику то, что онъ сдѣлалъ несправедливаго, и принудить его къ вознагражденію вреда.

Локкъ представляетъ намъ разные случаи, когда человѣкъ находится въ состояніи природы. Не только дикарь Гренландіи или Южнаго Океана находится непрерывно въ этомъ состояніи, но и членъ гражданскаго общества часто бываетъ въ немъ. Такъ путешественникъ, на котораго нападаетъ въ лѣсу убійца, находится по отношенію къ этому злодѣю въ состояніи природы; не имѣя возможности прибѣгнуть въ такомъ настоятельномъ случаѣ къ власти гражданской, онъ долженъ самъ защищать свои естественныя права. Равнымъ образомъ въ состояніи природы по отношенію другъ къ другу находятся независимыя государства и ихъ подданные.

Но Локкъ дѣйствительно допускаетъ также въ жизни рода человѣческаго такое состояніе, когда люди управлялись одними естественными законами исполняя ихъ во всей точности. Это время онъ называетъ золотымъ вѣкомъ міра.

§ 337.

На основаніи закона естественнаго Локкъ приписываетъ человѣку прежде всего право сохранять себя. Это право, онъ говоритъ, необходимо требуетъ права владѣть по крайней мѣрѣ вещами, нужными для пропитанія человѣка. Земля дана была для пользованія всѣмъ вообще людямъ. Почему если бы она производила все и сама собою въ достаточномъ количествѣ, какъ многія острова Южнаго Океана и другія счастливыя страны, то не было бы никакой нужды въ собственности. Но какъ для воздѣлыванія земли необходимъ былъ трудъ, то отсюда необходимо должна была образоваться собствен-

ность. Земля, на которую человѣкъ употребилъ свое время, свои заботы, свои попеченія, чтобъ извлечь изъ нее для себя пропитаніе, есть добро, которое принадлежитъ ему; никто, кромѣ его, не можетъ имѣть на это добро законнаго права. Желуди, которые человѣкъ собираетъ подъ дубомъ, вода, которую онъ черпаетъ въ источникѣ, дичь, которую онъ убиваетъ въ лѣсу, рыба, которую онъ ловитъ въ рѣкѣ, все это есть его собственность; трудомъ своимъ онъ отдѣлилъ эти вещи отъ прочихъ, извлекъ ихъ изъ состоянія природы, вложилъ въ нихъ нѣчто отъ себя самого. По этому онѣ должны принадлежать ему одному. Здѣсь Локкъ съ жаромъ возстаетъ противъ различныхъ злоупотребленій, существующихъ въ гражданскихъ обществахъ относительно распредѣленія имуществъ между людьми, а особенно противъ скопленія въ однѣхъ рукахъ большаго богатства. Основаніемъ и мѣрою стяжаній человѣка, по мнѣнію Локка, должны быть трудъ его и потребности.

§ 338.

Локкъ находитъ троякое общество въ состояніи природы: первое здѣсь общество было составлено изъ мущины и женщины; второе необходимо слѣдовало за этимъ — общество родителей и дѣтей; со временемъ образовалось третье — общество господъ и слугъ.

Чувствительность сердца и потребность, свойственная человѣку, — воспроизводить себя, были, по словамъ Локка, первыми причинами супружескаго союза: окруженный несчастіями и заботами всякаго рода, человѣкъ искалъ существа, которое бы могло ихъ раздѣлить съ нимъ; онъ нашелъ въ своей подругѣ всѣ утѣшенія, какихъ онъ желалъ, — подруга его помогала ему переносить всю тяжесть жизни. Но Локкъ усматриваетъ также и причины, дающія прочность и продолжительность союзу супружескому. У животныхъ, говоритъ онъ, общество между полами продолжается только до тѣхъ поръ, пока дѣти не придутъ въ состояніе сами находить для себя пропитаніе. У людей это общество имѣетъ цѣль обширнѣйшую и потому бытіе продолжительнѣйшее. Слабость дитяти, трудность его воспитанія, необходимость дать ему средства существованія, еще болѣе необходимость образовать его разумъ, сдѣлать его добродѣтельнымъ, побуждаютъ мущину оставаться съ своею женою. Нѣтъ ничего вреднѣе для дѣтей и вообще для нравственности, какъ безпорядочное соединеніе и легкомысленное разрушеніе союза супружескаго. — Власть въ союзѣ супружескомъ Локкъ приписываетъ

мужу, какъ сильнѣйшему нравственно и физически, какъ способнѣйшему побѣждать большія препятствія и обнимать своимъ умомъ великія отношенія. Но эта власть мужа, по ученію Локка, не есть власть неограниченная и не исключаетъ правъ жены, данныхъ ей природою. Жена заботится о всѣхъ меньшихъ выгодахъ союза супружескаго, которыя могутъ распространить пріятность на жизнь ея дѣтей и ея супруга, тогда какъ мужъ печется о большихъ выгодахъ семейства, касающихся собственности, ея поддержанія и сохраненія. — Общество супружеское, по словамъ Локка, существуетъ дотолѣ, доколѣ существуетъ нравственное согласіе между супругами; съ прекращеніемъ его прекращается и союзъ супружескій.

Власть родительскую Локкъ выводитъ изъ того, что дѣти въ младенческомъ возрастѣ по своей слабости, по своему невѣжеству, по своимъ потребностямъ, не могутъ пользоваться природною свободою, такъ какъ она предполагаетъ познаніе законовъ того состоянія, въ которомъ человѣкъ находится. Власть материнскую Локкъ ставитъ несравненно выше отцовской. Власть, которую природа даетъ отцу, имѣетъ своимъ основаніемъ одно только рожденіе; власть матери, кромѣ этого, основывается еще на безпрерывныхъ заботахъ, на безчисленныхъ трудахъ, на тысячѣ непріятностей, за которыя дитя можетъ вознаградить ее только въ послѣдствіи времени. По этому, говоритъ Локкъ, дитя привязывается прежде всего съ величайшею нѣжностію къ матери. Но со временемъ начинаетъ дитя также чувствовать, сколь много значитъ для него отецъ, и двѣ соединенныя власти отца и матери образуютъ эту священную власть, которая управляетъ семействами и служитъ главною опорою человѣческаго рода. Первый человѣкъ былъ созданъ совершеннымъ человѣкомъ; въ одинъ день онъ узналъ употребленіе и свойства всѣхъ вещей. Намъ нужно множество годовъ, чтобъ пріобрѣсть немного опытности. Чтобъ люди могли пріобрѣсть такую опытность, природа установила власть родительскую [439]. Когда сынъ, находясь подъ управленіемъ власти отеческой, узнаетъ существо законовъ общественныхъ и пространство обязанностей, которыхъ они требуютъ отъ гражданина, тогда онъ освобождается изъ подъ власти и дѣлается свободнымъ, какъ его отецъ; между ними нѣтъ другой зависимости, кромѣ зависимости нѣжности и добродѣтели, нѣтъ другаго

[439] Мысли свои о воспитаніи дѣтей Локкъ подробнѣе раскрылъ въ особенномъ сочиненіи, подъ заглавіемъ: Some thoughts concerning education. London, 1690.

подчиненія, кромѣ подчиненія признательности и дѣтской любви. До учрежденія гражданскихъ обществъ отецъ былъ даже, по словамъ Локка, верховнымъ главою въ своемъ семействѣ, и власть его непрекращалась и тогда, когда дѣти достигали зрѣлаго возраста. Какъ могли бы они жить вмѣстѣ безъ нѣкотораго рода правительства, безъ главы? Но эта верховная власть отца, по мнѣнію Локка, не была основана на правѣ власти отеческой; согласіе дѣтей составляло всю ея силу. Корыстолюбіе и честолюбіе не раздѣляли еще людей между собою; первыя чувствованія природы не были еще испорчены; отецъ исполнялъ со всѣмъ усердіемъ свои обязанности, дѣти имѣли къ нему столько же почтенія, сколько и любви, и представляли ему на рѣшеніе всѣ свои распри, какъ судьѣ самому справедливѣйшему.

Локкъ отвергаетъ во всѣхъ случаяхъ законность рабства, кромѣ того, когда кто нибудь побѣдитъ въ законной войнѣ непріятеля, незаконно противъ него возставшаго, котораго по этому онъ могъ бы умертвить, но которому онъ сохраняетъ жизнь. Рабство въ такомъ случаѣ, говоритъ Локкъ, безъ всякаго сомнѣнія, не хуже смерти, потому что рабъ всегда властенъ навлечь на себя смертную казнь непослушаніемъ или преступленіями.

§ 339.

Но въ состояніи природы Локку представляется то важное неудобство, что права здѣсь не обезпечены надлежащимъ образомъ. Посему, говоритъ Локкъ, люди соединились въ общества, чтобъ въ мирѣ наслаждаться своею собственностію и быть въ безопасности отъ нападенія людей, которые бы захотѣли повредить имъ. Они совокупили свои силы и составили изъ нихъ одну общую силу, которая бы могла защитить ихъ противъ честолюбцевъ и злодѣевъ. Семейства, которыя сначала были повсюду разсѣяны и жили въ удаленіи другъ отъ друга, соединились между собою, избравши для себя одного главу изъ умнѣйшихъ между ними людей. Въ первомъ, золотомъ возрастѣ міра, по словамъ Локка, наши пороки были неизвѣстны. Почему люди, полные еще невинности, совершенно довѣрились своимъ начальникамъ, которые были также добры и просты и не искали распространять своей власти для ихъ угнѣтенія, имѣя у себя на сердцѣ только благо общественное. Но когда люди предались безпорядочнымъ страстямъ, когда началъ владычествовать между

ними произволъ; тогда, говоритъ Локкъ, и порядокъ управленія былъ опредѣленъ точнѣе.

Локкъ принимаетъ три главные образа правленія: монархію, олигархію и демократію. Первая есть правленіе одного; вторая — правленіе небольшаго числа людей избранныхъ, отъ которыхъ власть переходитъ къ ихъ наслѣдникамъ; третья — правленіе большаго числа людей. Въ монархіи Локкъ различаетъ два вида: монархію наслѣдственную и монархію избирательную. По словамъ Локка, общество вольно принять для себя тотъ или другой изъ образовъ правленія или составить изъ нихъ новый; общество можетъ также во всякое время измѣнить свое правленіе, какъ скоро находитъ это нужнымъ.

Въ государствѣ благоустроенномъ, по ученію Локка, должна существовать троякая власть: законодательная, исполнительная и союзная; подъ именемъ послѣдней разумѣется власть, имѣющая своимъ предметомъ управленіе отношеніями гражданскаго общества къ другимъ гражданскимъ обществамъ.

Власть исполнительная и союзная, по мнѣнію Локка, не должны быть отдѣляемы одна отъ другой. Власть законодательную напротивъ онъ находитъ возможнымъ и нужнымъ отдѣлить отъ обѣихъ предыдущихъ, потому что эта власть должна дѣйствовать только по временамъ и не оставаться всегда въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ, между тѣмъ какъ власть исполнительная должна быть въ непрерывной дѣятельности; нѣтъ необходимости непрерывно составлять законы, между тѣмъ какъ потребность исполнять ихъ существуетъ непрерывно. При хорошемъ устройствѣ управленія, по словамъ Локка, всѣ власти подчинены одной, именно власти законодательной. Когда власть законодательная и власть исполнительная находятся въ различныхъ рукахъ, какъ это бываетъ въ умѣренныхъ монархіяхъ, гдѣ монархъ, обладая всею властію исполнительною, имѣетъ только часть власти законодательной, которой другая и самая большая часть принадлежитъ извѣстному народному собранію, то благо общественное, по ученію Локка, требуетъ, чтобъ монарху предоставлено было для блага общественнаго дѣйствовать по своему усмотрѣнію въ тѣхъ случаяхъ, когда или законы ничего не опредѣляютъ относительно извѣстнаго предмета, или когда, слѣдуя имъ въ точности, мы явно удалились бы отъ первоначальной цѣли общества.

Едва ли нужно замѣчать, что мысли Локка о наилучшемъ устройствѣ управленія суть только выраженія его патріотическихъ чув-

ствованій къ законамъ своего отечества. То, что онъ видѣлъ существующимъ въ Англіи и полезнымъ для ней, онъ почиталъ безусловно лучшимъ и самымъ совершеннымъ.

§ 340.

Локкъ былъ также ревностнымъ защитникомъ вѣротерпимости, которая въ его время такъ мало была извѣстна въ Англіи. Въ письмахъ объ этомъ предметѣ [440] онъ требовалъ совершенной свободы вѣрованія. Ограничивая цѣль гражданскаго общества внѣшними благами жизни, онъ не приписывалъ государству никакой власти въ дѣлахъ вѣры. Каждая церковь, по его ученію, имѣетъ равное право быть терпимою въ государствѣ; каждый въ государствѣ, слѣдуя внутреннему своему убѣжденію, можетъ принадлежать къ той или другой церкви; различіе вѣры не должно производить никакого различія въ правахъ между гражданами. Но правительство, и по ученію Локка, не обязано терпѣть: 1) мнѣній, несовмѣстныхъ съ существомъ человѣческаго общества вообще и съ существомъ гражданскаго общества въ частности; 2) церкви, которая признаетъ надъ собою власть другаго государя; 3) людей, которые отвергаютъ бытіе Божіе.

Какъ обществу, каждой церкви Локкъ приписываетъ всѣ права обществъ: право внутренняго управленія своими дѣлами, право принимать новыхъ сочленовъ и извергать изъ нѣдръ своихъ тѣхъ, которые не повинуются уставамъ общественнымъ, наконецъ право опредѣлять образъ вѣрованія и Богослуженія.

§ 341.

Локкъ, бывъ только органомъ политическаго образа мыслей своего народа, сдѣлался самымъ любимымъ политическимъ писателемъ для большей части своихъ соотечественниковъ. Но начало самолюбія, имъ облагороженное, хотя и послѣ него являлось между Англичанами въ различныхъ видахъ, однако въ сравненіи съ другимъ противоположнымъ началомъ, т. е. началомъ доброжелательства, пользовалось самымъ незначительнымъ уваженіемъ.

[440] Letters concerning Toleration (четыре письма, изъ которыхъ впрочемъ послѣднее не кончено).

Б. СИСТЕМЫ ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬСТВА.

§ 342.

Система доброжелательства была развита въ Англіи въ самыхъ разнообразныхъ видахъ. Первый, выставившій ее въ противоположность системѣ Гоббезовой, былъ *Кумберландъ*. За нимъ слѣдовали: *Шефтесбури*, *Гутчесонъ*, *Юмъ*, *Адамъ Смитъ*, *Фергюзонъ*.

I. КУМБЕРЛАНДЪ.

§ 343.

Кумберландъ [441] непосредственно для опровержения Гоббеза писалъ сочиненіе: *О законахъ естественныхъ* [442].

Подъ именемъ *законовъ естественныхъ* Кумберландъ разумѣетъ неизмѣнныя истины, которыя должны управлять свободными дѣйствіями нашей души въ ея стремленіи къ добру и отвращеніи отъ зла, и которыя независимо отъ какого нибудь гражданскаго закона возлагаютъ на насъ обязанность располагать наши внѣшнія дѣянія извѣстнымъ образомъ. Истины этого рода, по словамъ Кумберланда, необходимо представляются нашему духу при разсматриваніи природы вещей вообще и природы человѣческой въ частности. Какъ творецъ природы есть Богъ, то онъ же справедливо можетъ быть названъ и виновникомъ законовъ естественныхъ.

Всѣ законы естественные, по мнѣнію Кумберланда, могутъ быть приведены къ одному самому общему, слѣдующему выраженію: *должно имѣть благорасположеніе ко всѣмъ разумнымъ существамъ*. Слово: *благорасположеніе* означаетъ здѣсь всѣ чувствованія, соединенныя съ твердою волею поступать согласно съ ними, — чувствованія, которыя влекутъ насъ, какъ скоро только можемъ и сколько можемъ, дѣлать все то добро, какого мы хотимъ отъ всего нашего сердца. Такое благорасположеніе обнимаетъ собою всѣ разумныя существа: прежде всего Верховнаго Главу ихъ — Бога; затѣмъ всѣ другія существа, хотя ограниченныя, но одаренныя разу-

[441] Кумберландъ род. въ 1632 г., ум. въ 1719.

[442] *Richard Cumberland*, de legibus naturæ disquisitio philosophica, in qua etc., elementa philosophiæ Hobbesianæ cum moralis, tum civilis, considerantur et refutantur. Lond, 1672. in-к. Франц. переводъ этого сочиненія сдѣланъ Барбейракомъ и изданъ въ Amsterd., 1744. in-4.

момъ. Впрочемъ, какъ думаетъ Кумберландъ, не всѣ дѣянія человѣка опредѣлены съ совершенною точностію закономъ естественнымъ: иногда одни дѣйствія, способствующія ко всеобщему благу, могутъ быть замѣнены другими, которыя въ равной степени могутъ служить для этой цѣли. Законъ естественный въ такомъ случаѣ не опредѣляетъ, должно ли совершать тѣ или другія изъ сихъ дѣйствій, а предоставляя выборъ между ними самому человѣку, довольствуется только тѣмъ, что люди однимъ или другимъ способомъ содѣйствуютъ общему благу.

Обязательную силу законовъ естественныхъ Кумберландъ основываетъ на томъ, что исполненіе ихъ, по связи всѣхъ вещей между собою и по Божественному устроенію, сопровождается всякимъ добромъ для человѣка, неисполненіе же ихъ — всякимъ зломъ. Всеобщее блаженство есть необходимое послѣдствіе живаго, дѣятельнаго благорасположенія разумныхъ существъ другъ къ другу. Чѣмъ менѣе напротивъ въ нихъ этого благорасположенія, тѣмъ болѣе они удалены отъ счастія. Если, по мнѣнію Гоббеза, никто не обязанъ исполнять законовъ естественныхъ прежде, чѣмъ онъ будетъ обезпеченъ въ томъ, что и другіе станутъ ихъ исполнять; то Кумберландъ напротивъ утверждаетъ, что мы должны исполнять законы естественные, хотя бы другіе люди по безпорядочному движенію своихъ страстей не исполняли ихъ. По словамъ его, мы не можемъ ничѣмъ лучше пріобрѣсть благорасположеніе людей и заставить ихъ исполнять по отношенію къ намъ законы естественные, какъ постоянно дѣлая имъ добро. Это побудитъ ихъ — сначала вступить въ нѣкоторую дружбу съ нами, потомъ составить и одно съ нами гражданское общество. Послѣ сего, сохраняя къ нимъ прежнее благорасположеніе, мы постараемся удержать ихъ въ сообществѣ съ нами.

§ 344.

Всеобщее благо заключаетъ въ себѣ благо всѣхъ частей рода человѣческаго, большихъ и малыхъ Почему изъ кореннаго естественнаго закона, по которому мы должны искать блага всѣхъ разумныхъ существъ, вытекаютъ, по ученію Кумберланда, законы, касающіеся блага: 1) различныхъ народовъ, находящихся въ какихъ нибудь связяхъ между собою; 2) каждаго гражданскаго общества въ частности и всѣхъ малыхъ обществъ, въ немъ заключающихся; 3) каждаго человѣка въ частности. Но благо меньшей части рода

человѣческаго, говоритъ Кумберландъ, всегда ограничивается благомъ большей. По этому одно гражданское общество не можетъ въ свою пользу постановить что нибудь, противное общему благу народовъ; равнымъ образомъ выгоды одного какого нибудь семейства, а тѣмъ болѣе частныя выгоды одного человѣка никогда не даютъ права нарушать законы, отъ которыхъ зависитъ сохраненіе цѣлаго государства.

§ 345.

Изъ кореннаго естественнаго закона Кумберландъ выводитъ всѣ особенныя обязанности человѣка. Законъ естественный, требующій отъ насъ, чтобъ мы всѣми нашими силами содѣйствовали общему благу, по словамъ Кумберланда, предписываетъ намъ:

1. Дѣлать угодное Богу — Виновнику всякаго блага и воздавать Ему подобающую честь.

2. Имѣть попеченіе о своей душѣ и тѣлѣ. Что касается души, мы должны раскрывать всѣ естественныя силы нашего разума, пріобрѣтая познаніе о всѣхъ вещахъ и всѣхъ лицахъ, какія мы какимъ нибудь образомъ можемъ направлять къ добру, чтобъ такимъ образомъ снискать навыкъ, который называется благоразуміемъ и который имѣетъ свое основаніе въ истинномъ познаніи всей природы, а особенно природы существъ разумныхъ; равнымъ образомъ мы должны раскрывать для добра всѣ силы нашей воли, желая всѣмъ всякаго добра, употребляя съ своей стороны всѣ усилія для споспѣшествованія всеобщему благу, и такимъ образомъ снискивая навыкъ, который называется благожелательствомъ. По отношенію къ тѣлу мы должны заботиться о томъ, чтобы сдѣлать его годнымъ орудіемъ для совершенія всѣхъ добрыхъ дѣяній.

3. Начало всеобщаго благорасположенія повелѣваетъ намъ всѣми силами споспѣшествовать душевнымъ и тѣлеснымъ совершенствамъ другихъ людей.

4. Разумъ убѣждаетъ насъ, что для споспѣшествованія по возможности всеобщему благу каждый долженъ имѣть въ своей власти различныя дѣянія человѣческія и различныя вещи, которыя въ одно и тоже время могутъ служить только одному лицу. Посему люди должны, по взаимному согласію между собою, предоставить другъ другу, сколько это необходимо для того, чтобы каждый могъ содѣйствовать общему благу, исключительное употребленіе извѣстныхъ вещей и право располагать извѣстными дѣяніями лицъ, такъ, чтобъ

нельзя было отнять у него такихъ вещей, или отказать ему въ такихъ дѣяніяхъ, доколѣ продолжается изложенная необходимость; такимъ образомъ каждый, по крайней мѣрѣ на то время, доколѣ существуетъ необходимость, дѣлается властелиномъ извѣстныхъ вещей и дѣяній. Но необходимость имѣть въ своей власти извѣстныя вещи и дѣянія людей, существуетъ непрерывно. Посему каждый долженъ имѣть постоянное право на извѣстныя вещи и человѣческія дѣянія, въ которыхъ онъ нуждается въ продолженіи всей своей жизни.

Такимъ образомъ, говоритъ Кумберландъ, дѣйствительно мало по малу установились извѣстныя права въ пользу каждаго человѣка, каждаго семейства, каждаго селенія, каждаго народа, и притомъ не только на вещи, но и на дѣянія лицъ. Разумъ, который, для споспѣшествованія всеобщему благу, повелѣваетъ установить отдѣльныя права на вещи и на лица, предписываетъ еще яснѣе соблюдать ненарушимо эти права, когда они уже установлены и когда опытъ показалъ пользу ихъ установленія. Этого порядка вещей, установленнаго нашими предками и всѣми признаннаго, достаточно было для того, чтобъ могли родиться и существовать всѣ люди, живущіе нынѣ, и чтобъ родъ человѣческій наслаждался всѣмъ тѣмъ счастіемъ, которымъ онъ нынѣ наслаждается; въ слѣдствіе этого порядка люди имѣютъ случай и возможность помогать другъ другу и могутъ общими силами достигать до высшей степени счастія. Никто не въ состояніи будетъ доставить людямъ подобныхъ выгодъ, нарушая и низпровергая установленныя права и стараясь ввести новой раздѣлъ всѣхъ вещей, который бы показался ему, сообразно его особеннымъ страстямъ и понятіямъ, болѣе справедливымъ. Такое низпроверженіе установленнаго порядка и введеніе новаго было бы только источникомъ войнъ и несчастій. И такъ, заключаетъ Кумберландъ, каждый долженъ поддерживать существующій порядокъ общества.

§ 346.

Твердую рѣшимость воли — всегда воздавать каждому принадлежащее ему по праву, Кумберландъ называетъ *правдою*. Какъ права установлены для споспѣшествованія всеобщему благу, преспѣянію котораго каждый долженъ содѣйствовать, сколько отъ него зависитъ; то правда, по ученію Кумберланда, возлагаетъ на насъ двоякую обязанность: во первыхъ мы должны дѣлиться съ другими тѣмъ, что имѣемъ, но такъ, чтобы часть, которую мы удѣляемъ имъ, не

поглощала совершенно той, которая намъ самимъ необходима для споспѣшествованія общему благу; во вторыхъ пользуясь тѣмъ, что намъ принадлежитъ, мы должны такъ этимъ пользоваться, чтобъ отсюда проистекало въ тоже время, сколько возможно, болѣе пользы для другихъ, или, по крайней мѣрѣ, не проистекало вреда для нихъ.

§ 347.

Къ числу важнѣйшихъ человѣческихъ обществъ Кумберландъ относитъ общества гражданскія, въ которыхъ право повелѣвать соединено съ властію принудительною. Такія общества онъ почитаетъ совершенно необходимыми для того, чтобъ законы естественные были лучше исполняемы во славу Божію и къ счастію рода человѣческаго, а особенно самихъ членовъ этихъ обществъ. Первый примѣръ подчиненія онъ находитъ въ обществѣ, составленномъ изъ мужа и жены, гдѣ мужъ, естественно, имѣетъ преимущество надъ женою, такъ какъ онъ обыкновенно бываетъ одаренъ большею силою духа и тѣла и слѣдовательно въ большей мѣрѣ можетъ содѣйствовать къ достиженію цѣли этого общества, т. е. общаго блага обоихъ лицъ. Власть отеческая, принадлежащая мущинѣ надъ дѣтьми, которые раждаются отъ перваго союза, даетъ Кумберланду понятіе о подчиненіи, еще болѣе замѣчательномъ: изъ этой-то власти, онъ говоритъ, надобно выводить начало власти какъ гражданской, такъ и церковной; такъ какъ отцу, по необходимости, должна была принадлежать первоначально та и другая власть для достиженія цѣли самаго общества. Такимъ образомъ первое семейство было вмѣстѣ и первымъ благоустроеннымъ обществомъ, т. е. первымъ государствомъ и первою церковію. По мѣрѣ того, какъ семейства умножались, число государствъ и церквей также увеличивалось. Цѣль, для которой установлена власть гражданская, опредѣляетъ и ея границы: по этому никакое правительство не имѣетъ права повелѣвать что нибудь противное благу общественному. Какъ учрежденіе и сохраненіе правительства гражданскаго предписывается закономъ естественнымъ, а виновникъ этого закона есть Богъ, то власть гражданская, заключаетъ Кумберландъ, проистекаетъ отъ Бога.

§ 348.

Нравственное начало Кумберландово, какъ ни представляется возвышеннымъ по своему выраженію, не можетъ быть названо нравственно чистымъ. Обязательная сила его выводится изъ тѣхъ

счастливыхъ или несчастныхъ, пріятныхъ или непріятныхъ послѣдствій, которыми должно сопровождаться для людей соблюденіе его или несоблюденіе. Слѣдовательно основнымъ побужденіемъ для нравственной дѣятельности человѣка ставится здѣсь самолюбіе. Надлежало совершенно очистить нравственное начало отъ всякой посторонней примѣси и положить рѣзкую черту разграниченія между самолюбіемъ и совершенно безкорыстнымъ желаніемъ добра ближнимъ. Это покушались сдѣлать послѣдователи Кумберланда.

II. ШЕФТЕСБУРИ.

§ 349.

Люди, по мнѣнію Шефтесбури [443], управляются въ своихъ дѣйствіяхъ различными сердечными наклонностями. Сюда относятся: наклонности, направленныя къ общему благу, наклонности самолюбивыя, направленныя къ частному благу того самаго лица, въ которомъ онѣ находятся, наконецъ наклонности противоположныя обоимъ предыдущимъ родамъ. Если человѣкомъ управляютъ наклонности перваго и втораго рода, и притомъ такъ, что наклонности самолюбивыя подчинены наклонностямъ общительнымъ, то человѣкъ, по мнѣнію Шефтесбури, долженъ быть названъ тогда добродѣтельнымъ, въ противномъ случаѣ порочнымъ.

Впрочемъ Шефтесбури не раскрылъ своихъ мыслей въ ихъ особенномъ приложеніи къ законодательству.

III. ГУТЧЕСОНЪ.

§ 350

Гутчесонъ [444], основатель Шотландской нравственной философіи, провелъ еще болѣе рѣзкую черту между самолюбіемъ и нравственностію, приписывая нравственное достоинство только доброжелательнымъ наклонностямъ и принимая особенное нравственное чувство, которое служитъ человѣку для различенія добра отъ зла.

Мысли Гутчесона о предметахъ нравственности и политики представляются вполнѣ развитыми въ его *Системѣ нравственной Философіи* [445].

[443] Шефтесбури род. въ 1671 г., ум. въ 1713.
[444] Гутчесонъ род. въ 1694 г., ум. въ 1747.
[445] System of moral philosophy in three books, etc., to which is prefixed

§ 351.

Началомъ нравственности и всѣхъ добродѣтельныхъ поступковъ Гутчесонъ поставляетъ правило: споспѣшествовать всѣми силами всякому благу рода человѣческаго. Это правило ни мало не исключаетъ попеченія о себѣ самомъ, а напротивъ его предполагаетъ, такъ какъ иначе человѣкъ не можетъ сдѣлаться годнымъ орудіемъ счастія своихъ ближнихъ. Но попеченіе о себѣ самомъ дѣлается добродѣтелью только тогда, когда послѣднею цѣлію его поставляется благо другихъ. Небреженіе о себѣ становится порокомъ, когда страдаетъ отъ того благо другихъ. Человѣкъ съ нездоровымъ тѣломъ, съ необразованнымъ умомъ и сердцемъ, безъ даровъ счастія, или очень мало можетъ сдѣлать, или ничего не въ состояніи сдѣлать для блага общества, среди коего онъ живетъ; слѣдовательно онъ обязанъ печься о своемъ здоровьѣ, объ усовершенствованіи своего ума и сердца, о снисканіи даровъ счастія, только не для удовлетворенія самолюбивыхъ наклонностей. Что человѣкъ долженъ заботиться не о себѣ одномъ, но и о другихъ, и что собственно только послѣднее можетъ быть названо добродѣтелью, Гутчесонъ выводитъ это не только изъ прирожденнаго человѣку доброжелательства другимъ, но и изъ того, что самъ по себѣ ни одинъ человѣкъ не есть самостоятельное цѣлое, а только часть большаго цѣлаго, т. е. общества въ различныхъ его видахъ.

Органомъ для различенія добра отъ зла, добродѣтели отъ порока Гутчесонъ постановляетъ особое нравственное чувство, прирожденное душѣ человѣка [446].

some account of the life, writings and character of the Author. London, 1755. II voll. in-4. Это сочиненіе издано уже послѣ смерти автора. См. также *Francis Hutcheson,* Enquiry into the original of our ideas of beaty and virtue. Lond., 1720. in-8. и Essay on the nature and quiding of passions and affections with illustrations on the moral sense. London, 1728; IV edit. 1756. in-8.

[446] Первые начатки ученія о нравственномъ чувствѣ представляются въ сочиненіи Роберта Шаррока, писанномъ противъ Гоббеза: De officiis secundum jus naturale. Oxon., 1600. in-8. Верховнымъ благомъ человѣка Шаррокъ почитаетъ вмѣстѣ съ Епикуромъ душевное удовольствіе. Грѣховъ, по его мнѣнію, потому должно избѣгать, что они несогласны съ душевнымъ удовольствіемъ, что они составляютъ какъ бы невещественный бичь для человѣка. По чему признакъ несправедливости есть, когда что нибудь дѣлается съ какимъ-то душевнымъ отвращеніемъ. Богъ такъ сотворилъ нашу душу, что между ею и грѣхами существуетъ естественная нѣкоторая антипатія.

§ 352.

Изъ начала доброжелательства и нравственнаго чувства Гутчесонъ выводитъ всѣ права человѣческія. Право, по его мнѣнію, бываетъ больше или меньше, смотря по тому, болѣе или менѣе оно нужно и важно для общества. Есть права, въ такой степени необходимыя для блага общественнаго, что жизнь сдѣлалась бы для насъ несносною, если бы всякой сталъ нарушать ихъ; права этого рода называются совершенными и могутъ быть защищаемы силою. Употребляя силу для ихъ охраненія, мы не столько причинимъ зла, сколько бы произошло его, когда бы каждому позволено было нарушать ихъ ненаказанно. Другія права напротивъ таковы, что хотя бы всѣ стали нарушать ихъ, люди не сдѣлались бы отъ того непремѣнно несчастными. Права сіи называются несовершенными и не могутъ быть защищаемы силою. Когда они у кого нибудь нарушаются, то человѣкъ не получаетъ только добра, котораго онъ ожидалъ отъ человѣколюбія или признательности своихъ ближнихъ, но онъ не теряетъ того, что онъ уже имѣлъ. Осуществленіе правъ этого рода посредствомъ силы произвело бы вообще болѣе зла, чѣмъ сколько зла производитъ ихъ нарушеніе. При томъ же допуская силу для охраненія такихъ правъ, мы лишили бы добродѣтель всей ея прелести и достоинства. Наконецъ бываютъ права, въ слѣдствіе коихъ человѣкъ можетъ въ извѣстныхъ случаяхъ что либо дѣлать и получать или требовать себѣ какой либо вещи, хотя бы это было вредно обществу и противно несовершенному праву другаго; потому что не позволяя людямъ этого вообще, мы произвели бы гораздо больше зла, чѣмъ какого можнѡ опасаться въ противномъ случаѣ. Для осуществленія правъ этого рода можетъ быть также употребляема сила. Такъ богачь корыстолюбивый имѣетъ правѡ требовать во всякое время уплаты себѣ денегъ, которыми онъ ссудилъ бѣднаго, но трудолюбиваго купца; такъ мы имѣемъ всегда право требовать исполненія договора, хотя бы исполненіе его для противной стороны было отяготительно.

§ 353.

Подробныя изслѣдованія о правахъ, Гутчесонъ начинаетъ съ разсмотрѣнія естественнаго состоянія человѣка. Взглядъ Гутчесона на естественное состояніе совершенно противоположенъ взгляду Гоббеза и согласенъ со взглядомъ Локка. Это состояніе, по мнѣнію

Гутчесона, не есть состоянiе всеобщей войны. Здѣсь существуютъ для человѣка различныя права и обязанности и для приведенiя ихъ въ дѣйствiе можетъ быть употребляема сила. Иногда они нарушаются. Но ихъ нарушенiе не составляетъ общаго правила, а есть только исключенiе.

§ 354.

Всѣ права человѣка Гутчесонъ дѣлитъ на частныя и общественныя.

Права частныя Гутчесонъ дѣлитъ на прирожденныя и прiобрѣтенныя. — Права прирожденныя у Гутчесона составляются изъ правъ какъ совершенныхъ, такъ и несовершенныхъ. Къ совершеннымъ естественнымъ правамъ относятся: право на жизнь и личную безопасность, — право дѣйствовать, какъ требуетъ собственное наше счастiе и счастiе нашихъ ближнихъ, — право судить по собственному усмотрѣнiю о предметахъ теоретическихъ и практическихъ, право на употребленiе вещей, всѣмъ общихъ, — право соединяться въ общества, — право на доброе имя и честь, право вступать въ бракъ. Сiи естественныя права принадлежатъ, по словамъ Гутчесона, всѣмъ людямъ въ равной мѣрѣ. Почему никто не можетъ быть почтенъ рабомъ другаго отъ природы, хотя бы одинъ изъ людей чрезвычайно возвышался надъ другими своею мудростiю, добродѣтелью, красотою, крѣпостью. Къ числу несовершенныхъ естественныхъ правъ Гутчесонъ относитъ: право получать отъ нашихъ ближнихъ разныя услуги, которыя имъ не стоятъ труда и издержекъ, или которыя могутъ освободить насъ изъ нужды несравненно большей, чѣмъ сколько онѣ требуютъ труда и издержекъ со стороны нашихъ ближнихъ; право на общее богослуженiе, на сострадательность, на благодарность. — Прiобрѣтенныя права Гутчесонъ раздѣляетъ на вещественныя и личныя. Основанiе права на вещи, по мнѣнiю Гутчесона, заключается съ одной стороны въ томъ, что по внушенiю естественнаго чувства человѣкъ имѣетъ право исключительно владѣть и пользоваться добромъ, которое онъ прiобрѣлъ своими трудами, — съ другой стороны въ томъ, что общество и промышленность совсѣмъ не могутъ существовать, если право частной собственности не будетъ признано и освящено обществомъ. Подъ именемъ правъ личныхъ Гутчесонъ разумѣетъ права, проистекающiя изъ договоровъ. Договоры, по ученiю его, совершенно необходимы въ обществѣ. Обязанность исполнять ихъ основывается

на обязанности человѣка говорить правду и нарушеніе ихъ составляетъ несравненно большее преступленіе, чѣмъ отказъ въ услугѣ человѣколюбія, которой мы не обѣщали. Послѣднее показываетъ только, что мы не имѣемъ въ надлежащей степени благорасположенія къ другимъ, и не влечетъ за собою никакихъ дальнѣйшихъ худыхъ послѣдствій; первое напротивъ оскорляетъ въ самой сильной степени нравственное чувство и разстроиваетъ всѣ предположенія другихъ. Ученіе о договорахъ изложено Гутчесономъ съ большою подробностію.

Общественныя права, по словамъ Гутчесона, могутъ принадлежать людямъ или внутри семейства, т. е. въ союзѣ супружескомъ, въ союзѣ родителей и дѣтей и въ союзѣ господъ и слугъ, или въ государствѣ. Существованіе государства и власти государственной Гутчесонъ выводитъ изъ договора. Но онъ самъ же такъ ограничиваетъ это ученіе, что оно теряетъ совершенно свою всеобщность. Хотя, говоритъ онъ, по отношенію ко многимъ частямъ государственнаго устройства, нынѣ существующимъ, народъ никогда не заключалъ никакихъ договоровъ, однакоже отсюда не слѣдуетъ, чтобы существующія установленія были незаконны и чтобы народъ имѣлъ право ихъ низпровергнуть; если правительство при извѣстныхъ учрежденіяхъ дѣйствуетъ согласно съ справедливостію, то это вознаграждаетъ всѣ договоры между имъ и подданными. Подданные обязаны ему повиноваться, не смотря на то, что не вступали ни въ какія съ нимъ договоры. Равнымъ образомъ когда мудрый и вмѣстѣ могущественный законодатель хочетъ дать народу благодѣтельные законы, а между тѣмъ народъ грубый и ослѣпленный предразсудками неохотно принимаетъ вводимыя установленія, то въ случаѣ нужды законодатель можетъ ввести ихъ даже силою, если только онъ можетъ предположить, что народъ охотно согласится на нихъ, когда они останутся въ силѣ только короткое время и окажутся годными по опыту. Законодатель дѣйствуетъ тогда совершенно согласно съ справедливостію, хотя онъ дѣйствуетъ чрезвычайнымъ образомъ; потому что онъ достигаетъ такимъ образомъ въ цѣломъ большаго блага, чѣмъ какого онъ могъ бы достигнуть, оставляя народъ на жертву грубости и пагубнымъ предразсудкамъ.

IV. ЮМЪ

§ 355.

Болѣе опредѣленный видъ получаетъ нравственное чувство у *Юма* [447]. Сверхъ того, какъ Философія Юма вообще есть скептическая, то и въ его ученіи о предметахъ нравственности и законодательства выражается сомнѣніе противъ нѣкоторыхъ положеній, которыя до него были признаваемы за несомнѣнныя истины.

Изслѣдованія Юма о предметахъ, относящихся къ Философіи Законодательства, находятся: 1) въ его *Разсужденіи о человѣческой природѣ* [448]; 2) въ его *Опытахъ и разсужденіяхъ о различныхъ предметахъ* [449].

§ 356.

Юмъ, принимая вмѣстѣ съ Гутчесономъ за начало нравственныхъ понятій и сужденій особенное нравственное чувство, ставилъ это чувство наравнѣ со вкусомъ — чувствомъ изящнаго. Извѣстное дѣяніе, по его мнѣнію, относится къ числу добрыхъ или порочныхъ, смотря по тому, производитъ ли оно въ насъ удовольствіе или неудовольствіе особеннаго рода.

Но послѣ сего раждается сильнѣйшій вопросъ: почему одно дѣяніе производитъ въ насъ удовольствіе, другое напротивъ неудовольствіе? Отвѣчая на сей вопросъ, Юмъ говоритъ: когда мы хвалимъ какія нибудь дѣянія, то мы смотримъ при томъ на побужденія, которыя производятъ ихъ, дѣянія же служатъ для насъ только знаками извѣстныхъ началъ, существующихъ въ умѣ и сердцѣ. Внѣшняя сторона дѣянія сама по себѣ не имѣетъ достоинства. Чтобъ опредѣлить нравственную цѣну дѣянія, мы должны заглянуть во внутренность души человѣка. Но этого мы не можемъ сдѣлать

[447] Юмъ род. въ 1711 г., ум. въ 1776.

[448] *Dav. Hume's* treatise of human nature. London., 1738. III voll. in-8. 1739. III voll. in-4. — Въ передѣланномъ видѣ первую часть этого сочиненія представляетъ Enquiry concerning human undestanding. Edinb , 1748. in-8. составившее потомъ 3-ю часть Юмовыхъ Essays and treatises on several subjects in IV voll. Lond., 1770, 1784. in-8.

[449] Essays moral, political and literary. Edinb., 1742. I vol in-8. — Political discourses. London, 1749; Edinb., 1752 (составили 2-ой томъ Юмовыхъ Essays). - Enquiry concerning the principles of moral. Edinb , 1751. in-8 и the natural history of religion. London, 1755. in-8. (оба сочиненія помѣщены и въ 4-ой части Essays).

непосредственно; почему обращаемъ наше вниманіе на дѣянія, какъ на внѣшніе знаки. Но дѣянія въ этомъ случаѣ разсматриваются только какъ знаки внутренняго чувствованія и предметъ нашей похвалы и одобренія есть въ послѣдней степени побужденіе, ихъ произведшее.

Какія же побужденія возбуждаютъ въ насъ чувство нравственнаго удовольствія и заслуживаютъ нашу хвалу и одобреніе? Таковы, по словамъ Юма, единственно побужденія доброжелательныя. Дѣянія, которыя предпринимаются изъ желанія добра людямъ и доставляютъ имъ добро, — качества человѣка, которыя могутъ служить къ этой цѣли, возбуждаютъ въ насъ чувство нравственнаго удовольствія и нами одобряются; противныя тому дѣянія и качества возбуждаютъ въ насъ нравственное неудовольствіе и нами порицаются. Но откуда происходитъ самое удовольствіе, чувствуемое нами при видѣ дѣяній или совершенствъ, клонящихся ко благу рода человѣческаго? Оно, по мнѣнію Юма, основывается на чувствѣ симпатіи: мы симпатизируемъ съ счастіемъ другихъ людей, безъ всякаго отношенія къ себѣ самимъ, находимъ удовольствіе во всемъ, что дѣлаетъ ихъ счастливыми, и чувствуемъ неудовольствіе отъ того, что дѣлаетъ ихъ несчастными.

§ 357.

Отъ всѣхъ другихъ добродѣтелей Юмъ отличаетъ особенно правду, преимущественно по отношенію къ строгости ея требованій. Понятіе правды и различныя составныя части ея развиваются у Юма самымъ непринужденнымъ образомъ.

§ 358.

Изъ всѣхъ животныхъ, замѣчаетъ Юмъ, нѣтъ ни одного, съ которымъ бы, по видимому, природа поступила такъ жестоко, какъ съ человѣкомъ. Она дала ему безчисленное множество потребностей, и между тѣмъ снабдила его только скудными способами къ ихъ удовлетворенію. Посредствомъ общества съ другими, человѣкъ, конечно, можетъ пополнить то, чего ему недостаетъ, сравниться съ прочими тварями и даже превзойти ихъ. Но для происхожденія самаго общества требуется не только то, чтобъ оно было полезно, но также и то, чтобъ люди почувствовали его пользу. Въ состояніи дикости, необразованности, людямъ нельзя достигнуть до такого познанія посредствомъ одного размышленія. Къ счастію, говоритъ

Юмъ, природа вложила въ человѣка одну сильнѣйшую потребность, которая, имѣя близкое и явное средство къ своему удовлетворенію, по справедливости можетъ быть разсматриваема какъ первая причина образованія человѣческаго общества. Эта потребность есть естественное стремленіе половъ другъ къ другу, — стремленіе, которымъ соединяются два лица въ одинъ союзъ, доколѣ забота ихъ о своихъ общихъ дѣтяхъ не породитъ новой связи между ними. Сія забота дѣлается также началомъ соединенія между родителями и дѣтьми и служитъ основаніемъ болѣе многочисленнаго общества подъ властію родителей. Привычка въ короткое время научаетъ людей вполнѣ чувствовать выгоды жизни общественной и постепенно образуетъ ихъ для общества, истребляя въ нихъ грубыя, самолюбивыя наклонности, препятствующія соединенію ихъ другъ съ другомъ [450].

§ 359.

Какъ постепенно ограничиваются самолюбивыя наклонности человѣка и установляются начала правды въ обществѣ, Юмъ показываетъ это, различая три рода человѣческихъ благъ: внутреннія блага души, блага тѣлесныя и блага внѣшнія, состоящія въ обладаніи различными внѣшними предметами. По самому существу вещи совершенно обезпечены въ обладаніи первымъ родомъ благъ. Блага втораго рода могутъ быть отняты у насъ, но они безполезны для того, кто ихъ отнимаетъ у насъ. Только блага третьяго рода подвергаются нападеніямъ со стороны людей и могутъ переходить отъ одного лица къ другому безъ всякого поврежденія или измѣненія, между тѣмъ какъ въ тоже время они существуютъ въ количествѣ недостаточномъ для удовлетворенія потребностей каждаго. Посему если умноженіе и улучшеніе благъ этого рода составляетъ главную выгоду общества, то нетвердость ихъ владѣнія и скудость ихъ служитъ главнымъ препятствіемъ общежитію, такъ какъ по ихъ нетвердости они всегда могутъ перемѣнить своего владѣльца, скудость же ихъ побуждаетъ людей отнимать ихъ другъ у друга. Средство противъ своекорыстія человѣческаго въ этомъ случаѣ дается, по словамъ Юма, не природою, но искуствомъ. Когда люди, будучи съ раннихъ лѣтъ воспитываемы въ обществѣ, поняли всѣ безчисленныя его выгоды и пріобрѣли новую привязанность къ сообществу,

[450] Treatise of human nature. Book III, part 2. (of Justice and Injustice), Section II.

— когда они замѣтили, что спокойствіе общества главнымъ образомъ нарушается изъ-за внѣшнихъ благъ, по причинѣ легкости перехода благъ этого рода отъ одного лица къ другому; тогда они должны были поискать средствъ противъ такого неудобства, чтобъ поставить эти блага, сколько возможно, на одномъ основаніи съ твердыми и постоянными благами души и тѣла. Этого можно было достигнуть не иначе, какъ посредствомъ общаго согласія всѣхъ членовъ общества — признавать владѣніе внѣшними благами твердымъ и ненарушимымъ и каждому давать пользоваться въ мірѣ тѣмъ, что онъ могъ пріобрѣсть своимъ трудомъ и счастіемъ. При такомъ установленіи каждый знаетъ, чѣмъ онъ можетъ владѣть съ безопасностію. Безпорядочныя и насильственныя движенія страстей теперь обузданы. Но это обузданіе страстей не противорѣчитъ самымъ страстямъ, а противорѣчитъ только ихъ безпорядочному и насильственному движенію. Когда мы воздерживаемся отъ всякого прикосновенія къ имуществу другихъ, то не только не отказываемся отъ нашей собственной выгоды или отъ выгоды нашихъ друзей, но еще содѣйствуемъ черезъ это самымъ лучшимъ образомъ своимъ выгодамъ, сохраняя общество, которое такъ необходимо для нашего счастія и для самого нашего существованія. Впрочемъ общаго согласія людей относительно ненарушимости владѣній каждаго Юмъ не представляетъ себѣ въ видѣ какого нибудь обѣщанія. Это есть только общее чувство общей выгоды, проистекающей отъ такого поведенія, — чувство, которое, будучи выражено всѣми членами общества другъ передъ другомъ, побуждаетъ ихъ вести себя извѣстнымъ образомъ по отношенію другъ къ другу, такъ какъ каждый изъ нихъ предполагаетъ о всѣхъ другихъ, что они такимъ же образомъ будутъ вести себя по отношенію къ нему, какъ онъ будетъ вести себя по отношенію къ нимъ. Ничего не можетъ быть, по мнѣнію Юма, проще и очевиднѣе правила, установляющаго неприкосновенность имуществъ. Каждый отецъ семейства принимаетъ и поддерживаетъ его, чтобы водворить миръ между своими дѣтьми. Неоднократный опытъ убѣждаетъ людей, какъ невыгодно нарушать это правило; опытъ также удостовѣряетъ ихъ, что всѣ стали чувствовать выгоду, проистекающую отъ исполненія правила, и на будущее время даетъ вполнѣ надѣяться, что всѣ станутъ вести себя какъ должно; въ этомъ ожиданіи каждый и самъ воздерживается отъ вещей, другимъ принадлежащихъ. Такимъ образомъ по мѣрѣ того, какъ расширяется общество, установленное правило утверждается

все болѣе и болѣе. По этому, говоритъ Юмъ, людямъ совершенно невозможно оставаться долгое время въ состояніи дикости; самымъ первымъ ихъ состояніемъ по справедливости можетъ быть названо состояніе общественное. По этому, заключаетъ Юмъ, состояніе природы, принимаемое нѣкоторыми философами, должно признать за чистый вымыслъ, подобный вымыслу поэтовъ о золотомъ вѣкѣ, съ тѣмъ только различіемъ, что первое описывается исполненнымъ насилія и неправды, между тѣмъ какъ послѣдній изображается самымъ мирнымъ [451].

§ 360.

Такимъ образомъ, по ученію Юма, начала правды установляются одною выгодою. Но связь ихъ съ выгодою Юмъ находитъ совершенно различною отъ той, какую можно замѣтить при другихъ случаяхъ. Одно какое нибудь дѣйствіе правды, взятое отдѣльно отъ другихъ, бываетъ часто противно общественной пользѣ, и если бы оно оставалось однимъ, оно могло бы быть очень вредно обществу. Такимъ же образомъ одно какое нибудь дѣйствіе правды, разсматриваемое отдѣльно отъ прочихъ, можетъ быть несовмѣстно съ частною выгодою. Но сколько бы взятыя порознь дѣйствія правды ни были противны выгодѣ общественной или частной, цѣлая система ихъ, говоритъ Юмъ, въ высшей степени благодѣтельна или даже совершенно необходима для сохраненія общества и для благосостоянія каждаго человѣка порознь. Невозможно отдѣлить добра отъ зла. Собственность должна быть ненарушима и основываться на общихъ правилахъ: этотъ законъ необходимъ. Слѣдуя ему, конечно въ нѣкоторыхъ случаяхъ общество будетъ страдать; но сіе минутное зло совершенно вознаграждается тѣмъ миромъ и порядкомъ, который утверждается въ обществѣ, когда всѣ постоянно соблюдаютъ изложенное правило [452].

§ 361.

Но общее начало ненарушимости владѣній, по замѣчанію Юма, ни къ чему не послужитъ, если оно будетъ оставлено при такихъ общихъ выраженіяхъ. Чтобъ оно принесло ожидаемую отъ него пользу, долженъ быть указанъ способъ, какъ можетъ образоваться частная собственность и какъ можно сдѣлаться исключительнымъ

[451] Тамъ же.
[452] Тамъ же.

владѣльцемъ извѣстной вещи. Для предупрежденія всѣхъ поводовъ къ раздору и несогласію, общее начало должно быть прилагаемо къ частнымъ случаямъ не по частному мнѣнію того или другаго лица, но по другимъ общимъ правиламъ, которыя въ своемъ дѣйствіи простираются на все общество и остаются непреклонными для пріязни и ненависти. Послѣ того, какъ люди согласились образовать изъ себя общество и признали начало ненарушимости владѣнія, первое затрудненіе для нихъ состоитъ въ томъ, какъ опредѣлить особенный участокъ каждаго, которымъ бы онъ на будущее время могъ владѣть и пользоваться ненарушимо. Самымъ естественнымъ средствомъ для рѣшенія сей трудности было, по мнѣнію Юма, позволить каждому продолжать пользоваться тѣмъ, чѣмъ онъ уже владѣетъ. Но польза сего правила, по которому каждая вещь, при первоначальномъ введеніи собственности, оставляется настоящему ея владѣльцу, не простирается далѣе первоначальнаго образованія общества. И такъ надобно было поискать еще другихъ способовъ, которые бы могли дать бытіе собственности, послѣ того, какъ уже образовалось общество. Замѣчательнѣйшими изъ найденныхъ такимъ образомъ способовъ Юмъ почитаетъ овладѣніе вещію, никому непринадлежащею, давность владѣнія, приращеніе и наслѣдство [453].

§ 362.

Какъ изложенные способы происхожденія собственности зависятъ очень много отъ случая, то часто, говоритъ Юмъ, вещь будетъ принадлежать тому, кто не нуждается въ ней, тогда какъ онъ не имѣетъ вещей, въ которыхъ нуждается. Противъ этого неудобства нужно особенное средство. Позволять каждому прямо и даже насильно брать то, что онъ почитаетъ для себя нужнымъ, значило бы разрушить общество. И такъ самымъ лучшимъ средствомъ противъ означеннаго неудобства есть, по мнѣнію Юма, принять за правило, что каждый владѣетъ своею вещію ненарушимо, развѣ самъ онъ согласится уступить ее другому. Люди дѣйствительно и принимаютъ это правило [454].

§ 363.

Но изложенныя правила Юмъ признаетъ еще недостаточными для того, чтобъ люди могли получить отъ взаимныхъ связей всю

[453] Тамъ же Section III.
[454] Тамъ же Section IV.

нужную пользу. Хотя люди могутъ дѣлать чрезвычайно много полезнаго другъ для друга; однакоже не легко предпринимаютъ они какія нибудь дѣйствія для пользы другихъ, если не надѣются получить за это какой нибудь для себя выгоды. Но часто бываетъ невозможно обоимъ лицамъ окончить свои дѣйствія, взаимно другъ для друга предпринятыя, въ тоже самое мгновеніе; почему необходимо одна сторона, оканчивая свое дѣйствіе прежде другой, должна оставаться въ неизвѣстности относительно исполненія этою стороною своихъ обязанностей и зависѣть отъ доброй ея воли. Но это есть худое обезпеченіе. Посему сначала люди имѣютъ недовѣріе другъ къ другу. Но вскорѣ, по словамъ Юма, они замѣчаютъ, какъ вредно для нихъ взаимное недовѣріе. Почему мало по малу между ними укрѣпляется довѣріе другъ къ другу, и наконецъ образуется правило, въ силу котораго каждый долженъ исполнять принятыя имъ на себя обязательства. Люди легко усматриваютъ пользу установленія и исполненія договоровъ. Самый кратковременный опытъ убѣждаетъ ихъ въ этомъ. Когда по сему каждый изъ нихъ замѣтитъ тоже чувство выгоды во всѣхъ другихъ, онъ безъ всякаго затрудненія исполняетъ договоръ съ своей стороны, будучи увѣренъ, что другіе также выполнятъ то, что до нихъ касается [455].

§ 364.

Такимъ образомъ Юмъ находитъ три основные закона природы: ненарушимость собственности, переходъ ея посредствомъ передачи отъ одного лица къ другому, святость договоровъ.

Но люди легко нарушаютъ законы естественные; находясь подъ управленіемъ воображенія, они сильнѣе поражаются ближайшими выгодами, проистекающими отъ нарушенія законовъ естественныхъ, чѣмъ выгодами отдаленными, проистекающими отъ постояннаго соблюденія сихъ законовъ. Эта слабость человѣческой природы, по словамъ Юма, уничтожаетъ сама себя: именно потому, что мы во время самаго дѣйствованія не радимъ объ отдаленныхъ нашихъ выгодахъ, гоняясь только за настоящими и близкими, именно по этому мы стараемся заблаговременно обезпечить себя противъ такого нерадѣнія относительно отдаленныхъ предметовъ. Когда мы разсматриваемъ отдаленные предметы, то мелочныя ихъ достоинства для насъ изчезаютъ, и мы всегда отдаемъ преимущество тому, что само въ себѣ заслуживаетъ предпочтеніе. Посему въ настоящемъ случаѣ,-

[455] Тамъ же Section VI.

думаетъ Юмъ, вся важность состоитъ въ томъ, чтобъ найти такое средство, которое бы изцѣлило людей отъ естественной ихъ слабости и заставило ихъ наблюдать законъ естественный, не смотря на сильную ихъ наклонность предпочитать близкое отдаленному. Явно, что для сего надлежало бы исправить въ нихъ самую эту наклонность. Но какъ мы не можемъ ничего перемѣнить или исправить въ нашей природѣ, то намъ, по мнѣнію Юма, ничего не остается дѣлать, какъ только измѣнить свое положеніе и такъ расположить свои отношенія, чтобы выгода отъ соблюденія законовъ стала нашею ближайшею выгодою, выгода же отъ нарушенія ихъ отдаленною. Но такое измѣненіе не можетъ быть произведено въ положеніи всего рода человѣческаго, а только въ положеніи немногихъ людей, которые такимъ образомъ будутъ находить непосредственную свою выгоду въ исполненіи законовъ справедливости. Таково, по словамъ Юма, положеніе лицъ правительствующихъ. Не имѣя никакой выгоды, или имѣя только отдаленную выгоду отъ дѣйствій неправедныхъ и сознавая все превосходство своего настоящаго положенія въ обществѣ, они находятъ непосредственно свою выгоду въ томъ, чтобъ были соблюдаемы законы, столь необходимые для существованія общества [456].

Но наблюденіе за исполненіемъ законовъ справедливости Юмъ признаетъ не единственнымъ благомъ, которое доставляется правительствомъ. Какъ сильныя страсти препятствуютъ людямъ ясно видѣть ту выгоду, какая проистекаетъ отъ соблюденія законовъ справедливости, такъ страсти препятствуютъ имъ видѣть и самую справедливость и дѣлаютъ ихъ явно пристрастными къ себѣ самимъ. По сему лица, наблюдающія за исполненіемъ законовъ справедливости, рѣшаютъ и всѣ распри относительно исполненія ихъ, и притомъ не будучи привязаны никакими узами къ большему числу членовъ общества, рѣшаютъ съ большею справедливостію, чѣмъ сталъ бы каждый рѣшать ихъ въ своемъ собственномъ дѣлѣ. Правительство простираетъ свое благодѣтельное вліяніе еще далѣе. Оно помогаетъ и содѣйствуетъ учрежденію различныхъ общественныхъ заведеній, которыхъ одни частныя лица не могли бы учредить съ такимъ успѣхомъ. Оно находитъ свою непосредственную выгоду въ выгодѣ каждой значительной части своихъ подданныхъ. Такимъ образомъ отъ правительства или при его содѣйствіи строятся мосты, открываются

[456] Тамъ же Section VII.

гавани, воздвигаются укрѣпленія, выкопываются каналы, вооружаются флоты, устрояются арміи [457].

Дѣйствительное происхожденіе гражданскаго правительства Юмъ представляетъ послѣдствіемъ распрей между людьми различнаго племени. Доколѣ, по словамъ Юма, имѣнія остаются не велики и не большой цѣны, какъ это всегда бываетъ въ младенческомъ состояніи общежитія; дотолѣ корыстолюбіе дѣйствуетъ въ людяхъ слабо и они могутъ обходиться безъ правительства. Можно даже, говоритъ Юмъ, рѣшительно сказать, что первыхъ начатковъ правительства надобно искать не въ распряхъ между людьми одного и того же общества, но въ распряхъ между людьми различныхъ обществъ. Въ доказательство этого Юмъ приводитъ Американскихъ дикарей. У нихъ безъ всякаго правительства люди живутъ въ согласіи и мирѣ между собою, и никогда не подчиняются своимъ товарищамъ, развѣ въ случаѣ войны, въ продолженіе коей избранный обществомъ начальникъ пользуется нѣкоторою тѣнью власти, которую онъ тотчасъ теряетъ, какъ скоро ополченіе возвратится изъ похода и миръ съ сосѣдственными племенами будетъ возстановленъ. Впрочемъ власть военная, по мнѣнію Юма, даетъ дикарямъ случай узнать пользу правительства и научаетъ ихъ прибѣгать къ помощи власти, когда посредствомъ военной добычи, торговли и какихъ нибудь случайныхъ открытій, богатства ихъ и стяжанія сдѣлаются такъ значительными, что породятъ въ нихъ духъ корыстолюбія. Здѣсь видитъ Юмъ и вѣроятнѣйшую причину того, почему всѣ правительства въ началѣ бываютъ монархіи безъ всякой примѣси какого нибудь другаго правленія и почему республики возникаютъ только въ слѣдствіе злоупотребленія монархіи и деспотизма [458].

На основаніи изложенныхъ началъ Юмъ опровергаетъ обыкновенное, въ его время господствовавшее, ученіе, по которому обязанность повиноваться правительству была выводима изъ обѣщанія, даннаго будто бы людьми поставленнымъ отъ нихъ надъ собою властителямъ. Обязанность повиноваться правительству, говоритъ Юмъ, вытекаетъ съ такою же необходимостію изъ того, что сказано о необходимости исполненія законовъ справедливости, какъ обязанность соблюдать договоры, не нарушать чужой собственности, вытекаетъ необходимо изъ основаній, для нее указанныхъ. Въ опроверженіе ложнаго ученія Юмъ ссылается на общій смыслъ людей и

[457] Тамъ же.
[458] Тамъ же Section VIII (Ср. Essay of the origin of Government).

исторію. Ни правительства, ни подданные, по словамъ Юма, никогда не думали, чтобы ихъ взаимныя отношенія основывались на договорѣ [459].

Равнымъ образомъ Юмъ возстаетъ противъ господствовавшаго въ его время ученія, которымъ позволялось сопротивленіе власти гражданской. Въ обыкновенномъ порядкѣ вещей, по мнѣнію Юма, ничто не можетъ быть пагубнѣе и преступнѣе сопротивленія верховной власти; позволить сопротивляться правительству въ какихъ нибудь случаяхъ, значило бы открыть путь къ сильнѣйшимъ потрясеніямъ гражданскаго общества и ко всеобщей анархіи. Какъ многолюдныя и образованныя общества не могутъ существовать безъ правительства; такъ правительство, говоритъ Юмъ, совершенно безполезно безъ строгаго ему повиновенія [460].

§ 365.

Наконецъ Юмъ разсматриваетъ отношенія между народами. Когда образовались различныя гражданскія общества съ ихъ правительствами, то между сосѣдственными государствами возникъ новый родъ обязанностей сообразно существу связей ихъ между собою. Противъ тѣхъ, которые утверждаютъ, что гражданскія общества во всѣхъ между собою сношеніяхъ должны быть разсматриваемы какъ лица, Юмъ замѣчаетъ, что хотя по своимъ потребностямъ и страстямъ народы могутъ быть сравниваемы съ отдѣльными лицами, но какъ въ другихъ отношеніяхъ между одними и другими представляется большое различіе, то не удивительно, что народы въ своихъ сношеніяхъ руководствуются правилами отличными отъ тѣхъ, по которымъ поступаютъ между собою частные люди. Такимъ образомъ, по ученію Юма, возникаетъ новый родъ началъ, которыя называются закономъ народовъ. Сюда относятся правила касательно лица пословъ, объявленія войны, неупотребленія оружія, отравленнаго ядомъ, и другія тому под. Хотя, говоритъ Юмъ, сіи правила не уничтожаютъ совершенно законовъ природы; напротивъ можно несомнительно утверждать, что три основные закона справедливости обязываютъ какъ государей, такъ и подданныхъ: однакоже въ практикѣ у всѣхъ народовъ было принимаемо начало, что правительства безъ нарушенія справедливости могутъ дѣйствовать гораздо свободнѣе, чѣмъ лица частныя, и позволять себѣ иногда то,

[459] Тамъ же (Ср. Essay of the original Contract).
[460] Тамъ же Section IX (Ср. Essay of passive obedience).

что никогда не можетъ быть позволено послѣднимъ. Это начало Юмъ оправдываетъ тѣмъ, что хотя общеніе между разными государствами полезно и даже въ извѣстныхъ случаяхъ необходимо, однако же оно не такъ необходимо и не такъ полезно, какъ общеніе между частными лицами; безъ послѣдняго человѣческой природѣ совершенно невозможно существовать, тогда какъ безъ перваго еще можно обойтись [461].

§ 366.

Итакъ выгода служитъ, по мнѣнію Юма, первымъ основаніемъ всѣхъ началъ справедливости и въ ней скрывается причина ихъ происхожденія. Различныя установленія общественныя Юму представляются человѣческимъ изобрѣтеніемъ, хотя совершенно необходимымъ. Но тѣмъ не менѣе Юмъ находитъ и сторону чисто нравственную въ сихъ установленіяхъ. Мы замѣтили уже, что по мнѣнію Юма нравственное одобреніе съ нашей стороны извѣстныхъ дѣяній основывается окончательнымъ образомъ на сочувствіи нашемъ съ счастіемъ и несчастіемъ другихъ людей. Начала справедливости имѣютъ своимъ назначеніемъ служить ко благу людей. Несправедливость разрушаетъ порядокъ общественный, а съ тѣмъ вмѣстѣ и самое счастіе людей. Почему, говоритъ Юмъ, хотя бы она была такъ далека отъ насъ, что никакимъ образомъ не нарушала бы нашихъ выгодъ, она все намъ не нравится. Мы представляемъ себѣ вредъ отъ нее для человѣческаго общества, представляемъ, какъ она пагубна для каждаго, кого она постигнетъ, — и чувствуемъ къ ней отвращеніе. Это чувство непріятности возбуждается въ насъ въ слѣдствіе симпатіи; и какъ все то въ человѣческихъ дѣйствіяхъ, что производитъ въ насъ непріятное чувство, называется порокомъ, а противное тому добродѣтелью, то по сей причинѣ справедливость относится нами къ числу добродѣтелей, а несправедливость къ числу пороковъ. Что не нравится намъ въ другихъ, то не нравится намъ и въ насъ самихъ, потому что это не нравится другимъ. Мы сочувствуемъ съ другими по отношенію къ себѣ въ тѣхъ чувствованіяхъ, которыя они имѣютъ по отношенію къ намъ [462].

[461] Тамъ же Section XI.
[462] Тамъ же Section II.

V. АДАМЪ СМИТЪ.

§ 367.

Чувство симпатіи, которымъ у Юма замѣняется неопредѣленное нравственное чувство Гутчесоново, является у *Адама Смита*[463] въ видѣ чувства разумнаго.

Какъ бы, по ученію Смита, самолюбивъ человѣкъ ни былъ, въ его природѣ есть что-то такое, что заставляетъ его принимать участіе въ благосостояніи другихъ и дѣлаетъ ихъ счастіе необходимымъ для него, хотя бы онъ не получалъ оттуда никакой пользы, кромѣ удовольствія видѣть это счастіе. Мы отъ самой природы имѣемъ чувство симпатіи къ другимъ: видя или даже представляя себѣ хорошее или худое ихъ положеніе, мысленно переносимся въ него, смотримъ, что мы сами почувствовали бы, если бы находились въ немъ, и были притомъ способны разсуждать, — наконецъ начинаемъ болѣе или менѣе сами тоже чувствовать, что чувствуетъ дѣйствительно находящійся въ извѣстномъ положеніи[464].

Но само собою разумѣется, говоритъ Смитъ, что посторонній зритель никогда не можетъ чувствовать съ такою силою непріятности извѣстнаго положенія, съ какою самъ страдалецъ чувствуетъ свое положеніе. Мысль, что намъ самимъ хорошо, что не мы дѣйствительно страдаемъ, непрерывно возвращается въ насъ, когда мы смотримъ на страданія другихъ. Между тѣмъ человѣкъ, дѣйствительно страдающій, раздражается этимъ и желаетъ болѣе полной симпатіи. Достигнуть сего онъ можетъ не иначе, какъ понизивъ свое болѣзненное чувство до такой степени, на которую бы зрители могли за нимъ слѣдовать; онъ долженъ спустить свой тонъ, чтобы привесть его въ гармонію съ сердечными движеніями людей окружающихъ. Чувствованія двухъ лицъ послѣ сего получаютъ такую между собою соотвѣтственность, какая только нужна для гармоніи общества. Хотя сіи чувствованія никогда не сдѣлаются однозвучными, однакожъ они могутъ быть въ согласіи, а это только и требуется. Чтобъ произвесть такое согласіе, природа научаетъ зрителей входить въ положеніе страдальца, — а страдальца въ положеніе зрителей при настоящемъ случаѣ[465].

[463] Адамъ Смитъ род. въ 1723 г., ум. въ 1790. Важнѣйшее его сочиненіе нравственнаго содержанія есть Theory of moral sentiments ed. I. 1759.

[464] Theory of moral sentiments. Part I, Sect. I, ch. 1.

[465] Тамъ же Part I, Sect. I, ch. 4

Когда чувствованія страдальца находятся въ совершенномъ согласіи съ симпатическимъ движеніемъ зрителя, они представляются сему послѣднему необходимо справедливыми и приличными предметамъ или причинамъ, ихъ возбуждающимъ; въ противномъ случаѣ бываетъ противное [466].

Такимъ образомъ, по мнѣнію Адама Смита, наблюдая въ себѣ самихъ и въ другихъ людяхъ, какія движенія сердца, какіе поступки возбуждаютъ въ насъ и въ другихъ людяхъ симпатію, или отвращеніе, одобряются нами и другими или не одобряются, мы составляемъ правила для нравственной дѣятельности. Всѣ свойства, чувствованія, дѣянія человѣка, которыя возбуждаютъ симпатію въ безпристрастномъ зрителѣ, должны быть названы нравственно-добрыми, противныя имъ — порочными [467].

На основаніи своего нравственнаго начала Адамъ Смитъ опредѣляетъ разныя добродѣтели и между ними въ особенности правду. Онъ противополагаетъ ее благотворительности. Правда, по его ученію, обнимаетъ собою такія обязанности, исполненія которыхъ отъ лица обязаннаго тотъ, въ чью пользу они установлены, можетъ требовать силою; предметъ обязанностей этого рода есть сохраненіе существующихъ уже отношеній. Напротивъ благотворительность даетъ другому то, чего онъ еще не имѣлъ, но такъ, что человѣка, обязаннаго къ такимъ дѣйствіямъ, нельзя принудить силою [468].

Смитъ почитаетъ правду важнѣйшею добродѣтелью. По его словамъ, безъ благотворительности и соединенныхъ съ нею добродѣтелей: дружбы, любви, уваженія и пр. общество все еще можетъ существовать; но гдѣ нѣтъ правды, тамъ оно совершенно невозможно. Потому, говоритъ Смитъ, природа и позволяетъ человѣку исполненіе обязанностей правды охранять силою, угрозами казней и дѣйствительными наказаніями [469].

Изъ всего множества предметовъ, входящихъ въ кругъ законодательства, Адамъ Смитъ обратилъ свое вниманіе особенно на одинъ — народное богатство. Своимъ сочиненіемъ объ этомъ предметѣ [470] онъ положилъ прочное основаніе наукѣ Политической Экономіи.

[466] Тамъ же ch. 3.
[467] Тамъ же Part III, ch. 3.
[468] Тамъ же Part III, Sect. II, ch. 1.
[469] Тамъ же Part II, Sect. II, ch. 3.
[470] Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations. London, 1776.

VI. ФЕРГЮЗОНЪ.

§ 368.

Начало доброжелательства у *Фергюзона* [471] очищается совершенно отъ чувственной примѣси, съ какою оно являлось у предшествовавшихъ нравоучителей и получаетъ характеръ начала разумнаго.

Изъ сочиненій Фергюзона важны для насъ; 1) *Опытъ исторіи гражданскаго общества* [472], 2) *Краткое изложеніе нравственной Философіи* [473], и 3) *Пространное изложеніе началъ нравственности и политики* [474]. Въ обоихъ послѣднихъ сочиненіяхъ Фергюзонъ начинаетъ свои изысканія съ естественной исторіи человѣка, подробно изложенной въ первомъ сочиненіи; съ этого предмета начнемъ и мы изложеніе замѣчательныхъ для насъ мыслей Фергюзона.

§ 369.

Главная черта, на которую Фергюзонъ обращаетъ свое вниманіе при изложеніи естественной исторіи человѣка, есть его *безконечная усовершимость*. Физическія существа, каковы растѣнія и неразумныя животныя, образуются и возрастаютъ постепенно. Но преспѣяніе его, по словамъ Фергюзона, идетъ гораздо далѣе, чѣмъ преспѣяніе всякого другаго животнаго. Не только каждый человѣкъ порознь изъ младенца дѣлается мужемъ, но и весь родъ человѣческій отъ грубости доходитъ до гражданскаго просвѣщенія. Противъ тѣхъ, которые естественнымъ состояніемъ человѣка почитали состояніе грубости и на успѣхи гражданской образованности смотрѣли съ недовѣріемъ, Фергюзонъ замѣчаетъ, что каждое состояніе, въ какомъ можетъ быть человѣкъ, есть для него естественное состояніе. Обыкновенно отличаютъ искуство отъ природы; но въ человѣкѣ самое искуство есть природа. Онъ нѣкоторымъ образомъ есть самъ зиждитель своего наружнаго вида и своего счастія, и съ самаго перваго возраста его бытія ему предназначено изобрѣтать и выдумывать. Если человѣкъ способенъ усовершаться и имѣетъ въ себѣ начало преспѣянія и желаніе совершенства, то нельзя

[471] Фергюзонъ род въ 1724 г., ум. въ 1816.
[472] Essay of civil society. Edinb, 1766.
[473] Institutes of moral philosophy. London, 1769. in-8.
[474] Principles of moral and political science. Edinb., 1793 II voll. in-4.

сказать, чтобы онъ оставлялъ состояніе природы, когда онъ начинаетъ образоваться, или чтобы онъ вступалъ въ состояніе, ему несвойственное, когда онъ, подобно другимъ животнымъ, только лишь слѣдуетъ естественнымъ наклонностямъ и употребляетъ силы, полученныя отъ природы. Самыя послѣднія усилія человѣческой изобрѣтательности составляютъ только продолженіе открытій, которыя были сдѣланы и которыми пользовались въ первыхъ вѣкахъ міра и при самомъ грубомъ состояніи рода человѣческаго. Такимъ образомъ для Фергюзона ученіе о первобытномъ естественномъ состояніи человѣка не имѣетъ истиннаго смысла. Всякое состояніе естественно человѣку. Но если подъ естественнымъ состояніемъ разумѣется состояніе первоначальной необразованности, то, по мнѣнію Фергюзона, естественнымъ состояніемъ скорѣе должно быть названо состояніе образованности, какъ состояніе полнаго развитія природныхъ способностей человѣка, чѣмъ состояніе грубости [475].

Причинами, побуждающими человѣка непрерывно усовершаться, Фергюзонъ поставляетъ, кромѣ особеннаго, свойственнаго человѣку, стремленія къ улучшенію, къ усовершенію своего состоянія, къ превосходству надъ другими по своимъ силамъ и способностямъ, любовь человѣка къ себѣ самому и доброжелательство къ другимъ людямъ. Въ семъ послѣднемъ отношеніи Фергюзонъ особенно обращаетъ вниманіе на стремленіе человѣка къ общежитію и на выгоды жизни общественной, находя въ то же время въ самой человѣческой природѣ основаніе къ войнѣ и несогласію между людьми. По словамъ его, война и несогласіе проистекаетъ не только отъ низкихъ страстей, но и отъ стремленія человѣка къ дѣятельности, къ обнаруженію и упражненію своихъ силъ, а равно отъ любви его къ сочленамъ своего общества. По отношенію къ развитію силъ человѣческихъ вражда между народами имѣетъ, по мнѣнію Фергюзона, самыя благодѣтельныя послѣдствія. Безъ соревнованія между народами и безъ упражненія ихъ въ войнѣ, самое гражданское общество едва ли бы могло найти для себя приличный предметъ занятія и получить надлежащее развитіе. Напрасна надежда водворить миръ и единодушіе въ многочисленномъ народѣ безъ враждебныхъ чувствованій къ его непріятелямъ. Если бы мы, говоритъ Фергюзонъ, могли вдругъ погасить въ какомъ нибудь народѣ соревнованіе, другими народами возбуждаемое, то, вѣроятно, черезъ это мы бы расторгли или ослабили въ немъ узы общежитія и отняли у него

[475] Essay of civil society. Part I, Sect I.

случай и возможность къ разнообразнѣйшимъ упражненіямъ и добродѣтелямъ [476].

Въ самомъ развитіи рода человѣческаго и гражданскихъ обществъ по отношенію къ наукамъ, искуствамъ, ремесламъ, торговлѣ, нравамъ, понятіямъ, правленію, Фергюзонъ различаетъ три періода: періодъ грубости или необразованности, и притомъ до введенія и послѣ введенія собственности [477]; періодъ преспѣянія и совершенствованія [478]; наконецъ періодъ упадка [479]. Черты каждаго изъ сихъ періодовъ означены у Фергюзона со всею подробностію.

§ 370.

Что касается нравственныхъ законовъ, которымъ человѣкъ долженъ слѣдовать въ своей дѣятельности, источникомъ познанія ихъ Фергюзонъ почитаетъ не чувство, которое услаждается извѣстными поступками, къ другимъ же имѣетъ отвращеніе, а разумъ. Въ разумной природѣ человѣка, по словамъ Фергюзона, есть начала, которыя не ограничиваются только чувствительностію къ удовольствію и скорби, или одними дѣятельными напряженіями, но образуютъ родъ строгаго надзора надъ чувствами и дѣяніями и даютъ намъ возможность отличать въ удовольствіяхъ изящное и прекрасное отъ неизящнаго и безобразнаго, въ вещахъ совершенное или превосходное отъ несовершеннаго или недостаточнаго [480].

§ 371.

Добродѣтель человѣка Фергюзонъ поставляетъ въ непрерывномъ стремленіи къ совершенству. Но средоточіе всякого совершенства человѣческаго, по его словамъ, есть любовь къ роду человѣческому. Всѣ добрыя дѣянія, всѣ добрыя качества человѣка необходимо предполагаются этою любовью или какъ ея причина, или какъ ея послѣдствіе. Такимъ образомъ и для Фергюзона *благорасположеніе* служитъ кореннымъ началомъ нравственности. Но это начало у него очищается отъ чувственной примѣси и возводится къ началу болѣе обширному — къ началу совершенствованія. По тому самому оба

[476] Тамъ же Sect. IV.
[477] Тамъ же Part II.
[478] Тамъ же Part III and IV.
[479] Тамъ же Part V and VI.
[480] Principles of moral and political science. Part II, ch. 1, Sect. III (въ началѣ).

противоположныя начала нравственности, которыя раздѣляли до его времени Англійскихъ нравоучителей, для него перестаютъ быть противоположными. Если, замѣчаетъ онъ, благорасположеніе составляетъ принадлежность человѣческой природы, то законы самосохраненія и общительности совпадаютъ между собою во всѣхъ направленіяхъ ихъ и приложеніяхъ. Человѣкъ по своей природѣ есть членъ общества. Его безопасность и его счастіе требуютъ, чтобы онъ сохранялъ себя тѣмъ, чѣмъ онъ есть по природѣ. Его совершенство состоитъ въ превосходствѣ или въ надлежащей степени силы естественныхъ его способностей и расположеній. Другими словами, оно состоитъ въ томъ, чтобъ онъ былъ превосходною частію системы, къ которой онъ принадлежитъ, такъ что для рода человѣческаго послѣдствія будутъ однѣ и тѣ же, заботится ли человѣкъ о своемъ сохраненіи, или онъ заботится о своей общительности. Въ томъ и другомъ случаѣ онъ долженъ питать и согрѣвать въ себѣ любовь къ роду человѣческому, какъ самую драгоцѣннѣйшую сторону своего характера [481].

§ 372.

Раздѣленіе всего нравоученія [482] Фергюзонъ основываетъ на различіи средствъ, служащихъ къ сохраненію нравственныхъ законовъ, и на различіи предметовъ закона.

Средство, охраняющее законъ, есть, по ученію Фергюзона, добро или зло, соединенное съ исполненіемъ его или неисполненіемъ. Общее охранительное средство для нравственнаго закона заключается въ томъ, что за соблюденіемъ его слѣдуетъ счастіе, а за несоблюденіемъ несчастіе. Въ особенности при внѣшнихъ дѣяніяхъ средствомъ охранительнымъ служитъ или представленіе внѣшней принудительной силы, или представленіе долга.

Предметъ законовъ нравственныхъ есть или поведеніе отдѣльныхъ лицъ въ отношеніи ихъ другъ къ другу, или поведеніе обществъ въ отношеніи къ ихъ собственнымъ членамъ. Общества въ ихъ отношеніяхъ другъ къ другу должны быть разсматриваемы какъ отдѣльныя лица.

Отсюда выводится у Фергюзона раздѣленіе всего нравственнаго ученія на три части: ***Правовѣдѣніе***, ***Казуистику*** и ***Политику***. Поступки отдѣльныхъ лицъ, которые повелѣваются или запрещаются

[481] Institutes of moral philosophy. Part IV, ch. 2 and 3.
[482] Тамъ же ch. 3, Sect. XIII and XIV.

подъ угрозою принужденія, составляютъ предметъ *Правовѣдѣнія*. Поступки отдѣльныхъ лицъ, которые человѣкъ долженъ предпринимать или не предпринимать по уваженію къ долгу, составляютъ предметъ *Казуистики*. Дѣйствія обществъ, касающіяся ихъ состава и образа общенія, составляютъ предметъ *Политики*. Разсмотрѣніе Казуистики Фергюзоновой до насъ не принадлежитъ.

§ 373.

Первою и совершенно очевидною истиною въ *Правовѣдѣніи* [483] Фергюзонъ признаетъ ту, что каждый невинный можетъ защищать себя и каждый кто имѣетъ силу, можетъ употреблять ее на защиту другаго невиннаго лица. Основный законъ нравственности въ самомъ первомъ его приложеніи къ дѣяніямъ людей есть, по ученію Фергюзона, запретительный: онъ возбраняетъ дѣлать обиды; каждое лице, имѣя власть защищать себя и своихъ ближнихъ, можетъ отражать всякую обиду силою. Каждый предметъ въ состояніи человѣка, который можетъ быть защищаемъ силою, называется, по словамъ Фергюзона, правомъ человѣка. Правовѣдѣніе состоитъ изъ двухъ частей: первая опредѣляетъ права человѣка; вторая показываетъ способъ ихъ защиты.

Опредѣляя существо правъ, Фергюзонъ дѣлитъ всѣ права въ двоякомъ отношеніи: по ихъ предметамъ и по ихъ происхожденію. — По предметамъ права дѣлятся на личныя и вещественныя. Предметъ первыхъ есть собственное лице человѣка, которому они принадлежатъ. Предметъ вторыхъ суть вещи, которыя человѣкъ можетъ употреблять исключительно. — По происхожденію права дѣлятся на первоначальныя и пріобрѣтенныя: первыя суть неизмѣнныя права человѣческой природы; вторыя пріобрѣтаются человѣкомъ посредствомъ занятія вещей, труда, условія съ другими и въ слѣдствіе ихъ преступленія. Права личныя Фергюзонъ признаетъ въ тоже время и первоначальными правами человѣка; права вещественныя напротивъ совпадаютъ у него съ правами пріобрѣтенными.

Право, по ученію Фергюзона, можетъ быть защищаемо всѣми средствами, какія могутъ быть для того необходимы и дѣйствительны. Въ общемъ правѣ защиты заключается троякое право: во первыхъ, обида, которой опасаются, можетъ быть предупреждаема; во вторыхъ, наносимая обида можетъ быть отражаема; въ третьихъ, сдѣланный вредъ долженъ быть вознагражденъ. Средствами защиты мо-

[483] Тамъ же Part. V.

гутъ быть: убѣжденіе, хитрость и сила. Законъ защиты не даетъ права употреблять средства, которыя безъ нужды вредны для лица, противъ котораго они употребляются. Право защиты можетъ имѣть мѣсто въ трехъ различныхъ случаяхъ: во первыхъ, когда отдѣльныя лица предполагаются чуждыми другъ для друга и несоединенными въ гражданское общество; во вторыхъ, въ отношеніяхъ между согражданами; въ третьихъ, въ отношеніяхъ между народами. Когда изъ людей, несоединенныхъ другъ съ другомъ въ гражданское общество, одинъ обижаетъ другаго, то каждый изъ нихъ защищаетъ самъ себя. Сограждане въ обыкновенныхъ случаяхъ должны требовать защиты у правительства. Въ отношеніяхъ между народами дѣйствіе государя, или дѣйствіе лицъ, уполномоченныхъ государемъ, разсматривается какъ дѣйствіе народа. Когда народы защищаютъ нарушаемыя у нихъ права силою или хитростію, то они находятся въ состояніи войны. Война справедлива только въ томъ предположеніи, если намъ угрожаетъ или наносится обида. Непосредственный предметъ войны есть побѣда. Но хотя по началамъ закона принудительнаго человѣкъ всегда можетъ защищать свое право; однако же, говоритъ Фергюзонъ, по уваженію долга во многихъ случаяхъ мы обязаны оставлять свое право. Для человѣка важнѣе сохранять и упражнять свои человѣколюбивыя расположенія, чѣмъ сохранять свое состояніе въ какомъ нибудь другомъ отношеніи Какъ условные законы общества, такъ и законъ человѣколюбія позволяютъ иногда въ крайней необходимости одной сторонѣ нарушать права другой.

§ 374.

Въ введеніи въ *Политику* [484] Фергюзонъ прежде всего дѣлаетъ нѣкоторыя общія замѣчанія, къ ней относящіяся. Изъ исторіи рода человѣческаго, говоритъ онъ, видно, что люди всегда дѣйствовали сонмами и обществами, — что они постигали какъ благо общественное, такъ и частное, — что въ то же время, какъ они заботились о своемъ собственномъ сохраненіи, они установляли политическія формы и соединяли свои силы для общей безопасности. Можно доказать, что самая большая часть мнѣній, навыковъ и предпріятій у людей проистекаетъ отъ состоянія ихъ общества, что люди бываютъ счастливы по мѣрѣ того, какъ они любятъ родъ человѣческій, что ихъ права и обязанности касаются ихъ отношеній

[484] Тамъ же Part VII.

другъ къ другу, и слѣдовательно самый важный предметъ ихъ попеченій заключается въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ и въ состояніи ихъ обществъ.

Вся политика дѣлится у Фергюзона на двѣ части: Политическую Экономію и Науку законовъ государственныхъ. Предметъ первой составляютъ средства государственнаго могущества, какъ то: народонаселеніе, народное богатство, доходы государственные. Предметъ второй составляютъ государственныя учрежденія.

B. СИСТЕМЫ СООБРАЗНОСТИ ДѢЯНІЙ СЪ ПРЕДМЕТАМИ.

§ 375.

Начало самолюбія и начало доброжелательства основываются на двухъ практическихъ потребностяхъ сердца и воли, и потому въ собственномъ смыслѣ должны быть названы началами практическими. Но вскорѣ послѣ того, какъ въ слѣдъ за первымъ стало развиваться второе начало, явилась въ Англіи система нравоученія, имѣвшая своимъ основаніемъ теоретическую потребность истины для разума. Первый, обозначившій эту систему, былъ *Самуилъ Кларкъ*. Совершенно раскрыта она была *Уолластономъ*.

I. САМУИЛЪ КЛАРКЪ.

§ 376.

Всѣ вещи, по ученію Самуила Кларка [485], на основаніи неизмѣнныхъ, вѣчныхъ законовъ Творца имѣютъ свою опредѣленную природу и свое опредѣленное къ ней отношеніе, въ слѣдствіе котораго онѣ, какъ взятыя порознь, такъ и разсматриваемыя въ ихъ взаимномъ вліяніи другъ на друга, находятся въ согласіи съ цѣлымъ міромъ. Эта опредѣленная природа вещей и эти опредѣленныя ихъ отношенія, цѣлію которыхъ есть гармонія міра, составляютъ ихъ пригодность (the fitness). Каждая вещь имѣетъ свои силы, которыми она дѣйствуетъ или можетъ дѣйствовать на другія вещи. Въ тоже время каждая вещь имѣетъ въ извѣстной степени способность принимать впечатлѣнія отъ дѣйствія другихъ вещей и въ слѣдствіе того измѣняться, доколѣ она совсѣмъ не разрушится. Такимъ же обра-

485 Самуилъ Кларкъ род. въ 1675 г., ум. въ 1729. Изъ его сочиненій для нашего предмета особенно важно: *Sam. Clarke*, Discourse concerning the unchangeable obligation of natural religion. London, 1708.

зомъ человѣкъ имѣетъ свою опредѣленную природу, свою опредѣленную силу и свое опредѣленное отношеніе къ предметамъ, его окружающимъ. Какъ разумное существо, онъ есть владыка тварей неразумныхъ и свободный дѣйствователь въ кругѣ разумныхъ существъ. И такъ онъ гармонируетъ только тогда со всѣмъ міромъ и исполняетъ волю Божію, когда онъ съ своей стороны наблюдаетъ пригодность, какой требуетъ его природа и его отношеніе къ вещамъ. Отсюда вытекаетъ слѣдующее начало нравственной дѣятельности: поступай съ безжизненными, чувствующими и разумными существами такъ, какъ этого требуетъ согласіе вещей съ цѣлымъ міромъ. И такъ, напримѣръ, обращайся съ деревомъ сообразно его природѣ, извлекая изъ него всю возможную пользу, — споспѣшествуй его возрастанію, отвращай или уменьшай вредъ его для другихъ растеній, болѣе, можетъ быть, полезныхъ, пользуйся его плодами, но не порти и не истребляй его безъ нужды. На животныхъ неразумныхъ смотри какъ на тварей, которыя способны чувствовать пріятное и непріятное, употребляй ихъ, къ чему ты можешь ихъ употреблять согласно съ разумомъ, убивай ихъ для твоей пищи, или для того, чтобы отвратить вредъ, какой бы они могли причинить, но не мучь ихъ безъ нужды, доставляй имъ пропитаніе и ухаживай за ними, если они приносятъ тебѣ пользу. Почитай другихъ людей тебѣ равными, стоящими въ такомъ же отношеніи къ цѣлому міру, въ какомъ самъ ты стоишь. Не принуждай ихъ къ чему нибудь противъ ихъ воли, какъ и ты не хочешь быть къ чему нибудь принуждаемъ противъ твоей воли. Слѣдовательно уважай ихъ права и исполняй по отношенію къ нимъ обязанности человѣколюбія и справедливости, какъ ты самъ желаешь, чтобъ они исполняли сіи обязанности по отношенію къ тебѣ. Какъ разнообразна природа вещей и отношенія ихъ другъ къ другу и человѣку, такъ разнообразны обязанности человѣка къ нимъ. По различію отношеній между людьми, возникаютъ и различныя между ними обязанности. Такъ между людьми существуетъ отношеніе большей или меньшей близости ихъ другъ къ другу: родственникъ мнѣ ближе, чѣмъ другъ; другъ ближе, чѣмъ согражданинъ; согражданинъ ближе, чѣмъ иностранецъ. Другое отношеніе есть отношеніе сходства: люди сходные другъ съ другомъ по мыслямъ и чувствованіямъ, люди, которые имѣютъ одинаковыя занятія, отправляютъ одинаковыя должности, люди однихъ лѣтъ, должны наблюдать въ слѣдствіе этого ихъ сходства нѣкоторыя обязанности по отношенію другъ къ другу. Еще

болѣе люди соединяются между собою взаимными потребностями: богатый, ученый, сильный, знатный имѣютъ извѣстныя обязанности въ разсужденіи бѣдныхъ, неученыхъ, безсильныхъ, незнатныхъ. И такъ, по словамъ Самуила Кларка, человѣкъ можетъ быть названъ добродѣтельнымъ, когда всѣ его дѣйствія соотвѣтствуютъ въ точности естественному отношенію, въ которомъ онъ находится къ вещамъ и другимъ разумнымъ существамъ своего рода, — когда онъ, сколько отъ него зависитъ, наблюдаетъ и осуществляетъ назначеніе каждой вещи во всеобщей гармоніи міра. Въ противномъ случаѣ человѣка надобно назвать порочнымъ.

II. УОЛЛАСТОНЪ.

§ 377.

Согласіе нашихъ представленій съ предметами есть характеръ истины. Тогда, какъ Самуилъ Кларкъ останавливается на этомъ характерѣ истины, *Уолластонъ* [486] дѣлаетъ самую истину началомъ нравственныхъ дѣяній.

§ 378.

Добрымъ дѣяніемъ Уолластонъ называетъ то, которое выражаетъ собою истинное положеніе. Истина, по его мнѣнію, выше всего для человѣка. Познавать ее и дѣятельно изображать въ своихъ рѣчахъ и поступкахъ есть послѣдняя цѣль человѣка. Способность познавать истину дѣлаетъ человѣка разумнымъ существомъ; способность выражать ее въ своихъ поступкахъ дѣлаетъ его существомъ нравственнымъ. Какъ человѣкъ выражаетъ свои мысли словами, такъ онъ можетъ ихъ выражать и посредствомъ дѣяній. Каждое безъ исключенія дѣяніе выражаетъ извѣстное положеніе, и въ истинѣ или несправедливости этого положенія заключается нравственность или безнравственность дѣянія. Если я мучу животное, то я выражаю слѣдующее положеніе: я почитаю это животное существомъ, неимѣющимъ чувствованія, и для того поступаю съ нимъ какъ съ своимъ столомъ или съ камнемъ. Если я дѣлаю человѣка рабомъ; то я выражаю слѣдующее положеніе: этотъ человѣкъ есть неразумное

[486] Уолластонъ род. въ 1659 г., ум. въ 1724. Его сочиненіе, важное для насъ, подъ заглавіемъ: *W. Wollaston*, the religion of nature delineated (черты естественной религіи), — вышло въ первый разъ въ 1722 г. въ небольшомъ числѣ экземпляровъ; потомъ оно отпечатано London, 1724.

существо, которое я могу употреблять безъ его согласія для своихъ частныхъ цѣлей, какъ лошадь или вола. Если я дѣйствую несправедливо, то я объявляю, что я не почитаю себя членомъ человѣческаго общества [487].

§ 379.

Слѣдуя своему нравственному началу, Уолластонъ долженъ былъ только обратить вниманіе на особенную природу различныхъ предметовъ, къ которымъ можетъ относиться дѣятельность человѣка, чтобъ опредѣлить различныя его обязанности. Такимъ образомъ онъ дѣйствительно выводитъ изъ своего общаго начала обязанности человѣка къ Богу, къ другимъ людямъ и къ себѣ самому. Какъ природу каждой вещи могутъ составлять различныя качества и каждая вещь можетъ быть разсматриваема въ различныхъ отношеніяхъ: то выведеніе обязанностей у него дѣлается отъ того съ одной стороны чрезвычайно разнороднымъ, съ другой — случайнымъ и нетвердымъ. Одна и таже обязанность выводится изъ различныхъ основаній, хотя, основываясь на другихъ причинахъ, разсматривая предметъ съ другой точки зрѣнія, можно бы иногда дойти до иныхъ послѣдствій.

§ 380.

По отношенію къ предметамъ, входящимъ непосредственно въ кругъ Философіи Законодательства, Уолластонъ излагаетъ: 1) истины, какъ онъ говоритъ, касающіяся человѣческаго рода вообще и предшествующія всѣмъ человѣческимъ законамъ; 2) истины, относящіяся къ обществамъ гражданскимъ; 3) истины, относящіяся къ союзу семейственному и родственному.

§ 381.

По отношенію къ роду человѣческому воообще [488] Уолластонъ предлагаетъ слѣдующія истины, предшествующія, по его словамъ, всѣмъ законамъ человѣческимъ:

1. Каждый человѣкъ имѣетъ внутри себя самого особенное начало, которое отличаетъ его отъ всѣхъ другихъ людей, такъ что онъ можетъ имѣть свою отдѣльную собственность.

2. Есть множество предметовъ, къ которымъ человѣкъ имѣетъ,

[487] The religion of nature delineated. Section I.
[488] Тамъ же Section VI.

или можетъ имѣть, если не случится измѣненія въ его положеніи вслѣдствіе его добровольнаго подчиненія, какого нибудь договора, или другаго подобнаго обязательства, столь естественное и столь близкое отношеніе, что онъ одинъ изъ всѣхъ людей можетъ назвать ихъ истинно своими. Жизнь, члены и т. д. лица А принадлежатъ ему такъ точно, какъ принадлежитъ ему собственная его природа: невозможно лицу Б и никому другому видѣть его глазами, слышать его ушами и т. д. — Еще болѣе, трудъ лица А есть трудъ этого лица, а не другаго; посему трудъ его принадлежитъ ему такъ же существенно, какъ принадлежатъ ему органы его и способности, которыя онъ употреблялъ во время труда. Далѣе, дѣйствіе, или произведеніе труда лица А не есть дѣйствіе труда другаго: по этому сіе дѣйствіе принадлежитъ первому, а не второму. Наконецъ есть много вещей, которыя извѣстное лице можетъ назвать своими въ такомъ смыслѣ и по такимъ причинамъ, которыя относятся къ нему одному.

3. Все, что противно всеобщему миру и благу цѣлаго рода человѣческаго, противно и законамъ человѣческой природы, потому что счастіе составляетъ цѣль каждаго общества, а слѣдовательно и общаго союза рода человѣческаго. Говорить, что дѣйствіе, которое доставляетъ удовольствіе одному какому либо лицу и вредитъ всѣмъ другимъ лицамъ, имѣющимъ одинакую съ нимъ природу, есть истинный законъ природы, значило бы противорѣчить себѣ самому, и это противорѣчіе будетъ тѣмъ больше, чѣмъ болѣе удовольствія, о которыхъ идетъ рѣчь, недостойны человѣческой природы, а свойственны только неразумнымъ животнымъ. Какъ милліонъ людей болѣе значитъ, чѣмъ одинъ человѣкъ; такъ надобно, установляя законы человѣческой природы, и опредѣляя, что должно или не должно быть, обращать въ милліонъ разъ болѣе вниманія на этотъ милліонъ людей, чѣмъ на одного человѣка, потому что здѣсь мы разсматриваемъ людей, просто какъ людей. Предположимъ правило, которое было бы вообще полезно для блага цѣлаго міра, если бы всѣ люди сообразовались съ нимъ въ своемъ поведеніи; тогда ихъ поведеніе было бы согласно съ природою и положеніемъ всего рода человѣческаго. Предположимъ далѣе, что всѣ люди уклонились бы отъ этого правила; что было бы послѣдствіемъ такого всеобщаго уклоненія? безъ сомнѣнія, всеобщее зло, т. е. зло противное нашей природѣ и нашему положенію. По этому самому нарушеніе такого закона и однимъ человѣкомъ будетъ зломъ. Нарушитель закона содѣйствуетъ,

сколько отъ него зависитъ, увеличенію всеобщаго безпорядка и всеобщаго бѣдствія, и съ своей стороны отвергаетъ, что состояніе людей таково, каково оно есть, что общественное счастіе состоитъ въ томъ, въ чемъ оно состоитъ, и что это правило есть то, чѣмъ оно есть дѣйствительно.

4. Все, что согласно или несогласно съ разумомъ въ одномъ человѣкѣ по отношенію къ другому, будетъ также разумно или неразумно въ этомъ послѣднемъ по отношенію къ первому, если бы обстоятельства перемѣнились въ противную сторону, потому что истина всеобща. Отсюда слѣдуетъ, что самый лучшій способъ узнать, хорошъ или дуренъ извѣстный поступокъ нашъ въ отношеніи къ другимъ, состоитъ въ томъ, чтобъ перенесть себя на ихъ мѣсто и потомъ смотрѣть, каковъ былъ бы онъ по отношенію къ намъ самимъ, еслибъ мы были на ихъ мѣстѣ.

5. Въ состояніи чисто естественномъ всѣ люди имѣютъ одинаковыя права, потому что каждый изъ нихъ есть такой же человѣкъ, какъ и другой.

6. Никто не имѣетъ права нарушать счастія другаго.

7. Хотя никто не имѣетъ права препятствовать счастію другихъ или вредить имъ; однакоже всякой человѣкъ имѣетъ право защищать себя и все, ему принадлежащее, отъ насилія, требовать возвращенія себѣ того, что у него отнято силою, и для того употреблять съ своей стороны даже силу, пользуясь всѣми средствами, согласными съ истиною и благоразуміемъ.

Изъ сихъ положеній Уолластонъ выводитъ право человѣка на вещи, которыми онъ первый овладѣетъ, существо собственности и наконецъ несовмѣстность съ истиною несправедливости, нечувствительности и жестокосердія.

§ 382.

По отношенію къ гражданскимъ обществамъ [489] Уолластонъ представляетъ слѣдующія положенія:

1. Человѣкъ есть животное общежительное.

2. Благо и общая выгода соединенныхъ лицъ есть цѣль общества.

3. Учрежденіе общества предполагаетъ принятіе людьми нѣкоторыхъ законовъ, по коимъ они обязываются жить, предоставляя себѣ право дѣлать по мѣрѣ потребности прибавленія и перемѣны въ принятыхъ первоначально постановленіяхъ.

[489] Тамъ же Section VII.

4. Законы и общественныя установленія не должны противорѣчить началамъ естественной справедливости.

5. Общество, ограниченное такимъ образомъ законами, предполагаетъ существованіе нѣкоторой власти.

6. Чтобъ пріобрѣсть защиту отъ законовъ и наслаждаться выгодами благоустроеннаго общества, человѣкъ можетъ отказаться отъ нѣкоторыхъ изъ своихъ естественныхъ правъ и подчинить себя владычеству законовъ и людей, призванныхъ исполнять законы.

7. Люди могутъ сдѣлаться членами общества, изъявляя на то свое согласіе явно или молча.

8. Общества могутъ защищать себя противъ другихъ обществъ.

§ 383.

Наконецъ по отношенію къ союзамъ семейственнымъ и родственнымъ [490] Уолластонъ принимаетъ слѣдующія истины:

1. Относительно супружескаго союза. Распространеніе рода человѣческаго и естественное счастіе двухъ лицъ, вступающихъ въ бракъ между собою, есть цѣль союза супружескаго. Въ слѣдствіе брака, мужъ и жена обязываются жить вмѣстѣ, любить другъ друга, помогать себѣ взаимно, доколѣ смерть ихъ не раздѣлитъ. Тѣснѣйшее соединеніе супруговъ между собою, въ силу коего они дѣлаются взаимно властелинами другъ друга, соединеніе имуществъ ихъ въ одно цѣлое, общее отношеніе ихъ къ дѣтямъ, — служатъ средствами, скрѣпляющими узы и обязательства брачнаго союза. Супруги должны взирать другъ на друга, какъ на лица равныя, потому что оба они управляются разумомъ. Но какъ мужъ обыкновенно имѣетъ болѣе разсудка, болѣе познаній, болѣе опытности; то жена обязана оказывать ему послушаніе и быть ему покорною.

2. Относительно союза родителей и дѣтей. Родители обязаны надлежащимъ образомъ воспитывать своихъ дѣтей и имѣть всевозможное объ нихъ попеченіе, стараться доставить имъ средства къ честной жизни, и всегда быть въ готовности помогать имъ. Для этой цѣли родители получаютъ отъ самой природы извѣстную власть надъ своими дѣтьми. Напротивъ дѣти должны почитать своихъ родителей, какъ непосредственныхъ виновниковъ своего бытія, оказывать имъ покорность, признательность, уваженіе и любовь.

3. Относительно союза родственнаго. Родственники должны оказывать взаимно другъ другу любовь и расположеніе, впрочемъ

[490] Тамъ же Section VIII

не выходя изъ предѣловъ, предписываемыхъ разумомъ. По мѣрѣ близости родства любовь между родственниками должна возрастать, по мѣрѣ отдаленія — ослабѣвать.

Г. Система безусловнаго одобренія или неодобренія разумомъ дѣяній.

§ 384.

Истина, выраженія которой въ дѣяніяхъ хочетъ Уолластонъ, постигается разумомъ. По чему разумъ непосредственно и дѣлается началомъ нравственности у *Приса* [491], который почитаетъ его источникомъ особенныхъ познаній, различныхъ отъ тѣхъ, какія пріобрѣтаются чувствами.

Въ системахъ самолюбія, доброжелательства къ другимъ людямъ и сообразности дѣяній съ предметами добродѣтель представляется не цѣлію сама въ себѣ, а средствомъ; она познается не изъ ней самой, а изъ чего нибудь другаго. Покушеніе, но не болѣе, какъ покушеніе, исправить этотъ недостатокъ и дать нравственности самостоятельное достоинство, мы видимъ у Приса. По ученію его, понятія добра и зла имѣютъ свое начало въ разумѣ, и существенно различны отъ понятій изящнаго, пристойнаго, приличнаго и противоположныхъ имъ. Понятія добра и зла, не такъ, какъ понятія изящнаго, приличнаго, пристойнаго и противоположныя имъ, — суть простыя понятія и не могутъ быть разложены на какія нибудь другія. Добро безусловно нами одобряется, зло безусловно порицается. Есть, говоритъ Присъ, безъ всякого сомнѣнія, дѣянія, которыя безусловно одобряются нами, такъ что для оправданія ихъ ненужно никакого основанія, да и не можетъ быть приведено какое нибудь; равнымъ образомъ, есть цѣли, которыя безусловно желаются, безъ всякаго дальнѣйшаго побужденія. Еслибъ это не было такъ, то долженъ бы существовать безконечный рядъ основаній и цѣлей другъ другу подчиненныхъ, и ничего не было бы, что бы можно было желать или одобрять безусловнымъ образомъ. Впрочемъ система безусловнаго одобренія разумомъ дѣяній не была развита Англичанами во всѣхъ ея послѣдствіяхъ, и въ особенности, она не сопровождалась въ Англіи никакими частными философическими изслѣдованіями о законодательствѣ.

[491] Rich. Price род. въ 1723 г., ум. въ 1791. Его сочиненіе, замѣчательное для насъ, есть: Review of the principal questions and difficulties in Moral, etc. (Обзоръ главныхъ вопросовъ и затрудненій въ морали). London, 1758. in-8; III. edit. London, 1787. in-8.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

ФРАНЦУЗСКО-НѢМЕЦКАЯ УМОЗРИТЕЛЬНАЯ ФИЛОСОФІЯ, ОСНОВАННАЯ ДЕКАРТОМЪ.

§ 385.

Не много времени спустя послѣ того, какъ въ Англіи положены были Бакономъ основанія опытной Философіи, Декартъ [492] положилъ во Франціи основанія Философіи умозрительной, распространившейся оттуда особенно въ Германіи. Самъ Декартъ мало занимался предметами нравственнаго содержанія, особенно предметами законодательства. Но въ разныхъ его мысляхъ, сюда относящихся, заключается зародышъ тѣхъ понятій и направленій, которыя въ послѣдствіи времени образовались въ его школѣ по отношенію къ предметамъ нравственности и законодательства. По сему ученіе самого Декарта прежде всего должно обратить на себя наше вниманіе.

§ 386.

Предпріятіемъ Декарта было возвысить Философію на степень науки совершенно очевидной. Этого онъ надѣялся достигнуть, употребляя въ Философіи методъ геометрическій. Начавши свое размышленіе всеобщимъ сомнѣніемъ, онъ на первый разъ находилъ несомнительнымъ только бытіе собственной души: я мыслю, говоритъ онъ, слѣдовательно я существую (cogito, ergo sum). Душѣ, какъ существу мыслящему, по его словамъ, противостоятъ тѣла, имѣющія своею отличительною чертою протяженіе. Но кромѣ того душа находитъ въ себѣ идею духовнаго совершеннѣйшаго существа, котораго первую принадлежность составляетъ бытіе. Слѣдовательно, заключаетъ Декартъ, есть дѣйствительно такое существо, которое мы называемъ Богомъ. Богъ, какъ существо безконечное, по ученію Декарта, есть творецъ вселенныя, которая также безконечна. Но вещественныя и мыслящія существа, изъ которыхъ она состоитъ, несовершенны, конечны; по чему для продолженія ихъ существованія, по мнѣнію Декарта, необходимо непрерывное вспоможеніе или содѣйствіе Божіе (assistentia s. concursus).

Признавая Бога существомъ всемогущимъ, отъ котораго всѣ

[492] Род. въ 1596 г., ум. въ 1650.

вещи зависятъ не только въ ихъ происхожденіи, но и въ продолженіи ихъ бытія, которымъ все предуставлено и волѣ котораго никто не можетъ противиться, Декартъ хотя не видѣлъ способа согласить съ Божественнымъ всемогуществомъ человѣческой свободы, однакоже, слѣдуя внутреннему убѣжденію и сознанію каждаго человѣка, онъ принималъ ея существованіе несомнѣннымъ [493].

Верховнымъ благомъ человѣка, достижимымъ для его воли, Декартъ почитаетъ постоянное хотѣніе дѣйствовать правильнымъ образомъ и проистекающее оттуда душевное спокойствіе. Послѣднее есть для Декарта собственною цѣлію: но эта цѣль достигается только посредствомъ перваго. Дѣйствовать правильнымъ образомъ значитъ, по ученію Декарта, дѣйствовать сообразно познанію истины, пріобрѣтенному разумомъ, независимо отъ страсти [494]. Декартъ находитъ немного людей совершенно слабыхъ, которые всегда увлекаются мгновенными внушеніями настоящей ихъ страсти; большая часть обыкновенно руководствуется въ своихъ поступкахъ опредѣленными сужденіями. Но часто эти сужденія бываютъ ложны и имѣютъ свое основаніе въ какихъ нибудь страстяхъ, которымъ воля попустила нѣкогда возобладать надъ собою. Почему, какъ скоро заблужденіе откроется, человѣкъ необходимо долженъ будетъ раскаяваться въ своихъ поступкахъ. Напротивъ, слѣдуя истиннымъ началамъ, человѣкъ никогда не будетъ имѣть нужды сожалѣть о томъ, что имъ сдѣлано. На семъ основаніи только дѣйствованіе, основанное на познаніи истины разумомъ, можетъ быть, по мнѣнію Декарта, признано сообразнымъ съ понятіемъ о верховномъ добрѣ человѣка [495]. Разумъ, управляя нашею жизнію, имѣетъ своимъ назначеніемъ — безъ страсти испытывать цѣну всѣхъ совершенствъ, которыя могутъ быть пріобрѣтены нашими усиліями, какъ тѣлесныхъ, такъ и душевныхъ, чтобъ мы, находясь по большой части въ необходимости отказываться отъ нѣкоторыхъ, дабы наслаждаться другими, могли всегда выбирать изъ нихъ самыя лучшія. Какъ тѣлесныя совершенства принадлежатъ къ нижнему разряду, то, по словамъ Декарта, вообще можно и безъ нихъ сдѣлаться счастливымъ. Впрочемъ Декартъ не думаетъ, чтобъ ихъ должно было презирать, или чтобъ человѣкъ долженъ былъ стараться сдѣлать себя совершенно безстрастнымъ. Довольно, если человѣкъ покоритъ свои страсти

[493] *Renati Des-Cartes,* epistolæ. Pars I. Amstelodami, 1682. epist. 8 et 9.
[494] Тамъ же epist 1.
[495] *Renati Des-Cartes,* tractatus de passionibus animæ Pars I, artic. 49.

разуму; бывъ укрощены такимъ образомъ, онѣ дѣлаются иногда тѣмъ полезнѣе, чѣмъ они сильнѣе [496]. Но Декартъ увѣренъ также, что человѣкъ можетъ пріобрѣсть даже совершенную свободу надъ своими страстями [497].

Важнѣйшее мѣсто въ нравственномъ ученіи Декарта занимаетъ понятіе любви. Онъ различаетъ два рода ея: любовь разумную и любовь страстную. Дѣйствіе любви, по его словамъ, вообще состоитъ въ томъ, что мы разсматриваемъ себя какъ одно цѣлое съ предметомъ нашей любви, составляя только извѣстную часть этого цѣлаго, такъ, что попеченіе, которое мы обыкновенно прилагали только къ себѣ самимъ, мы обращаемъ на сохраненіе этого цѣлаго, употребляя на себя самихъ болѣе или менѣе заботы, смотря по тому, какую часть цѣлаго мы составляемъ. Высочайшій предметъ для человѣка есть Богъ, какъ существо совершеннѣйшее. За тѣмъ слѣдуютъ другія существа [498]. Хотя, по ученію Декарта, каждый изъ насъ есть особое лице, несвязанное по своимъ дѣламъ съ прочимъ міромъ, однакоже никто изъ насъ не можетъ существовать одинъ самъ собою, и мы составляемъ одну изъ частей вселенныя, и преимущественно одну изъ частей земли, именно часть того государства, общества, семейства, съ которымъ мы соединены жительствомъ, клятвами, рожденіемъ. Но благо цѣлаго, котораго часть мы составляемъ, мы должны предпочитать нашему частному благу. Впрочемъ, по словамъ Декарта, мы должны соблюдать при семъ надлежащую мѣру и правила благоразумія: безразсудно было бы подвергаться большому злу для того, чтобъ доставить неважную выгоду родственникамъ или отечеству; равнымъ образомъ нѣтъ причины, почему бы человѣкъ, который превосходитъ одинъ самъ по себѣ всѣхъ прочихъ членовъ своего общества, сталъ искупать его благоденствіе своею погибелью. Но если кто между тѣмъ все будетъ относить къ своей собственной пользѣ, то онъ не побоится причинить прочимъ людямъ самый большой вредъ, въ надеждѣ получить незначительную выгоду, и когда каждый такъ будетъ дѣйствовать, то между людьми совершенно уничтожится истинная дружба, довѣріе и добродѣтель. Напротивъ, если человѣкъ смотритъ на себя какъ на часть общества, то ему пріятно будетъ доставлять всѣмъ другимъ пользу; въ случаѣ нужды онъ даже не откажется

[496] Epist. Pars I. epist. 6.
[497] Tractatus de passionibus animæ. Pars I, art. 50.
[498] Тамъ же epist. 35.

подвергнуть опасности жизнь свою, для блага другихъ. Самое благоразуміе, по мнѣнію Декарта, предписываетъ людямъ заботиться не о своихъ только частныхъ выгодахъ, но услуживать другимъ и стараться быть имъ, сколько возможно, полезными. Люди услужливые сами получаютъ отъ другихъ, и даже отъ тѣхъ, которымъ они никогда не имѣли случая быть полезными, множество услугъ, которыхъ они не получили бы, еслибъ не были сами услужливы. Общественные законы, которые всѣ направлены къ тому, чтобъ мы взаимно доставляли другъ другу пользу, или по крайней мѣрѣ не вредили другъ другу, такъ хорошо устроены, что каждый, кто станетъ искренно наблюдать ихъ, будетъ жить гораздо счастливѣе и безопаснѣе того, кто захотѣлъ бы другимъ путемъ достигнуть своего счастія. Впрочемъ Декартъ почитаетъ труднымъ опредѣлить, въ какой мѣрѣ разумъ предписываетъ намъ заботиться о благѣ общественномъ. Но, по словамъ его, и не надобно быть слишкомъ мнительнымъ въ этомъ отношеніи; довольно, если человѣкъ удовлетворяетъ своей совѣсти. Во многомъ, говоритъ Декартъ, можно здѣсь слѣдовать своей наклонности. Богъ такъ устроилъ всѣ вещи, и связалъ людей въ такое тѣсное общество, что хотя бы кто нибудь сталъ все относить къ себѣ самому, нимало не будучи движимъ любовію къ другимъ, однакоже, если онъ благоразуменъ, то обыкновенно онъ будетъ оказывать по возможности свою помощь другимъ, а особенно, когда онъ живетъ въ такомъ вѣкѣ, въ которомъ процвѣтаютъ непорочные нравы [499].

§ 387.

Мысли Декарта о предметахъ нравственныхъ послужили основаніемъ для особенной Философіи Законодательства, раскрывшейся преимущественно въ Германіи въ двухъ системахъ. Одна система ограничиваетъ предписанія закона естественнаго цѣлями настоящей жизни; другая имѣетъ въ виду цѣли всей жизни человѣческой.

А. СИСТЕМА, ОГРАНИЧИВАЮЩАЯ ПРЕДПИСАНІЯ ЗАКОНА ЕСТЕСТВЕННАГО ЦѢЛЯМИ НАСТОЯЩЕЙ ЖИЗНИ.

§ 388.

Цѣлями одной настоящей жизни ограничиваютъ предписанія закона естественнаго: *Пуфендорфъ* и *Томазій*.

[499] Тамъ же epist 7, 8 et 10.

I. ПУФЕНДОРФЪ.

§ 389.

Пуфендорфъ [500] въ несовершенномъ видѣ представилъ уже свою систему въ *Началахъ всеобщаго законовѣдѣнія* [501]. Вполнѣ и въ усовершенствованномъ видѣ онъ изложилъ ее въ сочиненіи: *О правѣ естественномъ и народномъ* [502]. Самимъ Пуфендорфомъ сдѣлано отсюда извлеченіе и издано подъ заглавіемъ: *О должности человѣка и гражданина* [503]. По ясности, отчетливости и правильности изложенія оно беретъ верхъ надъ большимъ твореніемъ, почему для насъ будетъ служить главнымъ руководствомъ при изложеніи мыслей Пуфендорфа.

§ 390.

Изъ всѣхъ частей Философіи Пуфендорфа исключительно была обработываема та, которая занимается разсмотрѣніемъ законовъ человѣческой воли Бывъ воспитанъ въ началахъ Декартовой Философіи, онъ хотѣлъ сдѣлать Нравоученіе наукою столь же достовѣрною и очевидною, сколь достовѣрна и очевидна Математика [504]. Мысли Декартовы о выгодахъ для людей отъ взаимной ихъ услужливости и о необходимости для каждаго изъ нихъ помощи отъ другихъ составили основаніе для нравственнаго ученія Пуфендорфа. Но имѣя на своемъ поприщѣ уже знаменитыхъ предшественниковъ въ Гроціи и Гоббезѣ, онъ много заимствовалъ отъ обоихъ писателей; отъ послѣдняго въ особенности были заимствованы имъ основныя начала законовъ государственныхъ.

§ 391.

Сообразно тремъ источникамъ, изъ которыхъ люди почерпаютъ познаніе о своихъ обязанностяхъ, Пуфендорфъ раздѣляетъ ученіе о

[500] Род. въ 1632 г., ум. въ 1694.

[501] *Sam. Pufendorf,* Elementa jurisprudentiæ universalis. Hag. Com. 1660.

[502] De jure naturæ et gentium libri VIII. Lund., 1672; Francof., 1684. in-4. — Cum notis Hertii, Barbeyracii et Mascovii. Francf. et Lips., 1744. — Французскій превосходный переводъ Барбейраковъ вышелъ въ первый разъ въ Amsterd., 1706; 4-е изд. Basel, 1732. II vol. in-4; новое изданіе 1771.

[503] De officio hominis et civis libri II. Lund, 1673 in-8. Cum notis variorum Lugd. Batav. 1769. II vol. in-8. — Французскій переводъ сдѣланъ Барбейракомъ и вышелъ въ Amsterd., 1707; новое изданіе 1830.

[504] De I. N. et G. Lib. I, cap. 2.

должностяхъ человѣческихъ на Право Естественное, Право Гражданское и Нравственное Богословіе. Источникомъ познанія для первой науки есть, по словамъ Пуфендорфа, разумъ (свѣтъ природы), для второй — законы положительные, для третьей — Священное Писаніе (или Божественное Откровеніе); въ первой опредѣляются самыя общія обязанности человѣка и гражданина, во второй — обязанности члена извѣстнаго гражданскаго общества, въ третьей обязанности Христіанина. Различіе между Правомъ Естественнымъ и Нравственнымъ Богословіемъ въ особенности, по мнѣнію Пуфендорфа, состоитъ въ томъ, что 1) цѣль Права Естественнаго ограничивается предѣлами настоящей жизни и оно имѣетъ въ виду только образовать человѣка для общежитія, чтобъ онъ могъ жить въ обществѣ съ подобными себѣ; напротивъ Богословіе Нравственное смотритъ на жизнь будущую, небесную, и для ней хочетъ образовать Христіанина. 2) Право естественное большею частію занимается устроеніемъ дѣйствій человѣка; Богословіе нравственное, не довольствуясь симъ, старается преимущественно о томъ, чтобъ самое сердце и всѣ внутреннія его движенія сообразны были съ волею Божественною. 3) Право Естественное разсматриваетъ человѣка, какъ онъ есть въ настоящемъ его положеніи, съ его различными страстями и порочными наклонностями; напротивъ Нравственное Богословіе имѣетъ въ виду первоначальную, неиспорченную природу человѣка, какъ она была въ состояніи невинности. Разумъ, оставленный себѣ самому, не можетъ знать, что человѣкъ самъ виною своего настоящаго бѣдственнаго положенія и своей преклонности ко злу. По этому Пуфендорфъ почитаетъ невозможнымъ выводить въ Наукѣ Права Естественнаго обязанности человѣка изъ состоянія невинности, хотя, по его словамъ, существо обязанностей человѣка въ состояніи невинности и въ состояніи испорченности одинаково; различіе же между обязанностями одного и обязанностями другаго состоянія заключается въ различіи приложенія общихъ правилъ къ частнымъ случаямъ, такъ какъ въ состояніи невинности многихъ установленій и отношеній, какія нынѣ существуютъ, или бы совсѣмъ не существовало, или бы они существовали въ другомъ видѣ [505].

§ 392.

Бытіе и существо всѣхъ нравственныхъ предметовъ Пуфен-

[505] De off. hom. et civ. præf. § 4—14.

дорфъ производитъ изъ установленія Божественнаго или человѣческаго. Воля Божественная или воля человѣческая установляетъ между людьми извѣстныя права и обязанности. Таже воля и поддерживаетъ сіи права и обязанности въ ихъ бытіи; они существуютъ только до тѣхъ поръ, доколѣ воля, ихъ установившая, хочетъ, чтобъ они существовали [506].

Воля даетъ бытіе нравственнымъ предметамъ посредствомъ законовъ, ею установляемыхъ. По примѣру прежнихъ писателей Пуфендорфъ раздѣляетъ всѣ законы на Божескіе и человѣческіе; законъ Божескій дѣлится у него на законъ откровенный и законъ естественный [507].

§ 393.

Разсматривая человѣческія дѣянія въ ихъ отношеніи къ закону и различнымъ его видамъ, Пуфендорфъ выводитъ отсюда и объясняетъ понятія нравственной доброты дѣяній, правды, обязанностей естественныхъ и привходящихъ, правъ совершенныхъ и несовершенныхъ, и наконецъ понятіе справедливости.

Дѣяніями нравственно-добрыми Пуфендорфъ называетъ согласныя съ закономъ, нравственно-худыми — несогласныя съ нимъ, наконецъ позволительными — тѣ, о которыхъ законъ ни въ ту, ни въ другую сторону ничего не постановляетъ. Впрочемъ, по замѣчанію Пуфендорфа, въ гражданской жизни, гдѣ нельзя все опредѣлить съ точностію, называются позволительными и тѣ дѣянія, за которыя не назначено человѣческаго наказанія, хотя сами въ себѣ они несогласны съ правилами естественной честности.

Праведными называются, по словамъ Пуфендорфа, иногда лица, иногда дѣянія. Правда, какъ принадлежность лица, есть постоянная и всегдашняя воля отдавать каждому свое. Праведнымъ называется дѣяніе, съ намѣреніемъ предпринимаемое, посредствомъ котораго воздается кому нибудь то, что принадлежитъ ему. Праведность дѣяній, по мнѣнію Пуфендорфа, отличается отъ доброты особенно тѣмъ, что доброта означаетъ просто согласіе дѣяній съ закономъ, а правда сверхъ того заключаетъ въ себѣ указаніе на людей, по отношенію къ коимъ совершаются праведныя дѣйствія.

Слѣдуя обыкновенному раздѣленію, Пуфендорфъ раздѣляетъ правду на правду всеобщую и правду особенную. Правдою всеоб-

[506] De I. N. et G. Lib. I, cap. 1.
[507] De off hom. et civ. Lib. I, cap. 2. § 16.

щею называется исполненіе всѣхъ вообще обязанностей по отношенію къ другимъ, даже и такихъ, къ исполненію которыхъ обязанный не можетъ быть принужденъ силою или судебнымъ искомъ. Правдою особенною называется исполненіе такихъ обязанностей, къ исполненію которыхъ обязанный можетъ быть принужденъ силою или искомъ судебнымъ. Право человѣка въ первомъ случаѣ Пуфендорфъ называетъ правомъ несовершеннымъ [508].

Естественная обязанность, по ученію Пуфендорфа, вытекаетъ прямо и непосредственно изъ природы человѣка. Обязанность приходящая есть та, которая образуется для человѣка въ слѣдствіе его дѣянія и по собственному его согласію. Какъ обязанностямъ въ одномъ лицѣ соотвѣтствуютъ права въ другомъ, то въ этомъ раздѣленіи скрывается основаніе для раздѣленія всѣхъ правъ на права прирожденныя и пріобрѣтенныя, не высказаннаго впрочемъ ясно Пуфендорфомъ [509].

Въ опредѣленіи справедливости (aequitas) Пуфендорфъ совершенно слѣдуетъ Аристотелю [510].

§ 394.

Чтобъ опредѣлить существо и основаніе закона естественнаго, Пуфендорфъ разсматриваетъ природу человѣка. Подобно прочимъ животнымъ, человѣкъ всего болѣе любитъ себя самого, — старается сохранять себя всѣми возможными средствами, ищетъ того, что представляется ему добромъ, и отвращается отъ зла. Но изъ другихъ животныхъ едва ли какое нибудь раждается столько слабымъ, сколько человѣкъ бываетъ слабъ отъ рожденія. Люди раждаются такъ безсильны, что надлежало бы почесть чудомъ, когда бы кто изъ нихъ могъ вырости безъ помощи другихъ. Если и нынѣ, послѣ того, какъ изобрѣтено уже множество разныхъ пособій для удовлетворенія нуждамъ человѣческимъ, надобно бываетъ со всѣмъ вниманіемъ учить человѣка въ продолженіи многихъ лѣтъ, чтобъ сдѣлать только его способнымъ пріобрѣтать собственными силами пищу и одежду; что же будетъ съ нимъ, когда онъ останется безъ всякой помощи со стороны другихъ людей! Сообщество съ подобными себѣ облегчаетъ для человѣка достиженіе всѣхъ вообще выгодъ и удобствъ жизни. Но хотя люди не могутъ обойтись безъ взаимной помощи и могутъ

508 Ibid. § 11—15.
509 De I. N. et G. Lib. III, cap. 4, § 3 et cap. 5, § 1.
510 De off. hom. et civ. Lib. I, cap. 2, § 10.

весьма много быть полезными другъ для друга, однако же они имѣютъ большую наклонность и силу вредить другъ другу; они злы, раздражительны, чрезъ мѣру самолюбивы. Это дѣлаетъ обращеніе съ ними опаснымъ и заставляетъ наблюдать въ сношеніяхъ съ ними большую осторожность. Съ такою природою человѣкъ не иначе можетъ существовать и наслаждаться благами, сообразными съ настоящимъ его состояніемъ, какъ сдѣлавшись общительнымъ, живя въ добромъ согласіи съ подобными себѣ и такъ поступая съ ними, чтобъ они не только не имѣли справедливой причины дѣлать ему что нибудь худое, но еще имѣли побужденіе соблюдать его выгоды. Такимъ образомъ, по мнѣнію Пуфендорфа, основный законъ естественный для насъ есть — быть, сколько отъ насъ зависитъ, общительными. Отсюда вытекаютъ всѣ другіе законы естественные, показывающіе, какъ человѣкъ долженъ вести себя, чтобъ быть годнымъ членомъ человѣческаго общества[511].

§ 395.

Всѣ должности, основывающіяся на законѣ естественномъ, согласно съ общепринятымъ ихъ раздѣленіемъ, дѣлятся у Пуфендорфа, по различію лицъ, къ которымъ онѣ обращены, на должности человѣка *къ Богу, къ себѣ самому* и *къ ближнимъ.* Непосредственно изъ общительности, по замѣчанію Пуфендорфа, проистекаютъ только должности человѣка къ ближнимъ. Непрямо могутъ быть выведены оттуда и должности къ Богу, такъ какъ главнѣйшая опора должностей человѣка къ ближнимъ есть религія, безъ которой человѣкъ совсѣмъ не былъ бы общителенъ. Наконецъ должности человѣка къ себѣ самому проистекаютъ изъ общительности и религіи, взятыхъ вмѣстѣ; человѣкъ по тому и не можетъ совершенно произвольно располагать собою, что иначе онъ не можетъ быть истиннымъ служителемъ Верховнаго Существа и членомъ общества человѣческаго, не только безвреднымъ, но и полезнымъ[512]. Впрочемъ ученіе Пуфендорфа *о должностяхъ человѣка къ Богу* не подлежитъ нашему разсмотрѣнію.

§ 396.

Излагая должности человѣка *къ себѣ самому,* Пуфендорфъ говоритъ о должностяхъ его: 1) по отношенію къ душѣ своей, 2) по отношенію къ тѣлу. Изъ обязанности человѣка сохранять свою

[511] De off. hom. et civ. Lib. I, cap. 3.
[512] Ibid. § 13.

жизнь, свои члены, свою невинность, свои вещи Пуфендорфъ выводитъ право его оборонять себя въ случаѣ нападенія и по мѣрѣ нужды отражать силу силою. Обязанность общительности, говоритъ Пуфендорфъ, взаимна. Природа никому не даетъ преимущества нарушать свои законы, такъ чтобъ другіе, не смотря на это, должны были жить съ нимъ въ мирѣ. Когда кто нибудь попираетъ законы мира, замышляетъ предпріятія, клонящіяся къ моей погибели, то послѣ сего я не обязанъ смотрѣть на него, какъ на лице священное и неприкосновенное. Еслибъ я не сталъ защищаться противъ него, то я измѣнилъ бы себѣ самому и пренебрегъ бы своимъ собственнымъ сохраненіемъ, чтобъ дать злодѣю господствовать ненаказанно и съ полною свободою. Всѣ блага природы и нашей собственной изобрѣтательности для насъ сдѣлались бы безполезны, если бы въ случаѣ несправедливаго на насъ нападенія мы не имѣли права противополагать силу силѣ; въ такомъ случаѣ люди честные и добрые непрерывно находились бы въ опасности сдѣлаться вѣрною добычею злодѣевъ. Словомъ, запретивъ человѣку совершенно защищать себя въ случаѣ неправеднаго на него нападенія, мы бы постановили такое правило, которое не только не служитъ къ сохраненію мира, но еще явно клонится къ погибели рода человѣческаго. Впрочемъ человѣкъ, по мнѣнію Пуфендорфа, не имѣетъ безусловной обязанности защищать себя, особенно съ употребленіемъ вооруженной силы. Нельзя думать, говоритъ Пуфендорфъ, чтобъ дѣйствіе, которое имѣетъ столь пагубныя послѣдствія для подобныхъ намъ, составляло обязанность, опущеніе которой было бы грѣхомъ; сверхъ того существуетъ общее правило, что каждый можетъ отказаться отъ своихъ преимуществъ, какъ скоро это можетъ быть сдѣлано безъ вреда для третьяго лица. Есть, по словамъ Пуфендорфа, лица, противъ которыхъ мы даже не должны защищать себя, хотя бы они сдѣлали на насъ несправедливое нападеніе; таковы напр. всѣ тѣ, которыхъ жизнь въ высочайшей степени полезна для другихъ людей. Есть также извѣстныя правила, которыя человѣкъ при всякомъ защищеніи себя долженъ наблюдать, если онъ не хочетъ самъ сдѣлаться неправеднымъ [513].

§ 397.

Должности человѣка къ *ближнему* Пуфендорфъ раздѣляетъ на *безусловныя* (officia absoluta) и *условныя* (officia hypothetica):

[513] Ibid. Lib. I, cap. 5.

первыя проистекаютъ изъ общаго природнаго отношенія человѣка къ человѣку, какъ къ человѣку, и обязываютъ людей, въ какомъ бы состояніи они ни находились, независимо отъ какого нибудь особеннаго установленія; вторыя предполагаютъ извѣстное особенное состояніе, или установленіе, устроенное волею людей. Первыя должны быть исполняемы противъ каждаго человѣка, вторыя — только противъ извѣстныхъ лицъ [514].

§ 398.

Безусловныя обязанности человѣка къ ближнимъ своимъ, по ученію Пуфендорфа, суть: не обижать другихъ, нарушая естественныя или пріобрѣтенныя ихъ блага; признавать другихъ такими же людьми, и потому не надмѣваться; благотворить другимъ и, сколько возможно, споспѣшествовать ихъ пользамъ [515].

§ 399.

Переходя отъ безусловныхъ должностей къ условнымъ, Пуфендорфъ излагаетъ предварительное ученіе *о договорахъ*, такъ какъ, по его словамъ, должности условныя всегда предполагаютъ существованіе договора, явно или молча заключеннаго. Необходимость договоровъ и святаго храненія данныхъ обѣщаній Пуфендорфъ доказываетъ тѣмъ, что хотя должности человѣколюбія имѣютъ обширный объемъ, однакоже изъ этого одного источника никакъ нельзя вывести всего того, что люди съ пользою могутъ получать другъ отъ друга. Не всякой такъ добръ, чтобъ по одному человѣколюбію сталъ дѣлать для другихъ все, чѣмъ онъ можетъ быть имъ полезенъ, не надѣясь получить за то возмездіе. Часто услуги, которыя могутъ намъ сдѣлать другіе, таковы, что мы не осмѣлимся ихъ требовать безъ всякаго за то съ нашей стороны вознагражденія; часто также намъ по нашему достатку или званію бываетъ неприлично получать отъ другихъ такое благодѣяніе. Нерѣдко наконецъ другіе не знаютъ, какимъ бы образомъ они могли содѣйствовать нашимъ выгодамъ. Въ такихъ случаяхъ людямъ необходимо надобно условливаться между собою. Это совершается посредствомъ договоровъ. Но договоры были бы безполезны и никто не сталъ бы полагаться на нихъ, еслибъ не было принято за правило: свято исполнять ихъ. Посему необходимость святаго храненія договоровъ вытекаетъ непосредственно

[514] Ibid. cap. 6, § 1.
[515] Ibid. cap. 6—8.

изъ необходимости ихъ существованія для блага человѣческаго рода. При этомъ Пуфендорфъ замѣчаетъ, что исполненія обязанностей, вытекающихъ изъ человѣколюбія, мы не можетъ требовать отъ другихъ, употребляя къ тому силу, или прибѣгая къ помощи правительства, между тѣмъ какъ исполненія обязанностей, вытекающихъ изъ договоровъ, можно требовать, прибѣгая къ собственной силѣ или прося содѣйствія законной власти. Въ этой особенности Пуфендорфъ находитъ существенное различіе между обязанностями перваго и втораго рода. На дѣянія перваго рода, говоритъ онъ, мы имѣемъ право несовершенное, на дѣянія втораго рода — совершенное; къ дѣяніямъ перваго рода мы обязываемся несовершеннымъ образомъ, къ дѣяніямъ втораго — совершеннымъ [516].

§ 400.

Къ *особеннымъ установленіямъ*, изъ которыхъ могутъ проистекать условныя обязанности, у Пуфендорфа относятся: *рѣчь*, *право на вещи* и *цѣна* ихъ, наконецъ *власть надъ людьми* [517].

§ 401.

Въ рѣчи законъ естественный, по ученію Пуфендорфа, повелѣваетъ человѣку быть правдивымъ, какъ вообще, такъ особенно въ томъ случаѣ, когда онъ удостовѣряетъ въ чемъ нибудь другаго клятвенно. Существованіе такой обязанности предполагаетъ соглашеніе между людьми объ употребленіи словъ въ извѣстномъ, опредѣленномъ значеніи, безъ чего людямъ невозможно было бы жить вмѣстѣ [518].

§ 402.

Происхожденіе *правъ на вещи* Пуфендорфъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: человѣкъ имѣетъ нужду въ различныхъ вещахъ; и такъ, безъ сомнѣнія, не безъ воли Творца онъ употребляетъ ихъ для своей пользы. Первоначально всѣ вещи были выложены Творцемъ передъ людьми, какъ бы на срединѣ, такъ что не болѣе онѣ принадлежали одному, какъ и другому. Но какъ не всякою вещію можно пользоваться многимъ людямъ вмѣстѣ въ одно и тоже время и не всѣ вещи производитъ природа въ довольномъ изобиліи, то, когда родъ человѣческій былъ еще немногочисленъ, люди согласи-

516 Ibid. cap. 9.
517 Ibid. cap. 9, § 23.
518 Ibid. cap. 10 et 11.

лись между собою, чтобъ каждому изъ нихъ принадлежали тѣ произведенія отъ вещей, какими онъ овладѣвалъ для обращенія ихъ въ свою пользу, самое же существо вещей должно было оставаться никому непринадлежащимъ. По умноженіи рода человѣческаго, когда люди стали употреблять свои труды на обработываніе нужныхъ для нихъ вещей, они, для избѣжанія ссоръ и для введенія правильнаго устройства, раздѣлили между собою вещи и по самому ихъ существу. Каждому назначенъ былъ свой участокъ, но съ такимъ условіемъ, чтобъ все прочее, не вошедшее въ раздѣлъ, принадлежало тому, кто первый этимъ овладѣетъ. Объяснивши такимъ образомъ происхожденіе собственности, Пуфендорфъ опредѣляетъ потомъ ея понятіе, различные способы ея пріобрѣтенія, нынѣ существующіе, и должности, изъ ней возникающія. Онъ различаетъ первоначальные и производные способы пріобрѣтенія собственности. Къ первоначальнымъ способамъ относятся: овладѣніе вещію, никому не принадлежащею, и увеличеніе нашей вещи посредствомъ разныхъ приращеній. Къ производнымъ способамъ относятся: наслѣдство по закону и по завѣщанію, дареніе, передача съ опредѣленнымъ вознагражденіемъ, наказаніе лишеніемъ всего или части имущества, давность владѣнія [519].

§ 403.

Цѣна вещей, по ученію Пуфендорфа, установляется окончательно соглашеніемъ людей. Деньги, какъ общая мѣра цѣнности, введены въ употребленіе также согласіемъ людей. Говоря о цѣнѣ вещей и деньгахъ, Пуфендорфъ излагаетъ вмѣстѣ и договоры, которые предполагаютъ существованіе цѣнъ [520].

§ 404.

Обязанности, которыя мы доселѣ изъясняли, Пуфендорфъ обнимаетъ подъ общимъ названіемъ *обязанностей человѣка*. Онѣ для своего существованія не предполагаютъ никакого особеннаго союза между людьми. Отъ нихъ отличны обязанности, которыя предполагаютъ бытіе особенныхъ союзовъ между людьми. Обязанности сего рода Пуфендорфъ называетъ *обязанностями гражданина* (civis), т. е. члена извѣстнаго общества. Онѣ-то проистекаютъ изъ *власти* одного человѣка надъ другимъ. Для объясненія ученія о власти меж-

[519] Ibid. cap. 12 et 13.
[520] Ibid. cap. 14—17.

ду людьми Пуфендорфъ разсуждаетъ о *естественномъ состоянiи* человѣка. Естественное состоянiе, говоритъ онъ, можетъ быть разсматриваемо по указанiю разума въ трояконъ отношенiи: въ *отношенiи* человѣка къ *Богу,* къ *себѣ самому* и къ *другимъ людямъ.* Въ *первомъ отношенiи* это есть такое состоянiе человѣка, въ которое поставилъ его Творецъ, когда восхотѣлъ возвысить его надъ прочими животными. Въ слѣдствiе сего состоянiя человѣкъ долженъ познавать и почитать своего Творца, удивляться его дѣламъ и вести жизнь совершенно отличную отъ жизни неразумныхъ животныхъ. По сей причинѣ и естественному состоянiю въ такомъ смыслѣ противополагается жизнь и состоянiе неразумныхъ животныхъ. Во *второмъ отношенiи* мы разсматриваемъ естественное состоянiе человѣка, когда воображаемъ себѣ, въ какомъ бы онъ былъ положенiи, еслибъ былъ оставленъ себѣ одному, безъ всякой сторонней помощи, предполагая въ немъ туже самую природу, какую онъ теперь имѣетъ. Что можетъ быть, по видимому, жалче его? Естественному состоянiю въ этомъ смыслѣ противополагается жизнь, утонченная искуствомъ человѣческимъ. Наконецъ въ *третьемъ отношенiи* мы разсматриваемъ естественное состоянiе человѣка, если обращаемъ вниманiе на то, какъ должны поступать люди между собою въ слѣдствiе обще-человѣческой связи между ними, независимо отъ договоровъ, какiе могутъ соединять ихъ еще особеннымъ образомъ. Въ естественномъ состоянiи по этому объ немъ понятiю живутъ люди, не признающiе никакого общаго надъ собою властелина и не подчиненные другъ другу, не сдѣлавшiе другъ другу ни обидъ, ни благодѣянiй. Естественное состоянiе въ такомъ смыслѣ противополагается состоянiю въ гражданскомъ обществѣ. На естественное состоянiе, въ этомъ смыслѣ понимаемое, можно смотрѣть или какъ на одно предположенiе, или какъ на нѣчто дѣйствительное. Разсматривая естественное состоянiе, какъ одно предположенiе, мы воображаемъ себѣ, что или съ самаго начала было извѣстное количество людей безъ всякой взаимной зависимости, или весь родъ человѣческiй уже такъ раздѣлился, что каждый управляется самъ собою и не связывается никакими узами съ прочими людьми, кромѣ узъ, основывающихся на единствѣ человѣческой природы. Напротивъ дѣйствительное естественное состоянiе существуетъ между членами извѣстнаго общества и всѣми прочими людьми, не принадлежащими къ этому обществу. Такое состоянiе существуетъ нынѣ между различными государствами и гражданами различныхъ государствъ, а

нѣкогда оно существовало между различными отцами семействъ. Дѣти, родившіеся у нашихъ прародителей, отъ которыхъ по свидѣтельству Священнаго Писанія произошли всѣ люди, подчинены были одной и той же отеческой власти. Но люди, чтобъ наполнить землю и дать болѣе простора себѣ и стадамъ своимъ, оставивъ отеческія жилища, разсѣялись по разнымъ странамъ, и каждый почти мужчина основалъ свое особенное семейство. Между потомками ихъ, которые разсѣевались такимъ же образомъ, мало по малу совершенно изгладилось чувство особенной родственной связи и проистекавшей оттуда привязанности другъ къ другу и наконецъ осталась между ними одна только общая связь, основывающаяся на единствѣ ихъ человѣческой природы. Такое состояніе продолжалось дотолѣ, пока родъ человѣческій не размножился значительно и люди не усмотрѣли невыгодъ раздѣльной жизни. Тогда ближайшіе между собою по жилищамъ мало по малу составили гражданскія общества, сначала въ маломъ, потомъ уже въ большемъ объемѣ. Послѣднія образовались изъ меньшихъ или сами собою и естественнымъ образомъ, или посредствомъ насилія. Между гражданскими обществами, такъ какъ они связываются между собою только общимъ человѣческимъ союзомъ, состояніе естественное существуетъ и понынѣ. Людямъ, живущимъ въ такомъ состояніи, принадлежитъ то особенное право, что они кромѣ Бога никому не подчинены. По этой причинѣ сіе состояніе называется также состояніемъ естественной независимости. Но какъ ни обольстительнымъ можетъ показаться отъ того естественное состояніе; однакоже оно, по ученію Пуфендорфа, до образованія гражданскихъ обществъ сопровождается многими невыгодами, вообразимъ ли мы себѣ, что въ этомъ состояніи находятся всѣ и каждый порознь изъ людей, или мы будемъ смотрѣть на положеніе живущихъ отдѣльно другъ отъ друга отцевъ семействъ. Здѣсь каждый держится только собственною силою и ничто не имѣетъ надлежащаго обезпеченія; здѣсь намъ представляется господство страстей, война, страхъ, бѣдность, безобразіе, одинокость, варварство, невѣжество, звѣрство. Напротивъ въ гражданскомъ обществѣ каждый поддерживается и защищается силами всѣхъ; плоды промышленности въ немъ обезпечены; въ немъ представляются намъ владычество разума, миръ, безопасность, богатство, краса, изящество, общество, знаніе, благорасположеніе другъ къ другу. Въ естественномъ состояніи, далѣе, когда кто нибудь не исполняетъ договора, или наноситъ другому обиду, когда возникаетъ

какой нибудь споръ, нѣтъ лица, которое бы своею властію могло принудить нарушителя договора къ исполненію долга, обидчика къ вознагражденію обиды, или которое бы могло рѣшить распрю. Противное этому видимъ мы въ гражданскихъ обществахъ, гдѣ каждый можетъ искать себѣ защиты у общаго судіи. Наконецъ въ естественномъ состояніи нельзя положиться на чью либо дружбу, а надобно жить въ непрестанномъ опасеніи; по чему здѣсь владычествуютъ непрерывныя подозрѣнія, недовѣріе, коварство, злые умыслы [521]. Таковы неудобства состоянія или безъ всякой власти, или съ одною властію семейственною.

§ 405.

Самая *власть* между людьми бываетъ, по ученію Пуфендорфа, четырехъ родовъ:

1) Власть *супружеская.*
2) Власть *отеческая.*
3) Власть *господская.*
4) Власть *гражданская.*

§ 406.

Власть супружеская возникаетъ изъ брака. Общее обязательство въ брачной жизни, по мнѣнію Пуфендорфа, основывается на томъ, что при безпорядочномъ соединеніи половъ между собою не могло бы существовать между людьми благоустроеннаго общества. Бракъ заключается посредствомъ договора, которымъ супруги обязываются взаимною другъ другу вѣрностію, а жена въ особенности обѣщается жить вмѣстѣ съ своимъ мужемъ и въ дѣлахъ семейныхъ быть ему покорною. Что касается различныхъ видовъ брака, поліандрію Пуфендорфъ признаетъ явно противною закону естественному; но онъ не отвергаетъ многоженства рѣшительно, находя впрочемъ моногамію установленіемъ болѣе согласнымъ съ благопристойностію и болѣе полезнымъ. Бракъ между родителями и дѣтьми и вообще родственниками въ восходящей и нисходящей степени, Пуфендорфъ почитаетъ прямо несогласнымъ съ закономъ естественнымъ; бракъ между родственниками боковыми запрещается, по его мнѣнію, только закономъ положительнымъ, преимущественно съ тою цѣлію, чтобъ поставить преграду къ нарушенію перваго запрещенія, установленнаго закономъ естественнымъ [522].

[521] De off. hom et civ. Lib. II, cap. 1.
[522] Ibid. cap. 2.

§ 407.

Надъ *дѣтьми* принадлежитъ родителямъ особенная *власть*, по мнѣнію Пуфендорфа, частію непосредственно на основаніи закона естественнаго, который, повелѣвая людямъ быть общительными, съ тѣмъ вмѣстѣ возлагаетъ на родителей обязанность имѣть попеченіе о дѣтяхъ, частію на основаніи предполагаемаго на это согласія самихъ дѣтей. Въ гражданскихъ обществахъ, учрежденныхъ мужчинами, говоритъ Пуфендорфъ, власть надъ дѣтьми, рожденными въ законномъ бракѣ, принадлежитъ отцу, хотя въ естественномъ состояніи она можетъ принадлежать по условію матери; власть же надъ дѣтьми, рожденными внѣ брака, всегда, по словамъ Пуфендорфа, принадлежитъ первоначально матери [523].

§ 408.

Происхожденіе *власти господской* Пуфендорфъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: люди, по умноженіи рода человѣческаго, тотчасъ замѣтили, съ какимъ удобствомъ различныя дѣла въ домѣ могутъ быть отправляемы посредствомъ особыхъ слугъ, почему и стали присоединять къ своимъ семействамъ рабовъ. Сначала, вѣроятно, нѣкоторые люди добровольно вступили въ услуженіе, по бѣдности или тупоумію, и, выговоривъ для себя на всю жизнь содержаніе, навсегда обязались служить своему господину. Въ послѣдствіи времени, когда войны сдѣлались чаще, у многихъ народовъ вошло въ обычай обращать въ рабство военноплѣнныхъ, вмѣстѣ и съ потомствомъ, какое могло отъ нихъ произойти. Подъ симъ условіемъ имъ была даруема жизнь. Впрочемъ, замѣчаетъ Пуфендорфъ, у многихъ народовъ пожизненное или вѣчное рабство неизвѣстно, а всѣ домашнія дѣла исправляются наемными слугами [524]. Такимъ образомъ, выводя рабство изъ добровольнаго согласія самихъ лицъ, находящихся въ немъ, Пуфендорфъ признаетъ его установленіемъ совершенно естественнымъ.

§ 409.

Причиною, побудившею людей вступить въ гражданскія общества, было, по мнѣнію Пуфендорфа, желаніе ихъ обезопасить себя противъ обидъ, грозящихъ имъ другъ отъ друга. Когда такимъ обра-

[523] Ibid. cap. 3.
[524] Ibid. cap. 4.

зомъ они достигли безопасности, то, естественно, тѣмъ лучше могли пользоваться и всѣми выгодами, какія люди доставляютъ взаимно другъ другу. Для доставленія себѣ безопасности люди должны были въ значительномъ количествѣ соединиться вмѣстѣ (pactum unionis civilis), установить образъ правленія (decretum formæ) и наконецъ подчинить свои воли волѣ одного извѣстнаго лица (pactum subjectionis civilis), обязавшись употреблять силы только по его назначенію [525]. Такъ произошло гражданское общество!

Относительно учрежденія верховной власти Пуфендорфъ принимаетъ простые и смѣшенные образы правленія. Къ простымъ онъ относитъ Монархію, Аристократію и Демократію. Смѣшенные составляются изъ простыхъ. Въ каждомъ образѣ правленія Пуфендорфъ находитъ извѣстныя выгоды и невыгоды [526]. Качества [527], права [528] и предметы дѣйствія [529] верховной власти Пуфендорфъ опредѣляетъ вообще такъ же, какъ и Гоббезъ. Въ ученіи о наказаніяхъ [530], въ подробностяхъ ученія о войнѣ, мирѣ и договорахъ между народами [531] онъ слѣдуетъ Гроцію. Но общее понятіе о народномъ правѣ у Пуфендорфа такое же, какое у Гоббеза: для него, какъ и для Гоббеза [532], законъ народовъ есть только приложеніе общаго естественнаго закона о должностяхъ отдѣльныхъ лицъ къ отношеніямъ между государствами; онъ не допускаетъ никакого въ собственномъ смыслѣ произвольнаго закона народовъ, такъ какъ для народовъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ не существуетъ никакой высшей власти, которая бы могла предписывать имъ законы, договоры же, какіе они заключаютъ другъ съ другомъ, не могутъ быть названы законами [533].

§ 410.

Ученіе Пуфендорфа не было принято съ спокойнымъ одобреніемъ. Напротивъ оно дало поводъ къ жаркимъ преніямъ [534]. Не

[525] Ibid. cap. 5 et 6.
[526] Ibid. cap. 8 et 10.
[527] Ibid. cap. 9.
[528] Ibid. cap. 7, 14 et 15.
[529] Ibid. cap. 11.
[530] Ibid. cap. 13 et 14.
[531] Ibid. cap. 16 et 17.
[532] См. выше § 331.
[533] De I. N. et G. Lib. II, cap. 3, § 23.
[534] Исторія сихъ споровъ подробно изложена самимъ Пуфендорфомъ въ его Eris Scandica и у Людовици въ Delineatio historiæ juris divini naturalis et positivi universalis, § 46—106.

только частныя положенія въ немъ были опровергаемы, но и основныя его начала подвергались различнымъ нападеніямъ.

Богословы Германскіе находили самое покушеніе Пуфендорфа — представить ученіе о законѣ естественномъ по указанію разума, несогласнымъ съ духомъ Христіанства, и потому хотѣли начертать систему закона естественнаго по ученію христіанскому. Въ семъ отношеніи *Алберти* [535] и *Стримезій* [536] полагали, что основаніемъ закона естественнаго есть согласіе съ состояніемъ невинности; за образецъ и правило своихъ поступковъ человѣкъ долженъ принять это состояніе, стараясь по возможности къ нему приблизиться; естественный законъ для человѣка есть законъ его природы неиспорченной. *Мевій* [537], обращаясь также къ состоянію невинности, выводилъ начала закона естественнаго изъ образа Божія, напечатлѣннаго при самомъ сотвореніи въ душѣ человѣка. По паденіи прародителей образъ Божій былъ потерянъ людьми. Но Іисусомъ Христомъ онъ снова возстановленъ. Вмѣстѣ съ симъ Іисусъ Христосъ преподалъ и объяснилъ людямъ первоначальныя правила закона естественнаго. По чему нынѣ, по словамъ Мевія, естественнымъ закономъ для человѣка есть не что иное, какъ законъ Евангелія, — законъ природы обновленной.

Ограниченіе предписаній закона естественнаго внѣшними дѣйствіями человѣка и предѣлами настоящей жизни, дѣлаемое Пуфендорфомъ, порицали и Богословы, и Философы, — послѣдніе особенно по тому, что они силу человѣческаго разума въ познаніи вышеопытныхъ предметовъ представляли себѣ гораздо выше, чѣмъ Пуфендорфъ, который истину безсмертія духа человѣческаго находилъ недоступною для естественнаго разума, а потому почиталъ себя не въ правѣ обращать на нее вниманія въ изложеніи началъ закона естественнаго.

Мнѣніе Пуфендорфа, будто нравственныя понятія имѣютъ единственнымъ своимъ основаніемъ волю свободную, Божескую или человѣческую, встрѣтило сильныхъ себѣ противниковъ въ людяхъ, ко-

[535] *Valent. Alberti,* compendium juris naturæ, orthodoxæ theologiæ conformatum. Lipsiæ, 1676. in 8.

[536] *Sam. Strimesii,* origines morales, s. dissertationes aliquot selectiores vera moralium fundamenta complexæ. 1679.

[537] *Mevii,* prodromus jurisprudentiæ gentium communis. Въ 1686 г это сочиненіе было издано подъ другимъ, слѣдующимъ заглавіемъ: Nucleus juris naturalis et gentium, principia ejus et fundamenta exhibens, olib sub nomine prodromi jurisprudentiæ gentium communis emissus.

торые, слѣдуя схоластическимъ философамъ, думали, что даже независимо отъ воли Божественной, есть нѣчто доброе и злое само по себѣ, по своей внутренней природѣ.

Другіе, вмѣстѣ съ Пуфендорфомъ признавая послѣднимъ основаніемъ закона естественнаго волю Божію, не признавали общительности за самое ясное и самое точное ея выраженіе. — Такъ, по мнѣнію *Бодина* [538], законъ естественный есть воля Божія, открывающаяся въ томъ порядкѣ, въ какомъ по своему достоинству слѣдуютъ твари одна за другою, направляющая и обязывающая ихъ къ ненарушимому сохраненію своего порядка. Законъ естественный показываетъ намъ мѣсто, какое каждая вещь занимаетъ въ ряду тварей, и такимъ образомъ научаетъ насъ пользоваться каждою вещію въ этомъ самомъ порядкѣ и для той цѣли, для которой она сотворена. — *Генрихъ Кокцеи*, находя начало общительности недостаточнымъ для познанія правилъ закона естественнаго, почиталъ начало воли Божіей само по себѣ совершенно яснымъ и очевиднымъ [539]. Она, говоритъ Кокцеи, выражается или словами, — отсюда законъ откровенный; или дѣлами, — отсюда законъ естественный. Воля Божія, выражаемая дѣлами, усматривается изъ внутреннихъ движеній и влеченій сердца человѣческаго, изъ дѣйствій Творца — творенія и сохраненія, изъ достовѣрно извѣстной или вѣроятной цѣли тварей, изъ необходимости извѣстнаго средства, изъ природы Самого Святѣйшаго Творца [540].

Нѣкоторые, не отвергая Пуфендорфова начала общительности, признавали его впрочемъ слишкомъ тѣснымъ, и потому хотѣли расширить его, или присоединить къ нему еще другія начала, чтобъ оттуда вывести всѣ вообще обязанности человѣка. Такъ, *Центгравій* [541] дѣлаетъ различіе между общительностію всеобщею (socialitas generalis) и общительностію частною (socialitas specialis): первая существуетъ между Богомъ и людьми, вторая у людей между

[538] *Henrici Bodini*, diss. de jure mundi, anno 1690 Rinthelii ad disputandum publice proposita et a. 1698 Halæ iterum recusa.

[539] *Sam. Cocceji*, disp. de principio juris naturalis unico, vero et adæquato, hab. sub præsidio patris sui *Henrici Cocceji*. Francof. a. 1699. Ejusdem *Sam. Cocceji*, tractatus de principio juris naturalis unico, vero et adæquato. 1702.

[540] *Sam. de Cocceji*, introductio ad Henrici de Cocceji Grotium illustratum. Lausanne, 1751. in-4. Diss. X, cap. 1, pos. 4.

[541] *Joh. Joach. Zentgravius*, de origine, veritate et immutabili rectitudine juris naturalis secundum disciplinam Christianorum, ad gentilium tamen captum instituta disquisitio in Acad. Argent. 1678. — *Ejusdem* tractatus de summa juris divini, s isagogica institutio doctrinæ de justitia et jure. 1699.

собою; изъ первой вытекаютъ обязанности человѣка къ Богу, изъ второй — обязанности его къ другимъ людямъ. *Тицій* [542] представляетъ слѣдующія начала, какъ сущность закона естественнаго: почитай Бога, имѣй любовь къ себѣ самому и общительное расположеніе къ живымъ и мертвымъ, и старайся о размноженіи своего рода по законамъ человѣческой природы, согласно съ твоимъ естественнымъ или другимъ, въ какое ты можешь быть поставленъ, положеніемъ. *Буддей* [543] по различію трехъ родовъ человѣческихъ должностей принимаетъ также три начала, а именно: почитай Бога, живи умѣренно, будь общителенъ. *Мюльденеръ* [544] на мѣсто втораго изъ сихъ началъ поставляетъ слѣдующее: имѣй любовь къ себѣ самому. Другія два начала принимаются у него тѣже, какія у Буддея.

Пуфендорфъ мужественно боролся съ своими противниками. Наконецъ, если не общее начало его ученія, то по крайней мѣрѣ отдѣльныя мысли и понятія изъ сего ученія сдѣлались, особенно между законовѣдцами Германскими, господствующими. Это было между прочимъ послѣдствіе того обстоятельства, что Пуфендорфъ, будучи первымъ публичнымъ преподавателемъ науки Права Естественнаго въ Германіи [545], имѣлъ такимъ образомъ возможность внушить свои мысли множеству юныхъ своихъ слушателей. Много также содѣйствовалъ ему къ одержанію побѣды надъ противниками ревностнѣйшій его вначалѣ приверженецъ и защитникъ, Томазій, который хотя въ послѣдствіи, по видимому, значительно удалился отъ него, но тѣмъ самымъ развивши только мысль его еще глубже и давши его ученію единство направленія и состава, поставилъ это ученіе совершенно въ соотвѣтствіе съ требованіями положительнаго законовѣдѣнія своего времени.

[542] *Titii*, observationes ad librum Pufendorfii de officio hominis et civis. 1703.

[543] *Joh. Franc. Buddei,* elementa philosophiæ practicæ. 1695. in-8.

[544] *Joh, Christiani Müldeneri,* disp. inauguralis de juris naturæ definitione et fundamento, Effurti 1692 habita et a. 1698 Halæ iterum recusa.

[545] Собственно для Пуфендорфа учреждена была въ 1661 г. Пфальцграфомъ Рейнскимъ Карломъ Людвигомъ первая въ Германіи каѳедра Права Естественнаго въ Гейдельбергскомъ Университетѣ. Пуфендорфъ занималъ здѣсь эту каѳедру въ теченіи девяти лѣтъ. Въ 1670 г. онъ перешелъ по приглашенію Короля Шведскаго Карла XI во вновь учрежденный Люндскій Университетъ, въ которомъ ему поручено было преподаваніе того же предмета.

1655—1728.

II. ТОМАЗІЙ.

§ 411.

Въ *Томазіи* [546] должно отличать первоначальный образъ его мыслей отъ понятій его, какъ они измѣнились въ послѣдствіи времени.

1. Первоначальный образъ мыслей Томазія.

§ 412.

Жаркимъ приверженцемъ Пуфендорфа Томазій является въ сочиненіи: Institutionum jurisprudentiæ divinæ libri tres, in quibus fundamenta juris naturæ secundum hypotheses illustrissimi Pufendorfii perspicue demonstrantur. Francof. et Lipsiæ. 1688. 8. Но и здѣсь есть уже разныя особенности, принадлежащія непосредственно Томазію. На сіи-то особенности преимущественно мы должны обратить наше вниманіе, излагая первоначальный образъ его мыслей.

§ 413.

Подобно Пуфендорфу Томазій основываетъ бытіе нравственныхъ предметовъ на волѣ и законѣ, и, раздѣляя законъ вообще на Божескій и человѣческій [547], принимаетъ два вида перваго: законъ Божескій естественный и законъ Божескій откровенный [548]. Полагая цѣлію законовѣдѣнія, въ противоположность Богословію, временное благосостояніе человѣка [549], Томазій называетъ ученіе о тѣхъ частяхъ закона Божескаго, которыя имѣютъ въ виду эту цѣль непосредственно, *Божественнымъ Законовѣдѣніемъ*, ученіе же о законахъ человѣческихъ — *Законовѣдѣніемъ человѣческимъ* [550]. Приписывая закону естественному всеобщую обязательную силу и допуская двоякій законъ Божескій откровенный: общій для всего рода человѣческаго и особенный, данный Еврейскому народу, Томазій въ своемъ сочиненіи: Institutiones jurisprudentiæ divinæ, излагаетъ начала закона Божескаго естественнаго, съ присовокупленіемъ къ тому

[546] Род. въ 1655 г. въ Лейпцигѣ, ум. въ 1728.
[547] Institutiones jurisprudentiæ divinæ. Lib. I, cap. 1, § 78.
[548] Ibid. Lib. I, cap. 2, § 4.
[549] Ibid. Lib. I, cap. 1, § 159 et 163—169.
[550] Ibid. Lib. I, cap. 1, § 162.

правилъ закона Божескаго откровеннаго всеобщаго, которыми охраняется временное благосостояніе людей. Сіи правила служатъ для Томазія дополненіемъ къ началамъ закона естественнаго, особенно по отношенію къ тѣмъ нравственнымъ истинамъ, которыя были принимаемы всѣми Христіанскими и образованными народами, но справедливости коихъ, какъ думалъ Томазій, нельзя было доказать изъ ума. Почему Томазій вездѣ въ своемъ изложеніи строго различаетъ оба поименованные источника законовъ [551].

Какъ Пуфендорфъ, Томазій ограничиваетъ предписанія закона естественнаго предѣлами настоящей жизни [552] и настоящимъ положеніемъ человѣка [553]. При выведеніи правилъ поведенія, по которымъ должны поступать люди съ такою природою, какую они имѣютъ нынѣ, Томазій почитаетъ столь же неумѣстнымъ смотрѣть, какъ на образецъ, на какое нибудь совершеннѣйшее состояніе, сколь неумѣстно было бы напр. при лѣченіи больнаго, имѣющаго слабое тѣлосложеніе, прописывать лекарства, приличныя только для человѣка съ крѣпкимъ сложеніемъ тѣла [554].

Понятія о добротѣ дѣяній, правдѣ и справедливости [555], о правѣ и различныхъ видахъ правъ [556], у Томазія тѣ же самыя, какія у Пуфендорфа. Но сверхъ того у Томазія ясно упоминается раздѣленіе правъ на прирожденныя и пріобрѣтенныя. Прирожденными онъ называетъ права, которыя человѣкъ имѣетъ непосредственно отъ Бога, безъ согласія лица обязаннаго; — пріобрѣтенными тѣ, которыя принадлежатъ человѣку въ слѣдствіе договора съ другимъ [557]. Понятіе права, равно какъ и понятіе обязанности, у Томазія поставляется въ необходимой связи съ понятіемъ общества. Внѣ общества, по его словамъ, нѣтъ ни права, ни обязанности; въ обществѣ необходимо существуетъ то и другое [558].

Общительность Томазій также признаетъ кореннымъ началомъ закона естественнаго. Но у него дается этому началу особенное основаніе. Человѣкъ, говоритъ онъ, отличается отъ другихъ животныхъ своимъ разумомъ. Разумъ человѣка состоитъ въ мышленіи. Мыслить

[551] **Ibid. Lib. I, cap. 2, § 119—141.**
[552] **Ibid. Lib. I, cap. 2, § 134.**
[553] **Ibid. Lib. I, cap. 2, § 62.**
[554] **Ibid. Lib. I, cap. 4, § 41.**
[555] **Ibid. Lib. I, cap. 1, § 143—152.**
[556] **Ibid. Lib. I, cap. 1, § 82—142.**
[557] **Ibid. Lib. I, cap. 1, § 114.**
[558] **Ibid. Lib. I, cap. 1, § 100—102.**

значитъ соединять одно понятіе съ другимъ понятіемъ, предложеніе съ предложеніемъ; это послѣднее дѣйствіе называется умозаключеніемъ. Умозаключать мы можемъ не иначе, какъ посредствомъ словъ, которыя или удерживаются нами въ умѣ, или произносятся языкомъ. Но слова проистекаютъ изъ установленія людей, живущихъ въ томъ же обществѣ. — Далѣе, замѣчаетъ Томазій, дѣти не мыслятъ съ самымъ уже ихъ рожденіемъ, а только обладаютъ способностію мышленія. Но эта способность едва ли можетъ быть приведена въ дѣйствіе безъ сообщества человѣческаго. — Итакъ, заключаетъ Томазій, если разумъ не можетъ существовать безъ слова, а слово внѣ общества не имѣетъ никакого употребленія и разумъ внѣ общества не раскрывается; то мы не ошибемся, сказавши, что способность къ мышленію, которая существуетъ въ людяхъ прежде всякаго дѣйствія разума, есть не иное что, какъ наклонность размышлять съ другими людьми, по тому что всякая способность стремится къ дѣйствію, какъ къ своему концу, и слѣдовательно называть человѣка существомъ разумнымъ значитъ то же, что называть его существомъ общительнымъ. Общительность же, по опредѣленію Томазія, есть наклонность, прирожденная отъ Бога каждому человѣку провождать счастливую и спокойную жизнь съ другими людьми, — жизнь спокойную, по тому что въ безпокойномъ состояніи нельзя размышлять; когда такая спокойная жизнь существуетъ въ дѣйствительности, то между людьми существуетъ общество, — въ противномъ случаѣ — раздоръ. — Изъ опыта доказываетъ Томазій начало общительности тѣмъ, что внѣ общества человѣкъ или совсѣмъ не можетъ существовать, или не можетъ быть счастливымъ [559].

Относительно раздѣленія должностей человѣка на должности его къ Богу, къ себѣ самому и къ ближнимъ, Томазій замѣчаетъ, что разсмотрѣніе обязанностей къ Богу, именно обязанностей, касающихся внѣшняго Богослуженія, принадлежитъ Богословію, такъ какъ разумъ, оставленный себѣ самому, не можетъ усмотрѣть всей важности и силы внѣшняго Богослуженія. Если же подъ именемъ должностей человѣка къ Богу разумѣть общее обязательство, въ силу коего человѣкъ во всемъ долженъ повиноваться Богу; то, по словамъ Томазія, это обязательство есть основаніе, а не предписаніе закона естественнаго Должностей человѣка къ себѣ самому въ собственномъ смыслѣ, говоритъ Томазій, не существуетъ, по тому что никто ничѣмъ не можетъ быть обязанъ себѣ-самому; такъ называе-

[559] Ibid. Lib. I, cap. 4, § 51—72.

мыя должности человѣка къ себѣ самому въ существѣ вещи суть или обязанности его къ Богу, или обязанности къ другимъ людямъ, по тому что для исполненія обязанностей того и другаго рода онъ долженъ и съ самимъ собою обращаться извѣстнымъ образомъ [560]. Послѣ сего надлежало бы ожидать, что Томазій дѣйствительно исключитъ изъ предметовъ, имъ разсматриваемыхъ, обязанности къ Богу, изъ ученія же о должностяхъ человѣка къ себѣ самому возметъ только то, что можетъ имѣть отношеніе къ обязанностямъ человѣка въ разсужденіи своихъ ближнихъ и въ разсмотрѣніи соединитъ предметы того и другаго рода. Однакоже, не смотря на критическій разборъ обыкновеннаго раздѣленія должностей, онъ въ своемъ изложеніи ихъ слѣдуетъ тому же раздѣленію.

§ 414.

Основною обязанностію человѣка къ Богу по отношенію ко внѣшнимъ дѣйствіямъ у Томазія поставляется слѣдующая: почитай Бога сообразно сдѣланному Имъ откровенію [561].

При изложеніи обязанностей человѣка къ себѣ самому Томазій, по примѣру Пуфендорфа, разсуждаетъ о правѣ и обязанности человѣка защищать себя самого. Нѣтъ никакого сомнѣнія, говоритъ онъ, что защита себя позволительна, когда она дѣлается безъ вреда тому, кто замышляетъ противъ насъ зло. Но когда она соединена съ погибелью человѣка, который наноситъ намъ вредъ, въ такомъ случаѣ она, кажется, будетъ противна спокойствію и пользѣ человѣческаго общества. Это, по словамъ Томазія, только кажется; дѣйствительно же не только не противно спокойствію и пользѣ человѣческаго общества защищать себя даже съ погибелью того, кто дѣлаетъ на насъ нападеніе, но еще напротивъ запрещеніе этого послужило бы только къ погибели рода человѣческаго. Но далѣе спрашивается: обязанъ ли человѣкъ защищать себя съ употребленіемъ силы, или только онъ имѣетъ на это право, которымъ онъ можетъ и не пользоваться? Сей вопросъ Томазій рѣшаетъ по различнымъ отношеніямъ различно. Тѣмъ не менѣе онъ признаетъ правиломъ, что если дѣлающій нападеніе не имѣетъ никакой власти надъ тѣмъ, на кого онъ нападаетъ, то сей послѣдній обязанъ защищаться, хотя бы при томъ надлежало умертвить нападающаго, по тому что нападающій, дѣлая нападеніе, нарушаетъ явно общительность и совершенно неизвѣстно, испра-

[560] Ibid. Lib. I, cap. 4, § 74—76.
[561] Ibid. Lib. II, cap. 1, § 2.

вится ли онъ когда нибудь, между тѣмъ какъ тотъ, на кого онъ нападаетъ, имѣетъ обязанность способствовать по мѣрѣ силъ своихъ выгодамъ другихъ, а этой обязанности не въ состояніи будетъ выполнять тотъ, кто позволитъ себя умертвить другому. При семъ Томазій со всею точностію опредѣляетъ самыя границы обороны и разсматриваетъ тѣ блага человѣка, которыя могутъ быть защищаемы силою [562].

Обязанности человѣка къ другимъ людямъ, по ученію Томазія, касаются или отношеній людей вообще, или отношеній людей, живущихъ въ извѣстныхъ опредѣленныхъ обществахъ [563].

Обязанности, касающіяся отношеній людей вообще, Томазій раздѣляетъ на безусловныя и условныя [564]. — Основною между безусловными обязанностями человѣка Томазій признаетъ обязанность его обращаться съ каждымъ человѣкомъ, какъ съ такимъ же человѣкомъ. Отсюда Томазій выводитъ двѣ отрицательныя и двѣ положительныя обязанности. Первая отрицательная обязанность есть не приписывать себѣ (по гордости) болѣе, чѣмъ сколько мы приписываемъ другимъ; вторая — не приписывать другимъ, отнимая у нихъ принадлежащее имъ добро, менѣе, чѣмъ сколько мы приписываемъ себѣ. Первая положительная обязанность есть — споспѣшествовать выгодамъ другихъ не зависимо отъ какого нибудь договора съ ними; вторая — споспѣшествовать выгодѣ другихъ, свято соблюдая заключаемые съ ними договоры [565]. Извѣстныя обязанности Томазій называетъ условными не только потому, что нѣкоторыя изъ нихъ предполагаютъ существованіе договора между людьми, но особенно по тому, что они предполагаютъ обязанности перваго рода, какъ свое условіе [566]. Условныя обязанности, касающіяся отношеній людей вообще, имѣютъ своимъ предметомъ употребленіе рѣчи и собственность. Въ ученіи о томъ [567] и другомъ [568] изъ сихъ предметовъ Томазій вообще согласуется съ Пуфендорфомъ.

Обязанности, касающіяся отношеній людей, живущихъ въ извѣстныхъ обществахъ, опредѣляютъ дѣйствія людей, живущихъ

[562] Ibid. Lib. II, cap. 2, § 80. seqq.
[563] Ibid. Lib. II, cap. 3, § 1.
[564] Ibid. Lib. II, cap. 3, § 2, 3.
[565] Ibid. Lib. II, cap. 3, § 11—33.
[566] Ibid. Lib. II, cap. 8, § 1.
[567] Ibid. Lib. II, cap. 8 et 9.
[568] Ibid. Lib. II, cap. 10 et 11.

въ союзѣ супружескомъ, родительскомъ, господскомъ, гражданскомъ.

Основанія союза супружескаго Томазій ищетъ во взаимномъ влеченіи половъ другъ къ другу [569]. Обязанность вступленія въ бракъ составляетъ основаніе жизни общительной. Въ особенности же требуетъ исполненія этой обязанности, по словамъ Томазія, законъ, повелѣвающій намъ воздавать другимъ людямъ равное: какъ одной пары людей недостаточно, чтобъ они въ теперешнемъ ихъ состояніи могли провождать спокойную жизнь, но для достиженія этого необходимо умноженіе рода человѣческаго, каковое обязательство побудило нашихъ родителей родить насъ самихъ; такъ попеченіе о сохраненіи взаимности должно побудить насъ озаботиться доставленіемъ и себѣ самимъ и нашимъ союзникамъ новыхъ союзниковъ на будущее время; въ противномъ случаѣ, когда люди ежедневно, одинъ послѣ другаго, будутъ исторгаемы смертію, легко можетъ случиться, что тѣ, которые будутъ всѣхъ долголѣтнѣе, будутъ вести жизнь самую несчастную. Но обязанность вступленія въ бракъ по самому существу своему, какъ думаетъ Томазій, лежитъ не на всѣхъ, а только на тѣхъ, которые имѣютъ возможность и силу удовлетворить этой обязанности [570]. Цѣль брака, по ученію Томазія, есть двоякая: рожденіе дѣтей и погашеніе плотскаго пожеланія. Первое составляетъ главную цѣль брака, второе — цѣль второстепенную [571]. По главной цѣли брака Томазій опредѣляетъ его обществомъ, составленнымъ для рожденія дѣтей [572]. На основаніи такого опредѣленія брака Томазій рѣшаетъ вопросы: относится ли къ существу брака обязательство супружеской вѣрности, непрерывное сожитіе мужа и жены въ одномъ мѣстѣ и власть мужа надъ женою и ея имѣніемъ; — требуетъ ли существо брака, чтобъ онъ былъ заключаемъ на всю жизнь и т. д. [573].

Изъ обществъ человѣческихъ одно только общество родителей и дѣтей, по мнѣнію Томазія, составляется безъ взаимнаго согласія. Первоначальная его цѣль есть воспитаніе дѣтей. Оно имѣетъ своимъ основаніемъ обязанность родителей воспитывать своихъ дѣтей. Эту обязанность Томазій выводитъ изъ обязанности человѣка споспѣше-

[569] Ibid. Lib. III, cap. 2, § 21–46.
[570] Ibid. Lib. III, cap. 2, § 47—59.
[571] Ibid. Lib. III, cap. 2, § 61—73.
[572] Ibid. Lib. III, cap. 2, § 81.
[573] Ibid. Lib. III, cap. 2, § 99—130.

ствовать благу другихъ людей, независимо отъ какихъ нибудь съ ними договоровъ, — изъ обязанности человѣколюбія. Когда, говоритъ онъ, дѣти раждаются на свѣтъ, то, безъ всякаго сомнѣнія, раждаются людьми. Какъ людямъ, имъ необходимо принадлежатъ, сколько допускаетъ ихъ состояніе, права, свойственныя людямъ. Слѣдовательно другими людьми по отношенію къ нимъ должны быть наблюдаемы не только отрицательныя, но и положительныя предписанія закона. Особенно же должно быть соблюдено по отношенію къ нимъ правило объ исполненіи должностей человѣколюбія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что если никто не будетъ кормить и обучать младенцевъ, то они погибнутъ отъ голода и жизнь ихъ не будетъ отличаться отъ жизни неразумныхъ животныхъ; почему необходимо, чтобъ другіе люди позаботились объ нихъ, такъ чтобъ они могли жить сами по себѣ и жить согласно съ разумомъ. Въ другихъ случаяхъ обязанность человѣколюбія простирается неопредѣленно на всѣхъ людей. Но какъ воспитаніе дѣтей требуетъ важныхъ издержекъ и трудовъ, а потому нельзя ожидать, чтобъ люди стали заниматься этимъ дѣломъ изъ побужденій обыкновенной благотворительности, — какъ сверхъ того въ случаѣ замедленія здѣсь предстоитъ большая опасность, потому что дѣти не могутъ просить сами помощи себѣ у другихъ; то необходимо нужно было, чтобъ законъ естественный указалъ на извѣстныхъ людей въ родѣ человѣческомъ, которые бы непосредственно знали, что обязанность сдѣлать это благодѣяніе лежитъ преимущественно предъ прочими людьми на нихъ. Какъ обыкновенно одинъ человѣкъ бываетъ больше обязанъ, чѣмъ другой, оказать кому либо благодѣяніе, и это обязательство особенно увеличивается близостію отношенія между людьми; то отсюда само собою слѣдуетъ, что родители, какъ лица по рожденію ближайшіе къ дѣтямъ, какъ лица, въ которыхъ наиболѣе заключается причина ихъ существованія, должны принять на себя обязанность ихъ воспитанія. Но для исполненія своего долга родителямъ необходимо нужно имѣть власть надъ дѣтьми [574].

Въ ученіи о господской власти Томазій вполнѣ согласуется съ Пуфендорфомъ [575].

Въ ученіи о государствѣ Томазій также слѣдуетъ вообще Пуфендорфу [576] и входитъ только въ особенное и подробное изслѣдованіе о

[574] Ibid. Lib. III, cap. 4.
[575] Ibid. Lib. III, cap. 5.
[576] Ibid. Lib. III, cap. 6

преступленіяхъ и наказаніяхъ. Наказаніе (poena), по опредѣленію Томазія, есть зло, или боль, которую причиняетъ за преступленіе высшій нижнему противъ его воли, для общаго исправленія граждан [577]. Въ общемъ исправленіи гражданъ, по мнѣнію Томазія, заключаются и другія, принимаемыя нѣкоторыми, цѣли наказанія, какъ то: удовлетвореніе законодателю за нарушеніе его законовъ (expiatio) и обезпеченіе гражданъ противъ обидъ (assecuratio). Если напр.. убійца наказывается смертію, то цѣль наказанія въ этомъ случаѣ есть — дать примѣръ другимъ и отъучить ихъ отъ преступленія; если она достигнута, то вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ вообще граждане обезпечиваются противъ преступленія, а владыкѣ государства дѣлается, по возможности, удовлетвореніе за презрѣніе, ему нанесенное преступникомъ [578]. Относительно совершенія наказаній Томазій принимаетъ слѣдующее общее правило: должно наказывать преступниковъ, сколько это нужно для пользы государства. Отсюда онъ выводитъ два правила особенныя: одно касается дѣйствій, которыя должно наказывать, другое — способа наказанія. Что касается дѣйствій, подлежащихъ наказанію, — должно наказывать только дѣйствія, причиняющія вредъ государству и исправимыя. По сему не подлежатъ человѣческому наказанію вообще дѣйствія чисто внутреннія, какъ то: мысли, соединенныя съ услажденіемъ о какомъ нибудь грѣхѣ, пожеланіе, хотѣніе безъ дѣйствія, хотя бы это и дошло потомъ до свѣдѣнія другихъ; потому что такими внутренними дѣйствіями никому не причиняется вреда. Слишкомъ жестоко было бы также подвергать человѣческому наказанію самые малѣйшіе проступки, которыхъ при настоящемъ устроеніи нашей природы невозможно избѣгнуть, какъ бы мы внимательны къ себѣ ни были. Сверхъ того законы человѣческіе большею частію не обращаютъ вниманія на такія дѣйствія, противоположныя которымъ становятся тѣмъ выше, когда предпринимаются не для избѣжанія наказанія, какъ напр. дѣйствіе благотворительности и человѣколюбія. Есть, далѣе, множество легкихъ преступленій, изъ-за коихъ не стоитъ безпокоить судей. Часто надобно бываетъ удерживаться отъ наказанія по причинѣ большой неясности самого дѣла. По причинѣ неисправимости не должны быть подвергаемы человѣческому наказанію пороки, которые проистекаютъ изъ общаго, свойственнаго

[577] Ibid. Lib. III, cap. 7, § 28.
[578] Ibid. § 45.

всѣмъ смертнымъ, поврежденія, и которые встрѣчаются такъ часто, что не надъ кѣмъ было бы начальствовать, еслибъ мы строго захотѣли ихъ наказывать, доколѣ они не обнаруживаются въ какихъ нибудь важныхъ дѣйствіяхъ; таковы честолюбіе, любостяжательность, жестокосердіе, неблагодарность и т. п. Если зло такъ уже устарѣло, что безъ потрясенія всего государства его нельзя искоренить, — если число преступниковъ извѣстнаго рода такъ велико, что отъ наказанія ихъ государство сдѣлалось бы безлюднымъ; то напрасно въ такомъ случаѣ прибѣгать къ наказаніямъ. Довольно, если правительство удерживаетъ посредствомъ законовъ распространеніе зла. Но изъ всѣхъ этихъ правилъ Томазій въ случаяхъ особенныхъ допускаетъ исключенія. На оборотъ, по его мнѣнію, можетъ случиться, что не нужно будетъ наказывать преступленій, хотя бы по общему правилу ихъ надлежало подвергнуть наказанію. При наказаніи преступленій по ученію Томазія, надобно бываетъ обращать вниманіе на различныя особенныя обстоятельства, какъ напр. на то, нужно ли въ извѣстномъ случаѣ достигать цѣли наказаній, не можетъ ли прощеніе произвесть болѣе пользы, чѣмъ сколько можетъ произвесть ее наказаніе, не можно ли цѣли наказанія съ большимъ удобствомъ достигнуть другимъ путемъ, — не оказалъ ли виновный, или нѣтъ ли надежды, что онъ окажетъ важныя услуги государству. По отношенію къ образу наказанія Томазій предлагаетъ правило: должно наказывать, сколько это нужно для общаго исправленія. По сему должны быть употребляемы наказанія, соразмѣрныя преступленіямъ, т. е. такія, которыя бы въ состояніи были укротить въ людяхъ пожеланія, влекущія ихъ къ преступленію. Для этого должно обращать вниманіе на важность преступленія и на лице преступника. Важность преступленія опредѣляется его предметомъ, послѣдствіями, и наконецъ тѣмъ, часто или рѣдко оно встрѣчается. Въ лицѣ преступника должно быть обращено вниманіе на склонность его къ преступленію и на его чувствительность къ наказанію [579].

Наконецъ въ ученіи о правѣ народовъ Томазій совершенно согласуется съ Пуфендорфомъ [580].

[579] Lib. III, cap. 7, § 101—128.
[580] Lib. I, cap. 2, § 101—109. cf. Lib. III, cap. 1, § 33 50.

2. Измѣненный образъ мыслей Томазія.

§ 415.

Первые слѣды перемѣны въ образѣ мыслей Томазія замѣчаются уже въ его сочиненіи: *Искуство разумной и добродѣтельной любви, или введеніе въ нравоученіе* [581]. Здѣсь началомъ нравственной дѣятельности человѣка онъ поставляетъ разумную любовь къ другимъ, которая, по его словамъ, не есть самолюбіе, хотя въ существѣ вещи это есть только скрытное самолюбіе; такъ какъ, по мнѣнію его, высочайшая цѣль человѣка есть счастіе, именно душевное спокойствіе, а разумная любовь къ другимъ есть средство для достиженія этого счастія.

Вполнѣ обозначился новый образъ мыслей Томазія въ его *Основаніяхъ права естественнаго и народнаго, выведенныхъ изъ общаго смысла* [582]. Здѣсь Томазій принимаетъ слѣдующее основное положеніе: должно дѣлать то, что можетъ доставить человѣку жизнь и самую продолжительную и самую счастливую; напротивъ должно избѣгать того, что дѣлаетъ жизнь несчастною и ускоряетъ смерть. Самою счастливою жизнію Томазій называетъ ту, которая вмѣстѣ и заслуживаетъ и величайшую похвалу, и провождается самымъ пріятнымъ образомъ, и изобилуетъ всѣми вещами. Но нельзя человѣку жить ни спокойно, ни съ похвалою, ни съ пріятностію, ни въ изобиліи, если онъ не будетъ жить *честно* (honeste), *благопристойно* (decore) и *праведно* (juste). Отсюда вытекаютъ для Томазія слѣдующія три особенныя начала: честнаго — дѣлай себѣ самому то, чего ты желаешь отъ другихъ; благопристойнаго — дѣлай другимъ то, чего ты себѣ отъ нихъ желаешь; праведнаго — не дѣлай другимъ того, чего ты себѣ отъ нихъ не желаешь. Изъ началъ благопристойнаго и честнаго выводятся теперь у Томазія и тѣ нравственныя правила, которыя онъ прежде выводилъ изъ Божескаго всеобщаго откровеннаго закона. Область праведнаго ограничена одними отрицательными

[581] Von der Kunst vernünftig und tugendhaft zu lieben, oder Einleitung zur Sittenlehre. Halle, 1692, 1710. in-8. Сюда же относятся: Von der Arznei wider die unvernünftige Liebe, oder Ausübung der Sittenlehre. Halle, 1696, 1704. in-8. — Introductio in philosophiam moralem cum praxi. Hal., 1706.

[582] Fundamenta juris naturæ et gentium, ex sensu communi deducta. Hal., 1705, 1718. in-4. Мысли, изложенныя въ этомъ сочиненіи, Томазій открылъ еще прежде съ нѣкоторою подробностію въ 1702 г. въ Observationes selectæ ad rem literariam spectantes. Tom VI, observ. 27, § 43 seqq.

предписаніями, съ которыми по внѣшности люди должны сообразоваться во взаимныхъ отношеніяхъ между собою. Къ исполненію обязанностей, отсюда происходящихъ, человѣкъ можетъ быть, по словамъ Томазія, принужденъ внѣшнею, физическою силою.

Такимъ образомъ, между тѣмъ, какъ Пуфендорфъ, ограничивая предписанія закона естественнаго внѣшними дѣйствіями человѣка и цѣлями настоящей жизни, въ самомъ изложеніи смѣшивалъ законы чисто нравственные съ законами юридическими, и не оставался вѣрнымъ своему понятію о содержаніи закона естественнаго, Томазій, сохраняя тоже понятіе, удерживаетъ его постоянно во всѣхъ частяхъ своей системы и дѣйствительно представляетъ намъ законы для одной внѣшней и ограниченной видами настоящаго бытія дѣятельности человѣка, — законы, исполненіе коихъ по сему самому можетъ и должно быть обезпечено внѣшнею силою. Предметы чисто нравственные этимъ не были исключены изъ философіи, но только получили въ ней другое мѣсто.

§ 416.

По примѣру Томазія старались положить точнѣйшее различіе между моралью и правомъ, и такимъ образомъ науку Права Естественнаго въ ея отдѣленіи отъ морали привесть къ совершенству: *Герардъ*, *Гундлингъ*, *Генрихъ* и *Самуилъ Кокцеи*, преимущественно же *Пюттеръ* и *Ахенваллъ*. Хотя никто изъ нихъ не отвергалъ, что слово: *Законъ Естественный* (jus naturæ), можетъ быть употребляемо для означенія всей совокупности законовъ человѣческой дѣятельности, познаваемыхъ непосредственно изъ разума; однакоже въ особенномъ и строгомъ смыслѣ они хотѣли разумѣть подъ симъ именемъ совокупность нравственныхъ законовъ, познаваемыхъ изъ разума, которые такъ обязываютъ человѣка, что если онъ не будетъ исполнять своей обязанности, тогда тотъ, въ чью пользу установлена сія обязанность, справедливо можетъ принудить его силою къ исполненію обязанности. Законы, обязанности и права такого рода они называли преимущественно законами, обязанностями и правами совершенными (lex perfecta, officium perfectum, jus perfectum).

Герардъ [583] былъ самымъ близкимъ послѣдователемъ Томазія.

[583] Герардъ ум. въ 1718 г. Писалъ: *Ephraim Gerhard*, delineatio juris naturalis sive de principiis justi libri tres, quibus fundamenta generalia doctrinæ de decoro accesserunt. Jen, 1712. in-8.

По ученію *Гундлинга* [584] законъ естественный имѣетъ въ виду внѣшнюю сообразность дѣяній съ закономъ (legalitas), совершенно не обращая вниманія на чувствованія, съ какими они совершаются, тогда какъ Этика смотритъ преимущественно на сіи чувствованія. Начало закона естественнаго выражается у Гундлинга слѣдующимъ образомъ: старайся имѣть и сохранить прежде всего внѣшній миръ, чтобъ не сдѣлаться неспособнымъ къ жизни въ сообществѣ съ другими и къ пріобрѣтенію добродѣтели. Изъ этого начала вытекаютъ два другія: во первыхъ — не обижай другаго и не возмущай его мира; во вторыхъ — оставляй у каждаго свое. Право человѣка послѣ сего есть по словамъ Гундлинга, свобода, данная ему закономъ, такъ что онъ можетъ ее вынудить, если другой полагаетъ ей препятствія. Въ состояніи природы человѣка, котораго права нарушаются, можетъ для сохраненія ихъ употреблять принужденіе, даже умерщвляя обидчика. Но такое состояніе Гундлингу представляется исполненнымъ безначалія и безпорядка, почему онъ признаетъ необходимымъ существованіе государства какъ для обезпеченія правъ такъ и для доставленія человѣку возможности удовлетворять своимъ потребностямъ; сперва люди, по словамъ Гундлинга, стараются достигнуть посредствомъ государства безопасности, потомъ уже довольства

Всѣ вопросы о правѣ, говоритъ *Генрихъ Кокцеи* [585], сосредоточиваются въ вопросѣ: что позволительно дѣлать, — такъ какъ позволительное есть тоже, что и праведное (justum). Людямъ, отъ самой природы снабженнымъ силами для дѣйствія физически позволительно дѣлать или не дѣлать все, что они могутъ дѣлать или не дѣлать, доколѣ кто нибудь, имѣющій право запрещать, запретитъ что нибудь дѣлать или не дѣлать; запрещенное становится тогда непозволительнымъ и называется неправеднымъ. Это право запрещать принадлежитъ одному Творцу и тѣмъ, кому оно отъ Творца дано будетъ. Отъ природы 1) каждому человѣку предоставлено право на свои дѣя-

[584] Ник. Іерон. Гундлингъ род. въ 1671 г., ум. въ 1729. Писалъ: Via ad veritatem moralem. Hal., 1714. in-8. — Jus naturæ et gentium. Hal, 1714. in-8. — Ausführlicher Discours über Natur- und Völkerrecht. Frankf. u. Leipz., 1734. in-8,

[585] Генрихъ Кокцеи род. въ 1644 г, ум. въ 1719. Онъ изложилъ свои мысли особенно въ Комментаріи на Гроція, изданномъ впрочемъ уже послѣ его смерти. Здѣсь онъ часто ссылается на свои Positiones juris gentium. Ихъ представляетъ намъ десятое разсужденіе въ Sam. de Coccejі introductio ad Henrici de Coccejі Grotium illustratum.

нія и могущія проистекать отъ нихъ выгоды; 2) человѣческому роду предоставлено полное право на землю и ея различныя вещи, ея плоды, звѣрей и проч., даже на самихъ людей, — отдѣльнымъ же лицамъ предоставлено всѣмъ въ одинаковой мѣрѣ право овладѣвать тѣмъ, что никому не принадлежитъ; 3) людямъ предоставлено право сохранять свое и чужое тѣло и жизнь; 4) учреждено общество, обнимающее всѣхъ людей съ правами, возникающими оттуда для отдѣльныхъ лицъ; 5) учреждено общество домашнее съ правами, возникающими изъ него для отдѣльныхъ лицъ. Такимъ образомъ для каждаго человѣка назначены предѣлы его дѣятельности, Внутри сихъ предѣловъ онъ можетъ распоряжаться совершенно по своему произволу. Но если онъ выступаетъ изъ нихъ, то причиняетъ другимъ обиду, которую онъ обязанъ вознаградить. Для удержанія каждаго въ своихъ предѣлахъ и защищенія его отъ другихъ людей необходима на землѣ особенная власть; ею можетъ быть не другая, какъ та, которая принадлежитъ роду человѣческому, раздѣленному по странамъ и землямъ на разныя государства. — Такъ раскрываетъ Генрихъ Кокцеи понятіе о правѣ. Отъ сего понятія онъ совершенно отличаетъ понятіе добродѣтели. Въ слѣдствіе права мы, по его мнѣнію, отдаемъ другимъ то, что имъ принадлежитъ; напротивъ добродѣтелью мы или совершаемъ касающееся до насъ, или наше сообщаемъ другому. Не всѣ дѣйствія, которыя намъ позволены Творцемъ и предоставлены нашей волѣ, имѣютъ одинаковое достоинство: одни изъ нихъ совершенно безразличны, другія напротивъ могутъ быть лучше и хуже, и слѣдовательно въ большей или меньшей степени заслуживать отъ Бога похвалу, честь и награду. Дѣянія, достойныя похвалы, чести и награды, Генрихъ Кокцеи называетъ собственно добродѣтельными. Какъ, по его словамъ, совершать ихъ предоставлено отъ Бога доброй волѣ каждаго, то если бы кто и не сталъ ихъ совершать, однакоже, онъ не можетъ быть къ тому принужденъ силою и не можетъ быть подвергнутъ за то наказанію.

Самуилъ Кокцеи [586], подобно отцу своему, признавая высшимъ нравственнымъ началомъ волю Божію, почитаетъ яснымъ выраженіемъ ея для естественнаго разума правило: воздавай каждому свое. Отсюда онъ выводитъ 1) обязанности человѣка къ Богу, состоящія

[586] **Сам. Кокцеи род. въ 1679 г., ум. въ 1755. Онъ изложилъ свои мысли, кромѣ упомянутаго выше на стр. 420, въ примѣч. 2 разсужденія, въ introductio ad Henrici Coccejі Grotium illustratum, въ 12-мъ разсужденіи, которое представляетъ цѣлую систему естественнаго права.**

во внѣшнемъ и внутреннемъ Богопочитаніи (воздавай Богу должное ему); 2) обязанности человѣка къ ближнему (воздавай человѣку должное ему). Обязанности послѣдняго рода онъ ограничиваетъ только совершеніемъ или несовершеніемъ извѣстныхъ внѣшнихъ дѣйствій по отношенію къ другимъ людямъ и такія обязанности почитаетъ собственнымъ предметомъ естественнаго права въ строгомъ смыслѣ. По сему различіе между естественнымъ правомъ въ этомъ смыслѣ и между нравственными предписаніями, или правилами добродѣтели, у него полагается въ томъ, что нравственныя правила онъ почитаетъ только частію тѣхъ правилъ, коими опредѣляются обязанности людей къ Богу. Человѣкъ, говоритъ онъ, который никому не дѣлаетъ обиды и каждому воздаетъ свое, но не изъ любви къ правдѣ, не по благочестивому расположенію духа, а по одному страху наказанія, дѣйствительно никому изъ людей не дѣлаетъ обиды, и слѣдовательно въ отношеніи къ нимъ онъ праведенъ; они ничего не могутъ отъ него требовать. Но въ отношеніи къ Богу недовольно быть исполнителемъ закона по внѣшности; какъ совершеннѣйшее существо, Богъ хочетъ, чтобъ Его законы были исполняемы совершеннѣйшимъ образомъ. По чему по отношенію къ Богу сверхъ внѣшнихъ дѣяній требуется еще чистота сердца въ дѣйствующемъ лицѣ; если ея не достаетъ, то человѣкъ поступаетъ противно своей обязанности къ Богу и за это заслуживаетъ наказаніе отъ Него.

§ 417.

Пюттеръ [587] и *Ахенвалль* [588] сначала обработывали науку права естественнаго общими силами. Послѣ того, когда Пюттеръ обратился къ другимъ занятіямъ, общій трудъ продолжалъ усовершать одинъ Ахенвалль и далъ ему такую внѣшнюю отдѣлку, такую стройную форму, что въ этомъ отношеніи для науки естественнаго права, разсматриваемаго отдѣльно отъ морали, невозможно было ожидать никакого дальнѣйшаго развитія [589].

Принимая волю Божію за высшее начало нравственной дѣятельности вообще, особеннымъ и ближайшимъ началомъ науки права

[587] Пюттеръ род. въ 1725 г., ум. въ 1807.

[588] Ахенвалль род. въ 1719 г, ум. въ 1772.

[589] Пюттеръ и Ахенвалль подъ общимъ ихъ именемъ издали въ 1750 г. jus naturæ; 2-е изданіе сего сочиненія было ими сдѣлано также вмѣстѣ въ 1752 г. Слѣдующія за тѣмъ изданія, именно: 1755-го и другихъ годовъ носятъ на себѣ имя одного Ахенвалля.

естественнаго въ строгомъ смыслѣ Ахенвалль почитаетъ правило: всякому свое (suum cuique). Это правило онъ выводитъ изъ общей всѣмъ людямъ обязанности самосохраненія. Въ слѣдствіе сей обязанности самъ обязанный имѣетъ естественное право удалять отъ себя все, что можетъ препятствовать его сохраненію, и противъ того, кто предпринимаетъ дѣйствіе, противное его сохраненію, употреблять мѣры принудительныя. Другіе напротивъ естественно обязаны не дѣлать ничего противнаго его сохраненію; иначе онъ можетъ употребить противъ нихъ принужденіе. Такимъ образомъ каждый долженъ оставлять всѣмъ другимъ то, что имъ принадлежитъ въ слѣдствіе ихъ обязанности самосохраненія.

Послѣ сего, приступая къ изложенію своей системы, Ахенвалль весь законъ естественный раздѣляетъ на законъ природы въ самомъ тѣсномъ смыслѣ (jus naturale strictissime dictum) и законъ общественный всеобщій (jus sociale universale), такъ какъ люди могутъ быть разсматриваемы или въ состояніи отдѣльнаго другъ отъ друга существованія, называемомъ иначе состояніемъ природы, или въ состояніи общежительномъ.

Состояніе отдѣльнаго существованія людей можно разсматривать, или отвлекая отъ всякаго факта юридическаго, въ самомъ себѣ и безусловно (absolute), или въ томъ видѣ, какой оно получаетъ, когда мы предположимъ существованіе извѣстныхъ дѣйствій юридическихъ, условно (hypothetice). Въ состояніи условномъ предполагается дѣяніе праведное или неправедное, называемое иначе обидою. Въ случаѣ обиды для обиженнаго существуетъ противъ обидчика право принужденія, переходящее въ состояніи природы въ право войны. Такимъ образомъ состояніе условное есть или состояніе мира, или состояніе войны. На сихъ основаніяхъ Ахенвалль ученіе о правѣ людей въ состояніи отдѣльнаго ихъ существованія раздѣляетъ на ученіе о правѣ ихъ въ состояніи безусловномъ (jus naturæ absolutum) и ученіе о правѣ ихъ въ состояніи условномъ (jus naturæ hypotheticum), и притомъ какъ въ состояніи мира, такъ и въ состояніи войны.

Ученіе о правѣ людей въ состояніи безусловномъ опредѣляетъ разныя прирожденныя права человѣка, какъ то: право на жизнь и дѣйствія, непротивныя закону, — право быть признаваему такимъ же человѣкомъ, какъ и всякой другой, — право независимости отъ другаго, — право объявлять или не объявлять другому свои мысли, какъ скоро это можетъ быть сдѣлано безъ обиды ему, — право на

честь равную со всѣми другими, — право пользоваться вещами, какъ совершенно необходимыми для жизни, такъ и служащими только къ ея удобству.

Ученіе о правѣ людей въ мирномъ условномъ состояніи разсматриваетъ могущія быть пріобрѣтенными права на вещи и на дѣйствія лицъ и способы пріобрѣтенія сихъ правъ. Пріобрѣсть посредствомъ справедливаго своего дѣйствія человѣкъ можетъ, по словамъ Ахенвалля, или вещь никому не принадлежащую, или приращеніе отъ своей вещи, или вещь чужую. Отсюда происходитъ троякій способъ пріобрѣтенія: овладѣніе вещами, никому непринадлежащими, приращеніе отъ собственныхъ вещей, договоръ. — Право собственности на вещь, никому непринадлежащую, образуется, по ученію Ахенвалля, когда человѣкъ 1) начинаетъ пользоваться вещію, никому непринадлежащею; 2) объявляетъ, что онъ хочетъ пользоваться ею съ исключеніемъ всѣхъ другихъ; 3) объявляетъ, что онъ хочетъ сохранить ее для будущаго своего употребленія съ исключеніемъ всѣхъ другихъ. Какъ скоро другіе знаютъ объ этой его волѣ, то для нихъ раждается изъ дѣйствій и воли его обязательство воздерживаться отъ такой вещи, потому что она теперь перестаетъ уже быть вещію, никому непринадлежащею, а дѣлается собственностію того, кто совершилъ означенныя дѣйствія. — Право собственности на приращенія, какія можетъ получить наша вещь, Ахенвалль основываетъ на томъ, что хозяинъ вещи имѣетъ исключительное право на всѣ вообще дѣйствія относительно своей вещи, которыя физически возможны и не заключаютъ въ себѣ обиды для другихъ, на всѣхъ же прочихъ людяхъ лежитъ обязанность уважать волю и намѣренія хозяина, какое бы онъ ни вздумалъ предпринять дѣйствіе относительно своей вещи съ исключеніемъ другихъ. Посему, говоритъ Ахенхвалль, если что нибудь непринадлежащее другому, но служащее къ выгодѣ нашей вещи, соединяется съ нею, то такое приращеніе тотчасъ принадлежитъ хозяину вещи, когда онъ этого хочетъ и имѣетъ приращеніе въ своей власти, какъ скоро оно дѣлается, и никто другой не можетъ присвоять себѣ права на эту выгоду, а напротивъ обязанъ сообразоваться съ волею и намѣреніемъ хозяина. — Обязательная сила договоровъ у Ахенвалля выводится изъ необходимости принимать за истину объявленія, дѣлаемыя человѣкомъ относительно своей воли. Человѣку, по словамъ Ахенвалля, не дано непосредственно созерцать внутреннія дѣйствія души другаго; ему физически невозможно знать объ нихъ, если

другой ихъ не объявитъ. Слѣдствіемъ сего есть то, что между людьми достаточно сдѣланное объявленіе воли принимается за самую волю. Что я хочу и могу, то и дѣлается, т. е. получаетъ такое дѣйствіе, какое я предполагаю; по сему мое перестаетъ быть моимъ, когда я хочу этого (справедливымъ образомъ), слѣдовательно когда я достаточнымъ образомъ объявляю, что я хочу этого. Итакъ если я оставляю вещь, или если прямо (достаточнымъ образомъ) объявляю, что я не хочу имѣть этой вещи въ своей собственности, то другой имѣетъ право думать, что я внутренно хочу, чтобъ эта вещь не была болѣе моею, слѣдовательно право судить, что эта вещь сдѣлалась ничьею и потому можетъ быть имъ занята. Такимъ образомъ въ слѣдствіе моего объявленія онъ получаетъ право занять вещь, и если онъ занимаетъ ее, то она принадлежитъ ему въ силу овладѣнія навсегда въ собственность. Таково дѣйствительно свойство договоровъ. Я обѣщаю тебѣ что нибудь, если я объявляю тебѣ достаточнымъ образомъ, что я хочу, чтобъ нѣчто мое было твоимъ. Я соглашаюсь (юридически) съ тобою, если я объявляю тебѣ достаточнымъ образомъ, что я хочу того же, чего ты хочешь. Я принимаю твое обѣщаніе, если я соглашаюсь на твое обѣщаніе, мнѣ сдѣланное. Итакъ я принимаю обѣщаніе, когда тому, кто мнѣ что нибудь обѣщаетъ, объявляю достаточнымъ образомъ, что я хочу, чтобъ обѣщанное имъ принадлежащее ему было моимъ. Принятое обѣщаніе есть договоръ. Такимъ образомъ въ договорѣ одно лице достаточнымъ образомъ объявляетъ, что оно хочетъ, чтобъ принадлежащее ему принадлежало другому; сей послѣдній объявляетъ съ своей стороны также достачочнымъ образомъ, что онъ хочетъ, чтобъ принадлежащее первому принадлежало ему. По чему посредствомъ договора принадлежащее одному дѣйствительно начинаетъ принадлежать другому, и если договоръ исполняется не въ то же самое время, какъ онъ заключенъ, то пріобрѣтающій что нибудь посредствомъ его имѣетъ право требовать его исполненія, а давшій обѣщаніе обязанъ его исполнить. Изложивъ естественные способы пріобрѣтенія собственности, Ахенвалль разсматриваетъ еще два способа, принимаемые положительными законодательствами: пріобрѣтеніе въ силу завѣщанія и давность. Относительно перваго онъ замѣчаетъ, что прежде смерти завѣщателя наслѣдникъ не имѣетъ никакого права пріобрѣсть что нибудь посредствомъ завѣщанія; по воспослѣдованіи же смерти завѣщателя сей послѣдній не имѣетъ никакого права перенесть наслѣдство на другаго. По сему Ахен-

валль не относитъ къ естественнымъ способамъ пріобрѣтенія вещей завѣщательнаго распоряженія. Равнымъ образомъ онъ отвергаетъ и давность. Давность есть способъ пріобрѣтенія, основывающійся на предполагаемомъ оставленіи вещи ея хозяиномъ. Слѣдовательно если является хозяинъ вещи, то вещь должна быть ему возвращена. По чему, говоритъ Ахенвалль, посредствомъ давности владѣнія вещь нимало не пріобрѣтается.

Ученіе о правѣ людей въ условномъ состояніи войны излагаетъ какъ средства, которыми человѣкъ внѣ общества можетъ защитить свое нарушенное право, такъ и способы къ окончанію распрей въ этомъ состояніи. Обижаемый, по словамъ Ахенвалля, имѣетъ право употребить силу и принужденіе противъ обидчика. Обида можетъ быть или уже сдѣлана, или она теперь только дѣлается, или она угрожаетъ. Въ первомъ случаѣ можетъ быть требовано вознагражденіе сдѣланнаго вреда; во второмъ случаѣ можно защищаться противъ наносимой обиды, равно какъ въ третьемъ принимать мѣры осторожности противъ явно угрожающей опасности. Но побѣда, по мнѣнію Ахенвалля, не оканчиваетъ распри, за исключеніемъ того случая, когда враждующіе согласятся на нее, какъ на средство прекращенія распри. Способы, коими оканчивается война, суть вмѣстѣ и способы прекращенія распри. Сюда относятся: смерть одного изъ лицъ спорящихъ, особенно же мирный договоръ.

Состояніе общежительное представляетъ намъ разныя, малыя и большія, общества. Въ ученіи о правѣ людей въ этомъ состояніи (**jus sociale universale**) Ахенвалль, изложивши предварительно законъ обществъ вообще (**jus sociale universale in genere**), разсматриваетъ сначала законъ обществъ, составляющихъ домъ, (**jus societatum domesticarum**), т. е. супружескаго, родительскаго, господскаго, и цѣлаго домашняго общества, потомъ законъ гражданскаго общества (**jus civitatatis universale**). Разсмотрѣніе перваго рода обществъ служитъ для него приготовленіемъ къ разсмотрѣнію послѣдняго, такъ какъ гражданское общество составляется изъ домовъ. Впрочемъ содержаніе ученія Ахенвалля какъ о домашнихъ обществахъ, такъ и обществѣ гражданскомъ, не много представляетъ новаго.

Что касается въ особенности обществъ, составляющихъ домъ, цѣлію союза супружескаго Ахенвалль почитаетъ рожденіе и воспитаніе дѣтей; совершеннѣйшимъ видомъ брака по отношенію къ этой

цѣли онъ признаетъ союзъ одного мужа съ одною женою, заключаемый на всю жизнь и притомъ соединяющій ихъ тѣснѣйшимъ образомъ во всѣхъ отношеніяхъ жизни. Цѣлію общества родителей и дѣтей поставляется съ одной стороны польза родителей, какую они могутъ получить отъ своихъ дѣтей какъ въ продолженіи времени воспитанія, такъ особенно послѣ того, съ другой стороны — польза дѣтей, именно ихъ воспитаніе; основаніе власти родителей надъ дѣтьми ищется въ томъ, что послѣдніе суть произведеніе первыхъ. Отношеніе между господиномъ и слугою выводится въ естественномъ состояніи изъ договора между ними, который впрочемъ въ случаѣ обиды, сдѣланной лицемъ, обращаемымъ въ рабство, можетъ быть и вынужденъ. Наконецъ цѣль всего домашняго общества полагается въ томъ, чтобъ простыя общества, изъ коихъ составляется домъ, при взаимномъ другъ другу содѣйствіи, тѣмъ успѣшнѣе могли достигать своихъ особенныхъ цѣлей.

Въ ученіи о гражданскомъ обществѣ у Ахенвалля разсматривается это общество какъ внутри его самого, такъ и въ его внѣшнихъ отношеніяхъ. Отсюда двѣ части его закона: законъ его внутренній (jus civitatis intrinsecum) и законъ внѣшній (jus civitatis extrinsecum). Законъ гражданскаго общества внутренній опредѣляетъ или права и обязанности, существующія въ отношеніяхъ между властію общественною и ея подданными (jus civitatis publicum), или права и обязанности подданныхъ въ отношеніяхъ ихъ другъ къ другу (jus civitatis privatum). Первый изъ сихъ отдѣловъ Ахенвалль называетъ закономъ государственнюмъ всеобщимъ (jus publicum universale) и подвергаетъ его особенному разсмотрѣнію, опуская второй, по той, безъ сомнѣнія, причинѣ, что предметы, сюда относящіеся, большею частію уже были разсмотрѣны въ предшествовавшихъ частяхъ ученія о правѣ. Въ ученіи о законѣ государственномъ всеобщемъ Ахенвалль излагаетъ сначала самыя общія понятія и положенія относительно гражданскаго общества, цѣлію котораго онъ почитаетъ внѣшнее счастіе гражданъ и происхожденіе котораго онъ описываетъ согласно съ Пуфендорфомъ. Потомъ представляются намъ въ соотвѣтствіи съ тремя частями закона естественнаго, принимаемаго въ тѣснѣйшемъ смыслѣ этого слова: 1) государственный безусловный законъ (jus publicum absolutum) гражданскаго общества, опредѣляющій права верховной власти вообще; 2) государственный условный законъ (jus publicum hypotheticum) гражданскаго общества, т. е. государственный законъ его при различныхъ

образахъ правленія; 3) средства, существующія въ гражданскомъ обществѣ для защищенія своего права.

Внѣшній законъ гражданскаго общества опредѣляетъ права и обязанности какъ его самого, такъ и его гражданъ по отношенію къ постороннимъ, непринадлежащимъ къ нему, лицамъ, и притомъ какъ къ отдѣльнымъ лицамъ, такъ и къ обществамъ, малымъ или большимъ. Между обществами предъ всѣми прочими особенно отличаются большія независимыя общества, называемыя народами. Отсюда, по словамъ Ахенвалля, получаетъ свое начало опредѣленный видъ внѣшняго закона гражданскаго общества, называемый закономъ народовъ, предметъ котораго составляютъ взаимныя права и обязанности народовъ между собою. Взирая на народы, какъ на отдѣльныя лица, и почитая естественный законъ народовъ только приложеніемъ естественнаго закона отдѣльныхъ лицъ къ отношеніямъ между народами, Ахенвалль раздѣляетъ весь естественный законъ народовъ на законъ ихъ безусловный, законъ ихъ условный въ состояніи мира, и наконецъ законъ ихъ военный. Закономъ народовъ безусловнымъ опредѣляются права народовъ въ отношеніяхъ другъ къ другу, данныя съ самымъ бытіемъ народа независимаго, и не предполагающія никакого факта юридическаго для своего существованія, куда принадлежатъ: право самосохраненія, право естественной независимости, право равнаго уваженія съ другими народами, право усовершать себя, дѣлать пріобрѣтенія и увеличивать свое могущество. Закономъ народовъ условнымъ опредѣляются пріобрѣтенныя права народовъ, каковы: право владѣнія землею, право вступленія въ договоры и право отправленія пословъ и посланниковъ. Наконецъ законъ народовъ военный опредѣляетъ права, принадлежащія народу обиженному противъ обидѣвшаго, и показываетъ способы къ прекращенію распрей, возникающихъ между народами, какъ мирные, такъ и насильственные.

Б. СИСТЕМА, ИМѢЮЩАЯ ВЪ ВИДУ ПРИ ОПРЕДѢЛЕНІИ СУЩЕСТВА ЗАКОНА ЕСТЕСТВЕННАГО СОВОКУПНОСТЬ ВСѢХЪ ДѢЙСТВІЙ ЧЕЛОВѢКА И ЦѢЛИ ВСЕЙ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ ЖИЗНИ.

§ 418.

Пуфендорфомъ и Томазіемъ съ его послѣдователями разорвана была вся жизнь человѣка на двѣ половины. Философія, которая стремилась къ безусловному единству, не могла терпѣть такого разъединенія человѣческой дѣятельности. По чему дѣйствительно въ школѣ

Декарта мы видимъ философовъ съ другимъ направленіемъ, которое не ограничиваетъ предписаній закона естественнаго одними внѣшними дѣйствіями и цѣлями одной временной жизни, но при опредѣленіи существа его имѣетъ въ виду всю совокупность дѣйствій человѣка и цѣли всей человѣческой жизни. Сюда относятся *Спиноза* и *Лейбницъ* съ своимъ ученикомъ *Вольфомъ*.

I. СПИНОЗА.

§ 419.

Бенедиктъ Спиноза [590], принадлежащій по своему происхожденію Еврейскому народу, по мѣсту рожденія и жительства Голландіи, самостоятельно продолжилъ развитіе философіи Декартовой и такимъ образомъ составилъ собою необходимое звѣно, связующее эту философію съ Германскою философіею Лейбница и Вольфа.

Для философіи законодательства замѣчательны слѣдующія сочиненія Спиноза: 1) *Этика* [591]; 2) *Трактатъ политическій*, впрочемъ неоконченный [592]; 3) *Трактатъ богословско-политическій* [593].

§ 420.

Если, по мнѣнію Декарта, для начала и продолженія бытія конечныхъ существъ необходимо непрерывное содѣйствіе или присутствіе Божества; то у Спинозы бытіе конечное совпадаетъ съ бытіемъ безконечнымъ. Богъ, по ученію Спинозы, есть существо, въ самой природѣ котораго заключается уже и бытіе, и онъ одинъ есть такое существо — существо необходимо самобытное. Отдѣльныя вещи существуютъ не иначе, какъ черезъ него и въ немъ, и суть только опредѣленные образы его бытія; однѣ изъ нихъ выражаютъ одну сторону его природы, другія другую, — однѣ безконечное мышленіе, дру-

[590] Спиноза род. въ 1632 г., ум. въ 1677.

[591] Ethica. Издана уже послѣ смерти Спинозы, въ его opera posthuma. Amstelod., 1677. in-4.

[592] Tractatus politicus. Изданъ также по смерти сочинителя, вмѣстѣ съ Этикою.

[593] Tractatus theologico — politicus, continens dissertationes aliquot, quibus ostenditur libertatem philosophandi non tantum salua pietate et reipublicæ pace concedi, sed eandem nisi cum pace reipublicæ ipsaque pietate tolli non posse. Hamb. (Amstelod.), 1670. in-4. Всѣ поименованныя сочиненія находятся и въ полномъ изданіи сочиненій Спинозы, сдѣланномъ Павлюсомъ подъ заглавіемъ: *Ben. de Spinoza*, opera quæ supersunt omnia, ed. H. Eberh. Glob. Paulus. Jena, 1802, 1803. II vol. in-8.

гія — безконечную протяженность. Такимъ образомъ каждая вещь съ ея опредѣленною природою представляетъ намъ въ опредѣленной степени силу и дѣйствіе Божественное, каждая въ бытіи своемъ слѣдуетъ необходимымъ законамъ, вытекающимъ изъ опредѣленной ея природы, и не можетъ существовать иначе, нежели какъ она существуетъ. Таковы общія начала ученія Спинозы.

Въ Этикѣ и Политикѣ Спинозы развиваются тѣ же общія начала въ приложеніи къ особенному предмету сихъ наукъ. Этика опредѣляетъ законы дѣйствія частныхъ лицъ, вытекающіе изъ свойства природы человѣческой; Политика опредѣляетъ законы дѣйствія обществъ гражданскихъ. Первая показываетъ, въ чемъ состоитъ рабство и въ чемъ свобода духа человѣческаго, — какъ и въ какой мѣрѣ человѣкъ можетъ освободиться изъ подъ владычества страстей, чтобъ жить согласно съ разумомъ. Вторая показываетъ, какъ человѣкъ, живя съ другими людьми, которые въ своихъ дѣйствіяхъ не всегда руководствуются разумомъ, можетъ достигнуть нужной безопасности и какъ для того должно быть устроено гражданское общество.

§ 421.

Прежде чѣмъ мы приступимъ къ Политикѣ Спинозы, замѣняющей у него Философію законодательства, мы должны предложить главныя мысли изъ его Этики, потому что онѣ служатъ основаніемъ и для Политики. Каждая вещь, — такъ учитъ Спиноза въ своей Этикѣ, — стремится, сколько возможно, пребывать въ своемъ бытіи, и это стремленіе есть самое данное существо вещи, такъ какъ изъ даннаго существа каждой вещи слѣдуетъ нѣчто съ необходимостію, и вещь не въ силахъ дѣлать что нибудь сверхъ того, что слѣдуетъ съ необходимостію изъ опредѣленной ея природы [594]. Могущество, принадлежащее вещи по самой ея природѣ, есть ея добродѣтель (virtus). Въ приложеніи этого понятія къ человѣку, добродѣтель человѣка есть самое существо его, поколику онъ имѣетъ силу производить что нибудь такое, что можетъ быть понято изъ однихъ законовъ его природы [595]. Посему первая добродѣтель и основаніе всякой добродѣтели для человѣка есть его стремленіе сохранить свое бытіе. Чѣмъ болѣе онъ старается и въ состояніи бываетъ сохранять свое бытіе, соблюдать свою выгоду, тѣмъ болѣе онъ имѣетъ добродѣтели; чѣмъ менѣе онъ заботится о себѣ и можетъ сохранять себя,

[594] Ethic. p 3, prop. 6 et 7

[595] Ethic. p. 4, defin. 8.

тѣмъ менѣе въ немъ добродѣтели [596]. — Мы, далѣе говоритъ Спиноза, дѣйствуемъ, когда въ насъ или внѣ насъ происходитъ что нибудь такое, чего мы составляемъ полную причину; напротивъ мы страждемъ, когда въ насъ или отъ насъ происходитъ что нибудь, чего причиною мы служимъ только отчасти [597]. Полную причину чего нибудь духъ нашъ составляетъ тогда, когда онъ производитъ что нибудь въ слѣдствіе яснаго и точнаго объ этомъ понятія; въ противномъ случаѣ произведеніе наше принадлежитъ намъ только отчасти [598]. Отсюда Спиноза заключаетъ, что мы тогда только дѣйствуемъ добродѣтельно, когда мы опредѣляемся къ дѣйствію ясными понятіями. Такимъ образомъ, по словамъ его, дѣйствовать добродѣтельно подъ руководствомъ разума, стараться о сохраненіи своего бытія — все это суть выраженія равнозначительныя. — Существо разума составляютъ ясныя и раздѣльныя понятія о вещахъ. Почему предметъ нашихъ разумныхъ заботъ есть не другое что, какъ пріобрѣтеніе ясныхъ понятій о вещахъ, и духъ нашъ по отношенію къ разумной части своего существа почитаетъ для себя полезнымъ только то, что ведетъ его къ уразумѣнію вещей. Высочайшій предметъ познанія для разума есть Богъ; почему, заключаетъ Спиноза, высочайшее благо души нашей и высочайшая добродѣтель есть познаніе Бога [599].

Познаніе Бога, по мнѣнію Спинозы, имѣетъ непосредственнымъ своимъ послѣдствіемъ разумную любовь къ нему. Любовь, какъ опредѣляетъ ее Спиноза, есть радость, сопровождаемая представленіемъ внѣшней причины, отъ которой она происходитъ [600]; радость же есть переходъ человѣка отъ меньшаго къ большему совершенству [601]. Когда духъ нашъ разсматриваетъ себя и свое могущество, то онъ необходимо радуется [602]; видя же въ Богѣ причину всего своего бытія и существа, онъ необходимо исполняется любви къ нему [603].

Равнымъ образомъ, по словамъ Спинозы, люди добродѣтельные имѣютъ доброжелательство къ другимъ и желаютъ всѣмъ прочимъ

[596] Ethic. p. 4, propos. 20 et 22.
[597] Eth. p. 3, def. 2, Cf. defin. 1.
[598] Ethic. p 3, propos. 1 et 3.
[599] Ethic. p. 4, propos. 23, 24, 26, 28.
[600] Ethic. p. 3, affec. defin. 6.
[601] Тамъ же defin. 2.
[602] Ethic. p. 3, propos. 53.
[603] Ethic. p. 5, propos. 14—16. cf. propos. 32 et 33.

людямъ того же добра, котораго желаютъ сами себѣ. Ничто, говоритъ онъ, столько не согласуется съ существомъ извѣстной вещи, и ничто столько не приноситъ ей пользы, какъ другія вещи того же рода. Почему для людей, которые живутъ подъ руководствомъ разума, самые полезнѣйшіе суть люди такого же качества. Почему каждый, кто хочетъ жить подъ руководствомъ разума, желая добра самому себѣ, желаетъ, чтобъ было, сколько возможно, болѣе людей ему подобныхъ, слѣдовательно людей, обладающихъ тѣмъ же самымъ добромъ, которымъ онъ обладаетъ [604]. При выведеніи сихъ истинъ Спиноза замѣчаетъ, что люди тогда наиболѣе полезны другъ для друга, когда наиболѣе каждый изъ нихъ заботится о собственной выгодѣ, потому что тогда каждый изъ нихъ старается жить подъ руководствомъ разума, а такіе люди наиболѣе полезны другъ для друга. Какую пользу могутъ взаимно доставлять себѣ люди, живущіе подъ руководствомъ разума, для удостовѣренія въ этомъ Спиноза ссылается на опытъ, который показываетъ намъ, что люди гораздо легче могутъ посредствомъ взаимной помощи доставить себѣ то, въ чемъ они нуждаются, и только соединенными силами могутъ избѣгнуть опасностей, которыя отвсюду грозятъ имъ [605].

Послѣ сего слова: *религія, человѣколюбіе, честность,* для Спинозы совпадаютъ другъ съ другомъ. Все, чего мы желаемъ и что дѣлаемъ потому, что имѣемъ представленіе и познаніе о Богѣ, онъ относитъ къ *религіи* (religio). Стремленіе благотворить другимъ, проистекающее изъ того, что мы живемъ подъ руководствомъ разума, по объясненію его, называется *человѣколюбіемъ* (pietas). Наконецъ стремленіе, какое имѣетъ человѣкъ, живущій подъ руководствомъ разума, связать съ собою прочихъ людей узами дружбы, называется *честностію* (honestas), равно какъ честнымъ (honestum) называется все то, чего хотятъ люди, живущіе подъ руководствомъ разума, *гнуснымъ* (turpe) — то, что препятствуетъ существованію дружбы между ними [606]. — Подобнымъ образомъ понятіе *добродѣтели* Спиноза возводитъ къ понятію *совершенства* (perfectio). Подъ именемъ совершенства онъ разумѣетъ одно и тоже съ положительнымъ существомъ, какое можетъ быть въ вещахъ [607]. Посему, чѣмъ совер-

[604] Ethic. p. 4, propos. 37. cf. propos. 29—36.
[605] Ethic. p. 4, propos. 35, coroll. 2.
[606] Per realitatem et perfectionem, говоритъ Спиноза, idem intelligo. Ethic. p. 2, defin. 6.
[607] Ethic. p. 5, propos. 40.

шеннѣе вещь, тѣмъ болѣе она имѣетъ въ себѣ положительнаго. Но чѣмъ болѣе она имѣетъ положительнаго, тѣмъ болѣе она дѣйствуетъ, слѣдовательно тѣмъ болѣе она имѣетъ и добродѣтели; страданіе происходитъ отъ недостатка положительнаго въ вещи, въ слѣдствіе чего она дѣлается зависящею и опредѣляется отъ внѣшней, посторонней причины, а не изъ себя самой [608].

Нравоученіе Спинозы представляется съ перваго раза основаннымъ на самолюбіи; добродѣтель, по словамъ Спинозы, есть могущество, которымъ человѣкъ сохраняетъ себя въ своемъ бытіи, съ которымъ онъ печется о себѣ, о своей выгодѣ. Но мы должны вспомнить, что все существующее по мнѣнію Спинозы есть только опредѣленный образъ бытія Божественнаго существа. Посему то, что сохраняетъ человѣкъ въ себѣ, что онъ стремится сохранить, когда стремится сохранить себя, о чемъ онъ заботится, когда заботится о себѣ самомъ, о своей пользѣ, есть самое Божественное существо, какъ оно существуетъ въ немъ. Сила, которая дѣйствуетъ при этомъ, есть только часть общей силы Божественной, часть Божественнаго Всемогущества. Если человѣкъ не сознаетъ при своей дѣятельности этого отношенія своихъ поступковъ и своего существа къ существу Божественному, то онъ дѣйствуетъ по влеченію самолюбія. Но Спиноза къ существу добродѣтельной дѣятельности относитъ именно такое сознаніе. Существо разума, которое добродѣтельный человѣкъ стремится сохранить, есть познаніе, и притомъ въ высшей и послѣдней степени — познаніе Бога. — Равнымъ образомъ любовь человѣка къ Богу, какъ объясняетъ ее себѣ Спиноза, по-видимому, не чужда самолюбія. Ея видимое начало скрывается въ томъ, что человѣкъ разсматриваетъ свои совершенства и услаждается ими. Но это созерцаніе себя и самоуслажденіе тотчасъ превращается у Спинозы въ созерцаніе Бога и услажденіе его Божественною природою. Наконецъ и благожелательство къ другимъ людямъ вытекаетъ у Спинозы, по видимому, изъ самолюбія. Но если самолюбіе у Спинозы есть только любовь человѣка къ Божественному, какъ оно существуетъ или можетъ существовать въ немъ, то и благожелательство къ другимъ людямъ, хотя человѣкъ желаетъ имъ добра для себя самого, пріобрѣтаетъ при такомъ объясненіи благороднѣйшее значеніе; это есть желаніе Божественной жизни въ другихъ для того, чтобъ она могла существовать и въ насъ. Послѣ сего Спинозѣ надлежало бы только сказать, что для духа, стремя-

[608] Ethic. 4, propos. 37, schol. 1

щагося къ Божественному, столь же пріятно созерцать Божественное въ себѣ, сколько и въ другихъ, пріятно созерцать вездѣ, гдѣ только оно ни существуетъ, и въ какомъ бы видѣ ни существовало. Но эта мысль не была высказана Спинозою.

Въ добродѣтельной жизни, въ жизни подъ руководствомъ разума Спиноза видитъ истинную свободу духа человѣческаго, потому что при такой жизни человѣкъ опредѣляется къ дѣйствію причинами, которыя могутъ быть поняты изъ одной его природы, — опредѣляется изъ себя самого. Когда напротивъ человѣкъ водится страстями; тогда онъ не дѣйствуетъ, а страждетъ, — тогда онъ находится въ рабствѣ, состоя подъ вліяніемъ причинъ постороннихъ, завися отъ чуждаго могущества. Способъ освободиться отъ страстей заключается, по мнѣнію Спинозы, въ познаніи, въ жизни по разуму. Страсть перестаетъ быть страстію, какъ скоро мы имѣемъ ясное и раздѣльное объ ней представленіе. Всѣ желанія наши, которыми мы опредѣляемся къ дѣйствію, могутъ проистекать столько же изъ ясныхъ, сколько и изъ неясныхъ представленій. Когда они проистекаютъ изъ неясныхъ представленій, то они относятся къ числу страстей; если же они проистекаютъ изъ ясныхъ представленій, то входятъ въ кругъ добродѣтелей. Человѣку по его природѣ свойственно желать, чтобъ другіе люди жили по его волѣ; въ человѣкѣ, который не управляется разумомъ, это желаніе есть страсть, называемая властолюбіемъ (ambitio); но въ человѣкѣ, который живетъ по внушенію разума, это есть добродѣтель, называемая человѣколюбіемъ (pietas) [609].

Но Спиноза далекъ отъ той мысли, чтобы человѣкъ могъ достигнуть совершенной свободы отъ страстей. Человѣкъ необходимо есть часть природы и слѣдовательно необходимо, болѣе или менѣе, опредѣляется причинами, внѣ его существующими, отъ него независящими. Онъ необходимо подверженъ различнымъ страстямъ. Хотя разумъ можетъ укротить и умѣрить ихъ до значительной степени, однако же онъ не можетъ достигнуть совершенной власти надъ ними; особенно же невозможно, чтобъ все множество людей стало жить подъ руководствомъ разума [610]. Посему Спиноза разсматриваетъ въ своей Этикѣ человѣческія страсти не какъ пороки человѣческой природы, но какъ свойства, такъ же существенно ей принадлежащія, какъ къ природѣ воздуха принадлежатъ жаръ, холодъ,

[609] Ethic. p 5, propos. 3 et 4.
[610] Tractatus politicus cap. 1, § 5. cf. cap. 2, § 5 8.

непогода, громъ и тому подобныя явленія, которыя хотя составляютъ невыгоду, однако же невыгоду неизбѣжную [611]. Природа, по словамъ Спинозы, управляется законами не одного человѣческаго разума, которые имѣютъ въ виду только истинную пользу и сохраненіе человѣка, но безконечнымъ множествомъ другихъ, которые имѣютъ въ виду порядокъ цѣлой природы, коей человѣкъ есть только частица, порядокъ, одною необходимостію коего всѣ существа (individua) опредѣляются извѣстнымъ образомъ къ существованію и дѣйствованію. Итакъ если что намъ представляется въ природѣ смѣшнымъ, нелѣпымъ, или зломъ, то это происходитъ отъ того, что мы знаемъ вещи только отъ части, большею частію не зная порядка и связи цѣлой природы, и хотимъ, чтобъ все управлялось по предписанію нашего разума, между тѣмъ какъ то, что разумъ называетъ зломъ, не есть зло по отношенію къ порядку и законамъ цѣлой природы, а только по отношенію къ законамъ одной нашей природы [612]. Послѣ сего можно сказать, что Этика, какъ ее представляетъ себѣ Спиноза, не предписываетъ правила, по которымъ долженъ поступать человѣкъ, но излагаетъ тѣ законы, которымъ слѣдуетъ человѣкъ въ своей дѣятельности, когда онъ въ своихъ дѣйствіяхъ руководствуется разумомъ и опредѣляется чистымъ существомъ своей природы.

§ 422.

Приступая къ Политикѣ, Спиноза прежде всего обращаетъ вниманіе на различные способы ея обработыванія: способъ, свойственный философамъ, и способъ, свойственный политикамъ — Философы представляютъ страсти, волнующія людей, пороками, въ которые человѣкъ впадаетъ по собственной винѣ. Почему, осмѣивая, оплакивая, понося, проклиная людскія страсти, они выхваляютъ природу человѣческую, которой нигдѣ не существуетъ, и порицаютъ ту, которая дѣйствительно существуетъ. Они представляютъ себѣ людей не такими, каковы они есть дѣйствительно, но какими бы желали ихъ видѣть. Слѣдствіемъ этого было то, что вмѣсто Этики они по большей части писали Сатиру, и никогда не могли составить себѣ политики, которая бы имѣла приложеніе, но вымышляли такую политику, которая должна быть почтена химерою, или которая можетъ быть приведена въ дѣйствіе только въ Утопіи, или въ томъ золотомъ вѣкѣ поэтовъ, гдѣ она всего менѣе нужна. Отсюда образо-

[611] Tractat. politic. cap. 1, § 4.
[612] Tract. polic. cap. 2, § 8.

валось мнѣніе, что теорія политики находится въ величайшемъ разногласіи съ ея практикою и что къ управленію государства всего менѣе способны теоретики или философы. — О политикахъ напротивъ обыкновенно думаютъ, что они болѣе строятъ ковы, чѣмъ заботятся о благѣ людей. Опытъ научилъ ихъ, что доколѣ будутъ люди, дотолѣ будутъ и пороки. Почему, когда они стараются предупредить человѣческую злобу, и притомъ употребляя средства, какимъ научилъ ихъ долговременный опытъ, и какими пользуются люди, руководствующіеся болѣе страхомъ, чѣмъ разумомъ, они являются противниками религіи, особенно для людей, которые думаютъ, что правительства должны слѣдовать въ управленіи дѣлами общественными тѣмъ же правиламъ, какими долженъ руководствоваться человѣкъ въ своей частной жизни

Съ своей стороны Спиноза отдаетъ предпочтеніе политикамъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, говоритъ онъ, что политики писали съ большимъ успѣхомъ о предметахъ политическихъ, чѣмъ философы; имѣя руководителемъ своимъ опытъ, они не учили ничему такому, что бы не могло быть осуществлено на дѣлѣ. Спиноза даже выражаетъ свою полную увѣренность, что опытомъ представлены всѣ роды государствъ, въ какихъ только могутъ люди жить въ согласіи, вмѣстѣ съ средствами для управленія толпы людей, такъ что въ этомъ отношеніи едва ли можно выдумать что нибудь исполнимое на дѣлѣ, что бы не было испытано и дознано по опыту. По чему Спиноза не предполагаетъ въ своей Политикѣ представить что нибудь новое или неслыханное, но только доказать достовѣрнымъ и несомнѣннымъ образомъ или вывести изъ самой человѣческой природы то, что наиболѣе согласуется съ практикою, излагая предметы, сюда относящіеся, съ такою же свободою духа, съ какою разсматриваются предметы математическіе, не осмѣивая, не оплакивая, не проклиная человѣческихъ дѣяній, но стараясь понять ихъ [613].

§ 423.

Предметомъ Политики Спиноза почитаетъ — показать, какъ люди могутъ достигнуть нужной для нихъ безопасности. Въ этомъ отношеніи начала ея онъ совершенно отличаетъ отъ началъ Этики. Государство, по словамъ его, котораго благословеніе зависитъ отъ доброй воли людей, имъ управляющихъ, не можетъ быть твердымъ. Оно должно быть учреждено такъ, чтобъ управляющіе имъ, руко

[613] Tract. politic. c. 1, § 1—5.

водствуются ли они разумомъ или страстію, не могли дѣйствовать неправильно. Для безопасности государства не важно, что побуждаетъ людей управлять имъ, какъ слѣдуетъ, только бы оно управлялось надлежащимъ образомъ [614].

§ 424.

Первое, чѣмъ занимается Спиноза въ Политикѣ, есть опредѣленіе понятія права естественнаго. Онъ поставляетъ это понятіе въ связи съ своими метафизическими началами. Могущество естественныхъ вещей, которымъ онѣ существуютъ и дѣйствуютъ, есть, самое Божественное могущество. Но какъ Богъ имѣетъ право на все, и право Божіе есть не что иное, какъ самое Божественное могущество, разсматриваемое какъ могущество свободное; то каждая вещь естественная, по словамъ Спинозы, столько имѣетъ права отъ природы, сколько она имѣетъ могущества для того, чтобъ существовать и дѣйствовать. Такимъ образомъ подъ именемъ права естественнаго Спиноза разумѣетъ самые законы природы, по которымъ все въ ней происходитъ, т. е. самое могущество природы.

Такое понятіе о правѣ природы Спиноза прилагаетъ и къ праву человѣка: изъ этого понятія само собою слѣдуетъ, что все, что ни дѣлаетъ человѣкъ по законамъ своей природы, онъ дѣлаетъ съ величайшимъ природнымъ правомъ, и что онъ столько имѣетъ права на природу, сколько онъ имѣетъ могущества. Если бы, послѣ сего говоритъ Спиноза, человѣческая природа была такъ устроена, что люди жили бы только по предписанію разума, не покушаясь ни на что другое, то естественное право человѣческаго рода опредѣлялось бы однимъ могуществомъ разума. Но люди руководствуются не однимъ разумомъ, а также слѣпымъ желаніемъ; слѣдовательно естественное могущество или право ихъ опредѣляется не однимъ разумомъ, но всякимъ вообще желаніемъ, которое побуждаетъ ихъ дѣйствовать и по которому они стараются сохранять себя.

Такимъ образомъ вводится, по видимому, господство физической, вещественной силы. Въ самомъ же дѣлѣ Спиноза при дальнѣйшемъ развитіи своихъ мыслей имъ даетъ иной оборотъ. Могущество человѣка опредѣляется не столько крѣпостію его тѣла, сколько силою ума. Отсюда Спиноза заключаетъ, что тѣ наиболѣе имѣютъ самостоятельности, которые наиболѣе сильны разумомъ и наиболѣе имъ руководствуются; даже человѣкъ долженъ быть названъ совершенно

[614] Ibid. § 6, cf. c 6, § 3.

свободнымъ, какъ скоро онъ управляетъ однимъ разумомъ, потому что въ этомъ случаѣ онъ опредѣляется къ дѣйствію причинами, которыя вполнѣ могутъ быть поняты изъ одной его природы, хотя опредѣляется ими необходимо. Равнымъ образомъ, по ученію Спинозы, если двое соединяютъ вмѣстѣ свои силы, то они вмѣстѣ будутъ сильнѣе и слѣдовательно болѣе имѣютъ права на природу, чѣмъ каждый изъ нихъ порознь. И такъ чѣмъ болѣе людей соединятъ свои силы вмѣстѣ, тѣмъ болѣе права они будутъ имѣть всѣ вмѣстѣ.

Изъ сихъ положеній Спиноза выводитъ, что естественное право человѣческаго рода едва ли можетъ существовать внѣ общества. Люди отъ природы болѣе управляются страстями, чѣмъ разумомъ; такимъ образомъ они влекутся въ разныя стороны, и суть враги между собою по природѣ. Напрасно будетъ стараться человѣкъ, находящійся въ естественномъ состояніи, обезпечить себя противъ всѣхъ. Посему доколѣ естественное право людей ограничивается могуществомъ каждаго изъ нихъ порознь, дотолѣ оно совершенно ничтожно и болѣе существуетъ въ мнѣніи, чѣмъ въ дѣйствительности. Напротивъ въ обществѣ право человѣка обезпечено, и онъ не имѣетъ причины опасаться нападеній со стороны другихъ. Сверхъ того безъ взаимной помощи люди едва ли могутъ поддерживать свою жизнь и образовать свою душу. Такимъ образомъ естественное право человѣка для Спинозы переходитъ въ право общества людей, руководствующихся въ своихъ дѣйствіяхъ разумомъ [615].

§ 425.

Сообразно духу всего своего ученія Спиноза почитаетъ гражданское общество не обдуманнымъ произведеніемъ человѣческой воли, но явленіемъ естественнымъ, возникающимъ изъ самой природы человѣческой. Общества гражданскія представляются намъ у народовъ и образованныхъ и необразованныхъ. Какъ люди управляются болѣе страстями, чѣмъ разумомъ; то и слѣдуетъ, по мнѣнію Спинозы, заключить, что толпа людей собирается вмѣстѣ и хочетъ управляться какъ бы одною душею не по наставленію разума, но по дѣйствію страстей, общихъ всѣмъ имъ. Таковы: общая надежда, общій страхъ или общее желаніе отвратить общее какое нибудь зло. Отъ природы всѣ люди боятся быть одними, потому что никто изъ нихъ одинъ не имѣетъ столько силъ, чтобъ онъ могъ защитить себя отъ всякаго зла и пріобрѣсть все нужное для жизни. Итакъ по самой

[615] Tract. polit. c. 2, § 2—15. cf. Ethic. p. 4, prop. 37, schol. 2.

природѣ своей люди желаютъ жизни общественной, и невозможно, чтобъ когда нибудь они совершенно оставили это состояніе. Посему-то, замѣчаетъ Спиноза, и несогласія или возмущенія, какія часто бываютъ въ государствахъ, никогда не имѣютъ своимъ послѣдствіемъ разрушенія самаго государства, а только иногда перемѣну въ образѣ его правленія [616]. Впрочемъ у Спинозы не исключается совершенно участіе произвола и согласія людей въ происхожденіи государствъ [617].

§ 426.

Права гражданскаго общества, подобно праву всякой другой вещи, по ученію Спинозы, опредѣляются его могуществомъ; отдѣльный человѣкъ тѣмъ менѣе имѣетъ здѣсь права, чѣмъ сильнѣе его всѣ прочіе, т. е. въ самомъ дѣлѣ онъ никакого не имѣетъ права на природу, кромѣ того, какое дается ему общимъ правомъ. Это право общества, опредѣляемое могуществомъ самаго общества, Спиноза, называетъ верховною властію [618].

Верховная власть государства, по ученію Спинозы, неограниченна. Ея дѣйствіе простирается на всѣ дѣла въ государствѣ. Каждый въ государствѣ долженъ безусловно ей повиноваться. Если бы государство дало кому нибудь право и слѣдовательно силу жить по своей волѣ, то тѣмъ самымъ оно отказалось бы отъ своего права и власти надъ такимъ человѣкомъ. Если бы оно дало такую власть двумъ или болѣе гражданамъ, то тѣмъ самымъ оно раздѣлило бы съ ними свою верховную власть. Если бы наконецъ оно дало каждому гражданину такую власть, то тѣмъ самымъ разрушило бы себя самаго и перестало бы существовать, какъ государство. Слѣдовательно, заключаетъ Спиноза, никакимъ образомъ по установленію государства не можетъ быть позволено гражданину жить въ государствѣ по своей волѣ. Равнымъ образомъ, по ученію Спинозы, нельзя позволить каждому гражданину истолковывать постановленія или законы государства; съ тѣмъ самымъ каждый гражданинъ сдѣлался бы собственнымъ своимъ судьею [619].

Власть государства Спиноза почитаетъ неограниченною и въ дѣлахъ вѣры, но только, сообразно свойству вещи, по отношенію къ

[616] Tract. polit. c. 1, § 7 et c. 6, § 1, 2.
[617] Ibid. c. 4, § 6.
[618] Ibid. c. 2, § 15, 16 et c. 3, § 2.
[619] Ibid. c. 3, § 3—6 et c. 4, § 1—3.

предметамъ внѣшняго Богослуженія, такъ какъ, по его словамъ, сердечная увѣренность, соединенная съ истиннымъ познаніемъ Бога и любовію къ нему и къ ближнимъ не можетъ подлежать никакому принужденію [620].

Равнымъ образомъ Спиноза признаетъ неограниченность власти верховной въ ея внѣшнихъ дѣйствіяхъ. Два государства, по словамъ его, находятся въ такомъ же самостоятельномъ отношеніи другъ къ другу, въ какомъ два человѣка между собою въ состояніи естественномъ, съ тѣмъ исключеніемъ, что государство можетъ себя обезпечить противъ опасностей со стороны другихъ государствъ, между тѣмъ какъ для одного человѣка въ естественномъ состояніи это невозможно [621].

Наконецъ Спиноза разсматриваетъ вопросъ: не связывается ли сама власть общественная какими нибудь законами? Онъ съ своей стороны не находитъ для ней никакихъ предѣловъ, кромѣ свойства вещей и началъ благоразумія, съ которыми она сама будетъ сообразоваться, если не хочетъ быть причиною своей погибели [622].

§ 427.

Но Спиноза не почитаетъ понятіе права единственнымъ основаніемъ для учрежденія государства. Не все, что происходитъ по праву, есть, по его словамъ, самое лучшее: иное дѣло обработывать поле по праву, иное — обработывать его наилучшимъ образомъ; иное дѣло — по праву защищать, сохранять себя, произносить приговоръ, иное — защищать, сохранять себя, произносить приговоръ наилучшимъ образомъ; подобно этому двѣ разныя вещи будутъ — властвовать надъ государствомъ по праву и властвовать наилучшимъ образомъ. Для опредѣленія наилучшаго образа учрежденія и управленія государства Спиноза разсматриваетъ цѣль государства, такъ какъ наилучшимъ можетъ быть только то государство, гдѣ эта цѣль достигается наилучшимъ образомъ. Цѣль государства, по мнѣнію Спинозы, есть миръ и безопасность жизни; слѣдовательно то государство есть и самое лучшее, въ которомъ люди проводятъ жизнь въ согласіи и котораго законы ненарушимо соблюдаются. Спиноза думаетъ, что возмущенія, войны, презрѣніе или нарушеніе законовъ, должны быть приписаны не столько порочнымъ наклон-

620 Ibid. c. 3, § 10.
621 Ibid. c. 3. § 11—18.
622 Ibid. c. 3, § 7—9 et c. 4, § 4—6.

ностямъ подданныхъ, сколько худому учрежденію государства, такъ какъ люди не раждаются со всѣми добродѣтелями гражданской жизни, но образуются для ней. Гражданское общество, которымъ не уничтожены причины къ возмущеніямъ, въ которомъ непрерывно надобно опасаться войны, въ которомъ наконецъ часто нарушаются законы, немного отличается отъ естественнаго состоянія, гдѣ каждой живетъ по своей волѣ съ большою опасностію жизни. Что касается мира, который составляетъ цѣль государства, то, по словамъ Спинозы, это не есть отсутствіе войны, но добродѣтель, проистекающая отъ мужества духа. Государство, подданные котораго только изъ страха не поднимаютъ оружія, скорѣе находится безъ войны, чѣмъ въ мирѣ. Такимъ образомъ, когда Спиноза говоритъ, что наилучшее государство есть то, въ которомъ люди проводятъ жизнь въ согласіи, то онъ разумѣетъ здѣсь, какъ самъ объясняется, жизнь истинно человѣческую, состоящую не въ одномъ обращеніи крови и въ другихъ дѣйствіяхъ, свойственныхъ всѣмъ животнымъ, но такую жизнь, которая преимущественно опредѣляется разумомъ [623].

Послѣ сего Спиноза разсматриваетъ со всею подробностію три образа правленія, то есть: монархію, аристократію и демократію, и показываетъ, какъ должна быть каждая изъ нихъ устроена, чтобъ государство по своему управленію могло быть названо наилучшимъ государствомъ [624]. Этимъ заключается Политика Спинозы.

II. ЛЕЙБНИЦЪ.

§ 428.

У Спинозы отдѣльное бытіе существъ теряется въ безконечномъ бытіи Божіемъ. Лейбницъ [625] сохраняетъ ихъ отдѣльное бытіе, признавая въ каждомъ изъ нихъ особое недѣлимое, обнимающее цѣлый міръ своимъ представленіемъ, болѣе или менѣе яснымъ. Человѣкъ пріобрѣтаетъ такимъ образомъ личность.

Лейбницъ развивалъ свою философскую систему по частямъ, и успѣлъ развить только нѣкоторыя ея стороны; въ цѣломъ и въ связи она не была имъ развита. Въ особенности, философіи практической онъ коснулся только самымъ легкимъ образомъ. О предметахъ, от-

[623] Tract. polit. c. 5.

[624] Tract. polit c. 6—10 (c. 6 et 7, о монархіи; c. 8—10, объ аристократіи; c. 10, о демократіи.).

[625] Лейбницъ род. въ 1646 г., ум. въ 1716.

носящихся къ философіи законодательства, были имъ высказаны только нѣкоторыя мысли, и то случайно. Здѣсь онъ является совершеннымъ противникомъ Пуфендорфа. По его мнѣнію, предписанія закона естественнаго не ограничиваются не только цѣлями одной настоящей жизни, такъ какъ человѣкъ имѣетъ болѣе или менѣе ясное познаніе о безсмертіи души, но и однимъ родомъ человѣческимъ, такъ какъ люди имѣютъ общеніе не только между собою, но также съ цѣлымъ міромъ и Богомъ; предметъ закона естественнаго составляютъ не одни внѣшнія дѣянія, но также и внутреннія движенія души; послѣднимъ основаніемъ обязательной силы закона естественнаго не есть воля какого нибудь лица, но самая природа вещей. Кромѣ того Лейбницъ не находитъ у Пуфендорфа довольно опредѣленности въ понятіяхъ и основательности въ выведеніи положеній [626]. По опредѣленію самаго Лейбница правда есть любовь мудраго. Человѣкъ, говоритъ онъ, находится въ обществѣ съ другими людьми, со всѣмъ міромъ, наконецъ съ Богомъ. Человѣкъ добрый есть тотъ, который все обнимаетъ своею любовію, сколько позволяетъ разумъ. Любить значитъ услаждаться счастіемъ другаго, или, что то же, счастіе другаго причислять къ своему счастію. Созерцаніе прекраснаго доставляетъ уже удовольствіе. Но когда прекрасный предметъ способенъ еще къ счастію, то расположеніе къ нему переходитъ въ истинную любовь. При этой любви человѣкъ не имѣетъ въ виду ни получить какую нибудь награду или выгоду, ни удалить какое нибудь зло отъ себя. Любовь къ Богу превышаетъ всякую другую любовь, потому что Бога можно любить сильнѣе всего, такъ какъ ничего нельзя себѣ представить ни блаженнѣе его, ни прекраснѣе и достойнѣе блаженства; какъ сверхъ того Богъ обладаетъ величайшимъ могуществомъ и мудростію, то его блаженство не только входитъ въ составъ нашего блаженства, но и производитъ наше блаженство. Но любовію человѣка къ различнымъ предметамъ должна управлять мудрость. Мудрость есть знаніе счастія. — Изъ начала любви, сопровождаемой мудростію, Лейбницъ выводитъ самый законъ естественный (jus naturæ), по отношенію къ которому онъ принимаетъ три степени: строгій законъ (jus strictum), справедливость (æquitas), или любовь въ тѣснѣйшемъ смыслѣ (caritas), и наконецъ благочестіе (pietas). Строгій законъ

[626] Monita quædam ad Sam. Pufendorfii principia. См. Goth. Guil. Leibnitii opera omnia, ed. studio Ludovici Dutens, T. IV. Genevæ, 1768. p. III. pag. 275—383 и epist. 7 (тамъ же, стр. 261).

предписываетъ никого не обижать; въ противномъ случаѣ онъ даетъ обиженному въ гражданскомъ обществѣ право иска, внѣ гражданскаго общества — право войны. Справедливость простирается, за предѣлы строгаго закона, и на такія обязательства, по которымъ лица, имѣющія то или другое право, чтобъ осуществить его, не могутъ употреблять принужденія. Она предписываетъ каждому воздавать свое, т. е. каждому доставлять ту пользу, какая ему прилична, или какую онъ заслуживаетъ, если нельзя доставить ее всѣмъ. Въ области строгаго закона не обращается вниманіе на различіе лицъ, исключая различіе, которое проистекаетъ изъ самаго предпринимаемаго дѣянія, и всѣмъ людямъ приписываются одинаковыя права; напротивъ въ области справедливости взвѣшиваются заслуги и смотря по нимъ даются преимущества, назначаются награды и наказанія. Но оба изложенные вида закона естественнаго ограничиваются цѣлями смертной жизни: строгій законъ удаляетъ бѣдствіе, справедливость доставляетъ счастіе, но бѣдствіе и счастіе такое, какое свойственно настоящей смертной жизни. Высшій степень правды есть благочестіе. Оно предписываетъ жить честно вообще. Чтобъ доказать всеобщимъ образомъ, что все честное полезно, а все безчестное вредно, должно взять во вниманіе истины, что душа наша безсмертна и что міръ находится подъ Божественнымъ управленіемъ. Тогда, говоритъ Лейбницъ, мы увидимъ, что мы всѣ живемъ въ одномъ совершеннѣйшемъ обществѣ, подъ начальствомъ одного Властителя, котораго невозможно ни обмануть, такъ какъ онъ премудръ, ни избѣгнуть, такъ какъ онъ всемогущъ, — который сверхъ того такъ достоинъ любви, что служить такому владыкѣ есть счастіе. Могущество и промышленіе Его производятъ то, что все правое получаетъ дѣйствительность, что никто не терпитъ обиды, развѣ отъ себя, что никакое добро не остается безъ награды, никакое зло безъ наказанія, такъ какъ во всеобщемъ государствѣ ничто не пренебрегается. По сему-то, заключаетъ Лейбницъ, благочестіе называется всеобщею правдою (justitia universalis), и содержитъ въ себѣ всѣ другія добродѣтели. То самое, что, по видимому, не имѣетъ никакого отношенія ко благу другихъ, напр. неупотребленіе нами во зло нашего тѣла или нашихъ вещей, управляется, независимо отъ человѣческихъ законовъ, закономъ естественнымъ, т. е. вѣчными законами Божественнаго міроправленія, потому что бытіемъ нашимъ и всѣмъ нашимъ мы обязаны Богу; какъ для государства, такъ еще болѣе для всего міра важно, чтобъ

никто не употреблялъ во зло своей вещи [627]. Такимъ образомъ высшее нравственное начало у Лейбница есть, можно сказать, общительность, но общительность не съ одними людьми для достиженія цѣлей временной жизни, потому что человѣкъ находится также въ обществѣ съ Богомъ, и это общеніе должно имѣть преимущество передъ общеніемъ съ людьми. Праведно, по словамъ Лейбница, то, что служитъ къ совершенству общества разумныхъ существъ [628]. Всѣ добродѣтели наши входятъ въ составъ правды, какъ скоро рѣчь идетъ о томъ, чтобъ обратить ихъ на пользу другихъ. Предметомъ Этики есть научить добродѣтели, предметомъ правовѣдѣнія — показать, какъ надобно употреблять ее на пользу другихъ [629]. Вотъ замѣчательнѣйшія мысли Лейбница, относящіяся къ философіи законодательства [630].

III. ВОЛЬФЪ.

§ 429.

Разсѣянныя, отрывочныя мысли Лейбница приведены къ единству ***Вольфомъ*** [631]. При этомъ тѣ или другія понятія были исправлены; чего не доставало къ полнотѣ науки, было дополнено собственнымъ размышленіемъ, или изъ ученія другихъ философовъ. Метода, которой Вольфъ держался въ изложеніи истинъ философіи, была строго математическая. Почему изложеніе его отличается такою основательностію, правильностію, раздѣльностію понятій, опредѣленностію терминологіи, какія доселѣ были не виданы. Сверхъ того изъ философовъ новыхъ временъ Вольфъ первый представилъ намъ полную Энциклопедію философскихъ наукъ, изъ которыхъ притомъ большая часть была имъ самимъ, съ свойственною ему основательностію, подробно обработана.

[627] Dissert 1. de actorum publicorum usu, atque de principiis juris naturæ et gentium, primæ Codicis gentium diplomatici parti præfixa. § 11—13. (Ibid. p. 294 seqq.) Cf. Method. nov. discendæ docendæque jurisprudentiæ, p. 2, § 72—76. (Ibid. p. 212. seqq.).

[628] Observationes de principio juris. § 11. (Ibid. p. 272. seqq.)

[629] Epistol. 7. (Ibid. p. 261).

[630] См. еще въ вышеприведенной части сочин. Лейбница р. 185—187. (Meth. nov. p. 2, § 14—21); 262 (ep. 8, § 1); 263 (ep. 10, § 4); 265 (ep. 12, § 3); 267 (ep. 14, § 3); 270—275 (observationes de principio juris); 297, 298 (§ 14, disser. 1, de actorum publ. usu, etc.); 313 (diss. 2, secundæ codicis gentium diplomatici parti præfixa § 10); 357-364 (tract. de jure suprematus ac legationum principum Germaniæ, cap. 10—12); 407—409 (Ibid. cap. 33).

[631] Вольфъ род. въ 1679 г., ум. въ 1754.

§ 430.

Изъ сочиненій Вольфа къ философіи законодательства относятся: 1) писанныя на нѣмецкомъ языкѣ — *Здравыя мысли о томъ, что люди должны дѣлать и чего не дѣлать*, и *Здравыя мысли о общественной жизни людей, и особенно о государствѣ* [632]. 2) На Латинскомъ языкѣ: *Общая практическая Философія; Право естественное; Философія нравовъ или Этика, Философія гражданскаго общества или Политика; Право народное; Руководство къ познанію естественнаго и народнаго права* [633].

§ 431.

Философія, по ученію Вольфа, имѣетъ въ виду раскрыть причины бытія вещей; она показываетъ, какимъ образомъ что нибудь только возможное можетъ получать и получаетъ дѣйствительность.

Предметы, подлежащіе нашему познанію, суть Богъ, души человѣческія и тѣла. Отсюда Вольфъ выводитъ три части философіи: *Естественное Богословіе, Умственное* и *опытное душеученіе* и наконецъ *Ученіе о природѣ.*

Душа имѣетъ двоякую способность: познавательную и желательную. Каждая изъ сихъ способностей во время дѣйствія своего можетъ уклониться отъ своей цѣли: одна отъ истины, другая отъ добра. *Логика,* по ученію Вольфа, сообщаетъ правила, которыя должны руководствовать познавательную способность при познаніи истины; *Философія практическая* сообщаетъ правила, которыя должны руководствовать желательную способность въ ея стремленіи къ добру и отвращеніи отъ зла. Но человѣкъ можетъ быть разсматриваемъ двояко: какъ человѣкъ вообще, и какъ гражданинъ въ особенности, или, что тоже, какъ членъ всего нераздѣльнаго общества рода человѣческаго и какъ членъ гражданскаго общества. На семъ основаніи

[632] Vernünftige Gedanken von der Menschen Thun und Lassen, zu Beförderung ihrer Glückseligkeit. Halle, 1720. in-8. — Vernünftige Gedanken von dem gesellschaftlichen Leben der Menschen und insonderheit dem gemeinen Wesen zu Beförderung der Glückseligkeit des menschlichen Geschlechts. Halle, 1721. in-8.

[633] Philosophia practica universalis. Hal., 1738, 1739. II vol. in-fol. — Jus naturæ, 1740—1748. VIII vol. in-4. — Philosophia moralis sive Ethica. Hal., 1750—1753. IV vol. in-4. — Philosophia civilis sive Politica, продолженная Гановіемъ. Ib. 1746. IV vol. in-4. — Jus gentium. Ib. 1750. in-4. — Institutiones juris naturæ et gentium. Ib. 1750. in-8. Въ нѣмецкомъ переводѣ это послѣднее сочиненіе издано въ 1754 г. in-8.

философія практическая раздѣляется у Вольфа на двѣ части: та часть ея, которая разсматриваетъ человѣка въ первомъ отношеніи, называется *Этикою;* часть, которая разсматриваетъ человѣка во второмъ отношеніи, называется *Политикою*. Кромѣ государства есть еще меньшія общества, которыя могли бы существовать и внѣ государства, каковы: общество супружеское, отеческое, господское, извѣстныя подъ именемъ простыхъ обществъ. Часть практической философіи, которая разсматриваетъ человѣка какъ члена одного изъ этихъ малыхъ обществъ, Вольфъ называетъ *Экономикою*. Но какъ человѣкъ не можетъ желать добра и отвращаться зла, если не знаетъ того и другаго, то Вольфъ принимаетъ еще часть философіи, показывающую, какія дѣйствія относятся къ добрымъ, какія къ худымъ, и называетъ ее *Правомъ* или *закономъ естественнымъ*. Это, по его словамъ, есть теорія философіи практической, т. е. Этики, Политики и Экономики. Какъ нѣтъ нужды отдѣлять теорію отъ практики, то ученіе о законѣ естественномъ, по мнѣнію Вольфа, можетъ быть преподано въ самой Этикѣ, Политикѣ и Экономикѣ. Но также наоборотъ Вольфъ допускаетъ возможнымъ изложеніе предметовъ Этики, Политики и Экономики въ наукѣ закона естественнаго. Наконецъ къ означеннымъ частямъ философіи практической Вольфъ присоединяетъ еще одну. Есть, говоритъ онъ, нѣкоторыя общія начала, отъ которыхъ зависитъ вся теорія и практика философіи практической. Эту часть, которая излагаетъ общую теорію и практику философіи практической, онъ называетъ *Всеобщею практическою философіею*.

Кромѣ исчисленныхъ частей философіи Вольфъ находитъ возможнымъ еще множество другихъ, такъ какъ, по его словамъ, всякой вообще предметъ можетъ быть разсматриваемъ съ философской точки зрѣнія [634].

§ 432.

Высшимъ началомъ нравственности Вольфъ признаетъ начало: *усовершай себя (perfice te)*. Разумѣя подъ именемъ *совершенства* согласіе въ разнообразіи, онъ принимаетъ два вида совершенства: *существенное* и *случайное*. Совершенство существенное (perfectio essentialis) есть согласіе между собою существенныхъ принадлежностей вещи, т. е. принадлежностей, составляющихъ ея природу;

[634] Wolfii philosophia rationalis s. logica. Franc. et Lipsiæ, 1740. Discursus prælimin. § 29—32 et § 55—86.

совершенство случайное (**perfectio accidentalis**) есть согласіе случайныхъ принадлежностей съ существенными [635]. Человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла. Тѣло слагается изъ различныхъ органовъ, которыхъ отправленія всѣ вмѣстѣ стремятся къ одной общей цѣли — къ сохраненію жизни и здоровья человѣка; душа имѣетъ различныя способности, совокупнымъ дѣйствіемъ которыхъ человѣкъ, одаренный разумомъ, составляющимъ его отличіе отъ прочихъ животныхъ, дѣлается способнымъ вести жизнь, согласную съ разумомъ. Годность органовъ для совершенія своихъ отправленій, годность способностей къ тому употребленію, какое они имѣютъ въ провожденіи человѣкомъ своей жизни, составляютъ существенное совершенство человѣка. Какъ природа, никогда ни на шагъ не уклоняющаяся отъ пути истины, не терпитъ никакого противорѣчія — всегдашняго и главнаго врага истины, то свободныя дѣйствія человѣка должны быть въ согласіи съ его сущностію или природою и опредѣляться тѣми же самыми конечными причинами, какими опредѣляются дѣйствія естественныя, и слѣдовательно направляться къ одной цѣли съ дѣйствіями естественными. Способность человѣка опредѣлять такимъ образомъ свои свободныя дѣйствія составляетъ случайное совершенство человѣка; когда оно присоединяется къ совершенству существенному, то образуется, по ученію Вольфа, полное совершенство человѣка [636].

Какъ добрымъ называется все, что дѣлаетъ человѣка и его состояніе совершеннѣе, а противное тому зломъ; то свободныя дѣйствія, смотря по тому, служатъ ли они къ совершенству, или несовершенству человѣка, имѣютъ, по словамъ Вольфа, внутреннюю доброту или порочность, такъ что ненужно ихъ дѣлать еще добрыми, повелѣвая ихъ, или дѣлать ихъ дурными, запрещая ихъ [637]. — Человѣкъ по самой природѣ своей желаетъ добра и отвращается зла: дѣйствія, имѣющія внутреннюю доброту или порочность, каковы тѣ, которыя служатъ къ совершенству или несовершенству человѣка, содержатъ сами въ себѣ побужденіе желать ихъ или отвращаться; почему, говоритъ Вольфъ, они сами въ себѣ вожделѣнны или отвратительны [638]. — Соединять побужденіе съ дѣйствіемъ положительнымъ или отрицательнымъ значитъ обязывать къ этому дѣй-

[635] Institutiones juris naturæ et gentium. § 9—11.
[636] Ibid. præf et § 11.
[637] Ibid. § 12—14.
[638] Ibid. § 15.

ствію. Побужденіе заключатся въ представленіи добра, проистекающаго отъ дѣйствія положительнаго, и зла отъ дѣйствія отрицательнаго. Какъ посему дѣйствія, служащія къ совершенству человѣка, сами въ себѣ содержатъ побужденіе желать ихъ, а дѣйствія, служащія къ несовершенству человѣка, — побужденіе ихъ отвращаться, то, по мнѣнію Вольфа, самою природою человѣкъ обязывается къ дѣйствіямъ, служащимъ къ его совершенству [639]. Это обязательство Вольфъ называетъ *естественнымъ*, потому что основаніе его заключается въ самомъ естествѣ человѣка [640]. Отсюда Вольфъ выводитъ понятіе о законѣ вообще, и въ частности о законѣ естественномъ. Правило, говоритъ онъ, съ которымъ мы обязаны соображать наши дѣйствія, называется *закономъ*, и притомъ *закономъ естественнымъ*, когда основаніе обязательной силы его заключается въ самомъ естествѣ человѣка, — закономъ *положительнымъ*, когда обязательная сила его проистекаетъ отъ воли какого нибудь разумнаго существа, — отъ воли Божіей или отъ воли человѣческой. Законъ природы вообще называется также иначе правомъ естественнымъ (jus naturæ) [641]. Какъ природа существъ зависитъ отъ воли Божіей, то, по ученію Вольфа, виновникъ закона естественнаго есть также Богъ [642].

Въ соотвѣтствіи съ обязательствомъ Вольфъ поставляетъ право. Какъ всякой долженъ исполнять свое обязательство, то всякому вольно дѣлать то, безъ чего онъ не можетъ удовлетворить своему обязательству. Эта нравственная способность человѣка дѣйствовать для удовлетворенія своему обязательству, называется правомъ; по мнѣнію Вольфа, не было бы права, если бы не было обазанности [643], и какъ право дается человѣку для того, чтобъ онъ могъ исполнять свою обзанность, то каждый долженъ пользоватьса своимъ правомъ сообразно своей обязанности [644]. Принимая обязательство двоякаго рода: *совершенное* и *несовершенное*, смотря по тому, можетъ ли обязанный къ исполненію его быть принуждаемъ силою, или не можетъ, Вольфъ сообразно съ симъ дѣлитъ и права на совершенныя и несовершенныя. Послѣ сего, понятія Вольфа о праведномъ (justum)

[639] Ibid. § 35 et 36.
[640] Ibid. § 38.
[641] Ibid. § 39.
[642] Ibid. § 41.
[643] Ibid. § 45, 46.
[644] Ibid. § 66.

и справедливомъ (æquum), о правдѣ (justitia) и справедливости (æquitas), о раздѣленіи правды на всеобщую и частную одинаковы съ понятіями Пуфендорфа [645].

§ 433.

Прежде всего Вольфъ разсуждаетъ о всеобщихъ обязанностяхъ и правахъ человѣка, т. е. свойственныхъ человѣку какъ человѣку. Права и обязательства этого рода, какъ вытекающія изъ самой природы человѣка и принадлежащія ему съ самымъ его рожденіемъ на свѣтъ, Вольфъ, по примѣру Томазія, называетъ *прирожденными* (jura et officia connata). Къ прирожденнымъ правамъ Вольфъ относитъ: просить себѣ въ случаѣ нужды помощи у другаго, такъ какъ никто изъ людей не въ силахъ усовершать себя и свое состояніе одинъ безъ другихъ; право обязывать себѣ другаго совершеннымъ образомъ къ исполненію должностей человѣколюбія, такъ какъ человѣкъ при исполненіи своихъ обязанностей весьма часто нуждается въ чужой помощи, и для него весьма важно бываетъ совершенно быть удостовѣреннымъ въ томъ, что онъ ее получитъ; право имѣть одинаковыя обязанности и права со всѣми другими людьми; право зависѣть въ своихъ дѣйствіяхъ отъ себя одного; право на безопасность, т. е. право не быть обижаемымъ; право защищать себя въ случаѣ обиды и право наказывать нарушителя нашихъ правъ, чтобы онъ или другіе, слѣдуя его примѣру, не сдѣлали намъ обиды снова, или чтобы онъ самъ или другіе не обижали другихъ [646].

Всѣ эти права Вольфъ называетъ *правами совершенными*, потому что человѣкъ необязанъ терпѣть, чтобъ другой препятствовалъ ему пользоваться сими правами, такъ какъ они вытекаютъ изъ самаго естественнаго обязательства, которое неизмѣнно [647].

§ 434.

Послѣ сего Вольфъ разсматриваетъ обязанности человѣка къ себѣ самому и права его, оттуда возникающія, обязанности къ другимъ и права, отсюда возникающія, наконецъ обязанности къ Богу. — По отношенію къ себѣ самому, человѣкъ обязанъ усовершать свою душу, свое тѣло и свое внѣшнее состояніе; для этого онъ имѣетъ право на

[645] Ibid. § 80, 83, 85.
[646] Ibid. § 95.
[647] Ibid. § 81.

все, что необходимо для достиженія совершенства [648]. — Но человѣкъ не можетъ усовершать себя и свое состояніе одинъ своими только средствами, а каждый имѣетъ нужду въ помощи другихъ. Почему люди обязаны усовершать себя общими силами и каждый по возможности долженъ содѣйствовать къ совершенству другаго, впрочемъ безъ нарушенія обязанности къ себѣ самому. Такимъ образомъ обязанности человѣка къ другимъ суть тѣ же самыя, что и обязанности его къ себѣ самому: человѣкъ долженъ способствовать къ совершенству тѣла, души и внѣшняго состоянія своихъ ближнихъ [649]. — Не только человѣкъ, но и всѣ вещи въ мірѣ имѣютъ такое устройство, что отсюда можно заключать, какія свойства принадлежатъ Богу. Какъ свободныя дѣйствія должны быть направлены къ той же цѣли, къ какой направлены дѣйствія естественныя; то человѣкъ долженъ во всѣхъ своихъ свободныхъ дѣйствіяхъ руководствоваться побужденіями, заимствованными отъ свойствъ Божіихъ. Такимъ образомъ къ совершенству человѣка относится способность его изображать собою Бога. Почему онъ и долженъ всѣ дѣйствія свои направлять къ славѣ Божіей [650].

§ 435.

Представивши обязанности и права человѣка по отношенію къ себѣ самому, къ другимъ людямъ и къ Богу, Вольфъ подробно излагаетъ ученіе о собственности, правахъ и обязанностяхъ, изъ ней возникающихъ, и договорахъ, по отношенію къ ней заключаемыхъ [651].

Вмѣстѣ съ Гроціемъ и другими Вольфъ принимаетъ, что первоначально у людей всѣ вещи были общими, но что по умноженіи рода человѣческаго, съ прекращеніемъ простаго образа жизни, это общеніе прекратилось. Первымъ способомъ происхожденія отдѣльной собственности признается у Вольфа *занятіе* (occupatio). Когда, по его словамъ, первобытное общеніе уничтожается, то право овладѣвать вещами для пользованія переходитъ въ право обращать ихъ въ свою собственность; почему всякой нуждающійся, слѣдовательно всякой, кто хочетъ и можетъ, отъ природы властенъ обратить въ свою собственность вещь, никому непринадлежащую. Какія вещи не могутъ поступить въ отдѣльную собственность и въ какой мѣрѣ

[648] Ibid. § 103—132.
[649] Ibid. § 133—159.
[650] Ibid. § 160—182.
[651] Ibid. p. 2.

первобытное общеніе можетъ обнаруживаться въ своихъ послѣдствіяхъ и по уничтоженіи его, — эти вопросы Вольфъ рѣшаетъ также одинаково съ Гроціемъ. Видъ пріобрѣтенія вещей посредствомъ занятія есть, по мнѣнію Вольфа, пріобрѣтеніе ихъ давностію владѣнія, основывающееся на томъ предположеніи, что прежній ихъ владѣлецъ отъ нихъ отказался, когда онъ ихъ не отыскиваетъ. — Хозяинъ вещи властенъ уступить ее другому. Отсюда Вольфъ выводитъ производные способы пріобрѣтенія собственности. Къ нимъ онъ относитъ и пріобрѣтеніе въ силу завѣщанія. — Какъ первоначально, такъ и производно могутъ быть пріобрѣтены, по ученію Вольфа, не только собственность со всею совокупностію правъ, въ ней заключающихся, но и отдѣльныя права изъ этой совокупности.

Сила договоровъ, по коимъ одинъ человѣкъ обязывается для пользы другаго что нибудь дѣлать или не дѣлать, выводится у Вольфа изъ необходимости для человѣка имѣть постороннюю помощь и быть при томъ удостовѣреннымъ, что она непремѣнно будетъ оказана.

Къ концу своего ученія о собственности и договорахъ Вольфъ разсуждаетъ о способахъ, какими могутъ быть кончены распри въ естественномъ состояніи. Это, по его словамъ, суть слѣдующіе: добровольное отреченіе отъ своего права съ одной или другой стороны, добровольная сдѣлка, предоставленіе спора на рѣшеніе посредникамъ, наконецъ употребленіе силы оружія.

§ 436.

Многія обязанности и права между людьми проистекаютъ изъ соединенія людей въ общества. Обязанности и права въ каждомъ обществѣ опредѣляются цѣлію и условіями его учрежденія. Вольфъ разсматриваетъ и опредѣляетъ обязанности и права людей, существующія въ обществѣ домашнемъ и въ обществѣ гражданскомъ или государствѣ.

§ 437.

Общество домашнее [652] составляется изъ союза супружескаго, союза родителей и дѣтей, союза господъ и рабовъ или слугъ. — Люди, по ученію Вольфа, для непрерывности своего совершенствованія вообще обязаны сохранять свой родъ и желать соединенія половъ не для другой какой цѣли, какъ для рожденія дѣтей. Но дѣти не бываютъ съ самымъ ихъ рожденіемъ на свѣтъ способны сниски-

[652] Ibid. p. 3, sect. 1.

вать средства, нужныя для ихъ сохраненія, и опредѣлять свои дѣйствія по закону природы, или жить жизнію человѣческою. Почему родители, давши имъ бытіе, обязаны также сдѣлать ихъ способными вести жизнь человѣческую, т. е. обязаны воспитать ихъ. Эта обязанность лежитъ на отцѣ и матери. Но какъ въ томъ случаѣ, когда бы соединеніе половъ происходило безпорядочнымъ образомъ, отецъ былъ бы неизвѣстенъ; то для рожденія и воспитанія дѣтей должно, по мнѣнію Вольфа, существовать особенное общество между мужчиною и женщиною. Такое общество Вольфъ называетъ союзомъ супружескимъ или бракомъ. Съ закономъ природы онъ почитаетъ наиболѣе согласнымъ бракъ одного мужа съ одною женою. Какъ союзъ супружескій есть, по мнѣнію Вольфа, общество лицъ равныхъ; то власть супруговъ взаимна. Но жена можетъ отказаться отъ своего права на власть, а мужъ можетъ пріобрѣсть это право въ силу договора, молча или явно заключеннаго. Цѣлію брачнаго союза Вольфъ опредѣляетъ и случаи его расторженія. — Родители обязаны воспитывать своихъ дѣтей и направлять ихъ дѣйствія къ добру, доколѣ они сами не въ состояніи будутъ управлять собою. Въ слѣдствіе сего Вольфъ приписываетъ родителямъ извѣстную власть надъ дѣтьми, и притомъ какъ отцу, такъ и матери. Дѣти съ своей стороны до совершеннолѣтія обязаны во всемъ повиноваться родителямъ, не переставая питать къ нимъ почтеніе и по достиженіи совершеннолѣтія. Излагая отношенія между родителями и дѣтьми, Вольфъ при этомъ говоритъ также съ подробностію объ опекѣ надъ дѣтьми несовершеннолѣтними, когда они остаются безъ родителей, и о правѣ родителей и дѣтей быть взаимно наслѣдниками другъ друга. — Союзъ между господиномъ и рабомъ Вольфъ производитъ изъ договора, въ слѣдствіе котораго одинъ подчиняетъ себя другому, обязываясь непрерывно служить ему и выговаривая себѣ за это всегдашнее пропитаніе. Сверхъ того, по ученію Вольфа, когда должникъ не въ состояніи уплатить своего долга; то онъ можетъ быть обращенъ въ рабы, доколѣ совершенно не заработаетъ долга. Какъ рожденные отъ рабовъ должны быть воспитываемы на счетъ господина, и какъ господинъ въ продолженіи извѣстнаго времени лишается работъ матери, когда она раждаетъ дитя; то, по словамъ Вольфа, рожденные отъ рабовъ дотолѣ естественно остаются рабами, доколѣ не вознаградятъ господину своему издержекъ воспитанія.

Общую цѣль всего домашняго общества Вольфъ полагаетъ въ томъ, чтобъ члены простыхъ обществъ могли своими соединенными

силами тѣмъ лучше споспѣшествовать благу сихъ обществъ. Онъ находитъ естественнымъ, чтобъ власть въ домѣ принадлежала отцу и матери вмѣстѣ, предоставляя впрочемъ имъ сдѣлать въ этомъ случаѣ иное соглашеніе между собою.

§ 438.

Отдѣльные домы не въ силахъ доставить себѣ все то, что служитъ къ удовлетворенію необходимыхъ потребностей человѣка, къ удобству, пріятности и счастію жизни; равнымъ образомъ они не въ силахъ обезпечить свои права противъ нападенія отъ другихъ. Это, по мнѣнію Вольфа, побудило людей соединиться въ гражданскія общества или государства. О происхожденіи государствъ, образахъ правленія, предметахъ дѣйствія и правахъ верховной власти, обязанностяхъ подданныхъ, Вольфъ разсуждаетъ [653] по большей части одинаково съ Пуфендорфомъ, но, какъ само собою разумѣется, удерживая постоянно въ виду свое начало нравственности. Что касается въ особенности отношенія гражданскихъ законовъ къ естественнымъ, первые, по словамъ Вольфа, не должны противорѣчить закону естественному, повелительному или запретительному. Но законы естественные могутъ быть усилены въ ихъ дѣйствіи назначеніемъ за нарушеніе ихъ гражданскихъ наказаній, или по крайней мѣрѣ приведеніемъ ихъ въ дѣйствіе судебною властію. Равнымъ образомъ, говоритъ Вольфъ, верховная власть имѣетъ право объявить непозволительнымъ то, что не запрещено естественнымъ закономъ, а также сдѣлать изъ несовершенно должнаго совершенно должное.

§ 439.

Народы въ отношеніяхъ между собою Вольфъ разсматриваетъ какъ свободныя лица, живущія въ естественномъ состояніи. Но какъ люди не освобождаются отъ обязанностей естественныхъ потому только, что соединились въ гражданскія общества; то народы, по ученію Вольфа, имѣютъ тѣ же обязанности, а слѣдовательно и права, какъ по отношенію къ себѣ самимъ, такъ и по отношенію къ другимъ народамъ, какія имѣютъ отдѣльныя лица къ себѣ самимъ и другъ къ другу. Посему естественное народное право для Вольфа, такъ же, какъ для Пуфендорфа или Гоббеза, есть не что иное, какъ только приложеніе естественнаго права отдѣльныхъ лицъ къ народамъ.

[653] Ibid. p. 3, sect. 2.

Но отъ обоихъ поименованныхъ писателей Вольфъ отличается тѣмъ, что онъ въ своемъ ученіи не останавливается только на этой общей мысли, а раскрываетъ ее и дѣйствительно представляетъ намъ систему естественнаго народнаго права [654]. Онъ подробно говоритъ: о должностяхъ каждаго народа въ отношеніи къ себѣ самому и правахъ его, отсюда возникающихъ, о должностяхъ народа въ отношеніи къ другимъ народамъ и правахъ, отсюда возникающихъ; о собственности, и преимущественно землѣ, могущей принадлежать народу; о договорахъ и условіяхъ, въ какіе могутъ вступать народы между собою; о способахъ прекращенія распрей между народами, правѣ войны, имъ принадлежащемъ, правѣ ихъ во время войны, мирѣ и заключеніи мира между ними; наконецъ о послахъ и посланникахъ между народами.

Сверхъ того, кромѣ естественнаго народнаго права Вольфъ допускаетъ народное право произвольное. Какъ народы, говоритъ онъ, обязаны соединенными силами усовершать себя и свое состояніе; то самою природою установлено между ними нѣкоторое общество. Хотя дѣйствительно ими, можетъ быть, не дано согласія вступить въ это общество; но какъ изложенная обязанность для нихъ существуетъ отъ самой природы, то на нихъ должно смотрѣть такъ, какъ будто бы они дѣйствительно по договору вступили въ общество между собою. Всѣ они посему образуютъ какъ бы одно величайшее государство, представляя собою членовъ или гражданъ этого государства. Отсюда для совокупности народовъ по отношенію къ каждому отдѣльному народу раждается извѣстная власть, т. е. власть опредѣлять дѣйствія отдѣльныхъ народовъ для достиженія общаго блага и принуждать каждый изъ нихъ, чтобы онъ удовлетворялъ своему обязательству. Какъ всякое общество должно имѣть законы, такъ и это величайшее государство должно имѣть особенные законы. Но какъ законъ природы замѣняетъ собою согласіе людей на учрежденіе величайшаго государства, такъ онъ же замѣняетъ и согласіе ихъ на установленіе законовъ въ семъ государствѣ. Подобно тому, какъ во всякомъ государствѣ положительные его законы должны быть установляемы на основаніи естественныхъ, для достиженія чего законъ природы даетъ намъ опредѣленныя правила, — подобно этому въ величайшемъ государствѣ, обнимающемъ собою всѣ отдѣльные народы, должны изъ законовъ естественныхъ образоваться законы положительные. Сіе-то право, вытекающее изъ понятія величайшаго

[654] Ibid. p. 4.

государства, соединяющаго собою всѣ народы, Вольфъ называетъ *Правомъ народнымъ произвольнымъ*.

Народы могутъ также заключать между собою договоры. Отсюда Вольфъ выводитъ *Право народовъ, основанное на договорахъ,* обнимающее только тѣхъ народовъ, которые заключили между собою такіе договоры.

Наконецъ, по словамъ Вольфа, въ отношеніяхъ между народами могутъ образоваться нѣкоторыя правила поведенія посредствомъ обычая. Такія правила обязываютъ только народъ, который признаетъ ихъ, и обязываютъ его только дотолѣ, доколѣ онъ не выразитъ своей противной имъ воли.

§ 440.

Излагая Вольфово ученіе о правѣ, равно какъ и ученіе объ этомъ же предметѣ Пуфендорфа, Томазія и его послѣдователей, мы по большей части не входили въ особенныя подробности постановленій, принимаемыхъ сими писателями за постановленія закона естественнаго. Причина этого заключается въ томъ, что подробности ученія о правѣ ими заимствованы были по большей частей изъ положительнаго современнаго законодательства. Въ самомъ дѣлѣ Нѣмецкая философія права въ разсматриваемомъ нами періодѣ представляетъ удивительное раболѣпство положительнымъ постановленіямъ дѣйствовавшихъ тогда законовъ. Ученіе о правѣ на вещи и договорахъ, какъ оно является у Пуфендорфа и Вольфа и ихъ послѣдователей, представляетъ намъ по большей части только дѣйствовавшіе тогда Римскіе законы и общепринятыя мнѣнія законовѣдцевъ о сихъ предметахъ. Вольфъ вводитъ въ свою философскую систему даже всю теорію Нѣмецкихъ Ленныхъ законовъ. Равнымъ образомъ ученіе сихъ писателей о правахъ и обязательствахъ въ семейственныхъ союзахъ есть повтореніе началъ положительнаго законодательства того времени. Въ естественномъ народномъ правѣ Ахенвалля и Вольфа воспроизводится только положительное Европейское народное право.

§ 441.

Какъ подъ вліяніемъ Вольфовой философіи права, такъ и подъ вліяніемъ противной школы Пуфендорфа и Томазія, было издано въ Германіи множество системъ права естественнаго. Безполезно было бы изъяснять ихъ содержаніе: хотя онѣ представляютъ иногда от-

личія отъ тѣхъ системъ, которымъ онѣ обязаны своимъ существованіемъ; однакоже сіи отличія ихъ совершенно могутъ быть поняты изъ системъ права, нами изложенныхъ.

Кромѣ изложенныхъ нами системъ философическаго ученія о правѣ, представляющихъ это ученіе въ полномъ его объемѣ, мы находимъ въ Германіи въ большомъ количествѣ изслѣдованія о нѣкоторыхъ отдѣльныхъ частяхъ и предметахъ философскаго права, особенно о законахъ государственныхъ и предметахъ, къ нимъ относящихся. Основаніе сихъ изслѣдованій также составляютъ начала той или другой изъ предложенныхъ нами философическихъ системъ права. Но весьма естественно было, что при обработываніи предметовъ, хотя принадлежащихъ къ одному цѣлому, отдѣльно одинъ отъ другаго и разными лицами, происходила большая запутанность понятій и то, что должно было составлять только звѣно одной цѣпи, стремилось пріобрѣсть самостоятельность и независимость. Это должно сказать преимущественно о Политикѣ. Какъ въ нѣкоторыхъ системахъ Германской философіи право отдѣлено было отъ правоученія, такъ старались отдѣлить Политику отъ того и другаго и ограничить ее областію полезнаго. Вмѣсто того, чтобъ предметомъ ея сдѣлать способы къ осуществленію нравственныхъ идей, хотѣли предлагать въ ней искуство, какъ человѣкъ государственный можетъ достигнуть своихъ видовъ, относящихся къ управленію государствомъ. Эти виды могли быть различны; не исключались и тѣ, которые осуждаетъ нравственность. Вмѣсто основательныхъ изслѣдованій о цѣли государства было прямо за цѣль его принимаемо общее благо — понятіе само въ себѣ неясное и неопредѣленное. Въ изысканіи средствъ къ достиженію этой цѣли хотѣли руководствоваться указаніемъ одного опыта. Особенно вниманіе политиковъ было обращено на предметы, въ высшей степени необходимые для жизни отдѣльныхъ лицъ и государствъ, — народное и государственное богатство. Цѣлію изслѣдованій въ этомъ отношеніи было показать, какъ частныя лица и государства, разсматриваемыя въ цѣломъ, могутъ достигнуть до возможно высокой степени богатства. Для сего по руководству опыта съ величайшимъ стараніемъ были изыскиваемы тѣ законы, по которымъ образуется и потребляется какъ народное, такъ и государственное богатство. Только при этихъ изысканіяхъ обыкновенно забывали, что богатство можетъ быть только средствомъ для другаго, а не цѣлію самостоятельною.

§ 442.

Ученіе о правѣ Пуфендорфа, Томазія и Вольфа распространилось въ большой мѣрѣ не только въ самой Германіи, гдѣ, послѣ первой каѳедры права естественнаго, основанной для Пуфендорфа въ Гейдельбергѣ [655], мало по малу были учреждены подобныя каѳедры при всѣхъ Университетахъ, но и въ другихъ странахъ Европы. Нѣмецкія философическія сочиненія о правѣ были читаемы въ Испаніи, Италіи, Франціи, Англіи, Нидерландахъ, Сѣверныхъ Государствахъ, Россіи; ихъ перепечатывали, переводили на отечественные языки, принимали за руководства для преподаванія уроковъ въ учебныхъ заведеніяхъ, переработывали, представляли въ извлеченіяхъ и сокращеніяхъ [656].

ОТДѢЛЕНІЕ III.

РАЗРУШИТЕЛЬНАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ ФИЛОСОФІЯ 18-ГО ВѢКА.

Литература. Mémoires pour servir à l'histoire du Jacobinisme par M. l'Abbé *Barruel*. 5 vol. in-8. — Triumph der Philosophie des 18. Jahrhunderts. 1803. 2 Bände. in-8. — *Rehberg's* Untersuchungen über die französische Revolution, 1792, 1793. — *C. I. v. Haller*, Restauration der Staatswissenschaft. 1. Band. cap. 6—11. 1816. in-8. — *Laferrière*, Histoire des principes, des institutions et des lois pendant la révolution française, depuis 1789 jusqu'à 1800. Paris, 1850.

§ 443.

При одностороннемъ направленіи опытной и умозрительной философіи всегда необходимо образуется направленіе разрушительное для той и другой. Какъ ни одна изъ нихъ не обнимаетъ собою цѣлой

[655] См. выше § 409 къ концу.

[656] Относительно Франціи см. въ Kritische Zeitschrift für Rechtswissenschaft und Gesetzgebung des Auslandes, von *Mittermaier* und *Zachariæ*, I. B. (1829) статью: Rechtsphilosophie in Frankreich. S. 273, folgg. Не говоря о другихъ странахъ Европы и ограничиваясь нашимъ отечествомъ, мы замѣтимъ, что соч. Дан. Неттельбладта, ученика Вольфова: Systema elementare universæ jurisprudentiæ positivæ accommodatum, въ 1770 г. было переведено на Русскій языкъ (см. Роспись Росс. Библіотеки Смирдина № 2135.) для того, чтобъ оно могло служить руководствомъ при чтеніи лекцій въ Московскомъ Университетѣ; — что по системѣ Философіи Баумейстера, также ученика Вольфова, была преподаваема долгое время Философія въ нашихъ духовныхъ училищахъ.

истины, то каждая изъ нихъ вообще ложна. Слѣдуя исключительно избранному пути, каждая изъ нихъ дѣйствительно объявляетъ путь противной стороны ложнымъ. Почему онѣ враждуютъ между собою, открываютъ взаимно слабыя другъ у друга стороны и наконецъ раждаютъ невѣріе, отвергающее всякую истину. Никогда это направленіе философіи, которое низпровергаетъ всѣ священныя истины духа человѣческаго, не раскрывалось съ такою силою, съ такимъ успѣхомъ, какъ въ 18-мъ вѣкѣ во Франціи.

§ 444.

Пагубное направленіе философіи во Франціи было отчасти приготовлено, хотя ненамѣренно, нѣкоторыми писателями 17-го вѣка, которые, чтобъ возвысить достоинство Божественнаго Откровенія, старались унизить человѣческій разумъ и показать безсиліе его для познанія истины, открывая въ ученіяхъ, имъ представляемыхъ, повсюду неполноты и заблужденія, или по крайней мѣрѣ недостатокъ достовѣрности. Сюда относится между прочимъ Боссюэтъ, авторъ двухъ сочиненій, замѣчательныхъ и для исторіи философіи законодательства: ***Разсужденіе о всеобщей исторіи*** [657] и ***Политика, извлеченная изъ собственныхъ словъ Св. Писанія*** [658]. Въ первомъ сочиненіи онъ дѣлаетъ обзоръ произшествій церковныхъ и государственныхъ, разсматривая всѣ перемѣны, происходящія на землѣ, въ духѣ вѣры и благочестія. Онъ показываетъ, какъ въ Церкви непрерывно сохраняется истинная вѣра отъ начала міра до нашихъ временъ, какъ всѣ судьбы царей и царствъ земныхъ зависятъ отъ Бога, и какъ Богъ заставляетъ народы въ установленное время, въ порядкѣ имъ предназначенномъ, служить благу своей церкви и своимъ намѣреніямъ. Во второмъ сочиненіи собственными словами Св. Писанія и въ примѣрахъ, заимствованныхъ изъ исторіи Еврейскаго народа, Боссюэтъ излагаетъ правила Политики, которыми должны руководствоваться Христіанскіе Государи и ихъ подданные.

Въ началѣ 18-го вѣка опытная Англійская философія распространилась во Франціи; вмѣстѣ съ нею перешелъ сюда и духъ вольномыслія, который она породила, на нѣкоторое время, въ Англіи. Вольтеръ [659], Ла Метри [660], два знаменитые составителя Французской

[657] Discours sur l'histoire universelle. 1681. in-4; съ продолженіемъ до 1661 г. 1806.

[658] Politique, tirée des propres paroles de l'écriture sainte. 1710.

[659] Вольтеръ род. въ 1694 г., ум. въ 1778.

[660] Jul Offroy de la Mettrie род. въ 1709 г., ум, въ 1751.

Энциклопедіи: Дидеротъ [661] и Д'Аламбертъ [662], и наконецъ *Сочинитель системы природы* [663] соперничествовали другъ съ другомъ въ распространеніи безбожія и матеріализма. Вѣра въ Божественную, неизмѣнную истину была отвергнута и человѣческій разумъ съ его произвольными мудрованіями признанъ верховнымъ судьею въ дѣлѣ истины.

§ 445.

Нравственныя понятія были сообразны съ направленіемъ умственнымъ. Они начали раскрываться уже въ 17-мъ вѣкѣ. *Рошфуко* [664], писавшій еще во второй половинѣ этого вѣка, изображалъ человѣка существомъ по природѣ своей корыстолюбивымъ. *Мандевиль* [665], по происхожденію Французъ, но по мѣсту рожденія, принадлежащій Голландіи, по жительству — Англіи, представляетъ намъ человѣка существомъ сложнымъ изъ различныхъ наклонностей, дѣйствующимъ такъ, какъ опредѣляетъ его та или другая наклонность, въ высшей степени самолюбивымъ и необщительнымъ. Добродѣтель онъ почитаетъ изобрѣтеніемъ первыхъ основателей и правителей государствъ. Чтобъ укротить и сдѣлать безвредными для общества самолюбивыя наклонности людей, законодатели, по его словамъ, привели въ движеніе тщеславіе людское и употребили всѣ усилія, чтобъ убѣдить людей, какъ унизительно для нихъ увлекаться своими склонностями и заботиться о личныхъ выгодахъ и какъ напротивъ ихъ возвышаетъ владычество надъ страстями и дѣятельность для общаго блага. Между тѣмъ, по мнѣнію Мандевиля, и страсти совершенно необходимы для процвѣтанія государствъ: онѣ приводятъ въ движеніе всѣ силы человѣка и даютъ возможность раскрыться его дѣятельности во всѣхъ направленіяхъ. Невозможно, говоритъ Мандевиль, наслаждаться пріятностями жизни среди наро-

[661] Denis Diderot род. въ 1713 г., ум. въ 1784.

[662] Jean le Rond d'Alembert род. въ 1717 г., ум. въ 1783.

[663] Système de la nature ou des lois du monde physique et du monde moral. Lond., 1770. II vol. in-8.

[664] Рошфуко род. въ 1612 г., ум. въ 1680. Его сочиненіе: Reflexions ou sentences et maximes morales de M. *De la Rochefoucauld*. Paris, 1665. in-12.

[665] Мандевиль род. въ 1670 г., ум. въ 1733. Онъ писалъ: The grumbling hive, or knaves turn'd honest. 1706. 2 е изданіе этого сочиненія, съ пространнымъ поясненіемъ вышло подъ заглавіемъ; The fables of the bees or private vices made public benefits. London, 1714. — Сверхъ того: Enquiry into the origin of moral virtue. VI ed. 1732. II vol. in 8. — Free thoughts on religion, the church, government, etc. London, 1720.

да образованнаго, богатаго и могущественнаго, и думать о добродѣтеляхъ и невинности золотаго вѣка.

Самый холодный, самый утонченный эгоизмъ проповѣдуется *Гельвеціемъ*[666]. Началомъ всей нравственной системы человѣка онъ почитаетъ пользу (l'intérêt). Каждый, по его мнѣнію, въ своихъ сужденіяхъ и поступкахъ управляется представленіемъ личной своей пользы, одобряя дѣйствія, служащія къ его пользѣ, и охуждая тому противныя; добродѣтели и пороки суть только свойства, намъ полезныя или вредныя. По видимому, Гельвецій смягчаетъ свое ученіе тѣмъ, что понятіе пользы принимается у него въ значеніи пользы общественной. Добродѣтель, говоритъ онъ, состоитъ въ томъ, чтобъ искать общественной пользы; только честность въ разсужденіи общества заслуживаетъ имя добродѣтели. Но опредѣляя точнѣе смыслъ пользы, принимаемой имъ за начало нравственной дѣятельности человѣка, онъ называетъ полезнымъ, кякъ для общества, такъ и для отдѣльныхъ лицъ, только то, что доставляетъ людямъ чувственное удовольствіе. Законы, какъ блюстители блага общественнаго, по понятію Гельвеція, имѣютъ въ виду только доставить членамъ общества удовольствія, которыя опредѣляются у каждаго народа его особенными нравами. Какъ нравы и обычаи народовъ въ этомъ отношеніи весьма различны, то отсюда, по мнѣнію Гельвеція, объясняется большое различіе, существующее между законодательствами, потому что единственная цѣль ихъ состоитъ въ томъ, чтобъ наказаніемъ, т. е. посредствомъ скорби заставить каждаго находить свое удовольствіе и свою выгоду именно въ томъ, въ чемъ находитъ ихъ весь народъ. Такимъ образомъ здѣсь частное удовольствіе, и притомъ удовольствіе нисшаго рода, именно удовольствіе чувствъ, дѣлается исключительнымъ предметомъ общественной заботы и жизнь добродѣтельная есть только освященное привычкою и нравами удовлетвореніе чувственнымъ пожеланіямъ. Гельвецій даже сосредоточиваетъ всю добродѣтель въ чувственной любви, какая существуетъ между полами.

Послѣ такого полнаго развитія начала самолюбія ненужно упоминать о другихъ писателяхъ, которые болѣе или менѣе рѣзкимъ образомъ высказывали его при разныхъ случаяхъ или даже въ особыхъ сочиненіяхъ.

[666] **Гельвецій род. въ 1715 г., ум. въ 1771. Его сочиненія; De l'esprit. Paris, 1758. in-4. — De l'homme. London, 1772. in-8.**

§ 446.

Въ соотвѣтствіи съ общими понятіями о существѣ нравственности и умственнымъ направленіемъ образовались во Франціи также политическія понятія. Къ установленію ихъ содѣйствовали особенно два писателя: ***Монтескю*** и ***Руссо***.

§ 447.

Монтескю [667] еще въ молодыхъ лѣтахъ своей жизни, издавши Персидскія письма, способствовалъ не мало возмущенію умовъ во Франціи. Вольно и остро обсуживаетъ онъ здѣсь недостатки тогдашняго ея управленія и общественной жизни. Въ обдуманномъ произведеніи зрѣлыхъ лѣтъ своей жизни, въ своемъ *Духѣ Законовъ* [668], онъ представилъ основанія для сужденія о достоинствѣ каждаго законодательства и всякаго закона. Здѣсь онъ раскрываетъ ту основную мысль, что всѣ направленія жизни народной и всѣ постановленія законодательства извѣстнаго народа образуютъ собою одно согласное цѣлое, котораго всѣ части необходимо предполагаютъ одна другую. Посему онъ разсматриваетъ, какое имѣютъ законы отношеніе къ образу правленія, военному устройству, политической свободѣ, климату, свойству земли, духу и нравамъ народа, торговлѣ, числу жителей, религіи и наконецъ къ общему свойству вещей. Послѣ такого общаго разсмотрѣнія законовъ въ ихъ связи какъ другъ съ другомъ, такъ и съ различными обстоятельствами времени и мѣста, человѣкъ размышляющій легко могъ видѣть, каковы должны быть законы вообще, какому государству какіе изъ нихъ приличествуютъ, хороши ли извѣстные законы или нѣтъ. Оставалось только прилагать изложенныя общія начала къ частнымъ случаямъ. Это было тѣмъ легче, что самъ Монтескю въ томъ же сочиненіи сдѣлалъ опытъ примѣненія своихъ началъ къ Римскимъ законамъ о наслѣдствѣ, къ гражданскимъ законамъ Франковъ и къ законамъ Леннымъ. Повсюду при этомъ обнаруживается въ сочиненіи особенная любовь сочинителя къ республиканскимъ установленіямъ и въ частности къ установленіямъ Великобританіи, которыя впрочемъ онъ понимаетъ своимъ особеннымъ образомъ, изъясняя ихъ въ духѣ республиканскомъ.

667 Род. въ 1689 г., ум. въ 1755.

668 L'esprit des lois (вышло въ 1748 г. безъ означенія года и мѣста изданія).

§ 448.

Что Монтескю, можетъ быть, только подразумѣваетъ, что высказывается у него только въ половину, то *у Руссо* выражается совершенно открыто и со всею ясностію. Мысли о вольности человѣка достигаютъ у Руссо до высшей степени развитія. Онъ носитъ при томъ самое живое сочувствіе къ мученіямъ страждущаго человѣчества; онъ томится желаніемъ исправить и улучшить состояніе себѣ подобныхъ.

Любимая мечта Руссо есть состояніе природы, жизнь, чуждая всякаго образованія и утонченія, жизнь человѣка съ однимъ собою, безъ всякаго сообщества. Это, по его мнѣнію, есть самое лучшее, самое счастливѣйшее состояніе. Въ сочиненіи своемъ, писанномъ въ 1750 г. на вопросъ, предложенный Дижонскою Академіею: *способствовало ли возстановленіе наукъ и искуствъ къ очищенію нравовъ?* — онъ описываетъ яркими красками вредъ, причиняемый людямъ науками и образованіемъ, чтобъ тѣмъ болѣе возвысить жизнь по указанію чистой, безъискуственной природы. Въ разсужденіи своемъ: *О происхожденіи и основаніи неравенства между людьми* [669], онъ дѣлаетъ подробную оцѣнку состоянію природы и объясняетъ, какъ люди удалились отъ этого состоянія. Мы должны, по мнѣнію Руссо, необходимо допустить, что человѣкъ нѣкогда жилъ внѣ гражданскаго общества. Такая жизнь его, жизнь внѣ гражданскаго общества, есть естественное его состояніе. Чтобъ оцѣнить сіе состояніе надлежащимъ образомъ, говорить Руссо, надобно смотрѣть не на человѣка, живущаго въ гражданскомъ обществѣ, а на такъ называемыхъ дикихъ. Гражданское общество раскрываетъ въ человѣкѣ множество страстей и пороковъ, совершенно ему неизвѣстныхъ въ естественномъ его состояніи, разслабляетъ, изнѣживаетъ его, и раждая въ немъ безчисленное множество потребностей, дѣлаетъ его совершенно зависящимъ отъ другихъ. Напротивъ въ состояніи природы люди крѣпкіе по тѣлу, здоровые, бодрые, ловкіе, съ острыми чувствами, столь же мало нуждаются въ подобныхъ себѣ, сколько и другія животныя. Дѣйствуя по инстинкту. а не по влеченію страсти, имѣя небольшое количество понятій и потребностей, будучи безъ добродѣтелей, но и безъ пороковъ, они столько же мало

[669] Discours sur l'origine et le fondement de l'inégalité parmi les hommes, Amsterdam, 1754.

имѣютъ побужденій вести непрерывную войну съ существами своего рода, сколько и другія животныя [670]. Такимъ образомъ Руссо съ ученіемъ своимъ противопоставляетъ себя какъ Гроцію и Пуфендорфу, такъ и Гоббезу; онъ не допускаетъ въ людяхъ ни естественнаго влеченія и расположенія другъ къ другу, ни природной вражды и ненависти. Въ состояніи природы, далѣе, по словамъ Руссо, никто изъ людей не зависитъ отъ другаго, никто не возвышается надъ другимъ по своему богатству и силѣ. Въ этомъ состояніи у людей все общее и между ними не существуетъ еще ни правъ, ни обязанностей, такъ какъ никѣмъ изъ нихъ никому еще не дано обѣщаній. Но Руссо находитъ самъ невозможнымъ, чтобъ такое состояніе продолжалось неизмѣнно. Нужда, говоритъ онъ, заставляетъ людей заниматься земледѣліемъ; одна часть ихъ во вредъ другой овладѣваетъ землею; посреди ихъ образуется различіе между богатыми и бѣдными, а съ симъ вмѣстѣ вмѣстѣ возникаетъ и первое неравенство. Вслѣдъ за этимъ, для обезпеченія своего имущества, людямъ надлежало вступить въ союзъ общественный и покориться власти общественной. Законы утвердили навсегда собственность за тѣмъ, кто уже владѣлъ ею. Образованіе одного общества сдѣлало неизбѣжнымъ образованіе другихъ; для сопротивленія соединеннымъ силамъ однихъ надлежало и другимъ соединиться между собою въ свою очередь. Общества быстро умножаясь и распространяясь, скоро покрыли все лице земли. Такимъ образомъ законъ гражданскій сдѣлался общимъ правиломъ гражданъ, а законъ природы остался въ дѣйствіи только между различными обществами, бывъ однако, подъ именемъ права народнаго, смягченъ нѣкоторыми безмолвно сдѣланными соглашеніями [671].

Единственно возможный, по ученію Руссо, способъ происхожденія и учрежденія власти общественной излагается имъ въ *Началахъ права публичнаго* [672]. По мнѣнію Руссо, какъ оно представлено въ этомъ сочиненіи, бытіе общества и различныхъ общественныхъ отношеній основывается на договорѣ между людьми, составившими общество. Въ силу этого договора каждый, вступающій въ въ общество, покоряетъ всего себя со всѣми своими правами волѣ цѣлаго общества, самъ дѣлаясь составною его частію [673]. Власть

[670] Discours sur l'origine, etc. P. I.
[671] Discours sur l'origine, etc. P. II.
[672] Du contrat social ou principes du droit politique. Amsterdam, 1762.
[673] Du contrat, L. I, C. 3 et 6.

общества, по словамъ Руссо, неотчуждима и недѣлима. Она верховна и независима [674].

Какъ Руссо хочетъ независимости общества, такъ онъ отвергаетъ рабство, по которому одинъ человѣкъ дѣлается вещію другаго [675].

§ 449.

Французскіе писатели, какъ современные Руссо, такъ и слѣдовавшіе послѣ него, только развивали далѣе вольныя его мысли во всѣхъ ихъ послѣдствіяхъ и приложеніяхъ. Особенно сюда принадлежатъ писатели изъ школы такъ называемыхъ физіократовъ, которые, принимая сельскую промышленность за единственный источникъ народнаго богатства, и взирая на то угнетенное состояніе, въ какомъ находилось тогда во Франціи земледѣліе и земледѣльческое сословіе, требовали, чтобъ она, а вмѣстѣ съ нею и другія вѣтви промышленности были освобождены отъ различныхъ стѣсненій, которыя тяготѣли на нихъ. Естественно, что при этомъ случаѣ указано было на многіе недостатки управленія, бывшаго во Франціи, и высказано множество свободныхъ мыслей въ другихъ отношеніяхъ. Д'Аламбертъ и Дидеротъ старались особенно о распространеніи вольныхъ мыслей, употребляя для этого разныя, даже нечестныя, мѣры. На Французскомъ языкѣ явилось множество сочиненій политическаго содержанія, большихъ и малыхъ, въ которыхъ или обсуживаемы были тогдашнія ея установленія, или предлагались общія начала законодательства и политики. Всѣ требовали исправленія законовъ и преобразованія государственнаго устройства; желали имѣть законы простые, ясные, всѣмъ понятные; желали единообразія во всемъ управленіи и устройствѣ государствеенномъ; на то, что существовало, смотрѣли, какъ на произведеніе временъ варварскихъ, какъ на злоупотребленіе своевластія, и почитали себя совершенно способными и совершенно въ правѣ дѣлать всѣ исправленія и всѣ перемѣны въ законодательствѣ. Наконецъ вольныя мысли, постепенно раскрывавшіяся, выразились со всею необузданностію въ словахъ и дѣйствіяхъ людей, управлявшихъ ходомъ Французской революціи.

674 Тамъ же L. III, ch. 18.
675 Тамъ же L. I, ch. 4.

§ 450.

Какъ единственно хорошую сторону при такой необузданности мысли у Французскихъ писателей, мы должны замѣтить господствующій въ ихъ сочиненіяхъ духъ человѣколюбія, сочувствіе ихъ къ страданіямъ человѣческимъ, стремленіе улучшить состояніе своихъ ближнихъ и поставить его на твердомъ основаніи. Конечно не всѣ, которые говорили и писали въ духѣ человѣколюбія, были дѣйствительно проникнуты человѣколюбіемъ; у многихъ оно было личиною, подъ которою скрывались преступныя намѣренія. Но истина отъ этого не лишается своего достоинства.

§ 451.

Образъ мыслей, раскрывшійся во Франціи, распространился по всей Европѣ. Пріемлемость къ этимъ мыслямъ, въ слѣдствіе одинаковости развитія Европейскихъ народовъ, повсюду существовала. На Францію со временъ Людовика XIV всѣ народы смотрѣли съ величайшимъ уваженіемъ и брали ее въ примѣръ для подражанія. Ея литературныя произведенія были читаемы и изучаемы съ величайшимъ вниманіемъ. Ея знаменитые ученые и писатели находились въ сношеніяхъ съ учеными и знаменитыми людьми прочей Европы и дѣйствовали съ особенною ревностію для распространенія тѣхъ мнѣній, которыхъ сами держались. Такимъ образомъ дѣйствительно политическая литература въ другихъ странахъ Европы приняла такое же направленіе, какое она имѣла уже во Франціи. У нѣкоторыхъ Европейскихъ народовъ явились замѣчательные въ семъ отношеніи писатели. Такъ, у Итальянцевъ были *Беккарія* и *Филанжери*. Беккарія [676] въ сочиненіи: *О преступленіяхъ и наказаніяхъ* описываетъ недостатки современнаго уголовнаго законодательства и предлагаетъ начала для ихъ исправленія въ видахъ человѣколюбія. *Филанжери* [677] въ своей *Наукѣ законодательства* хотѣлъ обнять всѣ предметы законодательства; общія начала науки законодательства, законы политическіе и экономическіе, законы уголовные, воспитаніе, общественное образованіе и нравы, религія, собственность, отеческая власть и домашнія отношенія должны

[676] Cesare Bonesano Marchese di Beccaria род въ 1735г., ум. въ 1793. Его сочиненіе: Dei delitti e delle pene. Nap., 1764. in-8.

[677] Gaëtan Filangieri род. въ 1752 г., ум. въ 1788. Его соч.: La scienza della legielazione. VIII vol. Nap, 1780. in-8.

были войти въ кругъ предметовъ его сочиненія. Онъ хотѣлъ показать, что должно быть, и для того представить сперва общія начала, а потомъ изложить, какъ измѣняютъ ихъ мѣсто, время, народность, климатъ, почва земли, религія и другія обстоятельства. — У Англичанъ старались развить начало Французской философіи *Пенъ*[678] и *Бентамъ*[679]. Первый, одинъ изъ основателей республики Сѣверо-Американскихъ соединенныхъ Штатовъ, по своимъ сочиненіямъ долженъ быть причисленъ къ самымъ необузданнымъ республиканцамъ. Вторый, слѣдуя началу пользы, раскрытому Гельвеціемъ, хотѣлъ приложить это начало къ различнымъ частямъ законодательства и начертать правила для усовершенствованія законовъ и сочиненія новыхъ уложеній.

§ 452.

Особеннымъ, замѣчательнымъ послѣдствіемъ описаннаго нами политическаго направленія 18-го вѣка было появленіе множества сочиненій, относящихся къ философской исторіи человѣчества. Въ ней хотѣли представить очевидное доказательство своихъ теорій и обозрѣвая путь, пройденный уже родомъ человѣческимъ, торжествовать сдѣланные успѣхи, указать цѣли, къ которымъ надлежало стремиться, и означить средства, которыми можно было ихъ достигнуть. Достоинство сочиненій, сюда относящихся, весьма различно. Особенно первыя времена образованія рода человѣческаго описываются въ нихъ большею частію на основаніи неполныхъ историческихъ свѣдѣній и наблюденій, и слѣдовательно предположительнымъ образомъ. Естественно также, что каждый писатель излагалъ порядокъ развитія рода человѣческаго и дѣлалъ сужденіе объ успѣхахъ образованности сообразно своему понятію объ ея сущности. Такія сочиненія мы встрѣчаемъ у разныхъ народовъ.

678 Thomas Payne род. въ 1737 г., ум. въ 1809. Его соч.: Common sense. Philadelphia, 1776. in-8. Rights of man. 1791.

679 Jeremias Bentham род. въ 1735 г., ум. въ 1811. Важнѣйшія его сочиненія, изданныя большею частію на Французскомъ языкѣ другомъ его Дюмономъ: Traité de législation civile et pénale, précédé des principaux généraux de législation. III vol. Paris, 1802. in-8. (подлинникъ явился еще въ 1776 г). — Théorie des peines et des récompenses. Londres, 1801. — Essai sur la tactique des assemblées législatives. Génève, 1815. — Preuves judiciaires. 1823. — Introduction to the principles of morals and legislation. Lond.. 1823. — De l'organisation judiciaire et de la codification. 1828. — Logique judiciaire.

Во *Франціи,* послѣ опытовъ *Вольтера* [680] и *Тюрго* [681], особенно *Кондорсетъ* думалъ написать полную историческую картину успѣховъ ума человѣческаго; впрочемъ онъ оставилъ для того одинъ только очеркъ [682]. Здѣсь означаются имъ слѣдующія 10 эпохъ въ развитіи человѣчества: 1-я эпоха — соединеніе людей въ племена и народы; 2-я — жизнь народовъ пастушескихъ и переходъ отъ сего состоянія къ состоянію народовъ земледѣльческихъ; 3-я — успѣхи народовъ земледѣльческихъ до изобрѣтенія письма азбучнаго; 4-я — успѣхи духа человѣческаго въ Греціи до раздѣленія наукъ на разныя вѣтви около временъ Александра Македонскаго; 5-я — успѣхи наукъ со времени ихъ раздѣленія до ихъ упадка; 6-я — упадокъ наукъ до ихъ возстановленія около временъ крестовыхъ походовъ; 7-я — со времени первыхъ успѣховъ наукъ по возстановленіи ихъ на западѣ въ вѣкъ крестовыхъ походовъ до изобрѣтенія книгопечатанія; 8-я — со времени изобрѣтенія книгопечатанія до пріобрѣтенія науками и философіею самостоятельности въ вѣкъ Декарта; 9-я — отъ Декарта до образованія республики во Франціи; 10-я — будущіе, ожидаемые успѣхи человѣческаго духа.

Въ *Англіи,* послѣ *Фергюзонова опыта исторіи гражданскаго общества* [683], представили сочиненія въ этомъ родѣ Милларъ [684], Гомъ [685], Донкаръ [686].

На *Нѣмецкомъ* языкѣ философская исторія человѣчества была обработывана особенно *Изелиномъ, Гердеромъ, Лессингомъ, Мейнерсомъ.* — *Изелинъ* въ своей *исторіи человѣчества* [687] изображаетъ, какъ человѣчество отъ состоянія самой крайней простоты постепенно достигаетъ до самой высшей степени просвѣщенія и счастія. Онъ

[680] Essai sur l'esprit et les mœurs des nations. Это сочиненіе было начато въ 1740 г., издано въ 1765.

[681] Discours sur les avantages, que l'établissement du christianisme a procuré au genre humain. Discours sur les progrès de l'esprit humain. Essais sur la géographie politique. Plan d'histoire universelle. Progrès et décadences alternatives des sciences et des arts. Pensées détachées. Эти статьи писалъ Тюрго съ 1750 по 1754 г; онѣ помѣщены во второмъ томѣ полнаго изданія его сочиненій, сдѣланнаго въ 1810 г.

[682] Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'esprit humain. Писанъ въ 1793 г., изд. въ 1795.

[683] См. выше § 367 и 368.

[684] *Millar,* observations concerning the distinction of ranks in society. London, 1771. in-4; 1773 in-8; 1798.

[685] *Henry Home,* sketches on the history of man. London, 1774. II vol. in-4.

[686] *James Dunbar,* Essays on the history of mankind. 1780; ed. 2. 1782. in-8.

[687] *Isaak Iselin,* über die Geschichte der Menschheit. 1764.

различаетъ въ семъ случаѣ слѣдующіе періоды: 1-й періодъ — состояніе природы, состояніе звѣроподобное; 2-й — состояніе дикости и варварства; 3-й — начатки образованія до того времени, какъ домашнее общество пріобрѣтетъ между людьми нужную прочность и твердость; 4-й — переходъ къ гражданскимъ обществамъ; 5-й — успѣхи образованія у восточныхъ народовъ; 6-й — успѣхи образованія у Грековъ и Римлянъ; 7-й — успѣхи образованія у нынѣшнихъ Европейскихъ народовъ. — Отъ *Гердера* мы имѣемъ его *Идеи для философіи исторіи человѣчества* [688]. Хотя, по его понятію, всѣ люди имѣютъ одно общее назначеніе — раскрыть въ себѣ, по возможности, свои человѣческія способности, образовать свою природу для жизни человѣческой: однако же онъ не признаетъ въ этомъ случаѣ никакого неизмѣннаго образца, къ которому бы всѣ должны были стремиться; онъ не принимаетъ исключительно одной какой нибудь формы образованности, которая бы для всѣхъ народовъ была самою лучшею; онъ не думаетъ, чтобъ всѣ вѣка должны были трудиться для блага одного будущаго поколѣнія, дабы поставить это поколѣніе на самую высшую ступень образованія и счастія. Напротивъ Гердеръ полагаетъ, что для каждаго народа, согласно съ климатомъ и мѣстомъ на земной планетѣ, подъ вліяніемъ которыхъ раскрывается его жизнь, согласно съ обстоятельствами времени, которыя имѣютъ на него вліяніе, согласно съ самою внутреннею его природою, существуетъ своя форма образованности, свой образъ представленій, понятій, чу́вствованій, наклонностей, свой способъ быть счастливымъ или несчастнымъ; на всякой почвѣ и во всякую пору выростаетъ все, что по волѣ Творца можетъ вырости на этой почвѣ и въ эту пору; все существуетъ само для себя [689]. Тѣмъ не менѣе Гердеръ допускаетъ единство въ исторіи рода человѣческаго.

[688] Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit. Riga, 1784. fg. IV vol. in-4. Это есть новое, переработанное изданіе писаннаго Гердеромъ за десять лѣтъ предъ тѣмъ сочиненія: Auch eine Philosophie der Geschichte zur Bildung der Menschheit. 1774. Дополненіе къ идеямъ составляютъ: Propyläen der Geschichte der Menschheit и Postscenien zur Geschichte der Menschheit. Въ пропилеяхъ начертывается общій планъ и указывается общая точка зрѣнія для исторіи человѣчества; осуществленіе этого плана на основаніи указанной точки зрѣнія представляютъ идеи; въ постсценіяхъ открывается для человѣка новая будущность. Кромѣ поименованныхъ сочиненій Гердеръ писалъ еще и другія, относящіяся къ исторіи человѣчества. Всѣ они вмѣстѣ съ вышеозначенными помѣщены въ полномъ изданіи его сочиненій подъ названіемъ: Zur Philosophie und Geschichte. 1805. fg. XII vol. gr. in-8.

[689] Herder's Ideen. 8. Buch.

Богъ, говоритъ онъ, котораго мудрость видна въ природѣ, можетъ ли не имѣть плана по отношенію къ роду человѣческому? Въ образованіи Гердеръ дѣйствительно находитъ цѣпь, соединяющую весь родъ человѣческій въ одно цѣлое. Это образованіе, по мнѣнію Гердера, начинается для человѣка здѣсь на землѣ и переходитъ въ будущую, безсмертную жизнь. Настоящее развитіе нашей природы есть только почка для будущаго цвѣтка. На землѣ ни въ комъ не раскрывается чистый образъ человѣчества; земля есть только мѣсто упражненія, мѣсто приготовленія. Каждый народъ, раскрывая свою форму образованности, раскрываетъ тѣмъ самымъ одну изъ формъ образованности вообще, и способствуетъ роду человѣческому въ достиженіи самаго высшаго, для него возможнаго, образованія. Богъ, предназначивши людей для жизни человѣческой, вмѣстѣ съ тѣмъ отдалъ имъ самимъ въ руки ихъ собственную судьбу. Въ стремленіи ихъ къ достиженію цѣли своего бытія всѣ разрушительныя силы природы должны со временемъ не только изнемочь предъ силами сохранительными, но и служить напослѣдокъ къ окончательному образованію цѣлаго. Исторія показываетъ намъ въ самомъ дѣлѣ, что людей съ характеромъ разрушительнымъ раждается гораздо менѣе, чѣмъ съ характеромъ сохранительнымъ, — что съ успѣхами истиннаго образованія злые демоны человѣческаго рода уменьшились въ числѣ и притомъ въ слѣдствіе внутреннихъ законовъ просвѣщающагося разума и искуства государственнаго управленія, — что успѣхи искуствъ и изобрѣтеній даютъ въ руки человѣческому роду безпрерывно новыя средства ограничивать или дѣлать безвреднымъ то, чего природа сама не могла истребить. По законамъ внутренняго своего существа съ теченіемъ времени и разумъ долженъ все болѣе и болѣе пріобрѣтать владычества между людьми, человѣческое образованіе все болѣе и болѣе должно распространяться и укрѣпляться [690]. Такимъ образомъ Гердеръ, выводя начало образованія рода человѣческаго изъ Азіи, дѣйствительно развиваетъ передъ нами формы и успѣхи образованности: 1) въ Китаѣ, Кохинъ-Хинѣ, Тункинѣ, Лаосѣ, Кореѣ, восточной Татаріи, Японіи, Тибетѣ, Индостанѣ; 2) въ Вавилонѣ, Ассиріи, Халдеѣ, у Мидянъ и Персовъ, Евреевъ, Финикіянъ и Карѳагенянъ, Египтянъ; 3) въ Греціи; 4) у Этрусковъ, Латинянъ и Римлянъ 5) у новыхъ Европейскихъ народовъ. — Изъ сочиненій *Лессинга* и *Мейнерса* относятся къ исторіи человѣчества:

[690] Herder's Ideen, 15 Buch.

перваго *Размышленія о воспитаніи рода человѣческаго* [691], втораго сочиненія, имѣющія своимъ предметомъ образованность древнихъ, среднихъ и новыхъ временъ исторіи.

Совершенно особеннымъ путемъ шелъ Итальянецъ *Вико* [692] въ своихъ *Началахъ новой науки объ общей природѣ народовъ* [693]. Не принимая безпрерывной усовершимости, въ которой прежде означенные нами писатели видѣли одинъ изъ важнѣйшихъ законовъ развитія рода человѣческаго, Вико, по примѣру Платона, котораго онъ хотѣлъ быть вообще послѣдователемъ, полагалъ, что судьбы каждаго народа представляютъ намъ періодическое возвращеніе въ извѣстномъ порядкѣ однихъ и тѣхъ же явленій нравственной жизни. Въ исторіи онъ видѣлъ ясные слѣды Божественнаго міроправленія и хотѣлъ показать, какъ Провидѣніе ведетъ народы по пути нравственному. Съ этой точки зрѣнія исторія рода человѣческаго представлялась ему вѣчнымъ государствомъ, въ которомъ по Божественному Промыслу всегда властвуютъ нравственно добрые и праведные люди. Свѣтильникомъ для объясненія судебъ рода человѣческаго служатъ ему философія и филологія. Началомъ его разсматриванія историческихъ происшествій есть всемірный потопъ, о которомъ повѣствуетъ Священное Писаніе; предметъ его науки ближайшимъ образомъ ограничивается одними языческими народами, не касаясь Еврейскаго. Въ развитіи жизни каждаго языческаго народа онъ различаетъ три возраста, три періода; вѣкъ божескій или теократическій, вѣкъ героическій и вѣкъ человѣческій. Первый вѣкъ есть *божескій*. Послѣ потопа люди, по предпоженію Вико, оставивъ истинное Богопочтеніе, должны были одичать и въ слѣдствіе самаго грубаго воспитанія получить форму гигантовъ допотопныхъ. Они разсѣялись по обширнымъ лѣсамъ и предались совершенно удовлетворенію своихъ физическихъ потребностей, живя безъ всякаго чувства нравственнаго, безъ закона, безъ Бога. Удары грома, первые звуки котораго, по мнѣнію Вико, были слышаны послѣ потопа спустя около 200 лѣтъ, потому что столькимъ почти годамъ надлежало пройти, чтобъ могла обсохнуть земля, пробудили одичавшихъ людей отъ умственнаго оцѣпенѣнія. Не понимая естественной причины этого явленія и судя о всемъ по себѣ самимъ,

[691] Betrachtungen über die Erziehung des Menschengeschlechts. 1780,

[692] Giambattista Vico род. въ Неаполѣ въ 1670 г., ум. въ 1744.

[693] Principj di una scienza nuova intorno alla natura delle nazioni. Napoli, Mosca, 1725. in-12; ed. II. Napoli, Mosca, 1730. in-8; ed. III. Napoli, 1744. in-8.

они олицетворили причину грома и въ ужасѣ передъ нею признали въ ней божество. Начало религіи было вмѣстѣ и началомъ общества. Устрашенные громомъ исполины укрываются въ горныхъ пещерахъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ оканчивается ихъ звѣрская жизнь: они обезпечиваютъ для себя обладаніе постояннымъ убѣжищемъ; боясь соединяться съ другимъ поломъ подъ открытымъ небомъ, чтобъ не поразилъ ихъ громъ, они силою увлекаютъ въ свои убѣжища женщинъ, которыхъ и удерживаютъ тамъ постоянно. Такъ начинается семейство и образуется бракъ, заключеніе котораго сопровождается священными обрядами. Первые отцы семействъ суть и первые жрецы, и какъ религія составляетъ еще всю мудрость людей, первые также мудрецы; какъ полные владыки своихъ семействъ, они суть вмѣстѣ первые цари. При такомъ большомъ варварствѣ власть ихъ не можетъ не быть суровою и жестокою. И это было необходимо для того, чтобъ люди, укрощенные семейственнымъ управленіемъ, приготовились повиноваться законамъ управленія гражданскаго, которое должно было за тѣмъ послѣдовать. Но эти неограниченные цари семействъ сами подчинены силамъ божественнымъ, которыхъ велѣнія они истолковываютъ своимъ женамъ и дѣтямъ, и какъ въ эти времена каждое дѣйствіе приписывается божеству, то правленіе здѣсь есть теократическое. Боги открываютъ людямъ свыше законы свои посредствомъ авспицій, оракуловъ и другихъ вещественныхъ знаковъ. Право имѣетъ важность божественную. Требовать малѣйшаго его изъясненія было бы богохульствомъ. Правовѣдѣніе есть только познаніе религіозныхъ обрядовъ; правда состоитъ въ соблюденіи извѣстныхъ дѣйствій, извѣстныхъ обрядовъ. Судилище есть судилище боговъ; къ нимъ обращаются получившіе какую нибудь обиду; ихъ призываютъ въ свидѣтели и судіи. Когда суды религіозные получили правильный видъ, то виновные были обрекаемы богамъ, предаваемы проклятію; въ слѣдствіе этого приговора надлежало ихъ умерщвлять. Приговоръ смертный произносили какъ противъ народовъ, такъ и противъ отдѣльныхъ лицъ. Войны были судами Божіими: онѣ имѣли характеръ религіозный; герольды, которые объявляли ихъ, обрекали враговъ богамъ, и вызывали ихъ боговъ изъ стѣнъ ихъ; побѣжденные были иногда приносимы на жертву богамъ. Поединки составляли тогда родъ суда Божія. Люди, не могши отличить дѣла истинно справедливаго отъ несправедливаго, считали справедливымъ то, которому благопріятствовали боги. Впрочемъ вообще о всемъ первомъ вѣкѣ жизни народной Вико

имѣетъ не очень высокое понятіе; это, по его мнѣнію, былъ вѣкъ грубости и невѣжества. — За вѣкомъ божескимъ наступаетъ *вѣкъ героическій*. Семейство, по ученію Вико, скоро начало состоять не изъ однихъ только людей, соединенныхъ узами крови. Несчастные, которые продолжали владѣть нераздѣльно вещами и женами и отъ того находились въ непрерывныхъ ссорахъ, желая убѣжать отъ насилія, прибѣгали къ алтарямъ храбрыхъ отцевъ семействъ. Храбрые отцы семействъ убивали притѣснителей и покровительствовали утѣсненнымъ. Бывъ рождены подъ знаменіями боговъ и состоя въ правильномъ союзѣ, они были героями по рожденію и по добродѣтели. Пришельцы, приведенные въ ихъ общество выгодою, а не религіею, не участвовали въ преимуществахъ ихъ, а особенно въ преимуществѣ торжественнаго брака. Герои принимали пришельцевъ подъ свое покровительство подъ условіемъ рабства. Но сдѣлавшись многочисленными, пришельцы вознегодовали на свое униженіе, и потребовали себѣ части въ тѣхъ земляхъ, которыя они обработывали. Повсюду, гдѣ герои были побѣждены, пришельцы получили себѣ во владѣніе земли, которыя всегда должны были зависѣть отъ героевъ. Такимъ образомъ учредилось гражданское общество. Отцы семействъ составили классъ людей благородныхъ, патриціевъ, сохраняя троякой характеръ: царей своего дома, жрецовъ и мудрецовъ, т. е. хранителей авспицій. Прибѣгшіе къ нимъ подъ защиту составили классъ плебеевъ, кліэнтовъ, васалловъ, безъ всякаго другаго права, кромѣ права пользоваться землями, которыя они получили отъ благородныхъ. Города героевъ были всѣ управляемы аристократически; цари семействъ подчинили свою домашнюю власть власти своего сословія. Начальники сословія героевъ были называемы царями города, и управляли дѣлами общественными, касавшимися войны и мира. Эти небольшія общества были существенно воинственныя. Иностранецъ на ихъ языкѣ значилъ тоже, что непріятель. Герои занимались разбоемъ на сушѣ или на морѣ и поставляли въ этомъ честь свою. Внутри героическіе города не болѣе были спокойны. Между патриціями и плебеями существовала непримиримая вражда и ненависть. Но любовь къ чести, которая въ аристократическихъ республикахъ поддерживаетъ это насильственное состязаніе сословій, производитъ въ замѣнъ того во время войны благородное соревнованіе между ними Благородные обрекаютъ себя на смерть для спасенія отечества, отъ котораго зависятъ всѣ ихъ выгоды; плебеяне знаменитыми дѣлами стараются показать себя до-

стойными раздѣлять преимущества благородныхъ. Право имѣетъ здѣсь также особенный характеръ. Насиліе героевъ знало одну только узду — уваженіе къ слову. Бывъ однажды произнесено, слово становилось для нихъ свято, какъ религія, — неизмѣнно, какъ прошедшее. За актами религіозными, которые одни составляли всю правду божескаго вѣка, и которые можно назвать формулами дѣйствій, послѣдовали формулы произносимыя. Вторыя наслѣдовали то уваженіе, какое люди имѣли къ первымъ, и суевѣріе, благоговѣвшее передъ сими формулами, было непреклонно, неумолимо. Нужна была эта ужасная вѣрность слову въ сіи времена насилія; въ такомъ случаѣ слабость менѣе должна была бояться. Мудрость состояла тогда въ искусномъ употребленіи словъ, въ точномъ приспособленіи языка къ предполагаемой цѣли. По примѣру формулъ религіозныхъ законныя формулы вѣка героическаго были также покрыты таинственностію. Формулы религіозныя, будучи всѣ дѣйствіемъ, не имѣли ничего общаго. Формулы законныя въ ихъ началѣ относятся только къ факту, къ недѣлимому; это суть простые примѣры, по которымъ въ послѣдствіи судятъ о подобныхъ случаяхъ. Законъ, будучи еще совершенно особеннымъ, имѣетъ въ свою пользу только одинъ авторитетъ. — Наконецъ слѣдуетъ *вѣкъ человѣческій*. Къ правительствамъ человѣческимъ относятся демократія и монархія. По мѣрѣ того, какъ героическія аристократіи замѣняются правительствами человѣческими, законъ гражданскій получаетъ все болѣе и болѣе важности въ сравненіи съ закономъ политическимъ. Въ аристократіяхъ всѣ частныя выгоды гражданъ были заключены въ выгодахъ общественныхъ. Подъ властію правительствъ человѣческихъ, особенно же монархій, выгоды общественныя занимаютъ умы только по отношенію къ выгодамъ частнымъ. Сверхъ того нравы смягчаются и чувства особенной привязанности получаютъ тѣмъ болѣе силы и замѣняютъ собою патріотизмъ. Демократіи происходятъ изъ героическихъ республикъ слѣдующимъ образомъ: какъ съ теченіемъ времени умы людей все болѣе и болѣе развивались, то плебеяне увидѣли наконецъ ничтожность героизма и усмотрѣли, что они имѣютъ одинаковую человѣческую природу съ благородными, почему стремились получить одинаковыя съ ними права; это и удавалось иногда плебеянамъ. Въ республикахъ народныхъ, хорошо устроенныхъ, единственное неравенство, какое въ нихъ существуетъ, опредѣляется цензомъ; Богъ хочетъ этого, чтобъ доставить преимущество бережливости предъ расточительностію, про-

мышленности и предусмотрительности предъ беззаботностію и праздностію. Народъ, взятый вообще, хочетъ правды; когда по сему онъ получаетъ въ свои руки управленіе, то онъ составляетъ законы справедливые, т. е. для всѣхъ вообще полезные. Равенство, которое образовала природа между людьми, давши имъ разумъ, существенный характеръ человѣчества, освящено въ равенствѣ гражданскомъ и политическомъ. Но мало по малу и демократіи портятся, богатые смотрятъ на свои богатства не какъ на средства законнаго превосходства, но какъ на орудіе тираніи. Народъ, который подъ правленіемъ героическимъ требовалъ только одинаковыхъ правъ, хочетъ теперь господствовать въ свою очередь; являются честолюбивые вожди, которые предлагаютъ законы выгодные для черни, законы, которые имѣютъ въ виду обогатить бѣдныхъ на счетъ богатыхъ. Распри перестаютъ уже быть законными; они рѣшаются силою. Отсюда гражданскія войны внутри, несправедливыя войны внѣ государства. Сильные возстаютъ въ безпорядкѣ, и анархія хуже всякой тираніи владычествуетъ въ государствѣ. Противъ этого величайшаго несчастія государства Провидѣніе употребляетъ одно изъ слѣдующихъ трехъ средствъ и въ слѣдующемъ порядкѣ. Во первыхъ оно изъ среды самого народа постановляетъ кого нибудь единовластителемъ. Государь установляетъ равенство, по крайней мѣрѣ въ повиновеніи; онъ усмиряетъ сильныхъ, и усмиреніе ихъ есть уже свобода для слабыхъ. Облеченный неограниченною властію, онъ совѣтуется не съ закономъ писаннымъ, но съ естественною справедливостію. Такимъ образомъ монархія есть правленіе наиболѣе сообразное съ природою человѣческою во времена утонченной образованности. Монархи хвалятся прозваніемъ милостивыхъ и дѣлаютъ наказанія менѣе жестокими. Они ограничиваютъ эту ужасную отеческую власть первыхъ вѣковъ, которая заключала въ себѣ даже право жизни и смерти надъ домашними. Благорасположеніе закона простирается на самыхъ рабовъ. Даже съ врагами обращаются лучше прежняго; побѣжденнымъ сохраняются ихъ права. Право гражданства, которое республики дарили такъ скупо, теперь раздается щедро. Во вторыхъ, если Провидѣніе не находитъ такого средства внутри, оно находитъ его внѣ. Народъ испорченный сдѣлался рабомъ своихъ необузданныхъ страстей; онъ дѣлается рабомъ лучшаго народа, который покоряетъ его оружіемъ, и, покоряя его, тѣмъ спасаетъ его, такъ какъ по естественному закону: кто не можетъ управлять собою, тотъ долженъ повиноваться, и луч-

шимъ людямъ принадлежитъ владычество надъ міромъ. Если наконецъ не помогаетъ ни то, ни другое изъ показанныхъ средствъ; тогда при крайней испорченности народа Провидѣніе приступаетъ къ самому крайнему средству. Эти люди по образу звѣрей привыкли ни о чемъ другомъ не думать, какъ о своихъ частныхъ выгодахъ; по образу звѣрей они свирѣпѣютъ отъ надменія; они раздѣлены совершенно, ища своихъ частныхъ выгодъ, — нельзя найти и двухъ между ними, которые бы были согласны между собою, — каждый слѣдуетъ своему удовольствію или своей волѣ. Итакъ они сдѣлались варварами гораздо хуже, чѣмъ каковы были варвары періода младенчества. Мы видимъ множество тѣлъ, но мы напрасно стали бы искать въ нихъ человѣческой души; это суть только дикіе звѣри. Итакъ да погибнетъ это общество отъ свирѣпости партій, отъ пламени гражданскихъ войнъ; да содѣлаются города опять лѣсами, лѣса да будутъ опять убѣжищемъ людей, и дѣйствіемъ вѣковъ ихъ выдумчивая злоба, ихъ извращенная утонченность, да исчезнетъ подъ ржавчиною варварства! Тогда люди, будучи необразованны, грубы, нечувствительны къ утонченіямъ, которыя испортили ихъ, знаютъ только вещи необходимыя для жизни. Какъ они немногочисленны, то они не имѣютъ недостатка въ необходимомъ. Они снова способны для образованности; съ древнею простотою скоро возвращается къ нимъ благочестіе, правдивость, добросовѣстность, тѣ добродѣтели, на которыхъ основывается правда, и которыя составляютъ всю красу вѣчнаго порядка, установленнаго Провидѣніемъ. Такъ, по ученію Вико, для народа снова начинается повтореніе прежняго хода вещей, и это круговращеніе происходитъ непрерывно. Вико дѣйствительно къ концу своего сочиненія раскрываетъ подробно, какъ на развалинахъ Римской Имперіи Богъ строгими очищеніями обновилъ Европейское общество, утвердилъ въ Европѣ Христіанство, — какъ періодъ Божескій и правленіе теократическое явилось снова въ среднихъ вѣкахъ, — какъ господствовалъ здѣсь духъ благочестія, подобный тому, какой мы видимъ въ первыхъ вѣкахъ язычества; мы видимъ здѣсь такія священныя войны, священные суды, священныя убѣжища и проч. — Какъ ни ярко озарилъ Вико своими изслѣдованіями многія стороны исторіи Греческой и Римской, какъ ни много остроумія и даже глубины представляютъ разныя его мысли; однакоже, не говоря о многихъ произвольно принятыхъ имъ началахъ и предположеніяхъ, его изображеніе вѣчной и всеобщей жизни народовъ во всякомъ случаѣ есть

только списокъ съ исторіи Греціи и Рима и по этому уже одному не можетъ имѣть вѣрности въ приложеніи къ судьбамъ всѣхъ народовъ. Вико не оставилъ послѣ себя особенной школы; однакоже довольно большое число писателей Итальянскихъ старались раскрыть нѣкоторыя его мысли подробнѣе и представить ихъ въ исправленномъ видѣ: *Геновези, Куоко, Маріо Пагано, Катальдо Іаннели.* Послѣдній сравниваетъ человѣчество во всѣхъ частяхъ съ недѣлимымъ человѣкомъ и думаетъ, что оно также будетъ имѣть старость, какъ оно имѣло свою юность и свой мужескій возрастъ [694].

§ 453.

Какъ образъ мыслей человѣка всегда имѣетъ вліяніе на образъ его дѣйствій и теорія на практику; то проповѣдуемыя новыя начала законодательства скоро обнаружили свое дѣйствіе на развитіе законовъ у Европейскихъ народовъ. По указанію новыхъ началъ были исправляемы существующіе законы въ ихъ отдѣльности. Для исправленія ихъ въ цѣломъ и сочиненія новыхъ Уложеній были учреждаемы особенныя Коммиссіи, дѣйствовавшія съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ. Но особенно новая теорія имѣла ужаснѣйшимъ своимъ послѣдствіемъ Французскую революцію. Здѣсь духъ вольности раскрылся со всею ужасающею его силою. Государство Французское и всѣ его установленія были потрясены до самаго основанія; прежніе законы были большею частію совершенно уничтожены. Изъ Франціи духъ разрушенія распространился по всей западной Европѣ. Повсюду были дѣлаемы преобразованія самыя насильственныя, съ низпроверженіемъ прежняго порядка вещей. Всѣ съ восторгомъ внимали тому, что происходило у Французовъ. Немногіе осмѣливались защищать существующее и оспаривать начала Французской революціи. Къ такимъ мужамъ принадлежитъ Англичанинъ Эдмундъ Бурке, который съ непостижимымъ краснорѣчіемъ въ своихъ *размышленіяхъ о Французской революціи* низвергаетъ ея идоловъ и превращаетъ въ ничто ея обольстительные призраки. Въ томъ же духѣ говорилъ и дѣйствовалъ его великій другъ Питтъ не только ко благу Англіи, но и ко благу всей Европы. Въ Германіи поборали революціонныя начала: Брандесъ, Ребергъ и особенно Генцъ. Впрочемъ до времени потокъ былъ неудержимъ въ его опустошительномъ разлитіи.

[694] **Объ этихъ писателяхъ см. во Французскомъ переводѣ сочиненія Вико, par Michelet, appendice du discours sur le système et la vie de Vico.**

ОБЩІЯ ЗАМѢЧАНІЯ

НА ВТОРЫЙ ПЕРІОДЪ НОВОЙ ИСТОРІИ ФИЛОСОФІИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.

Литература. ***Hegel***, über die wissenschaftlichen Behandlungsarten des Naturrechts (zuerst erschienen im kritischen Journal der Philosophie. Bd. II, St. 2 und 3. 1802—1803, dann in Hegels Werken, Bd. I.). **Сюда принадлежитъ только первая часть этого разсужденія.** — ***Haller's*** Restauration der Staatswissenschaft. Bd. I. Winterthur, 1816. cap. 3—17. — ***Heeren***, über die Entstehung, die Ausbildung und den praktischen Einfluss der politischen Theorien und die Erhaltung des moralischen Princips in dem neuern Europa (**въ его** vermischte historische Schriften, Th. I. 1821. Abhandl. 3). — ***Eichhorn's*** deutsche Staats- und Rechtsgeschichte. IV. Th. Göttingen, 1823. § 614.

§ 454.

Разсматривая въ общей совокупности философическія системы права, образовавшіяся во второмъ періодѣ новой исторіи, мы поражаемся удивительнымъ сходствомъ понятій о правѣ у философовъ, принадлежащихъ къ такимъ различнымъ народамъ, каковы Англичане, Германцы, Французы. Конечно различія, представляемыя этими системами также значительны; но они служатъ только къ тому, чтобъ раскрыть главныя мысли, въ нихъ проявляющіяся.

Субъективный характеръ новой философіи законодательства [695] выразился съ полною силою въ философіи 17-го и 18-го вѣка какъ по отношенію къ ея формѣ, такъ и по отношенію къ ея содержанію.

По отношенію къ *формѣ*. Умъ философствующій, ища основаній для познанія истины, сначала искалъ ихъ, еще несовершенно довѣряя своимъ силамъ, въ томъ, что можно было по крайней мѣрѣ самому человѣку повѣрить на дѣлѣ каждую минуту; таково было, какъ мы видѣли, направленіе Англійской философіи, основанной Бакономъ. Послѣ сего, въ сознаніи собственной силы, разумъ хотѣлъ искать истины прямо и непосредственно въ себѣ самомъ, въ своихъ понятіяхъ, и притомъ или исключительно, или по крайней мѣрѣ преимущественно въ разумѣ: направленіе, которое представляетъ намъ Французско-Нѣмецкая философія, основанная Декартомъ. Не находя удовлетворенія своему стремленію къ истинѣ ни на томъ, ни на другомъ пути, духъ человѣческій вооружился наконецъ противъ

[695] См. выше § 292.

всякой твердой истины и явился съ направленіемъ, которое разрушало ее. Философія отдѣлилась такимъ образомъ отъ ученія откровеннаго и даже поставила себя во враждебное къ нему отношеніе. Она отдѣлилась и отъ всей вообще исторіи и не только не хотѣла обращать вниманія на свидѣтельство и урокъ временъ, но рѣшилась даже построевать прошедшее по своимъ понятіямъ. Слѣдствіемъ этого было сначала неполное, а потомъ искаженное изображеніе истины. То, что въ существѣ вещи принадлежало только одному цѣлому и что слѣдовательно должно было обнимать однимъ и тѣмъ же воззрѣніемъ, было сначала для удобности разсмотрѣнія раздѣлено на части. Но потомъ философія, сдѣлавши одну изъ этихъ частей предметомъ своего разсмотрѣнія, совершенно забыла о другихъ. Во всякомъ случаѣ для духа познающаго создана была такимъ образомъ собственная область, независимая отъ мысли, увѣренности и познанія людей постороннихъ. — Какъ философія отдѣлилась отъ цѣлаго круга познанія, такъ въ ней самой каждая часть стремилась пріобрѣсть самостоятельность, и, если можно, отдѣлиться отъ прочихъ наукъ ея и даже отъ ней самой. Каждое духовное начало хотѣло развить себя особеннымъ образомъ и наслаждаться отдѣльнымъ, независимымъ существованіемъ. Такъ первоначальное единство морали, права и политики было уничтожено и каждая изъ сихъ частей философіи составила особенную науку. Отъ самой политики со временемъ отдѣлились политическая экономія и педагогика и получили достоинство наукъ самостоятельныхъ. Если это отдѣленіе наукъ одной отъ другой у того или другаго философа не выражалось во внѣшности; то разнородныя, несоединенныя между собою твердымъ образомъ начала, которыя были предлагаемы въ одной, по видимому, цѣлой наукѣ, достаточно показывали, что цѣлое не было цѣлымъ органическимъ, но собраніемъ разнороднаго, прикрытымъ личиною единства. При такомъ положеніи науки отдѣленіе частей ея одной отъ другой не только не было зломъ, но еще приносило ту важную выгоду, что особенныя начала тѣмъ скорѣе могли сознать сами себя во всей своей глубинѣ и во взаимномъ противорѣчіи другъ съ другомъ, дабы потомъ искать взаимнаго примиренія. — Пріемъ и способъ, какой употребляетъ разсматриваемая нами философія, находится въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, что мы сказали о ея разъединеніи съ исторіею и съ откровеннымъ ученіемъ и разъединеніи особенныхъ наукъ ея между собою. При разсматриваніи извѣстнаго предмета она, для опредѣленія его сущности, беретъ одну какую нибудь

его сторону, одно какое нибудь его свойство, отвлекая отъ всѣхъ другихъ. Это свойство дѣлается господствующимъ; ему подчиняются, изъ него выводятся всѣ другія. Оно раскрывается во всѣхъ его послѣдствіяхъ и приложеніяхъ, такъ какъ бы другія свойства не существовали или не имѣли вѣса. Вредъ, проистекающій отсюда, вознаграждается нерѣдко въ нѣкоторой степени недостаткомъ единослѣдственности, который допускаютъ иногда противъ воли въ своихъ системахъ, чтобъ дать мѣсто какому нибудь значительному качеству разсматриваемаго предмета. Но это есть слабое вознагражденіе за искаженіе полной истины. — Описанный намъ характеръ философическихъ изслѣдованій принадлежитъ какъ философіи Англійской, такъ философіи Нѣмецкой и Французской, особенно же двумъ послѣднимъ. Англійская философія, имѣя своимъ основаніемъ всю обширную область опыта, который представляетъ намъ нравственныя установленія не съ одной какой нибудь стороны, а со множества сторонъ, могла довольно вѣрно изобразить свойство сихъ установленій. Но философія, которая или большею частію оставляла опытъ и изъ цѣлаго извѣстнаго нравственнаго установленія брала только нѣкоторыя его части, для того, чтобъ по нимъ понять цѣлое установленіе, какова философія Нѣмецкая, или имѣла въ виду при своихъ изслѣдованіяхъ только ограниченный кругъ опытныхъ явленій, какова философія Французская, могла представить намъ только неполное изображеніе истины.

По отношенію къ *содержанію*. Главное понятіе, господствующее въ разсмотрѣнныхъ нами философскихъ системахъ, есть понятіе лица единичнаго. Единичному лицу дается здѣсь необыкновенная важность; кругъ свободный его дѣятельности разширяется, сколько возможно, далѣе; его благо и безопасность поставляется средоточіемъ и цѣлію общественныхъ установленій. — Вниманіе философіи законодательства обращено не столько на обязанности, сколько на права человѣка. Постановленіемъ различія между обязанностями, исключающими всякое принужденіе, и обязанностями, его допускающими, весь внутренній міръ сдѣланъ исключительнымъ достояніемъ человѣка и освобожденъ отъ всякаго посторонняго вліянія. Для внѣшней дѣятельности принято правиломъ начало свободы. Она ограничивается только по требованію необходимости, и только въ той мѣрѣ, въ какой это нужно для того, чтобъ человѣкъ могъ существовать въ сообществѣ съ другими людьми, съ которыми ему необходимо жить вмѣстѣ. Но и это ограниченіе выводится или частію,

или даже совершенно, изъ собственной воли человѣка — изъ договоровъ, добровольно заключаемыхъ людьми между собою; отъ воли людей зависитъ ограничивать или не ограничивать себя для другихъ, хотя въ послѣднемъ случаѣ они должны будутъ подвергнуться всѣмъ несчастнымъ послѣдствіямъ необузданности своихъ желаній и дѣйствій. Человѣкъ признается свободнымъ отъ самой природы и состояніемъ полной его свободы почитается его естественное состояніе — состояніе внѣ гражданскаго общества. Послѣднее есть для него состояніе ограниченія, которому онъ подчиняетъ себя только для того, чтобъ избѣжать большаго зла. Но по крайней мѣрѣ въ состояніе гражданское человѣкъ вступаетъ по доброй своей волѣ. Цѣль гражданскаго общества есть безопасность и благо самаго человѣка. Почему его свобода здѣсь должна терпѣть, сколько возможно, менѣе ограниченія. Даже въ силу участія, какое дается здѣсь человѣку въ верховной власти общественной, онъ является и здѣсь самъ своимъ господиномъ.

Таково существенное содержаніе философіи законодательства, образовавшейся въ 17-мъ и 18-мъ вѣкѣ. Она начинается съ Гоббеза и достигаетъ крайней своей высоты въ лицѣ Руссо. Первый признаетъ человѣка совершенно свободнымъ только до учрежденія общества и образованія верховной власти; вторый хочетъ сохранить для человѣка его первоначальную свободу и въ гражданскомъ обществѣ. Въ срединѣ между сими двумя писателями стоятъ всѣ другіе.

§ 455.

Различныя внѣшнія причины и случайныя обстоятельства способствовали къ развитію подобнаго образа мыслей между писателями западной Европы. Таковы были: ложныя понятія о существѣ республикъ древняго міра, образовавшіяся при самомъ возстановленіи наукъ на западѣ Европы; волненіе умовъ, возбужденное реформаціею; распри, происходившія въ 17-мъ вѣкѣ между Англійскимъ Парламентомъ и Стюартами; упадокъ вѣры и нравственности во Франціи. Но внутренняя, истинная причина раскрывшагося въ 17-мъ и 18-мъ столѣтіяхъ политическаго образа мыслей заключается въ самомъ духѣ западно-европейскихъ народовъ — сокровенномъ движителѣ тѣхъ самыхъ явленій, среди которыхъ и подъ вліяніемъ которыхъ раскрылись новыя теоріи о правѣ и государствѣ. Какъ у всѣхъ западно-европейскихъ народовъ духъ былъ одинаковъ; какъ

установленія, которыя имѣла въ виду при своихъ изслѣдованіяхъ новая философія законодательства, въ существѣ своемъ были одинаковы: то неудивительно, что писатели различныхъ западно-европейскихъ народовъ сходятся между собою въ образѣ мыслей о правѣ и государствѣ.

§ 456.

Многія изъ заблужденій философіи законодательства 17-го и 18-го вѣка были уже въ свое время замѣчены и достаточно опровергаемы. Въ этомъ отношеніи особенно заслуживаютъ вниманіе усилія Англичанъ: Кумберланда, Юма и Фергюзона. Въ послѣдствіи времени призракъ обольщенія былъ дознанъ съ совершенною ясностію и разсѣянъ. Съ чистымъ и высокимъ взглядомъ на нравственность не трудно усмотрѣть, какія мнѣнія изъ области нравственной должны быть отнесены къ числу заблужденій.

Человѣкъ, какъ нравственное существо, не есть существо единичное. Чего хочетъ онъ, какъ существо нравственное? — того, чтобъ существовала нравственность. При такомъ стремленіи онъ самъ въ глазахъ своихъ значитъ не болѣе, какъ одно изъ орудій нравственности. Онъ заботится о себѣ только какъ о существѣ нравственномъ; его единичность сама по себѣ для него ничего не значитъ. Но такимъ же образомъ онъ заботится о раскрытіи нравственной жизни во всякомъ другомъ нравственномъ существѣ. Всякое другое нравственное существо, подобно этому, заботится о всѣхъ нравственныхъ существахъ. При такомъ единствѣ нравственно доброй воли во всѣхъ нравственныхъ существахъ они перестаютъ быть единичными, чуждыми другъ для друга, но необходимо составляютъ одно нравственное общество, въ которомъ бытіе и образъ дѣятельности каждаго изъ нихъ опредѣляется самымъ свойствомъ цѣлаго.

Какъ нравственное существо, человѣкъ не можетъ быть названъ свободнымъ отъ самой природы. Звѣрь неусмиренный, рыскающій на свободѣ, наслаждается дикою вольностію. Въ этомъ же смыслѣ хотятъ говорить о свободѣ человѣка. Но когда мы говоримъ о правахъ и обязанностяхъ человѣка, то мы находимся въ области нравственности. А въ области нравственности все должно быть обсуживаемо и разсматриваемо по нравственнымъ понятіямъ. Въ нравственномъ смыслѣ то только можетъ быть названо истиннымъ достояніемъ человѣка, чего онъ достигъ своимъ трудомъ, о чемъ онъ дѣйствительно зналъ и чего хотѣлъ. Итакъ, что принадлежитъ чело-

вѣку отъ самой природы, независимо отъ всякаго труда съ его стороны, независимо отъ его сознанія и воли, то не можетъ имѣть значенія нравственнаго. Въ самомъ дѣлѣ, если человѣкъ имѣетъ отъ природы такую же свободу, какую всякой дикой звѣрь; то почему бы должна быть уважаема свобода одного и напротивъ не щадима свобода другаго? Какъ существа только отъ природы свободныя, они имѣютъ равное право, или въ равной мѣрѣ не имѣютъ права быть уважаемы и щадимы съ ихъ дикою свободою. Въ нравственномъ смыслѣ для человѣка существуетъ одна только истинная свобода: свобода отъ своихъ страстей, господство надъ ними, опредѣленіе себя изъ себя самаго къ дѣйствію по началамъ нравственнымъ. Но съ такою свободою человѣкъ не раждается въ міръ; онъ можетъ пріобрѣсть ее только большимъ трудомъ въ теченіе продолжительнаго времени. Думать что тотъ, кто не обладаетъ самъ собою, имѣетъ право и можетъ быть независимъ отъ другихъ, обладаютъ ли они также сами собою, или не обладаютъ, значитъ противорѣчить самому себѣ; такой человѣкъ не имѣетъ еще самъ въ себѣ средоточія, на которое бы могъ опереться, чтобъ отразить отъ себя постороннее вліяніе.

Послѣ сего можно судить, есть ли что истиннаго въ ученіи объ естественномъ состояніи человѣка. Пуфендорфъ объяснилъ различныя значенія, въ которыхъ можетъ быть принимаемо это выраженіе и которыя, ко вреду для истины, легко могутъ быть смѣшаны между собою [696]. Сюда относятся тѣ значенія, по которымъ естественное состояніе противополагается частію состоянію образованности и утонченія, частію состоянію подъ властію гражданскою. Какъ несправедливо называть естественнымъ состояніемъ человѣка состояніе необразованности, — показалъ Фергюзонъ [697] и къ его изложенію мы не почитаемъ нужнымъ что либо присовокуплять. Невыгоды естественнаго состоянія, какъ состоянія внѣ гражданскаго общества, подробно означены писателями, входившими въ разсмотрѣніе необходимости государства, — Гоббезомъ, Локкомъ, Пуфендорфомъ [698] и т. д. Впрочемъ какъ произвольно было составлено понятіе объ естественномъ состояніи, можно видѣть изъ разныхъ описаній этого состоянія, встрѣчаемыхъ нами у разныхъ писателей. Для Гоббеза это есть состояніе войны всѣхъ противъ всѣхъ, для Локка — состояніе мира, для Руссо — состояніе необщительности и т. д. Каждый опи-

[696] См. выше § 403.
[697] См. выше § 368.
[698] См. въ своемъ мѣстѣ ученіе сихъ писателей.

сывалъ это состоянiе своимъ образомъ, смотря по тому, какъ онъ представлялъ себѣ человѣческую природу. Наиболѣе далеки были отъ истины тѣ, которые думали, что человѣкъ можетъ вести жизнь нравственную и достойную его человѣческаго существа внѣ государства. Конечно дикари живутъ и безъ государства; но какъ они живутъ? что за жизнь ихъ? Мы можемъ представить себѣ родъ человѣческiй совершеннымъ, сколько намъ угодно; но мы никогда не должны думать, чтобъ на какой нибудь высотѣ своего совершенства люди могли вести нравственную жизнь внѣ государства. Государство есть извѣстный порядокъ нравственной жизни, когда человѣкъ отказывается отъ своей единичной, естественной воли, и живетъ по общему нравственному закону. Выступить изъ этого порядка для человѣка значило бы тоже самое, что отказаться отъ нравственной жизни.

Итакъ напрасно государство почитается ограниченiемъ какой-то свободы человѣка. Внѣ государства существуетъ для человѣка одна дикая, естественная вольность. Государство не ограничиваетъ только ее, но совершенно ее уничтожаетъ. Въ замѣнъ того оно даетъ человѣку нравственное бытiе въ своихъ нѣдрахъ, какъ въ нѣдрахъ нравственнаго общества, — возвышаетъ человѣка надъ собственными его физическими влеченiями и наклонностями, обращая всю его дѣятельность къ нравственнымъ цѣлямъ, и тѣмъ даруетъ ему истинную нравственную свободу.

Напрасно также цѣлiю государства почитается только безопасность и счастiе отдѣльныхъ лицъ. Какъ нравственный союзъ, государство не исключаетъ ни одной нравственной цѣли изъ числа своихъ цѣлей. Собственная цѣль его заключается въ немъ самомъ. Онъ есть осуществленная нравственная идея. Въ его стремленiи быть дѣйствительнымъ осуществленiемъ нравственной идеи сосредоточиваются для него всѣ другiя возможныя цѣли. Тѣ, которые дѣлаютъ государство средствомъ для достиженiя своихъ цѣлей частными лицами, забываютъ, что единичное лице въ его отдѣленiи отъ нравственности не имѣетъ никакого значенiя. Въ особенности тѣ, которые цѣль государства ограничиваютъ безопасностiю отдѣльныхъ лицъ, дѣлаютъ изъ государства только оборонительный союзъ, нескрѣпленный никакими тѣсными узами, непроникнутый однимъ духомъ жизни.

Теперь можно судить, справедливо ли выводится бытiе государства изъ договора. Человѣкъ, какъ нравственное существо, можетъ существовать только въ государствѣ и слѣдовательно онъ долженъ

жить въ государствѣ. Эта обязанность такъ же священна для него, какъ священна всякая другая обязанность. Но имѣютъ ли право другіе люди принудить его къ жизни государственной, если бы онъ вздумалъ жить въ дикой вольности и не захотѣлъ по доброй волѣ вступить въ этотъ порядокъ жизни, въ которомъ всѣ они или живутъ или рѣшились жить? Безъ всякаго сомнѣнія. Они такое же имѣютъ право на это, какое — принимать мѣры безопасности противъ дикихъ звѣрей, укрощать и вводить въ должные предѣлы ярость необузданныхъ стихій природы, господствовать надъ тѣмъ, что само не можетъ господствовать надъ собою. Итакъ договоръ не есть необходимый способъ образованія и учрежденія государствъ. Впрочемъ заблужденіе, скрывающееся въ ученіи о договорѣ общественномъ, было уже въ разсматриваемомъ нами періодѣ времени дознано и большею частію опровергнуто Юмомъ [699].

Вмѣстѣ съ ученіемъ о договорѣ общественномъ уничтожается и ученіе о томъ, будто во всякомъ государствѣ верховная власть принадлежитъ народу. Въ правленіяхъ демократическихъ это можетъ быть такъ. Но правленіе демократическое не есть единственно возможный образъ правленія. Напротивъ это есть образъ правленія самый простой, самый несовершенный, гдѣ частный произволъ во всей его естественной грубости прямо и непосредственно возвышается на степень воли всеобщей. Въ государствѣ, образованномъ по твердымъ нравственнымъ началамъ, нравственный законъ необходимо имѣетъ для себя извѣстный органъ, которымъ онъ выражается и которымъ осуществляется, органъ выше всякаго произвола, какой можетъ быть свойственъ частнымъ лицамъ, дѣйствуютъ ли они порознь, или въ совокупности. Передъ достоинствомъ такого органа не можетъ имѣть значенія никакой крикъ и шумъ безпорядочной толпы, которая бы захотѣла поставить свою частную волю на мѣсто воли всеобщей, выражаемой предназначеннымъ для ней органомъ.

§ 457.

Означивъ темныя стороны философіи законодательства 17-го и 18-го вѣка, мы должны опредѣлить также ея успѣхи въ изслѣдованіи существа законовъ.

[699] См. выше § 363, стр. 293. Ср. также соч. Der Staat, in Hinsicht auf Wesen, Wirklichkeit und Ursprung philosophisch entwickelt zur Entscheidung der Frage: ob er auf einem Vertrage beruhe. Von *Ludwig Thilo*. Breslau, 1827. in-8.

Главное, неотъемлемое достоинство этой философіи состоитъ въ томъ, что она развила субъективную сторону нравственной дѣятельности человѣка. Существо нравственности требуетъ, чтобъ человѣкъ принималъ личное, непосредственное участіе въ томъ, что съ нимъ и отъ него происходитъ. Когда онъ знаетъ о томъ, что онъ дѣлаетъ; когда онъ самъ прямо хочетъ этого; когда онъ находитъ въ этомъ самъ для себя удовлетвореніе; когда онъ сознаетъ глубочайшія основанія тѣхъ началъ, по которымъ онъ дѣйствуетъ; когда вообще дѣйствіе его дѣйствительно во всякомъ смыслѣ отъ него происходитъ и онъ при дѣйствіи есть живый дѣйствователь, а не мертвая какая нибудь машина: тогда дѣйствіе его принадлежитъ дѣйствительно къ числу нравственныхъ дѣяній. Сіи-то преимущественно понятія были раскрываемы и полагаемы въ основаніе всѣхъ умствованій о законахъ въ философскихъ системахъ 17-го и 18-го вѣка.

Источника обязательной силы нравственныхъ естественныхъ законовъ искали обыкновенно или въ самой природѣ вещей, или въ волѣ Божественной. Тотъ и другой способы выведенія силы естественныхъ законовъ совпадали между собою въ томъ отношеніи, что причиною опредѣленной природы вещей было признаваемо не другое что, какъ воля Божія. Такимъ образомъ виновникомъ нравственнаго порядка было поставлено существо въ высшей степени разумное и свободное. Только Руссо — мы не говоримъ о писателяхъ, отвергавшихъ бытіе Божіе, — выводилъ всѣ обязательства между людьми изъ договоровъ между ними.

Особенно много заботились философы о томъ, чтобъ опредѣлить общее начало нравственной дѣятельности. Подъ симъ именемъ разумѣли частію главное и единственное побужденіе, которымъ человѣкъ долженъ руководствоваться въ своей нравственной дѣятельности частію самое общее, самое ясное, самое общепонятное выраженіе нравственнаго закона, — такое выраженіе, изъ котораго бы потомъ можно было вывести путемъ простаго умозаключенія всѣ особенные нравственные законы. Для немногихъ, какъ напр. для Генриха Кокцеи, воля Божія сама по себѣ была началомъ дѣятельности совершенно яснымъ и очевиднымъ. Большая часть искала какого нибудь особеннаго выраженія для этого начала. Съ сею цѣлію обращались то къ различнымъ наклонностямъ сердца человѣческаго, каковы: любовь человѣка къ Богу, любовь къ себѣ самому и любовь къ ближнимъ; то къ естественному порядку и назначенію существъ, въ соотвѣтствіи съ которыми, какъ полагали, долженъ находиться и поря-

докъ нравственный. Спиноза показалъ, какъ всѣ эти начала могутъ быть соединены между собою безъ всякаго между ними противорѣчія, и какъ въ особенности начало самолюбія можетъ быть сдѣлано господствующимъ началомъ нравственности, не уничтожая ее. Однимъ только Присомъ была представлена система безусловнаго одобренія разумомъ извѣстныхъ дѣяній и неодобренія другихъ.

Изъ общаго начала нравственности были выводимы обязанности двоякаго рода: совершенныя и несовершенныя, или другими словами, допускающія внѣшнее принужденіе и не допускающія его. Въ соотвѣтствіи съ обязанностями были поставляемы права человѣка, и притомъ двоякимъ образомъ: или принимали, что обязанности одного человѣка по отношенію къ другому соотвѣтствуетъ право сего послѣдняго требовать для себя исполненія обязанности отъ перваго; или принимали, что для исполненія своихъ обязанностей человѣкъ необходимо долженъ имѣть извѣстныя права, безъ которыхъ онъ не могъ бы удовлетворить и своему долгу. Но были и такіе писатели, которые полагали, что свобода человѣка дѣйствовать, какъ непосредственно вытекающая изъ самыхъ его физическихъ силъ, не имѣетъ нужды ни въ какомъ другомъ для себя основаніи; почему, доколѣ она не ограничена кѣмъ нибудь, кто имѣетъ право ее ограничить, она можетъ обнаруживать себя во всѣхъ возможныхъ дѣйствіяхъ: все позволено, кромѣ того, что запрещено. — Какъ обязанности, такъ и права были раздѣлены на совершенныя и несовершенныя. Основанія такого различія искали обыкновенно въ самой природѣ вещей. Но ни одинъ изъ тѣхъ способовъ, какіе были представлены, чтобъ вывести это различіе изъ природы вещей, не можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ.

На основаніи принятаго различія между обязанностями и правами совершенными и несовершенными одна часть философовъ и въ самомъ изложеніи одинъ родъ обязанностей и правъ совершенно отдѣлила отъ другаго и образовала двѣ особенныя науки: право и мораль Прочіе философы продолжали излагать нераздѣльно оба рода правъ и обязанностей. Но какъ первые не забывали, что обязанности и права обоихъ родовъ вытекаютъ изъ одного нравственнаго закона; такъ вторые всегда сохраняли въ своемъ умѣ различіе, принятое между тѣмъ и другимъ родомъ правъ и обязанностей. Между тѣмъ отдѣленіе въ изложеніи обоихъ родовъ правъ и обязанностей имѣло своимъ важнымъ послѣдствіемъ то, что наука права могла сдѣлать преимущественнымъ предметомъ своего разсмотрѣнія права чело-

вѣка, именно тѣ, которыя назывались совершенными. Это въ существѣ вещи мы находимъ дѣйствительно напр. у Ахенвалля.

Разсмотрѣніе правъ, — мы говоримъ здѣсь только о правахъ совершенныхъ, — начиналось съ правъ, которыя будто бы человѣкъ можетъ имѣть независимо отъ его жизни въ государствѣ. Только немногіе, какъ напр. Гоббезъ и Спиноза, видѣли, что право человѣка внѣ гражданскаго союза, доколѣ т. е. оно остается не признаннымъ отъ другихъ и не обезпеченнымъ въ своемъ существованіи, совершенно ничтожно.

Между правами, которыя человѣкъ могъ имѣть независимо отъ союза гражданскаго, первое мѣсто занимали такъ названныя права прирожденныя. Они были выводимы изъ самой природы человѣка и почитались такъ же неизмѣнными, какъ неизмѣнна самая природа человѣческая. Между тѣмъ послѣдующее изложеніе показывало, что эта неизмѣнность ихъ была только мнимая, и что они потому только были допущены, что человѣкъ былъ предположенъ совершенно единичнымъ и отрѣшеннымъ отъ всякихъ отношеній.

За правами прирожденными слѣдовали права пріобрѣтенныя, не предполагающія никакого особеннаго союза между людьми, и прежде всего право собственности. При объясненіи ея происхожденія всѣ принимали, какъ историческій фактъ, что первоначально всѣ вещи были общими. Уничтоженіе этого общенія одни представляли себѣ слѣдствіемъ общаго договора между людьми, другіе — дѣйствіемъ односторонней воли.

Другой важный родъ правъ пріобрѣтенныхъ, не предполагающихъ никакого особеннаго союза между людьми, составляли права, возникающія изъ договоровъ, на какія нибудь отдѣльныя дѣйствія лицъ. Обязательная сила договоровъ была выводима изъ различныхъ основаній: то изъ необходимости ихъ для рода человѣческаго, то изъ совершающагося непосредственно въ минуту заключенія ихъ перехода права отъ одного человѣка къ другому, то изъ предполагаемаго, на основаніи сдѣланнаго о томъ объявленія, оставленія вещи однимъ въ пользу другаго, который непосредственно въ тоже время овладѣваетъ ею.

Послѣ правъ пріобрѣтенныхъ, которыя не предполагаютъ существованія никакого особеннаго союза между людьми, были разсматриваемы права, могущія принадлежать человѣку въ извѣстныхъ домашнихъ обществахъ, каковы: союзъ супружескій, союзъ родителей и дѣтей, союзъ господъ и слугъ. Существо сихъ отношеній было по

большей части довольно вѣрно понимаемо Англійскими философами. Но нельзя того же сказать о философахъ Германскихъ. Изъ нихъ напр. цѣль брака одни ограничивали рожденіемъ дѣтей, другіе присоединяли къ этому еще или воспитаніе дѣтей, или погашеніе естественнаго животнаго пожеланія въ людяхъ, соединяющихся бракомъ между собою, или пріобрѣтеніе родителями извѣстныхъ выгодъ посредствомъ своихъ дѣтей. Власть родительская была выводима то изъ обязанности родителей воспитывать существа, ими произведенныя на свѣтъ, то изъ правъ, какія естественно принадлежатъ творцу какого нибудь предмета по отношенію къ этому своему произведенію, то изъ предполагаемаго договора между людьми. Одинъ только Руссо доказывалъ незаконность рабства; прочіе принимали его безъ малѣйшаго сомнѣнія, не давая только господину права умерщвлять своего раба.

Наконецъ были разсматриваемы права людей въ государствѣ. Главною цѣлію государства постоянно была почитаема безопасность гражданъ. Къ этому обыкновенно было присоединяемо еще счастіе гражданъ въ различныхъ его отношеніяхъ. Учрежденіе государства было приписываемо по большей части договорамъ между гражданами. До Руссо были почитаемы возможными различные образы правленія; по его мнѣнію, верховная власть должна принадлежать непосредственно самому обществу. Впрочемъ никто не сомнѣвался въ неограниченности правъ верховной власти государственной. Отношенія между различными государствами были судимы по тѣмъ же началамъ закона естественнаго, по какимъ отношенія между отдѣльными независимыми лицами.

Законы естественные вообще почитаемы были правиломъ, съ которымъ должны были сообразоваться законы положительные. Но отношеніе однихъ къ другимъ не было сознано съ надлежащею ясностію и опредѣленностію. Исторія человѣчества, которую начали обработывать въ 18-мъ вѣкѣ съ такою ревностію и съ такимъ успѣхомъ, могла способствовать всего лучше къ объясненію различія между законами естественными и положительными.

Таковы были успѣхи Философіи Законодательства въ 17-мъ и 18-мъ вѣкѣ!

ПЕРІОДЪ III.

ФИЛОСОФІЯ НОВѢЙШАГО ВРЕМЕНИ, НАЧАТАЯ КАНТОМЪ.

Литература. Michelet's Geschichte der letzten Systeme der Philosophie in Deutschland von Kant bis Hegel. II Bände. Berlin, 1837. 1838.

§ 458.

Когда философія, исходя или изъ даннаго бытія, или изъ мысли, ни посредствомъ опыта, ни посредствомъ умозрѣнія не могла достигнуть до истины и согласить противоположность между мыслію и даннымъ во внѣшности бытіемъ, между духомъ и природою, именно потому, что, исходя изъ которой нибудь одной стороны противоположности, она съ самаго уже начала предполагала эту сторону въ самой себѣ твердою и отдѣляла отъ другой стороны на безконечное разстояніе; то она стала искать истины прямо и непосредственно въ безусловномъ тождествѣ обѣихъ сторонъ. Подобно прежней умозрительной философіи, она слѣдила теперь, независимо отъ внѣшняго опыта, посредствомъ собственной силы мышленія Божественную истину; въ тоже время, подобно эмпиризму, она имѣла эту истину у себя предъ глазами совершенно присущею. Мышленіе, — не такъ, какъ это было прежде въ умозрительной философіи съ разсудкомъ, — теперь не отдѣлено отъ своего безусловнаго предмета; то, что находитъ въ себѣ мыслящій духъ, не есть болѣе, какъ это было въ эмпиризмѣ, только конечная истина, но самая Божественная истина. Такимъ образомъ обѣ стороны противоположности совершенно проникаютъ другъ друга, но такъ, что мысль или идея признана господствующимъ или главнымъ началомъ. Почему эта философія есть вообще идеализмъ. Такое направленіе дано было философіи *Кантомъ.*

§ 459.

Философія, основанная Кантомъ, смотря по особеннымъ, развившимся въ ней, видамъ идеализма, представляется намъ въ трехъ вообще системахъ. Прежде всего мысль въ такой мѣрѣ дѣлается верховнымъ началомъ, что бытіе предметное отступаетъ передъ нею все далѣе и далѣе и даже скрывается совершенно, послѣ чего наконецъ остается только субъективность мысли, какъ единственно существующее: это есть *субъективный идеализмъ* самаго *Канта* и

Фихте. Потомъ мысль совершенно переносится въ предметный міръ и все существующее признается за разумную мысль: *объективный идеализмъ Шеллинга*. Наконецъ оба эти способа воззрѣнія соединяются между собою и идеализмъ связывается самымъ глубочайшимъ образомъ съ реализмомъ: *абсолютный идеализмъ Гегеля*.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

СУБЪЕКТИВНЫЙ ИДЕАЛИЗМЪ КАНТА И ФИХТЕ.

§ 460.

Философія самого *Канта* содержитъ въ себѣ уже всѣ основанія для субъективнаго идеализма; но только у *Фихте* они раскрываются совершенно.

I. КАНТЪ.

§ 461.

Существо философіи *Канта*[700] состоитъ въ *критическомъ* разсмотрѣніи дѣйствій различныхъ способностей души человѣческой, которое предпринимается имъ съ тою цѣлію, чтобъ отсюда опредѣлить границы дѣйствія каждой изъ этихъ способностей; почему имъ самимъ философія его и называется *критическою*. Слѣдствіемъ его критики познавательныхъ силъ человѣка[701] есть заключеніе, что разумъ не въ состояніи познать внутренняго существа вещей (das Ding an sich); почему все наше познаніе должно ограничиться одними явленіями (Erscheinung). Критика силы желательной[702] имѣетъ своимъ выводомъ способность разума постановлять законы для дѣятельности воли независимо отъ опыта (a priori), хотя воля человѣка никогда не въ состояніи будетъ вполнѣ осуществить сіи законы. Въ критикѣ силы сужденія[703] Кантъ покушается привесть теоретическую и практическую способности въ согласіе между собою, и показать, какъ разумъ при сужденіи о произведеніяхъ природы всегда водится понятіемъ о цѣли и необходимо предполагаетъ въ мірѣ при-

[700] Кантъ род. въ Кенигсбергѣ въ 1724 г., ум. въ 1804.

[701] Kritik der reinen Vernunft. Riga, 1781.

[702] Kritik der praktischen Vernunft. Riga, 1788. Первое начало ея представляетъ уже сочиненіе: Grundlegung zur Metaphysik der Sitten. Riga, 1785.

[703] Kritik der Urtheilskraft. Berlin, 1790.

чину, дѣйствующую по цѣлямъ, хотя природа дѣйствительно не представляетъ нашему чувственному взору ни безусловной цѣли, ни причины, дѣйствующей по понятію о цѣли.

§ 462.

Положивъ основанія для практической философіи въ *Критикѣ желательной способности*, Кантъ разсматриваетъ предметы права въ *Метафизическихъ начальныхъ основаніяхъ ученія о правѣ* [704]. Дополненіемъ этого сочиненія служатъ явившіяся нѣсколько прежде два небольшія разсужденія: одно — *Идея для всеобщей исторіи въ видахъ космополитическихъ* [705]; другое — *Къ вѣчному миру* [706].

§ 463.

Практическіе законы, по ученію Канта, повелѣваютъ или запрещаютъ что либо безусловнымъ образомъ. Посему они опредѣляютъ волю къ дѣянію не по своей матеріи, не по тому, что посредствомъ дѣянія достигается тотъ или другой предметъ желанія, а единственно по формѣ, то есть, потому, что въ самомъ образѣ ихъ выраженія они всеобщи и необходимы. Такимъ образомъ основный законъ практическаго разума есть слѣдующій: поступай такъ, чтобъ особенное правило твоей воли могло быть всеобщимъ закономъ, т. е. поступай по такимъ началамъ, которыя бы могли быть началами дѣятельности для воли всѣхъ разумныхъ существъ. Это свойство воли разумной, по которому она, независимо ни отъ чего, внѣ ея существующаго, сама изъ себя безусловнымъ образомъ опредѣляетъ законы для своей дѣятельности, Кантъ называетъ автономіею воли и своему началу противополагаетъ всѣ другія, упрекая ихъ въ томъ, что по нимъ воля опредѣляется къ дѣйствію чѣмъ нибудь постороннимъ, а не отъ себя самой. Каждый, по мнѣнію Канта, заглянувши во внутренность своей души, можетъ найти, что въ немъ есть дѣйствительно сила, которая одно безусловно повелѣваетъ ему дѣлать, а другое также безусловно запрещаетъ [707].

[704] Metaphysische Anfangsgründe der Rechtslehre. Königsberg, 1797. Это сочиненіе составляетъ первую часть Метафизики нравовъ (Metaphysik der Sitten), второю частью которой есть ученіе о добродѣтели (Tugendlehre).

[705] Idee zu einer allgemeinen Weltgeschichte in weltbürgerlicher Absicht. 1784.

[706] Zum ewigen Frieden. Ein philosophischer Entwurf. Königsberg, 1795.

[707] Kritik der praktischen Vernunft. Th. 1, Bd. I, Hptst. I, § 1—8.

§ 464.

Но при всякомъ законодательствѣ кромѣ закона, предписывающаго извѣстное дѣяніе, требуется еще побужденіе, которое бы заставило волю исполнять предписываемое закономъ. На различіи побужденій дѣятельности при исполненіи законовъ Кантъ и основываетъ различіе между чистонравственнымъ (этическимъ) и юридическимъ законодательствомъ. Законодательство которое дѣлаетъ самую должность вмѣстѣ и побужденіемъ, или требуетъ исполненія должности для должности, есть чисто нравственное. Напротивъ то законодательство, которое допускаетъ и другія побужденія, кромѣ представленія самой должности, именно внѣшнія побужденія, есть юридическое. По тому самому сіе послѣднее имѣетъ своимъ предметомъ одни внѣшнія дѣянія, и требуетъ только, чтобъ они были сообразны съ закономъ, не обращая вниманія на побужденіе, изъ какого они предпринимаются [708].

§ 465.

Точнѣе опредѣляетъ Кантъ область юридическаго слѣдующимъ образомъ: понятіе права, говоритъ онъ, во 1-хъ касается только внѣшняго и притомъ практическаго отношенія одного лица къ другому, вытекающаго изъ того, что дѣянія одного, какъ факты, могутъ посредственнымъ или непосредственнымъ образомъ имѣть вліяніе на другое лице. Но во 2-хъ понятіе права означаетъ отношеніе воли одного лица не къ желанію, слѣдовательно и не къ потребности другаго, какъ то бываетъ въ дѣяніяхъ благотворительности, а единственно къ волѣ другаго. Въ 3-хъ при этомъ взаимномъ отношеніи лицъ рѣчь идетъ не о предметѣ воли, т. е. о цѣли какой бы они хотѣли достигнуть посредствомъ дѣянія, а единственно о формѣ, когда каждое лице представляется свободнымъ, т. е. о томъ, можетъ ли дѣяніе одного изъ нихъ быть совмѣщено съ свободою другаго по всеобщему закону. — Итакъ право есть совокупность условій, при коихъ воля одного можетъ быть совмѣщена съ волею другаго по всеобщему закону свободы. Вмѣстѣ съ симъ всеобщій законъ права есть слѣдующій: по отношенію ко внѣшнимъ дѣяніямъ поступай такъ, чтобъ свободное употребленіе твоей воли могло быть совмѣщено по всеобщему закону съ свободою каждаго другаго лица. Впрочемъ, гово-

[708] Metaphysische Anfangsgründe der Rechtslehre. См. здѣсь Einleitung in die Metaphysik der Sitten, статья III.

ритъ Кантъ, если мы не думаемъ учить добродѣтели, а хотимъ излагать только ученіе о правѣ, мы не должны здѣсь указывать на этотъ законъ права какъ на побужденіе къ дѣянію [709].

§ 466.

Существенною принадлежностію права Кантъ поставляетъ возможность принужденія. Уничтожая препятствія, противопоставленныя существованію права, принужденіе, по словамъ Канта, сохраняетъ право въ полной его силѣ, и потому совершенно съ нимъ согласно.

§ 467.

Раздѣливши всѣ права (въ субъективномъ смыслѣ), какія могутъ принадлежать человѣку, на права прирожденныя и пріобрѣтенныя, и замѣтивъ, что прирожденное или внутреннее право есть только одно, именно право свободы, какъ скоро она можетъ быть совмѣщена съ свободою всякаго другаго лица по всеобщему закону [710], Кантъ излагаетъ потомъ въ подробности ученіе разума о правахъ пріобрѣтенныхъ, или, какъ онъ называетъ ихъ, о правахъ внѣшнихъ, раздѣляя это ученіе на двѣ части, изъ коихъ первую составляетъ наука права частнаго, вторую — наука права публичнаго.

1. Право частное.

§ 468.

Въ наукѣ права частнаго Кантъ разсматриваетъ: 1) возможность существованія правъ внѣшнихъ; 2) различные способы ихъ пріобрѣтенія по различію предметовъ, къ которымъ они относятся.

§ 469.

а) О возможности существованія внѣшнихъ правъ.

Моимъ въ смыслѣ юридическомъ (meum juris), говоритъ Кантъ, разсуждая о возможности существованія правъ внѣшнихъ, — называется какой нибудь предметъ, когда я съ нимъ такъ связанъ, что еслибъ другой сталъ употреблять его безъ моего согласія, то этимъ была бы сдѣлана мнѣ обида; субъективное условіе возможности употребленія какого либо предмета есть владѣніе. Внѣшній пред-

[709] Тамъ же, см. Einleitung in die Rechtslehre, § D.
[710] Тамъ же, см. Eintheilung der Rechtslehre. B.

метъ, т. е. предметъ отъ меня отличный, могъ только тогда бы назваться моимъ, когда бы я могъ быть обиженъ тѣмъ, что другой употребляетъ этотъ предметъ, хотя я имъ не владѣю. Но если какой нибудь предметъ есть мой, то я долженъ имъ всегда владѣть какимъ нибудь образомъ; въ противномъ случаѣ дѣйствіе другаго на этотъ предметъ не могло бы относиться ко мнѣ и быть для меня обидою. Итакъ, по словамъ Канта, если человѣкъ долженъ называть что нибудь внѣшнее своимъ, то должно быть возможно двоякое владѣніе: владѣніе чувственное, или физическое, т. е. ограниченное извѣстнымъ пространствомъ и временемъ, и владѣніе умственное, или юридическое, неограниченное ни тѣмъ, ни другимъ; возможность внѣшнихъ правъ основывается на возможности умственнаго владѣнія. Послѣ сего раждается еще вопросъ, какимъ образомъ доказать, что такое умственное владѣніе возможно? Кантъ говоритъ, что эта возможность сама по себѣ не можетъ быть доказана. Тѣмъ не менѣе она, по мнѣнію его, вытекаетъ непосредственно изъ одного начала разума. Это есть слѣдующее начало, которое у Канта называется постулятомъ практическаго разума: каждый внѣшній предметъ, на который я могу дѣйствовать своею волею, можетъ быть моимъ, такъ какъ иначе воля, въ противорѣчіи сама съ собою, отняла бы у себя возможность употреблять предметъ, который можетъ быть употребляемъ безъ нарушенія свободы другихъ лицъ. Но сіе начало, говоритъ Кантъ, останется совершенно безъ всякаго приложенія, если мы не допустимъ умственнаго владѣнія. Слѣдовательно умственное владѣніе должно быть возможно [711].

Теперь объяснена вообще возможность существованія правъ внѣшнихъ. Но дѣйствительно имѣть права на какіе нибудь внѣшніе предметы возможно, по ученію Канта, только въ гражданскомъ обществѣ. Воля одного какого нибудь лица, живущаго внѣ гражданскаго общества, относительно внѣшнихъ, слѣдовательно случайныхъ предметовъ, не можетъ служить обязательнымъ закономъ для всѣхъ людей. Она не можетъ быть всѣми безусловно уважаема, потому, что человѣкъ, предъявляющій ее, не доставляетъ другимъ съ своей стороны обезпеченія въ томъ, будетъ ли онъ уважать ихъ волю и оставлять ихъ права ненарушимыми. Только воля, обязывающая всякую другую волю, слѣдовательно воля собирательно всеобщая и обладающая нужною силою, можетъ доставить требуемое обезпеченіе. Состояніе подъ владычествомъ всеобщаго внѣшняго закона,

[711] Тамъ же § 1—7.

огражденнаго нужною силою, есть состоянiе гражданское. Итакъ только въ гражданскомъ обществѣ человѣкъ можетъ имѣть права на какiе либо внѣшнiе предметы. Отсюда, по мнѣнiю Канта, слѣдуетъ, что если внѣшнiя права должны быть юридически возможны, то лицу должно быть и позволено принуждать всякаго другаго, съ кѣмъ случится у него споръ о правѣ на внѣшнiй предметъ, вступить вмѣстѣ съ нимъ въ союзъ гражданскiй [712].

Тѣмъ не менѣе Кантъ не отвергаетъ, что и независимо отъ гражданскаго общества, или внѣ его, могутъ въ извѣстномъ видѣ существовать внѣшнiя права. Обезпеченiе, дѣлаемое гражданскимъ обществомъ, предполагаетъ, что обезпечиваемое уже существуетъ; слѣдовательно прежде гражданскаго общества должна существовать возможность внѣшнихъ правъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и право принуждать каждаго, съ кѣмъ только мы можемъ какимъ нибудь образомъ имѣть дѣло, вступить съ нами въ такой союзъ, въ которомъ бы внѣшнiя права наши были обезпечены. Владѣнiе въ ожиданiи такого состоянiя и съ готовностiю вступить въ него есть временно законное владѣнiе. Человѣкъ, готовый вступить въ гражданское состоянiе, по праву сопротивляется всѣмъ, которые не хотятъ подчинить себя гражданскимъ законамъ и возмущаютъ его въ его временномъ владѣнiи, потому что воля всякаго другаго внѣ его, которая бы захотѣла наложить на него обязанность отстать отъ извѣстнаго владѣнiя, есть только воля односторонняя, слѣдовательно столь же мало имѣетъ законной силы противорѣчить, сколько онъ — утверждать что либо за собою, съ тою только разностiю, что въ его пользу говоритъ твердая его воля вступить въ гражданское состоянiе. Словомъ, заключаетъ Кантъ, образъ законнаго владѣнiя какими нибудь внѣшними предметами внѣ гражданскаго общества, есть физическое владѣнiе, которое въ свою пользу имѣетъ законное предположенiе, что мы хотимъ, соединившись съ волею всѣхъ въ общественномъ законодательствѣ, сдѣлать его законнымъ, почему въ ожиданiи такого состоянiя и признается сравнительно законнымъ [713].

§ 470.

б) Различные способы прiобрѣтенiя внѣшнихъ правъ.

Коренным началомъ внѣшняго прiобрѣтенiя Кантъ поставляетъ слѣдующее: что я (по закону внѣшней свободы) подчиняю своей

[712] Тамъ же § 8.
[713] Тамъ же § 9.

физической власти, — чѣмъ я (въ слѣдствіе постулята практическаго разума) въ силахъ пользоваться по своему произволу, — наконецъ по отношенію къ чему я хочу (сообразно идеѣ возможной соединенной воли), чтобъ это было моимъ, то дѣйствительно есть мое.

Говоря о способахъ внѣшняго пріобрѣтенія, Кантъ различаетъ три рода предметовъ и правъ, которыя могутъ быть пріобрѣтаемы. Пріобрѣтены могутъ быть: тѣлесная вещь, дѣйствіе другаго, и наконецъ самое это лице, т. е. его состояніе, если я пріобрѣтаю право располагать симъ послѣднимъ. По сему Кантъ разсуждаетъ о пріобрѣтеніи правъ: 1) вещественныхъ, 2) личныхъ, 3) вещественно-личныхъ.

§ 471.

Право вещественное, по опредѣленію Канта, есть право употреблять исключительно вещь, которой я владѣю вмѣстѣ съ другими. Послѣднее Кантъ почитаетъ единственнымъ условіемъ, при коемъ только я могу всякому другому владѣльцу вещи запретить употреблять на свою пользу эту вещь. Если мы не предположимъ такого совокупнаго владѣнія, говоритъ Кантъ, то совершенно нельзя себѣ представить, какъ могутъ меня, хотя я не владѣю вещію, обидѣть другіе, которые владѣютъ и пользуются ею, такъ какъ уже прежде [714] было показано, что я какимъ нибудь образомъ долженъ владѣть внѣшнимъ предметомъ, чтобъ другой могъ обидѣть меня, употребляя предметъ, которымъ я не владѣю физически. Равнымъ образомъ одною своею волею я не могу обязать никого другаго воздерживаться отъ употребленія вещи, и возлагать на кого либо обязательство, котораго онъ совершенно не имѣлъ бы въ противномъ случаѣ; это возможно сдѣлать только посредствомъ соединенной воли въ совокупномъ владѣніи.

Самымъ первымъ пріобрѣтеніемъ по отношенію къ вещамъ, какъ думаетъ Кантъ, можетъ быть только пріобрѣтеніе земли. Положимъ, говоритъ онъ, что извѣстная часть земли никѣмъ еще не пріобрѣтена: въ такомъ случаѣ я могу каждую движимую вещь, какая только можетъ здѣсь находиться, выбросить изъ ея мѣста, чтобъ занять его самому, доколѣ она не потеряется совершенно изъ вида; этимъ ни мало не нарушится свобода кого нибудь, кто именно теперь не владѣетъ мѣстомъ. Итакъ пріобрѣтеніе земли есть условіе пробрѣтенія всякой другой вещи.

[714] См. выше § 469.

Возможность первоначальнаго пріобрѣтенія всякой земли Кантъ выводитъ изъ постулята практическаго разума. Основаніемъ возможности этого пріобрѣтенія Кантъ почитаетъ первоначальное общеніе земли вообще; такъ какъ въ противномъ случаѣ одинъ человѣкъ своею частною волею не могъ бы исключить другихъ отъ употребленія мѣста, имъ занятаго. Всѣ люди, по словамъ Канта, находятся дѣйствительно отъ самой природы, т. е. прежде чѣмъ они предпримутъ какое нибудь законное дѣйствіе, въ законномъ обладаніи землею, т. е. они имѣютъ право быть тамъ, куда, безъ ихъ воли, они поставлены природою или случаемъ. Это ихъ обладаніе землею есть общее ихъ владѣніе, по причинѣ единства всѣхъ мѣстъ земной поверхности, какъ поверхности шарообразной; если бы земля была безконечною плоскостію, то люди могли бы такъ на ней разсѣяться, что они могли бы навсегда остаться внѣ всякаго общенія другъ съ другомъ.

Законный способъ первоначальнаго пріобрѣтенія земли есть, по мнѣнію Канта, занятіе (**occupatio**). Такой способъ пріобрѣтенія основывается на односторонней волѣ лица, чтобъ вещь была его вещію. Но односторонняя воля не иначе можетъ дать право на какіе нибудь внѣшніе предметы, какъ въ томъ предположеніи, что она содержится во всеобщей, безусловно господствующей волѣ; въ противномъ случаѣ она не могла бы возложить на всѣхъ другихъ обязанности удерживаться отъ употребленія вещей, которыя она объявила своими. Почему, согласно съ тѣмъ, что было замѣчено вообще относительно образа существованія внѣшнихъ правъ внѣ гражданскаго общества [715], Кантъ полагаетъ, что земля и всѣ вещи внѣ этого состоянія могутъ быть пріобрѣтаемы только въ предположеніи онаго [716].

§ 472.

Пріобрѣтеніе *личнаго права*, по словамъ Канта, никогда не можетъ быть первоначальнымъ и зависѣть отъ воли одного лица; такое пріобрѣтеніе было бы несогласно съ свободою всѣхъ другихъ. Равнымъ образомъ, говоритъ Кантъ, нельзя пріобрѣсть личнаго права и посредствомъ законопротивнаго дѣянія другаго; если бы эта обида сдѣлана была даже мнѣ самому, и я по праву могъ бы требовать за нее удовлетворенія отъ другаго, однакоже этимъ было

[715] См. выше § 469.
[716] См. Metaph. Anfangsgr. der Rechtslehre § 11—17.

бы ненарушимо сохранено только мнѣ принадлежащее, а ничего не было бы пріобрѣтено сверхъ того, что я уже прежде имѣлъ. И такъ, заключаетъ Кантъ, пріобрѣтеніе личнаго права можетъ быть только производнымъ и совершается посредствомъ общей воли двухъ лицъ, по которой предметъ переходитъ во власть того или другаго изъ нихъ; одинъ изъ нихъ тогда отрекается отъ своего участія въ этомъ общеніи, и такимъ образомъ предметъ въ слѣдствіе принятія его другимъ дѣлается собственностію сего послѣдняго. Дѣйствіе соединенной воли двухъ лицъ, посредствомъ котораго принадлежащее одному переходитъ отъ него къ другому, есть договоръ.

Въ каждомъ договорѣ Кантъ различаетъ два приготовительныхъ и два окончательныхъ законныхъ дѣйствія: къ первымъ относятся предложеніе и одобреніе предлагаемаго; къ послѣднимъ — обѣщаніе и принятіе обѣщанія.

Принадлежащее одному переходитъ посредствомъ договора къ другому, по словамъ Канта, не въ слѣдствіе особенной воли лица, дѣлающаго обѣщаніе, и не въ слѣдствіе особенной воли лица, принимающаго обѣщаніе, но только въ слѣдствіе соединенной воли ихъ обоихъ, слѣдовательно подъ тѣмъ условіемъ, что лица объявляютъ свою волю вмѣстѣ. Но этого невозможно сдѣлать посредствомъ эмпирическаго объявленія, потому что при такомъ видѣ объявленія необходимо одно объявленіе совершается послѣ другаго, а не дѣлается то и другое въ одно время. Положимъ, что я далъ обѣщаніе, и другой теперь хочетъ съ своей стороны принять мое обѣщаніе; но въ промежуткѣ времени, которое можетъ пройти между тѣмъ, какъ я далъ обѣщаніе, и тѣмъ, когда другой приметъ его, какъ бы малъ этотъ промежутокъ ни былъ, я могу перемѣнить свое намѣреніе, потому что прежде, чѣмъ обѣщаніе будетъ принято, я остаюсь свободенъ. Именно по этому такимъ же образомъ принимающій обѣщаніе можетъ почитать себя необязаннымъ держаться своего объявленія, послѣдовавшаго за обѣщаніемъ. Только предположеніе умственнаго владѣнія уничтожаетъ, по мнѣнію Канта, означенную трудность: при этомъ предположеніи отвлекается отъ эмпирическаго условія времени и представляется, что дѣйствія, обѣщаніе и принятіе его, не слѣдуетъ одно за другимъ, а исходятъ отъ одной общей воли, и предметъ, какъ бываетъ въ томъ случаѣ, когда договоръ заключается посредствомъ самаго его исполненія, пріобрѣтается, съ опущеніемъ эмпирическихъ условій, по закону чистаго практическаго разума. Въ договорѣ предметъ, принадлежащій одному, пере-

ходитъ отъ него къ другому такъ, что владѣніе предмета въ продолженіи этого дѣйствія ни на минуту не прерывается; въ противномъ случаѣ пріобрѣтеніе было бы первоначальное, а не производное, свойственное договору.

Но что же, спрашиваетъ наконецъ Кантъ, пріобрѣтается во внѣшности посредствомъ договора? По словамъ Канта, здѣсь пріобрѣтается непосредственно не внѣшняя какая нибудь вещь, но дѣйствіе другаго, которымъ эта вещь приводится подъ мою власть, чтобъ я могъ сдѣлать ее своею [717].

§ 473.

Вещественноличное право, по объясненію Канта, есть право владѣть внѣшнимъ предметомъ, какъ вещію, и употреблять его, какъ лице. Отношеніе лицъ, находящихся въ этомъ состояніи, есть общеніе свободныхъ существъ, которыя въ слѣдствіе взаимнаго вліянія другъ на друга по началу внѣшней свободы составляютъ совокупность членовъ одного цѣлаго, называемаго домомъ. Это состояніе и права, къ нему относящіяся, пріобрѣтаются не своевластнымъ дѣйствіемъ и не посредствомъ договора, но въ силу закона. Мужъ пріобрѣтаетъ такимъ образомъ жену, супруги пріобрѣтаютъ дѣтей, наконецъ семейство пріобрѣтаетъ слугъ [718].

Отношеніе между мужемъ и женою. Лица разнаго пола могутъ, по словамъ Канта, соединяться между собою или просто какъ животныя, или по закону; послѣдній образъ соединенія составляетъ существо брака. Договоръ, по коему лица вступаютъ въ бракъ между собою, по мнѣнію Канта, не есть договоръ произвольный, но по закону человѣчества необходимый, т. е. если лица разнаго пола хотятъ удовлетворять своему естественному стремленію другъ къ другу, то они должны необходимо, по юридическому закону чистаго разума, вступить въ бракъ между собою. Лице одного пола, доставляя собою удовлетвореніе пожеланію другаго, тѣмъ самымъ дѣлаетъ себя вещію, а это противорѣчитъ его праву человѣчества въ его собственномъ лицѣ. Такое противорѣчіе можетъ уничтожиться только тогда, когда въ тоже время, какъ одно лице пріобрѣтается другимъ на подобіе вещи, оно взаимно пріобрѣтаетъ это послѣднее; такимъ образомъ оно опять пріобрѣтаетъ само себя и возстановляетъ свою личность. Это самое совершается посредствомъ брака. Какъ, по причинѣ

[717] Тамъ же § 18—21.
[718] Тамъ же § 22 и 23.

единства всѣхъ сторонъ существа человѣка, пріобрѣтеніе одной изъ нихъ есть необходимо пріобрѣтеніе цѣлаго лица; то посредствомъ брака полы пріобрѣтаютъ взаимно цѣлую личность. — Основываясь на предложенномъ объясненіи понятія брака, Кантъ смотритъ на отношеніе между супругами, какъ на отношеніе равенства: супруги въ равной мѣрѣ взаимно обладаютъ какъ личностію другъ друга, что, по замѣчанію Канта, существуетъ только въ моногаміи, такъ какъ въ полигаміи лице, которое отдаетъ себя другому, пріобрѣтаетъ только часть того, кому оно отдаетъ всего себя, и слѣдовательно дѣлаетъ себя простою вещію, — такъ и благами счастія, принадлежащими каждому изъ нихъ, при чемъ однакожъ, по мнѣнію Канта, одинъ супругъ въ пользу другаго можетъ, хотя впрочемъ только посредствомъ особеннаго договора, отказаться отъ употребленія части сихъ благъ счастія. Основываясь также на понятіи о бракѣ, Кантъ признаетъ это отношеніе такимъ отношеніемъ, въ которое должно вступать на всю жизнь [719].

Отношеніе между родителями и дѣтьми. Подобно тому, какъ изъ обязанности человѣка къ самому себѣ, т. е. къ человѣчеству въ своемъ собственномъ лицѣ, проистекаетъ право половъ пріобрѣтать — одинъ другаго, какъ лице, вещественнымъ образомъ посредствомъ брака; такъ, по ученію Канта, изъ того, что извѣстное существо раждается въ этомъ общеніи, образуется для родителей его обязанность печься о сохраненіи и воспитаніи родившагося существа, т. е. дѣти, какъ лица, имѣютъ вмѣстѣ съ симъ первоначальное и прирожденное право на попеченіе со стороны своихъ родителей, доколѣ не придутъ въ состояніе сохранять самихъ себя, и притомъ непосредственно въ силу закона, т. е. такъ, что для этого не требуется предпринимать никакого особеннаго юридическаго дѣйствія. Какъ родившееся на свѣтъ существо есть лице, — говоритъ Кантъ, чтобъ доказать послѣднюю мысль свою, — относительно же существа, одареннаго свободою, нельзя составить себѣ понятія, какимъ бы образомъ оно могло родиться физически; то въ практическомъ отношеніи будетъ совершенно правильно и даже необходимо — смотрѣть на актъ рожденія, какъ на такой актъ, которымъ родители поставляютъ въ свѣтъ лице безъ его согласія, перенося его сюда самовластно; за что и лежитъ теперь на нихъ обязанность сдѣлать, сколько отъ нихъ зависитъ, чтобъ это лице было довольно настоящимъ своимъ положеніемъ. Изъ этой обязанности, по словамъ Кан-

[719] Тамъ же § 24—27.

та, вытекаетъ также необходимо право родителей — управлять родившимся существомъ и образовать его, доколѣ оно само не будетъ въ состоянiи употреблять свои члены и силы разума, — образовать какъ прагматически, чтобъ оно въ послѣдствiи времени могло само сохранять и поддерживать свое существованiе, такъ и нравственно, — все это до времени освобожденiя дитяти изъ подъ власти родительской, когда родители отказываются какъ отъ своего права приказывать ему, такъ и отъ всякаго права требовать отъ него какого нибудь вознагражденiя за понесенные труды и заботы, имѣя въ виду одну только его благодарность [720].

Отношенiе господина и слугъ въ домѣ. Дѣти, говоритъ Кантъ, которые съ родителями составляютъ одно семейство, дѣлаются съ достиженiемъ совершеннолѣтiя самостоятельными; въ тоже время родители взаимно освобождаются отъ своей обязанности по отношенiю къ нимъ: такимъ образомъ обѣ стороны прiобрѣтаютъ или снова прiобрѣтаютъ свою естественную свободу, и домашнее общество, которое было необходимо по закону, теперь разрушается. Но обѣ стороны могутъ продолжить существованiе ихъ общества, хотя съ другими обязанностями, посредствомъ договора; отецъ можетъ учредить съ своими возрастными дѣтьми или съ другими свободными лицами домашнее общество, которое бы состояло изъ лица повелѣвающаго, или господина, и лицъ повинующихся, или слугъ. — Но Кантъ находитъ несовмѣстнымъ съ достоинствомъ человѣка такое отношенiе между людьми, по которому одинъ изъ нихъ былъ только вещiю другаго. Договоръ, говоритъ онъ, по которому одна сторона отказывается отъ всей своей свободы въ пользу другой, слѣдовательно перестаетъ быть лицемъ, а потому не имѣетъ и обязанности хранить договора, но признаетъ только силу, противорѣчитъ самъ себѣ, т. е. совершенно ничтоженъ. Впрочемъ здѣсь Кантъ не говоритъ о правѣ противъ того, кто преступленiемъ потерялъ свою личность. Договоръ, коимъ учреждается отношенiе хозяевъ и слугъ, по мнѣнiю Канта, не можетъ быть пожизненнымъ, а можетъ быть заключаемъ только на опредѣленное время; дѣти во всякомъ случаѣ раждаются свободными [721].

[720] Тамъ же § 28 и 29.
[721] Тамъ же § 30

2. Право публичное.

§ 474.

Право публичное составляется у Канта изъ права государственнаго, народнаго и всеобщегражданскаго, такъ что, по словамъ его, если не будетъ одной изъ этихъ частей, то все зданіе права необходимо должно разрушиться [722].

§ 475.

а) Право государственное.

Для обезпеченія правъ, какія можетъ имѣть человѣкъ, Кантъ признаетъ необходимымъ существованіе государства. Какими бы, говоритъ онъ, добрыми и миролюбивыми мы ни представили себѣ людей, внѣ государства никто не можетъ почитать себя безопаснымъ отъ обиды, потому что здѣсь каждый имѣетъ право поступать по своимъ понятіямъ о правѣ и неправѣ, не завися отъ мнѣнія другихъ; почему здѣсь никто и не обязанъ дѣйствительно уважать права другихъ, такъ какъ совершенно неизвѣстно, будутъ ли они уважать его права. Но такое состояніе въ высшей степени несправедливо. Итакъ первое, что должно сдѣлать человѣку, если онъ не хочетъ отказаться отъ всѣхъ понятій о правѣ, есть: выйти изъ естественнаго состоянія, гдѣ каждый слѣдуетъ своему собственному уму, и вмѣстѣ съ другими покориться общественному внѣшнему законному принужденію, слѣдовательно вступить въ такое состояніе, въ которомъ права каждаго опредѣлены закономъ и ограждены достаточною силою, т. е. прежде всего надобно вступить въ гражданское состояніе. Гражданское общество, или государство (civitas), по опредѣленію Канта, есть соединеніе множества людей подъ общими законами права. Такое общество образуется посредствомъ договора, въ силу коего люди отказываются отъ своей внѣшней, дикой, беззаконной свободы, чтобъ тотчасъ воспріять свободу законную, въ качествѣ членовъ общества [723].

Въ каждомъ государствѣ Кантъ признаетъ необходимою троякую власть: власть законодательную, исполнительную, судебную. Въ надлежащемъ соединеніи этихъ трехъ властей Кантъ видитъ благо го-

[722] Тамъ же § 43.
[723] Тамъ же § 44, 45 и 47. Ср. сверхъ того § 41 и 42.

сударства, разумѣя подъ симъ именемъ не счастіе гражданъ, но такое состояніе, когда учрежденіе государства въ высшей степени согласуется съ началомъ права, такъ какъ разумъ безусловно обязываетъ насъ стремиться къ этому [724]. Впрочемъ Кантъ имѣя въ виду слабость человѣческой природы, находитъ не возможнымъ достигнуть вполнѣ такого устройства гражданской жизни [725], хотя онъ признаетъ безусловною обязанностію людей стремиться, сколько возможно, достигать этого устройства, тѣмъ болѣе, что совершенно нельзя предварительно опредѣлить, въ какой мѣрѣ оно можетъ быть достигнуто [726].

Замѣчательны особенно мысли Канта о наказаніяхъ за преступленія въ государствѣ. Судебное наказаніе, говоритъ онъ, отличное отъ естественнаго, по которому порокъ наказываетъ самъ себя и на которое законодатель совсѣмъ не обращалъ вниманія, никогда не можетъ быть однимъ только средствомъ, чтобъ достигнуть какого нибудь добра для самого преступника, или для его согражданъ, но всегда должно быть назначаемо человѣку только потому, что онъ сдѣлалъ преступленіе. Человѣкъ никогда не можетъ быть употребляемъ какъ средство для намѣреній другаго и смѣшанъ съ предметами вещественнаго права; отъ этого защищаетъ его прирожденная его личность, хотя онъ можетъ быть осужденъ къ лишенію гражданской личности. Надобно, чтобъ онъ былъ уже найденъ достойнымъ наказанія, прежде, чѣмъ можетъ быть рѣчь о томъ, чтобъ изъ сего наказанія извлечь какую нибудь пользу для него самого, или для его согражданъ. Законъ, повелѣвающій наказывать преступника, повелѣваетъ это безусловнымъ образомъ, и горе тому, кто ползая по змѣинымъ изгибамъ ученія о счастіи, старается найти что нибудь, что по причинѣ выгоды, отъ того ожидаемой, могло бы освободить его отъ наказанія, хотя бы только въ нѣкоторой степени! Если погибла справедливость, то людямъ не стоитъ жить на землѣ. — Такимъ образомъ и мѣра наказанія, которую должно имѣть въ виду общественное правосудіе, по ученію Канта, есть начало равенства, такъ что правосудіе должно склоняться не болѣе на одну, какъ и на другую сторону. Слѣдовательно, заключаетъ Кантъ, какое незаслуженное зло ты дѣлаешь другому въ народѣ, такое дѣлаешь себѣ самому: если ты поносишь его, то поносишь себя самого; если ты окрадываешь

[724] Тамъ же § 45—49.
[725] Idee zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlicher Absicht.
[726] Kritik der reinen Vernunft. 6. Ausgabe. S. 270, 271.

его, то окрадываешь себя самого; если ты бьешь его, то бьешь себя самого; если убиваешь его, то убиваешь себя самого [727].

§ 476.

б) Право народное.

Народнымъ правомъ Кантъ называетъ право государствъ въ отношеніяхъ ихъ другъ къ другу. Здѣсь одно государство, какъ нравственное лице, представляется по отношенію къ другому находящимся въ состояніи естественной свободы, и слѣдовательно также въ состояніи непрерывной войны. Народное право имѣетъ своею задачею опредѣлить право народовъ вести войну, право во время войны, и наконецъ право послѣ войны, или право принуждать другой народъ вытти изъ состоянія войны, почему оно разсматриваетъ устройство, которое можетъ навсегда утвердить миръ между народами.

Основными началами народнаго права Кантъ признаетъ слѣдующія: 1-е государства, разсматриваемыя во внѣшнемъ отношеніи ихъ другъ къ другу, находятся, какъ дикари, живущіе безъ закона, въ состояніи, чуждомъ права; 2-е это состояніе есть состояніе войны, гдѣ господствуетъ право сильнѣйшаго, хотя не всегда дѣйствительная война, — состояніе, которое само въ себѣ въ высочайшей степени неправедно, хотя, такъ какъ оба государства не хотятъ ничего лучшаго, такимъ положеніемъ своимъ они не дѣлаютъ другъ другу несправедливости, и изъ котораго государства сосѣдственныя обязаны вытти; 3-е между народами необходимъ особенный союзъ, по коему бы они обязаны были хотя и не вмѣшиваться во внутреннія у себя несогласія, однакоже защищать друга друга противъ нападеній извнѣ; впрочемъ 4-е это соединеніе не можетъ имѣть внутри себя никакой верховной власти, похожей на ту, какая существуетъ въ гражданскомъ обществѣ, — это есть только общество союзниковъ, такое соединеніе, отъ котораго участвующіе въ немъ во всякое время могутъ отказаться и которое слѣдовательно должно быть отъ времени до времени возобновляемо.

Что касается въ особенности права народовъ вести войну, Кантъ говоритъ, что въ естественномъ состояніи государствъ война есть позволенный способъ, коимъ посредствомъ собственной силы государство отыскиваетъ свои права, когда оно почитаетъ себя обиженнымъ отъ другаго, такъ какъ здѣсь не можетъ быть процесса.

Что касается права народовъ во время войны, Кантъ находитъ

[727] Тамъ же послѣ § 49-го замѣчаніе подъ лит. E, № I.

весьма труднымъ составить себѣ какое нибудь объ немъ понятіе; нельзя думать, говоритъ онъ, о законѣ въ этомъ состояніи чуждомъ закона, не противорѣча себѣ самому, развѣ это будетъ слѣдующее правило: вести войну по такимъ началамъ, по коимъ всегда еще остается возможность вытти изъ этого естественнаго состоянія и вступить въ состояніе законное.

Право во время, непосредственно слѣдующее за войною, т. е. въ минуту заключенія мирнаго договора и по отношенію къ его послѣдствіямъ, состоитъ, по словамъ Канта, въ томъ, что побѣдитель предлагаетъ побѣжденному условія, о которыхъ ведутся переговоры, чтобъ достигнуть наконецъ до заключенія мира, и притомъ не основываясь на какомъ нибудь правѣ, которое будто бы ему принадлежитъ въслѣдствіе причиненной ему противникомъ обиды, а независимо отъ разсмотрѣнія этого вопроса, опираясь только на свою силу.

Право мира заключаетъ въ себѣ, по ученію Канта, 1) право быть въ мирѣ, если въ сосѣдствѣ ведется война, 2) право требовать себѣ обезпеченія въ томъ, что заключенный миръ не будетъ нарушенъ, 3) право соединяться съ другими государствами, чтобъ общими силами защищать себя противъ всѣхъ внѣшнихъ или внутреннихъ нападеній, но не составлять союзъ для нападенія на другихъ и увеличенія своего могущества.

Наконецъ Кантъ замѣчаетъ, что какъ народы должны вытти изъ естественнаго своего состоянія, гдѣ господствуетъ сила, и вступить въ состояніе законное, то доколѣ это не сдѣлано ими, всѣ права ихъ, пріобрѣтаемыя или сохраняемыя войною, принадлежатъ имъ только временно; окончательно утвердиться могутъ сіи права только во всеобщемъ союзѣ государства и только при существованіи такого союза можетъ образоваться истинное мирное состояніе. Но какъ при большомъ чрезъ мѣру распространеніи этого союза народовъ по обширнымъ полосамъ земли, управленіе имъ должно сдѣлаться невозможнымъ, и онъ не въ состояніи будетъ защищать каждаго изъ своихъ членовъ, а множество такихъ союзовъ опять произвело бы состояніе войны; то Кантъ признаетъ вѣчный миръ, эту послѣднюю цѣль всего народнаго права, идеею неисполнимою. Тѣмъ не менѣе онъ почитаетъ священною обязанностію государствъ непрерывно болѣе и болѣе приближаться къ такому состоянію [728] и въ сочиненіи, прежде нами поименованномъ, подъ заглавіемъ: *Къ вѣчному миру* пред-

[728] См. тамъ же § 53—61.

ставляетъ основныя начала, на которыхъ можетъ быть учрежденъ вѣчный миръ между государствами.

§ 477.

в) Право всемiрногражданское.

Не только народы сосѣдственные, но всѣ вообще народы должны, по ученiю Канта, находиться въ мирномъ общенiи между собою. Эта идея мирнаго общенiя всѣхъ народовъ земнаго шара, какiе только могутъ вступить между собою въ дѣятельныя сношенiя, не есть, по словамъ Канта, идея филантропическая, а идея права. Природа, въ слѣдствiе шаровидной фигуры земли, заключила всѣ народы въ опредѣленныя границы; почему каждый изъ нихъ имѣетъ право вступать въ связи со всѣми другими. Право, имѣющее своимъ предметомъ опредѣлить всеобщiе законы, которые должны наблюдать всѣ вообще народы въ ихъ взаимныхъ сношенiяхъ, Кантъ называетъ правомъ всемiрногражданскимъ (Jus cosmopoliticum). Впрочемъ онъ не означаетъ въ подробности, что именно сюда относится [729].

§ 478.

Обезпеченiе вѣчнаго мира между народами представляетъ, по словамъ Канта, самая природа, всегда дѣйствующая по цѣлямъ. Высочайшая цѣль есть цѣль нравственная. Для споспѣшествованiя этой цѣли природа принуждаетъ человѣка, не вредя его свободѣ, дѣлать то, что онъ долженъ былъ бы дѣлать по законамъ свободы, но чего онъ не дѣлаетъ. Временная мѣра природы для достиженiя вѣчнаго мира была та, что люди были разсѣяны по всей поверхности земли; это природа произвела посредствомъ войны, которая заставила людей образовать государства. Послѣ сего природа обезпечила существованiе вѣчнаго мира самымъ механизмомъ человѣческихъ наклонностей, давши имъ такое устройство, что самолюбiе каждаго находитъ непосредственно свою выгоду въ ненарушимомъ сохраненiи общественнаго порядка. Важное мѣсто въ семъ случаѣ при опредѣленiи отношенiй между народами занимаетъ торговля [730].

Кантъ хочетъ всю вообще исторiю разсматривать со всемiрногражданской точки зрѣнiя. Можемъ ли мы, говоритъ онъ, допустить, чтобъ природа не имѣла никакой подобной цѣли по отношенiю къ роду человѣческому и чтобъ все между людьми предоставлено было

[729] См. тамъ же § 62.
[730] Zum ewigen Frieden S. 47—65.

слѣпому случаю? Но что же было бы пользы допускать цѣли по отношенію къ отдѣльнымъ предметамъ природы, если мы не признаемъ никакой цѣли по отношенію ко всей природѣ? Какъ можно предполагать мудрость въ природѣ, если мы не находимъ ее также въ исторіи?

Дѣйствительно какъ бы мы, думаетъ Кантъ, ни расширяли свободу отдѣльныхъ лицъ въ исторіи, однакоже можно надѣяться, что, разсматривая произшествія въ цѣломъ; мы среди этой игры свободы откроемъ правильный порядокъ. Отдѣльныя лица и народы, трудясь для достиженія своихъ частныхъ намѣреній, трудятся непримѣтно для достиженія намѣренія природы, которое имъ самимъ неизвѣстно. Если высочайшая цѣль исторіи есть полное развитіе всѣхъ способностей человѣка, какъ рода; то средство для этого развитія есть совершенно законное состояніе въ гражданскомъ обществѣ. Почему это состояніе, по словамъ Канта, есть высочайшая и вмѣстѣ труднѣйшая задача, которая рѣшается всего позже человѣческимъ родомъ. Образованность и общежитіе возникаютъ изъ грубости естественнаго состоянія такимъ образомъ, что люди въ борьбѣ и соперничествѣ другъ съ другомъ и съ неудобствами, какія представляетъ имъ природа, наконецъ побѣждаютъ собственною дѣятельностію всѣ эти препятствія, при чемъ предыдущія поколѣнія работаютъ для блага позднѣйшихъ. Уже теперь, говоритъ Кантъ, государства находятся въ такомъ искуственномъ отношеніи другъ къ другу, что ни одно изъ нихъ не можетъ остаться позади другихъ въ образованности, не лишившись въ извѣстной степени силы и вліянія. Уже теперь государства по видамъ торговли и другимъ причинамъ принимаютъ на себя долгъ примирителей, не имѣя на то законнаго права. Уже теперь движется въ отдѣльныхъ членахъ чувство, что отсюда наконецъ произойдетъ общее всемірногражданское состояніе Итакъ всеобщая исторія, по ученію Канта, должна показать успѣхи человѣческаго рода, начиная отъ Грековъ до Римлянъ и даже до нашихъ временъ. Если народы погибали отъ пороковъ, которымъ были подвержены; то однакоже всегда оставался отъ нихъ еще зародышъ ихъ просвѣщенія, который съ каждымъ слѣдующимъ переворотомъ развивался болѣе и болѣе и приготовлялъ новую, еще высшую ступень [731]. На какой наконецъ ступени, какъ на самой высочайшей, должно остановиться человѣчество, и слѣдовательно какъ велико по необходимости должно остаться разстояніе между идеею и ея испол-

[731] Idee zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlicher Absicht.

неніемъ, это Кантъ почитаетъ невозможнымъ опредѣлить именно потому, что свобода можетъ переступить каждую назначенную ей границу [732].

§ 479.

Кантомъ были даны только общія мысли для философской исторіи человѣчества. Онѣ развиты были въ подробности послѣдователемъ его Енишемъ [733], который по этому служитъ естественнымъ къ нему дополненіемъ.

Существенною чертою человѣка Енишъ почитаетъ усовершимость: не только отдѣльныя лица, но и цылый родъ человѣческій можетъ непрерывно усовершаться, т. е. непрерывно все полнѣе и полнѣе развивать способности какъ своей чувственной, такъ и духовной природы.

Обозрѣвши сначала различныя способности человѣка и средства къ ихъ развитію, Енишъ означаетъ и характеризуетъ главныя эпохи всеобщей исторіи развитія человѣка. Такихъ эпохъ онъ принимаетъ пять: первая эпоха есть эпоха звѣроподобной жизни человѣка, вторая — начинающейся человѣческой жизни, третья — утонченія, четвертая — излишней утонченности или безнравственности, наконецъ пятая — возвращенія къ нравственности. Подобныя эпохи Енишъ находитъ въ исторіи развитія каждой особенной способности или стороны человѣка: физической, технической, умственной, эстетической, нравственной, политической и религіозной.

Но Енишъ видитъ большое разстояніе между идеаломъ исторіи человѣческой образованности и дѣйствительною исторіею. Разумъ, по словамъ его, относительно развитія человѣческихъ способностей потребовалъ бы: 1-ое возможно величайшей гармоніи всѣхъ способностей между собою, т. е. возможно величайшаго единства въ разнообразіи и разнообразія въ единствѣ; 2-е нравственной цѣлесообразности, т. е. направленія всѣхъ способностей къ нравственному облагороженію рода человѣческаго, которое составляетъ его собственную, высочайшую цѣль; 3-е возможно скорѣйшаго по времени и 4-е возможно обширнѣйшаго по пространству развитія. Дѣйствительная исторія образованности представляетъ намъ дисгар-

[732] Kritik der reinen Vernunft, S. 270, 271.

[733] Въ соч. Universalhistorischer Ueberblick der Entwickelung des Menschengeschlechts, als eines sich fortbildenden Ganzen, von Jenisch. II Bände. Berlin, 1801.

монію между различными способностями человѣка, нравственную неправильность въ сочетаніи всемірныхъ произшествій, естественное и случайное замедленіе въ развитіи человѣчества, наконецъ то явленіе, что лучшая форма образованности ограничивается только немногими народами. Для разрѣшенія такого противорѣчія между идеаломъ и дѣйствительностію Енишъ замѣчаетъ, что природа въ образованіи человѣчества слѣдуетъ извѣстнымъ, опредѣленнымъ законамъ. Это суть слѣдующіе законы: 1-е природа при развитіи человѣческаго рода, какъ и другихъ родовъ существъ, имѣетъ въ виду родъ, а не отдѣльныя существа. 2-е Природа и въ духовномъ мірѣ, такъ же, какъ въ мірѣ физическомъ, стремится болѣе къ разнообразію, чѣмъ къ единству, болѣе къ простому и обыкновенному, чѣмъ къ чрезвычайному. 3-е Преимущественно благопріятствуя нѣкоторымъ поколѣніямъ человѣческимъ въ ихъ стремленіи къ усовершенствованію, природа хочетъ, кажется, мало по малу облагородить и весь родъ, а посредствомъ рода самыя отдѣльныя существа въ немъ. 4-е Общее усовершенствованіе нашего рода, которое природа по всей вѣроятности имѣетъ въ виду, не есть исключительно ни физическое, ни техническое, ни интеллектуальное, ни эстетическое, ни нравственное, ни политическое, ни религіозное; оно есть единое во всемъ и все въ единомъ. 5-е Это всесторонее и гармоническое образованіе силъ человѣка есть счастіе, соединенное съ нравственнымъ достоинствомъ, что по этому и должно быть разсматриваемо какъ собственное назначеніе человѣка. Природа нѣкоторымъ образомъ владычествуетъ и надъ свободою. Она 6-е покаряетъ и ограничиваетъ злую волю властителей человѣческаго рода тѣмъ, что дѣйствіемъ ея мало по малу общая польза пріобрѣтаетъ перевѣсъ надъ особенною. 7-е Она ослабляетъ чувственныя вожделенія людей тѣмъ, что верховное владычество идеи надъ чувственными пожеланіями все утверждается глубже и глубже. 8-е Она укрѣпляетъ слабую волю людей тѣмъ, что способствуетъ соединяться имъ между собою для достиженія своихъ цѣлей. 9-е Она противодѣйствуетъ невѣжеству тѣмъ, что болѣе и болѣе распространяетъ просвѣщеніе. Не смотря на всѣ эти мудрыя мѣры природы, исторія человѣческаго рода представляетъ множество неправильныхъ явленій. Но 10-е природа необходимо подчиняетъ умственный и нравственный міръ вѣчнымъ законамъ безжизненной матеріи и всемірной связи вещей. 11-е Природа при развитіи человѣчества въ различныхъ эпохахъ и состояніяхъ дѣйствуетъ по

извѣстнымъ физическимъ и нравственнымъ уравненіямъ, такъ что счастіе и достоинство къ тому для каждаго лица въ каждомъ періодѣ образованности и на каждой ступени образованности остаются достижимы. Наконецъ 12-е природа какъ во всѣхъ своихъ образованіяхъ, такъ и въ развитіи рода человѣческаго трудится для вѣчности, потому что она имѣетъ для своего дѣйствованія цѣлую вѣчность.

Въ заключеніе своего творенія Енишъ оцѣниваетъ достоинство образованности и показываетъ успѣхи, ею доселѣ сдѣланные. Образованность, говоритъ онъ, не переноситъ человѣка въ состояніе для него неестественное, но представляетъ естественный порядокъ развитія человѣческихъ способностей; она доставляетъ намъ средства къ обильнѣйшему наслажденію счастіемъ; она приготовляетъ насъ для высшей добродѣтели. Посему, сравнивая состояніе образованности у Грековъ, Римлянъ и въ среднихъ вѣкахъ, съ состояніемъ образованія въ настоящее время, Енишъ находитъ, что вообще если не по отношенію къ тѣлесной силѣ, то по крайней мѣрѣ по отношенію къ художествамъ и промышленности, наукамъ, изящнымъ искуствамъ, гражданскому устройству, нравственности и религіи, образованность нынѣ стоитъ гораздо выше, чѣмъ она стояла когда нибудь прежде, хотя и въ настоящее время человѣкъ не управляется еще въ своихъ дѣйствіяхъ исключительно чистымъ практическимъ разумомъ.

§ 480.

Литература. *Hegel*, über die wissenschaftlichen Behandlungsarten des Naturrechts. **Сюда принадлежитъ вторая часть этого разсужденія.** *Его же* Phänomenologie des Geistes. 2. Ausgabe. **(какъ 2-ой томъ полнаго изданія сочиненій Гегеля).** Berlin, 1832. S. 314—326.

Ученіе Канта о правѣ имѣетъ въ разныхъ отношеніяхъ неотъемлемое достоинство. Онъ навсегда провелъ черту раздѣленія между чистою нравственностію, основанною на самолюбіи. Указавши на силу человѣка опредѣлять изъ себя самого законъ для своей дѣятельности и дѣйствовать по этому закону, независимо отъ какихъ нибудь постороннихъ побужденій, онъ тѣмъ самымъ указалъ людямъ міръ дѣятельности, исключительно подлежащій владычеству ихъ воли разумной. Въ то же время онъ сдѣлалъ первый шагъ къ тому, чтобы область права изъять изъ подъ господства произвола, подъ коимъ она доселѣ находилась: государство признано учрежденіемъ,

безусловно необходимымъ для осуществленія идеи права, и вступленіе въ него — существенною обязанностію права. Наконецъ онъ созналъ во всей глубинѣ идею единства рода человѣческаго, основывающагося на единствѣ разума во всѣхъ людяхъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ во всей широтѣ своей — идею права.

Но ученіе Канта представляетъ также и многіе недостатки.

Называя другія нравственныя начала матеріальными, Кантъ противополагаетъ имъ свое — формальное. Но его формальное начало, не заключая въ себѣ никакихъ матеріальныхъ частностей, лишено производящей силы и не въ состояніи сдѣлаться особеннымъ, чтобъ родить изъ своего лона какой нибудь нравственный организмъ. Дѣйствительно, богатое Кантово нравоученіе и наука права, по ближайшемъ разсмотрѣніи, оказываются ни на чѣмъ неоснованными. Чтобъ получить систему разнообразныхъ практическихъ законовъ, въ Этикѣ или правѣ, различныя частныя правила дѣятельности, коимъ люди слѣдуютъ или могутъ слѣдовать въ своей жизни, сравниваются со всеобщимъ формальнымъ началомъ дѣятельности. Если содержаніе частнаго правила дѣятельности можетъ быть воспринято въ форму всеобщаго формальнаго начала, не уничтожаясь отъ сей формы, т. е. если предметъ можетъ быть всеобщимъ, не противорѣча самъ себѣ: то частному правилу дается мѣсто въ системѣ практическихъ законовъ. Содержаніе частнаго правила при семъ ни мало не измѣняется, а остается тѣмъ же, чѣмъ было и прежде, т. е. частнымъ, единичнымъ, ограниченнымъ. Всеобщность, получаемая содержаніемъ отъ новой, данной ему формы, проистекаетъ только изъ того, что оно, взятое во всеобщности, не противорѣчитъ само себѣ. Но такая форма всеобщности можетъ быть дана или непосредственно уже принадлежитъ всякой вещи: ибо и вообще никакая вещь не противорѣчитъ сама себѣ, или всякая вещь тождественна сама съ собою. Такимъ образомъ всеобщность, въ которой полагалось столько важности, тотчасъ обращается въ простое логическое начало ума — начало противорѣчія или тождества. Но сіе начало, указывая на одну только форму мышленія, ни въ теоретическомъ, ни въ практическомъ отношеніи ни мало не ведетъ къ познанію достоинства самого содержанія: для этого начала всякое содержаніе совершенно равно. Итакъ покушеніе Канта вывести изъ своего формальнаго начала дѣятельности всѣ практическіе законы ума должно остаться такъ же безуспѣшнымъ, какъ и покушеніе посредствомъ логическаго начала противорѣчія

или тождества достигнуть до истины познаній. Напримѣръ онъ говоритъ: если я свое личное правило относительно показаній при свидѣтельствахъ хочу испытать посредствомъ практическаго ума, то я смотрю на то, каково оно должно быть, еслибъ оно было всеобщимъ закономъ; явно, что со всеобщностію закона несовмѣстно приписывать показанію силу доказательства и, не смотря на то, умышленно говорить неправду. Тождесловіе здѣсь совершенно очевидно. Свидѣтели въ своихъ показаніяхъ потому не должны говорить лжи, что въ противномъ случаѣ доказательство не будетъ доказательствомъ. Это сущая правда. Но что изъ сего слѣдуетъ? И недоказательство есть недоказательство. Обѣщаніе, говорится у Канта, надобно держать, потому что обѣщаніе есть обѣщаніе. Но и необѣщаніе есть необѣщаніе. Далѣе: собственность надобно уважать, потому что собственность есть собственность. Но и несобственность есть несобственность. То есть, само собою разумѣется, что если въ какомъ нибудь опредѣленномъ случаѣ существуетъ, или должно существовать доказательство посредствомъ свидѣтелей, обѣщаніе, собственность, то свидѣтель долженъ показывать правду, обѣщаніе надобно исполнять, собственность уважать: сіи послѣднія истины непосредственно заключаются въ самыхъ понятіяхъ доказательства чрезъ свидѣтелей, обѣщанія, собственности. Но дѣло именно состоитъ въ томъ, чтобъ было доказано, что доказательство чрезъ свидѣтелей, обѣщаніе, собственность по требованію практическаго закона должны существовать, и особенныя какія нибудь происшествія дѣйствительно подходятъ подъ сіи понятія: иначе такъ названныя, кажущіяся доказательства, обѣщаніе, собственность суть въ существѣ вещи, совсѣмъ не доказательства, не обѣщаніе, не собственность, но только одинъ призракъ доказательства, обѣщанія, собственности, и слѣдовательно въ такомъ случаѣ нѣтъ нужды показывать правду, исполнять такъ называемое обѣщаніе, уважать такъ называемую собственность; потому что несобственность есть несобственность, необѣщаніе — необѣщаніе, недоказательство—недоказательство. Между тѣмъ доказывать эту необходимость самаго содержанія Кантъ не имѣетъ нужды: содержаніе предположено уже даннымъ, существующимъ, и только спрашивается, можетъ ли оно быть всеобщимъ. Но оно въ особенномъ правилѣ, на первый разъ, дано и существуетъ только физически. Между тѣмъ опытъ представляетъ бытіе, напримѣръ какъ собстенности, такъ и несобственности, вѣрности въ храненіи даннаго слова и обмана и

такъ далѣе. Которое же изъ двухъ явленій, физически существующихъ, должно или можетъ существовать и нравственно? Явно, что на каждое изъ сихъ явленій можетъ быть наложена печать всеобщности; ни которое изъ нихъ, если взять его по всеобщности, не уничтожитъ само себя. И такъ причина, почему въ систему законовъ ума принято одно правило, а не другое, должна заключаться гдѣ нибудь индѣ, а не въ томъ, что то или другое правило можетъ или не можетъ быть всеобщимъ, не уничтожая само себя, и законодатель съ формальнымъ началомъ, если не прибѣгаетъ къ другой точкѣ опоры, долженъ, не начавъ, кончить свою работу.

Но зло отъ употребленія формальнаго начала дѣятельности не ограничивается одною потерею труда, предпринятаго въ семъ отношеніи. Причина, почему такое, а не другое содержаніе удостоивается чести быть помѣщеннымъ въ системѣ законодательства разума, какъ мы сказали, должна заключаться въ обстоятельствахъ чуждыхъ для формальнаго начала дѣятельности. Но какъ нѣтъ ничего столь худаго, чтобы не имѣло какой нибудь хорошей стороны, и какъ всему можетъ быть дана форма всеобщности; то, рѣшившись одинъ разъ употреблять формальное начало, находятся уже не въ силахъ исключить изъ своего законодательства самые безнравственные законы. Формальное начало нравственности обращается по тому непосредственно въ начало безнравственности.

Что касается въ особенности понятія самаго права, въ различіи, какое дѣлаетъ Кантъ между симъ послѣднимъ и моралью, съ перваго взгляда уже представляется противорѣчіе. Право отъ морали онъ отдѣляетъ именно тѣмъ, что въ первомъ допускаются и внѣшнія побужденія для воли, во второмъ только внутреннія. Какъ должности морали, такъ и должности права осуществляетъ одна и таже воля свободная. Но съ ея характеромъ совершенно несовмѣстно опредѣляться къ дѣятельности чѣмъ нибудь другимъ, кромѣ представленія самаго практическаго закона, и слѣдовательно побужденіями внѣшними. Противъ сего замѣчанія безъ сомнѣнія можно сказать: «ничто не препятствуетъ человѣку исполнять и должности права по одному чувству долга; еще болѣе, онъ даже обязанъ къ тому, потому что должности права суть вмѣстѣ и должности морали; только то лице, въ пользу коего предписывается должность права, не имѣетъ ни права требовать, чтобъ она была исполняема по чувству долга, ни обязанности — убѣждать только лице, обязанное къ исполненію должности, указаніемъ на законъ нравственный, а непосредственно

можетъ обязаннаго принудить силою къ исполненію должности. И такъ, когда въ правѣ допускаются внѣшнія побужденія, то разумѣются не побужденія, коими лице обязанное можетъ, не переставая быть нравственнымъ, водиться въ исполненіи своихъ юридическихъ должностей, но побужденія частію въ самомъ лицѣ обязанномъ, какими уже и можетъ удовлетвориться лице, имѣющее право, если только должность, установленная въ его пользу, соблюдается другимъ, хотя бы то единственно на основаніи сихъ, внѣшнихъ, побужденій, частію побужденія, какими лице, имѣющее право, можетъ пользоваться, чтобы заставить другаго исполнять свою юридическую обязанность противъ него». Подобный отвѣтъ въ сущности своей можетъ быть совершенно справедливъ; но онъ не можетъ быть сдѣланъ со стороны Канта, по ученію котораго законодательство чистаго разума предписываетъ человѣку всѣ свои обязанности исполнять для долга, а тѣмъ самымъ запрещаетъ ему руководствоваться въ какихъ нибудь дѣйствіяхъ посторонними, внѣшними побужденіями.

Существенною чертою права Кантъ поставляетъ внѣшность дѣянія, и проистекающую оттуда возможность принужденія: въ области права законъ поставляетъ двѣ воли въ такое между собою отношеніе, что одна изъ нихъ обязана дѣлать или не дѣлать что либо въ пользу другой, при опасеніи въ противномъ случаѣ быть принужденной къ тому силою, а другая уполномочена закономъ требовать совершенія или оставленія сего дѣянія и въ противномъ случаѣ принуждать къ тому силой. Итакъ лице, имѣющее право, не можетъ требовать отъ воли обязаннаго, чтобъ соотвѣтствующая праву должность была исполняема изъ уваженія къ долгу, но должно удовольствоваться при этомъ и всякими другими побужденіями. Но такимъ образомъ его право явно уничтожается. Оно уже перестаетъ тогда быть предметомъ, который долженъ быть уважаемъ людьми самъ по себѣ; оно дѣйствительно не существуетъ, какъ непризнаваемое, отвергаемое. Итакъ лице, имѣющее право, можетъ требовать, чтобъ его право было уважаемо само въ себѣ и чтобъ обязанный исполнялъ свою должность по отношенію къ нему изъ уваженія долга. Какъ о внутренности человѣка мы можемъ судить только по ея обнаруженіямъ, то конечно на первый разъ это требованіе будетъ имѣть тотъ смыслъ, чтобъ *не было обнаруживаемо* намѣреніе, несогласное съ такимъ требованіемъ. Но послѣ сего и самая нравственная возможность принужденія представляется для права

обстоятельствомъ несущественнымъ: какъ физическое принужденіе не всегда возможно, не смотря на существованіе права; то законъ, который бы и въ семъ случаѣ уполномочивалъ человѣка употреблять принужденіе, былъ бы насмѣшкою надъ человѣческимъ безсиліемъ. Важнѣйшія права, именно права членовъ семейства противъ его главы, права подданныхъ противъ общественной власти, вообще всѣ права, коихъ предметомъ есть цѣлая личность, не могутъ быть приводимы въ дѣйствіе посредствомъ принужденія. Тѣмъ не менѣе какъ нравственно они существуютъ, такъ ихъ возвышенность, подобно какъ и возвышенность права вообще, именно и открывается въ томъ, что они для своего бытія не имѣютъ нужды въ помощи силъ физическихъ, дѣйствуя внутреннимъ образомъ съ необозримою силою. Такой силы никогда не можетъ имѣть принужденіе, такъ какъ воля можетъ возвыситься надъ всякимъ принужденіемъ. По чему, основывая бытіе права на возможности принужденія, Кантъ тѣмъ самымъ отнимаетъ у людей надежду видѣть когда нибудь совершенное въ своемъ обществѣ осуществленіе идеи права и заставляетъ ихъ идею совершеннаго государственнаго устройства и вѣчнаго мира признать идеею неисполнимою.

§ 481.

Ученіе Канта о правѣ естественномъ пріобрѣло себѣ множество приверженцевъ. Уже прежде, чѣмъ онъ самъ издалъ главное, сюда относящееся, свое сочиненіе, его ученики и послѣдователи излагали науку права естественнаго по его началамъ. Тѣмъ болѣе послѣ того явилось въ его духѣ сочиненій объ этой наукѣ. Нѣкоторые изъ писавшихъ подъ вліяніемъ мыслей его покушались дать его понятіямъ улучшенный видъ, но — безъ большаго успѣха [734].

Между тѣмъ критическое направленіе, сообщенное философіи Кантомъ, было обращено и на философское ученіе о правѣ. Разсматривая господствовавшіе дотолѣ различные способы обработыванія этой науки, одни [735] требовали совершеннаго отдѣленія этой науки

[734] Сочиненія о Наукѣ права естественнаго, писанныя болѣе или менѣе въ духѣ Канта, поименованы у Пелица въ его Commentatio literaria de mutationibus, quas systema juris naturæ ac gentium a Grotii temporibus hucusque expertum fuerit § 7, и у Теннеманна въ его Grundriss der Geschichte der Philosophie. 4. Aufl. Leipzig, 1825. § 368, годъ лит. *x*.

[735] *Feuerbach*, Kritik des natürlichen Rechts. Altona. 1796. — *Hoffbauer*, das allgemeine oder Naturrecht und die Moral in ihrer gegenseitigen Abhängigkeit und Unabhängigkeit von einander. Halle, 1816.

отъ морали, которое не было сдѣлано и Кантомъ; другіе [736] напротивъ хотѣли сблизить ее, какъ можно болѣе съ моралію; нѣкоторые [737] наконецъ дѣлали изъ ней всеобщую критику установленій положительныхъ законодательствъ и тѣмъ уничтожали ее въ самомъ ея существѣ. Совершенно отдѣлилъ естественное право отъ нравоученія *Фихте*.

II. ФИХТЕ.

§ 482.

Между тѣмъ, какъ Кантъ, признавая свойства вещей одними явленіями, основывающимися на особенномъ устройствѣ нашей познавательной способности, принимаетъ еще бытіе внутренней основы сихъ явленій, хотя недостижимой для познанія, Фихте [738] отвергаетъ самое существованіе такой основы, независимой отъ человѣческаго духа, и все бытіе вещей почитаетъ произведеніемъ нашего разума, нашего *я*.

§ 483.

Выведеніе нравственной области, вмѣстѣ съ другими сторонами жизни человѣка, изъ общаго ихъ источника Фихте дѣлаетъ въ своихъ *Основаніяхъ наукоученія* [739]. Послѣ сего въ *Основаніяхъ права естественнаго* [740] онъ представляетъ намъ одну половину практической дѣятельности человѣка, другая половина которой изображается въ *Системѣ нравоученія* [741].

§ 484.

Названіемъ, наиболѣе свойственнымъ философіи, Фихте признаетъ названіе: *Наукоученіе* (Wissenschaftslehre). Принадлежность

[736] *Hegel*, über die wissenschaftlichen Behandlungsarten des Naturrechts (zuerst erschienen im kritischen Journal der Philosophie. Bd. II, St. 2 und 3. 1802–1803, послѣ того въ 1-мъ томѣ полнаго изданія Гегелевыхъ сочиненій). — *Schleiermacher*, Grundlinien einer Kritik der bisherigen Sittenlehre. Berlin, 1803. S. 470. folg.

[737] *Hugo*, Lehrbuch des Naturrechts, als einer Philosophie des positiven Rechts. 1. Aug. Berlin, 1798; 2. Ausg. 1799; 3. Ausg. 1809; 4. Ausg. 1819.

[738] Род. въ 1762 г., ум. въ 1814.

[739] Grundlage der gesammten Wissenschaftslehre. Weimar, 1794.

[740] Grundlage des Naturrechts. Jena, 1796, 1797. II Theile.

[741] System der Sittenlehre. Jena und Leipzig, 1798. in-8.

науки, по словамъ его, есть систематическая форма; всѣ положенія въ наукѣ зависятъ отъ одного общаго начала и соединяются въ немъ въ одно цѣлое. Достовѣрность начала внутри самой науки не можетъ быть доказана; каждое возможное въ ней доказательство предполагаетъ уже ее. Какъ же можетъ быть доказана достовѣрность начала въ себѣ самомъ, какъ можетъ быть доказано право выводить изъ него достовѣрность другихъ положеній? Разрѣшеніемъ этого вопроса, говоритъ Фихте, занимается наука о наукѣ вообще, бывшая доселѣ извѣстною подъ именемъ философіи, которая по сему можетъ быть названа наукоученіемъ; она для всѣхъ возможныхъ наукъ основываетъ систематическую форму. Начало самаго Наукоученія и посредствомъ его начало всѣхъ наукъ и всего знанія совершенно недоступно ни для какого доказательства. Но оно должно служить основаніемъ всякой достовѣрности; слѣдовательно оно должно быть достовѣрно само въ себѣ и чрезъ себя самаго. Изъ основнаго начала въ наукѣ выводятся въ непрерывной послѣдовательности всѣ дальнѣйшія положенія. Наука завершена, когда въ ней не можетъ быть далѣе выводимо никакое положеніе. Метода, которой слѣдуетъ наука въ выведеніи своихъ истинъ, состоитъ въ положеніи (thesis), противоположеніи (antithesis) и соединеніи противоположностей (synthesis). Прежде всего полагается нѣчто безусловно, безъ всякаго отношенія къ другому; потомъ оно противополагается другому; наконецъ противоположныя стороны соединяются между собою. Во всякомъ положеніи мы должны начинать указаніемъ противоположностей, которыя должны быть соединены. Въ соединенныхъ противоположностяхъ мы должны искать новыхъ противоположностей и стараться опять соединить ихъ, доколѣ мы недостигнемъ до совершеннаго единства.

Слѣдуя симъ понятіемъ о существѣ науки и ея методы, Фихте признаетъ безусловно достовѣрнымъ слѣдующее положеніе: я есмь я, или: я есмь; то есть, я безусловно полагаетъ само себя: *я безусловное*. Но я не иначе можетъ полагать себя, какъ противополагая себѣ нѣчто другое: *не я*, міръ внѣшній. Итакъ въ безусловномъ *я* соединяются и полагаются равными противоположныя одно другому *я* и *не я*, однакоже не уничтожая другъ друга; это возможно только подъ тѣмъ условіемъ, что они взаимно себя ограничиваютъ: *я* и *не я, ограниченныя одно другимъ*. — Изъ этого уже выведенія области существующаго видно, что все, по видимому, существующее внѣ *я*, весь кажущійся внѣшній міръ, по ученію Фихте, есть только про-

изведеніе нашей умственной дѣятельности и независимо отъ нашего сознанія не существуетъ.

Такимъ образомъ Фихте, почитая все бытіе вещей произведеніемъ нашего разума, нашего *я* (какъ субъекта), противополагающаго себѣ *не я* (какъ объектъ), и частію опредѣляемаго имъ, частію его опредѣляющаго, задачею философіи теорической дѣлаетъ: показать, какъ наше *я* опредѣляется отъ *не я*, какъ дѣйствуютъ на насъ внѣ насъ по видимому существующіе предметы и служатъ источникомъ различныхъ въ насъ представленій; въ противоположность сему задача практической философіи есть — показать, какимъ образомъ наше *я* опредѣляетъ *не я*, дѣйствуя на предметы, измѣняя, образуя ихъ по своимъ видамъ.

Дѣйствуя на предметы, *я* раскрываетъ, по ученію Фихте, въ семъ случаѣ свою дѣятельность двоякимъ образомъ. Во первыхъ, оно дѣйствуетъ единственно на основаніи понятія о своей самостоятельности, ничѣмъ не опредѣляясь извнѣ, но само все опредѣляя изъ себя, и предпринимаетъ всѣ тѣ дѣянія, которыя непрерывно приближаютъ его къ полной самостоятельности, и притомъ именно для достиженія самостоятельности; сей образъ дѣятельности составляетъ предметъ этики (нравоученія). Во вторыхъ, оно, какъ разумное конечное существо, необходимо приписываетъ себѣ свободную дѣятельность въ чувственномъ мірѣ. Оно не можетъ приписать себѣ такой дѣятельности, не приписавши ее другимъ существамъ, слѣдовательно не предположивши бытія другихъ конечныхъ разумныхъ существъ внѣ себя: человѣкъ, чтобъ сознать свою силу для свободной дѣятельности, долженъ быть вызванъ къ такой дѣятельности другими; только между людьми человѣкъ дѣлается человѣкомъ. Но разумное существо не можетъ предположить другихъ конечныхъ разумныхъ существъ внѣ себя, не предположивши, что оно стоитъ съ ними въ опредѣленномъ отношеніи, въ отношеніи права [742]. Сіе отношеніе составляетъ предметъ науки права естественнаго.

§ 485.

Изъ отношеній между конечными свободными существами, совокупно дѣйствующими въ чувственномъ мірѣ, понятіе права возникаетъ, по мнѣнію Фихте, слѣдующимъ образомъ: еслибъ каждое изъ конечныхъ свободныхъ существъ захотѣло поступать совершенно самовластно, то имъ не возможно было бы жить вмѣстѣ. Итакъ если

[742] Grundlage des Naturrechts. Th. I. Jena und Leipzig, 1796. S. 1—54.

они должны жить вмѣстѣ, то каждое изъ нихъ должно ограничить свою безконечную дѣятельность въ пользу другихъ. Но какъ всѣ они предполагаются свободными, то сіе ограниченіе можетъ быть только дѣломъ ихъ свободной воли; иначе свобода была бы не ограничена только, какъ свобода, а совсѣмъ уничтожена. Посему разумныя существа сами должны свободно положить сію границу, т. е. каждое изъ нихъ должно ограничить свою свободу понятіемъ возможности свободы другаго подъ тѣмъ условіемъ, что сіе послѣднее дѣлаетъ съ своей стороны то же самое. Отношеніе между ними, отсюда образующееся, составляетъ существо права [743].

§ 486.

Послѣ сего Фихте показываетъ, что данное имъ понятіе права можетъ имѣть дѣйствительное приложеніе.

Для сего представляетъ намъ Фихте вѣрный признакъ, по коему можно судить, какимъ чувственнымъ существамъ должно приписывать права, и какимъ не должно. Это есть человѣческій видъ. Каждый, кто имѣетъ человѣческій видъ, говоритъ Фихте, однимъ своимъ присутствіемъ въ чувственномъ мірѣ, принуждаетъ всякое другое разумное существо признавать себя лицемъ, и слѣд. существомъ способнымъ обладать правами; это есть необходимое дѣйствіе разумныхъ существъ другъ на друга, предшествующее всякому свободному ихъ дѣйствію другъ на друга. Фихте доказываетъ далѣе возможность того, что должно быть опредѣлено понятіемъ о правѣ и обсуживаемо на основаніи этого понятія, — возможность дѣйствія разумныхъ свободныхъ существъ другъ на друга. Такія существа, безъ нарушенія ихъ характера свободы, могутъ подлежать взаимно дѣйствію другъ друга; потому что отъ свободы ихъ самихъ зависитъ принимать на себя это постороннее дѣйствіе, или не принимать.

Съ тѣмъ вмѣстѣ Фихте находитъ опредѣленными и границы приложенія закона права. Законъ права, по словамъ его, не есть механическій законъ природы, но законъ для свободы, потому что физически столько же возможно, чтобы разумныя существа обращались другъ съ другомъ по закону силы физической, не уважая взаимной свободы другъ друга, сколько и то, чтобы каждое изъ нихъ ограничивало свою силу закономъ права. Если этотъ законъ во взаимномъ отношеніи разумныхъ существъ другъ къ другу дѣйствительно имѣетъ силу и исполняется; то это возможно только потому, что каждое изъ

[743] Тамъ же S. 34—54.

нихъ постоянно дѣлаетъ его само для себя закономъ. Почему онъ вообще имѣетъ мѣсто только подъ тѣмъ условіемъ и на тотъ случай, что должно существовать общеніе или взаимное дѣйствіе другъ на друга между свободными существами, какъ свободными, безъ нарушенія ихъ свободы. Но какъ существованіе этого общенія опять зависитъ отъ поведенія того, съ которымъ кто нибудь хочетъ вступить въ общеніе; то дѣйствіе закона права по отношенію къ отдѣльному лицу зависитъ опять отъ того, хочетъ ли другой покориться сему закону, или нѣтъ. Законъ права только дотолѣ имѣетъ силу для меня, доколѣ другой обращается со мною по этому закону; въ противномъ случаѣ самый законъ освобождаетъ меня отъ закона и позволяетъ мнѣ обращаться по моему произволу съ тѣмъ, кто обращается со мною не по закону [744].

§ 487.

Показавши приложимость своего понятія о правѣ, Фихте представляетъ въ системѣ самое ученіе о правѣ. Здѣсь понятіе права разсматривается въ различныхъ видахъ его приложенія и опредѣляется: 1) всеобщее право, заключающееся въ самомъ понятіи лица, что Фихте называетъ основнымъ правомъ (Urrecht); 2) право лица употреблять принужденіе противъ того, кто не сталъ бы уважать его основнаго права; 3) право лица, котораго основное право одинъ разъ было уже нарушено, искать для себя обезпеченія въ гражданскомъ обществѣ [745].

§ 488.

Основное право, по ученію Фихте, есть безусловное право лица быть въ чувственномъ мірѣ только причиною, а никогда дѣйствіемъ. Въ области чувственнаго міра свободное существо, какъ явленіе, тождественно съ своимъ тѣломъ. Почему во 1-хъ тѣло, разсматриваемое какъ лице, должно быть безусловною и послѣднею причиною своего опредѣленія къ дѣятельности: оно не должно быть ни приводимо въ движеніе, ни останавливаемо въ его движеніи внѣшнею причиною, вообще на него со всѣмъ не должно быть дѣйствуемо непосредственно. Во 2-хъ изъ его движенія должно непремѣнно послѣдовать могущее произойти отсюда дѣйствіе въ чувственномъ мірѣ. Въ 3-хъ, движеніе тѣла, какое нужно для того, чтобъ дѣйствовать

[744] Тамъ же S. 55–103
[745] Тамъ же S. 104—128.

на вещь, слѣдуетъ только за познаніемъ и изъ познанія вещи, на которую должно дѣйствовать. Свободное существо въ кругу данныхъ предметовъ и подъ тѣмъ условіемъ, что нѣчто дано, вольно оставить это, какъ оно есть, или измѣнить и сдѣлать такъ, какъ это должно быть сообразно его цѣли; оно вольно сочетавать данные ему разнообразные предметы одинъ съ другимъ, опредѣлять ихъ одинъ посредствомъ другаго, принаровлять ихъ другъ къ другу и соединять ихъ въ одно цѣлое, какое для него нужно: въ противномъ случаѣ оно не было бы свободно и не зависѣло бы единственно отъ своей воли. Но чтобъ разумное существо могло свободно дѣйствовать на предметы, нужно, чтобъ все оставалось въ такомъ положеніи, какъ это уже познано имъ. Итакъ лице имѣетъ право требовать, чтобъ въ объемѣ всего извѣстнаго ему міра все оставалось такъ, какъ это познано имъ, потому что оно сообразуется въ своей дѣятельности съ своимъ познаніемъ, и тотчасъ лишается твердой точки опоры, задерживается въ своихъ дѣйствіяхъ, или видитъ совершенно другіе результаты, чѣмъ какіе оно предполагало, какъ скоро послѣдуетъ въ предметахъ перемѣна безъ его вѣдома. Въ 4-хъ лице хочетъ быть постоянно причиною дѣйствія въ чувственномъ мірѣ, слѣд. оно хочетъ непрерывнаго существованія, хочетъ сохраненія себя. Такимъ образомъ лице въ слѣдствіе своего основнаго права требуетъ вообще, чтобъ между его тѣломъ и чувственнымъ міромъ существовало непрерывное взаимнодѣйствіе, которое бы опредѣлялось и могло быть опредѣлено единственно понятіемъ лица, свободно имъ составленнымъ, о чувственномъ мірѣ [746].

Теперь означено, что вообще заключается въ понятіи свободы. Послѣ сего Фихте опредѣляетъ количество свободы, какая можетъ принадлежать каждому лицу въ его отношеніи къ другимъ лицамъ. По закону права каждый долженъ ограничивать себя возможностію свободы другаго. Почему всякое юридическое отношеніе между опредѣленными лицами зависитъ отъ того, что они взаимно признаютъ другъ друга; по этимъ оно и опредѣляется совершенно. Во 1-хъ какъ скоро я вижу человѣческое тѣло, я долженъ тотчасъ признать его неприкосновеннымъ и слѣдовательно ограничить свою дѣятельность пространствомъ внѣ его; но при этомъ предполагается, что и другой признаетъ меня за человѣка и ограничиваетъ себя для меня. Во 2-хъ я не долженъ касаться предметовъ, которые другое разумное существо уже подчинило своимъ цѣлямъ. Но эти пред-

[746] Тамъ же S. 128—140.

меты мнѣ на первый разъ неизвѣстны. Неизвѣстно также, хочетъ ли другой съ своей стороны оставлять мои вещи неприкосновенными. Эта неизвѣстность должна уничтожиться, если мы должны жить вмѣстѣ по закону права. А мы должны жить, если живемъ вмѣстѣ, по закону права. Слѣдовательно каждый имѣетъ право требовать уничтоженія неизвѣстности права. Кто не хочетъ ее уничтожить, тотъ уже этимъ однимъ показываетъ, что онъ не хочетъ подчиниться закону права; и слѣдовательно онъ не имѣетъ права требовать, чтобъ его воля была уважаема. Какъ же можетъ быть уничтожена неизвѣстность права? Каждое лице должно, какъ скоро ему сдѣлается извѣстнымъ существованіе другаго лица, ограничить свое владѣніе только извѣстною частію чувственнаго міра, и такимъ образомъ оставить что нибудь для другаго лица. Оба лица должны объявить другъ другу, чѣмъ каждый изъ нихъ хочетъ владѣть исключительно. Объявленіе, сдѣланное однимъ, или не противорѣчитъ объявленію другаго, или находится въ противорѣчіи съ нимъ, именно когда оба лица присвояютъ себѣ одну и ту же вещь. Въ первомъ случаѣ они уже согласны между собою. Въ послѣднемъ случаѣ споръ ихъ не можетъ быть рѣшенъ юридически. И такъ или они оба должны сдѣлать соглашеніе между собою, отказавшись взаимно отъ части своихъ требованій; или, когда они не могутъ сдѣлать между собою соглашенія, такъ какъ спорное право на обѣихъ сторонахъ равно, произошелъ бы между ними неразрѣшимый споръ о правѣ, а отсюда возникла бы война, которая можетъ кончиться только погибелью одного изъ нихъ. Какъ война совершенно несогласна съ правомъ; то они должны, чтобъ ея не произошло, поручить рѣшеніе своего спора третьему, предоставить ему свое право сужденія въ настоящемъ случаѣ, и вмѣстѣ средства для сохраненія его рѣшенія въ силѣ на будущее время, слѣдовательно подчинить ему свое право сужденія и свою физическую силу; т. е. они должны вмѣстѣ присоединиться къ какому нибудь гражданскому обществу. Если оба лица или съ самаго начала согласны между собою, или стали между собою согласны въ слѣдствіе сдѣланнаго ими соглашенія; то собственность каждаго изъ нихъ основывается на томъ, что они взаимно по доброй своей волѣ исключаютъ себя отъ употребленія извѣстныхъ вещей, на общей ихъ волѣ. Я исключаюсь отъ владѣнія опредѣленнымъ предметомъ не волею другаго, а единственно своею собственною волею. Еслибы я самъ себя не исключилъ отъ владѣнія вещію, то я вообще не былъ бы исключенъ. Но я долженъ

исключить себя отъ чего нибудь въ слѣдствіе закона права. Какъ люди, дѣлающіе первоначальное объявленіе о предметахъ своего права, не могутъ обнять своимъ объявленіемъ весь чувственный міръ и раздѣлить его между собою; то для предупрежденія спора между ними на будущее время, они должны тотчасъ при первомъ своемъ соглашеніи постановить правило, по которому бы каждый изъ нихъ могъ дѣлать новыя пріобрѣтенія. Такимъ правиломъ можетъ быть только слѣдующее: каждый изъ нихъ долженъ признавать собственностью другаго всякой предметъ, невошедшій въ первоначальное объявленіе, который этотъ послѣдній объявитъ своимъ. Но что, если тотчасъ послѣ того, какъ я овладѣлъ предметомъ, приходитъ другой, котораго я ищу, чтобъ объявить ему о своемъ овладѣніи предмета, овладѣваетъ тѣмъ же предметомъ и теперь идетъ, чтобъ объявить мнѣ о своемъ дѣйствіи? Кому принадлежитъ тогда вещь въ собственность? И такъ овладѣніе и объявленіе должны быть соединены въ одномъ дѣйствіи, т. е. предметъ овладѣваемый долженъ при самомъ его занятіи получить такой видъ, чтобы другой не могъ узнать объ немъ, не узнавши вмѣстѣ, что онъ занятъ. Предметъ долженъ самъ о себѣ дѣлать объявленіе. Слѣдовательно оба лица должны условиться между собою въ извѣстныхъ знакахъ овладѣнія. Лица, вступившія между собою въ соглашеніе относительно собственности, тѣмъ самымъ показываютъ другъ другу, что они покоряются закону права. Почему вмѣстѣ съ симъ обязанность ихъ, признавать взаимно неприкосновенность своихъ тѣлъ, бывшая доселѣ нерѣшенною, получаетъ теперь для каждаго изъ нихъ полную силу. Такимъ образомъ оба лица теперь совершенно опредѣлены въ отношеніи ихъ къ праву. Каждое изъ нихъ имѣетъ свой опредѣленный кругъ дѣйствія въ чувственномъ мірѣ, и они совершенно не могутъ быть въ спорѣ между собою, если будутъ оставаться на своихъ мѣстахъ. Право ихъ уравновѣшено [747].

§ 489.

Право двухъ лицъ теперь опредѣлено взаимнымъ ихъ согласіемъ. Но ихъ взаимная безопасность, говоритъ Фихте, основывается не на этомъ, а на томъ, что они во всѣхъ будущихъ свободныхъ дѣйствіяхъ своихъ сообразуются съ сдѣланнымъ соглашеніемъ. Слѣдовательно при этомъ соглашеніи предполагается довѣріе каждаго изъ нихъ къ другому, что онъ не только будетъ соблюдать свое слово

[747] Тамъ же S. 140—163.

здѣсь и гдѣ онъ почтетъ нужнымъ, но что онъ соблюденіе даннаго слова сдѣлалъ своимъ ненарушимымъ закономъ. Итакъ возможность юридическаго отношенія между лицами въ области естественнаго права основывается на взаимномъ ихъ довѣріи другъ къ другу; какъ скоро это довѣріе однажды потеряно, то оно не можетъ быть уже возстановлено. Послѣ сего нужно особое учрежденіе, которое бы побудило волю свободно опредѣлять себя къ тому, чтобъ ничего не хотѣть, кромѣ того, что можетъ быть совмѣстно съ законною свободою. Какъ можно произвесть въ волѣ такое хотѣніе? Еслибъ можно было такъ устроить вещи, чтобъ изъ хотѣнія незаконной цѣли необходимо и по непреложному закону всегда слѣдовало противное намѣренію; то каждая законопротивная воля стала бы уничтожать сама себя. Положимъ, что лице предвидитъ, что изъ дѣятельности его, направленной къ извѣстной цѣли, необходимо послѣдуетъ противное его намѣренію; въ такомъ случаѣ оно не можетъ уже хотѣть перваго, именно потому, что оно хочетъ этого и отвращается тому противнаго. Сильнѣйшее, теперь именно дѣйствующее, пожеланіе, производитъ равновѣсіе и воля уничтожаетъ сама себя. Требуемое учрежденіе есть, по словамъ Фихте, принудительный законъ (**Zwangsgesetz**). Въ силу такого учрежденія, послѣ того, какъ людьми потеряно взаимное довѣріе, безопасность была бы опять возставлена, и добрая воля сдѣлалась бы ненужною для внѣшняго осуществленія закона права, потому что злая и жадная къ чужому воля самымъ своимъ незаконнымъ желаніемъ была бы приведена къ той же цѣли. Право людей сдѣлать такое учрежденіе несомнительно, потому что иначе, по уничтоженіи взаимнаго довѣрія между ними, не могъ бы господствовать въ отношеніяхъ ихъ законъ права. Но, по замѣчанію Фихте, вредъ можетъ быть сдѣланъ, и безъ намѣренія вредить, по одной невнимательности и неосторожности. Между тѣмъ человѣкъ долженъ, чтобъ можно было безопасно жить подлѣ него, обнаруживать свою физическую силу обдуманнымъ образомъ. Онъ долженъ столько же заботиться о томъ, чтобъ не нарушать правъ другаго, сколько онъ заботится о томъ, чтобъ его права не были нарушаемы. Чѣмъ можно побудить меня имѣть такое попеченіе? Тѣмъ, когда вещи такъ устроены, что, по непреложному закону каждая потеря, которая причиняется другому моею неосторожностью, причиняется мнѣ самому. Итакъ законъ принудительный направленъ какъ противъ злоумышленнаго, такъ и противъ ненамѣреннаго нарушенія правъ одного другимъ лицемъ.

По смыслу закона принудительнаго требуется могущество, которое бы пресѣкало всякое нарушеніе правъ и съ необоримою силою наказывало ихъ нарушителя; такое могущество должно быть учреждено тѣми, которые, по уничтоженіи между ними взаимнаго довѣрія, хотятъ и должны хотѣть взаимной безопасности. Для сего они должны дать другъ другу обѣщаніе — всегда обращать свои соединенныя силы противъ того изъ нихъ, кто бы захотѣлъ обидѣть другихъ, чтобъ принудить его отстать отъ обиды и наказать его за нарушеніе чужихъ правъ. Но такое взаимное обязательство можетъ быть, по ученію Фихте, приведено въ дѣйствіе только въ гражданскомъ обществѣ. Итакъ, заключаетъ Фихте, естественное право въ томъ смыслѣ, въ какомъ нерѣдко принимали это слово, т. е. какъ право внѣ государства, совсѣмъ не существуетъ. Но что мы теряемъ на одной сторонѣ, говоритъ Фихте, то пріобрѣтаемъ на другой: государство само дѣлается естественнымъ состояніемъ человѣка, и законы государства должны быть не другимъ чѣмъ, какъ осуществленнымъ естественнымъ правомъ [748].

§ 490.

Въ ученіи о государствѣ Фихте, сдѣлавши общій выводъ понятія этого общества [749], подробно разсматриваетъ и опредѣляетъ: 1) образъ происхожденія государства, 2) существо гражданскихъ законовъ о собственности и преступленіяхъ, 3) учрежденіе власти общественной.

§ 491.

Государство, по мнѣнію Фихте, возникаетъ въ слѣдствіе соглашенія между людьми. Никакое юридическое отношеніе между людьми невозможно, если не опредѣлена съ точностію граница, до какой можетъ простираться свободное дѣйствіе каждаго лица, или, что тоже, если не опредѣлены права собственности каждаго. Почему прежде всего люди должны согласиться между собою въ тѣхъ правахъ, которыя каждый изъ нихъ долженъ имѣть. Но собственность каждаго признается каждымъ другимъ только дотолѣ, доколѣ первый самъ признаетъ собственность этого послѣдняго: такимъ образомъ каждый представляетъ всю свою собственность въ залогъ того, что онъ не будетъ нарушать собственности другихъ. Каждый, далѣе,

[748] Тамъ же S. 163—178.
[749] Тамъ же S. 179—229.

обязуется помогать всѣмъ другимъ защищать признанную имъ собственность, подъ условіемъ, что и они съ своей стороны будутъ помогать ему защищать его собственность противъ насилія. Чтобъ исполненіе обязательства взаимной защиты не оставалось сомнительнымъ, въ тоже время образуется сила, потребная для защиты; для составленія этой силы каждый даетъ отъ себя свой участокъ. Понятіе того, что должно быть защищаемо, говоритъ Фихте, до времени остается еще неопредѣленнымъ, и въ слѣдствіе этого изъ отдѣльныхъ лицъ, какія доселѣ существовали, образуется вещественное, дѣйствительное цѣлое, т. е. цѣлое, въ которомъ соединеніе частей между собою основывается на чемъ нибудь дѣйствительномъ, а не на понятіи, произвольно составленномъ. Никто не знаетъ, кому первому будетъ сдѣлана обида; она можетъ постигнуть каждаго; слѣдовательно каждый можетъ думать, что весь этотъ общественный порядокъ учреждается только для его пользы и потому охотно даетъ отъ себя небольшой участокъ силы для составленія общей силы. Обида можетъ постигнуть и другаго. Но теперь гражданинъ соединилъ уже свой участокъ съ цѣлымъ и не можетъ потребовать его обратно. Эта неопредѣленность, эта неизвѣстность, кто будетъ обиженъ, есть связь соединяющая. Въ слѣдствіе обязательства, взаимно принятаго лицами, защищать того изъ среды своей, на кого сдѣлано будетъ нападеніе, образуется изъ нихъ дѣйствительно одно цѣлое, въ которомъ всѣ они сливаются. Наконецъ, по словамъ Фихте, всѣ обязываются быть покорными волѣ составленнаго такимъ образомъ цѣлаго, еслибъ они сдѣлались преступниками противъ него.

Опредѣливши порядокъ образованія государства, Фихте вообще замѣчаетъ, что до него понятіе государства, какъ цѣлаго, составляли только посредствомъ соединенія отдѣльныхъ лицъ въ одномъ, произвольно сдѣланномъ, понятіи, и тѣмъ сами для себя заграждали познаніе истиннаго свойства этого отношенія. Такимъ образомъ, говоритъ Фихте, можно соединить все, что угодно, въ одно цѣлое. Соединяющая связь въ этомъ случаѣ есть только наше мышленіе. Все соединенное тотчасъ снова раздѣляется, какъ скоро мы дѣлаемъ другое соединеніе, что совершенно зависитъ отъ нашего произвола. Дѣйствительное соединеніе можетъ произойти не прежде, какъ тогда, когда соединяющая связь будетъ учреждена независимо отъ понятія. Самый приличнѣйшій образъ для объясненія понятія о государствѣ, какъ цѣломъ, есть органическое естественное произве-

деніе, понятіе, которое въ новѣйшія времена часто употребляли для того, чтобы изобразить единство различныхъ вѣтвей государственной власти, но, сколько мнѣ извѣстно, говоритъ Фихте, не для того, чтобы изобразить этимъ все гражданское отношеніе. Какъ въ органическомъ произведеніи каждая часть можетъ быть тѣмъ, чѣмъ она есть, только въ томъ соединеніи, въ какомъ она находится, а внѣ его совсѣмъ не была бы тѣмъ, чѣмъ она есть, и даже внѣ всякаго органическаго союза была бы совершенно ничто, такъ какъ безъ взаимнаго дѣйствія органическихъ силъ одной на другую, сохраняющихъ себя взаимно въ равновѣсіи, не могло бы существовать никакого твердаго вида, а была бы вѣчная борьба бытія и небытія, которой мы себѣ не можемъ и представить: такимъ же образомъ человѣкъ только въ государственномъ союзѣ получаетъ для себя опредѣленное мѣсто въ ряду вещей, точку покоя въ природѣ, и каждый получаетъ это опредѣленное мѣсто противъ другихъ и противъ природы только тѣмъ, что онъ находится въ этомъ опредѣленномъ соединеніи. Внѣ такого соединенія существовало бы только преходящее наслажденіе, между тѣмъ какъ и въ малѣйшей степени никогда нельзя было бы положиться на что нибудь будущее; даже это преходящее наслажденіе извѣстною вещію не было бы добросовѣстнымъ при той мысли, что, можетъ быть, есть еще другіе, намъ равные, люди, которые имѣютъ на нее такое же право, какъ и мы. Посредствомъ соединенія всѣхъ органическихъ силъ между собою учреждается природа; посредствомъ соединенія воль всѣхъ людей учреждается человѣчество. Человѣкъ, дѣйствующій отдѣльно отъ другихъ, дѣйствуетъ единственно для того, чтобъ удовлетворить своимъ потребностямъ, и ни одна изъ нихъ не удовлетворяется, развѣ посредствомъ его собственнаго дѣйствованія; чѣмъ онъ есть во внѣшности, онъ есть самъ собою. Напротивъ гражданинъ долженъ многое дѣлать и многаго не предпринимать не для себя самого, а для другихъ; въ замѣнъ того удовлетворяются самыя высочайшія его потребности, безъ его содѣйствія, посредствомъ дѣйствія другихъ. Въ органическомъ тѣлѣ каждая часть непрерывно сохраняетъ цѣлое, и, сохраняя его, тѣмъ сохраняется сама; въ такомъ же отношеніи находится гражданинъ къ государству. Въ одномъ случаѣ, равно какъ и въ другомъ, ненужно еще особенное какое нибудь устройство для сохраненія цѣлаго: пусть только каждая часть или каждый гражданинъ сохраняетъ себя самого на томъ мѣстѣ, которое опредѣлено ему въ цѣломъ, — онъ будетъ тѣмъ самымъ сохранять

въ своей части и цѣлое; цѣлое именно тѣмъ, что оно каждую часть сохраняетъ въ этомъ своемъ мѣстѣ, возвращается само въ себя и сохраняетъ самого себя [750].

§ 492.

При установленіи государства, по ученію Фихте, каждому назначается опредѣленная часть чувственнаго міра, какъ сфера его свободной дѣятельности. Ближайшее опредѣленіе предоставленнаго каждому исключительнаго права, говоритъ Фихте, есть возможность существованія. И такъ возможность жить есть безусловная, неотчуждаемая собственность каждаго человѣка въ государствѣ. Почему, говоритъ Фихте, коренное начало разумнаго учрежденія государства есть слѣдующее: должно, чтобы каждый могъ жить въ немъ своею работою. Съ самымъ учрежденіемъ государства всѣ обѣщаютъ всѣмъ, что работа каждаго изъ нихъ дѣйствительно будетъ достаточна для достиженія этой цѣли. Почему бѣдный имѣетъ неотъемлемое право на вспоможеніе со стороны государства, но подъ тѣмъ условіемъ, что, не смотря на всѣ свои усилія, онъ не можетъ заработать столько, сколько ему нужно для того, чтобъ онъ могъ жить. Отсюда Фихте выводитъ право государства имѣть надзоръ, работаетъ ли каждый въ своей сферѣ столько, сколько нужно для его существованія. Какъ въ государствѣ не должно быть безусловно бѣдныхъ, такъ въ немъ не должно быть и людей праздношатающихся. Послѣ сего Фихте переходитъ къ разсмотрѣнію разныхъ видовъ промышленности, коими человѣкъ можетъ доставать себѣ пропитаніе и производство коихъ для того или другаго изъ гражданъ можетъ составить его право собственности. Сначала онъ говоритъ о земледѣліи, скотоводствѣ, горныхъ промыслахъ, лѣсоводствѣ, рыбной и звѣриной ловлѣ. Въ этихъ вѣтвяхъ промышленности человѣкъ имѣетъ въ виду только овладѣть естественными произведеніями, или такъ, что при томъ частію помогается природѣ въ образованіи ихъ, куда относятся земледѣліе и скотоводство, или такъ, что безъ всякаго пособія со стороны искуства предметы, произведенные природою, только ищутся и собираются, куда принадлежатъ горные промыслы, грубое лѣсоводство, грубая рыбная и звѣриная ловля. Гражданъ, занимающихся означенными видами промышленности, Фихте называетъ общимъ именемъ производителей. Но грубыя произведенія природы, чтобъ соотвѣтствовать цѣлямъ человѣка, могутъ потребовать еще особен-

[750] Grundlage des Naturrechts. II. Theil. Jena und Leipzig, 1797. S. 1—26.

наго искуственнаго приготовленія. Надобно ожидать, говоритъ Фихте, что тогда, какъ одни получаютъ себѣ пропитаніе промыслами перваго рода, другіе будутъ доставать его себѣ, переработывая грубыя произведенія. Гражданъ этого рода Фихте называетъ вообще художниками. Производство мѣны однихъ произведеній на другія дѣлаетъ своимъ особеннымъ занятіемъ купеческое сословіе. По отношенію ко всѣмъ означеннымъ видамъ промышленности Фихте принимаетъ разныя стѣснительныя мѣры, приписывая государству безусловное право наблюдать за работами промышленниковъ и управлять вообще ходомъ промышленности. Всѣ подробности, сюда относящіяся, онъ хочетъ вывести путемъ философическимъ. Такимъ образомъ онъ выводитъ необходимость существованія цеховъ, денегъ, домовъ и такъ далѣе до самыхъ мелочныхъ вещей [751].

Что касается законодательства уголовнаго, по ученію Фихте, каждое преступленіе, собственно говоря, должно имѣть своимъ послѣдствіемъ изверженіе гражданина, его сдѣлавшаго, изъ гражданскаго союза; однако же, если общественная безопасность можетъ быть сохранена безъ этого, то преступнику можетъ быть позволено подвергнуться другому наказанію. Наказаніе есть только средство для достиженія послѣдней цѣли государства, т. е. общей безопасности; единственное намѣреніе при наказаніи состоитъ въ томъ, чтобы, угрожая имъ, предупредить преступленія. На основаніи этихъ общихъ началъ Фихте рѣшаетъ всѣ вопросы о наказаніи преступленій, и особенно о заточеніи, изгнаніи изъ государства и смертной казни [752].

§ 493.

Учрежденіе власти общественной у Фихте представляется весьма сложнымъ. Основывая государство на недовѣріи, онъ поставляетъ въ этомъ случаѣ главною задачею, чтобы люди, имѣющіе въ своихъ рукахъ власть общественную, не могли употребить ее во зло. Для предупрежденія этого онъ находитъ нужнымъ учредить, подъ названіемъ эфоровъ, особыхъ чиновниковъ, которые бы, избраны будучи народомъ, какъ повѣренные его, наблюдали за всѣми дѣйствіями власти общественной, а въ случаѣ замѣченныхъ злоупотребленій съ ея стороны могли пріостановить даже всю ея дѣятельность, и созвавши народъ, предложить все дѣло на его разсмотрѣніе. При та-

[751] Тамъ же S. 27 - 95.
[752] Тамъ же S. 95—132.

комъ учрежденіи правительство, по мнѣнію Фихте, можетъ состоять изъ одного лица или нѣсколькихъ , и притомъ быть избирательнымъ или наслѣдственнымъ [753].

Высшей власти общественной Фихте даетъ право для отправленія суда назначать подчиненныхъ ей судей , на которыхъ жалоба приносится ей самой и которые отвѣтствуютъ только передъ нею. Относительно порядка судопроизводства Фихте замѣчаетъ , что судебныя доказательства ведутся такъ же, какъ и всѣ другія, и слѣдовательно судопроизводство имѣетъ главнымъ своимъ источникомъ Логику и здравый человѣческій смыслъ [754].

Наконецъ Фихте разсуждаетъ объ устройствѣ полиціи. Государство находится въ непрерывномъ отношеніи къ гражданамъ. На тѣ случаи, когда гражданинъ можетъ приносить жалобу, и дѣйствительно приноситъ ее , связь между обѣими сторонами найдена ; но есть множество предметовъ , по отношенію къ коимъ не приносится жалобы , такъ какъ правительство по своей обязанности уже должно имѣть здѣсь наблюденіе. Для такихъ случаевъ должно существовать особенное средство соединенія между исполнительною властію и подданными, и это средство соединенія, говоритъ Фихте, есть полиція. Посредствомъ полиціи только дѣлается возможнымъ непрерывное взаимнодѣйствіе между обѣими сторонами. Полиція съ одной стороны имѣетъ обязанность обезопасить гражданъ противъ нападеній отъ другихъ людей и противъ различныхъ несчастныхъ случаевъ. Для сего она предписываетъ гражданамъ для исполненія извѣстные законы, которыхъ цѣлію есть обезпеченіе согражданъ ихъ отъ обидъ, облегченіе надзора, открытіе виновныхъ. Главнымъ правиломъ благоустроенной полиціи есть слѣдующее : должно, чтобъ каждый гражданинъ вездѣ, гдѣ только это нужно, могъ быть тотчасъ узнанъ. Для сего Фихте постановляетъ , чтобы каждый всегда носилъ съ собою паспортъ , въ которомъ бы лице его было съ точностію описано. У важнѣйшихъ особъ вмѣсто описанія, которое всегда остается неточно, можетъ быть нарисованъ на паспортѣ вѣрный портретъ особы. Что происходитъ въ домѣ, о томъ полиція не знаетъ; но что происходитъ на улицѣ, черезъ которую надобно итти и въ самый домъ, то необходимо подлежитъ ея надзору. Кромѣ обязанности защищать гражданъ , полиція , по ученію Фихте , имѣетъ съ другой стороны право требовать отъ нихъ исполненія законовъ какъ гражданскихъ,

[753] Тамъ же S. 133—137. (Ср. Grundlage des Naturrechts, I. Th. S. 179—229).
[754] Тамъ же S. 137—140.

такъ и полицейскихъ. Она должна отвѣчать за каждое преступленіе, которое совершается въ предѣлахъ государства, и непремѣнно поймать преступника. Каждый, кто имѣетъ искушеніе нарушить законъ, долженъ вѣрно знать напередъ, что онъ будетъ открытъ и наказанъ совершенно извѣстнымъ ему образомъ. Если преступникъ съ большою вѣроятностію можетъ надѣяться, что онъ останется не узнанъ и не наказанъ, что тогда удержитъ его отъ преступленія? Въ такомъ случаѣ, не смотря на самые мудрые законы, какіе мы имѣемъ, не живемъ ли мы въ состояніи природы, гдѣ каждый дѣлаетъ, что можетъ, и гдѣ мы всегда зависимъ отъ доброй воли другихъ? Тогда будетъ явная несправедливость наказывать по всей строгости закона тѣхъ немногихъ, которые могутъ быть пойманы. Это требованіе, чтобъ въ государствѣ каждый преступникъ могъ быть пойманъ и наказанъ, Фихте почитаетъ до такой степени неустранимымъ, что если оно не можетъ быть выполнено, то и государство и всякое право между людьми должны быть признаны невозможными. Въ своемъ государствѣ Фихте находитъ это требованіе исполнимымъ. Въ государствѣ, говоритъ онъ, какое нами описано, все происходитъ въ своемъ порядкѣ: каждый имѣетъ свое опредѣленное состояніе; полиція почти всегда знаетъ, гдѣ кто находится въ каждый часъ дня, и чѣмъ онъ занимается. Каждый здѣсь долженъ работать. Каждый можетъ съ помощію своего паспорта тотчасъ быть узнанъ на мѣстѣ. Преступленіе въ такомъ государствѣ есть нѣчто крайне необыкновенное; ему предшествуетъ какое то необыкновенное движеніе; полиція, замѣтивши это движеніе, тотчасъ обращаетъ на него вниманіе [755].

§ 494.

Къ своему естественному праву Фихте дѣлаетъ *два прибавленія*. Въ первомъ онъ излагаетъ *семейственное право*, разсматривая здѣсь *союзъ супружескій* и *союзъ родителей и дѣтей*, во второмъ — *право народное* и *всемірногражданское*.

§ 495.

Бракъ въ глазахъ Фихте, не есть только юридическое общество, подобно государству; это есть также естественное и нравственное общество.

Природа, по словамъ Фихте, основала непрерывность сохраненія человѣческаго рода на естественномъ побужденіи, раздѣленномъ

[755] Тамъ же S. 140—157.

по двумъ особеннымъ поламъ, которое, по видимому, существуетъ только само для себя, и ничего не имѣетъ въ виду, кромѣ собственнаго своего удовлетворенія. По особенному устройству природы при удовлетвореніи этого побужденія одинъ полъ является только дѣйствующимъ, другой только страждущимъ. Но характеръ ума есть самодѣятельность; страданіе для одного страданія противорѣчитъ уму и совершенно его уничтожаетъ. По сей причинѣ Фихте находитъ необходимымъ, чтобы естественное побужденіе въ женскомъ полѣ явилось также подъ видомъ стремленія къ дѣятельности, и притомъ къ дѣятельности, свойственной только этому полу. Такой видъ дѣятельности есть любовь. Женщина предаетъ себя мущинѣ изъ любви къ нему, какъ естественному для ней человѣку, и тѣмъ сохраняетъ свое нравственное достоинство. Но если бы любовь къ избранному мущинѣ когда нибудь могла прекратиться въ женщинѣ и она когда нибудь должна была перестать видѣть въ своемъ мужѣ человѣка, болѣе всѣхъ другихъ изъ его пола достойнаго любви; если бы даже она могла вообразить себѣ только возможность этого: то она сдѣлалась бы презрительною въ собственныхъ своихъ глазахъ. Итакъ, предаваясь мущинѣ изъ любви, она, по словамъ Фихте, необходимо предполагаетъ, что настоящее расположеніе ея духа никогда не кончится, что оно вѣчно. Та, которая однажды отдаетъ себя, отдаетъ себя навсегда. Та, которая отдаетъ свою личность съ сохраненіемъ своего человѣческаго достоинства, необходимо отдаетъ возлюбленному все, что она имѣетъ: если бы преданность ея не была неограниченною, и она удержала при томъ что нибудь, даже малѣйшее, для себя; то она тѣмъ показала бы, что удержанное ею для себя имѣетъ большую цѣну для ней, чѣмъ собственное ея лице. Слѣдствіемъ этого, говоритъ Фихте, есть то, что она уступаетъ своему мужу все свое имущество, всѣ свои права, и идетъ туда, куда онъ идетъ. Только въ соединеніи съ нимъ, только подъ его глазами и въ его дѣлахъ она имѣетъ еще жизнь и дѣятельность. Она перестала вести жизнь отдѣльную; жизнь ея сдѣлалась частію жизни ея мужа. — Положеніе мужа въ такомъ случаѣ представляется для Фихте въ слѣдующемъ видѣ: мужъ обозрѣваетъ все отношеніе, какъ сама жена никогда не можетъ его обозрѣть; онъ видитъ, что существо, первоначально свободное, свободно и съ неограниченнымъ довѣріемъ покорилось ему безусловно; онъ видитъ, что эта женщина поставила въ совершенную отъ него зависимость не только свою внѣшнюю судьбу, но и свое внутреннее душевное спокойствіе, свой нравственный характеръ.

Какъ нравственность въ женщинѣ обнаруживается любовію, такъ въ мущинѣ нравственный характеръ обнаруживается великодушіемъ. Мущина хочетъ быть сначала властелиномъ; но кто предается ему съ довѣріемъ, противъ того онъ отлагаетъ свою власть. Въ слѣдствіе этого естественнаго великодушія мущина самымъ отношеніемъ къ своей супругѣ принуждается быть достойнымъ уваженія, такъ какъ все ея спокойствіе зависитъ отъ того, что она можетъ уважать его выше всего. Ея спокойствіе, далѣе, зависитъ отъ того, что она совершенно покорена своему супругу, и не имѣетъ другой воли, кромѣ его воли; отсюда слѣдуетъ, что онъ, такъ какъ онъ знаетъ объ этомъ, не отрекшись отъ своей собственной природы и достоинства, отъ великодушія, ему свойственнаго, ничего не упуститъ, чтобы облегчить, сколько возможно, ея положеніе. Онъ будетъ узнавать ея желанія, чтобъ заставить ее дѣлать, какъ его собственную волю, то, что она, бывъ предоставлена себѣ самой, сдѣлала бы съ наибольшею охотою. Послѣ сего супруга любящая, которой сердце не удовлетворяется повиновеніемъ, ничего ей не стоющимъ, необходимо будетъ опять съ своей стороны стараться узнать сокровенныя, высшія желанія своего мужа и исполнять ихъ съ пожертвованіями. Чѣмъ больше жертва, тѣмъ совершеннѣе удовлетворено ея сердце. Отсюда образуется взаимная супружеская нѣжность, нѣжность чувствованій и отношеній. Каждая сторона хочетъ отказаться отъ своей личности, чтобъ господствовала только личность другой стороны; каждая сторона находитъ свое удовольствіе только въ удовольствіи другой стороны; мѣна сердецъ и воль дѣлается совершенною. Только въ соединеніи съ любящею женщиною сердце мущины открывается для любви, которая предаетъ себя другому и теряется въ своемъ предметѣ. Только въ супружескомъ союзѣ женщина узнаетъ великодушіе и пожертвованіе съ сознаніемъ и по понятіямъ. Такимъ образомъ соединеніе двухъ лицъ съ каждымъ днемъ ихъ общей жизни все дѣлается тѣснѣе и тѣснѣе. Такой союзъ, каковъ описанный, говоритъ Фихте, называется бракомъ; это есть основанное на естественномъ побужденіи половъ совершенное соединеніе двухъ лицъ разнаго пола, имѣющее само себя своею цѣлію, такъ какъ, по замѣчанію Фихте, брачная жизнь есть истиннѣйшій, требуемый самою природою, образъ бытія возрастнаго человѣка того и другаго пола. Истиннымъ видомъ брака Фихте признаетъ соединеніе одного мущины и одной женщины: женщина, которая вся предалась одному, не можетъ отдать себя еще другому; мущина, который долженъ сообразоваться

съ волею и съ самыми тихими желаніями одной, чтобы ее осчастливить, не можетъ сообразоваться съ желаніями многихъ, которыя сами не соединены между собою. Равнымъ образомъ Фихте признаетъ брачный союзъ по существу его такимъ союзомъ, который долженъ быть заключаемъ навсегда: женщина, не отказавшись отъ своего женскаго достоинства, не можетъ предположить, чтобы она когда нибудь перестала любить своего мужа болѣе всѣхъ изъ его пола; равно мущина, не отказавшись отъ своего мужескаго великодушія, не можетъ предположить, чтобы онъ пересталъ любить свою жену болѣе всѣхъ изъ ея пола [756].

Выведши философически существо брака, Фихте разсматриваетъ послѣ сего разные, чисто юридическіе, вопросы, сюда относящіеся. На обязанности государства защищать личность своихъ гражданъ онъ основываетъ обязанность власти общественной защищать гражданокъ противъ насилія и противъ принужденія вступать въ бракъ. Для сего, по ученію Фихте, государство должно подтверждать всѣ браки, заключаемые его подданными. Мужъ заступаетъ предъ государствомъ свою жену; почему дѣятельность ея, по словамъ Фихте, ограничивается домашнею жизнію. Мужъ располагаетъ ея имуществомъ; они живутъ въ одномъ домѣ. Наконецъ Фихте говоритъ о расторженіи брака въ слѣдствіе нарушенія обязанностей его тою или другою стороною [757].

§ 496.

Такимъ же образомъ первоначальное отношеніе между родителями и дѣтьми, по мнѣнію Фихте, опредѣляется не однимъ понятіемъ права, но природою и нравственностію. Плодъ образуется въ чревѣ матери, какъ часть, къ ней принадлежащая. Здоровье и сохраненіе ея въ состояніи беременности связано съ сохраненіемъ плода. Она сознаетъ это и съ сознаніемъ заботится о сохраненіи своего плода. Далѣе, дитя рождается не безъ болѣзни для матери. Почему минута, когда оно является на свѣтъ, есть минута, въ которую мать освобождается отъ боли, и потому необходимо радостное для ней мгновеніе. Она привязывается радостію къ бытію своего дитяти. И послѣ того, какъ дитя родится, органическая связь между имъ и матерью не разрушается. Въ матери все еще приготовляется пища, которую давать она чувствуетъ въ себѣ такую же потреб-

[756] Тамъ же S. 158—178.
[757] Тамъ же S. 178—212.

ность, какую дитя — принимать. Этотъ законъ природы необходимо побуждаетъ животныхъ продолжать въ извѣстномъ отношеніи образованіе тѣла внѣ ихъ. Въ матери изъ рода человѣческаго онъ обнаруживается тѣмъ, что она чувствуетъ потребность другаго, какъ свою собственную потребность, т. е. состраданіемъ. И такъ подъ видомъ состраданія является между людьми натуральный инстинктъ матери, влекущій ее къ своему дитяти. Это состраданіе имѣетъ въ виду физическое сохраненіе дитяти. Такъ объясняетъ себѣ Фихте происхожденіе чувства материнскаго! Для объясненія чувствъ отцевскихъ онъ замѣчаетъ, что въ людяхъ вообще, а слѣдовательно и въ мущинѣ есть стремленіе принимать участіе, даже страстное, въ существѣ слабомъ и безпомощномъ. Это общее стремленіе, безъ сомнѣнія, будетъ говорить въ отцѣ и за его дитя; но въ такомъ случаѣ для отца не было бы никакого основанія любить преимущественно свое дитя. Особенная любовь отца къ своему дитяти, по словамъ Фихте, первоначально происходитъ изъ его нѣжнаго расположенія къ матери: эта нѣжность дѣлаетъ всѣ желанія и всѣ цѣли матери собственными его цѣлями, почему и забота матери о сохраненіи дитяти дѣлается его собственною. Родители, — говоритъ Фихте, объясняя дальнѣйшія отношенія между родителями и дѣтьми, — живутъ вмѣстѣ и дитя, какъ существо, самою природою порученное ихъ заботливости, должно жить вмѣстѣ съ ними. Въ человѣкѣ есть естественное стремленіе повсюду внѣ себя, гдѣ только есть вѣроятность, предполагать разумъ, и обращаться съ предметами такъ, какъ будтобы они имѣли его. Почему родители будутъ обращаться съ своимъ дитятею такимъ же образомъ и вызывать его къ свободной дѣятельности; такимъ образомъ мало по малу обнаружатся въ немъ разумъ и свобода. Любя свое дитя, родители воспитаютъ его такъ, чтобы оно въ послѣдствіи времени могло жить само собою. Каждый нравственнодобрый человѣкъ долженъ распространять внѣ себя нравственность и повсюду споспѣшествовать ей; почему родители, если они нравственнодобрые люди, употребятъ всѣ средства, чтобъ воспитать свое дитя для нравственности. Только родители обозрѣваютъ цѣль воспитанія; дѣти не видятъ ея, именно потому, что они должны быть только еще воспитаны. Какія по сему средства необходимы для достиженія этой цѣли, могутъ судить только родители, а не дѣти; почему дѣти относительно своего воспитанія безусловно подчинены своимъ родителямъ [758].

[758] Тамъ же S. 227—236.

Выведши философски отношеніе между родителями и дѣтьми, Фихте опредѣляетъ послѣ сего юридическую сторону этого отношенія. Онъ говоритъ о правѣ государства имѣть наблюденіе, чтобъ дитя было воспитываемо, хотя и не вмѣшиваться въ самый образъ воспитанія; онъ разсматриваетъ способъ и послѣдствія прекращенія власти родительской; разсуждая объ имуществѣ дѣтей, рѣшаетъ вопросъ, могутъ ли они имѣть его; наконецъ опредѣляетъ, кому должны принадлежать дѣти въ случаѣ развода между родителями [759].

§ 497.

Излагая народное право, Фихте прежде всего изъ общихъ началъ своего ученія о правѣ выводитъ то положеніе, что человѣкъ, который не находится въ союзѣ государственномъ, можетъ первымъ государствомъ, съ какимъ встрѣтится, законно быть принужденъ или покориться ему, или удалиться изъ близи его. Въ слѣдствіе этого, говоритъ Фихте, всѣ люди, живущіе на земной поверхности, мало по малу соединились бы въ одно государство. Но столько же возможно и то, чтобы толпы людей, живущія въ совершенномъ отдѣленіи другъ отъ друга и ничего незнающія одна о другой, въ различныхъ мѣстахъ образовали различныя государства. Люди, живущіе въ этихъ государствахъ, ничего не знаютъ другъ о другѣ, почему и не находятся ни въ какомъ юридическомъ отношеніи другъ къ другу. Но положимъ, что два гражданина изъ разныхъ государствъ какимъ нибудь случаемъ встрѣчаются другъ съ другомъ. Каждый изъ нихъ требуетъ отъ другаго ручательства своей безопасности. Чтобъ удовлетворить этому взаимному требованію, они должны были бы покориться общему судіи; но каждый изъ нихъ имѣетъ уже своего судію. И такъ, по словамъ Фихте, самые ихъ судіи должны соединиться между собою и въ дѣлахъ, которыя касаются ихъ обоихъ, сдѣлаться общимъ ихъ судьею, т. е. ихъ государства должны взаимно дать другъ другу обѣщаніе наказывать и вознаграждать несправедливость, какая будетъ причинена однимъ изъ его гражданъ гражданину другаго, такъ какъ бы она была сдѣлана противъ его собственнаго гражданина, и слѣдовательно они должны заключить между собою договоръ. Въ этомъ договорѣ государствъ между собою, какъ думаетъ Фихте, необходимо содержится и то условіе, что они взаимно признаютъ другъ друга и что каждый поручительство другаго относительно законности поведенія его

[759] Тамъ же S. 236—247.

гражданъ находитъ достаточнымъ. Каждый народъ, имѣющій правительство, можетъ по праву требовать, чтобъ сосѣдственныя государства признали его. Что касается народа, который не имѣетъ никакого правительства, Фихте даетъ сосѣдственному государству право или покорить его себѣ, или принудить его учредить у себя правительство, или наконецъ заставить его удалиться изъ своего сосѣдства. Сосѣдственныя государства тѣмъ, что они взаимно признаютъ другъ друга, по ученію Фихте, обезпечиваютъ взаимно другъ другу и всѣ права собственности, принадлежащія ихъ гражданамъ. Въ слѣдствіе договора, заключеннаго между собою государствами, они имѣютъ право взаимно наблюдать, исполняются ли каждымъ изъ нихъ условія договора. Это наблюденіе совершается посредствомъ посланниковъ, право которыхъ Фихте и опредѣляетъ согласно съ цѣлію ихъ установленія. Нарушеніе договора, такъ же какъ и отказъ въ признаніи государства, даетъ обиженному государству право начать войну; цѣлію войны Фихте почитаетъ уничтоженіе самостоятельности государства, противъ котораго она поднята. Но въ войнѣ можетъ одержать верхъ столько же правая сторона, сколько и неправая. Какъ устроить, чтобъ верхъ одерживало въ ней всегда правое дѣло? Учрежденіе, нужное для этого, Фихте видитъ въ союзѣ государствъ между собою. Но Фихте почитаетъ невозможнымъ доказать, чтобы союзъ народовъ не могъ сдѣлать несправедливаго приговора, такъ же, какъ нельзя доказать, чтобъ судья въ государствѣ не могъ сдѣлать такого приговора; доколѣ чистый умъ не явился въ собственномъ своемъ лицѣ на землѣ, дотолѣ всегда нуженъ будетъ какой нибудь высшій судія, который, такъ какъ онъ всегда будетъ конеченъ, можетъ или ошибиться или умышленно сдѣлать неправый приговоръ. Во всякомъ случаѣ, по мѣрѣ того, какъ союзъ народовъ будетъ расширяться или мало по малу обнимать всю землю, будетъ, говоритъ Фихте, наступать вѣчный миръ — единственное, согласное съ правомъ, отношеніе государствъ другъ къ другу [760].

§ 498.

Права гражданъ одного государства по отношенію къ другому государству опредѣляются взаимными договорами этихъ государствъ. Но если иностранецъ вступаетъ въ предѣлы государства, не состоя съ нимъ посредственно или непосредственно въ договорѣ, то спрашивается: надобно ли смотрѣть на этого пришельца, какъ

[760] Тамъ же S. 248—265.

на человѣка, неимѣющаго никакихъ правъ, или онъ имѣетъ какія нибудь и какія именно? Онъ, по ученію Фихте, имѣетъ право на то, чтобъ всѣ другіе люди по отношенію къ нему предполагали, что они посредствомъ договора могутъ вступить въ юридическое съ нимъ отношеніе. Изъ этого права Фихте выводитъ для него право вступать въ предѣлы чужаго государства, потому что онъ не иначе можетъ сдѣлать попытку, поставить себя въ законное отношеніе къ тому или другому государству, какъ вступивши въ его область и предложивши ему свой союзъ. Въ этомъ правѣ свободно ходить по всему земному шару и предлагать другимъ вступить съ нимъ въ законный союзъ, причемъ однакоже государство, которому онъ можетъ сдѣлать свои предложенія, властно принять его, или отвергнуть, только не вредя его сохраненію, Фихте поставляетъ право простаго гражданина міра [761].

§ 499.

Законъ права, по ученію Фихте, имѣетъ въ виду собственное свое уничтоженіе. Для существъ вполнѣ нравственныхъ нѣтъ никакого закона права: то, что бы должно было дѣлать по этому закону, дѣлается и безъ него, а того, что онъ запрещаетъ, никто никогда не хочетъ. Но люди не принадлежатъ къ разряду такихъ существъ. Человѣкъ долженъ быть только еще воспитанъ и самъ воспитать себя для нравственности [762]. Для этого, чтобъ возвыситься въ область чистой нравственности, онъ долженъ пройти чрезъ государство [763].

Хотя, по предположенію Фихте, естественное право должно было уничтожить раздѣленіе человѣческаго рода на множество отдѣльныхъ лицъ; но этого не происходитъ, потому что всегда существуетъ множество государствъ. Съ большимъ успѣхомъ предпринимаетъ правоученіе возстановить *я*, которое въ правѣ распадается на множество отдѣльныхъ лицъ, въ его первоначальномъ единствѣ. Послѣдняя цѣль моего дѣйствованія, говоритъ Фихте, есть освобожденіе моего *я* отъ поставленной ему внѣшнимъ міромъ, природою, границы. Но эта цѣль для всѣхъ свободныхъ существъ одна, и слѣдовательно освобожденіе одного изъ нихъ есть вмѣстѣ освобожденіе всѣхъ. Почему стремленіе къ самостоятельности имѣетъ въ виду не какое нибудь

[761] Тамъ же S. 265—269.
[762] Grundlage des Naturrechts. I. Th. S. 178.
[763] Grundlage des Naturrechts. II. Th. S. 21.

опредѣленное лице, но самостоятельность разума вообще; нравственный законъ во мнѣ, какъ отдѣльномъ лицѣ, имѣетъ въ виду не меня одного, но весь разумъ [764]. Такимъ образомъ только въ области нравственной можетъ возстановиться для Фихте единство рода человѣческаго. Но и здѣсь оно не возстановляется; потому что, по ученію Фихте, человѣкъ никогда не можетъ достигнуть до полной нравственности, такъ какъ въ противномъ случаѣ уничтожилось бы самое условіе его жизни, — уничтожилась бы противоположность между *я* и *не я*.

§ 500.

Въ предложенномъ нами ученіи Фихте о правѣ соединяется самое субъективное направленіе съ самымъ объективнымъ. Понятіе о человѣкѣ, какъ существѣ свободнодѣйствующемъ, есть высшее для него понятіе; онъ развиваетъ это понятіе въ самомъ обширнѣйшемъ смыслѣ, такъ что послѣ того казалось бы невозможнымъ образовать изъ людей какое нибудь общество. Между тѣмъ въ противоположность этому является у Фихте законъ права съ своею принудительною силою, чтобъ положить предѣлы свободной волѣ, и заставляетъ ее ограничить самую себя до такой степени, что послѣ того можно опасаться совершеннаго ея уничтоженія. Но это опасеніе напрасно: воля можетъ возвыситься надъ всякимъ принужденіемъ. Выдумывая сложный государственный механизмъ, въ которомъ одна часть нудитъ другую, эта третью и такъ далѣе, Фихте долженъ наконецъ дойти до такой части, которая сама не подлежитъ никакому внѣшнему принужденію и стоитъ выше всякаго закона принудительнаго. При всемъ томъ Фихте принадлежитъ та важная заслуга, что онъ первый развилъ понятіе о государствѣ, какъ органическомъ цѣломъ. Его заслуга не отъемлема также въ томъ отношеніи, что онъ для союзовъ семейственныхъ, каковы бракъ и отношеніе между родителями и дѣтьми, искалъ основаній въ природѣ и нравственномъ существѣ человѣка, и тѣмъ возвысилъ оба отношенія надъ человѣческимъ произволомъ.

§ 501.

Фихте не остался на всю жизнь свою вполнѣ вѣренъ своему идеализму. Предметный міръ, права котораго противъ Канта и самого Фихте съ твердостію были защищаемы нѣкоторыми современными имъ мыслителями, показалъ свое могущество и надъ Фихте.

[764] Das System der Sittenlehre, von Fichte. 1798. S 293—310.

Слѣдствіемъ этого былъ образъ мыслей, проникнутый глубокимъ религіознымъ чувствомъ.

Такая перемѣна въ мысляхъ Фихте вообще не имѣла значительнаго вліянія на его понятія о правѣ и разныхъ предметахъ, сюда относящихся, преимущественно потому, что практическое его ученіе и прежде отличалось объективностію своего направленія. Но совершенно безъ вліянія на практическое ученіе перемѣна теоретическаго взгляда не осталась. Напротивъ объективный теоретическій взглядъ сдѣлалъ понятія Фихте въ практическомъ отношеніи еще болѣе объективными, чѣмъ были они прежде.

Въ сочиненіи: *Торговое, заключенное въ себѣ самомъ, государство* [765], — Фихте раскрываетъ во всей силѣ право государства управлять производительными силами народа. Правительство, учитъ онъ здѣсь, опредѣляетъ въ государствѣ, сколько людей должно заниматься тѣмъ или другимъ промысломъ; излишнее количество оно отсылаетъ къ другимъ занятіямъ, недостающее число привлекаетъ наградами, испытываетъ способности каждаго къ тому промыслу, который ему дозволенъ. Оно со всею строгостію разграничиваетъ занятія между собою. Оно смотритъ, чтобъ каждый, назначенный для произведенія извѣстныхъ предметовъ, фабрикантъ продавалъ ихъ всякому требующему и чтобъ каждый купецъ, назначенный для ихъ сбыта, какъ бралъ ихъ отъ каждаго, предлагающаго ихъ, фабриканта, такъ и продавалъ ихъ всѣмъ, кто ихъ требуетъ. Для подданныхъ запрещены всѣ виды внѣшней терговли; одно только правительство можетъ вести заграничную мѣновую торговлю, такъ какъ оно только ведетъ войну. На мѣсто металлической всемірной монеты должна быть въ каждой землѣ введена монета, которая бы только въ этой землѣ имѣла достоинство. Каждое государство такимъ же образомъ смыкается въ себѣ самомъ по отношенію къ торговлѣ, какъ оно есть самодовольное цѣлое по отношенію къ своему законодательству и числу гражданъ.

Послѣ сего слѣдуетъ рядъ сочиненій, имѣющихъ своимъ предметомъ философію исторіи человѣчества. Въ нихъ понятіе государства въ объективномъ смыслѣ развивается съ различныхъ сторонъ. — Первое мѣсто между сочиненіями Фихте, сюда относящимися, занимаетъ сочиненіе: *Главныя черты настоящаго періода времени* [766].

[765] Der geschlossene Handelsstaat. Ein philosophischer Entwurf, als Anhang der Rechtslehre. Tübing., 1800. in-8.

[766] Die Grundzüge des gegenwärtigen Zeitalters. Berlin, 1806. in-8.

Чтобъ понять одинъ періодъ времени, надобно, по мнѣнію Фихте, понять всю совокупность времени, потому что каждый періодъ времени есть необходимая составная часть великаго всемірнаго плана, существующаго по отношенію къ земной жизни человѣческаго рода. Извѣстный періодъ времени понятъ, когда явленія этого періода объяснены изъ самаго понятія его, выведены, какъ необходимыя послѣдствія, изъ прошедшаго, и опредѣлены по отношенію къ ихъ собственнымъ ближайшимъ послѣдствіямъ въ будущемъ. Посему для объясненія характера настоящаго времени Фихте обозрѣваетъ предварительно главныя эпохи развитія рода человѣческаго, какъ рода, въ земной его жизни. Поставляя цѣль земной жизни человѣчества въ томъ, чтобъ оно учредило въ этой жизни всѣ свои отношенія по разуму и образовало изъ себя чистый отпечатокъ разума, Фихте раздѣляетъ всю жизнь рода человѣческаго на пять главныхъ эпохъ. Неразумное никогда не можетъ сдѣлаться разумнымъ само собою; отсюда Фихте выводитъ, что по крайней мѣрѣ въ одной точкѣ своего бытія родъ человѣческій, въ самомъ древнѣйшемъ его видѣ, долженъ быть чисто разумнымъ, безъ всякаго напряженія или свободы. Эта мысль заставляетъ Фихте принять первоначальный нормальный народъ, который однимъ своимъ бытіемъ, независимо отъ какой нибудь науки и искуства, находился въ состояніи совершенной умственной образованности. Но собственная цѣль бытія состоитъ не въ томъ, чтобъ быть разумнымъ, а въ томъ, чтобъ свободно сдѣлаться разумнымъ. Итакъ, заключаетъ Фихте, самообразованіе человѣческаго рода для разумной жизни должно было совершиться на грубыхъ земнородныхъ дикаряхъ, разсѣянныхъ по всей землѣ, исходя отъ нормальнаго народа; только тогда, когда этотъ народъ какимъ нибудь случаемъ былъ принужденъ оставить первоначальное мѣсто своего жительства, могъ начаться процессъ свободнаго развитія рода человѣческаго. Въ первой эпохѣ развитія человѣческаго рода, по словамъ Фихте, разумъ, основный законъ жизни человѣчества, какъ и всякой духовной жизни, учреждаетъ всѣ отношенія между людьми безъ принужденія и труда, и еще не посредствомъ свободы. Разумъ дѣйствуетъ здѣсь, какъ законъ и сила природы, т. е. какъ темный инстинктъ: безусловное владычество разумнаго инстинкта. Съ наступленіемъ второй эпохи этотъ инстинктъ дѣлается слабѣе и только выражается еще въ немногихъ избранныхъ; освобожденіе изъ подъ владычества его начинается тѣмъ, что онъ дѣятельностію этихъ немногихъ людей, героевъ, которые первые постигаютъ его, превра-

щается для всѣхъ въ авторитетъ съ внѣшнею принудительною силою, который теперь другіе люди хотятъ сокрушить: вѣкъ положительныхъ системъ вѣрованія и жизни, которыя нигдѣ не восходятъ до послѣднихъ основаній, а напротивъ требуютъ безусловнаго послушанія. Третья эпоха есть эпоха освобожденія — непосредственно отъ господства авторитета, посредственно же отъ владычества разумнаго инстинкта и разума во всякомъ видѣ: вѣкъ совершеннаго равнодушія ко всякой истинѣ и совершенной необузданности, когда отвергается всякое постороннее руководство. Четвертая эпоха есть эпоха умственнаго вѣдѣнія, распространеннаго по всему вообще роду: вѣкъ, когда истину признаютъ самымъ величайшимъ благомъ и любятъ ее выше всего. Пятая эпоха есть эпоха разумнаго искуства: вѣкъ, когда къ истинному знанію присоединяется еще искуство, посредствомъ котораго человѣчество вѣрною и твердою рукою образуетъ само себя, чтобъ сдѣлать изъ себя точный отпечатокъ разума. Путь, который такимъ образомъ проходитъ человѣчество здѣсь на землѣ, есть не что другое, какъ возвращеніе къ первому началу; оно должно само себя сдѣлать тѣмъ, чѣмъ оно было безъ всякаго съ его стороны содѣйствія. Какъ каждая эпоха должна исходить отъ лицъ недѣлимыхъ, но чтобъ быть эпохою въ жизни рода, она должна мало по малу обнять и проникнуть всѣхъ; то каждая эпоха, говоритъ Фихте, продолжается довольно долгое время, и такимъ образомъ цѣлая жизнь рода человѣческаго расширяется въ вѣка, которые, по видимому, перекрещиваютъ другъ друга и частію текутъ одинъ подлѣ другаго. Настоящее время, т. е. то время, когда было писано разсматриваемое нами сочиненіе (1806 г.), Фихте относитъ къ третьей эпохѣ, сообразно съ чѣмъ и описываетъ его характеръ; или, говоритъ Фихте, если мы обѣ первыя эпохи соединимъ въ одну и также обѣ послѣднія въ одну, то настоящее время соединяетъ въ себѣ концы двухъ, совершенно различныхъ по своимъ началамъ, міровъ, — міра темноты и міра ясности, міра принужденія и міра разумной свободы. Чтобъ показать въ особенности, на какой ступени находится государство въ настоящее время, Фихте опредѣляетъ между прочимъ существо истиннаго государства и въ семъ отношеніи говоритъ: «истинное и безусловно совершенное государство по своей формѣ есть искуственное учрежденіе, которымъ силы всѣхъ отдѣльныхъ лицъ направляются къ жизни и цѣли рода и въ этой жизни и цѣли совершенно сливаются. Совокупность своихъ гражданъ оно разсматриваетъ какъ человѣческій родъ. Цѣль рода есть образован-

ность. Достиженію этой цѣли въ государствѣ каждый посвящаетъ всѣ свои силы; въ замѣнъ того онъ получаетъ всю образованность рода, какова она есть въ данное время. Возвыситься мало по малу до такого безусловно совершеннаго государства, есть назначеніе человѣческаго рода». — Въ небольшомъ сочиненіи, подъ названіемъ: ***Разговоры о патріотизмѣ*** [767], Фихте утверждаетъ, что настоящее время (1807 г.) есть время перехода изъ третьей эпохи въ четвертую. Надежду въ этомъ случаѣ для спасенія человѣчества онъ возлагаетъ на Германскій народъ. Если, говоритъ онъ, Германцы не спасутъ образованности рода человѣческаго, то едва ли спасетъ ее другой какой нибудь Европейскій народъ. — ***Рѣчи*** Фихте ***къ Германскому народу*** [768], направленныя преимущественно противъ Наполеонова владычества надъ Германіею (1808 г.), изображаютъ наступленіе четвертой эпохи. Представляя особеннымъ призваніемъ Германцевъ начать новую эпоху и образовать новое поколѣніе людей, Фихте находитъ единственное средство къ оживленію самого Германскаго народа и къ выполненію имъ своего предназначенія въ новомъ способѣ воспитанія, которое должно обнять весь народъ. Новое воспитаніе должно, по словамъ Фихте, произвесть въ воспитанникѣ твердую, непоколебимую волю, возбуждая духовную дѣятельность его къ тому, чтобы онъ могъ созерцать своимъ умомъ образъ общественнаго порядка, какой по закону разума долженъ существовать между людьми. Когда воспитанника обнимаетъ пламенная любовь къ такому порядку вещей; то, по освобожденіи отъ руководства воспитанія, ему совершенно невозможно будетъ не хотѣть этого порядка. — Въ урокахъ: *О предназначеніи ученаго* [769], Фихте описываетъ людей, которые должны управлять вѣкомъ умственнаго вѣдѣнія. Ученый, говоритъ онъ здѣсь, который посвящаетъ всю свою жизнь знанію, долженъ не повторять только въ себѣ данное чувственное бытіе, но созерцать видѣнія изъ міра сверхъ-чувственнаго. Знаніе его есть отраженіе внутренняго бытія и существа Божія. Единственно самобытная и самостоятельная жизнь есть жизнь Божества. Изображеніе Божественной жизни есть міръ. Человѣческая жизнь, какъ она должна быть, составляетъ идею и составляетъ идею и основную мысль Божію при произведеніи міра, намѣреніе и планъ, которые

[767] **Gespräche über Patriotismus und sein Gegentheil. Сочинены въ 1807 г.**
[768] **Reden an die deutsche Nation. Berlin, 1808. in-8.**
[769] **Fünf Vorlesungen über die Bestimmung des Gelehrten. 1811.**

Богъ предполагалъ исполнить, созидая міръ. Явленіе каждаго будущаго, возможнаго во времени, выраженія сверхъ-чувственной идеи имѣетъ необходимымъ своимъ условіемъ то, что предшествовавшее видѣніе изображено уже въ чувственномъ мірѣ; настоящее явленіе побуждаетъ къ слѣдующему. Въ каждомъ вѣкѣ идея является въ новомъ видѣ и стремится образовать по себѣ окружающій міръ; посему являются все новыя и новыя отношенія міра къ идеѣ, и новые виды противоборствія перваго съ послѣднею. Почему жизнь въ изображеніи въ каждое мгновеніе своего бытія, въ противоположность съ Божественною внутреннею жизнію, ограничена, т. е. частію не жива и еще не проникла въ жизнь, а въ извѣстной степени мертва. Эти границы она должна все болѣе и болѣе сокрушать, удалять и обращать въ жизнь посредствомъ возвышенія своей жизни: однакоже она никогда не можетъ совершенно отрѣшиться отъ нихъ, не переставши быть изображеніемъ, и не сдѣлавшись самымъ Божественнымъ существомъ. Тѣ, которые въ Божественной, созидающей міръ, мысли имѣютъ своимъ назначеніемъ постигать ее отчасти, обнимаются ею какъ ученые. Ученый есть орудіе, посредствомъ котораго міръ все далѣе и далѣе созидается по Божественному образцу; жизнь ученаго есть жизнь самой Божественной идеи внутри міра, непрерывно продолжающей творить и образовать міръ. То мгновеніе, когда ученый переходитъ въ свободнаго художника, есть мгновеніе, когда онъ вполнѣ достигаетъ своего назначенія. Обозрѣвая свой міръ изъ идеи, которую онъ созерцаетъ во всей ясности, онъ можетъ посредствомъ этой идеи свободно дѣйствовать на каждую точку своего міра и пріобрѣсть здѣсь вліяніе. Дѣятельность для просвѣщенія другихъ принадлежитъ между учеными учителямъ; дѣятельность для непосредственнаго образованія отношеній дѣйствительнаго міра принимаютъ на себя члены государственнаго управленія, государственные чиновники. Ученые перваго разряда живутъ въ однихъ понятіяхъ и образуютъ другихъ людей, частію какъ наставники, частію какъ писатели. Они суть посредники между чисто духовнымъ образомъ существованія мысли въ Божествѣ и вещественною силою и дѣятельностію, которую она получаетъ посредствомъ втораго разряда ученыхъ. Сіи послѣдніе дѣйствуютъ прямо на міръ и суть непосредственная точка соприкосновенія Божественной идеи съ дѣйствительностію. Но оба класса могутъ быть безъ труда соединены и въ одномъ лицѣ.

Наконецъ въ урокахъ *О правѣ* [770] и *государствѣ* [771] объективный образъ воззрѣнія Фихте на эти предметы выражается во всей своей полнотѣ, и всѣ изслѣдованія его о правѣ и государствѣ окончательно получаютъ здѣсь для себя средоточіе. — Существа свободныя, говоритъ Фихте въ своихъ урокахъ *О правѣ,* должно представлять себѣ дѣйствующими въ общей сферѣ. Законъ нравственный предписываетъ имъ осуществлять образъ Божій. Но предметъ, который каждое изъ нихъ должно осуществлять, есть только часть того единаго образа, который всѣ они должны производить общими силами. Одинъ образъ созерцается во всѣхъ ихъ и только частію долженъ быть производимъ каждымъ. Почему всѣ они необходимо имѣютъ одинъ общій предметъ и одинъ кругъ дѣятельности. Въ этомъ кругѣ дѣятельности свобода одного можетъ возмутить свободу другаго. Если бы все общество разумныхъ существъ находилось подъ владычествомъ нравственнаго закона; то возмущеніе свободы было бы совершенно невозможно, потому что въ такомъ случаѣ всѣ имѣли бы одну волю. Законъ права тогда былъ бы ненуженъ. Слѣдовательно онъ можетъ имѣть силу только подъ тѣмъ условіемъ, что законъ нравственный еще не сдѣлался всеобще господствующимъ, и только какъ учрежденіе, котораго цѣлію есть приготовить всеобщее владычество нравственнаго закона. Каждый долженъ имѣть исключительно свои предѣлы, внутри которыхъ другіе должны оставлять его неприкосновеннымъ, — имѣть извѣстную сферу дѣйствія, которая вообще называется собственностію. Собственность тѣла должна быть только обезпечена закономъ права, потому что границы тѣла опредѣлены уже самою природою; напротивъ собственность по отношенію къ другимъ предметамъ должна быть еще опредѣлена, прежде чѣмъ можетъ быть рѣчь объ ея обезпеченіи. Говоря объ учрежденіи власти общественной, Фихте отмѣняетъ эфоровъ и принимаетъ изъ политики Платона и Аристотеля то начало, что лучшій долженъ господствовать въ государствѣ. Но какъ человѣческій разумъ не можетъ рѣшить задачи, какимъ бы образомъ лучшій, т. е. праведнѣйшій въ своемъ вѣкѣ и въ своемъ народѣ могъ быть сдѣланъ его властителемъ; то рѣшеніе сей задачи Фихте предоставляетъ, согласно съ своимъ религіознымъ образомъ воззрѣнія, Божественному прови-

[770] Das System der Rechtslehre (рядъ уроковъ, преподанныхъ въ 1812 г.). Находится во 2-ой части *Fichte's* nachgelassene Werke, изд. въ 1834—1855 г.

[771] Die Staatslehre, oder über das Verhältniss des Urstaats zum Vernunftreich (рядъ уроковъ, преподанныхъ въ 1813 г.), Изд. только въ 1820 г. in-8.

дѣнію, которое, призвавши одинъ разъ человѣка праведнѣйшаго быть властителемъ, укажетъ ему также, какимъ образомъ достигнуть того, чтобъ лучшіе непрерывно наслѣдовали ему во власти. — Въ урокахъ *О государствѣ* представляется намъ, вмѣсто государства, основаннаго на законѣ права, царство ума, основанное на чистой нравственности. Въ этомъ царствѣ нравственность, по ученію Фихте, существуетъ какъ народная жизнь. Необходимою принадлежностію и условіемъ такого порядка Фихте, по примѣру Платона, признаетъ общее воспитаніе дѣтей: всѣ дѣти должны воспитываться вмѣстѣ въ общественныхъ заведеніяхъ; домашнее воспитаніе совсѣмъ не должно имѣть мѣста. При этомъ общемъ воспитаніи, говоритъ Фихте, тотчасъ откроются способности дѣтей; дѣти съ высшими дарованіями причисляются къ высшему, дѣти съ нисшими способностями — къ нисшему сословію. Природныя дарованія ума, обнаруженныя при ученіи, опредѣляютъ каждому мѣсто его въ обществѣ.

§ 502.

Немногіе послѣдовали Фихте въ его первоначальномъ образѣ воззрѣнія на право. Тѣмъ болѣе за то имѣли вліянія на установленіе понятій о государствѣ между Германскими философами мысли его объ этомъ предметѣ, развитыя имъ въ послѣдующихъ своихъ сочиненіяхъ. Это вліяніе тѣмъ было сильнѣе, что подобный образъ воззрѣнія имѣлъ также Шеллингъ, преемникъ Канта и Фихте въ дальнѣйшемъ развитіи Философіи.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

ОБЪЕКТИВНЫЙ ИДЕАЛИЗМЪ ШЕЛЛИНГА.

§ 503.

У Фихте, въ первоначальномъ видѣ его философіи, является существующимъ одно недѣлимое *я*, разумъ одного отдѣльнаго существа; предъ этимъ недѣлимымъ *я*, предъ этимъ отдѣльнымъ разумомъ и его образомъ воззрѣнія все другое обращается въ одинъ призракъ. *Шеллингъ* [772] расширяетъ недѣлимое *я*, недѣлимый разумъ въ безконечное *я*, въ безусловный разумъ, вноситъ мысль въ предметный міръ и все существующее признаетъ явленіемъ одного разумнаго начала, которое въ одно и тоже время служитъ основаніемъ дѣятель-

[772] Фридрихъ Вильгельмъ Шеллингъ род. вь 1775 г.,

ности и сознательной и безсознательной: такимъ образомъ весь міръ сталъ одухотворенъ. Но какъ здѣсь духовное начало, подлѣ свѣтлой, ясной для него самого стороны въ немъ, постоянно имѣетъ въ себѣ темную сторону, недоступную для собственнаго его сознанія; какъ безсознательная дѣятельность здѣсь поставляется на равной степени съ сознательною: то идеализмъ Шеллинга есть идеализмъ объективный.

§ 504.

Начало, изъ котораго возникаетъ все существующее, Шеллингъ называетъ безусловнымъ (das Absolute). Сущность безусловнаго онъ поставляетъ въ безусловномъ тождествѣ объективнаго и субъективнаго. Бытіе особенныхъ вещей основывается, по ученію Шеллинга, на томъ, что въ нихъ преобладаетъ та или другая изъ этихъ сторонъ бытія существа безусловнаго. Безусловное тождество объективнаго и субъективнаго при особенномъ преобладаніи объективнаго есть природа; безусловное тождество объективнаго и субъективнаго при особенномъ преобладаніи субъективнаго есть духъ. Степени развитія природы, принимаемыя Шеллингомъ, суть: тяжесть, свѣтъ, организмъ. Степени развитія духа суть: познаніе, нравственное дѣйствіе и религія, искуство и умственное созерцаніе.

§ 505.

Вниманіе Шеллинга было обращено преимущественно на природу. Немногія мысли о предметахъ, касающихся законодательства, предложены имъ [773] почти отрывками въ сочиненіяхъ, не относящихся непосредственно къ этой области. Какъ вообще всю свою философію Шеллингъ непрерывно развивалъ и усовершалъ; то подобное усовершенствованіе въ его понятіяхъ можно замѣтить и по отношенію къ предметамъ законодательства. Впрочемъ вообще образъ его воззрѣнія на сіи предметы былъ объективный.

§ 506.

Въ *Системѣ трансцендентальнаго идеализма* [774], имѣющей сво-

[773] Мы не упоминаемъ о разсужденіи Шеллинга, писанномъ имъ прежде, чѣмъ онъ представилъ свою систему философіи, и помѣщенномъ въ *Fichte's* und *Niethammer's* philos. Journ. 1796. Bd. 4, mit Fortsetz. im J. 1797. B. 4. подъ заглавіемъ: Neue Deduction des Naturrechts

[774] System des transcendentalen Idealismus. Tübingen, 1800. in-8.

ею задачею объяснить какимъ образомъ къ субъективному привходитъ объективное, которое согласуется съ нимъ, или, другими словами, какимъ образомъ происходитъ то, что представленіямъ нашимъ соотвѣтствуютъ предметы, Шеллингъ выводитъ между прочимъ и основныя понятія практической философіи [775].

Изъ теоретической области въ практическую приводитъ здѣсь Шеллинга самое стремленіе объяснить возможность познанія, остающееся неудовлетвореннымъ вполнѣ теоретическою философіею. Именно, изъ ней не можетъ быть объяснено самосознаніе. Начало самосознанія, говоритъ Шеллингъ, когда т. е. разумъ совершенно возвышается надъ міромъ предметнымъ, можетъ быть объяснено только изъ самоопредѣленія, или изъ дѣйствованія разума на самого себя, что называется хотѣніемъ и составляетъ предметъ практической философіи. Какъ условіе, при которомъ только разумное существо можетъ сознать свою силу самоопредѣленія и свободнаго дѣйствованія, у Шеллинга выводится почти такъ же, какъ у Фихте, множество недѣлимыхъ свободныхъ существъ, а отсюда вся область права.

Природа, по словамъ Шеллинга, не можетъ дѣйствовать въ собственномъ смыслѣ этого слова; но разумныя существа могутъ дѣйствовать, и взаимное дѣйствіе ихъ другъ на друга посредствомъ объективнаго міра есть даже необходимое условіе ихъ самосознанія и свободы. Но всѣ ли разумныя существа ограничиваютъ свое дѣйствованіе возможностію свободнаго дѣйствованія всѣхъ прочихъ, или не всѣ, это зависитъ отъ совершеннаго случая, произвола. Такъ не должно быть. Самое святое не должно быть предоставлено случаю. И такъ принужденіе, происходящее отъ ненарушимаго закона, должно сдѣлать невозможнымъ уничтоженіе свободы лица недѣлимаго при взаимномъ дѣйствіи всѣхъ лицъ другъ на друга. Это принужденіе, конечно, не можетъ быть обращено непосредственно противъ свободы, потому что разумное существо не можетъ быть къ чему нибудь принуждено, но только можетъ быть побуждено принудить къ чему нибудь само себя; принужденіе не можетъ быть также обращено и противъ чистой воли, которая не имѣетъ никакого другаго предмета, кромѣ того, что обще всѣмъ разумнымъ существамъ, кромѣ самоопредѣленія. И такъ принужденіе можетъ быть обращено только противъ своекорыстнаго стремленія, свойственнаго недѣлимому лицу. Но противъ этого стремленія ничто не можетъ быть употреб-

[775] Тамъ же S. 322—444.

лено средствомъ принужденія, или оружія, кромѣ его самого. Внѣшній міръ долженъ быть такъ какъ бы организованъ, чтобы онъ принуждалъ это стремленіе, какъ скоро оно переступаетъ свою границу, дѣйствовать противъ себя самого, и противополагалъ ему нѣчто, чего свободное существо можетъ хотѣть только какъ разумное существо, но не какъ существо физическое, чѣмъ бы дѣйствующій былъ поставленъ въ противорѣчіи съ самимъ собою, и по крайней мѣрѣ принужденъ былъ обратить свое вниманіе на то, что онъ раздвоенъ въ себѣ самомъ. Объективный міръ самъ по себѣ не можетъ содержать въ себѣ основанія такого противорѣчія, потому что онъ къ дѣйствованію свободныхъ существъ, какъ свободныхъ, относится совершенно безразлично. Итакъ основаніе противорѣчія противъ своекорыстнаго стремленія можетъ быть положено въ него только разумными существами. Надъ первою природою должна быть создана какъ бы вторая и высшая природа, въ которой бы владычествовалъ законъ природы, но совершенно отличный отъ того, который господствуетъ въ видимой природѣ, т. е. законъ природы ко благу свободной дѣятельности. Неумолимо и съ желѣзною необходимостію, съ какою въ чувственной природѣ за причиною слѣдуетъ ея дѣйствіе, должно въ этой второй природѣ за вторженіемъ существа въ чужую свободу слѣдовать въ тоже мгновеніе противорѣчіе противъ своекорыстнаго стремленія. Такой законъ природы есть законъ права, и вторая природа, въ которой владычествуетъ этотъ законъ, есть порядокъ права. — Отсюда, говоритъ Шеллингъ, слѣдуетъ, что порядокъ права не есть порядокъ нравственный, но порядокъ природы, и свобода столько же мало имѣетъ власти надъ нимъ, какъ и надъ чувственною природою; онъ долженъ быть разсматриваемъ какъ машина, которая учреждена предварительно на извѣстные случаи, и, какъ скоро эти случаи даны, дѣйствуетъ сама собою [776].

Какъ, послѣ сего предлагаетъ Шеллингъ себѣ вопросъ, можно представить себѣ происхожденіе такого порядка, когда воля недѣлимаго лица совершенно ничего не можетъ сдѣлать въ этомъ отношеніи, и, какъ необходимое дополненіе, предполагаетъ нѣчто отъ ней независимое, т. е. волю всѣхъ другихъ? Надобно ожидать, говоритъ Шеллингъ для разрѣшенія предложеннаго вопроса, что уже первое происхожденіе законнаго порядка не было предоставлено случаю, а принужденію природы, которое, по поводу всеобще господствовавшаго насилія, невольно побудило людей прибѣгнуть къ такому по-

[776] Тамъ же S. 404–408.

рядку. Но легко можно усмотрѣть, что порядокъ, учрежденный нуждою, не можетъ имѣть никакой въ себѣ твердости, частію потому, что учреждаемое по нуждѣ и учреждается только для удовлетворенія ближайшей потребности, частію потому, что механизмъ учрежденнаго порядка обращаетъ свое принужденіе противъ свободныхъ существъ, которыя только дотолѣ позволяютъ себя принуждать, доколѣ находятъ въ этомъ свою выгоду. Соединить свободныя существа въ общемъ механизмѣ — это, такъ какъ въ дѣлахъ свободы нѣтъ ничего даннаго умомъ, независимо отъ опыта, принадлежитъ къ такимъ проблеммамъ, которыя могутъ быть рѣшены только посредствомъ безчисленныхъ опытовъ, тѣмъ болѣе, что механизмъ, которымъ самое учрежденіе права приводится въ движеніе, — посредствующій членъ между идеею учрежденія и дѣйствительнымъ исполненіемъ, — совершенно отличенъ отъ самаго учрежденія, и по различію степени образованія, характера народа и т. д. долженъ подвергаться также различнымъ измѣненіямъ. Итакъ надобно ожидать, что съ самаго начала будутъ возникать только временныя учрежденія, которыя сами въ себѣ носятъ сѣмя своего разрушенія, и, такъ какъ они первоначально учреждены не разумомъ, а силою обстоятельствъ, дѣйствительно, ранѣе или позже, разрушаются. Но если даже, какимъ бы то образомъ ни было, возникаетъ наконецъ порядокъ, основанный дѣйствительно на правѣ, а не на угнѣтеніи, какъ необходимо должно быть съ самаго начала; то и тогда, какъ удостовѣряетъ насъ не только опытъ, но и разумъ, существованіе учрежденія, которое для извѣстнаго государства есть самое наилучшее, зависитъ отъ явнаго случая [777].

Указывая на образъ, представляемый природою, въ которой будто бы всякая самостоятельная система основывается на трехъ, одна отъ другой не зависящихъ, силахъ, Шеллингъ почитаетъ существенно необходимымъ для законнаго порядка независимое бытіе трехъ коренныхъ властей государства. Но какъ безопасность государства по отношенію къ другимъ государствамъ дѣлаетъ неизбѣжнымъ перевѣсъ исполнительной власти надъ прочими; то существованіе цѣлаго, говоритъ Шеллингъ, окончательно основывается на доброй волѣ тѣхъ, въ рукахъ которыхъ находится власть исполненія. Но ничто, относящееся къ огражденію права, не должно зависѣть отъ случая. Итакъ, по словамъ Шеллинга, нельзя думать о твердомъ существованіи и одного, по крайней мѣрѣ, по идеѣ совершен-

[777] Тамъ же S. 408—410.

наго государствз безъ организаціи, выходящей за предѣлы одного государства, т. е. безъ соединенія въ одинъ союзъ всѣхъ государствъ, такъ, чтобы всѣ они взаимно обезпечили другъ другу свои государственныя установленія. Какъ можетъ быть учрежденъ такой порядокъ посредствомъ свободы, которая именно во взаимномъ отношеніи государствъ другъ къ другу играетъ самымъ дерзкимъ и неограниченнымъ образомъ, этого, по мнѣнію Шеллинга, совершенно нельзя понять, если мы не предположимъ, что въ самой игрѣ свободы опять господствуетъ необходимость, которая объективно присовокупляетъ къ свободѣ то, что посредствомъ ея одной никогда бы не могло быть достигнуто [778]. Такое соединеніе свободнаго и необходимаго Шеллингъ видитъ въ исторіи, которой понятіе онъ посему и развиваетъ въ подробности.

Предметомъ исторіи, по ученію Шеллинга, не можетъ быть ни то, что происходитъ совершенно по закону, однажды навсегда опредѣленному, ни то, что не имѣетъ совершенно никакого закона, происходитъ безъ всякой цѣли и намѣренія; исторія существуетъ только тамъ, гдѣ одинъ идеалъ такъ осуществляется среди безчисленнаго множества уклоненій отъ него, что если не единичное существо, то покрайней мѣрѣ цѣлое соотвѣтствуетъ ему. Но такое послѣдовательное осуществленіе идеала, гдѣ только прогрессъ, какъ цѣлое, удовлетворяетъ идеалу, возможно только для существъ, которымъ приличествуетъ характеръ рода; такъ какъ недѣлимое лице, именно потому, что оно есть недѣлимое, не въ состояніи достигнуть идеала, а между тѣмъ идеалъ, который необходимо есть нѣчто опредѣленное, долженъ быть осуществленъ. Итакъ, говоритъ Шеллингъ, исторія можетъ быть только у такихъ существъ, которыя имѣютъ передъ собою извѣстный идеалъ. Для осуществленія идеала нужно, чтобы каждое слѣдующее недѣлимое лице начинало именно тамъ дѣйствовать, гдѣ перестаетъ предшествующее ему, чтобы слѣдовательно между недѣлимыми лицами, слѣдующими другъ за другомъ, была непрерывная связь, чтобъ по этому существовало преданіе. Исторія для практической философіи есть то же самое, что природа для теоретической. — Необходимость исторіи съ такимъ характеромъ, какой теперь былъ описанъ, Шеллингъ выводитъ изъ того, что для разумныхъ существъ всеобще законное учрежденіе составляетъ задачу, которая можетъ быть осуществлена только цѣлымъ родомъ, т. е. посредствомъ исторіи. Почему единственнымъ, истин-

[778] Тамъ же S. 410—412.

нымъ предметомъ исторіи онъ почитаетъ только постепенное происхожденіе всемірнаго законнаго порядка, и на постепенное приближеніе къ этой цѣли онъ смотритъ какъ на историческую мѣру успѣховъ человѣческаго рода, хотя, какъ онъ думаетъ, нельзя ни заключить изъ опыта протекшаго времени, ни доказать теоретически изъ ума, что цѣль сія будетъ окончательно достигнута, но человѣкъ дѣйствующій будетъ только вѣчно этому вѣрить. Свобода и необходимость должны быть соединены въ исторіи, — это, по словамъ Шеллинга, значитъ, что сознательной свободной дѣятельности должна противостоять безсознательная, посредствомъ которой, не смотря на самое неограниченное обнаруженіе свободы, происходитъ нѣчто совершенно непроизвольно, и можетъ быть, даже противъ воли дѣйствующаго, чего онъ самъ никогда бы не могъ осуществить однимъ своимъ хотѣніемъ. Но нельзя понять, какимъ образомъ изъ неограниченной игры свободы происходитъ наконецъ нѣчто правильное и разумное, если мы не предположимъ, что объективное во всякомъ дѣйствованіи есть нѣчто общее для всѣхъ разумныхъ существъ, чѣмъ всѣ дѣйствія человѣческія, какъ бы люди ни дѣйствовали, неизбѣжно направляются къ одной гармонической цѣли. Это, по мнѣнію Шеллинга, возможно только посредствомъ безусловнаго единства всѣхъ дѣяній, изъ котораго развивается все, что ни происходитъ, а слѣдовательно и вся исторія, и въ которомъ, такъ какъ оно безусловно, все уже напередъ такъ взвѣшено и расчитано, что все, что бы ни случилось, какъ бы это ни казалось противорѣчащимъ и дисгармоническимъ, имѣетъ и находитъ въ немъ основаніе для своего соединенія. Безусловное, говоритъ Шеллингъ, — это вѣчно недостижимое для сознанія, что, какъ будто вѣчное солнце въ царствѣ духовъ, скрывается въ своемъ собственномъ, невозмутимомъ свѣтѣ, и хотя никогда не дѣлается объектомъ, однакоже напечатлѣваетъ свое тождество на всѣхъ свободныхъ дѣйствіяхъ, есть одно и тоже для всѣхъ разумныхъ существъ, невидимый корень, по отношенію къ которому всѣ разумныя существа суть только его степени, вѣчная средина, соединяющая субъективное или свободное въ насъ и объективное или необходимое, основаніе законосообразности въ свободѣ и свободы въ законосообразности объективнаго. — Такимъ образомъ исторія для Шеллинга есть постепенное откровеніе безусловнаго и въ этомъ отношеніи онъ принимаетъ для ней три періода. Первый періодъ есть тотъ, когда владычествуетъ только еще судьба, какъ совершенно слѣпое могущество, и хладно-

кровно и безсознательно разрушаетъ самое великое и славное; къ этому періоду относится низпроверженіе чудесъ древняго міра, паденіе тѣхъ великихъ царствъ, отъ которыхъ едва осталось намъ воспоминаніе, и о величіи которыхъ мы можемъ судить только по ихъ развалинамъ, погибель благороднѣйшаго человѣчества, какое когда нибудь процвѣтало, и возвращеніе котораго на землю есть только вѣчное желаніе. Второй періодъ исторіи есть тотъ, когда эта судьба открывается подъ видомъ природы и темный законъ, который господствовалъ въ первомъ періодѣ, превращается по крайней мѣрѣ въ открытый для всѣхъ законъ природы, который принуждаетъ свободу и самый необузданный произволъ служить плану природы и такимъ образомъ мало по малу производитъ по крайней мѣрѣ механическую законосообразность въ исторіи: періодъ, начавшійся, по видимому, съ распространеніемъ Рима, когда самый необузданнѣйшій произволъ, обнаружившійся во всеобщемъ стремленіи къ завоеванію и порабощенію, соединяя народы между собою, и поставляя во взаимное соприкосновеніе нравы, законы, искусства и науки, которыя доселѣ сохранялись у каждаго народа порознь, безсознательно и даже противъ собственной воли принужденъ былъ служить плану природы, который въ полномъ его развитіи долженъ имѣть своимъ послѣдствіемъ всеобщій союзъ народовъ и всемірное государство. Третій періодъ исторіи будетъ тотъ, когда то, что въ предшествующихъ періодахъ представлялось подъ видомъ судьбы или природы, явится какъ Провидѣніе. Когда начнется этотъ періодъ, говоритъ Шеллингъ, мы не можемъ сказать [779].

§ 507.

Дальнѣйшее развитіе мыслей Шеллинга о предметахъ законодательства, и притомъ съ нѣкоторыми частію измѣненіями, представляютъ намъ *Уроки* его *о методѣ университетскаго ученія* [780].

Человѣкъ, или вообще разумное существо, говоритъ здѣсь Шеллингъ, имѣетъ своимъ назначеніемъ, восполнить откровеніе Божества въ природѣ: изъ человѣка, изъ его дѣятельности, должно развиться то, чего недостаетъ природѣ къ совершенному откровенію

[779] Тамъ же S. 413—441. — Ср. *Schelling's* philosophische Schriften. B. I. Landshut, 1809. S. 455—461 (изъ philosophische Untersuchungen über das Wesen der menschlichen Freiheit.).

[780] Vorlesungen über die Methode des akademischen Studiums. Stuttgart und Tübingen, 1803. in-8; 2 Aufl. 1813; 3. Aufl. 1830.

Божества; природа хотя представляетъ намъ цѣлое Божественное существо, но только въ реальномъ; человѣкъ долженъ выразить образъ того же Божественнаго существа, какъ оно существуетъ въ себѣ самомъ, слѣдовательно въ идеальномъ. Въ области реальнаго господствуетъ конечность, въ области идеальнаго безконечность; первое бываетъ по необходимости тѣмъ, чѣмъ оно есть, второе должно быть тѣмъ, чѣмъ оно есть, посредствомъ свободы [781].

При исполненіи сего назначенія для Шеллинга равное имѣютъ достоинство какъ познаніе, такъ и нравственное дѣйствованіе [782]. Нравственность есть богоподобное чувствованіе, въ коемъ человѣкъ, не опредѣляясь ничѣмъ ограниченнымъ, возносится въ область всеобщаго, Божественнаго. Философія — истиннѣйшее познаніе есть такое же возношеніе мысли, и потому одно и то же съ нравственностію. Одинъ и тотъ же міръ во всей его полнотѣ стремится изобразить и познаніе и дѣйствованіе — каждое въ своемъ родѣ. Посему міръ дѣйствованія такъ же самъ въ себѣ совершенъ (абсолютенъ), какъ и міръ познанія. Каждая особенная должность соотвѣтствуетъ особенной идеѣ и есть міръ сама по себѣ, подобно какъ въ природѣ каждый родъ имѣетъ свой первообразъ, которому онъ по возможности стремится уподобиться [783]. Развитіе нравственности совершается, по мнѣнію Шеллинга, въ исторіи, и притомъ въ необходимомъ порядкѣ. Исторія представляетъ развитіе нравственности въ трехъ періодахъ: періодъ 1-й — безразличіе добра и зла; періодъ 2-й — сознаніе различія между добромъ и зломъ; періодъ 3-й — примиреніе. Къ первому періоду относится языческій древній міръ; вторый періодъ составляютъ конецъ древняго и начало новаго Христіанскаго міра; третій періодъ образуетъ Христіанство [784]. Состояніе образованности Шеллингъ признаетъ первоначальнымъ состояніемъ людей, и первое основаніе государствъ, наукъ, религіи и искуствъ, по его мнѣнію, происходило современно, или лучше, основаніе одного было вмѣстѣ и основаніе другаго, такъ что все это не было существенно раздѣлено, а совершенно проникалось одно другимъ, какъ это опять будетъ нѣ-

[781] Vorlesungen über die Methode des akad. Stud. 3. Ausg. S. 17, 18.
[782] Тамъ же S. 18—26.
[783] Тамъ же S. 145, 146.
[784] Тамъ же S. 175—179. (Ср. *Schelling's* philosophische Untersuchungen über das Wesen der menschlichen Freiheit, u. s. w. въ 1-мъ и единственномъ томѣ собранія его философскихъ сочиненій. Landshut, 1809. in-8. S. 455—461.).

когда, когда все достигнетъ своего первоначальнаго совершенства. Начало первобытной образованности рода человѣческаго Шеллингъ выводитъ изъ наставленія высшихъ существъ, которымъ, по его предположенію, пользовались первые люди [785].

Предметомъ исторіи въ собственномъ смыслѣ Шеллингъ дѣлаетъ происхожденіе и образованіе государства, какъ организма, въ коемъ нравственность дѣлается объективною [786]. Государство, по мнѣнію Шеллинга, есть внѣшній организмъ гармоніи необходимости и свободы, — гармоніи, достигнутой въ самой свободѣ и выраженной въ реальномъ. Въ идеальномъ гармонію необходимости и свободы, достигнутую въ самой свободѣ, выражаетъ церковь. Идея совершеннѣйшаго государства достигнута, какъ скоро особенное и всеобщее сдѣлались безусловно единымъ, и все необходимое совершается вмѣстѣ свободно, и все, свободно совершаемое, совершается вмѣстѣ необходимо [787]. Такое государство существовало у Грековъ и было построено Платономъ въ его республикѣ [788].

§ 508.

Съ большею подробностію раскрываются мысли Шеллинга о первомъ началѣ исторіи въ его сочиненіи: *Философія и религія* [789]

Исторія въ цѣломъ, учитъ здѣсь Шеллингъ, есть послѣдовательно развивающееся откровеніе Божества. Она имѣетъ двѣ главныя части: одна часть изображаетъ выходъ человѣчества изъ своего средоточія до самаго крайняго удаленія отъ него, другая — возвращеніе къ средоточію. Души должны были отпасть отъ своего средоточія и сдѣлаться особенными въ природѣ, чтобъ потомъ, какъ особенныя, онѣ могли возвратиться въ безразличіе и, примирившись съ нимъ, быть въ немъ, не возмущая его. Вся исторія указываетъ намъ на общее начало всѣхъ искуствъ, наукъ, вѣрованій и законовъ; и однакоже самая крайняя, мерцающая для насъ, граница извѣстной исторіи представляетъ намъ образованность, уже низпадшую съ прежней высоты, искаженные уже слѣды прежней науки, символы, значеніе которыхъ, кажется, уже давно потеряно. Послѣ сего не остается ничего другаго, какъ принять, что настоя-

[785] Тамъ же S. 167—169.
[786] Тамъ же S. 146, 147; 214; 226.
[787] Тамъ же S. 214; 229.
[788] Тамъ же S. 229—231.
[789] Philosophie und Religion. Tübingen, 1804.

щій родъ людей былъ воспитываемъ высшими существами, такъ что нынѣшнее поколѣніе людей, которые имѣютъ только возможность разума, а не имѣютъ его въ дѣйствительности, если они не образуются для этого, представляетъ намъ только нисшую ступень или остатокъ того перваго племени, которое непосредственно обладало разумомъ, и разсѣявши по землѣ Божественное сѣмя идей, наукъ и искуствъ, потомъ изчезло съ нея. Это высшее племя, какъ тождество, изъ котораго произошелъ человѣческій родъ, отъ самой природы и въ безсознательномъ величіи соединяло то, что второе поколѣніе сочетаваетъ не иначе, какъ съ сознаніемъ и по частямъ. Прежняя природа земли допускала болѣе благородныя и выше образованныя формы, чѣмъ каковы настоящія: остатки звѣрей, подобныхъ которымъ мы напрасно ищемъ въ нынѣшней природѣ, и которые по своей величинѣ и строенію далеко превосходятъ нынѣ существующихъ, доказываютъ, что земля и въ другихъ родахъ живыхъ существъ въ юношескомъ возрастѣ своихъ силъ производила высшіе экземпляры и совершеннѣе образованныя племена, которыя должны были уступить измѣнившимся ея отношеніямъ и погибнуть [790].

§ 509.

Шеллингъ образовалъ многочисленную школу. Но какъ самъ онъ преимущественно занимался разсматриваніемъ жизни безусловнаго въ природѣ, такъ и въ школѣ его главнѣйшій предметъ изслѣдованій составляла эта же сторона существа безусловнаго. Впрочемъ разными писателями, болѣе или менѣе принадлежащими къ его школѣ, были дѣланы покушенія, хотя по большей части безъ особеннаго успѣха, построить на основаніи мыслей его о существѣ нравственности, исторіи и государствѣ, особенно предложенныхъ имъ въ его *Урокахъ о методѣ университетскаго ученія* [791], цѣлое зданіе философскаго ученія о правѣ и государствѣ [792]. Какъ въ новѣйшемъ своемъ видѣ философія Шеллинга очень сблизилась съ Христіанствомъ; то въ школѣ его былъ сдѣланъ даже опытъ начертанія философіи права въ духѣ совершенно Христіанскомъ, впро-

[790] Тамъ же S. 61—67.

[791] См. выше § 506.

[792] Кто изъ послѣдователей Шеллинга занимался изысканіями о правѣ и государствѣ, можно видѣть у Теннеманна въ его Grundriss der Geschichte der Philosophie. 4. Aufl. Leipzig, 1825. § 403. Ср. также § 407.

чемъ на первый разъ только въ духѣ Нѣмецкаго Католицизма [793]. Нѣкоторые, какъ напр. Штеффенсъ [794], хотѣли даже совершенно слить между собою церковь и государство. Изъ всѣхъ частей философіи нравственной съ особенною любовью была обработываема въ школѣ Шеллинговой философія исторіи, и притомъ преимущественно по началамъ Христіанской религіи [795].

ОТДѢЛЕНІЕ III.

АБСОЛЮТНЫЙ ИДЕАЛИЗМЪ ГЕГЕЛЯ.

§ 510.

Глубочайшее соединеніе идеализма Канта и Фихте съ реализмомъ Шеллинга представляетъ Гегель [796]. Мысль, по его ученію, есть самая жизнь безусловная. Но эта мысль не есть ни мысль, не сознающая сама себя, каковою преимущественно она является у Шеллинга, ни мысль чисто субъективная, какою мы видимъ ее у Канта и особенно у Фихте. Это есть мысль субъекта, но мысль совершенно объективная, такъ какъ мышленіе его тождественно съ безусловною дѣятельностію. Мыслящее существо, мысля, сознаетъ себя мыслящимъ, и мысли его имѣютъ полную дѣйствительность. Философія есть разсматриваніе безусловнаго саморазвитія мысли. Въ философіи мы отказываемся отъ всякаго другаго вѣдѣнія, отъ всякихъ предположеній, и, предавшись чистому мышленію, приводимся имъ послѣдовательно отъ одного предмета къ другому, доколѣ начало не сойдется съ своимъ концемъ. Необходимая метода, по которой мысль развивается сама изъ себя, есть слѣдующая: мышленіе полагаетъ во первыхъ какое нибудь одностороннее свойство, отдѣляя его отъ противоположнаго ему; но свойства противоположныя необходимо относятся одно къ другому и не могутъ быть совершенно отдѣлены одно отъ другаго, почему, во вторыхъ, мышленіе въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи само выставляетъ нѣчто противоположное первому; такимъ образомъ одна сторона переходитъ въ другую, и

797 Сюда относится: Die Philosophie des Rechts nach geschichtlicher Ansicht, von *Friedrich Julius Stahl*. I. Bd. Heidelberg, 1830; II. Bd. 1. Abth. Heidelb. 1833; 2. Abth. 1837.

794 См. *Steffens,* Caricaturen des Heiligsten. Leipzig, 1819—1821. 2 Bde.

795 Въ этомъ отношеніи можно указать на Philosophie der Geschichte, von *Carl Friedrich Wilhelm Schlegel*. II Bde. 1829

796 Georg Friedrich Wilhelm Hegel род. въ 1770 г., ум. въ 1831.

мышленіе, въ третьихъ, соединяетъ обѣ противоположныя стороны въ одно цѣлое. Цѣлое, теперь происшедшее, можетъ быть само одностороннимъ цѣлымъ, что и побуждаетъ мысль по той же методѣ развиваться далѣе и далѣе, доколѣ не явится наконецъ цѣлое, соединяющее въ себѣ всѣ противоположности. Это чистое мышленіе, въ которомъ возникаютъ для насъ одинъ за другимъ всѣ предметы, все существующее, и есть, по Гегелю, дѣятельность самаго безусловнаго.

§ 511.

Первый зародышъ ученія Гегеля о предметахъ законодательства содержится въ его ***Разсужденіи о разныхъ способахъ обработыванія естественнаго права, какъ науки*** [797], и въ его ***Феноменологіи духа*** [798], гдѣ въ послѣдовательномъ порядкѣ развиваются всѣ явленія человѣческаго сознанія. ***Энциклопедія наукъ философскихъ*** [799] между другими философскими науками представляетъ намъ и главныя черты философіи права, на основаніи которыхъ въ особенномъ сочиненіи подъ названіемъ ***Философія права*** [800] начертано полное изображеніе этой науки. Къ послѣднему отдѣлу ея, имѣющему своимъ предметомъ развитіе идеи права во всемірной исторіи, присоединяются ***Уроки*** Гегеля, изданные послѣ его смерти, ***о философіи исторіи*** [801].

§ 512.

Раздѣляя всю философію на три части: логику, философію природы и философію духа, Гегель относитъ философію права къ послѣдней, которая состоитъ у него изъ трехъ отдѣловъ: философіи духа

[797] Ueber die wissenschaftlichen Behandlungsarten des Naturrechts, seine Stelle in der praktischen Philosophie und sein Verhältniss zu den positiven Rechtswissenschaften (zuerst erschienen im kritischen Journal der Philosophie B. II. St. 2 und 3. 1802, 1803).

[798] Phänomenologie des Geistes. Bamberg und Würzburg, 1807. in-8.

[799] Encyclopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse. Heidelberg, 1817. in-8; 2. stark vermehrte Aufl. 1827; 3. Aufl. 1830.

[800] Grundlinien der Philosophie des Rechts, oder Naturrecht und Staatswissenschaft im Grundrisse. Berlin, 1821. in-8. (2-е изданіе съ прибавленіями, сдѣланными на основаніи изустныхъ объясненій Гегеля на лекціяхъ, какъ 8-ой томъ полнаго собранія его сочиненій. Berlin, 1833.).

[801] *Hegel's* Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte, herausgegeben von Gans. Berlin, 1837. in-8. (какъ 9-ый томъ полнаго собранія сочиненій Гегеля).

субъективнаго, философіи духа объективнаго или права, и философіи духа абсолютнаго. Мысль, развивающаяся во всей своей чистотѣ, есть, во первыхъ, мысль, существующая сама въ себѣ: это есть предметъ логики. Чистая мысль, во вторыхъ, выступаетъ изъ своей чистой области и является внѣ себя, во внѣшности, раздробленною по различнымъ существамъ природы, по пространству и времени; въ такомъ видѣ разсматриваетъ ее философія природы. Изъ этого отчужденія мысль, въ третьихъ, возвращается въ самую себя и дѣлается мыслію, сознающею себя въ себѣ самой, духомъ; въ такомъ видѣ она разсматривается въ философіи духа. Духъ существуетъ сначала какъ духъ единичный, сознающій себя въ противоположности съ природою, какъ съ даннымъ ему извнѣ, не зависящимъ отъ него бытіемъ; сознавая, далѣе, свое внутреннее существо, духъ, какъ воля, образуетъ данное бытіе въ свой собственный міръ, въ которомъ субъективное дѣлается объективнымъ, не переставая быть въ то же время субъективнымъ; наконецъ духъ сознаетъ свое глубочайшее основаніе, на которомъ утверждено все его бытіе, свою безусловную субстанцію, которая дѣйствуетъ въ немъ и сознаетъ самую себя, такъ что конечное самосознаніе соединяется самымъ глубочайшимъ образомъ съ безконечнымъ. Отсюда три части философіи духа: философія духа субъективнаго, философія духа объективнаго, философія духа абсолютнаго.

§ 513.

Съ какой точки зрѣнія Гегель обработывалъ философію права, можно видѣть изъ его сужденія, которое онъ въ предисловіи къ своему главному объ ней сочиненію произноситъ о разныхъ покушеніяхъ, дѣланныхъ въ новѣйшія времена въ теоріи и практикѣ, чтобъ построить государство. «Взирая на сіи покушенія», говоритъ онъ, «надлежало бы подумать, будто доселѣ еще не было и нѣтъ государства въ мірѣ, будто теперь-лишь только надобно все начинать въ первый разъ, и будто нравственный міръ только и ждалъ такихъ изслѣдованій и построеній. Относительно природы всѣ соглашаются, что дѣло философіи есть только познать ее такъ, какъ она существуетъ, и что въ ней все устроено разумнымъ образомъ. Совершенно напротивъ думаютъ относительно государства. Но философія увѣрена, что разумное и существуетъ дѣйствительно, и дѣйствительное — разумно. Съ сей точки зрѣнія она разсматриваетъ какъ міръ физическій, такъ и міръ нравственный, и посреди временнаго и пре-

ходящаго стремится постигнуть вѣчное и непреходящее. Ея задачею есть понять существующее; ибо это существующее есть разумъ. Впрочемъ и безъ того каждый человѣкъ есть сынъ своего времени; почему философія извѣстнаго времени есть самое это время, обнятое мыслію. Думать, будто какая нибудь философія можетъ возвыситься надъ своимъ нястоящимъ міромъ, было бы такъ же нелѣпо, какъ и думать, будто кто нибудь можетъ опередить свое время. Что же касается намѣренія научить людей, каковъ долженъ быть міръ, философія для этой цѣли всегда является слишкомъ поздно. Какъ мысль міра, она появляется только тогда уже во времени, когда дѣйствительность кончила свой образовательный процессъ.

§ 514.

Философія духа объективнаго, или философія права имѣетъ своимъ предметомъ, по ученію Гегеля, идею права, т. е. понятіе права и осуществленіе сего понятія [802]. Право основаніемъ своимъ имѣетъ духовную сторону человѣка, и притомъ именно волю свободную; система права есть царство осуществившейся воли свободной, міръ духа, развитый имъ изъ себя самого, какъ вторая природа [803]. Свободная воля осуществляется постепенно въ трехъ слѣдующихъ видахъ: 1) прежде всего она существуетъ непосредственно во внѣшности, въ видѣ воли единичной—лица; — право абстрактное. 2) Она возвращается въ себя самую и существуетъ вся внутри себя самой, въ видѣ частной воли; — право субъективной воли въ противоположность внѣшнему міру и закону, — область морали. 3) Она представляетъ въ себѣ соединеніе той и другой стороны какъ воля всебщая (субстанціальная), которая столько же существуетъ твердымъ образомъ во внѣшности, сколько и въ волѣ субъективной; — область нравственности [804].

1. Право абстрактное.

§ 515.

Свободная воля въ абстрактномъ ея понятіи (прежде нежели вполнѣ будетъ развито все содержаніе, заключающееся въ простомъ понятіи воли свободной) есть воля непосредственная. Она относится

[802] Grundlinien der Philosophie des Rechts. § 1.
[803] Тамъ же § 4.
[804] Тамъ же § 33.

только къ себѣ одной, опредѣляетъ себя только изъ себя одной, и есть потому воля единичная. Какъ единичность, заключающаяся въ себѣ одной, она имѣетъ предъ собою внѣшній, непосредственно существующій міръ. Она сознаетъ себя въ этой своей чистой единичности и есть такимъ образомъ лице. Но лице, сознавая свое единичное, надъ всѣмъ возвышающееся, чистое *я*, не можетъ оставаться пустымъ, ничѣмъ ненаполненнымъ, неопредѣленнымъ. Оно опредѣляетъ себя и, будучи само абстрактнымъ, даетъ себѣ бытіе во внѣшнемъ, непосредственно существующемъ мірѣ. 1) Лице налагаетъ свою волю на внѣшнія вещи и чрезъ то дѣлаетъ ихъ своею *собственностію,* получая само вмѣстѣ съ симъ внѣшнее бытіе. 2) Посредствомъ вещи оно вступаетъ въ отношеніе къ другимъ лицамъ. Свободно сдѣлавши вещь своею собственностію, оно само освобождаетъ ее изъ-подъ своей власти, дабы въ то же время другое лице могло сдѣлать ее своею собственностію, такъ что вещь становится собственностію посредствомъ совокупной воли двухъ лицъ, соглясующихся между собою въ *договорѣ.* 3) Но согласіе двухъ лицъ какъ между собою, такъ и съ правомъ въ договорѣ совершенно случайно. Эта случайность обнаруживается въ *несправедливости:* а) *въ гражданской несправедливости*, когда въ случаѣ возникающаго спора каждая изъ двухъ сторонъ признаетъ всеобщія начала справедливости и только самовольно подводитъ подъ нихъ предметъ спора; б) въ *обманѣ,* когда нарушаютъ права, не признавая всеобщихъ началъ справедливости, сохраняя впрочемъ при томъ по крайней мѣрѣ видъ справедливости; в) въ *насиліи*, когда нарушая право не только не признаютъ всеобщихъ началъ справедливости, но и не сохраняютъ самаго вида справедливости. Какъ обнаруженіе воли, которое уничтожаетъ обнаруженіе воли, дѣяніе насильственное противорѣчитъ само себѣ и само въ себѣ ничтожно. Это его противорѣчіе, по коему оно разрушаетъ само себя въ своемъ понятіи, открывается дѣйствительнымъ образомъ въ уничтоженіи насилія посредствомъ насилія или принужденія. Право абстрактное есть право, соединенное съ властію принужденія: нарушеніе его есть насиліе, оказываемое волѣ свободной въ томъ ея видѣ, какъ она существуетъ во внѣшности; сохраненіе этого образа существованія воли свободной противъ насилія есть по тому также внѣшнее дѣяніе и насиліе, уничтожающее первое насиліе. Нарушеніе права такимъ образомъ уничтожается и право возстановляется въ прежней его силѣ. Но здѣсь въ сферѣ абстрактнаго права сіе уничтоженіе несправедливости и воз-

становленіе права совершается посредствомъ частнаго мщенія. По формѣ своей мщеніе есть дѣйствіе частной воли, справедливость которой вообще случайна и которая для другаго лица имѣетъ значеніе только воли собственной. Мщеніе дѣлается по этому само обидою, которая опять вызываетъ мщеніе съ другой стороны и такъ въ безконечность. Право перестаетъ теперь существовать во внѣшности; оно существуетъ только внутреннимъ образомъ, — единственно какъ предметъ хотѣнія воли. Воля хочетъ и знаетъ только себя самую, только свою силу — опредѣлять себя изъ себя самой [805].

2. Мораль.

§ 516.

Такая воля, которая достигла до сознанія своей силы — опредѣлять себя чисто изъ себя самой, которая хочетъ и знаетъ только себя самую, есть субъектъ и, — такъ какъ она ничего не хочетъ знать кромѣ себя, — воля особенная. Здѣсь необходимо представляются слѣдующія ступени: 1) *обдуманность*. Внѣшніе предметы существуютъ независимо отъ субъекта. Эта внѣшность можетъ извратить его дѣяніе и представить на видъ нѣчто совершенно противное тому, что непосредственно заключалось въ дѣяніи. Хотя всякая перемѣна, происшедшая отъ дѣйствія субъекта, есть его дѣло; однако онъ не признаетъ еще по тому всего этого дѣла своимъ дѣяніемъ, но единственно тѣ обстоятельства изъ цѣлаго дѣла признаетъ своими и вмѣняетъ себѣ, о которыхъ онъ зналъ и которыхъ хотѣлъ,— о которыхъ онъ думалъ. 2) *Намѣреніе и благо*. а) *Намѣреніе*. Дѣяніе въ своемъ эмпирическомъ содержаніи представляетъ различныя, особенныя стороны и отношенія; но сіи единичныя, внѣшнія обстоятельства образуютъ одно цѣлое, и для разумнаго существа дѣйствительно тотчасъ раскрывается изъ нихъ всеобщее качество, значеніе дѣянія (какъ напр. убійства, зажигательства). Субъекту, какъ разумному существу, принадлежитъ право — совершая дѣяніе, знать объ этомъ всеобщемъ его качествѣ и хотѣть именно этого всеобщаго качества, — дѣйствовать съ намѣреніемъ. б) *Благо*. Равнымъ образомъ субъектъ имѣетъ право на то, чтобъ особенное содержаніе дѣянія не было для него чуждымъ, постороннимъ, а имѣло отношеніе къ собственнымъ, особеннымъ его потребностямъ, интересамъ, цѣлямъ, доставляло ему удовлетвореніе и споспѣшествовало его бла-

[805] Тамъ же § 34—104.

гу. 3) *Добро и совѣсть.* Истина особеннаго блага есть добро всеобщее, безусловное. Особенная воля хочетъ добра всеобщаго, безусловнаго. Для субъективной воли добро есть нѣчто безусловно существенное, и она имѣетъ цѣну и достоинство только по мѣрѣ того, какъ она сообразуется съ идеею добра. Но субъективная воля еще не сдѣлалась сообразною съ сею идеею. Добро на первый разъ имѣетъ для воли значенiе только всеобщей абстрактной существенности, абстрактноположительнаго, — должности. Въ противоположность абстраткному добру субъективная воля знаетъ только сама себя, сама изъ себя опредѣляетъ, что надобно почитать добромъ, и для ней всеобщая воля — добро столько же существуетъ, сколько и не существуетъ: совѣсть. Это есть воля, хотящая творить добро. Но въ сей чистой субъективности добро не есть добро объективное, всеобщее, а нѣчто невыразимое въ словахъ, такое, о чемъ знаетъ только сей, взятый въ своей единичности, субъектъ. Между тѣмъ въ существѣ вещи это чистое сознанiе себя одного, это чистое самоопредѣленiе есть то же самое, что и всеобщность воли, составляющая добро. Субъективность въ такомъ ея тождествѣ съ добромъ есть только его безконечная форма, форма, въ которой оно осуществляется и развивается: нравственность [806].

3. Нравственность.

§ 517.

Въ нравственности представляется самое твердое соединенiе субъективнаго съ объективнымъ, внутренняго съ внѣшнимъ, особеннаго со всеобщимъ. Здѣсь содержанiе идеи добра вполнѣ развито, и твердымъ и точнымъ, для всякаго очевиднымъ образомъ опредѣлено, что долженъ человѣкъ дѣлать или не дѣлать; но сiи нравственные законы не остаются одними только требованiями, которыя только еще должны быть приведены въ исполненiе, но они представляются въ тоже время осуществленными на самомъ дѣлѣ, во внѣшности, и существуютъ здѣсь твердымъ образомъ; наконецъ они осуществляются посредствомъ воли субъективной и въ волѣ субъективной, которая находитъ въ нихъ свое собственное существо и свободно исполняетъ ихъ, какъ свои собственные законы. Полное, всецѣлое осуществленiе идея добра получаетъ въ качествѣ духа народнаго, являясь подъ

[806] Тамъ же § 105—141.

видомъ общихъ нравовъ, и раскрываясь: 1) въ семействѣ, 2) въ гражданскомъ обществѣ, 3) въ государствѣ [807].

§ 518.

Идея добра прежде всего осуществляется непосредственнымъ, естественнымъ образомъ, и существуетъ какъ чувство любви, — въ семействѣ. Отдѣльное лице здѣсь забываетъ свою личность, и чувствуетъ свое бытіе только въ единствѣ съ другимъ лицемъ, которое такимъ же образомъ перестаетъ быть для него лицемъ самостоятельнымъ. 1) Основаніе семейства есть союзъ супружескій. Два лица, разныя по своимъ умственнымъ и нравственнымъ качествамъ пола, существующія отъ самой природы, образуютъ въ чувствѣ сердечной любви одно нравственное цѣлое, отказываясь отъ своей физической единичности. 2) Для своего существованія сіе нравственное цѣлое имѣетъ нужду въ имуществѣ, которое чрезъ то самое получаетъ нравственное значеніе. 3) Сердечное единство супруговъ получаетъ внѣшнее, видимое бытіе въ дѣтяхъ. Родители любятъ ихъ, какъ любятъ самихъ себя, и давши имъ физическое бытіе посредствомъ физическаго рожденія, даютъ въ слѣдъ за тѣмъ и бытіе нравственное посредствомъ воспитанія. Но вмѣстѣ съ симъ союзъ семейственный приходитъ къ своему концу: дѣти, получивъ воспитаніе, дѣлаются лицами самостоятельными и способными основать новыя, собственныя семейства; родители, ранѣе или позже, умираютъ. На основаніи разрушившагося семейства образуется гражданское общество [808].

§ 519.

Члены разрушившагося семейства получаютъ самостоятельность и существуютъ какъ лица особенныя. Каждый изъ нихъ имѣетъ у себя въ виду свою собственную особенность и самостоятельность. Нравственное единство, безусловное добро потеряно изъ вида. Но въ то же время каждый необходимо находится въ отношеніи ко всѣмъ другимъ. Каждый не иначе можетъ достигнуть своихъ особенныхъ цѣлей, какъ при посредствѣ другихъ, и дѣйствуя для собственныхъ цѣлей, онъ необходимо дѣйствуетъ для цѣлей всѣхъ другихъ. Отсюда само собою образуется между ними система взаимной зависимости, связей общественныхъ. Идея добра, будучи непосредственно

[807] Тамъ же § 142—157.
[808] Тамъ же § 158—181.

потеряна изъ вида и изъ сознанія, существуетъ теперь подъ видомъ внѣшнихъ связей общественныхъ, соединяющихъ самостоятельныя лица внѣшнимъ и необходимымъ образомъ въ одно цѣлое. Это есть гражданское общество. Здѣсь образуется 1) *система удовлетворенія потребностей.* Каждое лице, будучи лицемъ особеннымъ, имѣетъ различныя потребности; у людей, живущихъ въ обществѣ, потребности разнообразятся до безконечности. а) Человѣкъ удовлетворяетъ свои потребности посредствомъ труда и мѣны своихъ произведеній на чужія. б) Съ умноженіемъ потребностей раждается раздѣленіе трудовъ и получаютъ обширнѣйшее употребленіе машины. в) Сообразно съ различными родами потребностей и трудовъ возникаютъ различныя сословія лицъ, именно: сословіе земледѣльческое, сословіе промышленное, сословіе всеобщее, имѣющее предметомъ своимъ удовлетвореніе всеобщимъ потребностямъ общества. 2) *Судъ.* Особенность, раскрывшаяся въ системѣ потребностей, превращается сама собою во всеобщность. Каждый изъ членовъ сей системы (каждый человѣкъ) есть то же, что и другой, — въ своей личности всѣ они тождественны. По сему ихъ отношенія другъ къ другу при взаимномъ удовлетвореніи своихъ потребностей опредѣляются всеобщимъ, для всѣхъ одинаковымъ образомъ, на основаніи понятія о личности. а) Поставляются законы, опредѣляющіе яснымъ и точнымъ образомъ, что всѣ должны признавать правомъ. б) Сіи законы обнародываются во всеобщую извѣстность. в) Въ случаѣ ихъ нарушенія они возстановляются въ прежнюю силу посредствомъ суда. 3) *Полиція* и *общества сословій.* Судъ на заботится объ особенномъ благѣ людей, предоставляя его на произволъ случая. Эту случайность уничтожаютъ: а) полиція, частію — предупреждая и пресѣкая преступленія, частію — установляя твердый порядокъ, въ какомъ могутъ и должны быть каждымъ человѣкомъ удовлетворяемы свои потребности, и предпринимая общія, нужныя для того мѣры; б) общества, какія образуютъ члены гражданскихъ сословій между собою. Въ своемъ сословіи, какъ общемъ средоточіи особенныхъ цѣлей и потребностей, каждый гражданинъ, какъ частный человѣкъ, находитъ обезпеченіе своего счастія, и оставляя свои особенные интересы, съ сознаніемъ дѣйствуетъ для цѣли сравнительно-всеобщей. Истина сихъ сравнительно-всеобщихъ цѣлей есть цѣль безусловно-всеобщая — государство. Гражданское общество переходитъ такимъ образомъ въ государство [809].

[809] Тамъ же § 182—256.

§ 520.

Государство есть идея добра, достигнувшая до сознанія себя самой. Оно соединяетъ въ себѣ какъ начало семейства, такъ и начало гражданскаго общества. Тоже нравственное единство, которое въ семействѣ является подъ видомъ чувства любви, составляетъ сущность и государства; но въ государствѣ это единство сознаетъ само себя и существуетъ, не вредя самостоятельности отдѣльныхъ лицъ. Государство 1) развивается внутри себя самаго и есть организмъ правительства; 2) будучи особеннымъ индивидуальнымъ цѣлымъ, оно находится въ отношеніи къ другимъ государствамъ, откуда происходитъ право народное; 3) каждое особенное государство осуществляетъ въ себѣ только одну какую нибудь часть всеобщей идеи, сообразно особеннымъ временнымъ и мѣстнымъ обстоятельствамъ, и такимъ образомъ является во всемірной исторіи. Цѣль всемірной исторіи есть раскрыть нравственную идею во всей ея полнотѣ и чистотѣ [810].

§ 521.

Главныя мысли Гегеля относительно развитія всемірной исторіи суть слѣдующія:

Духъ народный носитъ на себѣ печать опредѣленнаго климата и географическаго мѣстоположенія; равнымъ образомъ онъ находится во времени; почему, подъ руководствомъ своего особеннаго, физически опредѣленнаго, начала, онъ постепенно развиваетъ свое сознаніе и осуществляетъ себя: словомъ, онъ имѣетъ свою ***исторію***. Но, какъ духъ ограниченный, духъ извѣстнаго какого либо народа не пользуется совершенною самостоятельностію, а вступаетъ на поприщѣ всемірной исторіи, какъ на всемірномъ судѣ, въ борьбу съ другими духами.

Посредствомъ этого боренія и среди его мало по малу безусловная, высочайшая цѣль міра получаетъ свое исполненіе и нравственная субстанція освобождается отъ тѣхъ ограниченныхъ образовъ бытія, какіе она имѣетъ у разныхъ народовъ.

Эту верховную цѣль міра и нравственную субстанцію составляетъ истинная свобода духа — живое сознаніе человѣка о томъ, что природа не должна имѣть никакой надъ нимъ власти, что онъ долженъ дѣйствовать не по влеченію своихъ природныхъ страстей

[810] Тамъ же § 257—360.

и наклонностей, по своимъ частнымъ самолюбивымъ видамъ, но принадлежатъ высшему цѣлому, гдѣ все вещественное, физическое преображено, возсоздано по идеѣ разума, т. е. государству.

Цѣль свою — внутреннее существо свое духъ осуществляетъ самъ во всемірной исторіи, потому что онъ и есть только то, что онъ самъ производитъ; онъ самъ дѣлаетъ себя, и притомъ какъ духа, предметомъ сознанія, самъ разлагаетъ себя предъ собою и такимъ образомъ постигаетъ себя. Въ этой дѣятельности самопознанія состоитъ его бытіе и жизнь. Вполнѣ постигнувши настоящій образъ своего бытія, сдѣлавшись на сей конецъ самъ для себя внѣшнимъ, онъ въ то же время переступаетъ на высшую ступень; когда онъ постигаетъ себя въ новомъ видѣ своего бытія, или, что все равно, когда онъ изъ своего отчужденія возвращается въ себя самого, онъ стоитъ уже на высшей въ сравненіи съ прежнею ступени. Такимъ образомъ духъ достигаетъ до полнаго самосознанія; вмѣстѣ съ симъ онъ открываетъ свое истинное существо, даетъ ему дѣйствительное бытіе, и даже по внѣшности, на самомъ дѣлѣ, становится всеобщимъ, всемірнымъ духомъ.

Въ этой работѣ всемірнаго духа народы, государства и недѣлимыя лица являются каждое съ своимъ особеннымъ, опредѣленнымъ началомъ, которое раскрывается и осуществляется во всемъ устройствѣ ихъ быта, во всей ихъ жизни; дѣйствуя для своихъ особенныхъ цѣлей, они въ то же время служатъ безсознательными орудіями въ этой внутренней работѣ, гдѣ смѣняются одинъ другимъ сіи образы, между тѣмъ какъ духъ самосущій приготовляетъ и вырабатываетъ для себя переходъ на высшую ступень.

Какъ въ исторіи духъ является происходящимъ во времени, непосредственно и физически существующимъ, то ступени его развитія представляются въ видѣ непосредственныхъ физическихъ началъ; существуя во множествѣ, по тому самому сіи начала находятся одно внѣ другаго и слѣдовательно такъ, что одному какому либо народу принадлежитъ только одно изъ нихъ. Для своей эпохи этотъ народъ есть господствующій во всемірной исторіи. Въ сравненіи съ симъ безусловнымъ его правомъ, быть представителемъ настоящей ступени развитія всемірнаго духа, — духи другихъ народовъ не имѣютъ никакихъ правъ, и какъ духи, которыхъ эпохи минули, они уже ничего не значатъ во всемірной исторіи.

Въ началѣ своего бытія народъ не есть еще государство; съ переходомъ въ состояніе государственное онъ осуществляетъ идею

по крайней мѣрѣ по формѣ. Безъ сей формы, и слѣдовательно безъ законовъ, онъ, какъ нравственная субстанція, дѣйствительно еще не существуетъ, и потому не признается другими народами, живущими въ союзѣ государственномъ.

Идея имѣетъ безусловное право раскрывать себя въ законахъ, учрежденіяхъ, начиная бракомъ, земледѣліемъ въ какомъ бы видѣ на первый разъ ни представилось это ея осуществленіе, въ видѣ ли высшаго законодательства и благодѣянія, или въ видѣ насилія и несправедливости; это право есть право героевъ основывать государства.

Сообразно числу ступеней, которыя проходитъ духъ всемірный, чтобы познать себя въ истинномъ своемъ существѣ, и освободивши свое сознаніе отъ формы натуральной непосредственности, достигнуть до себя самого, существуетъ четыре всемірно-историческія державы.

1-е. Въ самомъ первомъ своемъ раскрытіи, какъ раскрытіи непосредственномъ, духъ всемірный представляется въ видѣ субстанціи, въ которую совершенно погружены особенныя существа, не имѣя предъ нею никакого права, будучи съ нею тождественны.

2-е. Обѣ стороны, всеобщее и особенное, различаются между собою, но пребывая въ единствѣ, гармоніи другъ съ другомъ: субстанціальный духъ служитъ положительнымъ содержаніемъ для недѣлимаго лица, которое въ первый разъ является здѣсь, съ своими правами, наполняетъ его; съ своей стороны недѣлимое лице представляетъ въ себѣ живую форму для этого содержанія.

3-е. Особенное отдѣляется отъ всеобщаго, выступаетъ противъ него, вызываетъ его на брань съ собою: индивидуальность углубляется въ себя самую, дѣлается абстрактною всеобщностію, и въ слѣдствіе того безконечною противоположностію міру, оставленному духомъ.

Но, 4-е, съ симъ самымъ для духа тотчасъ происходитъ поворотъ: духъ пораждаетъ самъ внутри себя свою истину, даетъ ей внѣшнее бытіе, устрояетъ такимъ образомъ міръ дѣйствительный по своей идеѣ, и находясь теперь здѣсь какъ бы на родной землѣ, примиряется съ нимъ.

Первому изъ сихъ началъ соотвѣтствуетъ Восточный міръ, второму — Греческій, третьему — Римскій, четвертому — Германскій.

Восточный міръ, какъ первый міръ, есть одно нераздѣльное,

совершенно погруженное въ свой предметъ, созерцаніе вселенной, созерцаніе, для котораго государственныя учрежденія и законодательство составляютъ вмѣстѣ религію, равно какъ религіозныя и нравственныя заповѣди суть вмѣстѣ законы государственные или законы права. Предъ великолѣпіемъ этого цѣлаго индивидуальная личность изчезаетъ со всѣми своими правами; внѣшняя природа разсматривается какъ самое Божество или какъ его украшеніе; исторія дѣйствительности есть поэзія. Разныя установленія, относящіяся къ нравамъ, управленію и устройству государственному, замѣняя законы, дѣлаются, при простыхъ нравахъ, тяжелыми, утомительными, суевѣрными обрядами, выраженіемъ личной силы и самопроизвольнаго владычества, и вмѣсто органическаго раздѣленія людей, живущихъ въ государствѣ, на состоянія, здѣсь существуетъ только отвердѣлость кастъ. Посему восточный міръ живъ только въ своемъ движеніи, которое, такъ какъ здѣсь нѣтъ ничего постояннаго, и что твердо, то окаменѣло, обращается на внѣшность, свирѣпствуя и все опустошая подобно необузданнымъ элементамъ; внутреннее спокойствіе есть совершенная слабость и безсиліе.

Греческій міръ имѣетъ своимъ основаніемъ субстанціальное единство конечнаго и безконечнаго, не только основаніемъ таинственнымъ, которое уединенно существуетъ въ темныхъ воспоминаніяхъ, въ пещерахъ и образахъ преданія и наконецъ, произшедши на свѣтъ, является въ кроткомъ и свѣтломъ видѣ красоты и свободной и ясной нравственности. Посему здѣсь восходитъ начало личной индивидуальности, которая однако еще не обратилась исключительно на себя самую, но удерживается въ своемъ идеальномъ единствѣ: отъ того съ одной стороны цѣлое распадается на множество особенныхъ духовъ народныхъ, съ другой — частію право рѣшать дѣла окончательно не принадлежитъ еще субъекту, а предоставлено высшему, внѣшнему могуществу (оракуламъ), частію дѣятельность для особенныхъ, частныхъ цѣлей, для удовлетворенія потребностей, еще не воспринята въ свободу, а будучи исключена изъ ней, предоставлена сословію рабовъ.

Въ *Римскомъ мірѣ* нравственная жизнь окончательно расторгается на свои крайности: личное самосознаніе и абстрактную всеобщность. Изъ противоположности между субстанціальнымъ созерцаніемъ аристократіи и свободною личностью демократіи развивается съ одной стороны суевѣріе и притязаніе холодной, любостяжательной власти, съ другой испорченность черни, такъ что разруше-

ніе цѣлаго оканчивается всеобщимъ несчастіемъ и смертію нравственной жизни, гдѣ индивидуальности народовъ измираютъ въ единствѣ Пантеона, всѣ люди низпадаютъ на степень частныхъ и равныхъ лицъ съ формальнымъ правомъ, которыхъ посему содержитъ въ связи только абстрактный, не знающій никакой для себя мѣры, произволъ.

Посреди этой потери самого себя и своего міра, посреди безконечной о томъ скорби, духъ, уединившись въ себя, обрѣтаетъ въ себѣ начало примиренія объективной истины съ самосознаніемъ и субъективностью, — примиреніе, которое предоставлено совершить *Германскимъ народомъ*.

§ 522.

Какъ философія Гегелева хотѣла соединить между собою всѣ противоположности, то и въ философіи права у Гегеля мы находимъ неразрывное соединеніе субъективнаго направленія съ объективнымъ. Нельзя сказать опредѣлительно, какое преобладаетъ въ ней изъ сихъ направленій. Въ этомъ заключается одно важное ея достоинство. Она уничтожаетъ также раздѣленіе, доселѣ господствовавшее, между правомъ и нравственностію, и оба эти вида дѣятельности соединяетъ въ одно цѣлое. Она уничтожаетъ наконецъ раздѣленіе между правомъ и политикою и въ организмѣ права представляетъ намъ разрѣшеніе всѣхъ важнѣйшихъ вопросовъ политики. Всѣ части великаго зданія права у Гегеля расположены съ удивительною стройностію, отдѣланы съ величайшимъ искуствомъ и даже изяществомъ; цѣлое отличается внутреннею твердостію. Но эта философія права находится слишкомъ много подъ вліяніемъ духа своего времени. Она слишкомъ мало приписываетъ важности духу другихъ временъ и вѣковъ. Въ этомъ заключается ея несовершенство.

Немногіе обработывали въ своихъ сочиненіяхъ философію права и различныя части ея по началамъ Гегеля [811], хотя школа его довольно обширна. Причина тому было преимущественно высокое мнѣніе учениковъ его о совершенствѣ философіи своего учителя. Теперь это мнѣніе мало по малу слабѣетъ, и философія готовится къ новому, дальнѣйшему развитію.

[811] Писатели, излагавшіе различные предметы философіи права по началамъ Гегеля, означены въ *Michelet's* Geschichte der letzten Systeme der Philosophie in Deutschland. 2. Th. Berlin, 1838. S. 665—671.

§ 523.

Подъ вліяніемъ той или другой изъ предложенныхъ нами философскихъ системъ права, образовавшихся въ новѣйшія времена, были обработываемы въ Германіи различные отдѣльные предметы и части права. Сюда относятся особенно изслѣдованія: о происхожденіи законовъ, объ устройствѣ и порядкѣ государственнаго управленія, о воспитаніи дѣтей, о преступленіяхъ и наказаніяхъ.

§ 524.

Новѣйшая философія права, основанная Кантомъ, представляется намъ въ послѣднихъ явленіяхъ ея съ направленіемъ объективнымъ. Установленія права она возвышаетъ надъ произволомъ человѣческимъ и видитъ въ нихъ самихъ основаніе для ихъ твердаго существованія; государство получаетъ для ней то самостоятельное достоинство и значеніе, какое оно имѣло у древнихъ. Но сначала выказывалось въ ней съ большою силою и направленіе субъективное — у Канта и также Фихте въ первыхъ его сочиненіяхъ. Потомъ она принимаетъ направленіе чисто объективное — у Фихте въ послѣдующихъ его сочиненіяхъ и особенно у Шеллинга, который въ своихъ понятіяхъ о государствѣ совершенно возвращается къ образу воззрѣнія древнихъ. Гегель покушается наконецъ примирить древній — объективный и новый — субъективный образъ воззрѣнія на предметы законодательства другъ съ другомъ.

Такой порядокъ развитія новѣйшей философіи права находится въ связи и соотвѣтствіи съ развитіемъ дѣйствительнаго міра въ новѣйшія времена. Первое появленіе ея относится къ временамъ Французской революціи. Но происшествія, сопровождавшія Французскую революцію, вскорѣ показали весь вредъ, какой проистекаетъ для частныхъ лицъ и государствъ, когда частное лице отдѣляетъ себя отъ государства и даже возвышается надъ нимъ, когда связь поколѣній разсторгается и настоящее мгновеніе, независимо отъ развитія прошедшаго времени, хочетъ господствовать единственно и исключительно. Въ слѣдствіе этого у новѣйшихъ народовъ развилось стремленіе, обратное революціи, стремленіе утвердить свое бытіе, физическое и нравственное, на чемъ нибудь неподвижномъ, независящемъ отъ частнаго произвола, отъ дуновенія времени. Отсюда — объективное направленіе и новѣйшей философіи. Многіе даже противъ разрушительнаго демона революціи искали для себя спасе-

нія, отвергая уроки философіи, въ одномъ прошедшемъ и отказываясь отъ всеобщаго права человѣчества усовершать себя, смотрѣли на все, что образовалось путемъ исторіи, какъ на святое и неприкосновенное, такъ что не имѣть никакой философіи права почитали даже особенною своею философіею. Во всякомъ случаѣ такимъ образомъ мало по малу начало возстановляться уваженіе къ дѣйствительному міру, къ міру, какъ онъ образовался подъ вліяніемъ Христіанства.

§ 525.

Мѣстомъ развитія новѣйшей философіи была исключительно Германія. Отсюда она распространилась, болѣе или менѣе, въ томъ или другомъ видѣ и въ прочія страны Европы.

Изслѣдованія о разныхъ предметахъ права, и преимущественно политики, внѣ Германіи мы находимъ въ большомъ количествѣ особенно у Французовъ. Писатели Французскіе представляютъ по своимъ мнѣніямъ самую пеструю картину. Одна часть ихъ остается съ своими понятіями еще совершенно въ періодѣ революціи; другая хочетъ твердыхъ общественныхъ установленій, владычества свободы законной; третья въ духѣ католицизма стремится подчинить государство власти церковной. Странную смѣсь всѣхъ понятій мы видимъ въ Сен-симонизмѣ. Хотя во всѣхъ этихъ изслѣдованіяхъ выражается стремленіе обнять мыслію міръ права; однако же мы не можемъ дать имъ мѣста въ нашей исторіи философіи законодательства, частію потому, что они рѣдко восходятъ до высшихъ и послѣднихъ началъ права, частію потому, что они представляютъ намъ только новую игру тѣхъ самыхъ понятій, которыя уже прежде нашли приличное для себя мѣсто въ нашей исторіи, сообразно самому времени ихъ первоначальнаго появленія [812].

[812] О состояніи философіи права во Франціи, см. въ Kritische Zeitschrift für Rechtswissenschaft und Gesetzgebung des Auslandes von Mittermaier und Zachariæ статьи Варнкёнига подъ заглавіемъ: Rechtsphilosophie in Frankreich. Bd. I (1829). S. 271—296; 434—456; Bd. II (1830). S. 143—165; Bd. IV (1831). S. 78—102; Bd. V (1833). S. 1–28; Bd. VI (1834). S. 60—79; 339 352; 492—504; Bd. VII (1835) 198—228. — Ср. также соч. Раумера, поименованное нами выше въ § 182.

ОБЩІЙ ВЗГЛЯДЪ НА ИСТОРІЮ ФИЛОСОФІИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.

§ 526.

Обозрѣвши исторію философіи законодательства у древнихъ и новыхъ народовъ, мы почитаемъ своимъ долгомъ указать на ту степень, на которой, по нашему мнѣнію, философія законодательства находится въ настоящее время и которой она должна еще достигнуть.

Чѣмъ должна быть философія законодательства? Какую задачу она должна выполнить? Обыкновенно, она занималась изложеніемъ правъ и обязанностей человѣка, вытекающихъ изъ его чисто человѣческой природы, и посему старалась изобразить только совершеннѣйшій, какой возможенъ, для людей порядокъ жизни общественной, совсѣмъ не обращая, или обращая очень мало вниманія, на несовершенные виды жизни общественной. Но такимъ образомъ явленія сего послѣдняго рода оставались непонятыми, необъясненными для разума, а съ тѣмъ вмѣстѣ не могло быть понято и существо совершеннаго устройства порядка общественнаго. Если философія законодательства должна со всею справедливостію носить свое имя, то мы имѣемъ полное право отъ ней требовать, чтобъ она дала намъ правила, изъ которыхъ бы можно было объяснить каждое явленіе въ области законодательства и по которымъ бы мы могли даже предначертить всѣ возможные виды законодательствъ. Для сего философія законодательства должна, по нашему мнѣнію, заняться слѣдующими предметами: 1) опредѣлить составныя начала, изъ которыхъ слагается всякое законодательство; 2) означить различные возможные способы, какими могутъ быть сложены между собою сіи составныя начала для образованія изъ нихъ одного цѣлаго законодательства, болѣе или менѣе полнаго и совершеннаго; 3) изложить совершеннѣйшій способъ соединенія между собою разныхъ началъ, изобразивши совершеннѣйшее цѣлое, какое можетъ быть изъ нихъ составлено; наконецъ 4) описать порядокъ постепеннаго образованія законодательствъ и измѣненія ихъ какъ съ худшаго на лучшее, такъ и съ лучшаго на худшее. Такъ философія животнаго организма не представляетъ намъ только совершеннѣйшій животный организмъ— человѣка; она опредѣляетъ также составныя части, изъ коихъ слагается весь вообще организмъ животнаго, она показываетъ, какія возможны сочетанія этихъ частей, чтобы отсюда опредѣлить различ-

ные роды и виды животныхъ, и даже самыя уродливости, возможныя въ этомъ царствѣ, — она слѣдитъ за теченіемъ жизни каждаго организма, начиная съ самаго перваго его зародыша, до его совершеннаго разрушенія, за перехожденіемъ одной формы органической въ другую. То же въ своемъ кругѣ дѣлаетъ философія жизни растительной. То же должна сдѣлать философія законодательства для законодательства.

Что же сдѣлано доселѣ философіею законодательства? Изъ двухъ вообще началъ слагается законодательство: начала необходимаго и начала свободнаго, или, другими словами, начала объективнаго и начала субъективнаго. Начало необходимое или объективное было преимущественно развиваемо древнею философіею, сколько оно могло быть развито въ отдѣльности отъ начала свободнаго или субъективнаго. Такъ въ знаменитѣйшихъ древнихъ философскихъ системахъ Платона и Аристотеля за основаніе всѣхъ нравственныхъ изслѣдованій принимается значеніе человѣка въ ряду существъ физическихъ, неизмѣнно опредѣляемое его особенною природою, — дѣло, особенно ему предназначенное; онъ является подъ закономъ многоразличной необходимости. Напротивъ начало свободное или субъективное во всей его глубинѣ, во всѣхъ его направленіяхъ, въ самыхъ разнообразныхъ видахъ раскрыто новою философіею. Въ новѣйшія времена сдѣланы были покушенія опредѣлить отношеніе обоихъ началъ между собою. Но оно еще не опредѣлено съ надлежащею правильностію и точностію. Равнымъ образомъ не изслѣдованы возможные способы соединенія другъ съ другомъ обоихъ началъ. Законы образованія и измѣненія обществъ были излагаемы въ сочиненіяхъ, относящихся къ философіи исторіи; но изслѣдованія, сюда относящіяся, не доведены еще до той полноты и достовѣрности, какой они способны достигнуть.

Чтобъ пополнить недостающее и достигнуть возможной степени совершенства, философія должна вступить въ тѣсный союзъ съ исторіею. Исторія представляетъ намъ такое множество законодательствъ, въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, такое множество формъ жизни общественной, такое множество нравственныхъ явленій, что философіи остается только этотъ грубой матеріалъ очищать отъ разнородной примѣси, и отдѣляя необходимое отъ случайнаго, общее отъ частнаго, принимать всеобщее и необходимое въ свою систему.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

Bayerische Staatsbibliothek München
КРАСНОЯРСКАЯ КРАЕВАЯ БИБЛІОТЕКА №

2-90 tlp.

25p

Bayerische StaatsBibliothek
Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Nevolin, Konstantin A.

Polnoe sobranie sočinenij K. A. Nevolina

Bd.: 1

Sanktpeterburg 1857

Opp. 666 d-1
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10605953-8